тія
. и Сл.
10
12
I

ИЗВѢСТІЯ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ

Пров. 50

1910 г.

14802

ТОМА XV-го КНИЖКА 4-я.

кн. 4

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1910.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
И. И. Глазунова и К. Л. Риккера въ Санктпетербургѣ; Н. П. Карбасникова въ Санктпетербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; Н. Я. Оглоблина въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; Н. Киммеля въ Ригѣ; у Фоссъ (Г. В. Зоргенфрей) въ Лейпцигѣ; Люзакъ и Комп. въ Лондонѣ, а также въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ.

Цѣна этой книжки один*ъ рубль пятьдесятъ копеекъ.*

Содержаніе IV-й книжки.

СТРАН.

I. **Анна Круазэ ван-дер-Копъ.** — Къ вопросу о голландскихъ терминахъ по морскому дѣлу въ русскомъ языкѣ. (По поводу труда г. Р. ван-дер-Мэленъ: «Голландскіе морскіе и судовые термины въ русскомъ языкѣ») .... 1— 72

II. **К. Ѳ. Радченко.** — Этюды по богомильству. Народныя космогоническія легенды славянъ въ ихъ отношеніи къ богомильству. Введеніе. I—II .... 73—131

I. Содержаніе и анализъ нѣкоторыхъ, преимущественно малорусскихъ, космогоническихъ легендъ изъ числа изданныхъ за послѣднее время, по отношенію къ космогоническимъ представленіямъ богомиловъ и катаровъ (с. 74). II. Отношеніе миѳологіи разсматриваемыхъ въ первой главѣ народныхъ космогоническихъ легендъ къ миѳологіи богомиловъ (с. 109).

III. **Е. Ѳ. Будде.** — Ученіе Вундта и Пауля о предложеніи, какъ основа ученія о синтаксисѣ. Введеніе .... 132—150

IV. **В. Н. Перетцъ.** — Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра. XV—XVII .... 151—190

V. **А. В. Марковъ.** — Отчетъ о поѣздкѣ А. В. Маркова въ губерніи Пермскую и Архангельскую лѣтомъ 1909 г. .... 191—199

VI. **Б. Л. Модзалевскій.** — Альбомъ Юрія Никитича Бартенева .... 200—221

VII. **Г. А. Ильинскій.** — Памяти профессора М. Г. Халанскаго .... 222—228

VIII. **С. И. Масловъ.** — Отрывокъ Христинопольскаго Апостола, принадлежащій библіотекѣ Университета св. Владиміра .... 229—269

IX. **А. М. Рогозинскій.** — «Кройника» Ѳеодосія Сафоновича и ея отношеніе къ «Кіевскому Сѵнопсису» Иннокентія Гизеля .... 270—286

X. **Н. М. Петровскій.** — Новый списокъ путешествія Ѳ. А. Котова .... 287—299

XI. **Библіографія:**

1) **С. В. Соловьевъ.** — И. И. Замотинъ. Романтическій идеализмъ въ русскомъ обществѣ и литературѣ 20—30 годовъ XIX столѣтія. С.-Петербургъ. 1908. VI+430 .... 300—317

2) **Г. З. Кунцевичъ.** — О Стоглавѣ. Его происхожденіе, редакціи и составъ. Къ исторіи памятниковъ древне-

[Продолженіе см. на 3-ѣей страницѣ обложки].

ИЗВѢСТІЯ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ

Т. XV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1911.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1911 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

ОБЩЕЕ СОДЕРЖАНІЕ

XV тома (1910 г.) Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СТРАН.

I. **А. И. Яцимирскій.** — Къ исторіи апокрифовъ и легендъ въ южно-славянской письменности. IX—XI. .... 1— 62

IX. Сказанія объ эвхаристическомъ чудѣ (с. 1). X. Апокрифическіе вопросы съ отвѣтами (с. 25). XI. Каноническія статьи апокрифическаго характера (с. 39).

II. **Е. А. Бобровъ.** — Изъ исторіи русской литературы XVIII и XIX столѣтій. *(Продолженіе).* XXVI—XXX. .... 63—104

XXVI. Два вопроса изъ творчества Н. В. Гоголя (с. 63). XXVII. Отзывъ Н. М. Языкова о Д. В. Веневитиновѣ (с. 83). XXVIII. Изъ біографіи И. А. Худякова (с. 89). XXIX. Д. В. Веневитиновъ, какъ переводчикъ (с. 91). XXX. Сатира на пьянство въ XVIII вѣкѣ (с. 99). Ода Бахусу I—IX (с. 101).

III. **Н. И. Коробка.** — Образъ птицы, творящей міръ, въ русской народной поэзіи и письменности. (Продолженіе). I. Сказаніе о Тиверіадскомъ морѣ и колядки о двухъ голубяхъ, творящихъ міръ. *б) Колядки о голубяхъ, творящихъ міръ.* II. Образъ птицы, творящей міръ, въ колядкѣ о построеніи церкви. ..... 105—147

IV. **Н. В. Трубицынъ.** — Идеализмъ — строй души Гоголя. (Опытъ). .... 148—183

V. **А. В. Марковъ.** — Данныя по говору Стародубскаго уѣзда, Черниговской губерніи. .... 184—198

VI. **А. А. Веселовскій.** — Капнистъ и Горацій. (Эпизодъ изъ знакомства съ классической литературой въ концѣ XVIII, нач. XIX в.). .... 199—232

VII. **Л. В. Щерба.** — Критическія замѣтки по поводу книги д-ра Фринты о чешскомъ произношеніи. (Novočeská výslovnost. Pokus o soustavnou fonetiku jazyka českého. Napsal Dr. Ant. Frinta. V Praze. 1909 = Rozpravy České Akademie Císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění. Třída III. Číslo 29). .... 233—251

СТРАН.

VIII. **Г. З. Кунцевичъ.** — Подлинный списокъ о новыхъ чудотворцахъ къ Θеодосію, архіепископу Новограда и Пскова.......... 252—257

IX. **А. И. Некрасовъ.** — Нѣсколько словъ о лицевыхъ спискахъ житія преп. Евфросиніи Суздальской.......... 258—269

X. **Н. М. Баженовъ.** — Григорій Θедоровичъ Квитка-Основьяненко. (Библіографическій указатель). Содержаніе. Приложенія.......... 270—322

XI. **В. И. Чернышевъ.** — Можно-ли приписать Петру Великому сочиненіе пѣсни: «Какъ на матушкѣ на Невѣ рѣкѣ»?.......... 323—324

XII. **Библіографія:**

К. Θ. Тіандеръ. — Н. И. Вертоградскій. Нарвскій тріумфальный щитъ. Спб. 1908 г. 40 стр.......... 325—328

XIII. **Приложеніе:**

В. Н. Бенешевичъ. — Указатель именъ авторовъ къ «Обзору трудовъ по славяновѣдѣнію» за 1908/9 годы.. I—XXI

Объявленіе отъ Императорской Академіи Наукъ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

I. **Б. М.** и **Ю. М. Соколовы.** — Остатки былинъ и историческихъ пѣсенъ въ Новгородской губерніи.......... 1— 40

II. **А. И. Соболевскій.** — Изъ церковно-славянской учительной литературы. I—III.......... 41— 61

III. **П. Н. Сакулинъ.** — Лермонтовъ—«Маёшка».......... 62— 72

IV. **А. И. Томсонъ.** — Поправки и разъясненія къ статьѣ Н. П. Некрасова.......... 73— 82

V. **Н. П. Кашинъ.** — Къ исторіи текста произведеній А. Н. Островскаго. IV. Бѣдная невѣста. (Комедія въ пяти дѣйствіяхъ). I—VI.......... 83—166

VI. **М. Н. Сперанскій.** — И. В. Ягичъ — историкъ славянской филологіи. (По поводу выхода Энциклопедіи славянской филологіи. Вып. 1, Спб. 1910; VIII+961).......... 167—179

VII. **Н. Н. Соколовъ.** — Литовскія рукописи еп. Барановскаго. I—III.......... 180—188

VIII. **П. И. Поповичъ.** — О методахъ въ изученіи Дубровницкой литературы.......... 189—197

IX. **Н. Эндзелинъ.** — О судьбѣ носовыхъ звуковъ въ латышскомъ языкѣ.......... 198—221

X. **В. М. Истринъ.** — Къ изданію такъ называемаго болгарскаго перевода хроники Георгія Амартола.......... 222—240

СТРАН.

XI. **Библіографія:**

1) **Н. М. Петровскій.** — Вукова преписка. Књига трећа. (Државно издање). Београд. 1909. 8°. XXVI+1 нен.+802 стр. Цена 10 динара. . . . . 241—247

2) **С. Н. Браиловскій.** — Д. С. Мережковскій. Лермонтовъ поэтъ сверхчеловѣчества. Изд. Пантеонъ. Спб. 1909 г. Стр. 88. Ц. 50 к. . . . . 247—253

3) **А. Г. Фоминъ.** — Дополненія и поправки къ 2-му тому «Источниковъ словаря русскихъ писателей» С. А. Венгерова. . . . . 253—256

XII. **Приложеніе:**

1) **В. Н. Бенешевичъ.** — Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію, составляемое В. Н. Бенешевичемъ, Вс. И. Срезневскимъ, М. Р. Фасмеромъ и А. А. Шахматовымъ подъ редакціей В. Н. Бенешевича. 1910 г. Выпускъ I (до 1 іюня 1910 г.). . . . . 257—328

Объявленіе отъ Императорской Академіи Наукъ.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

I. **Д. В. Айналовъ.** — Очерки и замѣтки по исторіи древнерусскаго искусства. IV. Миніатюры «Сказанія» о свв. Борисѣ и Глѣбѣ Сильвестровскаго сборника. (Продолженіе слѣдуетъ). . . . . 1—128

II. **Н. В. Степановъ.** — Замѣтка о хронологической статьѣ Кирика (XII вѣкъ). . . . . 129—150

III. **Н. В. Шляковъ.** — Служба преподобному отцу нашему Кириллу, учителю словенскому. (Неизданныя стихиры св. преп. Кириллу, первоучителю словенскому). . . . . 151—187

IV. **Л. Л. Васильевъ.** — Нѣсколько данныхъ для опредѣленія звукового качества буквы *ѣ* сравнительно съ буквою *е* въ памятникахъ XVII вѣка, употребляющихъ эти буквы въ слогѣ подъ удареніемъ по древнему, при замѣнѣ въ слогѣ безъ ударенія буквы *ѣ* буквою *е*. . . . . 188—219

V. **Н. К. Пиксановъ.** — Памяти Александра Николаевича Пыпина. (По поводу книги: А. Н. Пыпинъ. Мои замѣтки. Съ приложеніемъ статей: «Два мѣсяца въ Прагѣ» и «Вячеславъ Ганка». Подъ редакціей В. А. Ляцкой. Съ портретомъ и факсимиле А. Н. Пыпина. Москва. 1910. IV+312 стр.). . . . 220—228

VI. **П. А. Заболотскій.** — Къ вопросу о русской струѣ въ литературѣ сербскаго возрожденія. (Отвѣтъ на рецензію проф. В. Н. Перетца). . . . . 229—269

СТРАН.

VII. **Б. В. Варнеке.** — Комедія М. И. Веревкина «Точь въ Точь». (Опытъ коментарія) .... 270—288

VIII. **Н. А. Мурзановъ.** — Къ біографіи В. А. Жуковскаго .... 289—294

IX. **А. И. Станкевичъ.** — Нѣсколько варіантовъ къ стихотвореніямъ Кольцова .... 295—296

X. **Библіографія:**

1) **Н. М. Петровскій.** — Serbica. III. Къ біографіи Христофора Жефаровича .... 297—313

2) **П. А. Ровинскій.** — Сборникъ въ честь семидесятилѣтія Григорія Николаевича Потанина съ портретомъ, 7 отдѣльными таблицами, 5 рисунками въ текстѣ, нотами и картой. Спб. 1909 г. in 8°, VIII+668. (Изд. И. Р. Геогр. Общ.). Редактировалъ д. чл. А. Д. Рудневъ .... 314—333

3) **С. А. Бугославскій.** — Н. Серебрянскій. Замѣтки и тексты изъ псковскихъ памятниковъ. I—V т. М. 1910 .... 333—336

XI. **Приложеніе:**

1) **В. Н. Бенешевичъ.** — Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію, составляемое В. Н. Бенешевичемъ, Вс. И. Срезневскимъ, М. Р. Фасмеромъ и А. А. Шахматовымъ подъ редакціей В. Н. Бенешевича. 1910 г. Выпускъ II (до 1 сентября) .... 337—432

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

I. **Анна Круазэ ван-дер-Копъ.** — Къ вопросу о голландскихъ терминахъ по морскому дѣлу въ русскомъ языкѣ. (По поводу труда г. Р. ван-дер-Мѣленъ: «Голландскіе морскіе и судовые термины въ русскомъ языкѣ») .... 1— 72

II. **К. Ѳ. Радченко.** — Этюды по богомильству. Народныя космогоническія легенды славянъ въ ихъ отношеніи къ богомильству. Введеніе. I—II .... 73—131

I. Содержаніе и анализъ нѣкоторыхъ, преимущественно малорусскихъ, космогоническихъ легендъ изъ числа изданныхъ за послѣднее время, по отношенію къ космогоническимъ представленіямъ богомиловъ и катаровъ (с. 74). II. Отношеніе миѳологіи разсматриваемыхъ въ первой главѣ народныхъ космогоническихъ легендъ къ миѳологіи богомиловъ (с. 109).

III. **Е. Ѳ. Будде.** — Ученіе Вундта и Пауля о предложеніи, какъ основа ученія о синтаксисѣ. Введеніе .... 132—150

IV. **В. Н. Перетцъ.** — Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра. XV—XVII .... 151—190

СТРАН.

V. **А. В. Марковъ.** — Отчетъ о поѣздкѣ А. В. Маркова въ губерніи Пермскую и Архангельскую лѣтомъ 1909 г. . 191—199

VI. **Б. Л. Модзалевскій.** — Альбомъ Юрія Никитича Бартенева. 200—221

VII. **Г. А. Ильинскій.** — Памяти профессора М. Г. Халанскаго. . 222—228

VIII. **С. И. Масловъ.** — Отрывокъ Христинопольскаго Апостола, принадлежащій библіотекѣ Университета св. Владимира. . . . . 229—269

IX. **А. М. Рогозинскій.** — «Кройника» Ѳеодосія Сафоновича и ея отношеніе къ «Кіевскому Сѵнопсису» Иннокентія Гизеля. . . . . 270—286

X. **Н. М. Петровскій.** — Новый списокъ путешествія Ѳ. А. Котова. . . . . 287—299

XI. **Библіографія:**

1) **С. В. Соловьевъ.** — И. И. Замотинъ. Романтическій идеализмъ въ русскомъ обществѣ и литературѣ 20—30 годовъ XIX столѣтія. С.-Петербургъ. 1908. VI+430. . . . . 300—317

2) **Г. З. Кунцевичъ.** — О Стоглавѣ. Его происхожденіе, редакціи и составъ. Къ исторіи памятниковъ древнерусскаго церковнаго права. Изслѣдованіе Священника Димитрія Стефановича. Спб. 1909. Стр. II+320. Цѣна 2 руб. . . . . 317—340

XII. **Приложеніе:**

В. Н. Бенешевичъ. — Указатель именъ авторовъ къ «Обзору трудовъ по славяновѣдѣнію» за 1910 годъ. . . I—XXVI

30

Къ вопросу о голландскихъ терминахъ по морскому дѣлу въ русскомъ языкѣ.

(По поводу труда г. Р. ван-дер-Мэленъ: «Голландскіе морскіе и судовые термины въ русскомъ языкѣ») [1].

Трудъ голландскаго ученаго Р. ван-дер-Мэленъ о голландскихъ морскихъ и судовыхъ терминахъ въ русскомъ языкѣ мы привѣтствуемъ съ радостью, такъ какъ онъ прежде всего служитъ показателемъ того, что интересъ къ изученію русскаго языка въ Голландіи все возростаетъ, а далѣе потому, что онъ касается предмета, о которомъ въ Россіи до сихъ поръ еще не существуетъ спеціальныхъ изслѣдованій. Это послѣднее обстоятельство тѣмъ болѣе удивительно, что молодой русскій, желающій посвятить себя морской службѣ, долженъ выучить цѣлый томъ словъ, ему совсѣмъ неизвѣстныхъ, не стоящихъ ни въ какой связи съ понятіями, которыя онъ уже имѣетъ, и долженствующихъ поэтому быть зазубриваемыми механически наизусть. Хотя въ славянскихъ языкахъ вообще, а въ частности русскомъ во всѣ времена существовали и существуютъ свои туземныя, свойственныя только этимъ языкамъ судовыя слова, но термины и выраженія, употребляемые на парусныхъ судахъ, почти всѣ безъ исключенія иностраннаго происхожденія. Этимъ, по всей вѣроятности, и объясняется то, что языкъ народа такъ бѣденъ судовыми словами и

1) R. van der Meulen: *«De Hollandsche Zee-en Scheepstermen in het Russisch»*. Verhandelingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen te Amsterdam, afdeeling letterkunde, nieuwe reeks, deel X, № 2, Amsterdam 1909, 8°, 281 blz.

выраженіями. Въ рѣчи голландскаго моряка, даже самаго высокопоставленнаго, послѣ каждаго пятаго слова попадается выраженіе, взятое изъ морской жизни, придающее всей рѣчи его своеобразный, отличительный характеръ; да кромѣ того и разговорная голландская рѣчь усвоила себѣ многочисленныя судовыя слова и выраженія. Русскій же морякъ при выборѣ словъ, необходимыхъ для составленія своей рѣчи, ничѣмъ и нисколько не отличается отъ человѣка, никогда не бывшаго на кораблѣ.

Такимъ образомъ въ русскомъ языкѣ морскіе и судовые термины занимаютъ особое положеніе и составляютъ ясно различимый, нанесенный извнѣ слой чужеземщины. Поэтому благодарна и, повидимому, не очень трудна задача отыскать, каково именно происхожденіе этихъ словъ; но, какъ сказано, въ Россіи до сихъ поръ никто еще не удосужился взяться за это дѣло.

Нынѣ выступаетъ по части этихъ словъ, заимствованныхъ изъ голландскаго языка, съ объемистымъ трудомъ Голландецъ, и трудъ его можетъ a priori разсчитывать, что встрѣтитъ благосклонный пріемъ.

Какъ понялъ авторъ свою задачу? Изъ какого матеріала создалъ онъ свою работу? Удалось ли ему доказать, что длинный рядъ русскихъ словъ, приводимыхъ имъ въ концѣ книги, какъ взятыхъ изъ голландскаго языка, дѣйствительно перенятъ изъ этого языка?

Цѣль, какую поставилъ себѣ авторъ, была дать самое полное, насколько возможно, собраніе заимствованныхъ изъ голландскаго языка русскихъ морскихъ и судовыхъ словъ, встрѣчающихся въ современныхъ словаряхъ.

Изъ этихъ новыхъ, наиболѣе употребительныхъ словарей имѣлись въ виду авторомъ для русской части работы главнымъ образомъ «Объяснительный Морской Словарь» В. Вахтина, 2-е изданіе, С.-Петербургъ 1894 г.; далѣе A. Jal: «Glossaire Nautique. Répertoire polyglotte de termes de marine anciens et modernes», Paris 1848.; В. Даль: «Толковый словарь живого великорусскаго языка», для буквъ *А — Р* третье изданіе подъ редакціей И. Бодуэнъ-де-Куртенэ, для буквъ *С — Я* первое изданіе 1865 года; «Словарь русскаго языка», составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ, 1891 — 1908 гг., для буквъ *А—З*, и наконецъ «Словарь областнаго Архангельскаго нарѣчія» А. Подвысоцкаго, С.-Петербургъ 1885 г.

Сверхъ того авторъ сообщаетъ, хотя это и не входило въ планъ его работы, о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ источникахъ для изученія голландскихъ морскихъ и судовыхъ словъ въ русскомъ языкѣ при Петрѣ Великомъ. Такъ мы узнаемъ, что авторъ познакомился во время своего кратковременнаго пребыванія въ С.-Петербургѣ съ небольшой (22 страницы) рукописью здѣшней Императорской Академіи Наукъ: «Лексиконъ вокабуламъ новымъ по алфавиту», съ собственноручными поправками Петра Великаго на первыхъ страницахъ [1]); далѣе съ напечатанной въ 1709 году въ Москвѣ, переведенной съ голландскаго книгой К. Альярда (Allard): «Новое галанское карабельное строеніе» и съ книгой «Уставъ Морской» въ трехъ изданіяхъ 1720 года; кромѣ того онъ пользовался цѣннымъ трудомъ П. Пекарскаго: «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ», С.-Петербургъ 1862 г.

Для голландской части книги использованы какъ болѣе старые, такъ и новые словари по море- и судоходству, напр. W. A. Winschooten (В. А. Винсхотена), Лейденъ 1681 г.; A. C. Twent (А. К. Твента), Гаага и Амстердамъ 1833 г.; J. C. Pilaar (И. К. Пилара), въ обработкѣ G. P. I. Mossel'я (Г. П. И. Мосселя), Амстердамъ 1858 г.; B. I. Tideman (Б. И. Тидеманна), Влиссингенъ 1861 г. и J. van Lennep (Я. ванъ Леннепа), Амстердамъ 1856 г., съ отзывомъ объ этой книгѣ T. Pan'а (Т. Пана). Рядомъ съ симъ авторъ пользовался еще N. Witsen (Н. Витсена): «Aeloude en Hedendaegsche Scheepsbouw en Bestier» (Древнее и современное судостроеніе и судоуправленіе), Амстердамъ 1671 г., и Словаремъ нидерландскаго языка M. de Vries, L. A. Te Winkel e. a. (М. де Вриса, Л. А. Те Винкеля и др.) и раза два дневниками адмираловъ XVII-го столѣтія Van Wassenaer Obdam (Ван-Вассенаръ Обдама) и De Ruyter (Де Рейтера).

Черпая изъ этого матеріала, авторъ составилъ свой трудъ и дер-

---

1) Рукопись эта, форматомъ въ листъ, хранится подъ знакомъ № 32. 6. 14; она написана на голландской бумагѣ [водяные знаки изображаютъ гербъ города Амстердама] полууставомъ и не «хорошо нарисованными печатными буквами», какъ говоритъ авторъ въ стр. 8 своей книги. «Лексиконъ вокабуламъ новымъ» нынѣ изданъ Н. А. Смирновымъ какъ приложеніе къ его труду «Западное вліяніе на русскій языкъ въ петровскую эпоху», Спб. 1910.

жится при этомъ такого расположенія, что сперва приводитъ въ алфавитномъ порядкѣ голландскія слова, объясняя ихъ при помощи названныхъ словарей, давая иногда, гдѣ нужно, поясненія относительно значенія, которое эти слова имѣли въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, и приводя въ большинствѣ случаевъ французское значеніе этихъ словъ. Затѣмъ слѣдуетъ соотвѣтствующее, по его мнѣнію, русское слово, съ указаніемъ въ какомъ словарѣ оно встрѣчается, если оно не общеупотребительно, и съ отмѣткой, если возможно, устарѣло ли оно или вышло вовсе изъ употребленія, какъ дѣлаетъ и Вахтинъ во второмъ изданіи своего словаря. Русскія слова приводятся въ латинской транскрипціи; въ предисловіи поэтому даны нѣкоторыя поясненія для людей, незнакомыхъ съ русскимъ языкомъ, о томъ, какъ произносить тѣ или другіе слоги и слова. Для этой же цѣли введено и обозначеніе ударенія, какъ авторъ это нашелъ въ словаряхъ, служившихъ ему базисомъ для работы, за исключеніемъ Jal'я, который удареній не обозначаетъ. Если въ словаряхъ встрѣчалось разногласіе, то авторъ приводитъ два ударенія; при составныхъ словахъ, состоящихъ изъ многихъ членовъ, удареніе опущено вовсе, чтобы при непослѣдовательности источниковъ, которыми пользовался авторъ, въ области побочныхъ удареній, не создавать еще большей путаницы.

Въ концѣ книги, на стран. 249—281, приведены въ алфавитномъ порядкѣ упоминаемыя въ ней русскія слова, съ отмѣткой: «изъ голландскаго» и указаніемъ соотвѣтствующей статьи въ текстѣ.

Таково построеніе этой книги, свидѣтельствующей о большомъ трудолюбіи автора и разработанной имъ, насколько было доступно его силамъ, съ должнымъ вниманіемъ.

И теперь, когда мы бросили общій взглядъ на эту работу, да будетъ намъ позволено ознакомиться съ ней поближе и подвергнуть ее нѣкоторой критикѣ.

Сначала нѣсколько словъ о самомъ матеріалѣ.

Говоря выше, что въ Россіи до сихъ поръ не существуетъ спеціальныхъ изслѣдованій о судовыхъ и морскихъ терминахъ въ русскомъ языкѣ, я вовсе не имѣла въ виду сказать, что въ Россіи вообще до сихъ поръ не нашлось лица, вниманіе котораго было бы обращено на этотъ предметъ; напротивъ, матеріалы въ этой области собирались давно и собраны въ

значительномъ количествѣ. Но, вслѣдствіе трудности, представляемой русскимъ языкомъ для иностранцевъ, заграничные ученые пугались этихъ трудовъ, да и ложное мнѣніе, распространенное за границей о русскихъ научныхъ сочиненіяхъ,способствовало тому, что иностранныхъ изслѣдователей мало влекло обращаться къ этимъ матеріаламъ. Этого послѣдняго упрека автору цитированной выше книги сдѣлать нельзя; онъ старался по мѣрѣ силъ изучить свой предметъ по русскимъ источникамъ, но насколько они были ему доступны, мы увидимъ это въ дальнѣйшемъ.

Изъ «новыхъ» словарей болѣе существенныя услуги для русской части работы оказали только Вахтинъ и Даль, такъ какъ «Словарь русскаго языка», издаваемый нынѣ здѣшней Академіей Наукъ, доведенъ былъ только до буквы *З* и самъ пользуется для морскихъ выраженій словаремъ Вахтина.

То, что дали Вахтинъ и Даль, пополнялось свѣдѣніями изъ словаря архангельскаго нарѣчія, появившагося четверть столѣтія тому назадъ (въ 1885 г.). Вовсе безъ вниманія оставленъ «Словарь областнаго олонецкаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи» Г. Куликовскаго, изданный въ 1898 году Имп. Академіей Наукъ, хотя олонецкое нарѣчіе признано важнымъ для знанія русскихъ судовыхъ и морскихъ словъ (стран. 6).

Вторымъ главнымъ источникомъ былъ «Glossaire Nautique» Француза А. Jal'я. Изъ него авторъ бралъ французскія названія русскихъ словъ, облегчая себѣ задачу указаніями Вахтина, дающаго, кромѣ французскаго, еще и англійское значеніе этихъ словъ. Поэтому у словъ, не встрѣчающихся ни у Jal'я, ни у Вахтина, французское значеніе отсутствуетъ.

Словарь Jal'я вышелъ въ свѣтъ въ 1848 году. Jal не зналъ ни русскаго, ни голландскаго языка, и источникомъ его для русскихъ словъ былъ перечень словъ, сообщенный ему жившимъ въ Парижѣ русскимъ морскимъ офицеромъ А. Штакельбергомъ, который онъ сравнивалъ съ содержаніемъ двухъ русскихъ морскихъ словарей, одного болѣе стараго и другого болѣе новаго. Болѣе старый былъ «Трехъязычный морской словарь на англійскомъ, французскомъ и россійскомъ языкахъ» капитана флота А. Шишкова, изданный въ 1795 г. въ С.-Петербургѣ, въ трехъ томахъ, въ типографіи Морскаго Кадетскаго Корпуса; болѣе новый — «Сло-

варь морскихъ словъ и рѣченій съ англійскаго на французскій и русскій языки» А. Бутакова, изданный въ 1837 году въ С.-Петербургѣ. Опять таки непонятно, почему авторъ не пользовался этими книгами непосредственно, а прибѣгалъ къ толкованію Jal'я, не знавшаго русскаго языка. Названіе этихъ словарей онъ приводитъ, именно на 6-ой стран. въ примѣчаніи, точно такъ, какъ оно обозначено у Jal'я, т. е. не полно.

Разъ авторъ вышелъ уже изъ границъ своего плана, говорящаго о «новыхъ» (moderne) словаряхъ, пользованіемъ «Glossaire Nautique» Jal'я въ качествѣ второго главнаго источника, то для конца XVIII-го и для XIX-го столѣтій, т. е. періода, когда русскій флотъ, бывшій дотолѣ въ упадкѣ, снова сталъ обнаруживать подъемъ, привлекать интересы общества и свѣжія силы для своей службы, онъ долженъ былъ ознакомиться также съ другими трудами. Нѣкоторые немногіе изъ этихъ трудовъ названы Вахтинымъ въ предисловіи къ его словарю, на другіе онъ даетъ тамъ же краткія указанія. Перечень морскихъ терминовъ присоединилъ Н. Кургановъ къ книгѣ Бугера: «Новое сочиненіе о навигаціи», переведенной имъ съ французскаго и изданной имъ же въ С.-Петербургѣ въ 1764 году; такой же перечень онъ прибавилъ въ 1774 году и къ «Морской Наукѣ». Труды эти печатались въ типографіи Морского Кадетскаго Корпуса; тамъ же отпечатано въ 1788 году сочиненіе: «Военный Мореплаватель или собраніе разныхъ на войнѣ употребляемыхъ судовъ»; первая часть есть переводъ съ французскаго, но во второй встрѣчается уже, на стран. 131—234, перечень словъ, примѣняемыхъ въ россійскомъ морскомъ дѣлѣ, съ подробнымъ ихъ объясненіемъ. Перечень этотъ даетъ переводчикъ книги, Г. Кушелевъ. Въ 1835 году появились три тома «Морского Словаря» А. Шишкова, законченнаго въ рукописи еще въ 1830 г., потомъ пополненнаго А. Голенищевымъ-Кутузовымъ и распредѣленнаго имъ на пять томовъ, изъ которыхъ два послѣднихъ остались ненапечатанными. Только до половины доведенъ и точно также остался въ рукописи «Морской Словарь» А. Глютова на десяти языкахъ; словарь этотъ стоилъ бы того, чтобы его сравнивали съ словаремъ Jal'я. Въ 1853 году изданъ здѣшней Академіей Наукъ «Словарь морскихъ словъ и рѣченій паруснаго и пароходнаго флота» В. Шульца; немного раньше, именно въ 1849 г., появилось въ С.-Петербургѣ со-

чиненіе капитанъ-лейтенанта К. Посьета: «Воооруженіе военныхъ судовъ», сообщающее длинный рядъ судовыхъ терминовъ.

За это же время писалъ многочисленныя статьи Александръ Соколовъ; статьи эти помѣщены во многихъ томахъ «Записокъ Гидрографическаго Департамента Морского Министерства», изданныхъ въ С.-Петербургѣ; въ нихъ онъ употребляетъ также установившуюся въ морскомъ дѣлѣ терминологію. Соколовъ не былъ лингвистомъ, онъ былъ морякомъ, отлично знавшимъ морское дѣло и русскій флотъ, черпавшимъ свои свѣдѣнія какъ изъ практики, такъ и въ разныхъ архивахъ, которые онъ серьезно изучалъ. Его цѣль была исторія русскаго флота, которую онъ собирался писать и для которой онъ всю жизнь собиралъ матеріалы. Но преждевременная смерть пресѣкла эти работы, и онъ успѣлъ разработать всего нѣсколько отдѣловъ. Всѣ его статьи, какъ помянутыя выше, такъ и послѣдующія, перечисленныя въ его сборникѣ «Русская морская библіотека» [1]), составленномъ изъ описаній книгъ, рукописей и статей о русскомъ мореходствѣ, написанныхъ въ періодѣ времени съ 1701 по 1851 г., могутъ оказать значительную пользу всякому, интересующемуся вопросами русскаго флота и мореходства.

Между тѣмъ начались филологическія изслѣдованія Я. Грота. Изъ его работъ по языковѣдѣнію, появившихся съ 1852 по 1892 годъ, насъ касаются «Матеріалы для русскаго словаря», напечатанные во второмъ томѣ собранія его сочиненій, изданнаго въ 1899 г. въ С.-Петербургѣ его сыномъ, профессоромъ К. Гротомъ.—Еще есть источники другого рода, которые нельзя было обойти безъ ознакомленія съ ними, напр. «Морская практика» Е. Березина, 2 тома, съ атласомъ чертежей, изданіе второе, Спб. 1875 г.; «Морская практика для юнговъ и воспитанниковъ мореходныхъ школъ» П. Федоровича, 3 тома съ картинами, Спб. 1872, 1874 и 1877 гг.; «Морская практика» В. Вахтина, руководство для учениковъ мореходныхъ классовъ, 2 тома, съ чертежами въ текстѣ, Спб. 1894 г., появившееся позже, чѣмъ второе изданіе его же словаря. Можно еще назвать А. де Ливрона: «Карманный Русско-Англо-Фран-

1) Сборникъ этотъ изданъ послѣ его смерти В. Шульцемъ и вышелъ въ свѣтъ въ 1883 г. въ С.-Петербургѣ вторымъ изданіемъ.

цузскій морской словарь» по книжкѣ капитана Е. Poradin «Termes nautiques», Спб. 1893 г., его же «Морской англо-русскій словарь», собраніе морскихъ техническихъ выраженій и командныхъ словъ, Спб. 1894 г., и для самаго послѣдняго времени труды лейтенанта Гельмерсена: «Записки по морской практикѣ», съ чертежами, Спб. 1907 г. и «Морская практика», два тома, настольная книга младшихъ морскихъ офицеровъ нашихъ дней.

Перечень этотъ не исчерпывающій, можно было бы привести еще много другихъ трудовъ. Но онъ и не претендуетъ на полноту; цѣль приведенія указанныхъ выше трудовъ указать, что тотъ, кто возмется за рѣшеніе вопроса о заимствованіи русскимъ языкомъ голландскихъ морскихъ терминовъ, не долженъ, даже если онъ будетъ почерпать свою работу только изъ словарей, успокоиться на матеріалѣ, использованномъ авторомъ.

Желательно было бы, чтобы онъ изъѣздилъ самъ Россію, близко съ ней ознакомился, и не во время краткаго, мимолетнаго пребыванія, а въ теченіе болѣе продолжительнаго времени, и поучился у профессіоналовъ-моряковъ. Это даже необходимо именно для русскаго языка съ его подвижнымъ удареніемъ, для котораго не существуетъ еще твердо установленныхъ правилъ, если именно желаютъ снабжать слова удареніемъ, какъ дѣлаетъ авторъ. Подслушанные изъ устъ настоящаго моряка, русскіе морскіе термины вышли бы съ удареніемъ, имѣющимъ положительную цѣнность; не выставлялось бы вовсе двойное удареніе[1]), могущее только вызвать неувѣренность у изучающаго; побочныя ударенія попадали бы на свое настоящее мѣсто. Русскій лингвистъ здѣсь помочь не можетъ, морскіе термины его языка ему по большей части такъ же чужды, какъ и намъ, Голландцамъ, но практикъ-мореплаватель, всю жизнь посвятившій своему дѣлу, сразу и не колеблясь, называлъ бы вещи своимъ именемъ и произносилъ бы слова, какъ слѣдуетъ.

При такомъ образѣ дѣйствій авторъ могъ бы кромѣ того набрать больше словъ, вышедшихъ изъ употребленія. Вотъ одинъ примѣръ изъ многихъ. Лѣтъ 30—40 тому назадъ по такъ называемому Старому Ла-

---

1) Есть случаи колебанія ударенія, но они очень рѣдки.

дожскому каналу плавали еще такъ называемые «трешкоты»; они плавали тамъ и раньше и еще болѣе усиленно, и терминологія, относящаяся къ этому судну, была тогда въ полномъ разцвѣтѣ. Теперь тамъ ничего подобнаго ужъ нѣтъ, трешкота больше нѣтъ, онъ вытѣсненъ пароходиками, исчезъ, и вышла изъ употребленія также вся своеобразная терминологія, создавшаяся вокругъ него. Поэтому это слово не встрѣчается у Вахтина, который, впрочемъ, могъ бы привести его въ числѣ архаизмовъ. Авторъ разбираемой нами книги приводитъ въ перечнѣ въ концѣ книги три русскія формы этого голландскаго слова и безъ всякаго примѣчанія въ текстѣ подробное объясненіе голландскаго слова «trekschuit». Но вѣдь есть въ Петербургѣ люди, бывавшіе на Ладожскомъ каналѣ лѣтъ 40 тому назадъ, жившіе среди тамошняго населенія, осѣдлаго тамъ еще со временъ Петра Великаго, наслышавшіеся терминологіи, связанной съ трешкотомъ, ѣздившіе на немъ; они могли бы сообщить кое-что о немъ, и перечень словъ автора, помѣченныхъ отмѣткой «изъ голландскаго, вышедшее изъ употребленія», увеличился бы этимъ словомъ.

Хуже обстоитъ дѣло, если раскрыть книгу на словѣ «ботъ». Въ перечнѣ сказано: «изъ голландскаго, «boot», а въ текстѣ посвящена ему цѣлая страница (41—42), гдѣ приведены древнѣйшія значенія его и его составныхъ и производныхъ словъ въ русскомъ языкѣ. Только на основаніи того, что древнѣйшее значеніе этого слова въ русскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ древнѣйшему значенію его въ голландскомъ, авторъ причисляетъ его къ словамъ, заимствованнымъ изъ голландскаго языка. Сомнѣніе высказывается только относительно словъ «ботникъ», «ботня» и «батъ». Но, напр., приведенный тамъ же «ботикъ Петра Великаго, дѣдушка русскаго флота» могъ бы повести изслѣдователя на другіе слѣды.

Въ частной библіотекѣ Петра Великаго, хранившейся до послѣдняго времени въ Петровской галлереѣ Императорскаго Эрмитажа [1]), я нашла

1) Библіотека эта находится теперь въ Императорской Академіи Наукъ и составитъ тамъ, вмѣстѣ съ другими предметами изъ «Галлереи Петра Великаго», основу для «Музея Петра I», подъ завѣдываніемъ академика В. В. Радлова. Объ этой библіотекѣ подробнѣе см. въ моей статьѣ: «Какъ отнеслась Голландія къ побѣдѣ Русскихъ подъ Полтавой», въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, Май 1910 г.

большой кусокъ бѣлой шелковой матеріи, безъ сигнатуры, на которомъ выгравированъ именно этотъ самый «ботикъ Петра Великаго». Онъ изображенъ съ правой и съ лѣвой стороны и украшенъ русскимъ штандартомъ. Гравюра затѣмъ раскрашена. Это работа Ивана Зубова, ученика голландскаго мастера Петра Пикара, сдѣланная лично для царя въ 1722 году, въ память о торжественной выставкѣ ботика въ Москвѣ, въ Кремлѣ, по прибытіи туда въ декабрѣ 1721 года Петра Великаго для празднованія Ништадтскаго мира, только-что заключеннаго со Шведами. Петръ хотѣлъ праздновать этотъ миръ народными процессіями, маскарадами, аллегорическими группами, долженствовавшими говорить народу о заслугахъ флота. Слѣва внизу на этомъ кускѣ награвировано по шелку: «Въ семже 1722 году ботикъ сей первѣе народу выставленъ и презентованъ того ради, понеже богоданнымъ нынѣ миромъ плоды его паче извѣстны и крѣпко утверждены стали и миръ сей плодомъ его неложно нарещися можетъ». Слѣва вверху читается: «Судно сіе водное хотя мѣрою малое и толко къ потѣшному на малыхъ водахъ игранію построенное, но потомъ явилося аки плодоносное сѣмя великаго въ России корабелнаго флота и вину подало слѣдовавшимъ преславнымъ дѣламъ таковымъ случаемъ или паче Божіимъ смотрѣніемъ. Державнѣйшій государь Петръ Великій, императоръ и самодержецъ всероссійскій, еще въ началѣ царствованія своего, пришедъ въ нѣкоторое время въ Измайловъ и гуляя по анбарамъ, гдѣ лежали остатки вещей дому дѣда его Никиты Ивановича Романова, увидѣлъ между оными судно сіе, и понеже было иностранное и въ Россіи невидаемое, спросилъ о употребленіи и дѣйствіи его у искуснаго нѣкоего при себѣ иноземца. Отъ отвѣта же онаго увѣдавъ, какъ давно на парусахъ ходитъ, великую возимѣлъ охоту употребить онаго къ плаванію, и такъ первѣе самаго судна его сего ходу на рѣкѣ Явзѣ отвѣдавъ, скоро на езерѣ Переславскомъ здѣланными повелѣніемъ его величества болшими судами любопытство свое лучше исполнилъ. Тоей же охоты и на другомъ ширшемъ езерѣ Кубинскомъ, а потомъ и на море Бѣломъ или Архангельскомъ съ радостію употребилъ. Отъ таковыхъ же водоплавныхъ утѣхъ двигнувся всеприлѣжнымъ попеченіемъ и къ преполезнейшему, а дотоль въ Россіи незнанному дѣлу, самаго себе и другихъ при себѣ въ Голландіи и Англіи, какъ къ строенію такъ и къ плаванію корабельному

обучилъ и великій россійскій флотъ здѣлалъ, яковый зрится нынѣ и умножатися не престаетъ, отъ чего Россія, усугубленную силу возимѣвши, многія преславныя получила викторіи, расширила предѣлы своя, врата себѣ къ сообщенію честныхъ народовъ отверзла и благополучія своя благословеннымъ миромъ укрѣпила, силна и славна отселѣ и врагомъ страшна. Тако сіе малое судно, яко доброе сѣмя, было премногой намъ ползы и того ради достойно сущи и вѣдомо и видимо быти на хартіи сей изображено показуется.

«Нарицается же судно сіе ботъ аглінской: ботъ по виду своему между суднами; аглінской же по дѣлу и мѣрѣ аглінской архитектуры: на желаніе бо вышеупомянутаго дѣда императорскаго величества, мужа въ Россіи къ честнымъ искуствамъ надъ тогдашный обычай быстро-охотнаго, судно сіе въ Англии здѣлано и оттуду въ Москву привезено» [1]).

Итакъ, первый «ботъ» заграничной работы, который увидѣлъ молодоіі Петръ Алексѣевичъ, былъ англійскаго происхожденія. Остается вопросъ, кто былъ «иноземецъ», къ которому онъ обратился за разъясненіемъ относительно этого маленькаго судна. Отвѣтъ на него можно найти въ предисловіи къ Морскому Уставу; это былъ Францъ Тиммерманъ, «который тогда при Его Величествѣ для ученія геометріи и фортификаціи жилъ».

Хотя въ исторіи Петра Великаго за первую половину его царствованія часто упоминается имя Франца Тиммермана, но нигдѣ, за исключеніемъ одного мѣста, насколько мнѣ извѣстно, не говорится, откуда онъ былъ родомъ. Этимъ единственнымъ источникомъ является сочиненіе князя Б. И. Куракина: «Гисторія о Царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ», 1682—1694 гг., написанное въ 1727 г. и изданное въ 1890 г. въ С.-Петербургѣ М. И. Семевскимъ въ первомъ томѣ «Архива князя Ѳ. А. Куракина». Тамъ въ отдѣлѣ, повѣствующемъ объ отношеніяхъ Петра Алексѣевича къ иностранцамъ Нѣмецкой Слободы, на стран. 70, говорится, что учитель

---

1) Я намѣренно привожу текстъ полностью, потому что буду имѣть надобность къ нему въ дальнѣйшемъ изложеніи возвращаться. Тотъ же текстъ напечатанъ у Д. А. Ровинскаго: «Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX в.в.», т. I, стр. 376—377, Спб. 1895 г., по доскамъ гравюры, хранящимся въ Главномъ Штабѣ. Зубовъ неправильно названъ Ровинскимъ ученикомъ А. Схонебека.

его «для математики и фортификаціи и другихъ артей, какъ токарнаго мастерства и *для* огней артофиціальныхъ (былъ) единъ Гамбурченинъ Францъ Тимарманъ». В. О. Ключевскій въ своемъ «Курсѣ русской исторіи», IV, стр. 14, ошибочно называетъ его «Голландцемъ». Князь Куракинъ, знавшій Голландію, такъ какъ онъ былъ русскимъ посланникомъ въ Гаагѣ послѣ Матвѣева, и говорящій въ своемъ дневникѣ въ томъ же отдѣлѣ о «Голландци» Виніусѣ, не могъ ошибиться въ происхожденіи своего современника Тиммермана.

О Тиммерманѣ рѣчь идетъ въ собственноручной отмѣткѣ Петра Великаго, найденной мною на одномъ письмѣ адмирала Крейса отъ 1713 года. Петръ Великій разсказываетъ: «22 года тому назадъ, какъ дѣлали фейерверкъ на Москвѣ, и тогда, только я вышелъ, подорвало, и подполковника Страсбурха, Франца Тимермана и прочихъ сожгло, о чемъ многіе помнятъ» 1).

На вопросъ Петра Алексѣевича послѣ открытія имъ лодки: «что то за судно?» Тиммерманъ, по словамъ Устава Морского, отвѣтилъ (стр. 36), что то ботъ англійской. Если такимъ образомъ принять, что слово «ботъ» появилось впервые въ русскомъ языкѣ около начала дѣятельности Петра Великаго по судостроенію, то оно было бы заимствованіемъ изъ гамбургскаго, т. е. нижненѣмецкаго нарѣчія (Boot), но извѣстнымъ оно должно было бы быть нѣкоторымъ или многимъ уже за два поколѣнія до Петра I, которые въ свою очередь его переняли у Англичанъ: «boat». Что это дѣйствительно такъ, доказываютъ историческіе документы въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, относящіеся къ постройкѣ «Орла», къ которымъ я впослѣдствіи еще вернусь.

Какъ сказано, «ботикъ» сослужилъ бы автору большую службу указаніемъ пути, по которому онъ долженъ идти, и если онъ бы слѣдовалъ этому путеводителю, то не могъ бы сказать того, что напечатано у него въ книгѣ на стран. 37. Онъ тамъ объясняетъ русскія слова «бугсировать», «бухсировать» и приводитъ какъ первый аргументъ, почему эти

---

1) Изображеніе Тиммертана съ подписью «инженеръ» можно видѣть на прекрасной гравюрѣ А. Схонебека: «Осада Азова» въ собственной библіотекѣ Петра Великаго. Гравюра эта первая въ «Собраніи разныхъ кунштовъ» (форматомъ въ большой листъ), находящемся тамъ подъ № 41.

слова должны быть отъ голландскаго «boegseeren», а не нѣмецкаго «bugsieren», что «русскіе почти ни одного морского термина не переняли отъ Нѣмцевъ». Въ дальнѣйшемъ мы будемъ имѣть случай сказать объ этомъ еще.

Путеводными точками должны были быть и другія слова.

Раскрывая книгу на стран. 26, гдѣ разбирается русское слово «балка», мы читаемъ между прочимъ: «по моему болѣе чѣмъ вѣроятно, что и тамъ, гдѣ «балка» обозначаетъ матицу, это есть голландское слово «balk», какъ по формѣ (верхненѣмецкое «Balken» перешло бы по-русски въ «балкенъ», сравн. русское «бакенъ» отъ голландскаго «baken»), такъ и по значенію». Такое узко-одностороннее направленіе мысли автора, стоящаго — отрицая верхненѣмецкое происхожденіе этого слова — упорно на позднемъ заимствованіи этого слова изъ его родного языка, обусловливается его источниками: Вахтинъ говоритъ: «балка—изъ голландскаго «balk», и Jal: «балка—изъ нѣмецкаго «balke» или голландскаго «balk». Что это слово на древне-фризландскомъ нарѣчіи называлось «balka», что въ восточно-фризландскомъ оно существуетъ и понынѣ въ двухъ формахъ — «balke» и «balk»; что Русскіе знали, быть можетъ, это слово давно; какимъ путемъ это германское слово стало членомъ русскаго языка, — обо всемъ этомъ авторъ счелъ возможнымъ себя не безпокоить.

Между тѣмъ въ старомъ русскомъ языкѣ мы читаемъ слѣдующее, напр. въ первой Псковской лѣтописи: «Наяли Псковичи наимиты на новой мостъ на Псковѣ рѣкѣ, а запасъ балки наимитовъ, а рилини и городни и дубья Псковская». Это значитъ, что уже въ 1435 году существовало въ русскомъ языкѣ слово «балка» въ томъ смыслѣ, какое ему вообще придается, т. е. бревно.

Та же лѣтопись повѣствуетъ въ другомъ мѣстѣ, подъ 1447-мъ годомъ: «Иныхъ (Нѣмецъ) на мори въ бусахъ много побиша»; и даже за тридцать лѣтъ до того, въ первой Новгородской лѣтописи можно читать подъ 1419-мъ годомъ: «Того же лѣта пришедша Мурмане воиною... въ бусахъ и въ шнекахъ и повоеваша въ Варзугѣ погостъ Корѣльскый». У автора нашей книги слова «буса» нѣтъ, такъ какъ и источники его — Вахтинъ и Jal — не приводятъ этого слова; но у него имѣется слово «буйсъ», какъ

оно обозначено у Jal'я. Jal говоритъ, что это просто написано русскими буквами голландское «buis», и даетъ еще побочную форму «баусъ», объясняя ее такимъ же образомъ. Этого достаточно для автора для окрещенія этого слова «взятымъ изъ голландскаго» и для приведенія затѣмъ, какъ того требуетъ планъ, краткаго описанія, на стран. 51, соотвѣтствующаго голландскаго двухмачтоваго рыбачьяго судна, служащаго для ловли сельди.

Если же мы обратимся къ труду Н. Боголюбова: «Исторія корабля», появившемуся въ 1879 г. въ Москвѣ въ двухъ томахъ, то увидимъ на стр. 204 перваго тома, что въ венеціанскихъ документахъ названія кораблей «буссы» и «нефы» встрѣчаются всегда вмѣстѣ, что какъ «нефы», такъ и «буссы» суда двухмачтовыя [1]). Какъ формы этого слова Боголюбовъ приводитъ: «buzia», «butzo», «bucea», «bujssa», навѣрно какъ онъ ихъ встрѣчалъ въ упомянутыхъ документахъ. По-русски онъ называлъ эти суда только «буссами», какое правописаніе встрѣчается, какъ мы видѣли выше, также въ древне-русскомъ языкѣ. «Буйса» онъ такимъ образомъ не зналъ; эта форма ему въ русскомъ языкѣ, даже болѣе древняго времени, напр. XVIII столѣтія, неизвѣстна. Нельзя ли предположить, что Штакельбергъ, составлявшій для Jal'я перечень корабельныхъ терминовъ, внесъ слово «буйсъ», вспомнивъ, что въ голландскомъ языкѣ существуетъ слово «buis» и имѣя смутное представленіе о русскомъ словѣ «буса»?

И. И. Срезневскій въ своихъ «Матеріалахъ для словаря древне-русскаго языка», первый томъ которыхъ вышелъ въ С.-Петербургѣ въ 1890 г., говоритъ, что существуетъ голландская форма слова «буса»— «buise» [2]) и датская «boise», но онъ не упоминаетъ о «буйсѣ» русскаго языка.

Петръ Великій этого слова въ русскій языкъ не ввелъ, въ чемъ можно убѣдиться изъ документовъ Государственнаго Архива. Здѣсь

---

1) Но древне-испанское «buzo» было судно гребное (сравн. также Jal: «Документы города Женевы XII столѣтія»). Древне-французское «busse», «buze», «buce» обозначало судно болѣе крупныхъ размѣровъ.

2) Въ словарѣ Киліяна «buyse»=«poculum urtinque ansatum»; въ средне-нидерландскомъ словарѣ Е. Вервейса и Я. Вердама (см. дальше, стр. 15 этой статьи) сказано слѣдующее: «buse [bausse, buysse] = ваза, бокалъ, и потомъ маленькое судно, преимущественно для ловли сельди». Тамъ же сообщены средне-верхненѣмецкая форма этого слова: «butze, butschen» и средне-нижненѣмецкая: «buse, butze».

между бумагами изъ Кабинета императора находятся восемь гравюръ, изображающихъ суда, съ печатными на голландскомъ языкѣ подписями [1]). Каждая гравюра наклеена на отдѣльный листъ бумаги и подъ каждой изъ нихъ Петръ Великій написалъ собственноручно русское названіе этого судна. Въ то время какъ напр. «Een Smack» переведено «шмакомъ», «Harinckbuys» переведено описательно: «судно, въ которомъ селди ловятъ». Подписи сдѣланы въ 1697—1698 гг., какъ разъ въ то время, когда Петръ Великій по собственному опыту зналъ, что такое голландскія «haringbuizen».

Выше рѣчь шла о словѣ «бакенъ», какъ заимствованномъ изъ голландскаго, что авторъ утверждаетъ безъ всякаго основанія. По этому вопросу послѣднее слово еще впереди. Въ средне-нидерландскомъ языкѣ находилось слово «baken [bakin]», въ средне-нижненемѣцкомъ «bake» [2]), но уже въ древне-норвежскихъ нарѣчіяхъ встрѣчалось слово «bâkn»; для древне-фризландскаго форма «bâken» доказана и сохранилась во всѣхъ фризландскихъ діалектахъ. Приходится спросить, когда русскіе переняли это слово и кто былъ первый, кто имъ его преподнесъ? Пока такіе вопросы остаются безъ отвѣта, намъ не дана возможность въ случаяхъ, гдѣ одинаково звучащія слова и формы принадлежатъ разнымъ языкамъ или нарѣчіямъ, рѣшить дѣло въ чью-либо пользу. У мореплавателей прибрежныхъ странъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, о которыхъ главнымъ образомъ здѣсь и идетъ рѣчь, имѣлся цѣлый рядъ словъ общихъ. «Takel»—по-русски «такель»—мы находимъ въ распоряженіяхъ и счетахъ города Риги (Рижская городская библіотека; срав. W. von Gutzeit: «Wörterschatz der deutschen Sprache Livlands», Riga 1864) первой половины XVII стол. «Takel» было извѣстно между прочимъ жителю Гамбурга (ср. M. Richey: «Idioticon

1) Отд. I, кн. № 40, лл. 426—433. Въ изданіи «Писемъ и бумагъ императора Петра Великаго», превосходно составленномъ и обработанномъ сначала академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ, затѣмъ его сыномъ И. А. Бычковымъ, въ первомъ томѣ, появившемся въ 1887 г., на стр. 229 приведены названія семи этихъ судовъ, а въ примѣчаніи на стр. 680 упомянуто объ этихъ восьми гравюрахъ и указано, гдѣ ихъ найти.

2) Въ древне-саксонскомъ языкѣ «bôkan», въ англо-саксонскомъ «beácen». Ср. E. Verwijs en J. Verdam: «Middelnederlandsch Woordenboek», 's-Gravenhage 1885.

Hamburgense oder Wörterbuch zur Erklärung der eigenen in und um Hamburg gebräuchlichen niedersächsischen Mundart», zweite Ausgabe, Hamburg 1755, а также Hamb. Chroniken, 1861 herausgegeben von J. M. Lappenberg), какъ и Датчанину (ср. Dr. J. H. Helms: «Neues vollständiges Wörterbuch der dänischen und deutschen Sprache, Leipzig 1887) и Голландцу. «Betakeln», «aftakeln», «uptakeln», по-датски «takle», «aftakle»—оснастить корабль, — эти глаголы пользовались полнымъ правомъ гражданства у всѣхъ этихъ народностей: существительное «takelage», порусски «такелажъ», имѣется также въ датскомъ языкѣ. «Stagzeil»—говорятъ Голландцы, «stagseil»—называютъ ту же снасть корабля Датчане; которое изъ этихъ двухъ обозначенiй является родоначальникомъ русскаго «стаксель», до сихъ поръ еще не доказано [1]). Такъ же мало мы знаемъ о словѣ «фокъ» и составныхъ съ нимъ словахъ. Единственное основанiе для признанiя его голландскаго происхожденiя приведено авторомъ на стр. 62: «русское слово имѣетъ на небольшихъ судахъ то же значенiе, которое это слово при подобныхъ же обстоятельствахъ имѣетъ въ голландскомъ языкѣ», именно въ смыслѣ трехугольнаго паруса на небольшихъ судахъ. Въ смыслѣ же «voile de misaine» (первое значенiе, которое даетъ авторъ этому слову) оно прямо признано голландскимъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Но въ обоихъ смыслахъ «fok» встрѣчается уже въ старомъ гамбургскомъ нарѣчiи и восточно-фризландскомъ языкѣ (ср. I. ten Doornkaat Koolman: «Wörterbuch der ostfriesischen Sprache», Norden 1879), ровно какъ и въ датскомъ; точно также и составныя слова: «fok—или fokkemast, fokkeraa, fokkestagzeil»—русскiя «фокмачта, фокарей, фокстасель». Въ «stroppen»—обнесенiи стропомъ—были искусны не только Голландцы, но и Англичане («strop» рядомъ съ «strap») и Датчане (strop), не говоря о Шведахъ (stropp), съ которыми русскiе сталкивались особенно часто, воюя съ ними въ продолженiе цѣлыхъ столѣтiй на Ладожскомъ озерѣ; отъ нихъ-то и могло легко проникнуть это слово въ русскiй языкъ.

«Blokken», встрѣчающееся большею частью въ соединенiи со «strop-

---

1) «Зейль», голландское «zeil», съ побочной формой «зеель» приводитъ не только Jal (см. у автора на стр. 243), но уже въ 1788 г. Г. Кушелевъ.

pen», употреблялось Шведами (block), Датчанами (blok), Гамбуржцами (block), Англичанами (block), рядомъ съ Голландцами; Фризы же знали это слово уже въ древнія времена (ср. древне-фризландское «blok»).

Возьмемъ голландское слово «boord». По мнѣнію автора оно перешло русскій языкъ въ формѣ «бордъ», какъ оно пишется еще въ 1788 году у Г. Кушелева. Кстати напомнимъ, что по-англійски это слово будетъ «board», по-датски «bord», по-восточно-фризландски «bôrd». Нынѣ оно по-русски пишется только «бортъ» (ср. производныя). Такъ вотъ, про это слово авторъ выражается такъ (стр. 40): «Jal говоритъ совершенно правильно: «Reiff fait venir le mot russe immédiatement du français; il est fort probable que ce n'est pas à nous que les Russes ont emprunté ce terme, mais aux Hollandais, qui leur ont donné presque toute leur nomenclature maritime». На чемъ авторъ основываетъ свое «совершенно правильно», почему онъ такъ рѣшительно присоединяется къ мнѣнію Jal'я, такъ и остается неизвѣстнымъ. А какъ разъ это, формулированное Jal'емъ, шаткое предположеніе и послужило для автора факторомъ, разрушившимъ всѣ его сомнѣнія, весь его скептицизмъ, такъ что онъ съ легкимъ сердцемъ отнесъ его къ словамъ, взятымъ изъ голландскаго, и махнулъ рукой на всѣ необходимыя изслѣдованія. А между тѣмъ въ началѣ своей книги онъ говоритъ, что онъ считаетъ заслугой Вахтина то, что онъ въ своемъ Морскомъ Словарѣ почти ни одного морского слова не объясняетъ нѣмецкимъ языкомъ,—«погрѣшность, встрѣчающаяся почти во всѣхъ прочихъ книгахъ, служившихъ мнѣ справочниками, на счетъ голландскаго»; что Jal тоже цѣлый рядъ русскихъ словъ «несомнѣнно голландскаго происхожденія» объясняетъ англійскимъ и нѣмецкимъ языками; что въ словарѣ Даля «многія слова родомъ изъ Голландіи поясняются взятыми изъ англійскаго и нѣмецкаго—обычная ошибка, происходящая отъ незнакомства съ нашимъ языкомъ»; что составители словаря Академіи Наукъ «заимствованія изъ голландскаго принимали за нѣмецкія и англійскія слова». И на основаніи этого ждемъ, что далѣе въ книгѣ будутъ только слова съ кристально-чистой генеалогіей, съ такими доводами, что ничего не остается сказать, какъ только именно, что они взяты несомнѣнно изъ голландскаго. Ничего подобнаго въ книгѣ нѣтъ. Сплошь и рядомъ доказательства отсутствуютъ вовсе, или они не выдерживаютъ критики, или

цѣнность ихъ сомнительна, такъ какъ, за небольшими исключеніями въ пользу англійскаго языка, принято во вниманіе только верхненѣмецкое нарѣчіе, получившее само, какъ извѣстно, почти всѣ свои морскіе термины изъ нижненѣмецкаго нарѣчія или нидерландскаго языка [1]).

Мореходныхъ словарей странъ, лежащихъ по берегамъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, насколько они вообще существуютъ, въ моемъ распоряженіи сейчасъ не имѣется. Есть книга д-ра E. Bobrik'а: «Allgemeines Nautisches Wörterbuch mit Sacherklärungen» (Всеобщій Морской Словарь съ объясненіемъ предметовъ), Лейпцигъ 1850 г., прибавленіе къ его руководству по практическому мореплаванію, въ которой можно найти разныя цѣнныя свѣдѣнія и гдѣ приведены какъ романскіе языки: французскій, испанскій, португальскій и итальянскій, такъ и германскіе: англійскій, шведскій, датскій и голландскій. Но у него выпущено вовсе нижненѣмецкое нарѣчіе, да приведенныя формы иностранныхъ языковъ не всегда вѣрны. Сообщенныя у него верхненѣмецкія слова мы во вниманіе не принимаемъ.

Также у меня не имѣется подъ рукой словарей нарѣчій городовъ Любека, Бремена, Ростока, Штеттина, Данцига, Дерпта, Ревеля, Нарвы и пр., которые всѣ имѣли морскія сношенія съ Россіей одновременно съ Голландіей или даже значительно раньше ея. Въ Новгородѣ имѣлся гостиный дворъ уже во второй половинѣ XII ст., куда пріѣзжали заморскіе торговцы: «waterfare» — морскія поѣздки — по преимуществу весной и осенью: «somerfare» и «winterfare». Съ ними вмѣстѣ пріѣзжали за свой счетъ разные мейстеры: «Meistermane» — мастера и «Knapen» — молодые люди, ученики, подручные. — Новгородцы сами выѣзжали въ XII ст. часто въ Готландъ и Любекъ, какъ видно изъ того, что въ 1134 г. въ Даніи, навѣрно Шлезвигѣ, новгородскіе купцы были взяты въ плѣнъ. Новгородцы содержали также на островѣ Котлинѣ (Ketlingen) или въ устьѣ Невы морскую стражу, судя по разсказамъ о побѣдѣ Александра Невскаго надъ Шведами въ 1246 г. На полпути между Котлиномъ и устьемъ Невы товаръ, вслѣдствіе мелей, перегружался съ иностранныхъ кораблей на плоскодонныя новгородскія суда, выѣзжавшія имъ навстрѣчу [2]).

1) И объ этомъ предметѣ не имѣется еще спеціальныхъ изслѣдованій.
2) Договоръ 1270-го года.

На обратномъ пути имъ давали, кромѣ лоцмановъ, еще проводниковъ,— «пословъ»—до острова Готланда. Во время военныхъ дѣйствій со Шведами иностранные корабли причаливали въ Нарвѣ, оттуда купцы отвозили товаръ въ Новгородъ сухимъ путемъ или доѣзжали водою, подъ руководствомъ мѣстныхъ лоцмановъ, до Пскова и оттуда гужемъ до Новгорода. Хотя въ старыхъ документахъ всѣ иностранцы называются «Нѣмцами», но извѣстно, что между ними были напр. и Шведы, такъ какъ и шведскіе города, лежащіе по берегу Балтійскаго моря, въ то время уже посылали въ Новгородѣ свои товары. Шведскія и германскія деньги были тамъ въ обращеніи; имѣлись «шкилы» (шиллинги) [1]) и «любецкіе», т. е. любекскіе пфенниги, получившіе свое названіе очевидно отъ города Любека, съ которымъ въ особенности поддерживались самыя оживленныя сношенія. Такъ, около 1373 года новгородскіе купцы писали любекскимъ, что ихъ гостиный дворъ переполненъ сукномъ.

Нѣмцы всячески старались, чтобы не допустить купцовъ другихъ народностей въ торговлѣ съ Русскими. Но уже въ XIV ст. въ Новгородѣ появились ломбардскіе купцы и въ 1432 г. первые голландскіе; какъ видно изъ письма Дерпта къ Ревелю. Дерптъ сообщаетъ городу Ревелю, что въ Новгородъ прибыло нѣсколько Голландцевъ, и совѣтуетъ постараться какъ-нибудь помѣшать, чтобы они не могли завязать торговыя сношенія съ Новгородомъ.

Когда же Новгородъ, послѣ долгой борьбы, въ концѣ XV столѣтія палъ и былъ покоренъ Іоанномъ III, иностранные купцы были взяты подъ вѣрную охрану; ихъ было числомъ сорокъ девять человѣкъ; это были торговцы изъ городовъ Любека, Гамбурга, Грейфсвальда, Люнебурга, Мюнстера, Дортмунда, Брокенфельда, Уны, Дюйсбурга, Эйнбека, Дудерштадта, Ревеля и Дерпта [2]). Что такимъ путемъ рядъ словъ нижненѣмецкаго нарѣчія, далеко не собранныхъ полностью, долженъ былъ проникнуть въ русскій языкъ — ясно само собою. Новгородскія купеческія

---

1) Ср. И. Срезневскій: «Матеріалы для словаря древне-русскаго языка».

2) Болѣе подробно см. у А. С. Мулюкина: «Пріѣздъ иностранцевъ въ Московское государство. Изъ исторіи русскаго права XVI и XVII вѣковъ», Спб. 1909 г., и у А. Бережкова: «О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV вѣка», Спб. 1879 г.

семьи, переселенныя послѣ паденія города Иваномъ III во внутреннія области Московскаго государства, привезли съ собой также многочисленныя новыя иностранныя слова; то же случилось послѣ паденія въ 1510 г. Пскова.

Такимъ именно путемъ, а не инымъ, до Русскихъ дошло ихъ слово «рында». Это есть нѣмецкое «Ronde», а не голландское «ronde», какъ принимаетъ авторъ, судя по его перечню русскихъ словъ и объясненію на стр. 171. «Рында», чередуясь съ «рыдель», какъ названіе человѣка, носящаго оружіе, будь то самъ рыцарь или его слуга, встрѣчается уже въ 1359 году въ памятникахъ русскаго языка и какъ разъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о жителяхъ города Риги. Въ договорной грамотѣ смоленскаго князя Ивана Александровича съ Ригою значится: «Се азъ князь великии Смоленьскыи Иванъ Олександровичъ, оунукъ Глѣбовъ, докончалъ есмь с братомъ своимъ с мѣстерѣмъ с Ризьскимъ и с рыдѣли и с ратманы и со всѣми Рижаны». Въ смыслѣ «слуга» мы находимъ «рыдель», а въ нѣкоторыхъ спискахъ «рында», въ «Повѣданіи о побоищѣ великаго князя Димитрія Ивановича Донского», стр. 50: «(Димитрій) знамя повелѣ рыделю своему возити» [1]). Значеніе «оруженосца» перенесено на «стражу». Это не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Если бы Петръ Великій ввелъ слово «рында» какъ русскую форму голландскаго «ronde», то въ упомянутой выше, просмотрѣнной Петромъ, рукописи Академіи Наукъ это слово стояло бы рядомъ съ описаніемъ: «rond — ночной осмотръ караула», или же совсѣмъ замѣнило бы эту фразу.

Въ томъ же отдѣлѣ, гдѣ говорится о «рындѣ», трактуется также о «булинѣ»; «булинъ»—голландскій «boelijn», какъ думаетъ авторъ и какъ онъ объясняетъ на стр. 39 своей книги. Если мы даже вовсе не зададимся цѣлью выяснить, заимствовано ли это сравнительно старое, извѣстное какъ романскимъ, такъ и германскимъ народностямъ, слово Русскими дѣйствительно отъ Голландцевъ, то позволительно спросить, почему авторъ, не справляясь съ другими языками, старается выставить областныя формы этого слова «буглина, буглень, буглинь» какъ воспоминанія о какомъ-то не существующемъ нынѣ болѣе, не доказанномъ вообще голландскомъ

1) Ср. цитированный выше словарь И. Срезневскаго.

словѣ «boeglijn», когда даже Jal приводитъ датское слово «bugline», прекрасно извѣстное также Голштинцамъ и проникшее, можетъ быть, вмѣстѣ съ ними до Каспійскаго моря, гдѣ, какъ замѣчаетъ Даль, говорится «буглень». Это послѣднее обстоятельство относительно Голштинцевъ весьма возможно, но пока не имѣется доказательствъ, я ограничусь только заявленіемъ, что во всякомъ случаѣ Голштинцы были первые, появившіеся тамъ на суднѣ болѣе крупныхъ размѣровъ, еще задолго до Голландцевъ съ «Орломъ».

Возьмемъ дальше «бушпритъ». Jal обозначаетъ какъ побочныя формы и бугспритъ, бугшпритъ, бокшпритъ». Всѣ эти слова, рѣшительно безъ всякаго объясненія, авторъ относитъ къ голландскому «boegspriet». Но въ датскомъ языкѣ существуетъ слово «bougspryd, bugspryd»; первая часть этого составного слова по-шведски называется «bog». Употребляемая нынѣ исключительно форма «бушпритъ» безъ г, есть слово англійское. Доказательствомъ этому служитъ: «Книга пропорціи оснастки кораблей аглинской, напечатана повелѣніемъ его царскаго величества въ Санктпитербурхѣ, 1716». Это одиннадцать печатныхъ страницъ, форматомъ въ 4-ю долю листа, на каждой изъ которыхъ помѣщены два столбца, содержащіе одинъ англійскія, другой голландскія названія соотвѣтствующихъ частей корабля. Начинается книга такъ: «Пропорціи маштамъ: англинскія рѣчи—галанскія рѣчи»; первое слово, приведенное въ столбцахъ, и есть именно «боуспритъ» (для англійской), «бухспритъ» (для голландской рѣчи).

Въ этомъ же изданіи, въ ряду англійскихъ словъ, между «looptakels, noktakels и nokgordings» большой мачты, приведено слово «фалъ», а рядомъ, какъ голландское названіе, «лопарь»—looper. Какъ англійское «fall», такъ и голландское «looper» приняты русскимъ языкомъ. Гдѣ Англичанинъ хочетъ обозначить «fall of a tackle», Русскій говоритъ «лопарь талей», но русское «фалъ» есть слово англійскаго происхожденія, и Голландія на него притязаній имѣть не можетъ. Авторъ же говоритъ противное (см. перечень на стр. 275: русское фалъ=голландскому val, а также стр. 221).

Поводомъ къ появленію этой печатной книги послужили собственноручныя замѣтки Петра Великаго во время его перваго заграничнаго путе-

шествія (за 1697—1698 г.г.), сохранившіяся частью (а можетъ быть всѣ) и до сихъ поръ въ Государственномъ Архивѣ, Кабинетъ Петра Великаго, отдѣленіе I, книга № 40, лл. 482—483 и лл. 484—485 [1]). На первыхъ двухъ изъ только-что названныхъ листовъ записано 56 голландскихъ словъ, съ англійскими рядомъ съ ними; 57-ымъ написано англійское «тапъ тимберъ», а голландскато нѣтъ; «топтимберсы» (форма множественнаго числа) вошли и въ русскій языкъ. Между указанными словами находятся также бухспритъ въ голландскомъ ряду и боуспритъ въ англійскомъ. На лл. 484—485 этого документа приведены 42 англійскихъ названія частей корабля и рядомъ съ ними голландскія; послѣ нѣкоторыхъ словъ сдѣланы собственноручныя отмѣтки Петромъ Великимъ карандашемъ, мѣстами уже стершимся. Въ обоихъ столбцахъ занесено слово «магазинъ», такъ же какъ и въ спискѣ, помѣщенномъ на лл. 482—483 слово «киль»; послѣ англійскаго «киль» (keel) написано еще «фалшъ-киль» (= false keel), перешедшее также въ русскій языкъ. Послѣ «магазинъ» Петръ I приписалъ въ голландскомъ ряду собственноручно «ѳор крюітъ», такъ что нѣтъ основанія принимать, что магазинъ и въ смыслѣ «зданія, въ которомъ хранятъ матеріалы, принадлежащіе судну», представляетъ голландское «magazijn» (магазейнъ), какъ то считаетъ очень возможнымъ авторъ (стр. 129).

Слова «декъ», по англійски «deck», по голландски «dek», въ этомъ спискѣ нѣтъ. Авторъ о немъ говоритъ на стран. 53, что оно «перешло въ русскій языкъ какъ изъ голландскаго, такъ и англійскаго», не подтверждая однако своего мнѣнія доказательствами. Но въ упомянутомъ выше спискѣ имѣются три составныя слова съ словомъ декъ, какъ употребляемыя въ русскомъ языкѣ англійскія названія разныхъ частей военнаго корабля: «гонъ декъ, оперъ декъ и къвартеръ декъ». Г. Кушелевъ говоритъ подъ словомъ «декъ» въ своемъ указанномъ выше сборникѣ словъ: «линейные корабли отъ 120 до 80 пушекъ бываютъ въ три палубы или въ три дека, изъ коихъ первая палуба называется *оверлопъ*, вторая—*вердекъ*, а третья—*бувенетъ*». Книга Кушелева печаталась, какъ сказано, въ типографіи Кадетскаго Корпуса; значитъ въ 1788 году

1) См. Письма и бумаги Петра Великаго, т. I, стр. 230—231 и 232—233.

эти выраженія были еще въ употребленіи, но уже ни Jal, ни Вахтинъ о нихъ не упоминаютъ. Такимъ образомъ надо отыскать, гдѣ и когда слово «декъ» появилось въ первый разъ въ русскомъ языкѣ.

То же самое можно сказать о «матросѣ», который вѣдь и по-шведски, и по-датски тоже «matros», но котораго авторъ просто, нисколько не сумняся, отнесъ къ голландскому (стран. 134—135). Также «юнга». Несомнѣнно, что форма «юнга» употребляется, чтобы передать по русски голландское слово «jongen», но весьма вѣроятно, что слово это, какъ таковое, взято изъ нѣмецкаго «Junge». Точно также «ундеръ» въ составныхъ словахъ представляетъ несомнѣнно голландское «onder» и англійское «under», но тѣмъ не менѣе ни въ русскихъ морскихъ, ни вообще въ другихъ русскихъ терминахъ «ундеръ» не голландскаго происхожденія. Даль говоритъ въ своемъ словарѣ, что хотя «ундеръ» и «унтеръ» слова нѣмецкія, но «въ морскихъ терминахъ слово это голландское», но такое его мнѣніе ничѣмъ не подтверждено, какъ и слова автора, говорящаго, послѣ указанныхъ только-что словъ Даля, что «ундеръ» конечно никакъ не верхненѣмецкое слово, а всегда голландское».

Это только лишній разъ доказываетъ, что авторъ при составленіи своего труда принялъ во вниманіе изъ нѣмецкаго языка только верхненѣмецкое нарѣчіе; но если бы онъ слѣдовалъ правилу поискать и въ другихъ нѣмецкихъ нарѣчіяхъ, то наткнулся бы на нижненѣмецкое «under», древнесаксонское «undar», и результаты, быть можетъ, получились бы иные.

У «форъ», представляющаго голландское «voor» во многихъ сложныхъ словахъ, авторъ никакихъ особыхъ замѣчаній не даетъ. Представляютъ ли собою эти сочетанія вообще голландскіе термины, объ этомъ я говорить не буду; я хочу только указать, что при образованіи формы «форъ» несомнѣнно сыграли немаловажную роль также другіе языки и нарѣчія германскаго корня; такъ напр. по-датски будетъ «for», по-восточно-фризландски «for», по-гамбургски «foer», по-англійски «fore».

Просматривая перечень словъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ изъ голландскаго, останавливаешься невольно съ сомнѣніемъ у многихъ изъ нихъ, дѣйствительно ли это такъ. Въ текстѣ отвѣта нѣтъ. Напримѣръ, «бакбордъ, бакбортъ», долженствующее быть изображеніемъ гол-

ландскаго «bakboord»; но и въ Гамбургѣ говорятъ: «backbort», и въ Даніи слышно «bakbord», и въ древне-норвежскомъ встрѣчается слово: «bakbordi».

Русскій «баркъ»—голландское «bark», говоритъ авторъ. Но также у прибрежныхъ жителей Бретани и Нормандіи имѣлась своя «barque», у Англичанъ свой «bark», у Нѣмцевъ по берегамъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей свой «bark», у Датчанъ—своя «barke», у Шведовъ—свой «bark». Слово это было въ ходу отъ Атлантическаго океана до Финскаго залива. Въ первый разъ во внутреннихъ областяхъ Россіи объявился «bark», т. е. торговое судно большихъ размѣровъ, около 1568 года. Въ этомъ именно году Thomas Randolfe ѣхалъ въ Москву въ качествѣ англійскаго посланника; собственноручное описаніе его путешествія дошло до насъ; оттуда мы знаемъ, что для того, чтобы ѣхать изъ Ярославля внизъ по Волгѣ до Каспійскаго моря, англійская компанія для торговли съ Россіей велѣла выстроить въ Ярославлѣ «bark», содержаніемъ въ 27 тоннъ, «котораго тамъ до сихъ поръ никто не видалъ» 1).

Рядомъ съ «баркомъ», большимъ трехмачтовымъ торговымъ судномъ, въ Россіи имѣется еще и «барка», плоское судно для плаванія по рѣкамъ. У Нѣмцовъ Балтійскаго края также различаютъ «bark» и «barke», въ такомъ же смыслѣ, какъ и въ русскомъ языкѣ, можетъ быть подъ вліяніемъ этого послѣдняго. У автора мы читаемъ на стр. 29: «Русское «барка» можетъ также быть образовано отъ голландскаго «bark» [какъ и русское «баркъ»]». По формѣ это слово вполнѣ соотвѣтствуетъ итальянскому [и испанскому] «barca». «Барка» для цѣлей рѣчного судоходства пользовалась въ Россіи давно уже всѣми правами гражданства, еще задолго до того момента, когда Петръ Великій приступилъ къ постройкѣ русскаго флота. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ судоходство по рѣкамъ Московскаго государства, по Волгѣ, Западной Двинѣ, Днѣпру, Дону, было очень оживлено. Грузовыя лодки волжскихъ судовладѣльцевъ были такихъ внушительныхъ размѣровъ, что Randolfe такихъ въ Англіи не встрѣчалъ. Чтобы тащить такую лодку вверхъ по теченію, на Западной Двинѣ напр.,

1) Ср. R. Hakluyt: «Collection of the early voyages, travels and discoveries of the English nation», London 1599, стр. 423 изданія 1809 г.

иногда требовалось до трехсотъ человѣкъ. У сліянія двухъ рѣкъ раскинулись широкимъ кольцомъ селенія продавцовъ лодокъ и судовъ, необходимыхъ торговымъ людямъ; тамъ же имѣлись подворья монастырей, а монастыри вели тогда широкую торговлю. Каждое русло имѣло свои собственныя суда, такъ что въ документахъ того времени можно найти цѣлый рядъ названій рѣчныхъ судовъ, между которыми «досчаники» имѣли наибольшіе размѣры, а «барки» принадлежали къ разряду среднихъ по величинѣ. Въ документахъ 1294—1598 г.г., собранныхъ Археографической Экспедиціей Академіи Наукъ въ разныхъ библіотекахъ и архивахъ Россіи [1]), можно встрѣтить всѣ эти названія. Судоходство рѣчное не ограничилось только внутренними областями Россіи, оно доходило до устьевъ рѣкъ, впаденія ихъ въ море, и здѣсь Русскіе сталкивались съ иностранцами. На Каспійскомъ морѣ они сошлись съ Персами, въ лиманахъ Чернаго и Азовскаго морей съ народами южныхъ странъ Европы; въ Азовъ, важный тогда торговый пунктъ, пріѣзжали на своихъ корабляхъ, между прочими многочисленными иностранцами, Итальянцы.

Также и въ южно-славянскихъ языкахъ встрѣчается слово «барка»; въ Сербіи теперь это судно употребляется для ловли рыбы на Дунаѣ. Взято ли это слово самостоятельно Русскими и Сербами изъ итальянскаго языка, или оно перешло сперва въ сербскій языкъ, а оттуда въ русскій, надо еще рѣшить. Если же основываться на примѣненіи, какое барка имѣетъ въ Россіи и Сербіи, то можно, пожалуй, принять за болѣе вѣроятное первое предположеніе.

Въ Новгородъ ломбардскіе купцы пріѣзжали уже въ XIV столѣтіи; и этимъ путемъ «барка» могла проникнуть въ русскій языкъ.

Изображеніе барки, именно барки на Невѣ, находится въ «Путешествіи» Олеарія; ее же воспроизвелъ И. Н. Божеряновъ въ своемъ юбилейномъ изданіи: «Къ двухсотлѣтію столицы С.-Петербургъ въ Петрово время, 1703—1903 гг.».

Какъ раньше черезъ Новгородъ и потомъ черезъ Архангельскъ,

---

1) Акты Археографической Экспедиціи, томъ I, Спб. 1836 г. Ср. также Н. Костомарова: «Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ», Спб. 1862 г.

такъ въ первой половинѣ XVI столѣтія велась широкая торговля съ западомъ черезъ Выборгъ, Ревель, Ригу, Дерптъ. Туда пріѣзжали Англичане, Голландцы, Фламандцы, Датчане, наряду съ купцами изъ Гамбурга, Любека, Бремена. Послѣ взятія въ 1558 году Иваномъ IV Нарвы морская торговля Россіи съ Западной Европой разцвѣла такъ быстро и широко — въ Нарву приходили коммерческіе корабли нѣмецкихъ ганзейскихъ городовъ, Англіи, Голландіи и Франціи —, что польскій король Сигизмундъ-Августъ пришелъ въ сильное безпокойство и послалъ королевѣ Елизаветѣ англійской письмо, указывая въ немъ на угрожавшую опасность.

Для вѣрнаго рѣшенія вопроса, который въ данный моментъ обращаетъ на себя наше вниманіе, необходимо принять въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, да еще и многія другія, на которыя мы въ дальнѣйшемъ будемъ имѣть случай указывать.

У автора приведено на стр. 85: «русское капъ [мысъ] отъ голландскаго kaap». Авторъ нашелъ это слово только у Вахтина; мы можемъ прибавить еще списокъ словъ Кушелева. Въ сущности, въ собственномъ смыслѣ этого слова, его въ русскомъ языкѣ не существуетъ. Оно встрѣчается только въ географическихъ названіяхъ какъ слово, употребляющееся для обозначенія общегеографическаго понятія; значитъ, оно появилось только, когда Русскіе стали разъѣзжать по открытымъ морямъ и океанамъ. Въ выраженіи «Капъ де Бонъ Есперансъ» «капъ» взятъ несомнѣнно изъ французскаго «cape»; при «Нордъ-капѣ» Русскіе думали вѣроятно больше о скандинавскомъ «kap», чѣмъ о голландскомъ «kaap».

«Нордъ-капъ» объѣхалъ уже въ 1496 г. Григорій Истоминъ, ѣздившій въ Данію для переговоровъ. Онъ ѣхалъ со своими спутниками на четырехъ большихъ лодьяхъ вдоль скандинавскихъ береговъ, достигъ Дронтгейма и оттуда направился въ Копенгагенъ. Тому же пути вокругъ Нордъ-капа слѣдовалъ также думный дьякъ Василій Власьевъ, отправленный Борисомъ Годуновымъ по его восшествіи на престолъ въ Австрію въ качествѣ посланника. При томъ Власьеву было дано порученіе купить въ Любекѣ два корабля, и онъ ихъ купилъ и привелъ въ 1599 г. въ устье Сѣверной Двины и оттуда дальше въ Архангельскъ [1]).

1) См. Ѳ. Веселаго: «Очеркъ русской морской исторіи», Спб. 1875 г.

Заказы частныхъ лицъ на корабли предшествовали таковымъ правительства. Именитые люди Аникій и Яковъ Строгановы, извѣстные владѣльцы обширныхъ земель въ области рѣки Камы, заказали уже около половины XVI столѣтія шведскому корабельному мастеру выстроить на Сѣверной Двинѣ два корабля, чтобы они могли отправиться въ путешествіе въ сѣверо-востоку для открытій. Нидерландецъ Alferius (Olivier), проведшій нѣсколько лѣтъ въ Россіи въ плѣну, былъ отправленъ Строгановыми въ Антверпенъ для найма тамъ искусныхъ кормчихъ и морскихъ служителей для этихъ судовъ. Онъ повезъ съ собой письмо, полное всевозможныхъ указаній объ этомъ предметѣ, адресованное Герарду Меркатору въ Дюйсбургѣ отъ друга его John Balak'а и помѣченное 1581 годомъ [1]).

Серьезныя заботы о расширеніи судоходства проявлялъ также Борисъ Годуновъ, какъ въ видахъ пріобрѣтенія новыхъ владѣній на сѣверовостокѣ, такъ и для поощренія торговли съ Сибирью. Еще при жизни царя Ѳеодора Ивановича онъ старался привлечь въ Москву англійскаго математика John Dee, чтобы пользоваться совѣтами его по этимъ дѣламъ. Въ 1600 году онъ выстроилъ 15 судовъ для плаванія по Сѣверному Ледовитому океану; якоря, желѣзныя части и все относящееся къ такелажу ихъ были привезены изъ Ярославля и Вологды.

Въ этомъ году находилось въ Москвѣ польское посольство съ Львомъ Сапѣгой [Lew Sapieha] во главѣ, представившее московскому царю отъ имени короля Сигизмунда III рядъ проектовъ, какъ защититься общими силами отъ шведской опасности, какъ расширить границы русскихъ и польскихъ владѣній также къ югу. Для этихъ цѣлей предполагалось выстроить сообща военный флотъ, какъ для Балтійскаго, такъ и Чернаго морей. Польша обязалась доставлять командировъ и экипажъ судовъ, а Россія должна была заботиться о строительномъ матеріалѣ и всей оснасткѣ ихъ. Проектъ этотъ содержится въ «Instructia albo nauka posłom» [2]). Онъ осуществленія не получилъ, но показываетъ, что то, что

---

1) Напечатано въ книгѣ R. Hakluyt: «Collection of the early voyages, travels and discoveries of the English nation», London 1599; стр. 577—578 I-го тома изданія 1809 г.

2) Напечатанъ въ Сборникѣ князя Оболенскаго, выпускъ 7-ой, 1838 г.

было сдѣлано Петромъ Великимъ, уже сто лѣтъ до него разработывалось детально въ Польшѣ и занимало сѐрьезно умы также въ Москвѣ.

Каково взаимное отношеніе Польши и Россіи въ области морскихъ терминовъ? Служила-ли Польша по временамъ посредницей въ дѣлѣ передачи нѣмецкихъ и вообще германскихъ морскихъ словъ русскому языку? Заимствовала-ли сама Польша у Россіи кое-какіе изъ этихъ терминовъ, взятыхъ изъ иностранныхъ языковъ и встрѣчающихся въ древнемъ русскомъ языкѣ, а также употребляемыхъ въ польскомъ языкѣ? Все это вопросы, пока еще нерѣшенные. Уже въ XIV столѣтіи Польша вела оживленную торговлю съ Фландріей. Товары шли, пока не было еще Данцига, сухимъ путемъ черезъ Торнъ [фландрское сукно облагалось пошлиной въ двойномъ размѣрѣ противъ торнскаго]. Когда же основался Данцигъ и оборудовалъ у себя гавань, которая могла вмѣстить свыше 2000 кораблей [1]), товары быстро перемѣнили направленіе и пошли черезъ Данцигъ. Здѣсь же стали немедленно причаливать корабли ганзейскихъ городовъ, и съ выраженіями, употребляющимися на этихъ корабляхъ, познакомились также Поляки. Они же посылали, кромѣ того, матеріалы для постройки судовъ жителямъ странъ, лежащихъ по берегамъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, какъ пишетъ въ 1606 году Isaac Laffémas въ своей «Histoire du commerce de France»: «Les Poulonais envoyent sur toutes les côtes de la mer de Nort et d'Occident des ais à faire navires....»

Область изслѣдованія морскихъ и судовыхъ терминовъ въ польскомъ языкѣ совершенно невоздѣлана. Мы укажемъ только на кое-какія скудныя свѣдѣнія, долженствующія дать толчокъ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ объ этомъ вопросѣ.

Встрѣчающіяся въ болѣе древнемъ русскомъ языкѣ слова иностраннаго происхожденія «балка» и «барка» имѣются также въ польскомъ языкѣ: «bałka» съ побочной формой «bełka» и «barka». Есть еще въ польскомъ языкѣ форма «balk», встрѣчающаяся между прочимъ въ риж-

1) «Relation, faicte de la ville de Dansic par le S. di Spinosa — espaignol»: A. Szelągowski «Z dziejów współzawodnictwa Anglii i Niemiec, Rosyi i Polski», Lwów 1910, стр. 25 и 246.

скихъ документахъ всегда въ связи съ торговлей лѣсомъ со Швеціей. Въ этихъ документахъ она разсматривается какъ заимствованіе изъ шведскаго. То, что по-голландски называется «ra», по-польски звучитъ «reja»; такая же форма существуетъ и въ русскомъ языкѣ. Вахтинъ, не знавшій польскаго языка, отнесъ эту форму къ словамъ, произносимымъ съ невѣрнымъ удареніемъ, и видитъ въ ней изуродованный «рей». «Флагъ» по-польски «flaga»; «bloki» и «szance» одинаково усвоены какъ русскимъ, такъ и польскимъ мореходными языками. Русскія иностранныя слова «мачта» и «шпирты» по-польски будутъ, приближаясь болѣе къ германскимъ формамъ, «maszt» и «spiri», «szpiri». Оба слова, и только въ этой формѣ: «машти» и «спири», встрѣчаются въ грамотѣ Петра Великаго, посланной изъ Варшавы 4-го сентября 1707 года Нидерландскимъ Генеральнымъ Статамъ [1]). Статы просили царя снять съ этихъ судовыхъ частей запрещеніе, наложенное русскими властями. «Машти» же и «спири» эти были куплены въ Польшѣ и Литвѣ рижскимъ торговымъ агентомъ Амстердамца Jan'а van Vollenhoven и задерживались русскимъ комендантомъ города Полоцка Ржевскимъ. Въ январѣ слѣдующаго 1708 года послѣдовало высочайшее приказаніе коменданту Ржевскому пропустить указанныя судовыя части безпрепятственно [2]). Голландское «mast» въ цитированной уже неоднократно «Книгѣ пропорціи» [1716 г.] передано словомъ «маштъ», а находящееся тутъ-же рядомъ англійское «mast» сохранило свое англійское произношеніе «мастъ». Не сказывается ли тутъ безсознательное вліяніе польскаго языка, вліяніе объяснимое тѣмъ, что мачты для кораблей Голландцы покупали въ Польшѣ?

Польскіе судовые термины встрѣчаются въ началѣ XVIII столѣтія въ русскихъ рукописныхъ и печатныхъ трудахъ, подвергшихся уже пересмотру, въ которыхъ чужеземныя слова фигурируютъ уже самостоятельно, безъ дальнѣйшихъ объясненій, въ болѣе или менѣе уже установившейся формѣ. Такъ напр. они попадаются въ печатномъ посвященіи

---

1) Подлинникъ находится въ Нидерландскомъ Государственномъ Архивѣ въ Гаагѣ.

2) Этотъ указъ сохранился только въ копіи; находится она въ Государственномъ Архивѣ.

Петру Великому въ сборникѣ «Куншты корабельные»—фоліантѣ, состоящемъ изъ десяти гравюръ съ изображеніями разныхъ судовъ. Одинъ экземпляръ этого сборника принадлежалъ лично царю и находится въ собственной его библіотекѣ [1]), другой принадлежитъ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ [2]). Посвященіе отпечатано въ 1718 г. въ С.-Петербургѣ; корректурный листъ его сохраняется въ архивѣ Св. Синода. Въ фигуральномъ языкѣ этого посвященія мы встрѣчаемъ выраженіе: «котвою [польск. kotew=якорь] православныя вѣры».

Мы упомянули выше о голландскомъ «ra», съ старой побочной формой «ree»; въ русскомъ языкѣ употребительнѣе всего «рей». Этому слову и составнымъ съ нимъ формамъ посвящены у автора стран. 158—160. Изъ его разсужденія мы позволимъ себѣ привести два мѣста, гласящихъ въ буквальномъ переводѣ такъ: «Отъ русскаго «рей» въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Россіи (у Каспійскаго и Бѣлаго морей) имѣются въ употребленіи нѣкоторыя производныя слова: глаголы «реить, реиться», синонимные съ выраженіями: «итти въ реи, итти реями», обозначающіе всѣ: лавировать. Вахтинъ приводитъ еще «реюшки» какъ названіе небольшихъ лодокъ особой конструкціи, употребляющихся на Каспійскомъ морѣ и называющихся такъ потому, что онѣ такъ легко лавируютъ».

Но выраженіе «ходить въ реи» не имѣетъ такого смысла, какъ указываетъ авторъ. Употребляя этотъ терминъ, никто и не думаетъ о «реѣ» какъ «рангоутномъ деревѣ», а о чемъ-то совсѣмъ иномъ. Авторъ этого не замѣтилъ. «Реи», употребляемые, кстати сказать, всегда только во множественномъ числѣ, обозначаютъ доски, похожія на огромные весельные ремни, примѣняемые на судахъ безъ киля для лучшаго плаванія по рѣкамъ, богатымъ мелями и порогами. Благодаря этимъ реямъ, суда лучше слушаются руля и лучше поворачиваются, отсюда реи при лавированіи необходимы. Ихъ виситъ на каждой сторонѣ судна три штуки, двѣ у руля

---

1) № 11; посвященіе имѣетъ надпись: «Поздравленіе о устроеніи флота, поднесенное въ 1718 г.».

2) № 98 по «Каталогу хранящимся въ Императорской Публичной Библіотекѣ изданіямъ, напечатаннымъ гражданскимъ шрифтомъ при Петрѣ Великомъ», составленному А. Ѳ. Бычковымъ, Спб. 1867 г. Ср. также П. Пекарскаго, II, № 392 и В. Шульца-Соколова, стр. 13.

въ видѣ лопатокъ и одна у носа; чтобы проѣхать по порогамъ, они опускаются при помощи канатовъ въ воду. Они въ употребленіи на Свири и во всей Олонецкой губерніи [1]). «Рей» въ смыслѣ «рангоутнаго дерева» здѣсь вовсе неизвѣстенъ, вмѣсто него примѣняется «райна» и побочныя ея формы «райно, рейно».

О «райнѣ» именно и говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ своей книги, которое мы и приводимъ въ точномъ переводѣ. Вотъ оно: «Рядомъ съ «реи» отъ голландскаго «гее», въ Россіи не безизвѣстна была также форма «раа» отъ голландскаго «гаа»: въ Морскомъ Уставѣ Петра Великаго встрѣчается «раа», и Вахтину извѣстна также устарѣлая русская форма «раа». Въ русскомъ языкѣ встрѣчается далѣе слово «райна», имѣющее въ словаряхъ два значенія: 1) устарѣлое названіе нынѣшняго «рая»; 2) рей латинскаго паруса, antenne, vergue latine. Въ первомъ смыслѣ оно въ Архангельскѣ, кажется, еще доселѣ въ употребленіи (слѣдуетъ описаніе, приведенное въ словарѣ Архангельскаго нарѣчія)». «Эта райна»—заявляетъ потомъ авторъ—рядомъ съ «рей» и «раа», мнѣ не ясна».

Эта фраза автора служитъ новымъ вѣскимъ доказательствомъ ошибочности метода, примѣненнаго имъ, именно стараться объяснить всѣ русскіе морскіе термины, для которыхъ въ голландскомъ языкѣ въ началѣ XVIII столѣтія можно было найти болѣе или менѣе равнозвучащія слова, какъ взятые изъ голландскаго. «Райну»-то онъ бы нашелъ, если бы онъ потрудился произвести поиски въ болѣе древней русской рукописной литературѣ. Въ разныхъ спискахъ первой Новгородской лѣтописи встрѣчается «райна», какъ варіантъ слова «рая», а это послѣднее было извѣстно и понятно, согласно документамъ, уже въ 1204 году: «И замыслиша, якоже и прѣже, на кораблихъ раями (въ варіантахъ: раинами) на шьглахъ, на иныхъ же кораблихъ исъциниша пороки и лѣствиця» [2]). Какъ мы уже сказали, «райна» съ побочными формами «райно» и «рейно» въ Олонецкой губерніи и понынѣ еще употребляется вмѣсто «рея».

«Раа»—форма для русскаго языка совершенно чуждая. Но такъ ее пишетъ Вахтинъ, а за нимъ и авторъ. Это слово служитъ хорошимъ дока-

1) Ср. Словарь Олонецкаго нарѣчія.
2) Въ первой Новгородской лѣтописи.

зательствомъ того, какія претерпѣваютъ измѣненія по формѣ старыя, не совсѣмъ понятныя слова, если они должны приноровиться къ мнѣнію авторовъ. «Ра̀а или ра̀ина отъ голландскаго гаа; стар. галерн. — рей» — писалъ Вахтинъ; но «раа» есть не что иное, какъ употреблявшееся въ XIII в. въ Новгородѣ слово «рая». У Г. Кушелева, знатока голландскихъ морскихъ терминовъ и очень любившаго объяснять все голландскимъ, «раа» не встрѣчается; «раа» не обозначена также въ голландско-англійскомъ спискѣ словъ Петра Великаго; въ «Книгѣ пропорціи кораблей», въ перечнѣ голландскихъ и англійскихъ названій судовыхъ частей, въ голландскомъ столбцѣ встрѣчается неоднократно только «рей». Въ морскомъ уставѣ — «Книга Уставъ Морской» — «раа» просто написанное русскими буквами голландское слово «гаа».

На этотъ Морской Уставъ Петра I авторъ ссылается неоднократно. Онъ имѣется, какъ извѣстно, въ четырехъ изданіяхъ, 1720-го года, находящихся всѣ, между прочимъ, въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ. Въ введеніи къ своему труду авторъ опирается при этомъ на Схельтему[1]), не отличавшагося, какъ извѣстно, всегда правильностью сужденій. Самъ г. ван-дер-Мэленъ имѣлъ случай только бѣгло перелистать изданіе отъ 12-го октября 1720 г., форматомъ въ 8-ю долю листа, въ которомъ голландскій текстъ приведенъ рядомъ съ русскимъ. Этимъ бѣглымъ знакомствомъ съ книгой и объясняется, вѣроятно, то, что онъ не обратилъ вниманія на предисловіе, занимающее страницы 1—71, не подвергшееся еще болѣе точному изслѣдованію, но очень заслуживающее этого, если хотятъ вѣрно понять стремленія Петра Великаго и вытекающія изъ нихъ послѣдствія. Вѣдь это предисловіе вещь съ яркой тенденціей. Императоръ написалъ первоначальный текстъ самъ собственноручно; текстъ этотъ имѣется въ его бумагахъ, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ[2]), и напечатанъ Н. Устряловымъ въ его «Исторіи Петра Великаго»[3]). Для печати въ 1720 году предисловіе было совершенно переработано Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, замѣнившимъ

---

1) J. van Scheltema: «Rusland en de Nederlanden», Amsterdam 1817.
2) Кабинетъ Петра Великаго, отд. I, кн. № 38.
3) «Исторія царствованія Петра Великаго», Спб. 1858, т. II, стр. 397: Приложеніе № 1.

простой слогъ оригинала вычурнымъ того времени. Въ этой риторической, витіеватой формѣ оно и должно было воздѣйствовать на большую публику. Кое-что изъ сочиненія царя онъ выпустилъ, многое прибавилъ. Главнѣйшія вставки онъ дѣлалъ уже въ собственноручной рукописи государя, текстъ которой затѣмъ снова былъ пересмотрѣнъ царемъ; такимъ образомъ и переработанная редакція Устава велась подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого Петра.

Тенденція же этого труда состояла въ томъ, чтобы показать, какъ нуженъ, какъ драгоцѣненъ для Россіи боевой флотъ и какъ Провидѣніе выбрало Петра I, дабы онъ (при помощи Голландцевъ) достигъ этой цѣли. Въ краткихъ словахъ приводятся главнѣйшія событія изъ исторіи Россіи, начиная съ Рюрика, и особо подчеркивается, что до временъ Алексѣя Михайловича не было никакихъ, хотя бы малѣйшихъ началъ и данныхъ для судостроенія въ Россіи —«которое дѣло такъ у насъ странно было, что едва слыхали о немъ», говоритъ самъ Петръ въ своей рукописи. Одновременно повѣствуется о препятствіяхъ, чинимыхъ иностранцами развитію этого дѣла запрещеніемъ въѣзда въ Россію судовымъ мастерамъ и спеціалистамъ. Затѣмъ идетъ исторія постройки «Орла» и судьба его экипажа послѣ уничтоженія судна Стенькой Разинымъ. Затѣмъ слѣдуетъ кульминаціонная точка всего разсказа: храмъ іерусалимскій сравнивается съ русскимъ флотомъ; какъ этотъ храмъ не могъ строить Давидъ, а долженъ былъ возвести Соломонъ, выбранный для сего самимъ Провидѣніемъ, такъ и флотъ Россіи, по предназначенію Всевышней Воли, начался отъ незначительнаго, маленькаго по виду событія, имѣвшаго такія огромныя послѣдствія. Это незначительное событіе было именно открытіе Петромъ Алексѣевичемъ англійскаго бота, привести въ порядокъ который помогалъ старикъ-Голландецъ Карстенъ Брандтъ. Знаменательно, что въ той части разсказа, которую писалъ самъ Царь, Тиммерманъ называется Голландцемъ, хотя онъ оставляетъ ему нѣмецкую форму его имени—Францъ—и хотя онъ самъ въ 1713 году называетъ его Гамбуржцемъ. Какъ мы уже видѣли, это тенденціозное изложеніе вещей было подкрѣплено два года спустя, когда флотъ дѣйствительно доказалъ свою дѣеспособность побѣдой надъ Шведами, оффиціальнымъ выставленіемъ ботика на показъ въ Кремлѣ и перевезеніемъ его затѣмъ въ Петербургъ и торжественной установкой

въ Петропавловской крѣпости, гдѣ онъ находится и по настоящее время [1]). О томъ же Промыслѣ Божіемъ говорится также въ небольшомъ стихотвореніи, состоящемъ изъ шести строфъ и сопровождающемъ аллегорическую заглавную гравюру, прекрасное произведеніе Петра Пикара, гравированное въ русско-голландскомъ экземплярѣ Устава ученикомъ Пикара, Алексѣемъ Зубовымъ. Сохранился въ Государственномъ Архивѣ и собственноручно написанный Петромъ текстъ этого стихотворенія [2]).

Умышленно и упорно при этомъ замалчивается все, что могло имѣть отношеніе къ строенію судовъ, совершавшемуся уже до того какъ въ самой Россіи, такъ и за границей по заказамъ изъ Россіи. О Борисѣ Годуновѣ поэтому не могло быть и помину; выставляется только его «злодѣйствіе» по отношенію къ прекращенію царствовавшей династіи Рюриковичей. Исключенъ также морской проектъ польскаго правительства. Участіе Любека должно было быть забыто, чтобы не вызвать въ памяти Любекскій конгрессъ съ его враждебнымъ для Россіи рѣшеніемъ. Упоминать о шведскомъ корабельномъ мастерѣ въ Архангельскѣ, приводившемъ въ исполненіе планы Строгановыхъ, въ то время, когда какъ разъ Шведы должны были быть побѣждены на морѣ, было совсѣмъ неумѣстно. Повѣствованіе о томъ, что Англія владѣла въ XVI столѣтіи торговлей въ сѣверныхъ водахъ Россіи, и далѣе вплоть до Москвы и Каспійскаго моря, и о томъ, какъ въ концѣ того же столѣтія Россія отвернулась отъ Англичанъ и обратилась къ Голландцамъ, было бы политической ошибкой. Что государь пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, еще болѣе чѣмъ за годъ до открытія имъ бота, пріобрѣлъ «малые корабли», находившіеся въ Московскомъ Казенномъ Приказѣ [3]), — въ 1687 году по указанію Петра были «вынуты изъ казны» и посланы въ Потѣшный городокъ 2 корабля малыхъ — это было не слишкомъ удобно доводить до всеобщаго свѣдѣнія. Петръ Алексѣевичъ зналъ, что хорошій военный флотъ, къ которому не преминулъ бы

---

1) Ср. текстъ, выгравированный по шелку, на стр. 10—11 этой статьи.

2) Кабинетъ Петра Великаго, отд. I, кн. № 54, л. 128.

3) Ср. П. О. Бобровскаго: «Исторія лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка», Спб. 1900, т. I, стр. 96; также В. Ключевскаго, IV т. его «Курса русской исторіи», Москва 1910 г., стр. 15, гдѣ ошибочно указывается Оружейная Палата какъ мѣсто нахожденія корабликовъ.

присоединиться таковой же торговый, былъ вопросомъ жизни для его государства. Сопротивленіе противъ огромныхъ жертвъ, требуемыхъ для флота, противъ массоваго призыва чужеземныхъ мастеровъ и свѣдущихъ людей, необходимыхъ для постройки судовъ, было сломлено желѣзной рукой; теперь предстояло вызвать симпатіи къ флоту въ народѣ. Поэтому-то именно и выставляется на первый планъ Промыслъ Божій и чудесное въ открытіи ботика. При этомъ можно было упомянуть о родителѣ царя и о фактѣ, не забытомъ еще вполнѣ, постройкѣ «Орла» Голландцами, съ которыми Петръ находился въ хорошихъ отношеніяхъ и языку которыхъ онъ учился еще до поѣздки своей въ Голландію у дьяка Посольскаго Приказа Андрея Виніуса [1]).

Такое изложеніе вещей не преминуло имѣть свои послѣдствія, которыя чувствуются и теперь еще. С. Елагинъ въ своей «Исторіи русскаго флота. Періодъ Азовскій», принимаетъ это безъ всякихъ комментаріевъ. То же повторяетъ и П. Бобровскій въ «Исторіи лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка». Даже Ключевскій въ своемъ появившемся недавно «Курсѣ русской исторіи» упоминаетъ за все до-петровское время только постройку «Орла» и не говоритъ ни слова обо всемъ томъ, что уже было сдѣлано до него на поприщѣ русскаго судостроенія. Забытъ баркъ, на которомъ Thomas Randolfe плылъ изъ Ярославля въ Каспійское море [2]); забытъ корабль, выстроенный голштинскимъ посольствомъ въ 1635 году въ Нижнемъ Новгородѣ; забыто о флотѣ, построенномъ по приказу Ордина-Нащокина въ 1658 г. на Западной Двинѣ; забыты «потѣшныя суда», вышедшія, какъ разсказываютъ намъ записи расходовъ Двора, въ 1686 г. изъ мастерскихъ села Преображенскаго; забыты также проекты сооруженія флота 1668 и 1672 годовъ, хранящіеся и понынѣ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

---

1) Архивъ князя Ө. А. Куракина, стр. 70: «И за мастера того (голанскаго) языку былъ дьякъ Посольскаго приказа, породою голанецъ, Андрей Виніусъ, человѣкъ умной и состоянія добраго».

2) «Путешествіе» Рандольфа, въ качествѣ посланника, въ «Early Discoveries» Hakluyt'a, стр. 423: «This barke built and ready rigged to the sea with her whole furniture cost not the company above one hundreth marks there».

Въ 1633 году герцогъ Фридрихъ Шлезвигъ-Голштинскій отправилъ въ Москву посольство, чтобы испросить у царя Михаила Ѳедоровича разрѣшеніе построить въ Нижнемъ-Новгородѣ десять судовъ. Суда эти ему были нужны для исполненія его плановъ завязать торговыя сношенія съ Персіей черезъ Россію и Каспійское море. Разрѣшеніе было дано въ томъ же году, договоръ заключенъ въ декабрѣ 1634 г. [1]), и уже въ началѣ января 1635 г. отправились въ Нижній купецъ Hans Berck, жившій нѣсколько лѣтъ до того въ Москвѣ, и Kordes, опытный, искусный мореплаватель изъ Любека, долженствовавшій имѣть общій надзоръ по постройкѣ судовъ. Ихъ сопровождали еще корабельный мастеръ Шведъ Joosten и еще трое лицъ. Какъ въ договорѣ 1634 г., такъ и въ письмѣ, посланномъ царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ нижегородскому воеводѣ Шереметеву, особенно подчеркивается, чтобы корабельные мастера нанимали русскихъ плотниковъ и не скрывали отъ этихъ послѣднихъ своего искусства кораблестроенія. Сначала приступили къ постройкѣ только одного судна, чтобы отвезти посольство, въ числѣ членовъ котораго находился и Олеарій, въ Астрахань. Остальные девять судовъ рѣшено было начать строить только по заключеніи съ шахомъ персидскимъ торговаго договора. Но неблагопріятныя обстоятельства помѣшали осуществленію этого плана; выстроено было только это одно судно, которое въ концѣ іюля 1636 года и было готово и поплыло къ Каспійскому морю. Это было судно о трехъ мачтахъ, безъ киля, 120 футовъ длиной, 40 шириной, осадка его была 7 футовъ. Вслѣдствіе волжскихъ мелей, устроены были 24 ремня и 12 «банокъ»—скамеекъ—для гребцовъ. Внутри имѣлись каюты. Для защиты отъ разбойниковъ, царившихъ на Волгѣ, судно было снабжено пушками. Одновременно съ нимъ строилась также большая шлюпка, которая была потомъ къ нему прицѣплена; въ отличіе отъ русскихъ «лодокъ», долженствовавшихъ также сопровождать судно, она названа въ договорѣ «шлюпкой». 15-го сентября 1636 г. «Фридерикъ» прибылъ въ Астрахань, возбуждая здѣсь, какъ и по всему пути слѣдованія, живѣйшій интересъ и вниманіе. Какъ мы знаемъ изъ «Путешествія» Олеарія, судно погибло на Каспійскомъ морѣ отъ шторма.

1) Онъ напечатанъ въ III томѣ «Актовъ Историческихъ», изданныхъ Археографической Комиссіей, Спб. 1841 г., стр. 329—332.

Такимъ образомъ мы видимъ, что русское правительство уже тогда было занято мыслью о постройкѣ судовъ. Это явствуетъ какъ изъ указаннаго выше факта заботъ, чтобы русскіе люди могли обучиться судостроенію, такъ еще изъ предисловія къ напечатанному въ 1647 году Военному Уставу подъ заглавіемъ: «Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей». Тамъ именно обѣщается изданіе отдѣльной книги «О корабельной ратной наукѣ» [1]): «седьмая книга будетъ о корабельной ратной наукѣ, и то не мало дѣло и ученіе». Попытка къ осуществленію этой мысли была сдѣлана въ 1658 году, послѣ завоеванія Россіей у Шведовъ части Лифляндіи съ городомъ Куконаусомъ (Кокенгаузеномъ) на Западной Двинѣ. А. Л. Ординъ-Нащокинъ, назначенный намѣстникомъ пріобрѣтенныхъ вновь областей, приступилъ немедленно къ постройкѣ флота на Западной Двинѣ [2]), для обезпеченія Россіи свободнаго выхода къ Балтійскому морю. Но когда Куконаусъ былъ опять взятъ обратно Шведами, выстроенные уже корабли, по приказу Ордина-Нащокина, были сожжены.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1667 г., Ординъ-Нащокинъ былъ назначенъ главнымъ руководителемъ работъ по постройкѣ судовъ для торговаго флота на Каспійскомъ морѣ. Работы эти производились въ селѣ Дѣдиловѣ или Дѣдиновѣ на Окѣ, Зарайскаго уѣзда. Отношенія русскаго правительства къ Англіи были уже менѣе близки, и оно обратилось, для приведенія своего плана въ исполненіе, къ Голландцамъ. Голландскому купцу Van Sweeden, жившему въ Москвѣ, дано было порученіе отправиться въ Голландію, нанять тамъ искусныхъ и опытныхъ въ морскомъ дѣлѣ людей и привезти ихъ въ Россію. Онъ такъ и сдѣлалъ. Съ нимъ прибыли въ Москву корабельный мастеръ Helt, штурманы W. и T. van den Streek и судовой рабочій Munster; нѣсколько позже также его племянникъ Бутлеръ [3]), назначенный затѣмъ капитаномъ и «кормщикъ-гене-

---

1) Ср. Висковатова: «Строеніе военныхъ судовъ въ Россіи при царяхъ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексіи Михаиловичѣ», Морской Сборникъ 1875 г.

2) Висковатовъ объ этомъ не упоминаетъ. Но см. Ѳ. Веселаго: «Очеркъ русской морской исторіи». Спб. 1875, стр. 58.

3) Имя его пишется также Botler, но онъ подписывался David Butler.

раломъ», въ сопровожденiи еще тринадцати Голландцевъ изъ Амстердама. Ближайшее руководство работами получилъ полковникъ Van Boekhoven, много плававшiй и знавшiй прекрасно Россiю [1]). Многое, что нужно было для судостроенiя, изготовлялось въ Дѣдиновѣ; тамъ же нанимались и плотники и кузнецы. Первые были уже знакомы съ работами по постройкѣ судовъ: въ Дѣдиновѣ строились многiя суда, между прочимъ также тѣ струги, на которыхъ царь Алексѣй Михайловичъ отправился въ Лифляндiю. Онъ поплылъ въ 1656 году по Западной Двинѣ, прiѣхалъ въ Борисоглѣбскъ (Динабургъ), взялъ его, отправился потомъ далѣе до Риги, осадилъ ее, но блокада этого города окончилась неудачею.

Позже, когда работы подвинулись уже впередъ, въ Дѣдиново прибыли изъ Москвы для украшенiя судовъ, рѣзчикъ по дереву, токарь и иконописецъ, всѣ русскiе. О судахъ и ихъ оснасткѣ, о ходѣ работъ, подвигавшихся впередъ довольно медленно, благодаря ссорамъ и перебранкамъ между строителями, а также вслѣдствiе того, что Ординъ-Нащокинъ долженъ былъ ѣхать на болѣе продолжительное время въ Польшу, мы прекрасно освѣдомлены изъ офицiальныхъ отчетовъ, представлявшихся двоpяниномъ Полуектовымъ, прикомандированнымъ къ Van Boekhoven'у для облегченiя ему переговоровъ о покупкѣ лѣса и другихъ матерiаловъ, Московскому правительству. Въ этихъ отчетахъ [2]) строящiяся суда обозначены такъ: одинъ «корабль»—такъ назывались въ Россiи въ то время и раньше только суда иностраннаго происхожденiя,—это былъ именно «Орелъ»; одна «яхта», одинъ «ботъ» и два «шнака». «Шнаки» замѣняютъ въ этихъ отчетахъ всегда, гдѣ они встрѣчаются, «шлюпы». Само же это послѣднее названiе приведено только одинъ разъ и, какъ слово иностранное, которое могло быть замѣнено отечественнымъ, сейчасъ вытѣснено этимъ послѣднимъ. Но ни «яхта», ни «ботъ» не сопровождаются никакимъ поясняющимъ русскимъ словомъ, какъ это обыкновенно дѣ-

---

1) Онъ прибылъ въ Россiю въ 1647 году изъ Голландiи, вмѣстѣ съ бояриномъ Милославскимъ.

2) Дополненiя къ Актамъ Историческимъ т. V, стр. 211—284; здѣсь же напечатаны и голландскiе документы, переведенные на русскiй языкъ, относящiеся къ постройкѣ «Орла», длившейся три года, съ 1667—1671 гг. При этомъ часто указывается, что переводъ сдѣланъ Андреемъ Винiусомъ.

лается въ болѣе древнемъ русскомъ языкѣ, если какое-нибудь иностранное слово признается таковымъ. При этомъ, кстати сказать, поясняющее слово ставится обыкновенно впереди. То же встрѣчается даже въ русскихъ былинахъ; и какъ разъ по отношенію къ морскому слову я его нашла въ былинѣ о «Соловьѣ-Будимировичѣ», гдѣ говорится о «парусахъ-флагахъ», съ невѣрнымъ только толкованіемъ. Изъ сказаннаго видно, что слова «яхта» и «ботъ» были знакомы Русскимъ въ половинѣ XVII вѣка.

Когда слово «яхта» первый разъ появилось въ русскомъ языкѣ, это несомнѣнно выяснится, когда будутъ предприняты болѣе точныя изслѣдованія болѣе древнихъ офиціальныхъ и неофиціальныхъ бумагъ и документовъ, чѣмъ мнѣ это было возможно до сихъ поръ. Но каково бы ни было происхожденіе русскаго слова «яхта», во всякомъ случаѣ должно отпасть то, что авторъ приводитъ на 84 стран. своей книги какъ доказательство голландскаго происхожденія этого слова въ русскомъ языкѣ (авторъ основывается на указаніи Схельтемы, относящемся къ 1718 г.). Голландскую «speeljacht» Петръ Великій называетъ подъ изображеніемъ таковой на указанныхъ выше гравюрахъ [1]) «потѣшной яхтой».

Слово «ботъ» появилось въ Москвѣ въ первой половинѣ XVII столѣтія вмѣстѣ съ самымъ предметомъ, который оно обозначало: тѣмъ самымъ англійскимъ ботомъ, который удостоился впослѣдствіи такихъ необычайныхъ почестей и былъ построенъ въ Англіи по приказу боярина Никиты Ивановича Романова († 1654), двоюроднаго брата царя Михаила Ѳеодоровича. «Орла» самъ Бутлеръ называетъ просто «schip» или «vaartuig», какъ видно изъ письма его, писаннаго въ Ispahan'ѣ 6-го марта 1671 года и частью напечатаннаго въ «Путешествіяхъ Яна Стрейса» [J. J. Struys], вышедшихъ въ свѣтъ въ Амстердамѣ въ 1676 году [2]). Эти «Путешествія» и составляютъ единственный достовѣрный источникъ свѣдѣній о нападеніи на «Орла» Стеньки Разина и уничтоженіи имъ

---

1) См. стран. 15 настоящей статьи.

2) «Drie aanmerkelijke en seer rampspoedige reysen door Italien, Griekenlandt, Lyflandt, Moscovien, Tartaryen, Meden, Persien, Oost-Indien, Japan en verscheyden andere gewesten».

этого корабля [1]). Въ русскихъ же документахъ, относящихся къ постройкѣ «Орла», онъ называется исключительно «кораблемъ».

Къ послѣдней половинѣ XVII стол. относятся оба проекта по судостроенію, о которыхъ рѣчь была выше. Первый, отъ 1668 г., касается предложенія Бутлера построить неглубоко сидящее «судно морское», по примѣру венеціанскихъ галеръ, которыя могли итти на парусахъ и на веслахъ, и для охраны его построить вооруженный «баркантинъ или стругъ». Андрей Виніусъ выработалъ это предложеніе; при этомъ онъ доказываетъ, что правительству нужно не только одно судно, а много галеръ для Каспійскаго моря, что по тамошнимъ условіямъ гораздо предпочтительнѣе гребныя суда, чѣмъ парусныя, и что Россія, въ то время какъ всѣ народы должны покупать почти все, что нужно для постройки ихъ кораблей, имѣетъ всѣ матеріалы для этого въ изобиліи. Въ особенности же онъ указываетъ на выгоды, которыя будетъ получать Россія отъ такого флота въ торговомъ отношеніи [2]). Этотъ проектъ цѣненъ для насъ и въ томъ смыслѣ, что онъ указываетъ, какъ два Голландца, Бутлеръ и Виніусъ, предлагали русскому правительству постройку венеціанскихъ судовъ. Значитъ, ужъ вовсе неправдоподобно заключеніе Jal'я приведенное авторомъ разбираемой нами книги на стр. 108: «Русскій не сталъ бы спрашивать у Итальянца того, что давалъ ему Голландецъ, у котораго онъ и заимствовалъ главнымъ образомъ свой морской языкъ».

Съ постройкой судовъ по итальянскимъ моделямъ проникли въ русскій языкъ также итальянскіе морскіе термины. Въ концѣ же XVII

---

1) Разсказъ Стрейса объ этомъ былъ переведенъ по русски однимъ шведскимъ плѣнникомъ, который служилъ переводчикомъ въ Посольскомъ Приказѣ, Венедиктомъ Шиллингомъ. Переводъ этотъ остался въ рукописи; списки, подъ заглавіемъ: «Переводъ з галанского языка о разореніи Астраханскомъ черезъ Стенку Разина», находятся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ (Собр. Ундольскаго № 1247) и въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ (Q. IV № 71, изъ собранія гр. Толстова, отд. II, № 408). Ср. Пекарскій I, 224 и А. И. Соболевскій «Изъ переводной литературы Петровской эпохи», Спб. 1908, стр. 20.

2) Проектъ этотъ находится въ Моск. Главн. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, № 42: «Выѣздовъ иностранцевъ въ Россію 1668—1669 гг.».

столѣтія итальянскіе мастера строили, вмѣстѣ съ голландскими и другими, суда для азовскаго флота, о чемъ мы скажемъ впослѣдствіи.

Другой проектъ, отъ 1672 г., также исходилъ отъ иностранца, нѣкоего Яна Вегрона. Онъ называетъ себя капитаномъ и адмираломъ, но въ сохранившейся части рукописи [1]) нигдѣ не указываетъ, откуда онъ родомъ. Онъ предлагалъ русскому правительству строить суда не только для собственныхъ надобностей, но также для продажи ихъ другимъ народамъ. Подобно Виніусу, онъ указываетъ, что Россія имѣетъ огромныя богатства строительнаго матеріала, подробно развиваетъ возможность расширенія русской морской торговли съ южными странами Европы, Бразиліей и Индіей и рыбной ловли въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ. Въ языкѣ подлинника можно подмѣтить нѣкоторые полонизмы.

Въ этомъ самомъ 1672 году родился Петръ Алексѣевичъ. Уже въ дѣтствѣ развивалась въ немъ любовь къ ѣздѣ по водѣ и возбуждался интересъ къ заграничнымъ судовымъ типамъ. Знаменательно, что первый его учитель, Никита Моисеевичъ Зотовъ, «велѣлъ развѣсить въ хоромахъ царевича изображенія кораблей [а также городовъ и крѣпостей] европейскихъ» [2]). Также небезынтересно, что въ Кремлѣ, у Боровицкихъ воротъ, на плоской крышѣ одного большого каменнаго зданія имѣлся прудъ для поливки имѣвшагося тамъ сада. Вода подавалась сюда машиной, устроенной еще при царѣ Махаилѣ Ѳеодоровичѣ, изъ Москвы-рѣки. Въ этотъ прудъ спускались для малолѣтняго Петра маленькія суда, кабусъ и шнякъ; шнякъ былъ снабженъ даже на палубѣ «чердакомъ», т. е. каютой [3]).

Четырнадцати лѣтъ Петръ Алексѣевичъ приступилъ къ постройкѣ небольшихъ судовъ въ селѣ Преображенскомъ. Самая ранняя дата, относящаяся къ этому предмету, какую я могла найти въ росписяхъ всѣхъ

---

1) Моск. Гл. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, Приказныя дѣла 1672 г., св. № 47. Рукопись въ прежнія времена хранилась небрежно: первые листы утрачены.

2) П. О. Бобровскій: «Исторія лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка», Спб. 1900. Ср. по поводу дѣтства Петра тоже Е. Шмурло: «Критическія замѣтки по исторіи Петра Великаго» въ Журналѣ Мин. Народнаго Просвѣщенія 1900—1901 г.

3) Забѣлинъ: «Дѣтскіе годы Петра Великаго» въ его книгѣ «Опыты изученія русскихъ древностей», ч. I, стр. 42.

частныхъ заказовъ Царскаго Двора, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Императорскаго Двора, помѣчена 1686 годомъ. Это именно заказъ отъ 30-го іюля 1686 года на лѣсной матеріалъ для одного большого и одного малаго судна: «Въ село Преображенское къ потѣшнымъ судамъ, къ большому стругу и ко шняку на дѣло веселъ, 20 досокъ липовыхъ» [1]). Дальнѣйшіе заказы слѣдуютъ весной 1687 и 1688 гг., и это все, какъ равно перевозка упомянутыхъ выше маленькихъ судовъ изъ Казеннаго Приказа въ село Преображенское, совершается раньше того, какъ молодой Петръ нашелъ лѣтомъ 1688 г. старый англійскій ботъ. Также онъ отдалъ еще весной 1688 г. приказанія для закладки въ Переяславлѣ-Залѣскомъ, на берегу Трубежа, верфи для постройки трехъ судовъ, между ними одного большого корабля. Мастерами и руководителями являлись при этомъ старикъ-Голландецъ Карстенъ Брандтъ, спасшійся съ «Орла», и нѣкій Кордтъ. Объ этой постройкѣ Петръ Алексѣевичъ разсказываетъ своей матери, когда въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1689 г. только-что стаялъ ледъ на Трубежѣ [2]). Съ 1690 года наблюденіе за работами здѣсь было ввѣрено Гамбуржцу Францу Тиммерману.

Вернемся теперь къ Морскому Уставу. Изъ только-что изложенныхъ разсужденій мы можемъ заключить, какая требуется осторожность, если желаютъ приводить его какъ источникъ доказательствъ.

Въ указѣ отъ 13-го января 1720 г., помѣщенномъ во всѣхъ изданіяхъ Устава впереди текста, говорится въ самомъ началѣ: «нынѣ... приступаемъ къ морскому [уставу], которое... прежде всего начинаемо было, а именно при ...блаженной ...памяти его величества государя отца нашего, для мореплаванія на Каспійскомъ морѣ». Уставъ содержитъ рядъ статей, по которымъ должна была поддерживаться дисциплина во флотѣ; онѣ были вывезены Бутлеромъ изъ Голландіи. Онъ передалъ подлинникъ въ Посольскій Приказъ и получилъ оттуда списокъ, который ему былъ нуженъ для его поѣздки въ Персію, такъ какъ ему было позволено

---

1) Г. В. Есиповъ: «Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ», Москва 1872, ч. IV: «Постройка потѣшнаго городка въ селѣ Преображенскомъ».

2) Письма и бумаги Петра Великаго, т. I, № 6.

руководствоваться, для поддержанія дисциплины среди команды ввѣренныхъ ему судовъ, своими собственными правилами: «межъ корабельными людми росправу чинить и вѣдать ихъ по ихъ иноземскимъ артикуламъ, какъ у нихъ за моремъ бываетъ». Значитъ, первый морской уставъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, о которомъ доказано, что онъ былъ извѣстенъ въ Россіи, былъ голландскаго происхожденія. Напечатанный же въ 1720 г. для примѣненія въ русскомъ флотѣ представляетъ собой, какъ ясно выражено въ указѣ отъ 13-го января, компиляцію изъ пяти разныхъ морскихъ уставовъ, съ прибавленіемъ личныхъ распоряженій самого государя: «сей воинской морской уставъ учинили, — которое выбрано изъ пяти морскихъ регламентовъ, и къ тому довольную часть прибавили, что потребно». Потребное онъ прибавлялъ «отъ своего разсужденія», какъ говорится во введеніи на стр. 58.

Съ этими данными не согласуется мнѣніе Схельтемы (Scheltema), повторенное авторомъ на стр. 11 разбираемой книги, что морской уставъ «почти цѣликомъ заимствованъ изъ голландскаго». Мы знаемъ, кромѣ того, что напр. въ 1715 г. въ С.-Петербургѣ имѣлась уже напечатанной «Инструкція о морскихъ артикулахъ и крихсрехтахъ, или воинскихъ правахъ Фридриха четвертаго, короля датскаго», форматомъ въ осьмушку листа, 122 стр., изданная вторично въ 1716 г. и еще третій разъ въ 1718 г. Въ 1715 же году вышелъ въ С.-Петербургѣ «Уставъ о войскахъ морскихъ и ихъ арсеналахъ, Людовика XIV, короля французскаго и наваррскаго», въ четвертую долю листа, 517 страницъ.

Этотъ Уставъ былъ изданъ по французски въ 1689 году и буквально переведенъ въ 1714 году на русскій языкъ. Имя переводчика намъ неизвѣстно; онъ же, согласно его же словамъ, перевелъ годомъ раньше на русскій языкъ французскій морской уставъ 1681 года[1]). Какъ только переводъ былъ законченъ, Петръ отправилъ въ началѣ 1715 г. капитана Конона Зотова во Францію и далъ ему порученіе собирать книги, имѣющія отношеніе къ флоту, а также всякіе документы, справки и свѣдѣнія,

---

1) Должно быть: «Ordonnance de Louis XIV, touchant la marine», 1681 г.; экземпляръ этой французской книги находится въ Моск. Гл. Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ; очень возможно, что именно она служила подлинникомъ выше названнаго русскаго перевода.

касающіеся морской службы, и переводить все это на русскій языкъ. Къ этой группѣ книгъ навѣрно и относятся сочиненія: «Описаніе французскаго флота» и «Штатъ морской французскаго королевства», о которыхъ упоминаетъ Голиковъ въ числѣ переводовъ Петровскаго времени [1]). Зотовъ, учившійся пять лѣтъ [1706 — 1711 г.г.] въ Англіи и побывавшій три года [1715 — 1718 г.г.] во Франціи для ознакомленія съ устройствомъ французскаго флота, употребилъ собранный имъ матеріалъ для своихъ сочиненій, писанныхъ имъ разновременно. Нѣкоторыя изъ нихъ остались въ рукописи, другія же были напечатаны въ С.-Петербургѣ, напр. въ 1724 г. «Разговоръ у адмирала съ капитаномъ о командѣ или полное ученіе како управлять кораблемъ во всякія разныя случаи». Въ какой мѣрѣ были использованы собранные Зотовымъ французскіе источники при составленіи русскаго морского устава—дѣло дальнѣйшихъ изслѣдованій; достовѣрно извѣстно только одно, что указанный выше «Уставъ о войскахъ морскихъ Людовика XIV» былъ однимъ изъ главныхъ источниковъ при созданіи Морского устава. То же можно сказать и о датскомъ уставѣ, приведенномъ выше, какъ указываетъ уже краткое перечисленіе его содержанія. Онъ раздѣленъ на тринадцать главъ. Первая говоритъ «О моленіи Господу Богу»; отсюда видно, что не только молитва, произносимая обыкновенно на голландскихъ судахъ, послужила основаніемъ къ тому, что сказано о молитвѣ въ русскомъ уставѣ, но что кое-что тамъ есть и датскаго происхожденія. Вторая глава касается дисциплины на судахъ: «О командѣ и о послушаніи»; затѣмъ слѣдуютъ: «О морскихъ сержантахъ и чинахъ», «О вступленіи на корабль и сходѣ съ корабля и о поступкѣ на берегу», «О сигналахъ», «О винахъ», «О кораблѣ», «О боѣ», «О аммуниціи, ружьѣ и корабельныхъ припасахъ», «О взятіи полонянниковъ и добычи», «О принятіи въ службу, о жалованьѣ и свободѣ отъ службы», «О случаяхъ неописанныхъ и послушаніи артикуловъ», «О кригсрехтѣ или воинскомъ судѣ морскомъ». Кромѣ этого датскаго, примѣнялся еще и шведскій морской уставъ, переводъ котораго въ рукописи сохраняется въ частной библіотекѣ Петра I.

Съ голландскаго переведена буквально и въ 1714 г. напечатана

---

1) И. Голиковъ: «Дѣянія Петра Великаго», Москва 1839, т. X, стр. 334.

въ С.-Петербургѣ: «Книга ордера или во флотѣ морскихъ правъ», 8^0, 34 стр., съ виньеткой, рѣзанной на мѣди. Переводъ озаглавленъ: «Ордеръ его высочества господина принца Оранжскаго, къ содержанію добраго порядка во флотѣ». Единственный извѣстный экземпляръ я видѣла въ частной библіотекѣ Петра [1]); тамъ же находятся и 16 экземпляровъ этого перевода съ прибавленіемъ голландскаго текста, Спб. 1714, 8^0, 60 стр. [2]); 17-ый экземпляръ находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ [3]). В. Мельницкій перепечаталъ эту книгу въ своей статьѣ: «Голландское морское законодательство» [4]) и указалъ, что̀ именно заимствовано изъ нея для Морского Устава [5]).

Кромѣ того я нашла въ частной библіотекѣ Петра I рукопись: «Артикулная грамота, или наказъ карабельнаго всякаго чина людей». Рукопись эта [№ 55, 4^0, 45 л.], писанная полууставомъ, переходящимъ въ скоропись, на голландской бумагѣ, представляетъ собой въ первой части переводъ съ голландскаго [до стр. 37], а во второй съ англійскаго: «Наказъ во осмотрѣніе королевскаго величества аглинскаго карабельнаго воинскаго каравана во время бою». Въ вышеупомянутой статьѣ своей Мельницкій привелъ переводъ «Артикулной грамоты» съ указаніемъ, что̀ перешло оттуда въ Морской Уставъ; но хотя онъ и видѣлъ ту же рукопись, которая имѣлась у меня въ рукахъ, онъ не упоминаетъ о «Наказѣ аглинскаго карабелного каравана». Списалъ [и перевелъ?] эту статью нѣкто А. К. въ 1692 г. Относительно перевода достойно замѣчанія, что напр. на стран. 8 встрѣчаются рядомъ «квартеръ мейстеръ» и «квартеръ мастеръ».

---

1) № 26.—Ср. Пекарскаго II, № 247.

2) У Пекарскаго № 248.

3) А. Ѳ. Бычковъ, «Каталогъ...», № 46. У Пекарскаго онъ не упомянутъ.

4) Морской Сборникъ 1855 г., № 9, стр. 162—218.

5) Въ книгѣ С. Бѣлокурова: «О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи», Москва 1899, на стр. CCCLIX и CCCLXII отмѣчены слѣдующія книги: «Zeerechten», Amsterdam 1699 и «Schwedische See-lagh oder Seerecht», Riga 1666, которыя въ 1784 г. еще находились въ библіотекѣ Моск. Гл. Архива Минист. Иностр. Дѣлъ. Были ли эти книги переведены по-русски и имѣли ли онѣ какое нибудь значеніе для русскаго морского законодательства при Петрѣ I, это до сихъ поръ не изслѣдовано.

За «Артикулной грамотой» въ рукописи слѣдуютъ: «Указы во время погоды туманной, когда корабли другъ друга видѣти не могутъ», переводъ съ голландскаго; списокъ этихъ указовъ былъ сдѣланъ въ 1688 г. «на воинскомъ кораблѣ Кортине».

Около этого же времени былъ переведенъ съ голландскаго третій уставъ подъ заглавіемъ: «Генеральные знаки или ясаки общіе и звычайные на корабляхъ воинскихъ, которые принадлежатъ къ караванамъ г-дъ высокомочныхъ Статъ Соединенныхъ Недерляндъ, такъ же какъ случится воинскимъ провожать купецкія корабли». Это первоначальный переводъ сигналовъ, употреблявшихся въ голландскомъ военномъ и морскомъ флотѣ, которые отчасти были приняты для русскаго флота. Но только отчасти, потому что равномѣрно принимались во вниманіе и сигнализаціонныя системы другихъ націй. О датскихъ сигналахъ мы упомянули уже, говоря о переводѣ датскаго морского устава, гдѣ они находятся въ V-ой главѣ. Сигналы шведскаго, англійскаго, французскаго и итальянскаго флотовъ вошли въ составъ статьи: «Генеральные Сигналы надзираемые во флотѣ Его Царскаго Величества», прибавленной къ Уставу Морскому въ концѣ въ видѣ особаго приложенія. Дневные сигналы составлены преимущественно по сигналамъ De Tourville: «Signaux généraux de Monsieur le maréchal de Tourville pour 1694» [1]). Въ подробностяхъ эти русскіе «Генеральные сигналы» нѣсколько разнятся отъ ихъ подлинника.

Петровскіе генеральные сигналы были напечатаны въ первый разъ въ 1698 г. въ Амстердамѣ. А. Соколовъ [2]) видѣлъ это голландское изданіе: «Generale Zeynen, omme geobserveert te werden bÿ de vloot van Zijne Czaarsche Majesteit» [3]) [Генеральные сигналы для руководства на

---

1) Въ листъ, 74 страницы.

2) Ср. его статьи «Морскіе сигналы» въ Запискахъ Гидрографическаго Департамента Морского Министерства за № 1852 г., т. V, и «Сигналы» въ Морскомъ Сборникѣ 1856 г., стр. 333.

3) Пекарскій не зналъ этого изданія, а равно изданія 1704 г., но у С. Бѣлокурова (см. примѣчаніе на стр. 45 этой статьи) въ реестрѣ 7-мъ (G) Государственной Коллегіи Иностр. Дѣлъ Моск. Архива разноязычнымъ печатнымъ книгамъ, на стр. CCCLXII отмѣчено 7 экземпляровъ амстердамскаго изданія 1698 года генеральныхъ сигналовъ.

флотѣ Его Царскаго Величества], въ 4 д. л., 20 и 8 стр.; они были еще разъ напечатаны тамъ же въ 1704 году, безъ измѣненій, только съ прибавленіемъ въ заглавіи книги «groot-magtigste» Czaarsche Majesteit. Фамиліи издателя Соколовъ не приводитъ, но весьма вѣроятно, что печаталъ именно Я. Тессингъ. Является мысль: не могло ли появиться, раньше голландскаго изданія или одновременно съ нимъ, также и русское? Не посчастливится ли намъ отыскать одинъ изъ экземпляровъ этого неизвѣстнаго до сихъ поръ изданія? Больше всего напрашивается предположеніе, что это былъ именно самъ Петръ I, который составилъ эти сигналы для своего будущаго флота и велѣлъ ихъ затѣмъ немедленно перевести на голландскій языкъ. Первый приказъ о сигналахъ во флотѣ онъ составилъ въ 1696 г. [1]); въ Кабинетѣ Петра Великаго, отд. I, кн. № 39 [2]) находятся «Сигналы для парусной флотиліи», писанные всѣ рукой царя. Указанные выше «Генеральные сигналы» были напечатаны въ Москвѣ въ 1710 г., въ 16 д. л.; въ 1714 г. они были перепечатаны въ С.-Петербургѣ въ 8-ю долю листа съ прибавленіемъ голландскаго текста. «Сигналы во время бою», находившіеся въ московскомъ изданіи въ концѣ, отсутствуютъ въ петербургскомъ, но они были напечатаны отдѣльно въ 1714 и 1716 г.г., также вмѣстѣ съ голландскимъ переводомъ. Доказательствомъ, что при составленіи сигналовъ черпали изъ разныхъ источниковъ, служитъ и то, что петербургское изданіе 1714 года было въ томъ же году еще разъ переиздано съ дополненіями. Эти послѣднія сохраняются въ рукописномъ видѣ въ экземплярѣ, находящемся въ Кабинетѣ Петра Великаго, отд. I, кн. № 38. Нѣсколько разъ, въ 1716, 1719, 1720 и 1723 г.г., «Генеральные сигналы» перепечатывались, съ сохраненіемъ русско-голландскаго текста [3]).

Но не слѣдуетъ думать, что такое предпочтеніе оказано было только голландскому языку. Нѣтъ; мы видимъ, что другой рядъ сигналовъ — сигналовъ для галернаго флота — снабжался итальянскимъ пере-

---

1) Изданъ въ Письмахъ и бумагахъ Петра Великаго, т. I, стр. 64—68.

2) л. 562.

3) Въ «Опытѣ россійской библіографіи» Сопикова, изд. подъ ред. Рогожина, стр. 235—236, съ ссылками на Пекарскаго и Смирдина.

водомъ. Галерный флотъ составлялъ тогда самую главную часть балтійскаго флота и имъ командовалъ Итальянецъ, шаутбейнахтъ графъ И. Ѳ. Боцисъ. Первое изданіе этихъ сигналовъ появилось на русскомъ языкѣ въ 1714 г. въ С.-Петербургѣ, въ 12-ю д. л., подъ заглавіемъ: «Генеральные сигналы, которые чинены будутъ во флотѣ его царскаго величества всероссійскаго Петра I». Съ измѣненіями эти же сигналы были перепечатаны при Морскомъ Уставѣ въ Полномъ Собраніи Законовъ. Измѣненія основаны на рукописныхъ дополненіяхъ, сохранившихся въ экземплярѣ, находящемся въ Кабинетѣ Петра Великаго, отд. I, книга № 40. Уже въ 1715 г. вышло въ С.-Петербургѣ второе изданіе, въ которомъ страницы раздѣлены на два столбца: слѣва помѣщенъ русскій текстъ, а справа рядомъ—итальянскій переводъ. Такое же распредѣленіе было соблюдено также въ русско-голландскихъ изданіяхъ. Въ такой же формѣ,—слѣва русскій текстъ, справа переводъ на итальянскій языкъ,—былъ напечатанъ въ 1721 г. въ С.-Петербургѣ въ листъ рядъ инструкцій для торговаго флота: «Регламентъ шкиперамъ, приходящимъ на торговыхъ карабляхъ въ порты россійскаго государства». Этотъ же регламентъ появился въ С.-Петербургѣ въ печати снабженный голландскимъ переводомъ [въ 4 д. л.], и еще въ томъ же 1721 году онъ былъ изданъ съ греческимъ и турецкимъ переводомъ [форматомъ въ листъ] [1]).

Всѣ эти правила и узаконенія иностранныхъ мореходныхъ народовъ объ ихъ флотахъ и были положены въ основу русскаго Морского Устава. Но, какъ мы видѣли, уже самъ Петръ I, движимый политическими соображеніями и симпатіей къ Голландіи и Голландцамъ, своимъ разсказомъ о первыхъ началахъ судостроенія въ Россіи, набросаннымъ имъ въ предисловіи къ уставу, способствовалъ зарожденію невѣрныхъ представленій объ этомъ предметѣ. Малое, до самаго послѣдняго времени, знакомство Русскихъ съ иностранными языками препятствовало провѣркѣ преданій и наличныхъ данныхъ. Къ тому же голландскій переводъ появился еще во второмъ изданіи Устава, такъ что Голландцы и пришли къ ошибочному

1) Объ этихъ и дальнѣйшихъ изданіяхъ см. Сопиковъ: «Опытъ россійской библіографіи» въ изданіи В. Рогожина, ч. IV, Спб. 1905, № 9726, 9727, 9728 и 9728С [въ указателѣ къ «Опыту» ошибочно 9828С].

мнѣнію, будто Уставъ Морской почти цѣликомъ заимствованъ изъ голландскихъ источниковъ. Не надо при этомъ забывать, что все, что печаталось въ Москвѣ и Петербургѣ при Петрѣ Великомъ, печаталось голландскими мастерами и русскими, которые учились у тѣхъ же Голландцевъ. Русскій гражданскій шрифтъ выдуманъ, по порученію царя, Голландцами въ Амстердамѣ; амстердамскіе граверы представляли свои образцы, и государь выбралъ по нимъ формы, которыя ему нравились больше всего.

При огромномъ количествѣ новыхъ понятій и заимствованныхъ словъ, проникшихъ въ это время въ русскій языкъ — часть ихъ была потомъ опять отброшена или искажена [1]). Совершенно естественно при такихъ обстоятельствахъ, что слова и понятія эти въ печати получили скорѣе голландскій, чѣмъ какой-либо другой видъ.

Тѣмъ большая поэтому требуется осторожность при опредѣленіи ихъ происхожденія. Многообъемлющій умъ Петра I устремлялъ свое вниманіе всюду, если нужно было достичь исполненія намѣченныхъ плановъ. Многое, что переведено и было приготовлено къ печати въ царствованіе Петра I, такъ и осталось въ рукописи; нѣкоторыя изъ этихъ рукописей дошли до насъ, другія утратились или еще не извлечены на свѣтъ изъ архивовъ и библіотекъ. Даже и отъ того, что тогда напечатано, далеко не все дошло до насъ. Изъ дѣлъ архива синодальной типографіи въ Москвѣ видно, что хранившіяся тамъ во множествѣ книги петровскаго времени уже въ половинѣ XVIII столѣтія распродавались за копейки и гроши бумажнымъ мельницамъ или употреблялись какъ обертки для новыхъ изданій. Объ этомъ говорилъ уже Пекарскій [2]). Такимъ образомъ многое пропало, но многое и осталось, и во всякомъ случаѣ этого вполнѣ достаточно, чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о происхожденіи и появленіи того, что имѣетъ отношеніе къ петровскому флоту.

Да будетъ намъ позволено остановиться еще немного на этихъ переводахъ и печатныхъ трудахъ эпохи Петра Великаго. Можно сказать, что

---

1) Такъ, напримѣръ, было заимствовано съ голландскаго слово «флагдукъ» (шерстяная матерія для флаговъ); слово это исчезло изъ употребленія.

2) Ср. предисловіе къ его труду: «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ».

Царь «prenait son bien où il le trouvait». Полякъ И. Копіевскій, называвшійся также Копіевичемъ, жившій въ Амстердамѣ, перевелъ для плаванія по открытому морю съ латинскаго на русскій языкъ книжку «шыперскаго мастера Остиндійской компаніи» Авраама де Граафа, и въ 1701 г. она была напечатана въ Амстердамѣ у Авраама Бремана подъ заглавіемъ: «Книга учащая морского плаванія», 4°, 109 стр. Въ концѣ присоединены таблицы логариѳмовъ, склоненій солнца на 1701—1732 гг., и меридіональныхъ частей, съ заголовками по-голландски. Копіевскому помогалъ при переводѣ Jan de Jonge, подписавшійся подъ посвященіемъ Ѳ. А. Головину такъ: «Иванъ Іевлевъ сынъ молодой». Книжка эта должна была быть напечатана еще въ 1698 г. у Я. Тессинга. Это была первая книга на русскомъ языкѣ о плаваніи по открытому морю: печать была церковная, но обозначеніе страницъ сдѣлано арабскими цифрами. Я нашла въ частной библіотекѣ Петра I два полныхъ экземпляра этой книги, о которыхъ никто еще не упоминалъ, одинъ изъ нихъ въ опойковомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ (№ 42); третій принадлежитъ Императорской Публичной Библіотекѣ [1]); четвертый находился еще въ 1784 году въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ [2]). Въ рукописи она сохранилась въ библіотекѣ Казанскаго университета подъ № 23664 [3]). Отсюда видно, что это сочиненіе распространялось не только въ печатномъ видѣ, но также въ рукописныхъ копіяхъ, какъ это часто бывало въ то время въ Россіи. Въ 1703 году въ самой Россіи, именно въ Москвѣ, появилось руководство для плаванія по морю, подъ заглавіемъ: «Ариѳметика», составленное на основаніи ряда переводовъ съ иностранныхъ языковъ. Компиляторомъ былъ Леонтій Магницкій, «природно-Русскій, а не Нѣмчинъ», какъ онъ самъ аттестуетъ себя въ предисловіи, учитель «навигацкой школы», основанной въ 1701 г. въ Москвѣ. Для удобства прибавлены здѣсь таблицы, между прочимъ таблицы А. Кирхера для опредѣленія меридіональной линіи по гномону и по компасу. Для учениковъ этой школы были составлены «Таблицы лога-

---

1) Описанъ А. Соколовымъ.

2) См. С. Бѣлокурова въ вышеуказанномъ (стр. 46) реестрѣ книгъ 1784 г.

3) А. И. Артемьевъ: «Описаніе рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Императорскаго Казанскаго Университета», Спб. 1882, № CXXXV.

риѳмовъ и синусовъ, тангенсовъ и сѣкансовъ» В. Кипріяновымъ подъ наблюденіемъ Магницкаго, Англичанина С. Гвына и профессора А. Фарварсона; въ 1703 г. онѣ были напечатаны въ Москвѣ и вторично тамъ же въ 1716 году. Шесть лѣтъ позже, въ 1722 г., вышли въ Москвѣ «Таблицы горизонтальныя сѣверныя и южныя восхожденія солнца», составленныя тѣмъ же Кипріяновымъ подъ наблюденіемъ Фарварсона и Магницкаго. Эту книжку видѣлъ и описалъ В. Берхъ; позднѣйшіе изслѣдователи уже не имѣли ея подъ руками[1]). Полагаютъ, что она была переводомъ съ голландскаго и заимствована изъ появившагося въ 1697 г. въ Амстердамѣ «Шацъ-Камера».

Въ связи съ только-что изложеннымъ, несомнѣнно имѣетъ извѣстное значеніе указаніе на рукопись, находящуюся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, F. IX. № 13 (изъ собранія гр. Толстова, отд. I, № 440). Рукопись эта представляетъ собой фоліантъ въ 106 страницъ; написана она на голландской бумагѣ (водяные знаки изображаютъ гербъ Амстердама), полууставомъ, переходящимъ въ скоропись, одной и той же рукой, украшена математическими фигурами, отчасти исполненными безукоризненно отъ руки, отчасти печатными, съ русскими надписями; рукопись иллюстрирована отдѣльными, вклеенными въ ней изображеніями голландскихъ городовъ, вырѣзанными изъ печатной книги. На гравированномъ листѣ (исполненномъ граверомъ Московской типографіи Михаиломъ Карновскимъ), находящемся передъ заглавіемъ рукописи, помѣщены названія 32 румбовъ — голландскія (но переписанныя только русскими буквами), какъ ихъ печаталъ впервые Я. Тессингъ въ Амстердамѣ и какъ они употребляются еще и до сихъ поръ[2]). Но рукопись эта не есть переводъ только съ голландскаго. Передъ заглавіемъ: «Навигаціо, или Корабленлаваніе плоское и меркаторское» имѣется, на первомъ бѣломъ листѣ приписка, писанная другой рукой, чѣмъ самый переводъ. Изъ нея видно, что переводъ этотъ начатъ въ 1719 году, является компиляціей

1) «Жизнеописанія первыхъ россійскихъ адмираловъ или опытъ исторіи россійскаго флота», Спб. 1831 г.—Описаніемъ Берха пользуются Пекарскій (II, стр. 586) и Соколовъ въ Морской Библіотекѣ, стр. 19.

2) Экземпляръ гравюры Карновскаго находится въ частной библіотекѣ Петра I.

изъ англійскихъ и голландскихъ трудовъ, къ каковымъ относился также упомянутый выше «Шацъ-Камеръ», названный здѣсь «шкаткамер'омъ», какъ оно и ближе къ голландскому «schatkamer». Если мы толкуемъ вѣрно приписку [1]), то переводилъ и составлялъ этотъ трудъ штурманъ Иванъ Даниловичъ Зиминъ. Но содержаніемъ его интересовался также купецъ П. А. Курочкинъ, пожелавшій имѣть съ-него копію. При помощи своего бывшаго прикащика И. И. Шамордина онъ ее и получилъ и закончилъ въ 1721 г. Собственноручная подпись Курочкина сохранилась въ концѣ приписки; сама рукопись писана, вѣроятно, Шамординымъ. Послѣ заглавія идетъ: «Предуготовленіе ко употребленію навигаціи, на вопросахъ и отвѣтахъ предложенное», а въ концѣ помѣщены таблицы для опредѣленія ширины и долготы на морѣ.

Изъ «Шхаткамера», какъ это слово написано въ введеніи, взяты также «Таблицы склоненія солнца, сочиненныя по амстердамскому меридіану, отъ 1720 по 1741 г.», напечатанныя отдѣльно въ Москвѣ въ 1723 г. и посвященныя В. Кипріяновымъ императору Петру [2]). Второе, болѣе пространное заглавіе гласитъ: «Пространѣйшія и самонужнѣйшія таблицы разности ширины и отшествія отъ миридіана, сочиненныя суть на цѣлыя мили или минуты и съ сотыми частми ихъ по аглинскому разсужденію, для праваго дѣйствія компаса морскаго чрезъ разные румбы».

Въ качествѣ пособія при мореплаваніи переведенъ съ англійскаго и напечатанъ «Морской Циркуль»,—«изъ книгъ великобританскаго флота», какъ говорится въ добавленіи къ реестру книгъ, переведенныхъ по указамъ Петра I съ различныхъ иностранныхъ языковъ и сочиненныхъ въ Россіи [3]). Спеціально для плаванія по Балтійскому морю переведена съ шведскаго «Книга морская, показующая правдивое мореплаваніе на Балтійскомъ морѣ». Русскій переводъ напечатанъ въ 1721 г. въ С.-Петербургѣ, шведскій же оригиналъ вышелъ еще въ 1677 г. въ Стокгольмѣ и написанъ кормчимъ и капитаномъ шведскаго адмиралтейства

1) Она написана не вполнѣ вразумительно.

2) Одинъ экземпляръ, въ которомъ недостаетъ послѣднихъ страницъ, находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

3) До сихъ поръ не найдено ни одного экземпляра этой книжки, но она приведена Голиковымъ: «Дѣянія Петра Великаго», т. X, изд. 1839 г., стр. 334.

Іоанномъ Мансономъ какъ руководство для лоцмановъ. Въ началѣ 1721 г. государь исправлялъ лично переводъ этой книги, что видно изъ оставшихся послѣ него бумагъ. Въ теченіе XVIII столѣтія книга эта перепечатывалась три раза (въ 1739, 1756 и 1786 гг.) и была въ употребленіи долгое время — до 1789 г. — какъ у моряковъ русскаго флота, такъ и въ мореходныхъ училищахъ, до тѣхъ поръ, когда наконецъ въ указанномъ году появилась книга директора Морского Корпуса А. Нагаева — руководство для лоцмановъ, вытѣснившая книгу Мансона.

«Трактатъ о движеніяхъ корабельныхъ», переведенный съ иностраннаго языка и напечатанный, до сихъ поръ не найденъ [1]); также же неизвѣстно, съ какого языка онъ переведенъ.

Подъ «книгами о флагахъ» во время Петра Великаго подразумѣвались два томика сочиненія К. Алярда: «Новое галанское корабельное строеніе». Сказать, что это переводъ съ голландскаго, нельзя; это простая транскрипція русскими буквами голландскихъ словъ. Русское изданіе напечатано въ Москвѣ въ 1709 г., пріобрѣтеннымъ вновь гражданскимъ шрифтомъ, въ 4-ю долю листа. Голландскій оригиналъ появился въ 1705 г. въ Амстердамѣ, и одинъ экземпляръ его я нашла въ частной библіотекѣ Петра Великаго (№ 45). Тамъ же находится и одинъ экземпляръ русскаго изданія (№ 38). Въ немъ красиво изображены въ краскахъ корабельные флаги европейскихъ мореходныхъ народовъ въ большомъ количествѣ, между прочимъ также польскій, а впереди всѣхъ англійскій и голландскій, изображены вполнѣ оснащенный корабль, большія и малыя суда въ профили, французскій и англійскій адмиральскіе корабли, компасъ и его части, разные судовые инструменты и пр. [2]). Текстъ занимаетъ въ первомъ томѣ 94 стран., во второмъ 40 страницъ. Рукопись русскаго перевода этой книги находится между бумагами Петра Великаго [3]), съ важной помѣткой внизу, что рукопись прислана государю

1) Только Голиковъ упоминаетъ о немъ въ названномъ выше трудѣ, стр. 334.

2) Объ этомъ экземплярѣ книги Алярда Пекарскій не зналъ. Онъ приводитъ только два экземпляра Академіи Наукъ съ указанными выше изображеніями, и одинъ Императорской Публичной Библіотеки, безъ нихъ. Кромѣ того находится экземпляръ въ Архивѣ Морского министерства.

3) Кабинетъ Петра Великаго, отд. I, кн. № 38.

А. А. Матвѣевымъ изъ Гааги, вмѣстѣ съ письмомъ его. Это и служитъ поясненіемъ, почему языкъ не русскій, а голландскій, написанный только русскими буквами, вслѣдствіе чего въ свою очередь книга эта въ смыслѣ доказательства заимствованія русскимъ языкомъ голландскихъ судовыхъ терминовъ значенія имѣть не можетъ[1]).

О перечнѣ частей англійскихъ и голландскихъ судовъ: «Книга пропорціи оснаски караблей Аглинской», напечатанномъ въ 1716 г. въ С.-Петербургѣ, мы имѣли уже неоднократно случай упоминать, какъ и о спискѣ голландскихъ и англійскихъ судовыхъ словъ и терминовъ, составленномъ Петромъ Великимъ для себя во время своего перваго заграничнаго путешествія и напечатанномъ въ «Письмахъ и бумагахъ Петра Великаго».

Не лишены иногда интереса въ смыслѣ типовъ и названій судовъ, гравюры, изображающія разныя суда, первые отпечатки которыхъ сохраняются въ частной библіотекѣ Петра I. Между прочимъ, мы укажемъ здѣсь только на собраніе гравюръ въ видѣ большаго фоліанта, № 28, съ изображеніями двухъ судовъ, завоеванныхъ государемъ у Шведовъ: одного «шнау» и одного «галеота», гравированныхъ Петромъ Пикаромъ (Пикартомъ); далѣе на тріумфальный въѣздъ въ С.-Петербургъ съ завоеванными шведскими судами: шхерботами, галерами и фрегатомъ коменданта Эреншельда. Въѣздъ гравированъ «иноземцемъ Гендрикомъ де Витъ» (онъ былъ Голландецъ) въ 1714 году.

Какъ доказательство того, какимъ образомъ Петръ Великій обращалъ свои взоры всюду, гдѣ онъ только могъ найти что-нибудь для своего новаго флота, и въ какой степени судовые термины всевозможныхъ національностей могли проникать въ языкъ его народа и на самомъ дѣлѣ проникали, мы приводимъ здѣсь двѣ рукописи Императорской Публичной Библіотеки. Одна имѣется въ двухъ экземплярахъ, черновомъ и бѣловомъ, F. IX № 10 и F. IX № 11[2]), въ листъ, 97 л.; черновой экземпляръ помѣченъ 1714-ымъ годомъ.

Подъ заглавіемъ: «Оснастка караблямъ военнымъ» здѣсь приведены подробно штаты четырехъ военныхъ судовъ разной величины датскаго

1) Ср., однако, книгу ван-дер-Мѣленъ на стран. 9—10.

2) Изъ собранія гр. Толстова, отд. I, № 410 и № 242.

флота: «Его королевскаго величества датцкаго и норвесскаго отъ всего флота выбраны оныя 4 корабля всѣхъ препорцей, великой и средней и подсредней и малой». Такъ какъ тутъ обозначены всѣ вещи по вооруженію: рангоута, такелажа и парусовъ, то рукопись эта представляетъ для насъ особый интересъ въ смыслѣ языка; въ ней мы находимъ штропы и блоки, брамштенги, крюсштенги и машта, ундерблинды и вантъ, гитау и тауболты, бакштакъ и ѳокштакъ, безанъ и галсъ, буклинію и дрейрепъ, нокгординъ и талій, теру и пеку и т. д., однимъ словомъ, всякіе корабельные термины, буквальные переводы съ датскаго, которые въ равной мѣрѣ могли бы быть взяты изъ голландскаго [1]) и авторомъ прямо и относятся къ заимствованіямъ изъ голландскаго. Но насколько такое рѣшеніе вѣрно, мы уже неоднократно упоминали въ предыдущемъ.

Другая рукопись (F. IX, № 1) есть переводъ съ итальянскаго, происходитъ она также изъ собранія гр. Толстого [2]), форматомъ въ листъ, написана на пергаментѣ тщательнымъ полууставомъ, переходящимъ въ скоропись; заглавнаго листа нѣтъ. Это описаніе разныхъ видовъ венеціанскихъ морскихъ судовъ, изображенныхъ прекрасными акварелями, числомъ 15, которые почти всѣ сохранились совершенно свѣжими. На первой страницѣ означенъ, другой рукой, 1706 годъ, повидимому годъ изготовленія рукописи. Каждое судно снабжено названіемъ, и оборудованіе его болѣе или менѣе подробно описано; въ нѣсколькихъ случаяхъ упоминаются также обычаи, бывшіе въ употребленіи на судахъ Венеціи. Прежде всего описанъ компасъ и дана инструкція для пользованія имъ. Названія частей вооруженія кораблей,—чего иначе и нельзя было ожидать,—приведены по итальянски, но только русскими буквами. Изрѣдка встрѣчаются поясненія, какъ напр. «поненте, рекше западъ», «марнеръ, или солдатъ», «якорь, или янкарь».

---

1) Въ какомъ объемѣ Датчане заимствовали голландскія морскія и судовыя слова въ своемъ языкѣ, объ этомъ до сихъ поръ не существуетъ спеціальныхъ изслѣдованій; до тѣхъ поръ пока этотъ предметъ не будетъ разработанъ, нельзя составить правильнаго объ этомъ представленія. Для русскаго морского словаря рѣшеніе этого вопроса можетъ имѣть только второстепенное значеніе, какъ мы увидимъ далѣе.

2) Отд. I, № 331.

Съ Венеціей Петръ I началъ столь же рано морскія сношенія, какъ и съ Голландіей, такъ какъ уже въ 1697 г. были отправлены три партіи стольниковъ въ Венецію, а четвертая въ Англію и Амстердамъ для изученія морского дѣла. Вернувшись въ Россію въ 1699 году, онѣ производили въ Воронежѣ на кораблѣ, стоявшемъ на якорѣ, «экзерцицію» и сдавали экзаменъ. Имѣется любопытная гравюра М. Мартиновича отъ 1698 г., изображающая «обученіе русскихъ стольниковъ въ Венеціи мореходнымъ наукамъ»; ее можно найти въ книгѣ А. С. Кроткова о Морскомъ кадетскомъ корпусѣ [1]).

Къ этому же времени относится рукопись Моск. Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ № CCXLII [2]), содержащая переводъ съ итальянскаго языка учебника основанныхъ на математикѣ наукъ. Рукопись писана въ Венеціи, скорописью, въ листъ, на 363 л.; общаго заглавія не имѣется. Она составлена изъ разныхъ частей, изъ которыхъ для нашей цѣли имѣетъ значеніе вторая половина третьей части [Козмографія]. Въ этомъ отдѣлѣ рѣчь идетъ о навигаціи и въ концѣ прибавлено: «ученіе о знатіи персонъ или всѣхъ начальныхъ и малыхъ людей на корабле и о знатіи пушекъ корабельныхъ»; интересъ при этомъ заключается въ томъ, что морскіе чины обозначены итальянскими и венеціанскими наименованіями, къ которымъ изрѣдка прибавлены испанскія и русскія названія: «Генералъ воинской по влоску зовется альмирантъ, а по московски онъ зовется воевода».Какъ видно по выраженію «по влоску», а также по многимъ другимъ словамъ и оборотамъ, переводчикъ былъ Полякъ; ему помогалъ при работѣ Неаполитанецъ; оба жили въ Венеціи и записали свои имена въ рукописи: «Матѳей Пиї, родомъ Неополитанъ, жилъ въ Венеціи въ первомъ кляшторе святыхъ Іоанна и Павла; Балтазаръ Аравскій, родомъ Полякъ, въ Венеціи жилъ и былъ рѣентомъ ѳилософіи въ кляжторе святаго Стефана». Можно думать, они переводили этотъ сборникъ учебныхъ книгъ на русскій языкъ для пользованія молодыми Русскими, посланными въ Венецію для ученія.

---

1) А. Кротковъ: «Морской кадетскій корпусъ», краткій историческій очеркъ съ иллюстраціями, Спб. 1901, стр. 14.

2) А. Востоковъ: «Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румян. музеума», Спб. 1842.

Другую рукопись — переводъ съ итальянскаго — пріобрѣла недавно Императорская Публичная Библіотека въ С.-Петербургѣ. Она форматомъ въ листъ, 95 л., написана скорописью конца XVII стол., несомнѣнно рукою самого П. А. Толстого, бывшаго впослѣдствіи русскаго посланника въ Константинополѣ. На первомъ листѣ находится слѣдующее заглавіе: «Караванъ неополитанскій». Въ этой рукописи помѣщены произведенія разныхъ лицъ; напримѣръ, на об. л. 31-мъ читаемъ: «Учинено отъ пресвѣтлейшаго господина Маркиза Якова Ингирама генарала», а на л. 34 вверху: «Ѳранъцишекъ Парриі», причемъ здѣсь выставленъ и годъ: «лѣта Господне 1698-го». Въ рукописи весьма часто встрѣчаются названія морскихъ чиновъ.

Если ограничиться только перечисленіемъ морскихъ чиновъ у автора книги «Голландскіе морскіе термины въ русскомъ языкѣ», можно уже изъ выше приведеннаго ясно видѣть, какъ необосновано его мнѣніе, что всѣ обозначенія чиновъ, встрѣчающіяся въ русскомъ флотѣ, взяты изъ голландскаго. Съ достовѣрностью это можно сказать про слово «шаутбейнахтъ» — голландское «schout-bÿ-nacht»[1]).

Принадлежитъ ли этому времени или болѣе раннему «Книга письменная на русскомъ языкѣ о глобусѣ и о морскомъ хожденіи», которую я нахожу въ числѣ прочихъ предметовъ въ «Описи Мастерской палаты» подъ № 1232 [2]), нельзя съ точностью установить, за неимѣніемъ другихъ данныхъ. По тому обстоятельству, что она была въ богатомъ переплетѣ («въ переплетѣ зеленомъ съ золотомъ»), можно предполагать, что она принадлежала кому-либо изъ членовъ царскаго семейства. Объ этой рукописи нигдѣ, кромѣ этого, нѣтъ упоминаній, но она доказываетъ, что не все, что было собрано и изготовлено для усвоенія русскими морского дѣла, дошло до насъ.

Между тѣмъ работы по постройкѣ флота велись съ лихорадочной поспѣшностью, ближайшимъ поводомъ къ чему послужила осада Азова, показавшая, что городъ не могъ бы быть взятъ безъ флота. Кое-какіе первые шаги по строенію судовъ были уже сдѣланы, именно существо-

---

1) Слово это изчезло изъ употребленія.

2) А. Успенскій: «Записныя книги и бумаги старыхъ дворцовыхъ приказовъ», Москва 1906 г., стр. 43; рук. л. 213 об.

вали уже, какъ мы видѣли выше, небольшія верфи въ селѣ Преображенскомъ и въ Переяславлѣ. Въ Московскомъ отдѣленіи Архива Мин. Императорскаго Двора сохранились записи о покупкѣ лѣса, желѣза, полотна и веревокъ для намѣченныхъ къ постройкѣ судовъ. Приказы о покупкахъ «къ корабельному дѣлу» или «къ строенью кораблей» слѣдуютъ быстро одинъ за другимъ. Между прочимъ интересны приказы отъ 21 января и 10 февраля 1692 г.: «велѣно купить для возки съ Москвы въ Переяславль яхты и всякихъ припасовъ, 20 сани-дровни, 60 рогожъ простыхъ, 40 веревокъ личныхъ» и «велѣно купить и послать въ село Коломенское для подъему шняковъ и яхтъ въ Переяславль-Залѣской 20 досокъ байдашныхъ» [1]). Отсюда видно, что слово «яхта» уже тогда пользовалось правами гражданства въ русскомъ языкѣ. Какъ эти яхты прибыли въ Москву и откуда онѣ по происхожденію,—я не могла установить. Въ то время русскимъ правительствомъ суда покупались уже за границей, что доказываютъ между прочимъ тѣ самыя записи, о которыхъ рѣчь была выше. Въ одной изъ нихъ, въ докладѣ отъ 1692 г., говорится: «принялъ Андрей Креветъ [2]) у Архангельскаго города, у иноземцовъ, заморскихъ покупныхъ вещей: два шняка съ парусы и съ принадлежащими потребы, парусныя полотна, математійскія орудія, два глобуса...».

Къ концу слѣдующаго 1693 года было у работы въ Переяславлѣ, кромѣ русскихъ плотниковъ и мастеровъ, три «новоприбылыхъ иноземца», какъ можно видѣть по росписи расходамъ; подъ 3-мъ же февраля 1694 г. отмѣчено, что велѣно «изъ Приказу Большого Дворца [дать] иноземцомъ корабельнымъ мастеромъ Класу да Яну кормовыхъ денегъ». Въ этомъ самомъ году царь поручилъ Датчанину Елизару Елизаровичу Избранту строить въ Архангельскѣ торговыя суда [3]) и заказалъ для торговли на Каспійскомъ морѣ при посредствѣ Николая Витсена въ Амстердамѣ «галею». Ходъ ея предполагался греблей при помощи 34 ремней. Она прибыла въ

---

1) Сборникъ выписокъ изъ арх. бумагъ о Петрѣ Великомъ, т. I, ч. V, стр. 375, 377.

2) Въ офиціальныхъ бумагахъ названъ иноземцемъ и переводчикомъ [Посольскаго Приказа]. С. Елагинъ говоритъ, что А. Креветъ былъ переводчикъ англійскаго языка [«Исторія русскаго флота, періодъ Азовскій», Спб. 1864, I, стр. 24].

3) Указъ датированъ 26 августа 1694 г. изъ Архангельска.

Архангельскъ въ 1695 г. Небольшая модель ея [1]) была препровождена на особомъ кораблѣ купцу Данилу Гартману, чтобы она могла быть собрана и оснащена какъ подобаетъ. Въ «росписи, что чего послано на кораблѣ» встрѣчаются слова «машти» и «райны».

Но когда галея прибыла въ Архангельскъ, государь далъ ей другое назначеніе и велѣлъ ее немедленно отвезти на Вологду, а оттуда на особо устроенныхъ дровняхъ въ село Преображенское какъ модель для 22 галеръ [2]), которыя должны были тамъ быть построены. Для постройки этихъ послѣднихъ были вызваны плотники изъ Вологды и Нижняго-Новгорода, и помянутый выше Гартманъ пригласилъ изъ Голландіи, какъ видно изъ письма его отъ 7 мая 1696 г., двухъ судовыхъ мастеровъ, двухъ человѣкъ для пильныхъ мельницъ и одного кузнеца.

Въ цѣляхъ полученія прямого воднаго сообщенія съ Азовскимъ моремъ, работы по постройкѣ судовъ были переведены въ Воронежъ, на рѣку Воронежъ, откуда идетъ водный путь по Дону въ Азовское море. Сюда была привезена голландская «галея»; командовать ею долженъ былъ Лефортъ, какъ первый русскій «адмиралъ». Къ веснѣ 1696 г. поспѣли три галеры и были спущены на воду. Первая, подъ названіемъ «Принципіумъ», былъ, какъ говорятъ Елагинъ и Боголюбовъ, «галеасъ» съ тремя мачтами; два другія: «Апостолъ Петръ» и «Апостолъ Павелъ» — походили на тогдашніе англійскіе корабли IV ранга [3]). Но можно считать, что какъ эти три первыя, такъ и слѣдующія 19 галеръ, которыя были потомъ построены, были въ главныхъ частяхъ воспроизведенія голландскаго образца, хотя въ подробностяхъ онѣ значительно разнились отъ него. Работали русскіе люди, привезенные изъ Нижняго, Вологды, Архангельска, но работало также много иностранныхъ плотниковъ, между ними Голландецъ Янъ Питерсенъ, привезшій упомянутую галею изъ Амстердама въ Россію. Въ началѣ лѣта 1696 г. онъ со своими товарищами вернулся обратно на родину, что видно изъ указа Петра

---

1) Вторая модель осталась въ Голландіи и находится въ Государственномъ музеѣ въ Амстердамѣ; въ ней имѣется только 32 ремня.

2) 3-го ноября 1696 г. Гордонъ видѣлъ ее тамъ же [ср. Журналъ его].

3) Онѣ подробно описаны у С. Елагина: «Исторія русскаго флота», т. I, стр. 88.

Великаго отъ 5 іюня 1696 г., предписывающаго, какимъ образомъ доставить безопасно и благополучно 22 иностранца-плотника изъ Воронежа въ Архангельскъ [1]). Въ документѣ приведены всѣ ихъ имена.

Между тѣмъ царь обратился также къ Даніи съ просьбой о присылкѣ корабельныхъ мастеровъ и плотниковъ. Это видно изъ письма датскаго резидента Бутенанта фон-Розенбуша отъ 3-го іюля 1696 г. [2]): «по указу великаго государя изъ датской земли сюда въ Москвѣ ѣдетъ началный человѣкъ капитанъ, который не токмо знаетъ галеры и корабли строить, но и какъ съ ними на морѣ ходить и биться разумѣетъ». Это былъ капитанъ Симонъ Петерсонъ, прибывшій 25 іюля въ Москву, въ сопровожденіи своего лѣкаря, слуги, толмача и четырехъ галерныхъ мастеровъ. Изъ этихъ послѣднихъ одинъ былъ родомъ изъ Любека, трое остальныхъ изъ Даніи [3]).

Въ то же самое время были выписаны судовые мастера и плотники изъ Венеціи, и въ 1697 г. началась въ Воронежѣ постройка 14 «барбарскихъ и шихъ-бомбардирскихъ кораблей». Прибыли въ Воронежъ капитанъ Густавъ Меера и венеціанскіе мастера, какъ можно видѣть по указамъ, хранящимся въ Архивѣ Морского Министерства. Между ними встрѣчаются, напр., указы 1697 г.: «о назначеніи венецейскихъ мастеровъ, капитана Густава Меера и другихъ лицъ къ постройкѣ въ Воронежѣ, и о посылкѣ туда же мастеровыхъ людей, умѣющихъ снастить корабли» [4]); отъ 1699 г.: «О постройкѣ въ Воронежѣ великаго галіаса, яхты и кораблей». Между бумагами того же года встрѣчается также счетъ на итальянскомъ языкѣ съ русскимъ переводомъ: «что нужно для постройки великаго галіаса» [5]).

Названія судовъ, повторяющіяся постоянно въ документахъ этого времени, кромѣ приведенныхъ выше,—«фуркаты», «каторги» и «галеры».

---

1) Указъ 5-го іюля 1696 г., хранящійся въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи.

2) Письмо находится въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи.

3) Подробности см. въ дѣлахъ Посольскаго Приказа въ Моск. Гл. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ.

4) «Описаніе дѣлъ Архива Морского Министерства за время съ половины XVIII до начала XIX ст.», т. I, Спб. 1877, № 3, I.

5) Тамъ же № 46, I, л. л. 114, 115.

Языкъ этихъ документовъ переполненъ иностранными словами; знаменательно, что постоянно вмѣсто «мачти» и «рея» употребляется «машта» и «райна»; такъ напр. между прочимъ въ «Росписи, что какихъ припасовъ изъ Азова изъ приказной палаты, на фуркатахъ и по росписи князя К. Оболенскаго, на Воронежъ послано» [1]).

Работа кипѣла въ Воронежѣ. Азовъ былъ взятъ, и послѣ взятія его состоялся торжественный въѣздъ въ Москву, при которомъ Лефортъ игралъ роль главнаго лица и самъ Петръ фигурировалъ въ качествѣ морского капитана; этотъ въѣздъ долженъ былъ показать, что для развитія силы и мощи Россіи такъ же необходимъ флотъ, какъ и армія. Затѣмъ была созвана въ Преображенскомъ Царская Дума и она постановила 4 ноября 1696 г., что флотъ долженъ быть построенъ на частныя средства и что въ этомъ дѣлѣ должны участвовать всѣ, обладающіе болѣе чѣмъ 100 крестьянскими дворами, безразлично, свѣтскаго ли званія или духовнаго, а также монастыри. Срокъ постройки былъ назначенъ двухлѣтній; главное руководство было вручено стольнику Протасьеву, получившему званіе «адмиралтеицъ». Суда, предполагавшіяся къ сооруженію, должны были быть «барколоны, барбарскіе корабли, бомбарды и галеры»; такимъ образомъ видно, что преобладающимъ было венеціанское вліяніе. Венеціанскій морской офицеръ Юрій Степановичъ Лима состоялъ уже на русской службѣ во время второго азовскаго похода и участвовалъ въ немъ въ чинѣ вице-адмирала, также присутствовалъ онъ при торжественномъ въѣздѣ въ столицу, равно какъ и шаутбейнахтъ де-Лозіеръ, родомъ изъ Бранденбурга или Австріи.

Но отъ своихъ основныхъ типовъ русскія суда отличались весьма рѣзко, потому что надо было считаться съ мелководьемъ русскихъ рѣкъ и бассейновъ, что не было опредѣленныхъ моделей, что данныя иностранныхъ мастеровъ не сходились между собою и что между судовыми мастерами и руководителями не было хорошихъ знатоковъ дѣла. Дѣйствительнымъ знатокомъ дѣла является Датчанинъ Августъ Мейеръ, составлявшій самъ и чертежи, но по его чертежамъ не хотѣли строить

---

1) Хранится въ Ворон. Архивѣ; напечатана въ приложеніяхъ къ «Исторіи русскаго флота» С. Елагина.

другіе по причинамъ задѣтаго самолюбія. Мейеръ потерялъ наконецъ терпѣніе и просилъ объ отставкѣ въ 1698 г.

Между тѣмъ уже имѣлось на лицо на судостроительныхъ работахъ семьдесятъ человѣкъ заграничныхъ мастеровъ и подмастерьевъ изъ Венеціи, Голландіи, Англіи, Швеціи и Даніи; разные предметы для судовъ заказывались за границей, такъ напр. между прочимъ пилы въ Швеціи, можжеры въ Голландіи. Уже весной того же года отправилось за границу, въ Западную Европу, посольство, съ Лефортомъ и Головинымъ во главѣ, долженствовавшее исходатайствовать тамъ для Россіи матеріальную поддержку во время войны съ Турками. Въ числѣ тридцати «волонтеровъ», примкнувшихъ къ посольству, чтобы изучить въ Голландіи, Англіи и Венеціи дѣло строенія судовъ, находился и самъ царь и вмѣстѣ съ нимъ А. Меншиковъ и Ѳ. Скляевъ. Царь путешествовалъ, какъ извѣстно, подъ именемъ Петра Михайлова [1]). Девять дней Петръ Михайловъ работалъ на верфи Листа Рогге въ Саардамѣ (Zaandam); послѣ Саардама, $4\frac{1}{2}$ мѣсяца, благодаря хлопотамъ Николая Витсена, на верфи Остъиндской Компаніи въ Амстердамѣ, гдѣ учителемъ его былъ Герритъ Клаасъ Пооль и гдѣ Петръ строилъ фрегатъ «Святые Апостолы Петръ и Павелъ». Семь молодыхъ Русскихъ въ то же время плавали въ качествѣ матросовъ на разныхъ голландскихъ судахъ.

Три мѣсяца Петръ I работалъ потомъ въ Англіи на дептфордской верфи на Темзѣ. Король Вильгельмъ Оранскій подарилъ ему яхту «Транспортъ-Рояль», построенную по рисункамъ лорда Кармартона; это была яхта о двухъ мачтахъ, прибыла она въ томъ же 1698 году въ Архангельскъ; модель ея хранится въ Морскомъ музеѣ въ С.-Петербургѣ. По желанію Вильгельма Оранскаго самъ лордъ Кармартонъ былъ учителемъ царя; Петръ I составилъ для себя собраніе судовыхъ моделей, побывалъ въ Портсмутѣ, гдѣ дѣлалъ смотръ эскадрѣ, ѣздилъ на военномъ кораблѣ на островъ Уайтъ и присутствовалъ тамъ на морскихъ маневрахъ.

Послѣ того онъ былъ снова въ Голландіи и, послѣ кратковременнаго пребыванія въ ней, намѣревался отправиться въ Венецію; но волне-

---

1) Паспортъ, который Петръ I велѣлъ выдать себѣ на время этой поѣздки, сохранился въ частной библіотекѣ Петра Великаго.

нія въ собственной странѣ помѣшали осуществиться этому его плану и принудили его вернуться домой.

Въ Россію царь Петръ привезъ массу предметовъ, необходимыхъ для судовъ и морской службы, между прочимъ «флагдукъ». Но еще болѣе цѣннымъ было то, что онъ пріобрѣлъ за границей свѣдущихъ и способныхъ людей, помощниковъ для исполненія своихъ плановъ. Изъ Англіи онъ привезъ съ собой корабельныхъ мастеровъ Джона Дена [Dane] и Осипа Най [Nay] и шлюзнаго мастера Перри, который долженъ былъ соорудить шлюзы въ системѣ каналовъ между Дономъ и Волгой и построилъ въ Россіи также доки; профессора Абердинскаго университета, Шотландца Фарварсона, учредившаго потомъ первую русскую навигацкую школу и плодотворно трудившагося въ качествѣ ея директора; изъ Голландіи пріѣхалъ съ царемъ Корнеліусъ Крейсъ [1]), оказавшій русскому флоту въ званіе вице-адмирала, какъ извѣстно, несравненныя услуги.

Въ Англіи Петръ I нанялъ также матросовъ для своего флота, въ Голландіи это сдѣлалъ Крейсъ, навербовавшій тамъ также нѣсколько морскихъ офицеровъ, напр. Реса, получившаго на русской службѣ званіе шаутбейнахта.

Вернувшись въ Россію и справившись съ неотложными дѣлами, Петръ поспѣшилъ отправиться въ Воронежъ и приступилъ, при сотрудничествѣ людей, учившихся вмѣстѣ съ нимъ за границей, къ постройкѣ шестидесятипушечнаго корабля «Явленіе Петра». Весной 1700 г. корабль былъ спущенъ на воду; изъ Москвы прибылъ на это торжество голландскій резидентъ ван-дер-Гэльстъ (Hulst) [2]), сообщившій потомъ о всемъ видѣнномъ Генеральнымъ Статамъ Соединенныхъ Нидерландовъ [3]). Изъ письма ван-дер-Гэльста можно усмотрѣть, что въ Воронежѣ въ то время строилось приблизительно тридцать судовъ, изъ нихъ 24—25 итальянскими мастерами, по типамъ большею частью галеасы и бригатиры. Ван-дер-Гэльстъ отзывается о нихъ далеко не лестно, разсказывая

---

1) Такъ онъ самъ писалъ свою фамилію; ошибочно теперь пишется Крюйсъ.

2) Въ Россіи фамилія его писалась Фан-дер-Гульстъ.

3) Письмо отъ 26 мая 1700 г. Оригиналъ находится въ Государственномъ Архивѣ въ Гаагѣ; русскій переводъ приведенъ въ «Исторіи русскаго флота» С. Елагина, приложеніе IV, № 38.

между прочимъ, что «на верфи стоитъ чрезвычайно уродливый галеасъ, который только два подобныхъ себѣ въ свѣтѣ имѣетъ, а именно одинъ у султана, а другой въ Венеціанской республикѣ». Это навѣрно упомянутый выше большой галеасъ, о которомъ венеціанскій корабельный мастеръ Яковъ Моро писалъ царю письмо 20-го ноября 1699 г. на итальянскомъ языкѣ. Письмо переводилъ на русскій языкъ князь Н. Лихудьевъ [1]); онъ оставлялъ всѣмъ болѣе или менѣе существеннымъ терминамъ ихъ итальянскую форму, написавъ ихъ только русскими буквами; потомъ въ концѣ онъ перечисляетъ эти термины еще разъ и прибавляетъ, что знаетъ ихъ значеніе. О вооруженіи же корабля, по словамъ письма, даетъ свѣдѣнія венеціанскій пушкарь Капокарло, находившійся въ Москвѣ.

Около этого самаго времени вызванъ изъ Англіи корабельный мастеръ Козенцъ, прекрасный знатокъ своего дѣла. Требовались новыя силы, такъ какъ не только для Чернаго, но и для Балтійскаго моря долженъ былъ быть построенъ флотъ. Отъ этого періода времени сохранилась между прочимъ «Опись кораблямъ и галерамъ, которые на Воронежѣ и на устьи Воронежскомъ и на Ступинѣ, съ показаніемъ, въ которомъ году были спущены и кто были мастера» [2]). Въ ней обозначено, что изъ сооруженныхъ въ 1697 г. «бомбардирскихъ» кораблей три строилъ Датчанинъ Августъ. Мейеръ [3]), три Итальянцы Янъ Ветурій и Яковъ Моро и десять Итальянцы Яковъ Федоровъ, Еронимъ Дибоней, Иванъ Фаустовъ, Іосифъ Ѳоминъ и Антонъ Мосилинъ. Въ томъ же году Моро съ товарищами построили галеру, а голландскіе мастера Питеръ Класъ, Яковъ Коль, Руловъ Семесенъ, Мартинъ Петеръ и Виббе Гересъ пять кораблей. Въ слѣдующемъ 1698 году поименованы два итальянскихъ корабля, работы Фаустова и Мосилина, одинъ галеасъ — Моро съ товарищами, двѣ галеры — Голландцевъ Питера Класа и Яна Янсена Янемана и одинъ корабль, построенный Англичаниномъ Осипомъ Най [4]).

---

1) Переводъ этотъ хранится въ Архивѣ Морского министерства.

2) Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

3) Имена корабельныхъ мастеровъ я привожу такъ, какъ они написаны въ документѣ, безъ коментаріевъ.

4) Отъ него хранится въ Архивѣ Морского министерства письмо, въ которомъ говорится о кораблѣ, который Най строилъ въ 1699 г. Онъ жалуется, что

Это былъ очень дѣльный мастеръ, и Петръ I высоко цѣнилъ его работу. Когда Царь дѣлалъ смотръ въ Воронежѣ одной партіи вновь построенныхъ судовъ, онъ писалъ: «корабль, который строилъ мастеръ Най, есть лучшій изо всѣхъ» и приводитъ данныя, на которыхъ онъ основываетъ свое мнѣніе [1]).

Подъ 1700-мъ годомъ значатся два корабля, построенные Осипомъ Най, кромѣ того одинъ, сооруженный самимъ Царемъ, при помощи только русскихъ силъ — «безъ содѣйствія нѣмецкихъ мастеровъ», какъ пишетъ ван-дер-Гэльстъ —, и одинъ работы греческаго мастера Ивана Ѳедотова. Въ 1701 году Англичанинъ Рыцарь (Richard) Козенцъ закончилъ уже два судна. Въ 1702 г. послѣдовалъ спускъ на воду двухъ брандеровъ, построенныхъ Голландцами Адріяномъ Адріяновымъ и Альбертомъ Корнелисеномъ, и одного бомбардирскаго корабля, выстроеннаго упомянутымъ выше Грекомъ Ѳедотовымъ. Около этого же времени «русскій корабельный мастеръ» Ѳедосей Скляевъ, тотъ самый, который работалъ вмѣстѣ съ царемъ въ Голландіи на верфи Остъиндской Компаніи, соорудилъ два судна.

Безъ обозначенія года, приведены далѣе 17 «кумпанскихъ» судовъ, построенныхъ около этого же времени, одно — Англичаниномъ Яномъ Терплеемъ, два Датчанами Петерсономъ да Яномъ Эндрикомъ и Корнилисомъ Сэренсономъ, всѣ же прочія голландскими мастерами; нѣкоторые изъ нихъ названы уже выше, но кромѣ того встрѣчается еще девять другихъ голландскихъ мастеровъ.

При всѣхъ названныхъ судахъ имѣются указанія ихъ размѣровъ, вооруженія и т. под.; въ концѣ списка имѣется замѣтка: «Мѣрилъ корабельный мастеръ Янъ Корнилисенъ англійскимъ футомъ». Корнилисенъ былъ Голландецъ, но онъ измѣрялъ англійскимъ футомъ. Значитъ, рѣшить вопросъ, откуда взялось русское слово «футъ», отъ голландскаго ли «voet» или англійскаго «foot», вовсе не такъ трудно. Авторъ же

лѣсъ ему доставляется не въ такомъ видѣ, какъ подобаетъ: «я принужденъ (доски) тесать и передѣлывать» и прибавляетъ, что «въ Англійской землѣ всякія доски по мѣрѣ въ толщину, каковымъ быть доведется, пильныя....».

1) «Письма и бумаги Петра Великаго», т. I, стр. 357.

говоритъ: «русскій «футъ» заимствованъ изъ голландскаго «voet» [ср. стр. 229 и 277 его труда]. Мы можемъ къ тому еще присовокупить, что и теперь русскій «футъ» по длинѣ въ точности соотвѣтствуетъ англійскому «foot».

Между иностранными корабельными мастерами въ Воронежѣ находился также, какъ мы видѣли выше, Грекъ Иванъ Ѳедотовъ. Ему было дано порученіе, указомъ Петра Великаго отъ 4 марта 1700 г., хранящимся нынѣ въ Воронежскомъ Архивѣ, строить подъемныя для кораблей суда, «на чемъ корабли на мелкихъ мѣстахъ поднимать, по образцу, каковъ ему данъ съ адмиралтейскаго двора». Образецъ же былъ доставленъ датскимъ капитаномъ Петерсономъ, первымъ, предложившимъ Петру Великому построить «камели», чтобы переправлять черезъ мелкія мѣста Дона сооруженныя въ Воронежѣ суда въ Азовское море. Письмо его, касающееся этого предмета, сохранилось въ русскомъ переводѣ въ ковчегѣ, находящемся въ залѣ Адмиралтействъ-совѣта; тамъ же имѣется и приложенный къ письму чертежъ камелей [1]). Оно писано въ 1696 г. и содержитъ подробныя указанія о способѣ и случаяхъ пользованія такими судами. Что его предложеніе имѣло успѣхъ и что были построены камели непосредственно по его чертежу, видно изъ слѣдующей надписи на оборотѣ рисунка: «Понеже г-нъ капитанъ Симонъ Петерсонъ сіе и иныхъ статей различныхъ корабли и суды, которыхъ мы прежъ сего не видывали, вымыслилъ строити, и того ради обязуемся мы нижеподписанные то все по образцамъ, якоже сей чертежъ пространнѣе объявляетъ, въ совершенной величинѣ изображати и строити. Писано на Москвѣ декабря въ 8 день 1696 года». Слѣдуютъ подписи Андрея Ольсена и Ганса Генсена.

Изъ приведеннаго выше можно убѣдиться, что прибавка Ѳ. Веселаго къ утвержденію его, что въ 1698/1699 г.г. было повелѣно строить «по примѣру Голландскихъ» (шесть) камелей [2]), невѣрно. Въ переводѣ письма Петерсона, а также въ указѣ отъ 4 марта 1700 г. камели

---

1) Письмо напечатано С. Елагинымъ въ его «Исторіи русскаго флота»: приложеніе IV, № 13.

2) «Очеркъ русской морской исторіи», стр. 101.

названы «подъемныя корабли или судна». Веселаго ошибочно думалъ, что это названіе есть переводъ того, что называется «лихтеръ» [1]).

Вмѣстѣ съ самымъ предметомъ Русскіе переняли и слово «камели» отъ Датчанъ; что Голландецъ Баккеръ былъ изобрѣтателемъ ихъ и, можетъ быть, былъ первымъ, который ихъ такъ называлъ,—это имѣетъ для русскаго морского словаря только второстепенное значеніе. Мнѣніе автора, что Русскіе заимствовали и это слово изъ голландскаго [2]), ни на чемъ другомъ не основано.

Такъ какъ при всемъ, что дѣлалъ Петръ I, взоръ его былъ обращенъ въ будущее, то онъ въ заботахъ, чтобы молодые русскіе люди стали прекрасными моряками, привлекалъ и иностранныя силы для пробужденія къ жизни и развитія дремавшихъ въ русскомъ народѣ способностей. Подъ руководствомъ шотландскаго профессора Фарварсона въ Москвѣ была открыта въ 1701 году при Сухаревой башнѣ первая «навигацкая школа». Вмѣстѣ съ Фарварсономъ обучали въ ней Англичане Ст. Гвынъ и Рич. Грейсъ и получившій извѣстность благодаря своей «Ариѳметикѣ» Магницкій [3]). Съ 1701 по 1716 г. здѣсь обучалось 1200 [4]) молодыхъ людей всякихъ чиновъ; время ученія продолжалось для большинства отъ 5 до 6 лѣтъ. По окончаніи школы, они отправлялись для практики за море въ Англію и Голландію, гдѣ оставались первое время по 6 — 9 лѣтъ. Также и дѣти знатныхъ особъ, не посѣщавшія навигацкой школы, посылались за границу для обученія морскому дѣлу, въ Венецію, Голландію [5]) и Англію. Были также, которые служили въ датскомъ и французскомъ флотахъ и на корабляхъ сѣверогерманскихъ свободныхъ торговыхъ городовъ, напр. Гамбурга. О пребываніи ихъ на чужбинѣ, о путешествіяхъ, совершенныхъ ими на иностранныхъ корабляхъ въ Остъ- и Вестъ-Индію, Архангельскъ и порты Средиземнаго моря, сохранились подробныя свѣдѣнія

1) Тамъ же.
2) Ср. стр. 88 и 262 его книги.
3) Ср. выше стр. 50.
4) А. Кротковъ: «Морской кадетскій корпусъ», стр. 24.
5) См. Н. Н. Бантышъ-Каменскій: «Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи [по 1880 г.]», т. I, Москва 1894, гдѣ на стр. 192 находится слѣдующая замѣтка: «1702 г. послано изъ Архангелгорода въ Голландію 150 молодыхъ дворянъ для ученія матросскаго дѣла подъ смотрѣніемъ Голландца Іоганна Фон-дер-Бурга».

въ Морскомъ архивѣ [1]). Что, благодаря такому роду обученія—въ навигацкой школѣ господствующее вліяніе англійское, на практикѣ общеніе съ мореплавателями разныхъ націй—, языкъ этихъ молодыхъ людей долженъ былъ представлять смѣсь въ смыслѣ судовыхъ терминовъ, ясно само собой; при созвучныхъ словахъ родственныхъ языковъ даже и они сами затруднились бы сказать, гдѣ они слышали въ первый разъ то или другое слово. Точно такъ же обстояло дѣло тамъ, гдѣ работали вмѣстѣ корабельные мастера и плотники разныхъ народностей, занимаясь однимъ и тѣмъ же дѣломъ—постройкой судовъ, какъ напр. на воронежской верфи и въ таганрогскомъ порту, недавно выстроенномъ австрійскими инженерами.

Въ 1715 г., послѣ побѣды надъ Шведами при Гангутѣ, Петръ I учредилъ въ своей новой столицѣ на Невѣ Морскую Академію, куда перешли профессора Фарварсонъ и Гвынъ, вмѣстѣ съ учениками старшихъ классовъ; Магницкій остался, въ качествѣ главнаго учителя, въ Москвѣ. Царь хотѣлъ устроить эту Академію по образцу французскихъ морскихъ училищъ и опредѣлилъ директоромъ ея Француза барона де Сентъ-Илеръ (de St.-Hilaire) но онъ, повидимому, не оказался подходящимъ лицомъ и скоро покинулъ этотъ постъ. А. С. Кротковъ приводитъ въ своей Исторіи морского корпуса интересныя подробности о дальнѣйшей разносторонней дѣятельности воспитанниковъ Морской Академіи и навигацкой школы на поприщѣ русской государственной жизни, присовокупляя, что «роль навигацкой школы въ дѣлѣ общаго образованія Россіи въ первой половинѣ XVIII вѣка недостаточно еще выяснена» [2]).

Въ теченіе всего этого времени съ большою поспѣшностью продолжалась постройка флота и со всѣхъ сторонъ привлекались офицеры и матросы для экипировки судовъ. Первые русскіе матросы были, какъ извѣстно, солдаты Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, но даже изъ Сибири Петръ I призывалъ людей, занимавшихся рыболовствомъ на морѣ, въ рѣкахъ и озерахъ. Указъ отъ 1 декабря 1703 г. предписываетъ отправить всѣхъ Русскихъ, военноплѣнныхъ Татаръ и Турокъ,

---

1) Ср. «Пребываніе русскихъ навигаторовъ за границею» А. Кроткова.

2) Стр. 46.—Ср. тоже Ѳ. Веселаго: «Очеркъ исторіи Морскаго Кадетскаго Корпуса», Спб. 1852 г.

ѣздившихъ на морѣ на галерахъ, въ Олонецъ, на мѣсто постройки судовъ для балтійскаго флота. Какъ мы уже видѣли выше, въ 1697/1698 г.г. были навербованы многіе иностранцы для русскаго флота; въ 1702 г. Крейсъ отправился нарочно съ этой цѣлью въ Голландію и сумѣлъ пригласить тамъ между прочимъ 69 офицеровъ и 13 лекарей въ русскую морскую службу. Въ числѣ первыхъ находились В. Схельтингъ (Schelting) [1]), дослужившійся до чина шаутбейнахта, весьма заслуженный морякъ, и Т. Транъ, ставшій потомъ контръ-адмираломъ. Въ 1704 г. Крейсъ пригласилъ въ Копенгагенѣ для русской флотской службы двухъ Датчанъ: П. Сиверса, впослѣдствіи адмирала, и капитанъ-командира В. Беринга.

Схельтингу удалось нанять въ 1715 г. въ Голландіи для русскаго флота 410 человѣкъ, между ними двѣсти молодыхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ; годомъ раньше, въ 1714 г., тамъ же навербовали 150 человѣкъ, въ томъ числѣ 16 лекарей, ван-дер-Бэргъ (van der Burg) [2]) и корабельный мастеръ Салтыковъ; въ 1717 г. въ Амстердамѣ были навербованы 1500 матросовъ, что должно было совершаться въ тайнѣ, такъ какъ населеніе возмущалось повторяющимися вербованіями. Наборъ моряковъ производился также въ другихъ странахъ; любопытенъ приказъ отъ 1718 г. навербовать въ Венеціи 20 извѣстныхъ моряковъ «изъ Славянъ», если бы такихъ можно было найти. Въ Гамбургѣ въ томъ же году было навербовано 140 иностранцевъ. Въ Англіи вербовкой занимался неоднократно Томасъ Стейльсъ (Stiles), заключавшій въ Дептфордѣ также контракты съ принятыми на русскую службу корабельными мастерами и плотниками; то же дѣлали Х. Брантсъ и И. Лэпсъ (Lups) [3]) въ Амстердамѣ. Эти контракты хранятся, большею частью, въ Архивѣ Морскаго министерства; сохранились также росписи иноземцевъ, присланныхъ изъ Посольскаго Приказа на мѣста назначенія, съ подробными указаніями о родѣ ихъ работы, и списки выдаваемаго имъ жалованья. Нѣкоторыя изъ этихъ бумагъ напечатаны С. Елагинымъ въ его «Матеріалахъ для исторіи русскаго флота» [4]); тамъ же издано нѣсколько писемъ, относящихся къ работамъ

1) Въ Россіи фамилія его писалась и пишется Шелтингъ.

2) Въ Россіи фамилія его писалась, такъ какъ видно выше, Фан-дер-Бургъ.

3) Въ Россіи фамилія его писалась Любсъ.

4) Спб. 1865 г.

по судостроенію. Но многое лежитъ еще неразобраннымъ въ разныхъ архивахъ, и не только одной Россіи [1]).

Если раскроемъ старые Петровскіе документы, то увидимъ, между прочимъ, что между матросами азовскаго флота въ 1698 г. находились также Греки, Шведы и Гамбуржцы; что также случалось, что съ стоящихъ въ русскихъ гаваняхъ торговыхъ судовъ матросы брались противъ ихъ воли для русскихъ военныхъ судовъ, какъ это было въ 1705 г. въ Архангельскѣ со 120 голландскими матросами; что когда въ 1702 г. для балтійскаго флота очень нужны были корабельные мастера и плотники, они не только выписывались какъ можно скорѣе изъ сѣверогерманскихъ городовъ, между прочимъ и изъ Эльбинга, но что четыре подмастерья были насильственно взяты изъ Риги. На олонецкой верфи постройка флота велась еще болѣе лихорадочно, чѣмъ въ Воронежѣ; здѣсь былъ построенъ первый фрегатъ и жилъ между прочимъ полтора года графъ И. Боцисъ, чтобы имѣть надзоръ за постройкой галеръ. Продолжалась работа, по основаніи новой столицы, на верфи С.-Петербургскаго адмиралтейства, вблизи которой имѣлъ свое мѣстожительство главнокомандующій флотомъ графъ Ѳ. М. Апраксинъ, побывавшій съ Петромъ Великимъ въ Голландіи и Англіи, и жилъ также К. Крейсъ.

Но надобность въ хорошихъ военныхъ судахъ была такъ велика, что ихъ заказывали также за границей. Лѣтомъ 1711 г. Ѳ. Салтыковъ отправился въ качествѣ русскаго агента въ Данію, Францію и Голландію для покупки военныхъ судовъ. Эти послѣдніе собрались въ копенгагенскомъ порту и отправились потомъ подъ чужимъ флагомъ въ Россію. Въ слѣдующіе годы русскія военныя суда приходили въ Гамбургъ, въ англійскіе и голландскіе порты, зимовали даже иногда тамъ, какъ напр. въ 1715 г. въ Англіи подъ начальствомъ капитана Бредаля, въ 1718 г. въ Глюкштадтѣ подъ начальствомъ капитана Бенса, пріѣхавшаго сюда за яхтой, подаренной Петру I прусскимъ королемъ. Все лѣто 1720 г. Бенсъ оставался съ русскимъ фрегатомъ въ копенгагенскомъ порту.

---

1) Широко пользуется этимъ матеріаломъ А. С. Кротковъ для своей «Исторіи русскаго флота отъ Петра I»; появленія въ свѣтъ этого труда мы ждемъ съ большимъ интересомъ.

Замѣчательно, что значительная часть матеріаловъ, необходимыхъ для заказанныхъ за границей судовъ, доставлялась соотвѣтствующимъ странамъ русскими судами, между прочимъ судами, отправившимися въ 1715 г. вмѣстѣ съ англійской эскадрой адмирала Норриса [Norris] подъ англійскимъ флагомъ. Такимъ образомъ сношенія съ остальными мореходными народами все больше и больше развивались и въ особенности послѣ заключенія Ништадтскаго мира съ Шведами въ 1721 г.

Между тѣмъ въ Казани и Нижнемъ были построены суда для Каспійскаго флота, который долженъ былъ обслуживать торговлю съ Персіей. Въ 1722 г. Петръ I приказалъ отправить двухъ или трехъ хорошихъ корабельныхъ мастеровъ изъ Ладоги въ Астрахань; возможно, что въ этомъ и кроется объясненіе того факта, что въ народномъ языкѣ встрѣчаются судовые термины общіе и Астрахани и Олонцу. Побывавъ повсюду, Царь посѣтилъ и Астрахань, гдѣ въ 1880 г. еще имѣлась на лицо, по словамъ Боголюбова [1]), его «плезиръ-яхта» [голл. pleizier-jacht].

Какъ извѣстно, Петръ I любилъ употреблять голландскія слова; его письма полны ими; объ этомъ же свидѣтельствуетъ титулъ, данный имъ въ шутку адмиралу И. М. Головину: «князь-басъ» [голл. baas]. Много есть голландскихъ словъ, относящихся къ мореходству и судостроенію, которыя проникли въ русскій языкъ въ Петровское время и были тогда понятны. Но если печатаются теперь напр. доклады вице-адмирала Крейса, то историки прибавляютъ въ скобкахъ къ нѣкоторымъ словамъ уже поясненія: значитъ, эти слова стали нынѣ уже непонятными; такъ поступилъ, между прочимъ, Ѳ. Веселаго, приводя выписку изъ одного изъ этихъ докладовъ въ своемъ «Очеркѣ исторіи русскаго флота» [2]). Это и служитъ указаніемъ, что необходимо дѣлать разницу между голландскими морскими терминами, перенятыми въ петровское время, и тѣми, которые находятся еще и теперь въ употребленіи.

Работая надъ морскими и судовыми словами, заимствованными русскимъ языкомъ у голландскаго, надо сверхъ всего имѣть въ виду слѣдующее: нужно строго различать, какія именно выраженія и слова взяты

---

1) См. выше, стр. 14.
2) См. выше, стр. 26.

изъ голландскаго, какія изъ тѣсно родственныхъ съ нимъ языковъ. Какъ мы уже пытались показать выше, рѣшеніе этого вопроса во многихъ случаяхъ можно найти только въ архивахъ, въ офиціальныхъ документахъ болѣе древняго и болѣе новаго времени; ихъ безпристрастный языкъ краснорѣчивъ и награждаетъ положительнымъ знаніемъ того, кто не боится труда заставить ихъ говорить. Будемъ надѣяться, что авторъ книги, послужившей поводомъ для изложенныхъ нами здѣсь разсужденій, вмѣсто того, чтобы повторять устарѣлыя и высказанныя нелингвистами мнѣнія и пользоваться несовершеннымъ, устанавливаемымъ нѣкоторыми словарями матеріаломъ, возьметъ въ будущемъ на себя этотъ трудъ. Его заслуга, что онъ поднялъ сложный вопросъ о заимствованіи русскимъ языкомъ голландскихъ морскихъ и судовыхъ словъ: да заслужитъ онъ нашу благодарность тѣмъ, что произведетъ строгій пересмотръ своего, составленнаго слишкомъ наскоро труда и дастъ намъ перечень взятыхъ русскимъ изъ голландскаго морскихъ словъ, не подлежащихъ никакому сомнѣнію.

А. Круазэ ван-дер-Копъ.

Этюды по богомильству.

Народныя космогоническія легенды славянъ въ ихъ отношеніи къ богомильству.

ВВЕДЕНІЕ.

Настоящая статья открываетъ рядъ задуманныхъ мною работъ, имѣющихъ цѣлью доказать, что народныя космогоническія легенды славянъ и родственныя имъ по содержанію произведенія старинной славянской письменности въ главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ своихъ частяхъ восходятъ къ космогонической литературѣ богомиловъ и катаровъ и могутъ быть легко разъяснены даже изъ того скуднаго наличнаго матеріала, который извѣстенъ въ настоящее время по вопросу о космогоническихъ представленіяхъ помянутыхъ дуалистовъ еретиковъ. То же, сравнительно немногое, которое нельзя истолковать изъ богомильскаго вѣроученія, является просто созданіемъ народной фантазіи, осложнившей первоначальное повѣствованіе о сотвореніи міра введеніемъ популярныхъ сказочныхъ мотивовъ, нерѣдко вытѣснившихъ первоначальные богомильскіе, забытые или ставшіе не понятными, и такимъ образомъ исказившихъ или затемнившихъ первоначальную основу. Кромѣ того, нужно отмѣтить вліяніе Библіи, средневѣковой христіанской письменности, въ особенности апокрифовъ, но это—нерѣдко уже черезъ посредство богомильскихъ произведеній. Конечно, проживая въ маленькомъ провинціальномъ городѣ, я не имѣлъ возможности располагать всѣмъ богатымъ матеріаломъ по народной легендѣ космогоническаго характера, да и вообще многіе матеріалы и пособія по интересующимъ меня вопросамъ были

мнѣ не доступны. Но эти пробѣлы я надѣюсь восполнить въ будущемъ, и свои «этюды» все-таки рѣшаюсь выпустить въ свѣтъ, полагая, что и въ настоящемъ видѣ они прольютъ нѣкоторый свѣтъ на процессъ народнаго творчества, проявляющійся въ легендѣ, и на генезисъ народнаго міросозерцанія.

I.

Содержаніе и анализъ нѣкоторыхъ, преимущественно малорусскихъ, космогоническихъ легендъ изъ числа изданныхъ за послѣднее время, по отношенію къ космогоническимъ представленіямъ богомиловъ и катаровъ.

1.

Легенда, изданная г. Ястребовымъ.

Содержаніе легенды, записанной г. Ястребовымъ, слѣдующее [1]).

Давно, какъ только основалась земля, Богъ дружилъ съ чортомъ. Чортъ владѣлъ громомъ, а Богъ небомъ. Чортъ своимъ громомъ приносилъ всѣмъ большой вредъ. Поэтому Богъ задумалъ отнять у чорта громъ. Съ этой цѣлью Онъ сошелъ на землю и сталъ ходить по ней. А у чорта земли не было: онъ плавалъ по водѣ въ пѣнѣ. Чортъ и проситъ Бога: «Научи меня насѣять себѣ земли, какъ Ты насѣялъ Себѣ». Богъ велѣлъ чорту нырнуть въ море и достать пригоршню земли, держать ее крѣпко: пусть посѣетъ то, что останется хоть за ногтемъ. Вслѣдъ за этимъ Богъ отправился на небо, а чортъ положилъ свой громъ около берега на камнѣ и нырнулъ въ море. Тогда Богъ приказалъ архангелу Гавріилу захватить громъ, потому что онъ лежитъ на ихъ землѣ, а было условлено: если что чортово лежитъ на землѣ, то переходитъ къ Богу. Архангелъ полетѣлъ на землю и засѣлъ за камнемъ. Чортъ въ первый разъ не досталъ дна и вернулся посмотрѣть, не взялъ ли кто-либо его грома. Такъ онъ продѣлалъ и второй разъ. Наконецъ, успокоенный чортъ рѣшилъ, что

---

1) См. Лѣтопись Историко-Филологическаго Общества при Новороссійскомъ Университетѣ, III, 177—179.

Богъ, вѣроятно, забылъ, что громъ лежитъ на Его землѣ, и нырнулъ на самое дно моря. Архангелъ въ это время схватилъ громъ и давай бѣжать. Видитъ Богъ, что чортъ возвращается съ землей, и заморозилъ море. Дважды безуспѣшно пытается чортъ пробить ледъ, на третій разъ ему это удается, и онъ пускается въ погоню за архангеломъ. Чортъ догналъ архангела и вырвалъ изъ ноги послѣдняго кусочекъ мяса. Архангелъ спрашиваетъ Бога, что ему дѣлать. Богъ велѣлъ стрѣлять въ чорта его же громомъ. Архангелъ осмолилъ громомъ чорту крылья. Чортъ упалъ на землю, а архангелъ полетѣлъ на небо и вручилъ громъ пророку Иліи. Въ другой разъ пришелъ Богъ къ чорту, а тотъ насѣялъ себѣ земли. Ходилъ Богъ съ чортомъ, ходилъ — скучно стало: вотъ Онъ омочилъ палецъ въ воду, махнулъ позади себя, явился человѣкъ такой, что ходитъ и говоритъ. Чортъ и себѣ сдѣлалъ человѣка, но его человѣкъ не могъ ни ходить, ни говорить. Чортъ оплевалъ его, обхаркалъ, и смотритъ. Богъ засмѣялся и посовѣтовалъ чорту вывернуть человѣка на изнанку. Чортъ послушался совѣта: сталъ человѣкъ такимъ, какъ и сотворенный Богомъ, только на пальцахъ выглядывали ногти изъ той кожи, изъ которой онъ былъ сдѣланъ, и онъ плевалъ и харкалъ (потому и теперь люди плюютъ и харкаютъ, и у нихъ есть ногти). Тогда чортъ надѣлалъ себѣ много такихъ людей, а Богъ возвратился на небо. Стало чорту завидно, что у Бога мало людей, и живутъ они на небѣ, а у него такъ много, и живутъ они на землѣ. Задумалъ онъ взобраться на небо со своими, прогнать оттуда Бога и самому тамъ поселиться. Пошли они на высокую гору, а оттуда на небо. Одинъ ангелъ и говоритъ Богу: «Какая-то великая сила идетъ по небу къ намъ, сами черти!» Богъ приказалъ архангелу, державшему въ своихъ рукахъ небеса, потрясти ими: тогда они всѣ посыпятся. Тотъ такъ и сдѣлалъ, и черти посыпались на землю. Еще въ третій разъ пришелъ Богъ къ чорту, глядитъ: что-то строитъ чортъ — какія-то желѣзныя хатки: однѣ больше, другія маленькія, одну же огромную. Богъ спрашиваетъ чорта: что онъ дѣлаетъ? «А строю дома для тѣхъ, которые придутъ ко мнѣ» (раньше у чорта была расписка съ Богомъ, чтобы всякій умершій приходилъ къ чорту въ адъ; эту расписку порвалъ Христосъ, когда сошелъ въ адъ послѣ смерти). — «А эта большая хата на что?» — «Это какъ Ты умрешь, такъ будешь въ ней заключенъ». — «А какъ

тамъ сидѣть? Покажи!» Чортъ сѣлъ въ хату, заперся на всѣ замки. Богъ и спрашиваетъ его: «Уже?»—«Уже» отвѣчаетъ чортъ. Тогда Богъ сказалъ: «Во имя Отца и Сына и св. Духа!» и хата провалилась. Чортъ заревѣлъ. Посбѣгались черти со всего пекла. А у чорта одна рука осталась свободной. Чортъ и говоритъ: «Освободите меня, не то пропаду!» Одинъ, самый старшій, «цокавъ, цокавъ коло хатини» и говоритъ: «Не могу». Тогда чортъ схватилъ его свободной рукой и ударилъ о скалу (поэтому теперь самый старшій чортъ кривой), а самъ остался.

Въ этой легендѣ перепутаны старые богомильскіе мотивы съ позднѣйшими, восходящими, однако, къ болѣе древнимъ богомильскимъ, а также со сказочными мотивами. Въ результатѣ—нескладица въ изложеніи, противорѣчія, необоснованность поступковъ дѣйствующихъ лицъ. Позднѣйшіе мотивы, на первый взглядъ производящіе впечатлѣніе чисто народныхъ, коренятся не только на почвѣ богомильскаго вѣроученія, но также и средневѣковыхъ христіанскихъ представленій о нечистой силѣ, апокрифическихъ и строго-церковныхъ произведеній, но перешедшихъ къ народу, по всѣмъ вѣроятіямъ, уже въ богомильской оболочкѣ. Все это соединено или чисто механически, отчего и противорѣчія, или дѣлаются слабыя попытки привести эти разнородные мотивы во внутреннюю связь, забытая старая мотивировка при этомъ замѣняется новой.

Въ разсказѣ о похищеніи архангеломъ Гавріиломъ (который замѣнилъ здѣсь Михаила) грома у чорта смѣшаны два мотива: мотивъ о похищеніи у дьявола, похищенной имъ въ свою очередь, драгоцѣнной вещи и мотивъ сотворенія грома дьяволомъ. О происхожденіи перваго мотива я буду говорить ниже. Здѣсь же займусь вопросомъ о происхожденіи второго мотива и причины соединенія его съ первымъ мотивомъ.

Здѣсь произошло смѣшеніе іудейско-христіанскихъ и богомильскихъ воззрѣній на громъ.

Богомилы учили, что Богъ не могъ создать такого несовершеннаго міра со злыми животными и вредными метеорологическими явленіями; между этими послѣдними они упоминаютъ о «tempestates et grandines»[1]). Съ теченіемъ времени секта все болѣе и болѣе христіанизировалась, и

1) Döllinger, Beiträge zur Sektengeschichte des Mittelalters, II, 152.

въ результатѣ появились богомилы, учившіе, что только вредныя животныя и явленія природы—созданіе дьявола [1]). Въ пользовавшемся большой популярностью въ народной средѣ богомильскомъ произведеніи «Ioannis et Apostoli et Evangelistae Interrogatio in coena sancta regni coelorum de ordinatione mundi, et de Principe et de Adam» [2]), извѣстномъ также подъ названіемъ «Книги Іоанна Богослова» [3]), сатанѣ приписывается сотвореніе грома, дождя, града и снѣга [4]).

Съ другой стороны громъ и молнія являются въ Библіи аттрибутами Бога. Громомъ и молніей сопровождалось Синайское законодательство [5]). Въ книгѣ Іова Богъ сокрываетъ въ дланяхъ Своихъ молнію и повелѣваетъ ей, кого разить [6]), изъ устъ Его исходитъ громъ [7]); подъ всѣмъ небомъ раскатъ его, и блистаніе его — до краёвъ земли; за нимъ гремитъ гласъ; гремитъ Онъ гласомъ величества Своего и не останавливаетъ его, когда голосъ Его услышанъ [8]).

Народу былъ извѣстенъ и древній апокрифъ: «Исходъ Моисеевъ», въ которомъ мы находимъ разсказъ о преніи дьявола съ архангеломъ Михаиломъ изъ-за тѣла Моисея. По этому апокрифу, Михаилъ помолился къ Богу, «и̑ бысть громъ и̑ млънїа. и̑ а̑бїе и̑щезе дїаволъ» [9]).

Съ другой стороны въ цѣломъ рядѣ апокрифовъ говорилось о ангелахъ, управляющихъ разными стихіями. Такъ въ 60-й главѣ Книги Еноха говорится о духахъ грома и молніи, инея, града и снѣга и пр. Въ Маломъ Бытіи упоминается о сотвореніи Богомъ ангеловъ стихій, между прочимъ ангеловъ грома и молніи; такое же сказаніе объ ангелахъ стихій мы нахо-

1) Ibid., II, 232.
2) Издано Döllinger'омъ—Beiträge, II, 85—92.
3) См. Thilo, Codex apocryphus N. T., I, 884.
4) Döllinger, II, 87.
5) См. Исходъ гл. XIX, ст. 16 сл.
6) Гл. XXXVI, ст. 32.
7) Гл. XXXVII, ст. 2.
8) Ibid. ст. 3—4.
9) Тихонравовъ, Памятники отреченной русской литературы, т. I, 253. О преніи архангела Михаила съ дьяволомъ о тѣлѣ Моисея, какъ извѣстно, упоминаетъ уже апостолъ Іуда въ своемъ посланіи (ст. 9). Ср. Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. Казань. 1871, стр. 294.

димъ у св. Епифанія Кипрскаго, въ сочиненіи: «Περὶ μέτρων καὶ σταθμῶν». Это сказаніе впослѣдствіи вставилъ Козьма Индикопловъ въ свою Топографію. И въ Апокалипсисѣ указывается на четырехъ ангеловъ, держащихъ четыре вѣтра земли, на ангела водъ, на ангела, которому дано было жечь людей огнемъ [1]). Естественно, что эти сказанія богомилы примѣнили къ своему ученію. Въ «Interrogatio Ioannis» мы читаемъ: «fecitque tonitrua et pluvias et grandinem et nivem *et misit ministros angelos suos super ea*» [2]). Въ «Вопросахъ Варѳоломея» говорится не только объ ангелахъ стихій, но и о томъ, что ангелы грома и молніи поражаютъ огненными камнями члены демоновъ [3]). Еще любопытнѣе мѣсто, гдѣ дьяволъ говоритъ о сотвореніи Богомъ его и другихъ старшихъ ангеловъ. Онъ называетъ себя первосотвореннымъ, за нимъ былъ сотворенъ Михаилъ, архистратигъ высшихъ силъ, далѣе Гавріилъ, Уріилъ, Рафаилъ, Наѳанаилъ и другіе, именъ которыхъ онъ не отваживается произносить, такъ какъ они жезлоносцы Божіи и бьютъ его жезлами семь разъ ночью и семь разъ днемъ и не позволяютъ ему ничего сдѣлать и подавляютъ всю его силу [4]).

Нужно замѣтить, что и по мнѣнію нѣкоторыхъ Отцовъ Церкви сатана до своего паденія былъ самымъ первымъ и совершеннѣйшимъ изъ всѣхъ сотворенныхъ духовъ [5]). На ряду съ этимъ широко было распространено мнѣніе, что архистратигъ Михаилъ—начальникъ небесныхъ силъ. Такое воззрѣніе мы встрѣчаемъ въ службѣ безплотнымъ силамъ, въ поученіяхъ на 8 ноября и пр. Послушный Богу Михаилъ противопоставляется непослушному сатанѣ въ церковныхъ сочиненіяхъ и въ апокрифахъ, Палеяхъ и, наконецъ, въ народныхъ космогоническихъ легендахъ. Въ силу своего послушанія онъ занимаетъ мѣсто отпавшаго ангела.

---

1) См. объ этомъ Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. Спб. 1877, стр. 22—29.

2) Döllinger, II, 87.

3) Сатана говоритъ Варѳоломею: «καὶ ἕτεροι ἄγγελοι ἐπὶ τὴν βροντὴν καὶ ἕτεροι ἄγγελοι ἐπὶ τὴν ἀστραπήν. καὶ ὅτε πνεῦμα βούλεται ἐξ ἡμῶν ἐξελθεῖν ἤτε διὰ γῆς ἤτε διὰ θαλάσσης, οὗτοι οἱ ἄγγελοι πυρίνους ἀποστέλλουσι λίθους καὶ ἅπτουσιν ἡμῶν τὰ μέλη—Васильевъ. Anecdota graeco-byzantina, p. 18—19.

4) См. Васильевъ, о. с., 17.

5) Таково было мнѣніе Григорія Богослова. См. Макарій, Православно-догматическое богословіе, т. I. Спб. 1868, стр. 405.

О борьбѣ же Михаила съ дьяволомъ говорится уже въ Апокалипсисѣ[1]). Ничего нѣтъ удивительнаго, что разсказы или упоминанія объ этой борьбѣ встрѣчаемъ въ похвальныхъ словахъ[2]) и службахъ въ честь архистратига Михаила и другихъ безплотныхъ силъ[3]), въ апокрифахъ позднѣйшаго происхожденія, повѣствующихъ о сотвореніи міра въ духѣ ученія умѣренныхъ богомиловъ[4]). Наконецъ, и у катаровъ Михаилъ является въ роли борца съ дьяволомъ[5]). Вполнѣ естественно также, что оружіемъ его въ борьбѣ съ дьяволомъ явились громъ и молнія, и что Михаилъ такимъ образомъ въ

---

1) И произошла на небѣ война: Михаилъ и Ангелы его воевали противъ дракона, и драконъ и ангелы его воевали противъ нихъ, но не устояли, и не нашлось уже для нихъ мѣста на небѣ. И низверженъ былъ великій драконъ, древній змій, называемый діаволомъ и сатаною, обольщающій всю вселенную, низвергнутъ на землю, и ангелы его низвержены съ нимъ. Апокал., гл. XII, ст. 7—9.

2) Напримѣръ, въ произведеніи діакона Пантолеона, писателя, жившаго не позже IX вѣка (ср. Krumbacher Geschichte d. byz. Litt.², 167) озаглавленномъ: Διήγησις θαυμάτων τοῦ παμμεγίστου ἀρχαγγέλου Μιχαήλ—въ славянскомъ переводѣ: «Сказаніе чюдесъ превеликаго и преславнаго Михаила Архістратига», мы читаемъ: «Иже вѣрный и пресвятый и великій Михаилъ архистратигъ иже владычнимъ и всесилнаго божества повелѣніемъ съвръже не землю с' небесныхъ степеней отступника сатану и съ грѫдыми и нечистыми его духи, уста нань отврѣзшаго; и съкруши злыа его помыслы...». Великія Минеи Четіи митр. Макарія изд. Археограф. Коммиссіи, ноябрь, дни 1—12, ст. 250. Ниже говорится: «постави (Богъ) откуду всяко оружіе (οἱόν τι πανάλκὲς ὅπλον) и съхраненіе Михаила архистратига на діаволахъ силахъ (κατὰ τῆς τοῦ διαβόλου δυνάμεως), ib. ст. 251. Въ похвальномъ словѣ Климента находимъ: «ѥгоже (т. е. сатаны) гордыня и величьства не терпя архистратигъ Михаилъ съ всѣми безплотными чинъми сверже и на землю и съ ѿступными с нимь наречеными подъ нимь анг҃лы». А. Поповъ, Первое прибавленіе къ описанію рук. Хлудова, стр. 54.

3) Въ службѣ безплотнымъ силамъ 8 ноября читаемъ: «Идѣже осѣняетъ благодать твоя, архангеле, оттуду діаволя прогонится сила: не терпитъ бо свѣта твоего видѣти спадыи денница.»—на хвалитехъ, стихира 5.

4) Ср., наприм., Порфирьевъ, Апокриф. сказанія etc. Спб. 1877, стр. 86—87; И. Франко, Апокріфи і легенди з українських рукописів. І. Львовъ. 1896, стр. 14.

5) Именно катары говорили: «quod satanas, qui dicitur draco, ascendit in coelum cum sequacibus suis, volens ponere sedem suam ab Aquilone et esse similis Altissimo. Et Michail Archangelus cum angelis suis restitit ei et commisit bellum cum eo, et expulit eum cum suis sequalibus de coelo, et ipse draco cum sua cauda traxit secum tertiam partem stellarum sive bonorum angelorum». Итакъ, катары повторяютъ здѣсь извѣстныя слова пророчества Исаіи и Апокалипсиса. См. Döllinger, II, 321.

народныхъ представленіяхъ славянъ и грековъ сталъ громовержцемъ [1]); на ряду съ Михаиломъ, естественно, является въ этой роли и архангелъ Гавріилъ [2]), который въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ прославляется въ одинаковой мѣрѣ и на ряду съ Михаиломъ, какъ между апостолами Петръ и Павелъ. Труднѣе объяснить появленіе въ роли громовника св. Георгія [3]). Однако въ народныхъ представленіяхъ скоро смѣнилъ въ роли борца съ дьяволомъ архангела Михаила другой популярный громовникъ Илія, въ образѣ котораго у славянскихъ и вообще народовъ Балканскаго полуострова слились во едино черты библейскаго пророка Иліи, Зевса [4]), быть можетъ, и Геліоса и Перуна [5]). Наша легенда какъ бы символизируетъ совершившійся переходъ функцій Михаила къ Ильѣ въ народныхъ представленіяхъ. Доставивъ благополучно на небо громъ, Михаилъ передаетъ его Ильѣ. Основаніе для представленія Ильи въ видѣ борца съ нечистыми духами давно уже имѣлось въ наличности въ народномъ повѣріи: громомъ преслѣдуется драконъ. Объ этомъ повѣріи уже упоминаетъ Іоаннъ Дамаскинъ; Пселлъ, отрицая дѣйствіе молніи на безтѣлесныхъ демоновъ, признаетъ его для драконовъ [6]); въ Житіи Андрея Юродиваго святой полемизируетъ съ мнѣніемъ, что Илія на колесницѣ гремитъ и сверкаетъ молніей въ тучахъ и преслѣдуетъ дракона. Впрочемъ святой съ своей стороны утверждаетъ, что дѣйствительно молнія поражаетъ дракона, только не св. Илія поражаетъ молніей, а есть особый ангелъ, приставленный для этого [7]). У Михаила Атталіоты и у Глики также находимъ представленіе, что молнія поражаетъ драконовъ [8]). Илія представляется поражающимъ молніей дракона въ повѣріяхъ современныхъ грековъ, албанцевъ, румынъ и болгаръ [9]). Съ теченіемъ времени

---

1) См. А. Н. Веселовскій. Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха.—«Сборникъ Отд. русск. языка и слов. И. А. Н.», т. 32, стр. 327; Πολίτης, Μελέται περὶ τοῦ βίου καὶ τῆς γλώσσης τοῦ ἑλληνικοῦ ἔθνους. Παραδόσεις, т. II, Ἐν Ἀθήναις, 1904, стр. 844.

2) Веселовскій, о. с. l. с.

3) Ibid.

4) См. Веселовскій, op. с. стр. 308 сл.

5) Ср. L. Leger, La Mythologie slave. Paris 1901, p. 67 ss.

6) Веселовскій, op. с. 323—324.

7) Ibid. 304—305.

8) Πολίτης op. с. II, 839, 842.

9) Ibid. 840.

драконъ легко могъ замѣниться дьяволомъ, такъ какъ и въ средневѣковой церковной литературѣ и богомилами дьяволъ называется дракономъ; основаніе для такого названія дьявола давало приведенное мною мѣсто Апокалипсиса. Переходную ступень въ этомъ отношеніи представляетъ приписываемое Св. Андрею Юродивому ученіе о томъ, что молнія поражаетъ дракона, но дракона, въ которомъ поселился бѣсъ. Приведу это мѣсто Житія Андрея цѣликомъ, такъ какъ оно вообще имѣетъ большой интересъ для уясненія генезиса народныхъ представленій о грозѣ. Воспользуюсь переводомъ, помѣщеннымъ въ Четьи Минеяхъ Макарія, такъ какъ подлинника, къ сожалѣнію, у меня подъ руками нѣтъ.

«Змій же отсюде бываеть: видить кійждо дѣмонъ зміа, да гдѣ ся ему слюбить, ту шедъ внидеть и будеть о нимь въ едино тѣло, возрастеть съ нимь въ единомъ злѣ дѣле; и мимошедшемъ нѣколико лѣтъ творить ему дѣмонъ, да ся начнеть чюдити змій вел'ми страш'ною и гроз'ною любовію, и потомъ не отлучается его николиже, но пребываеть в немъ пакости дѣя велици... Да егдаже помыслить діаволъ, иже во зміи пребываеть, великій змій да изыдеть изъ гнѣзда своего, хотя вредити любо погубити человѣка; да видить его Богъ з горы, не хотя дабы ся сътворило зло, велить ангелу, приставленному к' молніи, і абіе начнеть грѣмети на зміа и посылаеть молніину трубу и пож'жеть его; діаволъ же, иже есть въ зміи, защитити хотя его, възимаеть его на воздухъ и бѣжить, боѧся молніа, бѣгая же т'щася дабы ся къ человѣку прилѣпити, да не ли человѣка дѣля избавится і онъ. Но вѣдый Богъ мысль проклятаго, знаменіе далъ есть ангелу молніину, рекъ: любо другъ любо врагъ; си рѣчь, ѩко аще и къ святцю прибѣгнеть, да зажьзи и того с нимъ, і азъ рабу своему бол'ше утѣшеніе сътворю; да к тому гдѣже его постигнеть, любо у древа, любо на полѣ, любо въ храмѣ, любо въ корабли, любо къ человѣку прибѣгнеть, ту его поразивъ сож'жеть и тѣло его погубить. Зміа же оного великаго и сатану пожагая мол'ніею, соузы неразрѣшимыми увяжеть до скон'чаніа праваго возданіа» [1]).

Возвращаюсь къ повѣствованію нашей легенды о похищеніи грома у дьявола.

1) Великія Минеи-Четіи Макарія за 1—3 окт., ст. 191.

Въ разсказѣ этомъ мы находимъ еще мотивъ, также книжнаго происхожденія, о томъ, что принадлежащее дьяволу орудіе или существо или сотворенное имъ становится враждебнымъ по отношенію къ нему или играетъ роль оружія противъ него въ рукахъ Бога. Мотивъ этотъ восходитъ къ богомильскому ученію, какъ созданіе дьявола адъ впослѣдствіи сталъ мѣстомъ заключенія для него, а также къ разсказамъ въ родѣ помѣщеннаго въ приписываемомъ Григорію Богослову апокрифическомъ «Сказаніи о древѣ крестномъ» о томъ, какъ Сатанаилъ во время насажденія рая Богомъ кралъ сѣмена и тайкомъ посѣялъ ихъ, а Господь, замѣтивъ продѣлку Сатанаила, предсказалъ, что Онъ распнется на этомъ деревѣ, и оно послужитъ «на прогнаніе» дьявола [1]).

Мотивы о похищеніи у сатаны драгоцѣннаго предмета и о сотвореніи міра авторъ нашей легенды соединяетъ такимъ образомъ, что Богъ сошелъ на землю съ цѣлью придумать, какимъ образомъ отнять у чорта его сокровище. Чортъ же пользуется приходомъ Бога для своихъ цѣлей— созданія *своей* земли, не подозрѣвая, что осуществленіе его желанія будетъ сопряжено для него съ утратой грома.

Въ согласіи съ ученіемъ крайнихъ богомиловъ, по нашей легендѣ Богъ и дьяволъ владѣютъ отдѣльными мірами. Однако дьяволъ не можетъ устроить своего міра безъ помощи Бога — это уже ученіе умѣренныхъ богомиловъ. Согласно съ представленіями этихъ послѣднихъ Богъ не интересуется міромъ, созданнымъ чортомъ. Опять таки въ соотвѣтствіи съ воззрѣніями умѣренныхъ богомиловъ, чортъ лишь вначалѣ обращается къ содѣйствію Бога, а потомъ дѣйствуетъ вполнѣ самостоятельно. Отмѣчу еще попытку автора нашей легенды нѣсколько, такъ сказать, легализировать похищеніе грома разсказомъ объ условіи, заключенномъ еще раньше между Богомъ и чортомъ, по которому, если попадетъ что-либо, принадлежащее чорту, на Божію землю, то станетъ собственностью Бога: разсказъ этотъ — отдаленный отголосокъ богомильскаго ученія о договорѣ Бога съ дьяволомъ, по которому души людей должны были принадлежать Богу, а тѣла дьяволу. Къ разсказу припутаны мотивы о низверженіи дьявола съ неба и о передачѣ грома Ильѣ. Ничѣмъ не

1) Порфирьевъ. Спб. 1877, стр. 97.

мотивированный вторичный приходъ Бога къ чорту придуманъ авторомъ легенды для того, чтобы связать съ предыдущимъ изложеніемъ дальнѣйшее повѣствованіе, являющееся, собственно говоря, непосредственнымъ продолженіемъ прерваннаго эпизодомъ о похищеніи грома у чорта разсказа о сотвореніи земли.

Искаженъ въ легендѣ первоначальный мотивъ выбиванія изъ кремня дьяволомъ демоновъ, который мы находимъ въ извѣстной богомильской книгѣ Іоанна Богослова [1]). По нашей легендѣ Богъ отъ скуки омочилъ палецъ въ водѣ, махнулъ имъ, и создались люди. Въ болѣе первоначальномъ видѣ, повидимому, сохранился этотъ мотивъ въ другихъ космогоническихъ легендахъ, въ которыхъ говорится о созданіи такимъ способомъ ангеловъ и чертей. Однако и въ нашей легендѣ сохранились черты глубокой старины. У Бога свои люди—ангелы, у чорта свои—черти: это—воззрѣніе крайнихъ богомиловъ [2]). Но, согласно съ представленіями умѣ-

---

1) Подробности объ этомъ мотивѣ см. въ моей статьѣ: «Замѣчанія относительно отдѣльныхъ мѣстъ книги Іоанна Богослова по списку изданному Дёллингеромъ». Спб. 1904 (отт. изъ I т. «Статей по славяновѣдѣнію», изд. Импер. Ак. Наукъ), стр. 2—3.

2) Вообще среди богомиловъ были различные толки, которые значительно расходились въ ученіи о сотвореніи ангеловъ, демоновъ и людей. Много интереснаго матеріала по этому вопросу мы находимъ въ не разъ уже цитированной мною книгѣ Дёллингера. Такъ, были катары, утверждавшіе «quod omnes, qui non erant haeretici, fecerat diabolus in corpore et anima» (Döllinger, II, 40—41). По ученію катаровъ, принадлежавшихъ къ Албанскому толку, т. е. крайнихъ дуалистовъ, «duos creatores esse sine principio et fine et semper fuerunt contraria et sunt et erunt et habent ambo trinitatem et unusquisque habet suam creationem» (Döllinger, II, 58). Ряды ангеловъ злого Бога увеличились совращенными его сыномъ добрыми ангелами; именно сынъ его «miscuit se cum angelis bonis et fecit ibi magnum proelium et seduxit animas bonorum angelorum boni Dei et fraxit eas inferius...» (ib.). Также по Рейнерію, катары Албанскаго толка учили, что Богъ создалъ своихъ ангеловъ и міръ, дьяволъ своихъ и свой міръ; см. Reinerii Sacchoni Summa de Catharis et Leonistis. Ediderunt Martène et Durand. Thesarus nov. anecd. Paris 1717, v. V, p. 1270. Ср. также Döllinger, II, 220: Богъ сотворилъ своего человѣка, дьяволъ (при помощи, однако, Бога!) своего. Ср. также Döllinger, I, 133—134. Поэтому, по ученію катаровъ (какъ и въ нашей легендѣ), Богъ не вмѣшивается въ дѣла міра, сотвореннаго дьяволомъ: «Dicebat, quod Deus Iesus Christus, qui salvat animam, non intromittit se de istis visibilibus, quod Dominus mundi fecit ea, ordinat et gubernat illa diabolus... sunt duo mundi et quilibet mundus habet Deum (ib., II, 30—31).

ренныхъ богомиловъ, въ нашей легендѣ чортъ и при сотвореніи своего человѣка не можетъ обойтись безъ Божіей помощи. Источникомъ этого мѣста легенды является ученіе одного изъ многочисленныхъ толковъ богомильства въ родѣ изложеннаго въ малоизвѣстномъ трактатѣ Евѳимія Зигабена, озаглавленномъ: Εὐθυμίου μοναχοῦ (συγγραφή?)... σταλεῖσα ἀπὸ Κωνσταντινοπόλεως... πρὸς τὴν αὐτοῦ πατρίδα στηλιτεύουσα τὰς αἱρέσεις τῶν ἀθεωτάτων καὶ ἀσεβῶν πλάνων τῶν τε φουνδαγιαγιτῶν ἤτοι βουγομίλων... [1]). По словамъ Зигабена, богомилы утверждали, что душу для человѣка Сатанаилъ укралъ у Бога. Но на первыхъ порахъ ему не удалось одухотворить созданное имъ тѣло человѣка. И вотъ онъ оставилъ его на долгое время (эта подробность находится и въ одной легендѣ, помѣщенной ниже). Тѣло Адама лежало такимъ образомъ 30 лѣтъ. Наконецъ Сатанаилъ надумался и вкусилъ отъ всѣхъ нечистыхъ животныхъ «οἷον ὄφιν καὶ σκορπίον καὶ κύνα καὶ κάττον καὶ βάτραχον καὶ ποντικὸν καὶ λύκον καὶ λυκοπάνθηρον και ὅσα τοιαῦτα». Потомъ, онъ вложилъ душу въ ротъ тѣла, а внизу положилъ руку, чтобы воспрепятствовать душѣ выйти, затѣмъ изблевалъ на душу съѣденныя имъ нечистоты (ἐξέρασε τὰ μιάσματα ἐκεῖνα... ἐπάνω τῆς ψυχῆς). Такимъ образомъ душа осквернилась и осталась въ тѣлѣ. Родился Адамъ. Поэтому, когда разсердится человѣкъ, то бѣснуется, какъ змѣя, собака и кошка, такъ какъ душа «ἐξ ἐκείνου τοῦ μιάσματος ἐκ πάντων μετέχει θηριώδον» [2]).

Очевидно, въ разсказѣ легенды о обхарканіи чортомъ сотвореннаго имъ человѣка искажено приведенное довольно таки фантастическое ученіе о сотвореніи человѣка. Кромѣ того, къ легендѣ припутался еще другой мотивъ—совѣтъ Бога вывернуть человѣка на изнанку (встрѣчающійся въ нѣкоторомъ видоизмѣненіи и въ другихъ легендахъ,—объясняющихъ происхожденіе у людей харканья и болѣзней), припутанный въ свою очередь къ полузабытымъ мотивамъ о сотвореніи и оживленіи Богомъ по просьбѣ дьявола созданнаго послѣднимъ человѣка.

---

1) Свѣдѣнія объ этомъ произведеніи см. въ моей статьѣ: «Малоизвѣстное сочиненіе Евѳимія Зигабена, трактующее о богомилахъ». Нѣжинъ, 1902 (Изъ «Извѣстій» Историко-Филог. Института кн. Безбородко, т. XX).

2) O. c. стр. 5—6.

Между тѣмъ сохранившееся, но весьма неясное воспоминаніе о сотвореніи дьяволомъ демоновъ-людей отразилось въ легендѣ подробностью,—что дьяволъ *много* надѣлалъ такихъ людей — подробностью, совершенно не ладящей съ остальнымъ изложеніемъ.

Забыта была также старая мотивировка возмущенія сатаны противъ Бога, и была придумана новая, также представляющая искаженіе мотивировки крайнихъ дуалистовъ катаровъ появленія злого бога или его сына на небѣ — именно: чтобы увлечь ангеловъ добраго Бога и увеличить такимъ образомъ число своихъ ангеловъ, злой богъ или его сынъ отправились на небо [1]). По разсказу легенды, чорту стало завидно, что у Бога мало людей, и живутъ они на небѣ, а у него много, и живутъ они на землѣ, и онъ рѣшилъ изгнать Бога изъ неба и поселиться тамъ вмѣстѣ со своими.

Ничѣмъ не мотивированъ третій приходъ Бога къ чорту, и дальнѣйшее повѣствованіе о построеніи чортомъ желѣзной хатки и о договорѣ Бога съ чортомъ рѣшительно не вяжется съ предшествующимъ изложеніемъ и довершаетъ картину хаотическаго сцѣпленія разнородныхъ мотивовъ, по большей части богомильскаго или апокрифическаго, но въ богомильской окраскѣ, происхожденія, съ нѣкоторыми сказочными. Къ нѣкоторымъ изъ этихъ мотивовъ я вернусь впослѣдствіи. Здѣсь замѣчу еще, что желѣзная хатка вытекла изъ ада средневѣковыхъ христіанскихъ представленій, и что роль Христа перенесена въ легендѣ на Бога Отца. Кромѣ того, въ цѣломъ эпизодѣ отразилось вліяніе широко распространеннаго въ народной словесности сказочнаго мотива, какъ герой перехитрилъ своего противника. Далѣе нужно отмѣтить противорѣчіе въ изложеніи: въ началѣ говорится о заключеніи чорта въ желѣзной хаткѣ, а въ концѣ— о закованіи чорта—послѣдній мотивъ болѣе древній, но, очевидно, полузабытый. Къ указаннымъ мотивамъ присоединенъ еще третій — повидимому, чисто народнаго происхожденія—объясняющій, почему старый чортъ хромой.

---

1) См. выше.

2.

Легенды, помѣщенныя въ «Этнографическомъ Сборникѣ», издаваемомъ Обществомъ имени Шевченка.

Легенда «Початок сьвіта і перши люди» [1]) отражаетъ разнообразныя вліянія: богомильства, апокрифовъ, Библіи—послѣднія черезъ посредство богомиловъ.

Содержаніе легенды.

Еще не было Христа, только была синяя вода и бѣлый камень, и Отецъ Предвѣчный почивалъ на томъ камнѣ. Однажды грѣло солнце, и тѣнь Божія отразилась въ водѣ. Отецъ Предвѣчный говоритъ своей тѣни: «Сатанаилъ! выйди изъ воды!» Онъ вышелъ и сталъ около Отца небеснаго, потому что былъ сотворенъ, какъ ангелъ, Богомъ. Здѣсь обращаетъ вниманіе представленіе о позднѣйшемъ нарожденіи Христа, согласно въ богомильскими воззрѣніями. Названія: Отецъ Предвѣчный, Отецъ Небесный также ведутъ насъ къ богомиламъ [2]). Сатанаилъ представляется сотвореннымъ изъ тѣни Божіей. Происхожденіе такого представленія не ясно. Не повліяло ли на возникновеніе его нерѣдко встрѣчающееся въ средневѣковой церковной литературѣ противопоставленіе Ветхаго Завѣта—сѣни (царства дьявола, по богомильскимъ воззрѣніямъ) Новому—истинѣ. Возможно, впрочемъ, что оно восходитъ къ глубокой древности—къ манихейскимъ воззрѣніямъ, усвоеннымъ богомилами и отъ нихъ перешедшимъ и въ народъ [3]).

Быть можетъ, и для бѣлаго камня нашлось бы объясненіе въ выра-

---

1) См. Етнографічний Збірник, т. XII, 5—8.

2) Въ «Interrogatio» Богъ называется Pater invisibilis; кромѣ того находимъ названія Отецъ Небесный, особенно же часто Отецъ Святой.—См. Döllinger, op. c., I, 133; II, passim.

3) Въ изданномъ К. Залеманомъ отрывкѣ одного манихейскаго сочиненія говорится слѣдующее объ отношеніяхъ добраго и злого начала: «Ferner (sagen sie) diss (переводъ Залемана), dass das grenze an grenze zusammen stehn jener zwei urprincipien eben so war, wie sonnenschein und schatten, und zwischen inen gebe es keine scheidewand (?) und lücke».—C. Salemann. Ein bruchstück Manichaeischen schrifttums im Asiatischen Museum.— Записки И. А. Н. по историко-филол. отдѣл. т. VI, № 6, стр. 20.

женіяхъ церковныхъ пѣснопѣній въ родѣ: «Утверди мя на камени исповѣданія Твоего» или: «На камени мя вѣры утвердивъ» и т. п., равно какъ въ евангельскомъ сопоставленіи Христа съ краеугольнымъ камнемъ? Впрочемъ, къ этому вопросу я надѣюсь еще возвратиться.

Слѣдуетъ извѣстный разсказъ о сотвореніи Богомъ земли при помощи Сатанаила. Земли было въ началѣ съ бобъ. Богъ благословилъ, и сталъ порядочный кусокъ земли. Затѣмъ Богъ предложилъ Сатанаилу лечь спать, но Сатанаилъ сперва не соглашался, боясь, чтобы Богъ его не провелъ—очевидно, первоначальный мотивъ о снѣ *Бога,* а не Сатанаила, здѣсь искаженъ подъ вліяніемъ мотива о похищеніи у сатаны архангеломъ драгоцѣнной вещи. Во время сна Сатанаила Богъ сотворилъ землю. Проснувшись Сатанаилъ вздумалъ уничтожить созданіе Бога, но вмѣсто того натворилъ горъ и долинъ. Слѣдуетъ разсказъ о насажденіи Богомъ рая. Богъ велѣлъ Сатанаилу принесть пять зеренъ; тотъ принесъ только четыре, а пятое утаилъ во рту. Но Богъ уличилъ его. Тогда Сатанаилъ вынулъ зерно и сказалъ: «Пусть будетъ Тебѣ на распятіе». А Богъ отвѣтилъ: «Пусть будетъ тебѣ на прогнаніе!» И тотчасъ проклялъ дьявола. Поэтому и теперь, если перекрестишься, то дьяволъ убѣгаетъ за море, а раньше не боялся креста. Далѣе разсказывается, какъ Богъ омочилъ палецъ въ водѣ, и сталъ архангелъ Михаилъ. Дьяволъ спросилъ, на что Онъ это сдѣлалъ. Богъ отвѣтилъ: «Да вѣдь ты не хочешь слушать»—весьма неясная реминисценція извѣстнаго апокрифическаго сказанія о роли Михаила въ борьбѣ Бога съ дьяволомъ. Тогда сатана сталъ брызгать горстями воды и надѣлалъ злыхъ духовъ такъ много, какъ травы. На вопросъ Бога: «зачѣмъ?» онъ отвѣтилъ: «Буду воевать съ Тобой». Слѣдуетъ разсказъ о похищеніи у сатаны драгоцѣннаго предмета, не находящійся ни въ какой связи съ предшествующимъ изложеніемъ. Такимъ предметомъ въ нашей легендѣ является колесница, сдѣланная сатаной и, очевидно, замѣнившая громъ по ассоціаціи сложности. При помощи этой гремящей колесницы Михаилъ побиваетъ силу дьявола. Дьяволъ сталъ взывать о пощадѣ. Поэтому совершаетъ грѣхъ женщина, если, помывъ ложки, встряхиваетъ ими. Слѣдуетъ повѣствованіе о сотвореніи Адама. Въ отсутствіе Бога дьяволъ истыкалъ тѣло сотвореннаго имъ изъ глины человѣка, и отъ этого пошла оспа. Тѣло

у первыхъ людей было, какъ ноготь, и поэтому имъ не нужно было одѣваться [1]).

Но лукавый повадился ходить къ Евѣ. Богъ тогда окружилъ рай огнемъ. Лукавый проложилъ въ свою очередь желѣзную трубу черезъ огонь и въ видѣ ужа вползъ по трубѣ въ рай. Между тѣмъ, фруктовыя деревья, насажденныя Богомъ, принесли плоды. Самыя лучшія яблоки были на деревѣ, которое. выросло изъ зерна, утаеннаго дьяволомъ. Дьяволъ самъ срываетъ яблоки и даетъ ихъ Адаму и Евѣ. Какъ только Адамъ вкусилъ яблока, ангелъ воскликнулъ: «Адамъ уже согрѣшилъ!» Яблоко и застряло въ горлѣ Адама. Тотчасъ его тѣло измѣнилось, и Адамъ сталъ стыдиться своего тѣла. Разсказъ о совѣтѣ, данномъ дьяволомъ Адаму, — измышленіе или народной фантазіи, или, быть можетъ, личной фантазіи разсказчика, и для насъ интереса не представляетъ, хотя въ основѣ его лежитъ крайне неясная реминисценція извѣстнаго апокрифа о Адамовомъ рукописаніи, которое дальше и выступаетъ на сцену.

Далѣе, въ согласіи съ богомильскими представленіями, разсказывается, что Ева родила отъ дьявола Каина. У Каина было 24 головы, и крикъ его на востокѣ былъ слышенъ на западѣ. Лукавый предложилъ Адаму излѣчить Каина, если Адамъ согласится записать на него все, что будетъ по немъ. Адамъ такъ и поступилъ, и вотъ люди по смерти стали отправляться къ лукавому. Слѣдуетъ распространенный въ народной малорусской словесности разсказъ о происхожденіи «осины».

---

1) Это представленіе о качествѣ тѣла первыхъ людей есть ничто иное, какъ искаженіе ученія богомиловъ о небесномъ и земномъ тѣлѣ ангеловъ-людей. Именно, по словамъ Монеты, катары утверждали: «quod iste Deus sanctus et verus suum populum habuerit coelestem constantem ex tribus, scilicet, corpore et anima et spiritu. Anima intra corpus existit, spiritus vero, qui custos est animae, et rector ipsius, intra corpus non est...— См. Venerabilis patris Monetae Cremonensis ordinis praedicatorum S. P. Dominico aequalis adversus Catharos et Valdenses libri quinque... Romae 1743, p. 3. Воскреснутъ только небесныя тѣла (ibid. 5). Въ другомъ изложеніи ученія катаровъ мы находимъ: Ангелы имѣли душу, духъ и тѣло. Когда сынъ бога мрака увлекъ ихъ внизъ, они оставили свои мертвыя тѣла въ покинутомъ ими небѣ. И вотъ эти души ангеловъ странствуютъ, воплощаясь изъ тѣла въ тѣло, пока не придутъ въ познаніе истины. Когда же возвратятся на небо, то соединятся съ тѣлами и духами, и тогда возгорится война между Богомъ и злыми ангелами. Döllinger, II, 58—59.

Любопытныя черты представляетъ повѣствованіе о искупленіи людей. Дьяволъ объясняетъ Богу причину его власти надъ мертвыми. Запись Адама находится далеко въ водѣ въ скалѣ и въ пещерѣ. Достать ее могъ бы только Богъ, если бы Онъ родился на землѣ, умеръ и воскресъ. Христа, по нашей легендѣ, распяли на деревѣ, выросшемъ изъ зерна, затаеннаго во рту дьяволомъ. Когда Христосъ умеръ и воскресъ, запись выплыла и сгорѣла на водѣ. А св. Петръ выпустилъ всѣ души изъ ада, за исключеніемъ Соломона, которому предложено было освободиться изъ ада при помощи своей мудрости.

Я уже имѣлъ случай въ другомъ мѣстѣ касаться вопроса о происхожденіи сказанія о рукописаніи[1]). Для лучшей иллюстраціи высказанныхъ мною положеній я приведу рядъ текстовъ изъ церковной письменности, выясняющихъ, какъ генезисъ апокрифа, такъ и его древность и популярность въ средневѣковомъ христіанствѣ востока.

Основаніемъ для легендъ о рукописаніи могли послужить слѣдующія слова апостола Павла: «Истребивъ ученіемъ бывшее о насъ рукописаніе, которое было противъ насъ, Онъ взялъ его отъ среды и пригвоздилъ ко кресту. Отнявъ силы у начальствъ и властей, властно подвергъ ихъ позору» (Посл. къ Колос. гл. II, ст. 14—15).

Понятыя въ буквальномъ смыслѣ эти слова послужили для народной фантазіи поводомъ къ созданію цѣлаго ряда легендъ о рукописаніи, данномъ Адамомъ дьяволу, различающихся между собой, главнымъ образомъ, мотивировкой причинъ, побудившихъ Адама дать это рукописаніе. Въ церковной литературѣ, въ особенности въ богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ и молитвахъ, большой популярностью пользовался мотивъ, что Каинъ родился съ змѣиными головами, и что дьяволъ освободилъ Каина отъ этихъ головъ, получивъ предварительно запись Адама на души всѣхъ потомковъ послѣдняго. Спѣшу оговориться, что въ нѣкоторыхъ пѣснопѣніяхъ рукописаніе понимается въ духовномъ смыслѣ, но по моему разумѣнію, приданіе духовнаго смысла рукописанію въ этихъ пѣснопѣніяхъ въ большинствѣ случаевъ явленіе уже позднѣйшее.

---

1) См. мою статью «Этюды по богомильству», напечатанную въ «Изборникѣ Кіевскомъ, посвященномъ Т. Д. Флоринскому» (Кіевъ 1904), стр. 4—7.

Такъ, во второй стихирѣ на стиховнѣ подъ 2-мъ января мы читаемъ: «Іисусъ грядеть... на крещеніи омыти хотя Адамово рукописаніе...»—стихира принадлежитъ Андрею Критскому. Въ тотъ же день на утренѣ во второй стихирѣ на стиховнѣ находимъ: «Готовися, Іордане, се бо приходитъ Христосъ Богъ креститися отъ Іоанна, да зміевъ невидимыя главы сокрушитъ Божествомъ въ водахъ твоихъ». Во второй стихирѣ на хвалитехъ въ недѣлю св. Отецъ читаемъ: «Написався съ рабы владыка, прегрѣшеній рукописаніе раздрати хотя и написати вся въ книгѣ живущихъ, умерщвленныя украденіемъ зміа».

Нижеслѣдующая стихира интересна потому, что помѣщаетъ сатану въ Іорданскихъ водахъ. Вспомнимъ, что въ космогоническихъ легендахъ славянъ первоначальнымъ мѣстопребываніемъ Сатанаила-чорта называются воды. «Тако глаголетъ Господь къ Іоанну: ты же не усумнися отнюдь: ибо таящагося въ водахъ борителя, князя тмы, тщуся погубити, избавляя міръ отъ его сѣтей нынѣ...»—стихира 5-го января на 6 часѣ—принадлежитъ патріарху Софронію (VII в.).

Народная фантазія и теперь охотно помѣщаетъ нечистую силу въ водѣ, въ особенности въ омутахъ.

Въ молитвѣ на водоосвященіе, принадлежащей тому же Софронію, читаемъ: «не бо хотѣлъ еси, Владыко,... зрѣти отъ діавола мучима рода человѣча, но пришелъ еси и спаслъ еси насъ; Ты Іорданскія струи освятилъ еси... и главы тамо гнѣздящихся сокрушилъ еси зміевъ...».

Не тѣ же ли мысли высказываютъ и богомилы въ своемъ ученіи о власти дьявола надъ ветхозавѣтными людьми, о страшныхъ мукахъ, которымъ подвергалъ ихъ дьяволъ, отъ чего избавилъ людей Христосъ? Тоже находимъ и въ народныхъ легендахъ.

Въ третьей стихирѣ 2-го гласа въ среду на блаж. читаемъ: «Адамово рукописаніе копіемъ Твоимъ раздралъ еси, того написуя въ книгѣ живыхъ...». Въ воскресной второй стихирѣ на блаж. 4-го гласа поется: «Загладивый яко Богъ еже на ны рукописаніе...». Еще яснѣе эта мысль выражена въ 4-й стихирѣ 5-го гласа на Господи воззвахъ въ среду: «хотя рукоположеніе Адама первозданнаго отъяти до конца... яко создатель Адамовъ, гвоздьми пригвоздися...».

Не стану приводить извѣстныхъ мѣстъ изъ кононовъ на Богоявленіе Козьмы Маіумскаго и Іоанна Дамаскина, такъ какъ эти мѣста уже неоднократно приводились изслѣдователями, равно какъ подобныхъ же цитатъ изъ другихъ пѣснопѣній, потому что это безъ надобности удлинило бы мою работу.

Въ другой легендѣ, помѣщенной въ томъ же томѣ «Этнографическаго Сборника» [1]), выставлена своеобразная причина сотворенія міра. Въ началѣ были вездѣ воды, и Богъ возносился надъ водами, вездѣ царила тьма (ср. первые стихи книги Бытія). Богъ услышалъ голосъ въ тьмѣ и предложилъ говорившему выйти изъ тьмы. Вышелъ сатана и сталъ ходить съ Богомъ по воздуху. Сатана, наконецъ, усталъ, а отдохнуть негдѣ [2]). Богъ посовѣтовалъ ему нырнуть на дно моря и вынесть горсть песку. Изъ этой горсти Богъ сотворилъ земли столько, что они могли улечься. Сатана задумалъ утопить Бога, когда Онъ уснетъ. Но Богъ, знающій всякую мысль сатаны, напустилъ на послѣдняго глубокій сонъ. А Самъ утвердилъ землю на водахъ (библейско-церковное выраженіе!) и сказалъ: «Пусть двѣ части воды поднимутся къ облакамъ, а третья часть останется въ морѣ!» [3]).

Очевидно, здѣсь смѣшаны два мотива: 1) какъ сатана хотѣлъ утопить заснувшаго Бога; 2) какъ Богъ украдкой отъ сатаны, который мѣшалъ Ему творить, создалъ міръ. Это смѣшеніе мотивовъ повліяло на весь дальнѣйшій ходъ повѣствованія.

Богъ сотворилъ потомъ солнце, чтобы оно осушило землю, наполнилъ воду рыбами, воздухъ птицами и сотворилъ всѣ звѣри дубравные

---

1) «Початок світа, перший гріх і відкупленє», стр. 8—12.

2) Древняя черта. По Зигабену, богомилы учили, что не будучи въ состояніи удержаться на водахъ, Сатанаилъ рѣшилъ устроить свой міръ: Λέγουσι τὸν Σαταναὴλ ἄνωθεν ῥιφέντα καὶ μὴ δυνάμενον τοῖς ὕδασιν ἐφιζάνειν... συγκαλέσαι τὰς συγκαταπετούσας αὐτῷ δυνάμεις καὶ εἰπεῖν· ὡς ἐπεὶ τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν ὁ θεὸς ἐποίησεν, ποιήσω κἀγὼ δεύτερον οὐρανόν... καὶ τὰ ἑξῆς ἀκολούθως.—Задуманное намѣреніе Сатанаилъ немедленно осуществилъ. См. Migne, Pathol. gr., 130, col. 1296 — 1297. Ср. также соотвѣтствующее мѣсто въ «Interrogatio» — Döllinger, II, 87.

3) Въ «Interrogatio» мы читаемъ: «Et elevaverunt (сатана со своими помощниками) duas partes sursum in aërem et de tertia parte fecerunt L maria.—Döllin er, ib.

(опять библейское выраженіе!). Послѣ этого Богъ разбудилъ сатану. Увидѣвъ сотворенный Богомъ міръ, сатана пришелъ въ удивленіе и замѣтилъ, что нужно бы хозяина, который управлялъ бы всѣмъ этимъ, а также слѣдовало бы насадить фруктовыхъ деревьевъ, чтобы онъ имѣлъ пропитаніе. Богъ послалъ сатану опять въ глубину моря съ тѣмъ, чтобы онъ досталъ находившіяся подъ скалой семь зеренъ. Сатана принесъ Богу только шесть зеренъ.

Дальнѣйшее повѣствованіе въ общихъ чертахъ сходно съ вышеизложенными легендами. Сотворивъ Адама, Богъ сказалъ ему, что дѣлаетъ его хозяиномъ всего творенія. Заключительная часть легенды излагается согласно съ Библіей и не представляетъ для насъ интереса.

Эта легенда любопытна главнымъ образомъ потому, что свидѣтельствуетъ о тѣсной зависимости народныхъ славянскихъ легендъ космогоническаго характера отъ книжной литературы, въ частности отъ Библіи. Кромѣ того, она представляетъ интересные образчики того, какъ въ народномъ творчествѣ видоизмѣняется старый мотивъ, ставшій не понятнымъ. Такимъ образомъ, мотивъ о усталости сатаны, какъ повода къ сотворенію Богомъ земли, ничто иное, какъ искаженіе стараго богомильскаго мотива о томъ, какъ низверженный съ неба Сатанаилъ не находилъ нигдѣ покоя, пока не взмолился къ Богу. Такъ, мы читаемъ въ «Interrogatio» Іоанна Богослова (мѣсто, къ сожалѣнію, искажено): «et ejectus fuit (sathanas) a trono Dei et a villicatione coelorum et descendens de coelo sathanas in firmamentum hoc nullam requiem poterat facere, neque hi qui cum eo erant, rogavitque Patrem dicens: peccavi! patientiam habe in me, omnia reddam Tibi. Pater misertus est ejus et dedit ei requiem (вѣроятно, пропущено: et potestatem) facere, quod voluerit, usque ad diem septimum[1]). Смутно помня, что сатана, приступая къ міротворенію, гдѣ то усѣлся, авторъ приспособилъ къ своимъ цѣлямъ мотивъ о сотвореніи земли посредствомъ ырянія въ море, не вяжущійся съ дальнѣйшимъ

1) Döllinger, II, 87; по списку, напечатанному Thilo, это мѣсто читается слѣдующимъ образомъ: «Et descendeus satanás in firmamentum hoc nullam requiem potuit facere sibi nec iis qui cum eo erant. Et rogavit... et dedit ei requiem et his, qui cum eo erant, quodcunque vellet, usque ad septem dies».—А. Н. Веселовскій «Разысканія», Сборникъ Отд. р. яз. и сл. т. 45, стр. 38.

повѣствованіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ той же книгѣ Іоанна Богослова говорится, что, приступая къ міротворенію, сатана «sedit super firmamentum». Раздѣленіе водъ, какъ мы видѣли выше, происходитъ по легендѣ согласно съ разсказомъ «Interrogatio». Только въ легендѣ творитъ Богъ, а въ «Interrogatio» сатана при помощи двухъ ангеловъ.

Въ легендѣ «Бог і Сатана» [1]) перепутаны всевозможные мотивы книжнаго—богомильскаго—и народнаго происхожденія. Примѣшался сюда, между прочимъ, даже сказочный мотивъ о глупыхъ людяхъ. Сатана предлагаетъ Богу заковываться въ цѣпи, чтобы испробовать силу: кто сильнѣе, тотъ разорветъ цѣпи. Но Богъ отвѣчаетъ, что прежде долженъ заковаться сатана, такъ какъ Онъ не знаетъ, какъ это сдѣлать—извѣстный, широко распространенный сказочный мотивъ, какъ герой перехитряетъ простоватаго противника, замышляющаго погубить его, и послѣдній самъ гибнетъ. Когда сатана заковался, Богъ сказалъ: «Стой, сатана, закованный, пока существуетъ свѣтъ и солнце!» Сатана приказываетъ двумъ чертямъ разгрысть цѣпи. Они стали грызть, и, всякій разъ какъ на небѣ старый мѣсяцъ, цѣпь почти перегрызается ими, но появится новый мѣсяцъ, и станетъ новая цѣпь. При концѣ свѣта сатана освободится, будетъ ходить по свѣту и предлагать голодающимъ камень вмѣсто хлѣба и смолу вмѣсто воды.

Легенда № 6 того же «Сборника» [2]) повѣствуетъ о насажденіи рая. Богъ запрещаетъ Адаму ѣсть отъ яблони, которая выросла изъ зерна, утаеннаго дьяволомъ. О грѣхопаденіи первыхъ людей разсказывается согласно съ Библіей. Сатана былъ сброшенъ съ неба послѣ грѣхопаденія за гордость и обманъ человѣка. А обманулъ сатана человѣка потому, что ему завидно было, что человѣку сотворенному изъ глины, данъ такой

1) «Етн. Збірник» XII, 13—14.

2) Анастасій Синаитъ утверждалъ, что, когда Богъ творилъ этотъ видимый міръ, дьяволъ думалъ, что онъ будетъ поставленъ царемъ его. А когда увидѣлъ, что Богъ создалъ Адама и всѣ творенія подчинилъ ему, тогда онъ возсталъ противъ него (человѣка) и обольстилъ его.—Порфирьевъ, Апокр. сказ., Казань 1871, стр. 37. По Зигабену, богомилы учили, что, когда Сатанаилъ увидѣлъ, какъ прекрасно его созданіе, оживотворенное Богомъ, ему стало завидно, и онъ, войдя въ змѣя, соединился съ Евой, чтобы его потомство первенствовало надъ Адамовымъ. Migne, Patrol. gr., 130, col. 1297.

прекрасный рай [1]). Затѣмъ говорится о сотвореніи сатаной чертей посредствомъ маханія пальца, обмоченнаго въ водѣ. Сатана объявляетъ войну Богу. Но, какъ только заблистала молнія, и загремѣлъ громъ, полетѣлъ сатана со своими пріятелями внизъ. Летѣли они сорокъ дней и сорокъ ночей, пока не взмолился сатана къ Богу съ просьбой остановить его. Тогда ударило сатаной о земь, и былъ выбитъ для чертей адъ.

Отраженіе первоначальнаго богомильскаго дуализма, но въ совершенно измѣненномъ народной фантазіей видѣ, мы находимъ въ легендѣ № 7 [2]).

Богъ, сотворилъ свѣтъ, пришелъ къ одной скалѣ, и слышитъ, что въ ней что-то царапается. Онъ спрашиваетъ, кто тамъ, удивляясь, что при Своемъ всевѣдѣніи Онъ не знаетъ этого, предлагаетъ выйти неизвѣстному изъ скалы. Но сатана (это былъ онъ) отказывается выйти, ссылаясь на то, что онъ безобразный, сморкатый, рогатый. Богъ обѣщалъ его украсить. Тогда онъ вышелъ. Дѣйствительно Богъ его украсилъ и сдѣлалъ первымъ ангеломъ. Въ дальнѣйшемъ повѣствованіи о сотвореніи чертей и о войнѣ съ Богомъ легенда сходится съ № 6. Отмѣчу еще подробность, что тотъ чортъ, который упалъ головой, «ро́збрыс», и на мѣстѣ его паденія образовалось озеро, или перестала рости трава.

Своеобразное соединеніе извѣстнаго апокрифа объ Адамѣ съ богомольскимъ ученіемъ о характерѣ грѣхопаденія Евы представлено легендой № 14 [3]).

Каина родила Ева отъ сатаны. Новорожденный имѣлъ семь головъ. Ева стала плакать. Сатана снялъ у Каина шесть головъ. Богъ разгнѣвался и прогналъ Адама и Еву. Затѣмъ Ева каялась въ грѣхѣ въ Нилѣ, а Адамъ въ Іорданѣ. Но сатана все побуждалъ ихъ къ грѣху. Пришелъ онъ къ Евѣ и сказалъ, чтобы она выходила изъ воды, потому что она уже очистилась. То же сказалъ сатана и Адаму. Такъ они и не освободились отъ грѣха.

На апокрифахъ объ Адамѣ построена и легенда № 17 [3]). Сатана

---

1) «Бог і чорт»—«Збірник» XII, 15—16.

2) «Бунт Ангелів» ibid., стр. 16—17.

3) «Перший гріх» ib., стр. 20—21.

освобождаетъ Каина отъ семи змѣиныхъ головъ подъ условіемъ, что Адамъ запишетъ ему свою душу. Поэтому дьяволы обладали душами въ теченіи 4000 лѣтъ. Христосъ во время крещенія спалилъ сѣрнымъ огнемъ запись [1]).

Отголоски глубокой богомильской старины слышатся въ путанномъ повѣствованіи легенды № 18 [2]).

Ева даетъ запись на свое потомство. Основаніе для такой варіаціи мотива о рукописаніи могла дать Библія. У Каина было двѣнадцать головъ: звѣря, собаки, волка, коня, разныхъ звѣрей и одна дѣтская голова. Едва ли не попала сюда эта подробность по недоразумѣнію изъ приведеннаго мною выше богомильскаго миѳа объ оживотвореніи сатаной тѣла человѣка въ передачѣ Евѳимія Зигабена.

Господь Богъ разгнѣвался, заперъ адъ на 4000 лѣтъ и сказалъ при этомъ: «Развѣ Мой Сынъ откроетъ». Люди просили Люцифера (обычное названіе дьявола у катаровъ) выпустить ихъ. Но онъ не соглашался. Одинъ выпросился таки. Богъ сотворилъ 24 ангела. День и ночь пѣли и плакали эти ангелы въ теченіе 4000 лѣтъ.

Въ этомъ разсказѣ можно усматривать весьма неясное отраженіе сказаній катаровъ, крайнихъ дуалистовъ, какъ злой богъ увлекъ за собой обѣщаніемъ благъ матеріальнаго свойства часть ангеловъ добраго Бога, и они потомъ, очутившись въ мірѣ злого бога и увидѣвъ, что были обмануты имъ, раскаялись и воззвали къ Богу, чтобы Онъ ихъ пощадилъ и возвратилъ на небо. Ангелы эти суть души катаровъ (bonorum hominum), которыхъ злой богъ, услышавъ ихъ вопли къ доброму Богу, заключилъ въ туники, т. е. тѣла, въ которыхъ они должны были забыть блага, которыми пользовались на небѣ. Такимъ образомъ души эти переходятъ изъ туники въ тунику, пока не войдутъ въ тунику, въ которой спасутся, т. е. придутъ въ состояніе истины и справедливости. Тогда покинувъ тунику, онѣ возвращаются на небо [3]).

---

1) Ср.: «опали струею зміевы главы пещный высокій пламень» — канонъ Іоаннъ Дам. на Богоявленіе 7-й ирмосъ.

2) «Запропащенє і відкупленє людий»—«Збірник» XII, 22—23.

3) ....respondit... quod omnes animae bonorum hominum, id est haereticorum, qui feurunt, sunt et erunt, feurunt factae in coelo per Deum Patrem et deinde seductae per diabolum modo supradicto peccaverunt et de coelo ceciderunt in mun-

По другому сказанію, увлеченные сатаной ангелы, раскаявшись, воспѣли Пѣснь Пѣсней, которую обыкновенно пѣли, когда еще были съ Небеснымъ Отцомъ. Сатана спросилъ ихъ: «Такъ вы еще помните о пѣсняхъ Сіона?» Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ сказалъ: «Я помѣщу васъ въ землю забвенія, въ которой вы забудете то, что говорили и чѣмъ обладали въ Сіонѣ» [1]). И вотъ онъ сдѣлалъ туники, т. е. тѣла изъ земли забвенія.

Выпросившійся изъ ада (продолжаетъ легенда) пришелъ къ небесному царству и плакалъ «3 доби». Не хотѣли его впустить. Но Господь отворилъ двери и впустилъ его. Тотъ и спрашиваетъ: «Отче Небесный! когда мы избавимся отъ муки?»—«Подожди», сказалъ Богъ: «Я посмотрю, родился ли Мой Сынъ? Уже черезъ 30 лѣтъ вы освободитесь отъ муки». Когда Сыну Божію было 30 лѣтъ, онъ отворилъ ворота ада и всѣхъ выпустилъ на свѣтъ.

Разсказъ о прибытіи въ небесное Царство выпущеннаго сатаной заключеннаго въ адѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, восходитъ къ разобраннымъ уже мной въ другомъ мѣстѣ [2]) богомильскимъ пересказамъ «Видѣнія Исаіи», въ которыхъ повѣствуется о восхожденіи на небо катара, впавшаго въ сомнѣніе относительно правильности исповѣдуемой имъ вѣры.

Обращаютъ вниманіе выраженія: «Отецъ Небесный», «Сынъ Божій», при чемъ «Сынъ Божій» представляется, повидимому, родившимся только спустя 4000 лѣтъ по сотвореніи міра съ цѣлью освобожденія людей

---

dum dei mali, et cum fuerunt ibi, videntes, se fuisse deceptos per deum malum, quia non attendebat eis, quod promiserat, clamaverunt ad Deum Patrem, ut eis parceret et ad coelum reduceret. Quod videns deus malus dixit, quod faceret eis tunicas, id est corpora, in quibus obliviscentur bona, quae habuerant in coelo. Et sic diabolus fecit corpora, quae sunt tunicae oblivionis inversae, in quibus tunicis vadunt animae de tunica in tunicam, id est de corpore in corpus, quousque veniunt in tunicam, in qua salventur, quia in ea ponuntur in statum veritatis et justitiae, id est haeretici fiunt, et tunc egressi de dicta tunica revertuntur ad coelum. — Döllinger, II, 214—215. Ср. также стр. 190.

1) Döllinger, II, 201—202. Ср. мое изслѣдованіе: «Религіозное и литературное движеніе въ Болгаріи въ эпоху передъ турецкимъ завоеваніемъ», стр. 95—96.

2) См. мои «Этюды о богомильствѣ», напечатанные въ книгѣ «Eranos. Сборникъ статей по литературѣ и исторіи въ честь Н. П. Дашкевича». Кіевъ 1906, стр. 229—232.

отъ власти дьявола, а не искупленія человѣческаго рода по ученію Церкви.

Въ легендѣ № 139 [1]) разсказывается, какъ Антихристъ (очевидно, замѣнившій здѣсь сатану) хотѣлъ заковать Христа въ цѣпи, но самъ попалъ въ нихъ. Въ этой легендѣ старый христіанскій мотивъ является въ болѣе первоначальномъ видѣ, чѣмъ въ выше разобранныхъ мною легендахъ, въ которыхъ вмѣсто Христа является уже Богъ.

Въ легендѣ № 141 [2]) этотъ же мотивъ приспособленъ къ толкованію, почему на Свѣтлое Христово Воскресенье такъ рано служится въ церквахъ.

Въ легендѣ «Борьба св. Михаила съ Люциферомъ» [3]) говорится, что Небесный Господь (любопытное выраженіе!), сотворивъ ангеловъ, сдѣлалъ свѣтоноснаго Люцифера старшимъ надъ ними. Люциферъ былъ шестикрылый. И вотъ онъ вознесъ свой престолъ выше Божія. Объ этомъ сообщилъ Богу Михаилъ. Богъ посылаетъ Михаила на бой съ Люциферомъ. Побѣжденный Люциферъ упалъ съ своего престола на землю возлѣ моря и сталъ черным. Но Михаилъ замѣтилъ, что онъ унесъ съ собой драгоцѣнныя одежды. Посредствомъ извѣстной хитрости Михаилъ похищаетъ эти одежды у Люцифера и улетаетъ. Люциферъ пускается за нимъ въ погоню, догоняетъ его, «изо рта у него пышетъ пламень». Богъ велитъ Михаилу рубить Люцифера мечемъ, который виситъ у него на правомъ боку (очевидно, вліяніе иконографіи). Михаилъ отрубилъ Люциферу три крыла, тотъ упалъ на землю и проломился въ адъ. Далѣе разсказывается, какъ дьяволъ натворилъ себѣ ангеловъ, ударяя, по совѣту Бога, прутомъ по морю. Повторяется исторія боя Люцифера съ Богомъ, которая заканчивается низверженіемъ Люцифера въ адъ вмѣстѣ съ его ангелами. Падали они 40 дней и 40 ночей.

Согласная въ общихъ чертахъ съ апокрифомъ объ Адамѣ легенда: «Як Адам чортови записався» [4]), представляетъ любопытныя подробности.

---

1) «Христос у пеклі»—«Збірник», XII, 118—119.
2) Ibid. 119.
3) Ibid. т. III, стр. 3—4.
4) Ibid. т. V, стр. 111—112 — записана отъ захожихъ рабочихъ на сѣверномъ Кавказѣ.

Когда Богъ выгналъ Адама изъ рая, то сказалъ ему: «Вотъ теперь ты будешь кормить себя и свою семью трудомъ рукъ своихъ. Земли Я дамъ тебѣ много, ори и сѣи, гдѣ хочешь, а сѣмянъ для посѣвовъ Я также дамъ». Когда же Адамъ вздумалъ пахать, къ нему явился дьяволъ и сталъ доказывать, что земля принадлежитъ ему, такъ какъ Богъ его раньше выгналъ на землю. Дьяволъ предлагаетъ Адаму дѣлиться посѣвами, но Адамъ не соглашается. Тогда дьяволъ предложилъ Адаму отдать ему всѣхъ живыхъ людей, которые отъ него народятся. Но Адамъ и на это не согласился. Наконецъ дьяволъ предложилъ отдать ему мертвыхъ. Адамъ подумалъ: «въ самомъ дѣлѣ, на что мнѣ мертвецы?» и согласился. Дьяволъ отыскалъ мраморную плиту, написалъ на ней, что нужно, а Адамъ подписалъ своею кровью. Прошло съ того времени 999 лѣтъ (эпическое число). Всѣ люди—праведные и грѣшные — по смерти попадали въ адъ и мучились тамъ. Передъ концомъ 999-го года заболѣлъ Адамъ. Теперь онъ понялъ, какъ глупо поступилъ, давъ запись дьяволу. Умеръ Адамъ и пошелъ въ адъ. Дьяволъ обрадовался, увидя его. «Я давно тебя ожидалъ, да уже и отчаялся—очень долго жилъ ты на свѣтѣ», встрѣтилъ онъ Адама такими словами. Заперъ дьяволъ Адама въ отдѣльную комнату и навалилъ къ ея дверямъ мраморную плиту съ рукописаніемъ. Тысячи лѣтъ мучился Адамъ съ другими умершими въ аду. Стали они молиться Богу, чтобы Онъ помиловалъ ихъ. Сжалился Господь надъ ними и сказалъ въ Себѣ: «До какихъ поръ дьяволъ будетъ орудовать и владѣть людьми? Слезы ихъ и стенанія доходятъ до Меня. Пусть сойдетъ на землю Сынъ Мой возлюбленный и Своею кровью смоетъ съ людей грѣхъ Адама!» И послалъ Богъ на землю Сына Своего Іисуса Христа. Христосъ ходилъ по землѣ, училъ людей дѣлать по правдѣ, любить другъ друга, прощать всѣмъ обиды. Но еврейскимъ книжникамъ не понравилось Его ученіе, потому что они были злой и лукавый народъ, а Христосъ Своимъ ученіемъ шелъ противъ нихъ. Они сговорились между собой и распяли Христа. Когда послѣ распятія рано на другой день Христосъ сошелъ въ адъ, тотъ застоналъ, грѣшники обрадовались, дьяволъ обозлился. Рукописаніе Адама развалилось на куски, и Адамъ вмѣстѣ со всѣми, за исключеніемъ Соломона, вышелъ изъ ада.

Все это повѣствованіе является какъ бы свободной передачей бого-

мильскаго ученія объ искупленіи, какъ оно представлено въ изложеніи Евѳимія Зигабена [1]).

Любопытныя параллели къ нашей легендѣ даетъ также приписываемое Епифанію Кипрскому Слово въ Великую субботу, переводъ котораго относится еще къ древнѣйшей порѣ славянской письменности. Въ этомъ Словѣ говорится, какъ праведники и пророки «м҃лтвами п҃рно непрестающими Б҃га ѿтѹдѹ молѧхѹ избавленїа просѧщи прескрьбнаго того и оумилена обладанїа вражїа и омраченна претемнаго мрака» [2]). Тамъ же говорится, что Адамъ «създанныи преже всѣхъ чл҃къ и оумрыи прежде внѹтрьѹдоу всѣхъ съ многою твердынею свѧзанъ дръжимъ» [3]).

Вообще, какъ это Слово, такъ и приписываемое Евсевію Александрійскому «Слово въ святый, великій пятокъ... о вшествіи Іоанна Предтечи въ адъ» имѣютъ не мало сходныхъ чертъ съ отдѣльными подробностями разбираемыхъ въ настоящей статьѣ легендъ, о чемъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

Въ легендѣ: «Початокъ сьвіта» [4]) слѣдующія подробности любопытны. Богъ возносился надъ водами, на водѣ былъ великій шумъ. Что то кричало изъ воды: «Кто дастъ мнѣ руки и ноги, будетъ мнѣ побратимомъ!» Богъ посылаетъ чорта за землей въ тридевятую землю, повелѣлъ ему сказать: «Земля Божія! беру тебя во имя Божіе». Эта тридевятая земля

---

1) Привожу изъ Зигабена соотвѣтствующее мѣсто: Λέγουσιν, ὅτι τῶν ἀνθρώπων πικρῶς τυραννουμένων καὶ ἀπηνῶς ἀπολλυμένων, μόγις ὀλίγοι τινὲς τῆς τοῦ Πατρὸς μερίδος ἐγένοντο καὶ εἰς τὴν τῶν ἀγγέλων τάξιν ἀνέβησαν... Ὀψέ ποτε δὲ συνῆκε κατασοφισθεὶς ὁ Πατήρ, καὶ ἀδικεῖσθαι γνούς, ὅτι τὸ τιμιώτερον μέρος τοῦ ἀνθρώπου δούς, τὰ καιριώτατα συντελέσας εἰς τὸν ἀπαρτισμὸν αὐτοῦ πολλαπλήμαριον ἀποφαίνεται τοῦ γένους καὶ ἅμα κατελεήσας τὴν ψυχὴν, τὸ ἴδιον ἐμφύσημα πάσχουσαν οὕτως ἀθλίως καὶ καταδυναστευομένην διαναστῆναι πρὸς ἄμυναν, καὶ ἐν τῷ πεντακισχιλιαστῷ πεντακοσιαστῷ ἔτει ἐξερεύξασθαι τῆς ἑαυτοῦ καρδίας λόγον [τοῦτον δὴ τὸν Υἱὸν καὶ Θεὸν ἰσχυρίζονται εἶναι τὸν Ἀρχάγγελον Μιχαὴλ...] κατελθεῖν δὲ ἄνωθεν... καὶ τελέσαι τὴν ἔνσαρκον οἰκονομίαν καὶ ποιῆσαι καὶ διδάξαι τὰ ἐν τοῖς Εὐαγγελίοις ἀνατεταγμένα σταυρωθέντα δὲ καὶ ἀποθανεῖν καὶ ἀναστῆναι. Migne, Patr. gr., 130 col. 1301—1304.

2) Порфирьевъ. Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. Спб. 1890, стр. 222.

3) Ibid. 226.

4) «Збірник», XII, 3—4.

также отдаленный отзвукъ богомильскихъ представленій, равно какъ подробность, что *свою* землю дьяволъ не можетъ устроить безъ помощи Бога.

Дальнѣйшее повѣствованіе—смѣсь различныхъ мотивовъ съ попыткой связать ихъ въ одно цѣлое: новеллистическаго—о глупыхъ людяхъ, далѣе восходящаго къ апокрифамъ и средневѣковымъ христіанскимъ представленіямъ объ адѣ, мотива о замыслѣ дьявола заключить Бога въ желѣзной избѣ и мотива о похищеніи у дьявола драгоцѣнной вещи. При этомъ разсказъ о похищеніи драгоцѣнной вещи неумѣло вставленъ въ середину разсказа о неудачной попыткѣ дьявола заключить Бога въ желѣзную избу.

Отъ рева заключеннаго дьявола образовались горы и долины. Чортъ спрашиваетъ Бога, когда онъ выйдетъ изъ своего заключенія. Богъ отвѣчаетъ: «Коли діти не будут на боханці ходити і єк смерека не буде зеленіти». Дьяволъ тогда посовѣтовалъ чертямъ забивать въ ель гвозди, чтобы она засохла. Но вмѣсто того у ней стали сучья твердые, какъ желѣзо.

Къ договору Адама съ дьяволомъ припутанъ извѣстный сказочный мотивъ: дьяволъ предложилъ Адаму подарить ему то, что онъ не знаетъ. Адамъ согласился и подписалъ условіе кровью изъ мизиннаго пальца, а дьяволъ спряталъ Адамово рукописаніе въ Черномъ морѣ подъ бѣлымъ камнемъ. Вѣроятно, въ отплату за это (легенда ничего объ этомъ не говоритъ) чортъ сдѣлалъ Адаму плугъ, запрягъ коней и представилъ все это Адаму. Оказалось, что Адамъ записалъ дьяволу все свое потомство.

Нижеслѣдующая легенда [1]) опять служитъ неоспоримымъ свидѣтельствомъ книжнаго происхожденія народныхъ славянскихъ космогоническихъ легендъ. Главными источниками были космогоническія представленія богомиловъ и апокрифы—послѣдніе въ богомильскомъ освѣщеніи. Встрѣчающіеся же въ этихъ легендахъ мотивы сказочнаго или новеллистическаго характера не связаны органически съ цѣлымъ, и потому на нихъ нужно смотрѣть, какъ на позднѣйшія наслоенія.

Вотъ содержаніе легенды.

Земли не было, было только море. На морѣ былъ «шумъ». Сверху

---

1) «Початок сьвіта»—«Збірник», т. XIII, стр. 217—220.

падала роса. Отъ росы сталъ духъ, какъ Богъ, отъ вѣка и до вѣка, отъ «шума» Иродъ чортъ первовѣчный, какъ Богъ. Но Иродъ не зналъ «гадокъ Божіихъ», а Богъ зналъ всѣ мысли Ирода. Не зналъ Иродъ и «гадокъ» человѣка, пока тотъ не заговоритъ, а Богъ зналъ все. Нужно было имъ говорить другъ съ другомъ. Богъ сказалъ Ироду: «Разпобрати!» (любопытное искаженіе, очевидно, непонятнаго для малорусса южно-славянскаго слова — ясное указаніе на родину нашихъ легендъ [1]), а онъ Богу: «Побрати!» Вотъ Иродъ и говоритъ Богу: «Побратимъ! (для удобства возстановляю слово въ первоначальной формѣ) а чтобы то было, если бы на этомъ морѣ была земля?» Господь зналъ, что будетъ, потому и неспрашивалъ, а Иродъ не зналъ и потому все спрашивалъ. Разсказъ о ныряніи чорта за землей передается въ извѣстныхъ чертахъ. Въ третій разъ чортъ сказалъ: «Пусть будетъ во имя Божіе, но и мое!» Онъ нашелъ также въ морѣ плиту и уже рѣшилъ, что она ему пригодится — спрятать договоръ съ Адамомъ — извѣстная сказочная черта: герой заранѣе знаетъ, какіе предметы ему пригодятся, и заблаговременно запасается ими. Слѣдуетъ извѣстный разсказъ о снѣ Бога. Когда явилась земля, то Богъ самъ уже сотворилъ царство для Себя, а въ томъ царствѣ человѣка. Послѣ того какъ Богъ сдѣлалъ человѣка изъ глины, Иродъ плюнулъ на него, а Богъ выворотилъ его на изнанку: поэтому человѣкъ ощущаетъ внутри себя боль. Изъ ребра Адамова Богъ сотворилъ Еву. Сатана сталъ обдумывать, какъ бы взять Адама и Еву изъ царства [2]) внизъ, т. е. въ эту нижнюю, первую землю. Онъ посовѣтовалъ Адаму и Евѣ вступить въ плотское общеніе. Сатана зналъ, что, если они это сдѣлаютъ, Богъ выгонитъ ихъ изъ царства. Адамъ и Ева послушались сатаны. Богъ разгнѣвался на нихъ, выгналъ ихъ изъ царства и велѣлъ потомъ и кровью добывать себѣ пропитаніе. Когда они пришли внизъ, у нихъ родился ребенокъ. Сатана подмѣнилъ его. Адамъ подписалъ договоръ съ дьяволомъ и запродалъ ему весь свой родъ. Такимъ образомъ у сатаны стало великое множество помощниковъ. Тогда онъ началъ строить для своихъ

---

1) Впрочемъ нельзя сказать, чтобы самый обычай побратимства былъ чуждъ малоруссамъ. Ср. Melusine 1891 г. № 8.

2) По ученію нѣкоторыхъ катаровъ всѣ люди, которые были и теперь есть, пребывали сначала въ раю.—Döllinger, II, 32.

людей адъ. Адамъ работалъ на землѣ для своего благополучія, а Богъ ходилъ по землѣ и все видѣлъ. Сатана построилъ домъ, но безъ оконъ; онъ носилъ туда пригоршнями лучи солнца, но ни что не помогало. Богъ сказалъ: «Дай Мнѣ устроить». Сатана согласился. Богъ прорубилъ окна, благословилъ, и домъ сталъ свѣтлымъ. Поэтому домъ сталъ Божіимъ. Сатана дѣлалъ всякіе «гешефты», а Богъ все переводилъ на Свое имя (скрипки, мельницу, возъ, козъ, ельникъ), такъ что онъ былъ въ компаніи съ Богомъ, а не имѣлъ никакой прибыли (вліяніе сказокъ, разсказывающихъ, какъ мужикъ велъ компанію съ медвѣдемъ, чортомъ и т. д. и оставилъ своихъ компаньоновъ въ дуракахъ). Разсердился сатана и сказалъ Богу: «Побратимъ! будемъ воевать: у меня есть великая сила на землѣ, и я не хочу Тебя имѣть компаньономъ!» Когда ангелы, которыхъ Богъ размножилъ въ Своемъ царствѣ, согрѣшили и взбунтовались, Онъ приказалъ архистратигу Михаилу свергнуть ихъ съ неба. Тогда одни изъ нихъ попадали на скалы, другіе на деревья въ лѣсахъ, третьи въ воду и всѣ погибли, но многіе упали на землю, и стали чертями и подвластными сатанѣ, что обрадовало послѣдняго. Теперь надѣлалъ сатана для борьбы съ Богомъ пушекъ. Онъ думалъ: Богъ не знаетъ, что онъ дѣлаетъ. Богъ имѣетъ Свое царство: пусть идетъ туда, а земля его, «бо вин на ний силу'мат». Поднялся сатана со своей силой, а Богъ вышелъ съ палицей. Вотъ Богъ приказалъ Ильѣ заблистать. Илья заблисталъ три раза, за третьимъ разомъ загремѣло, земля задрожала, Илья пустилъ «кулю» съ огнемъ; все войско чорта сгорѣло. Земля потрескалась и чуть было не разсѣлась. Первовѣчной Биды, однако, Илья не убилъ. Богъ сталъ на правое колѣно и сказалъ Ильѣ: «Одну руку и ногу твои замыкаю до конца свѣта!» Какъ будетъ конецъ свѣта, Илья будетъ такъ палить громами, что земля разсыплется и сгоритъ. «А то, то мет си палити, то чистилище земнї будет из й то криви». Тогда сатана-Иродъ увидѣлъ, что съ Богомъ шутки плохи, и пошелъ въ адъ, а своихъ слугъ чертей оставилъ на землѣ. При этомъ въ нашей легендѣ дѣлается намекъ на то, какъ сатана хотѣлъ заковать Бога [1]). А Илья съ тѣхъ поръ сталъ бить

1) «А вин там в адї, закований, бо йик хотіў Бога ў сїти замкнути, то Бог йиго загулиў и з ланціў стали шини и в то крісло йиго до сегодни имит»—l. c. стр. 220.

чертей. Съ того же времени пошли войны, и явилось оружіе, потому что сатана со страху бросилъ его на землѣ, когда удалился въ адъ.

Модернизованная легенда эта съ пушками и «огненными кулями» заключаетъ въ себѣ, однако, черты глубокой древности. Согласно съ воззрѣніями крайнихъ богомиловъ, «Иродъ чортъ» называется первовѣчнымъ, какъ Богъ. Только, въ согласіи уже съ христіанскими представленіями о дьяволѣ, «Иродъ чортъ» не обладаетъ всевѣдѣніемъ, какъ Богъ. Побратимство Бога съ чортомъ также находитъ объясненіе въ ученіи богомиловъ. Нѣкоторые катары утверждали, что Богъ принялъ Люцибеля за брата [1]). Весьма характеристично и вполнѣ отвѣчаетъ воззрѣніямъ богомиловъ противопостановленіе царства чорта — нижней земли—царству Бога, значитъ, вышней землѣ. Катары учили, что Богъ имѣетъ семь царствъ и злой также, т. е. семь чиновъ ангеловъ и демоновъ [2]). Другіе катары утверждали, что добрымъ Богомъ сотворены семь небесъ и все сверхунебесное (supercoelestia), злымъ — все подъ этими небесами [3]). По легендѣ чортъ создаетъ свою землю при помощи Бога. Такъ учили богомилы, умѣренные дуалисты.

Происхожденіе Бога отъ росы легче всего объясняется изъ библейско-церковной литературы, гдѣ говорится о превращеніи въ росу огня въ вавилонской печи, произведенномъ ангеломъ, или о томъ, какъ Господь сошелъ въ лоно Дѣвы, какъ дождь на руно и т. п. [4]). Притомъ такое происхожденіе являлось естественнымъ противоположеніемъ происхожденію чорта отъ пѣны.

---

1) Döllinger, II, 33.

2) Ibid. 184.

3) Ibid. 321.

4) Приведу примѣры изъ церковныхъ пѣснопѣній. «Облакъ тя свѣта присносущнаго, Дѣво, пророкъ именова: изъ тебе бо, яко дождь на руно сшедъ, слово отчее... міръ просвѣти»—догматикъ на стихов. на мал. вечери гл. 1; «ты бо едина родила еси прозябаніемъ безъ мужа, небесный нынѣ дождь пріемши во чревѣ»—канонъ на повеч. (субб.) 1 гл. 8 п. 4 троп.; «на земли тя небо, чистая, показа, иже во утробѣ твоей вселивыйся... и дождиши всѣмъ безсмертную росу»—стих. 3 на стихов. мал. веч. гл. 3; см. также канонъ Богор. на воскр. утр. 1 гл. 4 п. 2 тр.; канонъ въ понед. на повеч. 2 гл. 7 п. 1 и 3 троп.; канонъ въ субботу на повеч. 3 гл. 7 п. 2 троп.; воскр. стихир. на блажен. 3. гл. Богород. и т. д. Богородица также именуется въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ небесной росой, см. напримѣръ, канонъ на повечер. въ субботы гл. 1 п. 6 троп. 4.

Въ дальнѣйшемъ повѣствованіи перепутаны черты богомильскихъ воззрѣній съ библейскими представленіями о сотвореніи человѣка. Человѣка создаетъ Богъ, но чортъ оплевалъ его, и отъ этого пошли болѣзни. Тѣмъ не менѣе первоначальный мотивъ о созданіи дьяволомъ своихъ людей — демоновъ, на ряду съ которыми были созданы Богомъ люди — ангелы, не былъ еще совершенно забытъ: потомки Адама стали приспѣшниками дьявола. А нѣсколько ниже, въ согласіи уже съ представленіями богомиловъ умѣреннаго дуалистическаго толка, ангелы оказываются сотворенными Богомъ, но они согрѣшили (почему?) и взбунтовались, и потому были низвергнуты на землю, гдѣ стали слугами чорта. Народный разсказчикъ не замѣтилъ, что онъ, въ сущности, передалъ здѣсь другой варіантъ богомильскихъ сказаній о грѣхопаденіи первыхъ людей — ангеловъ. Въ согласіи съ представленіями умѣренныхъ богомиловъ Адамъ и Ева согрѣшили плотскимъ грѣхомъ, а не вкушеніемъ отъ древа познанія добра и зла. Любопытенъ разсказъ о неудачномъ строительствѣ дьявола: рядъ необходимыхъ предметовъ человѣческаго потребленія представляется неумѣло сдѣланнымъ дьяволомъ, а потомъ исправленнымъ и тѣмъ самымъ освященнымъ Богомъ — несомнѣнно основаніе этого мотива опять таки богомильское, а именно, въ разсказахъ умѣренныхъ богомиловъ о неудачныхъ попыткахъ дьявола сотворить міръ, въ особенности же человѣка, безъ содѣйствія Бога. Конечно, какъ я уже говорилъ выше, оказали вліяніе также разсказы о глупцахъ. Въ то же время указанный мотивъ представляетъ одну изъ первыхъ попытокъ смягчить суровое ученіе богомиловъ о происхожденіи матеріальныхъ предметовъ и приблизить вообще богомильское ученіе къ христіанскому. Непосредственный же толчокъ къ созданію подобнаго рода мотива могъ дать разсказъ «Видѣнія Варуха» о томъ, что виноградная лоза была насаждена въ раю Сатанаиломъ, отъ нея вкусилъ Адамъ и вмѣстѣ съ нею подвергся осужденію. Но, когда во время потопа ее вынесло водою изъ рая, то *съ благословенія Божія* она была насаждена Ноемъ [1]). Также въ апокрифахъ о крестномъ древѣ говорится о благословеніи Богомъ насажденныхъ Имъ при содѣйствіи Сатанаила деревьевъ въ раю.

1) Ср. Галаховъ. Исторія русской словесности, т. I, отд. I, стр. 466.

Впрочемъ въ этихъ апокрифахъ самъ Сатанаилъ проситъ Бога благословить деревья [1]).

Я уже указывалъ на вліяніе извѣстныхъ сказочныхъ мотивовъ на мотивъ о товариществѣ Бога съ дьяволомъ, но долженъ оговориться, что это вліяніе — позднѣйшее наслоеніе; а первоначально этотъ мотивъ возникъ изъ апокрифическаго разсказа о договорѣ дьявола съ Адамомъ, не удачномъ въ концѣ концовъ для перваго, который богомилы приспособили къ своему ученію, замѣнивъ Адама Богомъ.

Замѣчу еще, что катары, говорившіе о побратимствѣ Бога съ Люциферомъ — Люцибелемъ, утверждали, что послѣ этого Люцибель захотѣлъ имѣть свою долю въ вышнемъ и нижнемъ мірахъ, но Господь отказалъ въ этомъ, и вотъ между ними возгорѣлась война, которая продолжается до сихъ поръ [2]). Въ нашей легендѣ разсерженный чортъ также объявилъ Богу войну, но мотивъ вѣчности этой войны видоизмѣненъ въ томъ смыслѣ, что дьяволъ, бросившій на землѣ во время бѣгства оружіе (новый мотивъ — объяснять происхожденіе оружія — подъ вліяніемъ воззрѣній христіанизированныхъ богомиловъ на дьявола, какъ на творца всѣхъ вредныхъ для человѣка существъ, а, слѣдовательно, и предметовъ), является виновникомъ людскихъ войнъ. Такое представленіе о дьяволѣ, впрочемъ, было распространено въ средневѣковомъ христіанскомъ обществѣ и обязано своимъ происхожденіемъ апокрифамъ [3]).

Глухо говорится въ легендѣ о какой то подмѣнѣ ребенка [4]) дьяволомъ, о договорѣ Адама съ послѣднимъ. Очевидно, старые мотивы стали забываться.

---

1) См. Тихонравовъ. Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 306, 310.

2) ... et postea voluit Lucibel habere partem haereditatis de inferioribus et de superioribus, et Dominus noluit et propter hoc diu fuit guerra et hodie est inter ipsos. Döllinger, II, 33.

3) Уже въ книгѣ Еноха, пользовавшейся уваженіемъ и въ средѣ богомиловъ, находимъ ученіе, что Азазіилъ, одинъ изъ вождей падшихъ ангеловъ, научилъ людей выдѣлывать оружіе. См. Gfrörer, Prophetae veteres pseudepigraphi, p. 173.

4) О происхожденіи этого мотива надѣюсь сказать въ свое время.

3.

Двѣ южнославянскія космогоническія легенды.

Представляетъ интересъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болгарская легенда о міротвореніи, записанная въ Македоніи въ Велесѣ.

Не было ни земли, ни воды — ничего (такъ начинается наша легенда). Богъ «се крепеше» на крыльяхъ ангеловъ, и троихъ посылалъ Онъ въ различныя стороны, чтобы они исполняли то, что Ему требовалось. Вотъ Богъ сказалъ «со збор»: «Пусть будетъ земля!» — и стало такъ; — «небо!» — и стало такъ. Послалъ Онъ четырехъ ангеловъ на четыре стороны свѣта принести земли, чтобы насѣять ее. Одинъ изъ нихъ «големціиа се стори пред Господа», и сказалъ, что для него это слишкомъ легкая работа, онъ пойдетъ послѣ другихъ, а возвратится раньше ихъ. Господь согласился. Вздумалъ тотъ пойти, а не можетъ двинуться съ мѣста. «А гдѣ сила, которую Я тебѣ далъ?» спрашиваетъ Господь. Разгнѣвался Господь и сдѣлалъ его «аргос». Сталъ ангелъ дьяволомъ. Принялся Господь творить міръ. Дьяволъ похвалился, что и онъ сотворитъ. «Сотвори и два, если можешь», отвѣтилъ Господь. Сотворилъ дьяволъ человѣка. Не можетъ дать ему души: «Бре му чини, му прави, му дува, му пува: зé, ни земіа го трáти — го óстави, вѫлкот го направи». Обращается онъ съ просьбой къ Богу надѣлить его созданіе душой. Господь велитъ ударить волка полѣномъ. Волкъ вонзилъ зубы въ ногу дьявола и перекусилъ ее. Дьяволъ охромѣлъ. Затѣмъ Богъ и дьяволъ подѣлили между собой людей. Живыхъ взялъ Господь, а мертвыхъ предоставилъ дьяволу. Дьяволъ взялъ отъ Бога запись, писанную на плитѣ (темесук на плоча напишан). Поэтому всѣ мертвые шли въ адъ. «Не должно быть такъ!» сказалъ Господь и родилъ Христа. Взялъ Христосъ плиту, поставилъ въ воду, сталъ на нее ногами и крестился на ней. Тогда разсыпался договоръ. Теперь всѣ идутъ въ рай до второго пришествія, когда будетъ опредѣлено, куда кому итти [1]).

Въ этой легендѣ мы находимъ рядъ старыхъ богомильскихъ мотивовъ (сотвореніе міра, человѣка, волка, рукописаніе), правда, искажен-

1) См. «Сборникъ за народни умотворения...» Болгарскаго Мин. Нар. Просв., т. XII, 2, стр. 164—165.

ныхъ, однако, не въ такой степени, чтобы была совершенно затемнена старая основа. Богъ творитъ землю при содѣйствіи ангеловъ [1]), дьяволъ отказывается отъ участія въ твореніи, а потомъ, повидимому, создаетъ самостоятельно свою землю, пробуетъ сотворить и человѣка, но вмѣсто человѣка создаетъ волка, котораго къ тому же не можетъ оживотворить безъ помощи Бога. Въ основѣ легенды, очевидно, лежатъ представленія богомиловъ крайнихъ дуалистовъ, но къ нимъ примѣшались уже представленія умиренныхъ богомиловъ. Неизвѣстно, почему Богъ и дьяволъ дѣлятъ между собой людей. Мотивировка этого дѣлежа, созданнаго богомильской фантазіей, такимъ образомъ забыта. Чтобы избавиться отъ невыгоднаго договора съ дьяволомъ, Богъ рождаетъ Христа. Ученіе о позднѣйшемъ рожденіи Сына Божія является въ высокой мѣрѣ характеристичнымъ для богомиловъ: болѣе того, можно сказать съ увѣренностью, что наличность такого ученія въ какой бы то ни было народной легендѣ, а значитъ, и въ нашей, служитъ неоспоримымъ доказательствомъ ея богомильскаго происхожденія. Мотивъ о плитѣ переиначенъ изъ болѣе стараго мотива, по которому плита находилась на днѣ Іордана, и во время крещенія Христа разсыпалась.

Значительно интереснѣе сербская легенда, записанная въ с. Колахъ вблизи Банялуки, значитъ, въ Босніи — странѣ, гдѣ нѣкогда процвѣтало богомильство [2]). Во многихъ подробностяхъ легенда представляетъ версію, ближайшую къ первоначальной, чисто богомильской. Содержаніе легенды слѣдующее:

Было два брата: Господь и Ягудія-«Богъ» (Bogo), еврейскій король. «Богъ» отнялъ у Господа солнце, землю и все и еще договорился съ Господомъ, что ему будутъ принадлежать мертвые, а Господу живые. Такимъ образомъ всѣ по смерти становились боговыми и адовыми. Увидѣлъ Господь, что такъ не можетъ быть, послалъ архангела на землю, «da od Boge izvadi riječ» (примѣненіе извѣстнаго сказочнаго мотива).

---

1) Здѣсь нужно усматривать отголосокъ талмудическихъ сказаній объ участіи ангеловъ при сотвореніи міра. См. М. И. Соколовъ. Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ, I, 136.

2) См. Zbornik za narodni život i običaje južnih slavena — изд. Загребской Академіи Наукъ, т. III, 2, стр. 253—254.

Пошелъ архангелъ съ Богомъ гулять по землѣ, остановились они въ одномъ мѣстѣ, наѣлись, напились. Архангелъ и говоритъ Ягудію: «Какъ тутъ всего въ изобиліи! Боюсь только, чтобы кто-либо не лишилъ насъ этихъ благъ». Ягудія возразилъ на это: «Кто лишитъ? это все мое». Такъ трижды они останавливались, и трижды заводилъ архангелъ подобный разговоръ. И вотъ за третьимъ разомъ Ягудія открылъ тайну, что отнять землю у него можетъ только племянникъ. Тотчасъ архангелъ взмахнулъ крыльями и полетѣлъ. Ягудія погнался за нимъ, но не могъ его догнать, только успѣлъ вырвать изъ ноги кусокъ мяса. Господь утѣшилъ архангела, затѣмъ поймалъ голубя, «zahuknul» и послалъ къ дѣвицѣ, «da i on ńu zahukne». Итакъ родился Христосъ. Дознался объ этомъ Ягудія и избилъ всѣхъ малыхъ дѣтей, но Христосъ убѣжалъ съ Богородицей. Его скрыли волъ и оселъ «pod trinu», свинья — «u brlog». Потому эти животныя благословенныя, а свиное жаркое должно быть у всякаго изъ насъ на Рождество.

Древней богомильской чертой въ легендѣ нужно признать прежде всего названіе сатаны «Богомъ», Ягудіей,—Ягудія, очевидно, искаженіе Іеговы — еврейскимъ королемъ. Богомилы учили, что Богъ Ветхаго Завѣта, давшій Моисею законъ на Синайской горѣ, былъ злой Богъ — Сатанаилъ [1]).

Въ совершенномъ согласіи съ ученіемъ крайнихъ дуалистовъ Господь и «Богъ»-Ягудія представляются вполнѣ равноправными, даже родными братьями.

Мотивы похищенія Ягудіей солнца [2]) у Господа и договора съ Нимъ также богомильскаго происхожденія.

---

1) Вотъ что сообщаетъ объ этомъ Зигабенъ: Λέγουσι τὸν Μωσὴν πλανηθέντα παρὰ τοῦ Σαταναὴλ ἀπελθεῖν εἰς Αἴγυπτον αὖθις καὶ ἀπατῆσαι τὸν λαὸν τῶν Ἰουδαίων, καὶ ἐξαγαγεῖν αὐτοὺς ποιήσαντα τέρατα καὶ σημεῖα διὰ τῆς ἐνεργείας τοῦ Σαταναὴλ καὶ ἀνελθεῖν εἰς τὸ ὄρος τὸ Σινᾶ, καὶ λαβεῖν τὸν νόμον ὑφηγηθέντα παρὰ τοῦ Σαταναὴλ, καὶ ἀπολέσαι δἰ αὐτοῦ μυριάδας ἀναριθμήτους... Migne, Patr. gr., т. 130, col. 1305—1308. Катары утверждали, что «Lucifer, qui modo apellatur diabolus, dedit V. Testamentum et legem».—Döllinger, II, 61; ср. также стр. 89, 275 и т. д.

2) ... ἔκλεψεν (сатана) ἀπ᾽ αὐτοῦ τοῦ θεοῦ τὰ δύο ταῦτα· τόν τε ἥλιον καὶ τὴν ψυχὴν τοῦ ἀνθρώπου. См. мою статью: «Малоизвѣстное сочиненіе» etc., стр. 5.

Весьма естественно было стремленіе народа объяснить себѣ, какъ Богу пришло на умъ родить Сына, чтобы освободиться отъ неудобнаго договора съ дьяволомъ. И вотъ народная фантазія воспользовалась излюбленнымъ сказочнымъ мотивомъ, какъ приближенное къ герою лицо выпытываетъ хитростью у его могучаго противника роковой для послѣдняго секретъ.

О рожденіи Христа говорится также согласно съ представленіями богомиловъ. Что же касается роли голубя, то она обусловлена извѣстными евангельскими словами обращенія архангела Гавріила къ Пресвятой Дѣвѣ [1]). Легко понятно, что Духъ Святой могъ замѣниться голубемъ, въ особенности у богомила, учившаго, что не Христосъ родился отъ св. Дѣвы при наитіи св. Духа, но Онъ самъ родилъ Духа Святого [2]). Такимъ богомиломъ, повидимому, былъ авторъ нашей легенды.

Легко объяснить и разсказъ о избіеніи младенцевъ Ягудіей. Отождествленіе Ирода съ дьяволомъ было не чуждо богомиламъ. Помимо этого Ягудія, въ частности Богъ евреевъ, по ученію богомиловъ изъ Бога Ветхаго Завѣта обратившійся въ народномъ представленіи въ еврейскаго короля, легко могъ быть отождествленъ съ еврейскимъ же королемъ — Иродомъ.

II.

Отношеніе миѳологіи разсмотрѣнныхъ въ первой главѣ народныхъ космогоническихъ легендъ къ миѳологіи богомиловъ.

Въ предыдущей главѣ я упоминалъ о богомильскомъ происхожденіи разсказовъ о былой дружбѣ чорта съ Богомъ. Катары такъ говорили о причинѣ этой дружбы: однажды пришелъ къ Богу вѣстникъ съ земли съ предостереженіемъ, что Онъ потеряетъ этотъ міръ, если не пошлетъ

1) Лук., гл. I, ст. 35.

2) См. Зигабенъ, изд. Гизелера стр. 9: Ὁ δὲ Υἱὸς ἐγέννησε τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον. Приведу соотвѣтствующее мѣсто о рожденіи Христа въ «Interrogatio Ioannis apostoli»: «Quum cogitavit Pater meus mittere me in mundum istum, misit ante me angelum suum per Spiritum Sanctum, ut reciperet qui vocabatur Maria, mater mea, et ego descendens per auditum introivi et exivi». Döllinger, II, 90.

туда немедленно кого-нибудь. Господь послалъ Люцибеля въ этотъ міръ и принялъ его за брата [1]).

Какъ въ нашихъ легендахъ, такъ и въ богомильскихъ космогоніяхъ наблюдается одинъ и тотъ же порядокъ повѣствованія: сначала сотвореніе земли (дьяволомъ съ вѣдома или при участіи Бога по богомильскимъ космогоніямъ, Богомъ при помощи дьявола по нашимъ легендамъ), потомъ устроеніе земли согласно повѣствованію книги Бытія.

Разсказы легендъ о первородномъ грѣхѣ, о прельщеніи Евы дьяволомъ даже въ деталяхъ сходятся съ богомильскими.

Въ самомъ дѣлѣ, обратимся къ «Interrogatio Ioannis et apostoli et evangelistae» [2]), и мы удивимся близкому сходству въ повѣствованіи этого богомильскаго памятника и нашихъ легендъ. Отмѣчу кстати странное противорѣчіе, наблюдающееся въ «Interrogatio». Съ одной стороны тамъ говорится, что сатана вообще насадилъ рай, съ другой, — что онъ вошелъ туда и посадилъ «arundinem», при чемъ сдѣлалъ изъ своего плевка змѣю и велѣлъ ей оставаться на этомъ деревѣ. Рай же сатана (по глоссѣ) окружилъ огнемъ. По одной изъ разсмотрѣнныхъ мною легендъ (см. выше) Богъ окружилъ рай огнемъ, чтобы избавить Еву отъ посѣщеній сатаны. Далѣе въ «Interrogatio» повѣствуется, что сатана соединился съ Евой и потомъ «effudit suam concupiscentiam super caput Angeli, qui erat in Adam» [3]) — и Адамъ и Ева стали рождать сыновей дьявола до скончанія вѣка (мѣсто, очевидно, испорчено). Отъ соединенія Евы съ дьяволомъ, по ученію катаровъ, родился Каинъ [4]).

Сходно съ нашими легендами объясняли богомилы происхожденіе Адамова яблока [5]), —проще сказать: и этотъ разсказъ заимствованъ легендами у богомиловъ.

Борьба сатаны съ Богомъ изображается въ легендахъ также сходными чертами съ разсказами богомиловъ, о чѣмъ будетъ рѣчь ниже.

---

1) Döllinger, II, 32—33.
2) Ibid. 85—92.
3) Ibid. 88.
4) Ibid. 275. Древо познанія добра и зла, по ученію нѣкоторыхъ богомиловъ, была женщина. Адамъ былъ изгнанъ изъ рая, когда позналъ ее. Starine, XIV, 10.
5) Döllinger, II, 189.

Здѣсь упомяну объ ученіи богомиловъ объ изначальномъ существованіи злыхъ ангеловъ. Съ ними сатана взошелъ на небо, сражался съ Богомъ и увлекъ многихъ добрыхъ ангеловъ[1]).

Изъ богомильскаго ученія объясняется содержаніе легенды «Начало свѣта, первый грѣхъ и искупленіе» [2]). Въ этой легендѣ перепутаны два мотива: одинъ болѣе древній, какъ Богъ избавился на время отъ дьявола, который разрушалъ Его работу, усыпивъ послѣдняго, съ другимъ позднѣйшимъ, собственно возникшимъ путемъ искаженія перваго, о томъ, какъ дьяволъ пытался утопить заснувшаго Бога. Представленіе о дьяволѣ, какъ о существѣ, мѣшавшемъ Богу творить и разрушавшемъ Его работу, развитое въ одной изъ нашихъ легендъ[3]), мы находимъ у богомиловъ. Въ самомъ дѣлѣ, существовалъ толкъ катаровъ, которые учили, что добрый Богъ создалъ міръ и всѣ находящіяся въ немъ творенія, а злой богъ, насколько могъ, разрушалъ созданіе добраго Бога, такъ какъ враждовалъ съ добрымъ Богомъ и всѣми твореніями [4]). Они же учили, что добрый Богъ сотворилъ всѣ добрыя существа, какъ ангеловъ, добрыя человѣческія души и тѣла, небо и землю, воду, огонь и воздухъ и полезныхъ людямъ въ томъ или другомъ отношеніи животныхъ, а также рыбъ, а злой богъ сотворилъ всѣхъ демоновъ и вредныхъ животныхъ, какъ волки, змѣи, мухи, вообще, всѣ вредныя и ядовитыя животныя. Добрыя существа служатъ доброму Богу, который помогаетъ имъ, а злые—злому, который также помогаетъ имъ, насколько можетъ [5]).

Я уже имѣлъ случай указать на богомильское происхожденіе разсказа одной изъ малорусскихъ легендъ, какъ Богъ велѣлъ двумъ частямъ водъ подняться вверхъ къ облакамъ, а одной остаться въ морѣ. За приведеннымъ мною соотвѣтствующимъ разсказу легенды мѣстомъ изъ «Inter-

---

1) Starine, XIV, 7.

2) «Етн. Збірник», XII, 8—12. См. выше.

3) См. выше.

4) .... Deus bonus fecit mundum et omnes creaturas, quae in eo sunt, et deus malus, quantum poterat, omnia opera Dei boni destruebat, cum inimicaretur Deo bono et omnibus creaturis, quae erant ejus.—Döllinger, II, 231. По другому документу, напечатанному у Дёллингера, нѣкій катаръ «dicebat..., quod diabolus nihil potest auferre Deo, sed bene retardaret», ibid. 182.

5) Ibid. 232—233.

rogatio» мы находимъ еще любопытное заключеніе: «et fuit divisio aquarum per praeceptum Patris invisibilis»; эти и подобныя имъ слова могли съ теченіемъ времени способствовать выработкѣ новаго, приближеннаго къ христіанскому воззрѣнія на твореніе міра, по которому міръ былъ сотворенъ Богомъ, но при участіи дьявола. Да и вообще Богъ въ народныхъ космогоническихъ легендахъ славянъ нерѣдко играетъ ту роль, какую у богомиловъ нѣкогда игралъ дьяволъ, а этотъ послѣдній, повидимому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ занялъ мѣсто загадочнаго существа съ четырьмя лицами богомильскихъ космогоническихъ миѳовъ, о чемъ будетъ рѣчь ниже.

Въ нашихъ легендахъ можно отмѣтить сходство въ разсказѣ о дальнѣйшемъ устроеніи міра съ повѣствованіемъ Библіи въ книгѣ Бытія. Это, однако, не значитъ, что авторы легендъ почерпнули свои свѣдѣнія непосредственно изъ Библіи. И богомилы говорили о шестидневномъ твореніи міра и вообще пересказывали книгу Бытія съ тою только оговоркой, что творилъ не добрый Богъ, а злой—дьяволъ.

Мотивъ закованія дьявола былъ извѣстенъ богомиламъ, при томъ въ болѣе первоначальномъ видѣ, болѣе близкомъ къ старымъ христіанскимъ представленіямъ. Такимъ образомъ въ согласіи съ этими послѣдними вмѣсто Бога нашихъ легендъ является Христосъ; именно, катары, умѣренно-дуалистическаго толка учили, что Христосъ, воплотившись, напалъ на злого бога, плѣнилъ его, заковалъ и бросилъ въ адъ [1]).

Въ согласіи съ нашими легендами въ «Interrogatio» говорится, что при концѣ міра сатана освободится и будетъ воевать съ праведниками [2]).

Я приводилъ уже разсказъ о странномъ безобразномъ существѣ, найденномъ Богомъ въ скалѣ, который оказался сатаной. Мнѣ думается, что этотъ разсказъ представляетъ ни что иное, какъ искаженіе богомильскаго повѣствованія, по которому, сатана, спустившись на землю, нашелъ тамъ странное существо. Я приведу это повѣствованіе цѣликомъ,

---

1) Deinde Christus incarnatus insurgens contra deum malum cepit eum et incantenavit et sic captum detrusit in infernum, ita quod est in tenebris inferni. Döllinger, II, 231.

2) Döllinger, II, 91.

такъ какъ оно помимо того весьма любопытно, какъ своего рода конспектъ богомильской исторіи сотворенія міра, изъ которой, несомнѣнно, возникли и народныя космогоническія легенды. Читатель легко убѣдится въ тождественности этихъ легендъ и богомильскихъ миѳовъ, какъ въ отношеніи общаго построенія, такъ и во многихъ деталяхъ: стоитъ только дьявола богомильской исторіи замѣнить Богомъ нашихъ легендъ.

«Alii dicunt, quod quidam spiritus habens quatuor facies, unam hominis, aliam volucris (вспомнимъ представленіе Сатанаила въ видѣ гоголя въ Сказаніи о Тиверіадскомъ морѣ[1]), tertiam piscis (Сатанаилъ представляется въ «Сказаніи» и другихъ подобныхъ произведеніяхъ плавающимъ въ морѣ), quartam animalis, fuit sine principio et manebat in hoc chaos nullam habens potestatem creandi (отсюда возникло встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ народныхъ легендахъ представленіе о полной безпомощности дьявола до встрѣчи его съ Богомъ), et Lucifer adhuc bonus descendit et videns speciem hujus spiritus admiratus est et collusione et suggestione illius spiritus maligni seductus est et revertens in coelum seduxit alios et projecti sunt de coelo, et dona naturalia non perdiderunt, et dicunt, quod Lucifer et ille spiritus nequam volebant distinguere elementa et non poterant, sed Lucifer impetravit a Deo bonum angelum coadjutorem et adjutore boni angeli et virtute et sapientia sua distinxerunt elementa et dicunt quod Lucifer est ille Deus, qui dicitur in Genesi creasse coelum et terram et opera sex dierum et qui formavit Adam de limo terrae et in illa forma insuflavit bonum angelum et fecit etiam mulierem, et per eam faceret eum peccare, et dicunt, quod comestio ligni prohibiti fuit fornicatio[2]).

Легенда «Борьба св. Михаила съ Люциферомъ»[3]) въ сущности передаетъ въ сокращенномъ видѣ то, о чемъ подробно говорили богомилы. Краткое указаніе на ученіе одного толка богомиловъ о дьяволѣ, какъ неправильномъ управителѣ Бога, мы находимъ у Козьмы Пресвитера[4]).

---

1) См. Чтенія въ Императ. Общ. Исторіи и Древностей росс. 1886, II, 2, стр. 5.

2) Döllinger, II, 612.

3) См. выше.

4) Друзіи же уконома неправеднаго творять и — Православный Собесѣдникъ 1864 г., II, стр. 97.

Нѣсколько подробнѣе ученіе богомиловъ о Сатанаилѣ, какъ неправедномъ управителѣ Бога, изложено у Зигабена [1]). Подробный разсказъ о возмущеніи противъ Бога сатаны, который былъ Его управителемъ, мы находимъ въ «Interrogatio Ioannis apostoli». Въ «Interrogatio» говорится, что сатана возсѣдалъ «in virtutibus coelorum et in trono Patris invisibilis» и управлялъ всѣмъ. Онъ нисходилъ съ небесъ до преисподней и восходилъ до трона невидимаго Отца «et custodiebat illas glorias, quae erant super omnes coelos» [2]). Онъ замыслилъ поставить свой престолъ надъ облаками и быть подобнымъ Вышнему. Свое намѣреніе онъ открылъ ангеламъ воздуха и водъ, затѣмъ совратилъ ангеловъ третьяго и четвертаго неба. Тогда Отецъ предписалъ Своимъ ангеламъ: «Отнимите одежды, престолы и вѣнцы у всѣхъ ангеловъ, послушавшихъ его» [3]). Ангелы исполнили приказаніе. По велѣнію Отца измѣнился и видъ сатаны: «et abstulit lumen gloriae suae ei, et facies ejus sicut ferrum fuit fervens ab igne et tota species faciei ejus fuit sicut hominis et habuit VII caudas trahentes tertiam partem angelorum Dei» [4]): по народнымъ представленіямъ черти надѣлены хвостами. А въ глоссѣ читаемъ: «mutata est facies ejus sicut hominis, qui amisit lumen, quod habebat, et fuit tenebrosus propter malum, quod cogitaverat». Выраженія, подобныя «facies ejus sicut ferrum fuit fervens ab igne», могли дать поводъ къ возникновенію представленія, что изъ рта сатаны пышетъ огонь.

Въ нашей легендѣ, несомнѣнно, наблюдается смѣшеніе воззрѣній крайнихъ и умѣренныхъ богомиловъ. Первые утверждали, что сатана создалъ себѣ ангеловъ, затѣмъ совратилъ нѣкоторыхъ ангеловъ Бога и объявилъ Богу войну, послѣдніе, приближаясь къ христіанскому ученію, говорили, что сатана, бывшій старшимъ ангеломъ, возмутился противъ Бога, увлекъ съ собой часть ангеловъ и вступилъ въ борьбу съ Богомъ.

---

1) (λέγουσι) εἶναι δὲ τὸν Σαταναὴλ οἰκονόμον καὶ δευτερεύοντα τοῦ Πατρός, τὴν αὐτὴν αὐτῷ περικείμενον καὶ μορφὴν, καὶ στολὴν, καὶ ἐν δεξιᾷ αὐτοῦ καθήμενον ἐπὶ θρόνου καὶ τῆς μετ᾽ αὐτὸν εὐθὺς τιμῆς ἀξιούμενον. Migne Patrol. gr., 130, col. 1293—1296.

2) Döllinger, II, 85.

3) ... deponite stolas et tronos et coronas ab omnibus angelis audientes (sic) eum.—ib. 86.

4) Ibid. 86—87.

Здѣсь умѣстно будетъ указать элементы, изъ которыхъ образовались народные разсказы о похищеніи архангеломъ у сатаны солнца, грома или драгоцѣнной вещи:

1) Ученіе богомиловъ о томъ, какъ сатана увлекъ за собой часть ангеловъ Бога, т. е. какъ бы похитилъ ихъ у Бога, а Христосъ освободилъ ихъ отъ власти сатаны, перехитривъ послѣдняго.

2) Ученіе нѣкоторыхъ богомильскихъ толковъ о похищеніи сатаной у Бога солнца и души человѣка.

3) Богомильское сказаніе о томъ, что, когда, съ согласія Бога, Люциферъ устраивалъ міръ, Богъ послалъ ангела посмотрѣть, какъ онъ это дѣлаетъ. Люциферъ же схватилъ ангела и заключилъ въ образованное имъ тѣло [1]).

4) Разсказъ «Interrogatio», что сатана взялъ вѣнецъ отъ ангела воздуха и сдѣлалъ изъ половины его свой престолъ, а изъ другой половины солнце; изъ одной половины вѣнца ангела водъ онъ же сдѣлалъ луну, изъ другой половины — дневной свѣтъ [2]).

5) Приведенный выше разсказъ «Interrogatio», что отпавшіе ангелы были лишены другими ангелами, оставшимися послушными Богу, по приказанію Его одеждъ, престоловъ и вѣнцовъ.

6) Отождествленіе богомилами Христа съ архангеломъ Михаиломъ [3]).

Народные разсказы о похищеніи у сатаны драгоцѣннаго предмета представляютъ различныя комбинаціи перепутавшихся въ памяти народныхъ разсказчиковъ и нерѣдко полузабытыхъ, искаженныхъ богомильскихъ сказаній. Кромѣ того, народъ хотѣлъ объяснить себѣ происхожденіе выемки въ ступнѣ человѣка. Кажется, и въ фантастическихъ объясненіяхъ

---

1) Praeterea dicunt, quod Deus Pater misit bonum angelum ad videndum, qualiter Lucifer distinxerat elementa et quo modo operatus fuerat ex eis. Lucifer vero apprehensum eum angelum per virtutem oppressit et posuit eum in corpus, quod formaverat, suffocando ipsum.—ibid. 274.

2) ... quum accepit coronam ab angelo, qui erat super aërem, media fecit tronum suum et medium lumen solis, accipiensque coronam ab angelo, qui erat super aquas, medietatem fecit lumen lunae et medietatem lumen diei.—ibid. 87.

3) Τοῦτον δὲ τὸν Λόγον καὶ Υἱὸν ἰσχυρίζονται εἶναι τὸν Ἀρχάγγελον Μιχαήλ— Зигабенъ изд. Гизелера, стр. 16.

различныхъ «почему» богомилы сдѣлали починъ. Народные разсказчики смутно помнили, что Богъ для чего то послалъ ангела къ дьяволу, что послѣдній не то поймалъ его, не то преслѣдовалъ, но ему удалось въ концѣ концовъ освободиться отъ дьявола; смутно помнили они, что какимъ то образомъ Богъ черезъ Христа избавился отъ невыгоднаго договора съ дьяволомъ, что дьяволъ похитилъ у Бога не то солнце, не то какую то драгоцѣнность, которая, однако, впослѣдствіи, была возвращена Богу, и т. д.

Я уже говорилъ о отождествленіи Ирода съ дьяволомъ. По Евѳимію Зигабену, богомилы толковали евангельское повѣствованіе о избіеніи младенцевъ слѣдующимъ образомъ: «φασὶ Ῥαχὴλ μὲν τὸν ἐπουράνιον Πατέρα, τέκνα δὲ αὐτοῦ τήν τε ψυχὴν τοῦ Ἀδὰμ καὶ τὴν ψυχὴν τοῦ Χριστοῦ, ὧν ἀναιρεθεντῶν παρὰ τοῦ Ἡρώδου, δῆλον ὅτι τοῦ κοσμοκράτορος, κλαίειν ἀπαράκλητα τὸν Πατέρα διὰ τὸν αὐτῶν ἀναίρεσιν» [1]).

Разсказъ богомильской легенды, широко распространенный въ средѣ не только славянъ, но и другихъ балканскихъ народовъ, о томъ, какъ дьяволъ хотѣлъ создать человѣка, а создалъ волка, котораго не могъ оживотворить, почему и обратился съ просьбой объ оживотвореніи своего созданія къ Богу, конечно, восходитъ къ богомильскимъ сказаніямъ, о томъ, какъ дьяволъ создалъ тѣло человѣка, но оживить его не могъ. Древній мотивъ, такимъ образомъ, подвергся искаженію, и дьяволъ является въ роли неудачнаго творца—мотивъ, возникшій также на почвѣ богомильскихъ воззрѣній. Богомилы учили, что видимый міръ не совершенный, какъ твореніе злого Бога, а невидимый — совершенный, какъ дѣло рукъ добраго Бога. Но дьяволъ вѣдь хотѣлъ создать міръ, подобный міру добраго Бога!

Въ свое время покойный А. Н. Веселовскій останавливался на выясненіи происхожденія указанныхъ разсказовъ. Между прочимъ онъ обращаетъ вниманіе на средневѣковыя выраженія для дьявола: infernus lupus, lupus vorax, волкъ, похищающій души и т. п. [2]), полагаетъ, что

---

1) Migne Patr. gr., 130, col. 1321—1322.

2) «Разысканія»—«Сборникъ» т. 32, стр. 329.

мы здѣсь «имѣемъ дѣло съ разновидностями одной и той же сказочной данной изъ обширнаго сюжета: о созданіи свѣта и животнаго міра Богомъ и дьяволомъ. Дьяволъ создаетъ все вредное...»[1]). Впослѣдствіи, познакомившись съ книгой Дёллингера, Веселовскій разсказы о сотвореніи дьяволомъ волка, козы, блохи и т. п. приводитъ въ связь съ ученіемъ одного изъ умѣренныхъ толковъ богомиловъ о созданіи добрымъ Богомъ всего полезнаго, хотя бы и матеріальнаго, а злымъ — злого [2]). Къ сожалѣнію Веселовскій не остановился подробно на анализѣ связи помянутыхъ народныхъ разсказовъ съ богомильскими сказаніями, какъ и вообще не обратилъ должнаго вниманія на матеріалы, изданные Дёллингеромъ, и такимъ образомъ разрѣшеніе задачи, которое ему легче всѣхъ другихъ можно было бы сдѣлать, предоставилъ другимъ.

Для выясненія генезиса народныхъ легендъ о сотвореніи волка и о враждебномъ отношеніи созданія къ своему творцу, я, помимо приведенныхъ мною выше по другому случаю параллелей объ адѣ и о древѣ Сатанаила, могу еще указать на ученіе одного богомильскаго толка о сотвореніи человѣка. «Diabolus fecit corpus hominis et posuit in eo animam», — учили нѣкоторые катары — qua posita in corpore hominis homo dedit unum saltum et dixit diabolo: ego non sum tuus» [3]).

Въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ мною легендъ упоминается о договорѣ Бога съ дьяволомъ, но договоръ этотъ ничѣмъ не мотивированъ. Между тѣмъ договоръ этотъ созданіе фантазіи богомиловъ, приспособившихъ для своихъ цѣлей извѣстный апокрифъ о рукописаніи Адама. Разумѣется, что и въ ихъ ученіи договоръ этотъ надлежащимъ образомъ мотивированъ.

Дѣйствительно, катары учили: «diabolus fecit corpora, quae corpora facta per diabolum se movere non poterant, et tunc diabolus dixit Patri coelesti, quod faceret dicta corpora moveri. Qui respondit ei, quod hoc non faceret, nisi illud, quod poneret in dictis corporibus, quo moverentur corpora, esset suum, et quod corpora, quae diabolus fecerat, essent ipsius

1) Ibid. 331—332.
2) «Разысканія»—«Сборникъ» т. 53, стр. 126—127.
3) Döllinger, II, 36.

diaboli, et diabolus consensit dicto pacto, et ex tunc sunt animae Dei, et corpora sunt diaboli, in quibus corporibus animae obliviscuntur illorum, quae habuerunt in coelo, et nolunt dimittere etiam dicta corpora, quae corpora vocantur tunicae» [1]). По ученію крайнихъ дуалистовъ катаровъ душа послѣ ряда переселеній въ тѣла, какъ людей, такъ и животныхъ возвращается опять къ Богу, очистившись отъ оскверненія причиненнаго ей соединеніемъ съ тѣломъ. Умѣренные, приближаясь уже къ средневѣковымъ христіанскимъ представленіямъ, говорили о власти дьявола въ ветхозавѣтное время не только надъ тѣлами людей, но и надъ ихъ душами. Отъ владычества дьявола освободилъ людей Христосъ. Между тѣмъ, крайніе, вполнѣ послѣдовательно, отрицали ученіе объ искупленіи.

Что касается ученія катаровъ объ искупленіи, то нѣкоторыя любопытныя черты въ этомъ отношеніи представляетъ одна бѣлорусская легенда, изданная Романовымъ [2]).

По этой легендѣ, дьяволъ первоначально находился въ пузырѣ, висящемъ въ воздухѣ, и пищалъ. Когда Богъ разорвалъ пузырь, оттуда вышелъ человѣкъ и пошелъ съ Богомъ. Послѣ того какъ Богъ, сдѣлавъ изъ красной глины человѣка, отвернулся, дьяволъ развернулъ человѣка и плюнулъ въ него. Дьяволъ сорвалъ яблоко для Евы. Видя, что народъ Его погибнетъ, Господь созвалъ ангеловъ и предложилъ имъ: не найдется ли кто-нибудь изъ нихъ, который сойдетъ на землю и приметъ человѣческую плоть? Никто не отвѣтилъ. Тогда Богъ изъ одного лица сдѣлалъ три и сказалъ одному: «Нужно сойти на землю и принять человѣческую плоть, пройти черезъ мать Марію».

Болѣе ясно и подробно изложенъ разсказъ нашей легенды объ искупленіи въ ученіи катаровъ. Привожу это ученіе.

Видя Свое царство опустѣвшимъ (depauperatum) вслѣдствіе отпаденія злыхъ (malignorum) ангеловъ, Богъ спросилъ у окружающихъ: хочетъ ли кто-либо быть Его истиннымъ сыномъ, и Онъ будетъ его Отцомъ. И когда всѣ молчали, Христосъ, «qui erat bajulus Dei», отвѣтилъ: «Я хочу быть Твоимъ сыномъ и пойду, куда Ты меня пошлешь».

---

1) Ibid. стр. 174, ср. также стр. 35, 191, 274.

2) См. его «Бѣлорусскій сборникъ», вып. IV, № 1—«Богъ и дьяволъ».

Тогда Богъ послалъ Христа, какъ Своего сына, въ міръ проповѣдовать имя Божіе [1]).

Объясненіе, почему среди ангеловъ никого не нашлось, который согласился бы стать сыномъ Божіимъ, мы находимъ въ другомъ мѣстѣ, въ которомъ встрѣчаемъ еще мотивъ о небесной книгѣ.

Опечаленный потерей отцавшихъ ангеловъ, Богъ сталъ обдумывать, какъ бы ихъ возвратить на свои мѣста. И тогда Онъ началъ писать книгу и писалъ ее въ теченіе 400 лѣтъ. Въ этой книгѣ были описаны всѣ бѣдствія, которыя могутъ постигнуть людей въ этой жизни [2]). И тамъ (т. е. въ книгѣ) содержалось (et continebatur ibi), что тотъ, кто пожелаетъ претерпѣть всѣ указанныя «poenalitates» и научитъ (людей?) переносить сказанныя наказанія (qui vellet sustinere omnes praedictas poenalitates et docere, quod dictas poenalitates sustineret (?)), будетъ сыномъ святого Отца (Partis sancti). И когда началъ писать книгу (et cum incepit librum) сказанный святой Отецъ, пророкъ Исаія сталъ проповѣдовать, «quod una branca vel ramus debebat venire, qui redimeret spiritus humanos». Когда же святой Отецъ составилъ названную книгу, Онъ положилъ ее среди небесныхъ духовъ (in medio spirituum coelestium), которые остались съ Нимъ въ небѣ, и сказалъ: «Тотъ, кто совершитъ, что написано въ этой книгѣ, будетъ Мой сынъ». И многіе изъ небесныхъ духовъ, желая быть сыновьями святого Отца и быть почтенными передъ другими, приступили къ названной книгѣ и открыли ее, но, ознакомляясь съ содержавшимся въ ней бѣдами, которымъ долженъ былъ подвергнуться тотъ, кто хотѣлъ бы прійти къ людямъ и возвеличить человѣческій родъ, послѣ того какъ немного (modicum) прочитывали въ сказанной книгѣ, лишались чувствъ (cadentes spasmati deficiebant), и никто не хотѣлъ оставить славы, которую имѣлъ, и подвергнуться невзгодамъ этой жизни, чтобы стать сыномъ Божіимъ. Видя это, святой Отецъ сказалъ: «Итакъ нѣтъ никого изъ васъ, кто хотѣлъ бы быть Моимъ сыномъ?» Тогда поднялся одинъ изъ предстоявшихъ духовъ, который назывался Іоанномъ, и

1) Döllinger, II, 33.

2) In quo libro scripta erant plene dolores, angustiae, afflictiones, paupertates, infirmitates, contumeliae, injuriae, invidiae, odia, rancores, et generaliter omnes poenalitates, quae contingere hominibus possunt in hac vita.—Ibid. 160.

сказалъ, что онъ хочетъ быть сыномъ Отца и выполнить все написанное въ указанной книгѣ, и, подойдя къ сказанной книгѣ, онъ открылъ ее, прочелъ въ ней четыре или пять листовъ и, охваченный спазмами, упалъ подлѣ книги и такъ лежалъ три дня и три ночи. Потомъ, очнувшись, долго рыдалъ, но, такъ какъ обѣщалъ выполнить заключающееся въ сказанной книгѣ и не могъ обмануть, то сказалъ Отцу, что хочетъ быть Его сыномъ и выполнить все, какъ бы тяжело ни было. И онъ сошелъ съ небесъ и явился въ Виѳлеемѣ, какъ новорожденный младенецъ [1]).

Эта небесная книга катаровъ является настоящимъ прототипомъ Голубиной книги. Приведу мѣста изъ стиха о Голубиной книгѣ, доказывающія справедливость моего утвержденія.

Къ этой книги голубиныя
собиралисъ къ ней, съѣзжалися
сорокъ царевъ, все царевичи,
и премного князей, много князевичей;...
Возго́воритъ Волотоманъ царь Волотомановичъ:
«Государи, братцы, сорокъ царей,
«хто изъ насъ, братцы, гораздъ по памяти,
«хто прочелъ бы намъ книгу голубиную?..».
Тогда всѣ цари тутъ прiумолкнули.
Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:
«Государи, братцы, сорокъ царей,
«я вамъ такъ скажу, братцы, по памяти,
«по памяти, какъ по грамоты,
«про этую книгу голубиную.
«Великая книга голубиная!
«Въ долину книга сорока локотъ,
«поперегъ книга тридцати локотъ,
«въ толщину книга десяти локотъ.

1) Ibid., стр. 160—161.

«Не узнать намъ, въ книгѣ что написано;
«на рукахъ держать намъ книгу, не удержать будетъ,
«умомъ намъ сей книги не сосмѣтити,
«и очамъ намъ книгу не обозрити.
«Великая книга голубиная!
«Писалъ эту книгу святъ Исай пророкъ,
«читалъ эту книгу Иванъ Богословъ.
«Онъ читалъ эту книгу ровно три года,
«прочиталъ во книгѣ только три листа...» [1]).

А вотъ еще любопытное мѣсто изъ варіанта «Стиха»:

«А салтырь-книга—всимъ книгамъ мати́?»
— «Потому она всимъ книгамъ мати̇ —
«Въ долину книга сорока сажо̇нъ,
«А въ ширину книга двадцети сажонъ,
«А въ толщину книга десети сажо̇нъ,
«А цитать той книги—не процитать будё,
«А на рукахъ держать — не удержать будё,
«Циталъ той книги самъ Исусъ Христосъ,
«А циталъ онъ книги ровно три годы,
«Процитал онъ книги ровно три листа...» [2]).

Ясно, что сорокъ царей и «премного» князей замѣнили въ «Стихѣ» небесныхъ духовъ богомильскаго миѳа. Исаія пророкъ, который по катарскому сказанію сталъ пророчествовать, когда Богъ началъ писать книгу, въ «Стихѣ» по недоразумѣнію попалъ въ авторы книги. Въ сказаніи взялся читать книгу Іоаннъ Богословъ, онъ же и Іисусъ Христосъ,— но, прочтя четыре-пять листовъ, лишился чувствъ и находился въ такомъ положеніи три дня и три ночи. По «Стиху» книгу читалъ Іоаннъ Богословъ, по варіанту Іисусъ Христосъ—читалъ три года и прочелъ только три листа — обычная эпическая гипербола.

1) Варенцовъ. Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ. Спб. 1860. № 4 «Голубиная книга», стр. 20—21. Также по варіанту № 5 писалъ книгу Исаія, читалъ Іоаннъ Богословъ, ibid. 31.

2) «Изъ Голубиной книги» (№ 1), ibid. 19.

Почему въ одномъ варіантѣ небесная книга названа Псалтирью? И это легко объяснить. Богомилы изъ книгъ Ветхаго Завѣта признавали и чтили книгу Іова, *Псалтирь*, Соломоновы, книгу Премудрости Іисуса сына Сирахова и книги Пророковъ, и утверждали, что тѣ изъ нихъ, подлинныя, которыя возникли раньше разрушенія Іерусалима (подъ Іерусалимомъ, по ихъ мнѣнію, нужно разумѣть небесный Іерусалимъ); были богомилы, отвергавшіе всѣ книги Ветхаго Завѣта кромѣ опять-таки Псалтири и книгъ пророковъ; наконецъ, боснійскіе богомилы изъ ветхозавѣтныхъ книгъ признавали только *Псалтирь* [1]).

Если же присоединить къ этому мнѣніе нѣкоторыхъ богомиловъ, что пророки (значитъ и Давидъ), Іоаннъ Креститель и патріархи были людьми въ другомъ мірѣ [2]), то для насъ будетъ ясно, почему царь Давидъ играетъ такую роль въ «Стихѣ» о Голубиной книгѣ.

Чудовищные размѣры Голубиной книги также легко объяснить, если принять въ соображеніе слова «Сказанія», что Богъ писалъ книгу 400 лѣтъ. Повидимому, и по представленіямъ катаровъ небесная книга, или книга Отца, отличалась огромными размѣрами. По крайней мѣрѣ въ показаніяхъ отдѣльныхъ катаровъ, помѣщенныхъ въ инквизиціонныхъ актахъ Каркассона, мы находимъ слѣдующее сообщеніе о книгѣ: «liber agni stetit mille annis in platea et non invenit, qui levaret eum, et quando aliquis levabat folium dicti libri, inveniebat ibi, quod scriptum, quod qui levare librum illum, mortem pateretur; et postea filius Dei venit in hunc mundum (итакъ, значитъ, книга очутилась на землѣ) et levavit dictum librum et recepit mortem et passionem pro salvandis ovibus (?) quae perierunt de populo Israel» [3]).

Очевидно, названіе «голубиная» искаженіе болѣе стараго «глубинная».

Возвращаюсь къ легендѣ.

Разсказъ легенды о томъ, что Богъ изъ одного лица сдѣлалъ три и пр., находитъ полное соотвѣтствіе въ ученіи катара Вильгельма Бели-

1) Reinerius p. 270; Starine I, 139.—Ср. Rački, Bogomili i Patareni—Rad Iugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti, X, 232—233. А вотъ что сообщаетъ Зигабенъ: «Μόνας δὲ παραδέχονται καὶ τιμῶσιν ἑπτὰ καὶ εἰς ἄκρον ἀποστηθίζουσι. λέγω δὴ τὸ ψαλτήριον, καὶ τὸ ἑξκαίδεκα πρόφητον... Изд. Гизелера, p. 6.

2) Reinerius, p. 271.

3) Döllinger, II, 32.

басты, который утверждалъ: ...«Deus Pater bonorum spirituum, quando debuit venire ad terram in beata Maria, divisit se in tres partes, quarum una erat Pater, qui in coelo remansit, et duae erant Filius et Spiritus sanctus, qui descenderunt in terram, missi per Patrem, ut diabolo auferrent potestatem, quam habebat in hoc mundo» [1]).

Такимъ образомъ въ нашей легендѣ мы находимъ соединеніе двухъ различныхъ мотивовъ богомильскаго происхожденія.

Непонятнымъ представляется разсказъ легенды, что, приступая къ творенію человѣка, Богъ предлагаетъ дьяволу подивиться Его работѣ. «Тогды говора Господь: «Проклятый ты! прогнявивъ ты Господа свойго! Видишъ, што Богъ твой будя дѣлать: погляди-ка, окаянный ты!» То же самое говоритъ Богъ дьяволу, собираясь одарить человѣка душой: «Лукавый, ты лукавишъ! Погляди, што Богъ будя дѣлать!» Какъ мы видѣли, въ болгарской легендѣ подробно изображаются продолжительныя, но безуспѣшныя старанія дьявола оживить созданнаго изъ волка. Въ миѳѣ умѣренныхъ катаровъ о созданіи человѣка разсказы нашихъ легендъ находятъ полное объясненіе.

Именно былъ толкъ катаровъ, которые учили, что дьяволъ создалъ тѣло человѣка изъ ила, но тѣло не могло двигаться и ходить. Тогда Сынъ Божій сказалъ злому богу (deo malo): «А если Я вложу въ это тѣло человѣка нѣчто, чѣмъ сказанное тѣло будетъ приведено въ движеніе, то будетъ ли Моимъ то, что Я вложу?» Дьяволъ согласился на это. Тогда Сынъ Божій дохнулъ (inspiravit) въ ротъ тѣла, и человѣкъ сталъ ходить. Поэтому тѣло стало принадлежать злому богу, а душа — Богу Отцу. Ниже говорится, что дьяволъ долго трудился надъ созданіемъ тѣла человѣка. Добрый Богъ замѣтилъ злому: «Видишь, какъ ты долго трудился!» И, взявъ рукой немного земли и нѣсколько подвигавъ ее, дунулъ въ нее трижды, и тотчасъ выступилъ изъ этой земли человѣкъ, столь же прекрасный, какъ и тотъ, котораго сдѣлалъ злой богъ, и сталъ ходить [2]).

---

1) Ibid. 185.

2) Deus bonus dixit deo malo: vide, quomodo multum laborasti! et accipiens Deus cum manu modicum de terra et aliquantulum movens eam, inspiravit in dicta terra ter et statim ex illa terra processit unus homo, ita pulcher, sicut ille quem deus malus fecerat, et etiam ambulavit.—Ibid. 220.

Мы ужъ встрѣчались съ разсказами о низверженіи падшихъ ангеловъ съ неба. Подробнѣе объ этомъ говорится въ бѣлорусской легендѣ, представляющей замѣчательное сходство съ повѣствованіемъ катаровъ на эту же тему, помѣщеннымъ въ «Матеріалахъ» Дёллингера.

Черти произошли изъ морской пѣны, такъ начинается легенда. Былъ у Бога «поплешникъ». Онъ устроилъ стеклянное небо — хотѣлъ спихнуть Бога съ неба. Тогда Богъ пустилъ перунъ, «ажъ земля заколотилась». Но они не испугались. Богъ сталъ поражать ихъ жезломъ. Тогда они три дня и три ночи сыпались съ неба, какъ дождь. Гдѣ который упалъ тамъ и сидитъ: кто въ воду — въ водѣ, въ болото — въ болотѣ; на землю — на землѣ. Нѣкоторые же застряли на облакахъ. Тамъ и ждутъ Страшнаго Суда [1]).

По катарскому миѳу, помѣщенному у Дёллингера, дьяволъ послѣ соблазна имъ ангеловъ сдѣлалъ стекляное небо и взошелъ на него со всѣми повѣрившими ему, но небо это разбилось, дьяволъ съ единомышленниками попадали, при чемъ тѣ, которые больше согрѣшили, упали въ бездну, которые меньше — на землю, иные въ воду, другіе въ воздухъ, нѣкоторые же остались вблизи неба [2]).

По ученію катаровъ увлеченные дьяволомъ духи и души девять дней и девять ночей падали съ неба «quasi pluvia minuta» [3]) (3, 9, 40 — все эпическія числа!).

Неясную реминисценцію богомильскаго ученія о томъ, что Адамъ и Ева стали рождать дѣтей дьявола (см. выше), находимъ въ бѣлорусской легендѣ о происхожденіи нечистой силы. Нечистая сила произошла отъ шести паръ дѣтей Адама и Евы, которыхъ они не показали Богу, а люди отъ остальныхъ шести паръ дѣтей. Ихъ (т. е. нечистой силы) столько, скольно насъ: богомилы учили, что новыхъ душъ не нарождается, и что столько человѣческихъ душъ, сколько падшихъ ангеловъ [4]). Кромѣ того,

---

1) Романовъ, l. c., стр. 6.

2) Döllinger, II, 186, ср. также р. 184, 214.

3) Ibid. 173. Ср. также: Et per 9 dies et noctes tanta multitudo spirituum et ita spissim cecidit de coelo, sicut sunt minutae guttae pluviarum et acumina herbarum — Ibid. 214.

4) Ibid. p. 294, 276, 283 etc.

можно видѣть въ легендѣ и слѣды ученія о томъ, что часть людей сотворены дьяволомъ и душой и тѣломъ, а часть только тѣломъ. Но нечистой силы не видно, потому что ея предковъ прятали отъ Бога. Если пойти на пасху съ яйцомъ во время утрени въ лѣсъ къ бурелому и сказать три раза: «Христосъ воскресе! хозяинъ полевой, лѣсовой, домовой, водяной! съ хозяюшкой и дѣтками»,—такъ они и выйдутъ христосоваться [1]).

Любопытную попытку приспособить древнія языческія представленія къ богомильскимъ мы находимъ въ одной западно-сибирской легендѣ. Богъ низвергнулъ сатану въ илъ, отчего сатана сталъ прозываться Сатанаиломъ (любопытный образчикъ подстановки новаго мотива вмѣсто совершенно забытаго стараго — разсказчикъ смутно помнилъ о какой то связи между иломъ, Сатанаиломъ и сатаной и по своему объяснилъ эту связь). А его приспѣшники попадали съ неба, кто куда пришелся, и тѣ, что упали въ лѣсъ, стали лѣшими, а кто въ воду —водяными, а кто въ людскія жилища — превратились въ домовыхъ [2]).

Замѣчательно, что существуетъ и чешская легенда, объясняющая подобнымъ образомъ происхожденіе лѣшихъ, водяныхъ и пр. [3]).

«Основа мнѣнія, что падшіе духи живутъ въ воздухѣ, заключается въ самомъ священномъ Писаніи. Извѣстно, что апостолъ Павелъ діавола называетъ княземъ, господствующимъ въ воздухѣ, а демоновъ поднебесными духами злобы. Въ апокрифическихъ сказаніяхъ эта мысль развита подробнѣе и представлена въ наглядной формѣ», говоритъ Порфирьевъ [4]). Замѣчу съ своей стороны, что и въ каноническихъ церковныхъ сочиненіяхъ мы встрѣчаемъ эту мысль. Такъ, Григорій Синаитъ подробно излагаетъ, какіе существуютъ разряды демоновъ, въ какихъ видахъ являются они людямъ и пр. [5]). Не имѣя, къ сожалѣнію, въ настоящее время подъ руками «Патрологіи» Миня, я пока оставляю въ сторонѣ обсужденіе любопытнаго вопроса.

---

1) Романовъ, l. c., 157.

2) Записки Западно-Сибирскаго Отдѣленія Импер. Рус. Географ. Общ. т. XXX. Омскъ 1903.— Ст. И. Я. Неклепаева. «Повѣрья и обычаи Сургутскаго края», стр. 36.

3) Český lid, IX (1901 г.)—Povĕst o padlých andĕlich, стр. 440—441.

4) Апокриф. сказанія. Спб. 1877, стр. 30.

5) См. мое «Религіозное и литер. движеніе» etc., стр. 158.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что ученіе о различныхъ разрядахъ падшихъ ангеловъ богомилы заимствовали изъ церковной литературы, канонической и апокрифической, и приспособили, по обыкновенію, къ своимъ воззрѣніямъ. Отъ нихъ же это ученіе сообщилось въ народъ черезъ посредство бродячихъ пѣвцовъ и сказочниковъ, въ особенности же каликъ перехожихъ и подобныхъ имъ странниковъ, которые въ большомъ количествѣ появляются въ Болгаріи уже въ X вѣкѣ, судя по «Бесѣдѣ» Козьмы Пресвитера.

Мы уже неоднократно встрѣчались съ разсказами о построеніи дьяволомъ желѣзной хаты или цѣлаго ряда желѣзныхъ хатъ. Въ эту хату дьяволъ пытается заключить Бога или Христа, но самъ попадается въ нее. Кромѣ того, находимъ разсказы о сотвореніи дьяволомъ ада, объ освобожденіи Христомъ изъ ада заключенныхъ тамъ сатаной душъ. Всѣ эти разсказы основаны на изображеніяхъ ада и сошествія въ адъ Христа въ произведеніяхъ средневѣковой церковной литературы, въ особенности въ апокрифахъ и церковныхъ мотивахъ и пѣснопѣніяхъ. Однако, матеріалъ, заключавшій въ этихъ произведеніяхъ, въ средѣ богомиловъ получилъ специфическую окраску и въ такой уже окраскѣ дошелъ до авторовъ нашихъ легендъ.

Такъ, въ Евангеліи Никодима адъ представляется въ видѣ какого то строенія съ мѣдными воротами и желѣзными засовами [1]).

Святой Андрей Критскій въ канонѣ на повечеріи пятницы 6-ой недѣли Великаго Поста, п. 9, тр. 3, говоритъ: «стряслъ еси врата и вереи желѣзныя». Въ 6-ой стихирѣ изъ воскрес. 2-го гл. на Господи воззвахъ читаемъ: «врата мѣдныя сокрушилъ еси и вереи желѣзныя стеръ еси... и узы наши растерзалъ еси». Въ трипѣснцѣ Іосифа въ 3-ю нед. Великаго Поста 8 п. 1 тр.: «сокрушившаго врата желѣзныя и вереи адовы прославимъ Господа». Въ трипѣснцѣ четверга той же недѣли п. 8, тр. 2: «Сокрушилъ еси адовы вереи, Христе, и окованныя узники въ мужествѣ извелъ еси» и т. д.; примѣровъ можно было бы привести множество.

---

1) При приближеніи Христа Адъ приказываетъ демонамъ: ἀσφαλίσασθε καλῶς καὶ ἰσχυρῶς τὰς πύλας τὰς χαλκᾶς καὶ τοὺς μοχλοὺς τοὺς σιδηροῦς, καὶ τὰ κλεῖθρά μου κατέχετε.—Tischendorf, Evangelia apocrypha, p. 328. А въ латинской версіи мы читаемъ: «Claudite portas crudeles aereas et vectes ferreos supponite»—Ib. 397.

Въ Словѣ въ великую субботу св. Епифанія Кипрскаго читаемъ: «Христосъ гвоздьми вереа вѣчныа съкруши и сломи. и оузами своима р8кама ем8 нераздрушимаа ужа желѣзнаа яко воскъ раствори» [1]).

Адъ по «Слову» имѣетъ «безсличнаа врата», примрачныя жилища и темницу, и вертепъ, и сокровищницы [2]).

По Евангелію Никодима сатана питаетъ намѣреніе заключить умершаго на крестѣ Христа въ аду и обращается къ Аду съ слѣдующими словами: «Praepara temetipsum suscipere Iesum qui se gloriatur filium dei esse» [3]). Узнавъ изъ разговора съ сатаной, что идетъ въ адъ тотъ, который воскресилъ Лазаря, Адъ приходитъ въ отчаяніе, выражая увѣренность, что Онъ плѣнитъ ихъ, а не они Его. Затѣмъ сатана выступаетъ, по однимъ версіямъ — самъ, по другимъ, его выталкиваетъ Адъ противъ Христа, а Адъ тщательно запирается [4]). Но ничто не помогаетъ. Христосъ входитъ въ адъ, освобождаетъ заключенныя души, плѣняетъ сатану, приказываетъ ангеламъ заключить его въ желѣзныя узы. Затѣмъ, передавъ его Аду, приказываетъ держать его до второго пришествія [5]).

Въ Словѣ Епифанія Кипрскаго мы читаемъ: «нинѣ видиши, гдѣ 8бо мчтлѧ свѧѕа. гдѣ глав8 его въстъче. какѡ же темницю его раскопа. какѡ же свѧзанна и веде како зміа попра и гдѣ клѧтв8

---

1) Порфирьевъ. Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 223.

2) Ibid. стр. 224.

3) Tischendorf, стр. 395, ср. также стр. 326, 423.

4) Ibid. p. 327—328, 396—397, 424.

5) Τότε ὁ βασιλεὺς τῆς δόξης κρατήσας ἐκ τῆς κορυφῆς τὸν ἀρχισατράπην σατὰν καὶ παραδοὺς αὐτόν τοῖς ἀγγέλοις εἶπε· σιδηροῖς καταδεσμήσατε τὰς χεῖρας καὶ τοὺς πόδας καὶ τὸν τράχηλον καὶ τὸ στόμα αὐτοῦ. εἶτα παραδοὺς τοῦτον τῷ ᾅδη ἔφη· λαβὼν αὐτόν κάτεχε ἀσφαλῶς ἄχρι τῆς δευτέρας μου παρουσίας,—ib. 329. Любопытную варіацію представляетъ латинская версія B., по которой самъ Христосъ заковалъ сатану: «catenam suis deportans manibus Satan cum collo ligavit, et iterum a tergo ei religans manus resupinum eum elisit in tartarum, pedemque suum sanctum ei posuit in gutture, dicens: Per omnia secula multa mala fecisti, ullo modo non quievisti: hodie te trado igni perpetuo», обращаясь къ Аду, Христосъ говоритъ: «Tolle hunc pessimum ac nequissimum, et sub tua habe custodia usque in diem illum quo tibi praecepero».—ibid. 429. По версіи A. Христосъ говоритъ Аду, что сатана будетъ подъ его властію «in perpetua secula»—ibid. 402.

обѣси» [1]). Небесныя силы говорятъ адскимъ въ отвѣтъ на ихъ вопросъ, кто это такой, разрушившій ихъ силу и выводящій окованныхъ изъ ада: «се ωнъ есть ѿврьгыи васъ ѿ нбныхъ мѣстъ и къ земли пославъ ωкаанніи законопрестꙋпници мꙋчителе... и тъ истыи есть свѧзавыи и ωмрачивъ и въ безднꙋ пославыи васъ» [2]) (итакъ, проводится мысль о закованіи демоновъ и заключеніи ихъ въ адѣ уже при низверженіи ихъ съ неба).

По Слову Евсевія Александрійскаго въ великій Пятокъ Христосъ, «вωзшедъ на адова врата мѣдяная сокрушилъ и верея желѣзная сломилъ. И сниде во адъ... имъ діявола и связа оузами нерешимыми» [3]).

Въ краткихъ выраженіяхъ говорятъ о закованіи Христомъ сатаны и освобожденіи порабощеннаго сатаной человѣческаго рода церковныя пѣснопѣнія. Приведу наиболѣе любопытныя мѣста. Въ трипѣснцѣ Ѳеодора Студита въ пятницу 3-й нед. Великаго Поста 5 п. 2 тр. говорится, что сошествіемъ въ адъ Христа Адамъ освободился отъ осужденія и многолѣтнихъ узъ. Въ четверопѣснцѣ на субботу той же недѣли 9 п. 3 тр. говорится, что Христосъ сошествіемъ своимъ связалъ мучителя. Въ кресто-воскр. канонѣ 3 гласа 1 п. 1 тр. находимъ: «Родъ человѣчь порабощенъ мучителемъ грѣхолюбнымъ кровію Божественною Христосъ искупи». Весьма любопытны слѣдующія слова 3-й пѣсни 1 тр. того же канона: «Крестомъ Твоимъ постыдися нечестивый, *содѣла бо яму, иже ископа, впаде*».

Но особенный интересъ представляетъ для насъ молитва св. Василія Великаго, читаемая на вечернѣ (третья по счету) въ Троицынъ день. Мы находимъ здѣсь воззваніе къ Христу «расторгшему неразрѣшимыя узы смерти и адовы заклепы и погубившему множество лукавыхъ духовъ». «Христосъ сошелъ во адъ, сокрушилъ вѣчныя вереи, показалъ во тьмѣ сидящимъ свѣтъ, *началозлобнаго и глубиннаго змія уловилъ богомудростнымъ льщеніемъ* и связалъ веригами мрака въ тартарѣ и огнѣ негасимомъ и во тьмѣ кромѣшной и затвердилъ неизсчетосильной своей крѣпостью».

1) Порфирьевъ, ор. с., 223.
2) Ibid. 225.
3) Ibid. 212.

Изъ словъ: «началозлобнаго... змія уловилъ богомудростнымъ льщеніемъ», или подобныхъ имъ выраженій церковной литературы развилось цѣлое ученіе богомиловъ, сообщившееся и народнымъ космогоническимъ легендамъ, о томъ, какъ Христосъ принялъ призрачное тѣло, обманувъ такимъ образомъ сатану, который впустилъ Его, какъ простого человѣка, послѣ смерти въ адъ, откуда Онъ вывелъ всѣхъ заключенныхъ, а сатану связалъ неразрушимыми цѣпями.

Дѣйствительно, у Евѳимія Зигабена мы читаемъ: λέγουσι... σταυρωθέντα... καὶ ἀποθανεῖν, καὶ ἀναστῆναι, δόξαντα λῦσαι τὴν σκηνὴν καὶ γυμνῶσαι τὸ δρᾶμα, καὶ ἀποθέμενον τὸ προσωπεῖον συσχεῖν τὸν ἀποστάτην, καὶ παχεῖ καὶ βαρεῖ κλοιῷ καταδῆσαι καὶ ἐγκλεῖσαι τῷ ταρτάρῳ, περιελόντα καὶ ἐκ τοῦ ὀνόματος αὐτοῦ τὸ ἢλ, ὡ ἀγγελικόν [1]).

Катары учили: «Christus... descendit ad inferos in corpore et anima et inde extraxit animas omnium hominum, tam justorum quam peccatorum, quae ibi erant, excepta anima Iudae Scarioth» [2]). Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ Церковь говорила объ освобожденіи изъ ада только душъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, катары утверждали, что изъ ада были выведены всѣ души, кромѣ души Іуды Предателя. Авторы нашихъ легендъ пошли еще дальше. Они, повидимому, не могли примириться съ мыслью объ оставленіи въ адѣ даже души Предателя. И вотъ въ ихъ пересказѣ Христосъ освободилъ всѣ души изъ ада, кромѣ души Соломона, которому предложено было выбраться изъ ада своею мудростью. Но вѣдь Соломонъ, дѣйствительно, съумѣлъ при помощи своей мудрости освободиться изъ ада! [3]). Впрочемъ, русскій народъ и каторжниковъ называетъ несчастными, и едва ли не отразилась въ нашихъ легендахъ эта черта русскаго, быть можетъ, вообще славянскаго характера — милосердіе къ падшимъ, всепрощеніе.

Заключительныя слова болгарской легенды, что теперь всѣ идутъ

---

1) Migne, Patrol. dr., 130, col. 1301—1304.

2) Döllinger, II, p. 193—194.

3) Мотивъ объ изгнаніи Соломона изъ ада, между прочимъ, находится въ одной нѣмецкой драмѣ по рукописи 1464 г., въ малорусской виршѣ. См. Н. Ф. Сумцовъ, Современная малорусская этнографія, вып. 2, стр. 81.

въ рай до второго пришествія, когда будетъ опредѣлено, куда кому итти, также представляютъ отраженіе богомильскаго ученія. Катары учили: «ex quo Dei Filius spoliavit infernum,... nulla anima intravit infernum majorem, nec intratura est usque ad diem judicii... sed in judicio animae Iudaeorum et dictorum haereticorum in inferno majori ponentur» [1]). Душа катара по смерти идетъ въ земной рай, душа же не катара переходитъ изъ одного тѣла въ другое, пока не войдетъ въ тѣло, въ которомъ станетъ катаромъ [2]).

Вслѣдствіе смѣшенія первоначальнаго наказанія дьявола — низверженія его съ неба Богомъ Отцомъ — съ позднѣйшимъ заключеніемъ въ адѣ Христомъ, въ легендахъ Богъ Отецъ по большей части замѣнилъ Христа. Впрочемъ, основанія для такой замѣны могли давать мѣста церковной литературы въ родѣ приведеннаго выше мѣста изъ Слова Епифанія Кипрскаго.

Вслѣдствіе же смѣшенія заключенія сатаны Христомъ по сошествіи Его въ адъ съ окончательнымъ заключеніемъ сатаны и антихриста въ аду послѣ второго пришествія (такъ учили и богомилы [3]) въ одной легендѣ; см. выше стр. 24) антихристъ замѣнилъ дьявола.

Прямыхъ указаній на сотвореніе ада сатаной въ ученіи богомиловъ мы не находимъ, но оно логически вытекаетъ изъ ученія [4]). Кромѣ того, въ средѣ крайнихъ богомиловъ господствовало убѣжденіе, что видимый міръ — созданіе злого Бога — и есть адъ [5]). Да и то обстоятельство, что и въ произведеніяхъ церковной литературы, и въ богомильскихъ сказаніяхъ дьяволъ выступаетъ въ роли хозяина ада, могло легко вызвать представленіе о дьяволѣ, какъ строителѣ ада.

Сложный мотивъ о договорѣ Бога съ дьяволомъ, о рожденіи Богомъ Сына и посланіи Его въ міръ съ цѣлью освободиться отъ невыгоднаго договора, объ освобожденіи заключенныхъ душъ изъ ада и плѣненіи сатаны

---

1) Döllinger, II, 196—197.
2) Ibid. p. 187—188.
3) Ibid. p. 210, 213, 216 etc.
4) Въ «Interrogatio», впрочемъ, говорится, что сатана «invenit suum infernum quod est geenna ignis». Döllinger, II, 86.
5) Ibid. p. 58, 152.

съ теченіемъ времени упростился и получилъ сказочный характеръ: коварный противникъ — дьяволъ разставляетъ сѣти герою — Богу, но, благодаря мудрой догадливости Бога, самъ попадаетъ въ нихъ.

Этимъ я пока заканчиваю свои замѣтки о богомильскихъ элементахъ въ народныхъ космогоническихъ легендахъ славянъ.

Ѳ. Радченко.

Нѣжинъ.
18 декабря 1907 года.

Напечатанная выше статья покойнаго проф. К. Ѳ. Радченка († 22. IV. 1908) была его послѣдней научной работой, такъ и оставшейся не законченной. Послѣ своей магистерской работы «Религіозное и литературное движеніе въ Болгаріи въ эпоху передъ турецкимъ завоеваніемъ» (Кіевъ, 1898), гдѣ автору пришлось коснуться судебъ богомильства въ XIV в. (стр. 206 и сл.), К. Ѳ. посвящаетъ послѣдніе годы своей недолгой, тяжелой жизни изслѣдованію богомильства, главнымъ образомъ изученію воззрѣній, ученія богомиловъ. Такъ возникли его «Этюды по богомильству», печатавшіеся въ разныхъ изданіяхъ въ видѣ небольшихъ статеекъ, ведшихъ, однако, къ рѣшенію существенныхъ вопросовъ о роли богомильскаго міросозерцанія и ученія въ литературѣ и воззрѣніяхъ славянъ южныхъ и русскихъ. Эти вопросы должны были составить предметъ спеціальнаго изслѣдованія, докторской диссертаціи К. Ѳ., подготовкой къ которой и должны были быть его «Этюды». Но этой диссертаціи не суждено было не только увидать свѣта, но и быть оконченной. Настоящая статья—лишь ея начало, продолженія котораго не нашлось въ обработанномъ болѣе или менѣе видѣ въ бумагахъ автора. Онъ успѣлъ закончить и передать пишущему эти строки для напечатанія лишь то, что теперь и появляется въ свѣтъ. Судя по этому началу, работа въ полномъ объемѣ должна была широко и глубоко захватить рядъ вопросовъ о роли богомильства въ представленіяхъ и народной словесности славянскихъ народностей. Исполняя въ качествѣ товарища по наукѣ послѣднюю волю ученаго, печатаю этотъ «Этюдъ» безъ всякихъ измѣненій. И въ этомъ видѣ онъ является вкладомъ въ науку изученія славянства.

М. Н. Сперанскій.

Ученіе Вундта и Пауля о предложеніи, какъ основа ученія о синтаксисѣ.

ВВЕДЕНІЕ.

Десять лѣтъ тому назадъ, въ мартѣ 1900 года, появилось *первое* изданіе сочиненія *В. Вундта:* W. Wundt: «Völkerpsychologie. Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythus und Sitte». I-er Band. *Die Sprache.* (Во *второмъ* изданіи 1904 года *языку* посвящено два тома: первый и второй). Къ этому времени въ наукѣ о языкѣ были уже извѣстны классическіе труды Дельбрюка: «Vergleichende Syntax der indg. Sprachen» 1898 г. и *Пауля:* «Prinzipien der Sprachgeschichte» 1880 г. (нынѣ вышло уже 4-е изданіе, 1909 года). Послѣдніе два труда лингвистовъ, казалось, настолько глубоко задѣли основы историческаго языкознанія, настолько основательно разсмотрѣли важнѣйшіе процессы жизни языка, которые обнаружились передъ ними благодаря изученію языка въ его исторіи, что для «старой», анализирующей грамматики съ ея классификаціей и категоріями уже не осталось мѣста въ наукѣ. Дѣйствительно, «исторія языка», какъ результатъ сравнительнаго языковѣдѣнія, въ основѣ котораго легло изученіе *живыхъ* языковъ со всѣми ихъ *діалектами,* уяснилась для каждаго почти языка индоевропейской семьи при помощи детальнаго изученія современныхъ намъ потомковъ давно умершихъ языковъ, и процессы, приведшіе современный языкъ къ его настоящему состоянію, выступили съ поразительной ясностью во многихъ, многихъ случаяхъ. Господство «исторіи языка», какъ науки, смѣнившей старую «грамматику языка», было

признано всѣми, не только лингвистами, и прекрасно охарактеризовано *Кречмеромъ* въ 1896 году, въ его трудѣ: «Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache» (Göttingen). *Кречмеръ* говоритъ, что грамматика въ смыслѣ связнаго описанія употребительныхъ формъ и явленій языка перешла къ наукѣ о языкѣ изъ греческой древности. «Грамматика», какъ показываетъ самое ея названіе: γραμματική (τέχνη) есть «*письмовѣдѣніе*» (Schriftkunde), т. е. искусство читать и понимать *написанное*. Въ лучшемъ случаѣ «грамматика» обнимаетъ *письменный языкъ*, а *не* дѣйствительный —*живой*. Слѣдовательно, только «*бумажный языкъ*» (die papierne Sprache) былъ предметомъ стараго изученія въ «грамматикѣ», а сама «грамматика» была служебнымъ средствомъ для филологической критики вновь находимыхъ письменъ, для возстановленія текста древнѣйшихъ авторовъ («χρίσις ποιημάτων»). И такъ было до начала XIX вѣка: «грамматика» = die Wissenschaft der γράμματα. Современное же *языковѣдѣніе* во многомъ отличается отъ старой грамматики: его характеризуетъ *введеніе психологическихъ способовъ* изслѣдованія; изученіе природы звука человѣческой рѣчи, т. е. *физіологія звуковъ;* въ послѣднее время даже еще глубже пошло изученіе природы звука: его стали изучать и со стороны *акустической* (у насъ особенно проф. *А. И. Томсонъ* и отчасти проф. *В. А. Богородицкій*. См. труды Томсона: «Общее языковѣдѣніе». Одесса. 1906 г. Рецензія на трудъ В. А. Богородицкаго «Опытъ физіологіи общерусскаго произношенія». Казань. 1909 г. въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1910 г. Январь. Его же «Фонетическіе этюды» въ Р. Ф. В. 1905 г. № 2 и въ Indogerm. Forschungen. XXIV. 1 и 2. 1909 г. «Die Eigentöne der Sprachlaute und ihre praktische Verwendung» и др.). Наконецъ, сравнительнымъ методомъ современнаго *языковѣдѣнія* достигается еще одна задача, которой не ставила себѣ старая грамматика, именно, задача опредѣленія *родства* между языками и уясненіе тѣхъ процессовъ, которые привели съ теченіемъ времени данный языкъ къ современному его состоянію, т. е. задача построенія *исторіи каждаго языка*, какъ члена *своей семьи*. Языкъ сталъ разсматриваться, какъ продуктъ человѣческой культуры и въ тоже время, какъ могущественный факторъ культурнаго прогресса народа, а не какъ средство изученія и пониманія

памятниковъ древней письменности. Словомъ, *языкъ сталъ цѣлью самостоятельной науки* въ наше время.

«Грамматика», превратившись къ нашему времени въ «исторію языка», *неотдѣлима, какъ исторія языка, отъ исторіи* говорящаго на этомъ языкѣ *человѣка, неотдѣлима отъ исторіи національностей, отъ ихъ общей духовной жизни.* Особенно же поучительнымъ является мнѣніе Кречмера о томъ, что «грамматика» беретъ извѣстный идіомъ *въ поперечномъ разрѣзѣ его развитія* и описываетъ его въ этой стадіи, *что́ позволительно въ наше время,* въ лучшемъ случаѣ, только *при опредѣленныхъ практическихъ цѣляхъ и по отношенію къ языкамъ, не имѣющимъ своей исторіи* («bei geschichtlosen Sprachen»). Достаточно назвать только нѣкоторыя крупнѣйшія имена, какъ напр., *K. Brugmann, B. Delbrück, A. Leskien, H. Paul, Ed. Sievers, Sütterlin, Wegener, Scherer, Bell, Sweet, Giles, Pipping, O. Broch, Dittrich, Noreen, Meillet, Vondrak, Miletič, Rešetar, Rozwadowski, Фортунатовъ, Шахматовъ,* чтобы наглядно видѣть въ лицахъ современное языкознаніе со всѣми его интересами и основными вопросами, входящими въ его область, и признать, что языкъ, какъ охарактеризованное выше явленіе культуры, принадлежитъ къ области тѣхъ «культурныхъ наукъ» («Kulturwissenschaften»), которыя изучаютъ общественныя, соціальныя явленія и требуютъ знанія взаимодѣйствія психическихъ и физическихъ факторовъ въ лингвистической области. Тѣмъ цѣннѣе выступленіе знаменитаго психолога Вундта съ его громаднымъ трудомъ: «Die Sprache» на поприщѣ «психологической лингвистики», отъ которой справедливо многіе ожидали, что она подъ перомъ Вундта дастъ намъ опытъ радикальнаго переустройства основъ современной лингвистики [1]). И если мы въ трудѣ Вундта читаемъ, что «современная исторія языка при психологическомъ толкованіи процессовъ языка все еще стоитъ на точкѣ зрѣнія старой грамматики» (*W. Wundt.* «Sprachgeschichte und Sprachpsychologie». Leipzig. 1901 г. Стр. 19 и слѣд., а также 33—34), а также, что *«неправильное съ психоло-*

---

1) Paul. Prinzipien der Sprachgeschichte. 4-te Auflage. 1909. Vorrede. Стр. VI.

гической точки зрѣнія толкованіе фактовъ языка заключаетъ въ своемъ основаніи *всегда также неправильное съ исторической точки зрѣнія* представленіе о явленіяхъ языка» (ib. стр. 19), то понимаемъ, что современный лингвистъ-историкъ невольно долженъ придти въ уныніе, раздумывая о томъ, что коллективные упорные труды представителей науки, завоевавшей нынѣ, по справедливости, господствующее положеніе (*Wundt,* ib. стр. 5), могутъ быть признаны однимъ изъ крупнѣйшихъ ученыхъ представителей психологіи нашего вѣка, которая сама, какъ наука, заняла виднѣйшее мѣсто, могутъ быть признаны за труды, не сдвинувшіе въ нѣкоторыхъ пунктахъ лингвистики со стараго мѣста, да еще въ такихъ важныхъ пунктахъ, отъ правильнаго пониманія которыхъ зависятъ и всѣ историческія представленія о языкѣ. Однако моментъ раздумья прошелъ, и современная нѣмецкая лингвистика обогатилась двумя крупными трудами, которые произвели сильное впечатлѣніе на представителей западной и русской лингвистической науки и обогатили ученую литературу цѣнными пріобрѣтеніями. Началось движеніе въ наукѣ: *B. Delbrück* откликнулся на трудъ Вундта трудомъ: «Grundfragen der Sprachforschung, mit Rücksicht auf W. Wundts Sprachpsychologie erörtert». (Strassburg. 1901). *W. Wundt,* въ свою очередь, отвѣтилъ сочиненіемъ: «Sprachgeschichte und Sprachpsychologie, mit Rücksicht auf B. Delbrücks «Grundfragen der Sprachforschung» (Leipzig. 1901 г.) и издалъ 2-е изданіе своего психологическаго изслѣдованія о языкѣ («Völkerpsychologie» etc. I-ter und II-ter Bände: «Die Sprache». 1904. На это изданіе ссылаемся мы въ нашей настоящей работѣ). А *Hermann Paul* издалъ въ прошломъ 1909 году *четвертое* изданіе своего труда: «Prinzipien der Sprachgeschichte», въ которомъ опровергаетъ или пытается опровергнуть важнѣйшія положенія Вундта. Послѣ обмѣна мнѣній съ *Дельбрюкомъ* Вундтъ въ предисловіи ко 2-му изданію своего труда о языкѣ говоритъ, что въ общей конструкціи своего труда и въ основныхъ своихъ психологическихъ толкованіяхъ явленій языка онъ остается при прежнемъ мнѣніи и не измѣнилъ его по существу, но сдѣлалъ нѣкоторыя дополненія и исправленія въ частностяхъ, въ толкованіи и выборѣ примѣровъ, причемъ своею задачею считалъ онъ не накопленіе новаго лингвистическаго матеріала, который въ бо́льшемъ

объемѣ, чѣмъ ему — психологу, извѣстенъ лингвистамъ, а *психологическое освѣщеніе этого матеріала.*

Глубже другихъ отдѣловъ подверглись переработкѣ отдѣлы *объ измѣненіи звуковъ, о формахъ словъ* и частью *о предложеніи.* Труды *Delbrück'a* и *L. Sütterlin'a* («Das Wesen der sprachlichen Gebilde». Heidelberg. 1902) побудили его измѣнить нѣкоторыя толкованія. Основною же цѣлью своего труда Вундтъ считаетъ цѣль — указать на то обстоятельство, что исключительно-историческое толкованіе явленій языка рискуетъ стать одностороннимъ, и что психологическое трактованіе этихъ явленій не только имѣетъ право на особое вниманіе, но и необходимо въ интересахъ самой исторіи языка. «Съ одной исторіей языка, какъ и съ одной психологіей языка, нельзя углубиться въ пониманіе процессовъ развитія, процессовъ жизни языка: необходимо содѣйствіе обѣихъ наукъ для глубокаго пониманія». (Vorwort. Стр. X).

Само собой разумѣется, что это мнѣніе Вундта глубоко справедливо и нисколько не умаляетъ значенія *исторіи языка* и результатовъ, добытыхъ историческимъ изученіемъ языковъ индоевропейской семьи. (Срв. *Wundt.* Sprachgeschichte und Sprachpsychologie. Leipzig. 1901. Стр. 5—6). Точно также глубоко справедливымъ и вѣрнымъ является утвержденіе Вундта, что «изолированнаго слова вообще, строго говоря, не существуетъ въ настоящемъ языкѣ» (Die Sprache. II. 3), «что функціи слова въ предложеніи обусловливаютъ его форму, являясь рѣшающимъ моментомъ формальнаго измѣненія слова» (ibid.). Далѣе, что «въ дѣйствительномъ живомъ языкѣ *связки*, какъ таковой, давно не существуетъ, какъ подтверждаетъ и исторія отдѣльныхъ языковъ» (ib. II. 264). Да и была ли «связка», *какъ таковая*, когда-либо?! Далѣе, «психологическій субъектъ» и «психологическій объектъ», въ сущности соотвѣтствуя понятіямъ о «логическомъ субъектѣ» и «логическомъ объектѣ» предложеній, являются терминами временъ смѣшенія логики съ грамматикой языка, и *психологическій* анализъ предложенія приводитъ къ убѣжденію въ необходимости замѣны этихъ терминовъ, взятыхъ изъ логики, терминомъ «господствующее представленіе» въ предложеніи (ib. II. 265—267). Далѣе, взаимоотношенія слова и предложенія вовсе не такъ просты, какъ они могли бы казаться при формальномъ отно-

шеніи къ фактамъ языка; слово само можетъ являться предложеніемъ, напримѣръ, въ формѣ повелительнаго наклоненія глаголовъ (если ужъ оставить въ сторонѣ «Vocativ» — зват. падежъ, какъ слово — знакъ чувства, подобно «первичнымъ» междомедіямъ), это — фактъ языка, который нужно имѣть въ виду при *исчерпывающемъ* опредѣленіи предложенія. (См. ib. II. Стр. 246. 279. I. 599).

Глубоко справедливо у Вундта и то, что опредѣленіе предложенія исключительно *по внѣшнимъ* признакамъ, какъ «словосочетаніе», хотя бы и законченное, является слишкомъ узкимъ, потому что это опредѣленіе не захватываетъ тѣхъ психологическихъ процессовъ, которые символизуются въ данныхъ языка при образованіи *сложныхъ* предложеній (ib. II. 229). Не менѣе справедливымъ является утвержденіе Вундта, что *формы словъ являются необходимымъ слѣдствіемъ выступающихъ при расчлененіи совокупнаго представленія*, полученнаго въ воспріятіи, *отношеній между частями* (ib. II. 242). Наконецъ, Вундтъ утверждаетъ, что предложеніе есть во всякомъ случаѣ *языковое образованіе* («Sprachgebilde») и по самой своей природѣ является таковымъ, а потому въ опредѣленіе предложенія не можетъ входить то, что, по старымъ понятіямъ, только «мыслится» или «подразумѣвается» въ немъ, а должно входить только то, что̀ *дано въ языкѣ, въ его звуковыхъ словахъ* (ib. II. 235. Срв. 234). Это *исключительно вѣрное утвержденіе* Вундта и составляетъ центральный пунктъ, исходную точку при опредѣленіи предложенія, такъ какъ устраняетъ, какъ видно, ахиллесову пяту нашихъ старыхъ опредѣленій предложенія, опредѣленій, которыя, модулируясь въ различныхъ частностяхъ, повторяются даже въ новѣйшей лингвистикѣ.

Такъ, эти опредѣленія предложенія своими колебаніями, въ которыхъ они примыкали, начиная еще со времени Діонисія Ѳракійскаго, то къ воззрѣніямъ языческихъ грековъ съ ихъ γραμματικὴ τέχνη, то къ логикѣ Аристотеля и его потомковъ въ этой наукѣ, то, въ зависимости отъ направленія философской мысли, входили въ «философскую грамматику», то примыкали вмѣстѣ съ Миклошичемъ къ «неосхоластической» психологіи, наконецъ, остановились къ нашему времени на признаніи необходимости принимать въ разсчетъ при опредѣленіи пред-

ложенія *не только то, что дано въ звукахъ языка, но и тѣ сопутствующія* представленія, *которыя при этомъ имѣются въ душѣ* говорящаго или слушающаго, *но не получили выраженія въ языкѣ*. Словомъ, создалась цѣлая длинная исторія опредѣленій предложенія. (См. *Wundt*. Die Sprache. 1904². II. 227—236). *Hermann Paul* примыкаетъ въ своемъ опредѣленіи предложенія къ самому послѣднему, современному намъ, воззрѣнію и даетъ слѣдующее опредѣленіе предложенія въ своемъ, только что вышедшемъ 4-мъ изданіи труда: «Prinzipien der Sprachgeschichte». (Halle a. S. 1909⁴), гдѣ мы на стр. 121 читаемъ: «Предложеніе есть языковое выраженіе, символъ того, что въ душѣ говорящаго совершилось *сочетаніе* многихъ представленій или ихъ группъ, и средство для того, чтобы вызвать въ душѣ слушающаго именно то же сочетаніе, именно тѣхъ же представленій». Въ этомъ изданіи труда Пауля уже принято во вниманіе ученіе Вундта, съ которымъ Пауль въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги считается и расходится, а въ предисловіи къ 4-му изданію прямо заявляетъ: «Противоположность между Вундтомъ и мной коренится не столько въ томъ, что я примыкаю къ Гербартовской психологіи (впрочемъ безъ его метафизики), а Вундтъ кладетъ въ основу свою собственную систему, сколько въ той непереходимой пропасти, которая образовалась между нами вслѣдствіе того, что мы занимаемъ совершенно различное положеніе по отношенію къ такъ называемой народной психологіи (Völkerpsychologie)». Вундтъ, по мнѣнію Пауля, ставитъ на одну доску индивидуальную психологію съ народной психологіей, признавая за «народной душой» такое же право на реальное значеніе, какъ и за «индивидуальной душой», если понятіе души брать въ «эмпирическомъ» смыслѣ, безъ всякихъ метафизическихъ соображеній и прибавленій; между тѣмъ какъ Пауль, разграничивая рѣзко индивидуальную психологію и считая народную психологію чѣмъ-то миѳологическимъ, признаетъ научнымъ вопросомъ только вопросъ о томъ, *какъ происходитъ взаимодѣйствіе индивидуумовъ*. Ясно, что Пауль долженъ расходиться съ Вундтомъ и въ основномъ вопросѣ языка: исходятъ ли языковыя измѣненія *отъ индивидуума* или *отъ совокупности индивидуумовъ, отъ общественной группы, отъ народа*. (См. *Paul*, ib. Vorrede. Стр. V—VI. Einleitung. 13—14 примѣчаніе).

Мнѣ кажется, что въ этомъ пунктѣ, какъ и въ пунктѣ опредѣленія предложенія, между великими учеными происходитъ родъ какого то недоразумѣнія. Въ самомъ дѣлѣ: строго говоря, мы не знаемъ *языка вообще*, напримѣръ, языка русскаго, нѣмецкаго народа и проч., т. е. *русскаго языка вообще, нѣмецкаго языка вообще* и т. д.; мы знаемъ русскій языкъ такого-то русскаго индивидуума А, русскій языкъ такого-то русскаго индивидуума В и т. д.; и изучаемъ мы живой языкъ въ разговорѣ съ даннымъ индивидуумомъ А, изслѣдуемъ его произношеніе, записываемъ его рѣчь, дѣлаемъ наблюденія надъ интонаціей его рѣчи, наконецъ, провѣряемъ всѣ эти данныя, добытыя эмпирическимъ путемъ при изслѣдованіи говора субъекта А, сравненіемъ говора индивидуума А съ говоромъ индивидуума В, индивидуума С и т. д., причемъ индивидуумовъ мы выбираемъ изъ *одной* общественной среды, принадлежащей къ одному данному народу, къ одной національности, а выводы изъ всѣхъ этихъ нашихъ изслѣдованій естественно пріобрѣтаютъ характеръ выводовъ общихъ, по отношенію *ко всему языку даннаго народа въ его данномъ нарѣчіи*, и насъ нисколько не шокируетъ то обстоятельство, что мы, изучивъ говоръ данной особы, принадлежащей къ извѣстной группѣ, и провѣривъ наши изученія сравненіемъ говора изученнаго индивидуума съ говоромъ другого, третьяго индивидуума изъ той же народной среды, послѣ этого говоримъ *о народномъ русскомъ языкѣ, о языкѣ русскаго народа, о русскомъ языкѣ вообще*, приписываемъ измѣненія языка индивидуума, послѣ ихъ провѣрки, языку всего народа, называемъ эти измѣненія измѣненіями русскаго языка вообще или его діалектическими измѣненіями, хотя мы при своихъ наблюденіяхъ надъ языкомъ и не обращались *непосредственно къ толпѣ, къ народнымъ массамъ*; и тѣмъ не менѣе изъ такихъ изученій мы получаемъ при помощи нашего научнаго метода *исторію языка русскаго вообще*, получаемъ знаніе тѣхъ жизненныхъ процессовъ русскаго языка, которые привели этотъ *языкъ* къ современному его состоянію; знаемъ хорошо, что эти процессы переживались *всѣмъ языкомъ, хотя въ то же время и языкомъ каждаго индивидуума*. А почему это? Потому что мы хорошо знаемъ, что всякое измѣненіе въ языкѣ въ данномъ его состояніи, въ данный періодъ, только тогда становится при общеніи измѣненіемъ всего языка,

переживается всѣмъ языкомъ, т. е. дѣлается извѣстнымъ этапомъ его исторіи, когда такое измѣненіе, получивши распространеніе, образовало при повтореніи *навыкъ, привычку*, пріобрѣло привычный укладъ органовъ рѣчи и проч. А распространеніе такое измѣненіе можетъ получить только при условіи, при наличности готоваго къ повторенію, къ репродукціи даннаго измѣненія уклада рѣчи окружающихъ. Самый же укладъ рѣчи, въ свою очередь, отражаетъ въ себѣ слѣды накопившихся отъ разныхъ поколѣній привычныхъ артикуляцій, привычныхъ формъ и т. д. со всѣми ихъ предрасположеніями къ видоизмѣненіямъ, какъ результатамъ безпрерывныхъ процессовъ мысли и безпрерывныхъ упражненій органовъ рѣчи. Мы, напримѣръ, хорошо знаемъ, что извѣстное *индивидуальное* звуковое измѣненіе языка въ зависимости *отъ индивидуальной особенности* въ артикуляціи извѣстнаго звука, не вытекая изъ пріобрѣтаемыхъ и накопляемыхъ въ упражненіяхъ органовъ рѣчи предрасположеній, часто не находитъ для себя готовой почвы для воспріятія этого измѣненія въ средѣ окружающихъ людей, встрѣчаетъ рѣшительный отпоръ въ говорѣ окружающей среды и *остается индивидуальнымъ произношеніемъ*, не оказывая рѣшительно никакого вліянія на звуковыя измѣненія языка вообще и не составляя явленія исторіи послѣдняго. Напримѣръ, произношеніе «*увулярнаго г*» въ нашей русской средѣ, *какъ въ цѣломъ языкѣ, совершенно неизвѣстно*, хотя есть много семействъ, произносящихъ такое *г* уже въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ жизни даннаго рода — семейства; знаемъ также мы и тотъ фактъ, что нерѣдко въ одной и той же семьѣ русской *только одинъ ея членъ* произноситъ «*увулярное г*», но это индивидуальное произношеніе не распространяется даже на весь составъ *одной семьи*, члены которой находятся и въ кровномъ, и въ духовномъ родствѣ. Въ моей собственной, большой по составу, семьѣ только *одной* дочери, изъ всѣхъ моихъ шести человѣкъ взрослыхъ сыновей и дочерей, извѣстно произношеніе «*г палатализованнаго*», какъ «*средненебной смягченной согласной j*»; всѣ остальные члены семьи говорятъ обычное русское «*г альвеолярное*» (дрожащее), причемъ *ни отцу, ни матери* также неизвѣстенъ въ рѣчи «*согласный j*» вмѣсто «*г альвеолярнаго палатализованнаго*». При этомъ надо замѣтить, что это простая привычка, такъ какъ органы

рѣчи дочери этой не представляютъ никакихъ анатомическихъ отклоненій отъ органовъ рѣчи прочихъ членовъ семьи, отъ нормальныхъ органовъ рѣчи. Изъ этихъ и массы подобныхъ примѣровъ — наблюденій, сдѣланныхъ лингвистами, физіологами звуковъ, очевидно, что процессы жизни языка охватываютъ весь языкъ, видоизмѣняя его во времени и по мѣсту, *только при условіи устраненія всего индивидуальнаго самыми внутренними силами жизни языка.* А приписывая внутреннія жизненныя силы всему языку въ его цѣломъ и только изучая дѣйствіе этихъ силъ на отдѣльныхъ индивидуумахъ, мы тѣмъ не менѣе въ понятіи «*русскій языкъ*» имѣемъ нѣчто совершенно *конкретное,* имѣющее для насъ такое же *реальное значеніе*, какое значеніе имѣетъ и понятіе «*русскій языкъ индивидуума A, индивидуума B, C и д. т.*», хотя *русскій языкъ даннаго индивидуума и имѣетъ и долженъ имѣть свои особенности, которыхъ не имѣетъ русскій языкъ вообще, русскій языкъ народа, какъ національной среды.* Ясно, что *не все содержаніе языка индивидуума входитъ въ содержаніе языка народа.* Но не обратно! *Все содержаніе языка русскаго, какъ таковаго, языка народа, входитъ въ содержаніе русскаго языка русскаго индивидуума данной эпохи и данной мѣстности: иначе мы не могли бы признать даннаго индивидуума русскимъ по языку, не могли бы его отличить отъ другого индивидуума, какъ члена семьи народной другого нарѣчія, другой мѣстности.*

Вотъ въ какомъ смыслѣ, думается мнѣ, совершенно правильно *съ психологической точки зрѣнія* трактовать русскій языкъ, какъ отраженіе національныхъ пошибовъ мысли, какъ отраженіе всего русскаго народа съ его исторіей языка, наконецъ, какъ отраженіе той психики, которая является *психикой русскаго народа,* и въ этомъ смыслѣ «народной душой», *откуда и самое изученіе психическихъ процессовъ, приведшихъ весь русскій языкъ, языкъ всего русскаго народа къ современному его состоянію въ теченіе его исторіи* можетъ съ полнымъ правомъ получить названіе по отношенію къ такимъ явленіямъ, какъ *языкъ,* «Völkerpsychologie»—«Volkspsychologie». Хотя при этомъ не нужно забывать, что *самое изученіе ведется эмпирическимъ путемъ на конкретныхъ индивидуумахъ.* Я не вижу здѣсь «неперехо-

димой пропасти» между воззрѣніями Вундта и воззрѣніями Пауля, какъ представителей научнаго мышленія, хотя Пауль и является *пуристомъ* лингвистики вообще. То самое, что мы выше говорили о *русскомъ* языкѣ, конечно, можно сказать и о *нѣмецкомъ* языкѣ и др.

Сопоставленіе опредѣленій предложенія, данныхъ Паулемъ и Вундтомъ, и разборъ этихъ опредѣленій покажетъ намъ, что досадное недоразумѣніе у двухъ ученыхъ обнаруживаетъ себя и въ этомъ пунктѣ.

Вундтъ опредѣляетъ предложеніе такъ: «*Предложеніе* (по своимъ, какъ объективнымъ, такъ и субъективнымъ признакамъ) *есть языковое выраженіе произвольнаго расчлененія совокупнаго представленія на его составныя части, поставленныя въ логическія отношенія другъ къ другу*». (*Wundt*. Die Sprache. 1904. II. стр. 245). Если сравнить это опредѣленіе предложенія съ опредѣленіемъ Пауля, приведеннымъ нами выше, то окажется, во-первыхъ, что Пауль считаетъ предложеніе *словеснымъ выраженіемъ*, *или символомъ* психическаго акта сочетанія («Verbindung») представленій, совершившагося *въ душѣ* говорящаго и въ тоже время *средствомъ* произвести такое же сочетаніе въ душѣ слушающаго; во-вторыхъ, Пауль считаетъ предложеніе символомъ *сочетанія* представленій. Понятно, что основная разница въ обоихъ опредѣленіяхъ заключается въ томъ, что одинъ ученый считаетъ предложеніе выраженіемъ *расчлененія*, даннымъ въ звукахъ языка, причемъ не обходитъ молчаніемъ и составныхъ частей воспринятаго представленія, получившихъ выраженіе въ словахъ языка говорящаго, а логическія отношенія этихъ составныхъ частей другъ къ другу выражены въ языкѣ тѣми *формами словъ*, которыя явились естественнымъ слѣдствіемъ расчлененія воспринятаго совокупнаго представленія, расчлененія, выразившагося въ словахъ языка, составляющихъ данное предложеніе. Пауль же намъ ничего не даетъ въ своемъ опредѣленіи относительно того, чѣмъ и какъ въ языкѣ, въ его словахъ и звукахъ, выразилось *сочетаніе* представленій. Упрекъ, брошенный Паулемъ Вундту («Prinzipien» 4-е изд. Стр. 122 сл. Срв. Vorrede. Стр. VI) въ томъ, что послѣдній вообще принимаетъ во вниманіе при разсужденіи о явленіяхъ языка *только говорящаго*, а не опредѣляетъ языковыхъ явленій въ тоже время и съ точки зрѣнія *слушающаго*, по моему мнѣнію, неоснователенъ, такъ какъ

съ того времени, какъ языкъ сдѣлался *языкомъ въ настоящемъ смыслѣ* путемъ безпрерывныхъ повтореній и репродукцій его элементовъ, уже нѣтъ необходимости каждый разъ вызывать въ слушающемъ тѣ-же психическіе акты, которые совершаются въ душѣ говорящаго. На этомъ основано *различіе въ синтаксисѣ* рѣчи двухъ современниковъ, принадлежащихъ по языку къ одной и той же общественной группѣ, такія различія, которыхъ мы никогда не найдемъ въ фонетикѣ или морфологіи ихъ языка.

Это особенно видно на предложеніяхъ *вопроса, восклицаній* всякаго рода, на *сокращеніяхъ* предложеній, на выраженіяхъ *чувствъ* въ знакахъ языка и проч., причемъ звуковая сторона входящихъ въ предложенія словъ, а равно формы словъ сами по себѣ остаются у разныхъ людей—все тѣ-же; модулируется только тонъ путемъ модуляціи акцента словъ и предложеній, но послѣднее обстоятельство какъ разъ и указываетъ собой на внутреннія психическіе процессы, которые еще не изучены.

Коренное различіе въ опредѣленіяхъ предложенія у Вундта и у Пауля мы лучше всего можемъ себѣ представить на анализѣ ихъ же собственныхъ конкретныхъ примѣровъ, а также на другихъ, которые мы приводимъ отъ себя ниже здѣсь и въ своихъ «Основахъ синтаксиса». Вундтъ, разбирая опредѣленіе и примѣры Пауля, приводитъ въ примѣръ предложеніе «das Gras ist grün («трава зелена») и хочетъ провѣрить утвержденіе Пауля о *сочетаніи* представленій «трава» и «зеленый». Но, замѣчаетъ Вундтъ, была ли какая-нибудь необходимость въ языковомъ предложеніи для сочетанія этихъ представленій, когда они уже *даны* намъ *непосредственнымъ воспріятіемъ въ такомъ сочетаніи*: трава всегда воспринимается нами, какъ зеленая. (*Wundt*. II. 236). Пауль чувствуетъ силу этого возраженія и даетъ взамѣнъ другіе примѣры: «Karl lacht» (причемъ Пауль предполагаетъ, что это предложеніе сказано не въ присутствіи смѣющагося во время рѣчи Карла) или: «der Löwe brüllt» (причемъ льва человѣкъ не видитъ, хотя и знаетъ, когда произноситъ это предложеніе, что вблизи находится левъ, ревъ котораго онъ теперь, когда говоритъ, и слышитъ). Paul[4]. Стр. 122 сл. Пауль нарочно подобралъ эти примѣры въ такомъ ихъ смыслѣ (указанномъ нами въ

скобкахъ) и задается вопросомъ, разбирая опредѣленіе предложенія, данное Вундтомъ; *сочетаніе* ли здѣсь, или *расчлененіе* представленій; вѣдь, въ непосредственномъ воспріятіи мнѣ не дано, дескать, ни смѣющагося Карла, ни ревущаго льва: надо было эти представленія сочетать другъ съ другомъ, чтобы выразить ихъ въ формѣ вышеуказанныхъ двухъ предложеній въ языкѣ. Но скажемъ мы отъ себя: въ эпоху созданія языка человѣкъ, еще не имѣющій языка, не имѣющій *формъ словъ*, стало быть, не имѣющій синтаксиса, могъ бы, ища звукового выраженія для слышимаго рева и не имѣя слова «ревѣть», а также не зная, кому, какому животному принадлежатъ воспринимаемые звуки рева, дѣлать попытку сочетать представленіе слышимаго рева съ представленіемъ ревущаго субъекта, но тогда мы не имѣли бы дѣла съ языкомъ словъ и съ ихъ формами, т. е. съ синтаксисомъ, съ предложеніемъ, какъ *языковымъ образованіемъ* (Sprachgebilde). Но разъ мы имѣемъ дѣло съ предложеніемъ, слѣдовательно, съ языковымъ выраженіемъ, въ которомъ наблюдаются *формальныя принадлежности словъ*, то, значитъ, этими формальными принадлежностями уже даются въ звукахъ языка тѣ логическія отношенія, которыя открываются нашей мыслью между составными частями воспринятаго представленія, и самое употребленіе говорящими въ такихъ случаяхъ *не одного слова*, а *нѣсколькихъ словъ*, входящихъ въ составъ предложенія, и связанныхъ другъ съ другомъ формальными принадлежностями и формальнымъ значеніемъ, указываетъ *на расчлененіе* полученнаго въ воспріятіи цѣлаго совокупнаго представленія *на члены, на слова*, которыми мы выражаемъ въ звукахъ языка различныя части воспринятаго цѣлаго представленія. Вѣдь, могъ бы человѣкъ, говорящій «Karl lacht», сказать и просто «Karl»! (въ контекстѣ рѣчи и также въ отсутствіе Карла). Вѣдь, могъ бы человѣкъ сказать и просто «Löwe»!, слыша ревъ льва, и тогда мы имѣли бы дѣло *въ языкѣ не съ предложеніями*, а съ какими-либо другими языковыми образованіями, быть можетъ, съ *«эквивалентами предложенія»*, но только не съ предложеніями. («Satzäquivalente». *Wundt*. II. 257. Срв. 251). *Расчлененіе* представленія въ языкѣ и выражается, именно, *сочетаніемъ словъ въ ихъ формахъ*, а не сочетаніемъ представленій.

Не отрицая того, что въ своей *психологической* основѣ являются предложеніями и такія выраженія, которыя представляютъ *незаконченныя словосочетанія,* въ которыхъ при этомъ и не выражено *особою формою* сказуемости отношеніе сказуемаго къ подлежащему, мы различаемъ *грамматическія предложенія* и *неграмматическія.* Этой терминологіей, кажется намъ, устраняется возможность принципіальнаго разногласія между учеными по вопросу о томъ, что̀ такое предложеніе. Принимая опредѣленіе Вундта, мы дѣлаемъ въ немъ одну вставку согласно указанному выше различенію грамматическаго и не грамматическаго предложенія. Возьмемъ другой примѣръ: я вижу, положимъ, въ ясный очень морозный день ѣдущаго по улицѣ города казака въ полномъ вооруженіи съ поднятой рукой и ногайкой въ этой рукѣ. Все то, что я увидѣлъ, воспринялъ зрѣніемъ, — есть совокупное представленіе, психологическій актъ, не расчлененный на части. Но разъ я перелагаю воспринятое мною совокупное представленіе на слова языка, *я расчленяю* это совокупное представленіе путемъ словеснаго выраженія, слова котораго, входящія въ составъ выраженія, будутъ *членами* этого словосочетанія, и логическія отношенія этихъ членовъ будутъ выражены *формами* тѣхъ словъ, которыя я изберу *по своему произволу, по своей волѣ,* для выраженія представленія въ звукахъ и словахъ даннаго языка. Я могу сказать: «ѣдетъ по улицѣ вооруженный казакъ съ ногайкой», причемъ здѣсь осталось необозначеннымъ въ языкѣ *ни время, ни подробности* казачьяго вооруженія, *ни* свѣтовыя обозначенія и проч., между тѣмъ какъ все это было мною получено заразъ въ моментъ зрительнаго воспріятія.

Такимъ образомъ, на этомъ примѣрѣ мы видимъ, что расчлененіе совокупнаго представленія не достигло въ словахъ языка и ихъ соотношеніяхъ полноты, и не получилось въ языкѣ тѣхъ «членовъ», тѣхъ составныхъ частей совокупнаго представленія во всемъ ихъ составѣ, во всей ихъ полнотѣ, которыя даны мнѣ были заразъ въ зрительномъ воспріятіи. Такое неполное расчлененіе мы нерѣдко видимъ, когда молодые люди подъ вліяніемъ аффекта, при разсказѣ о видѣнномъ ими, напр., сильномъ и большомъ пожарѣ, не находятъ словъ и дополняютъ ихъ многими жестами, мимикой и проч. Эти дополненія, конечно, уже ле-

жать *внѣ языка* и не будутъ «членами» представленія о пожарѣ, нашедшими для себя словесныя выраженія въ языкѣ. Тѣмъ не менѣе возможны *неполныя* предложенія и безъ дополненій ихъ жестами.

Однако *до какихъ же предѣловъ,* до какихъ границъ позволительно *умалчивать,* не передавая въ звукахъ языка словъ всѣхъ составныхъ частей полученнаго совокупнаго представленія? *Какія психологическія условія* должны быть на лицо, чтобы такое неполное словесное выраженіе расчлененія всетаки оставалось *предложеніемъ,* какъ языковымъ образованіемъ? *Играютъ ли при этомъ какую-нибудь роль тѣ логическія отношенія,* въ которыхъ находятся части расчлененнаго представленія другъ къ другу, и *какія, именно, логическія отношенія* разумѣются Вундтомъ въ его опредѣленіи предложенія? Вотъ три вопроса, которые напрашиваются сами собой при попыткѣ пользоваться опредѣленіемъ Вундта на практикѣ. Будетъ ли предложеніемъ по Вундту выраженіе: «человѣкъ добръ» и «добрый человѣкъ» или: «что за диво»!, или: «молчать»!, «вонъ»! «быть бычку на веревочкѣ»! и под.?

Для отвѣта на эти вопросы прежде всего слѣдуетъ изучить по Вундту психологическую природу предложенія. *Психологическая природа* предложенія является двустороннею: съ одной стороны, въ предложеніи отражается *общее* представленіе, полученное нами со всѣми своими частями заразъ въ чувственномъ воспріятіи, съ другой,—*послѣдовательный рядъ* частичныхъ представленій, воспринятыхъ нами въ совокупности. Отсюда, и *психическій процессъ,* лежащій въ основѣ словеснаго предложенія, есть, съ одной стороны, процессъ *аналитическій,* заключающійся въ расположеніи отдѣльныхъ частей въ опредѣленныхъ отношеніяхъ, въ моментъ выдѣленія частей изъ цѣлаго; это и есть *расчлененіе;* съ другой, — это процессъ *синтетическій,* заключающійся въ связи представленій другъ съ другомъ въ качественно опредѣленномъ смыслѣ; это и есть *отношеніе* членовъ, или частей представленія.

(См. *Wundt.* II. 241—242). Эти отношенія между частями (членами) представленія обусловливаютъ собой *формы словъ, какъ необходимый продуктъ выступающихъ отношеній между частями.*

Продукты выступающихъ отношеній, т. е. формы словъ, являются въ трехъ категоріяхъ: категоріи предметовъ, категоріи свойствъ и категоріи состояній. Отношенія предметовъ къ свойствамъ являются источникомъ такъ называемыхъ *аттрибутивныхъ отношеній;* отношенія предметовъ къ состоянію—источникомъ *предикативныхъ отношеній*. Для ближайшаго опредѣленія отношеній возможны еще дополнительныя части внутри аттрибутивныхъ и предикативныхъ отношеній предмета (субъекта) къ свойству и состоянію (ib. 243). *Какъ аттрибутивныя, такъ и предикативныя отношенія предметовъ называются логическими отношеніями между субъектомъ и свойствомъ или состояніемъ*. Всѣ эти термины отношеній взяты изъ логики и являются совершенно пригодными для типичныхъ предложеній «высказыванія» («Aussagesätze»), т. к. такія предложенія можно считать въ языкѣ съ полнымъ основаніемъ *нормой* или *типомъ* предложеній, и въ нихъ всегда совпадаетъ логическій субъектъ сужденія съ грамматическимъ подлежащимъ предложенія, логическій предикатъ сужденія съ грамматическимъ сказуемымъ предложенія, а самыя предложенія такого типа «высказывательныя» (Aussagesätze) совпадаютъ съ типомъ логическаго сужденія.

Такимъ образомъ формы сказуемости (формы времени, лица и наклоненія), которыми опредѣленно указано отношеніе сказуемаго къ подлежащему (или, въ случаѣ утраты одной изъ этихъ формъ въ языкѣ, т. е. въ случаѣ утраты формальнаго признака сказуемости, самое отсутствіе формальнаго признака, недвусмысленно возстановляемаго изъ самаго значенія предложенія), будутъ служить формами предикативныхъ отношеній субъекта, а субъектъ — грамматическій именительный падежъ предложенія.

Въ другихъ видахъ предложенія, напр., восклицательныхъ и вопросительныхъ, гдѣ возможны всегда упрощенія въ языкѣ и отклоненія отъ типа, мы нерѣдко встрѣчаемъ *неполныя предложенія,* и таковыя считаются предложеніями (хотя и неграмматическими) только въ томъ случаѣ, если *недостающія слова могутъ быть недвусмысленно дополнены изъ содержанія высказаннаго, даннаго въ звукахъ языка словъ* (ib. 237). Само собой разумѣется, что сокращая количество

словъ, составляющихъ предложенiе, мы можемъ дойти до максимума сокращенiй, *до одного слова*, т. к. и *одно слово можетъ быть предложенiемъ*. Но спрашивается, при какихъ условiяхъ *даже одно слово* можетъ быть предложенiемъ, и когда *слово или словосочетанiе перестаетъ быть грамматическимъ предложенiемъ*, обращаясь въ эквивалентъ предложенiя. Напр., формами пов. наклоненiя опредѣленно указано отношенiе сказуемаго, заключающагося въ глагольной основѣ, къ подлежащему 2-го лица рѣчи: «молчи»! «молчите»!, и потому эти слова — предложенiя. Глаголы безличные указываютъ формами наклоненiя и времени отношенiе къ подлежащему, остающемуся нынѣ неопредѣленнымъ, но прежде бывшему, вѣроятно, даже опредѣленнымъ, высказаннымъ: «свѣтаетъ», «тошнитъ», «морозитъ» и т. д. Неопредѣленныя формы глаголовъ (=неопр. наклоненiе) въ томъ случаѣ, когда онѣ языкомъ употребляются *съ единственнымъ значенiемъ* формъ повелит. наклоненiя, служатъ формами сказуемости: «Молчать» = «молчи» или «молчите», смотря по содержанiю высказаннаго. Или предложенiя: «быть бычку на веревочкѣ»! «Вернуться? Жить среди клеветъ, пустыхъ и темныхъ дѣлъ»?!, — какъ восклицательныя предложенiя, не имѣютъ формъ сказуемости, какъ и большинство такихъ предложенiй, отражающихъ *чувствованiя*, и потому—неграмматическiя предложенiя, скорѣе эквиваленты предложенiй. То же слѣдуетъ сказать и о такихъ выраженiяхъ, какъ: «что за человѣкъ»!; «что за диво»! и проч. Въ предложенiи: «человѣкъ добръ» мы въ русскомъ языкѣ имѣемъ всѣ признаки формы сказуемости, не смотря на то, что «связка» исчезла: самое исчезновенiе ея есть признакъ аттрибутивно-предикативнаго предложенiя, относящiй аттрибутъ въ предикативномъ значенiи *исключительно къ настоящему времени*. Замѣтимъ, что даже въ тѣхъ языкахъ, гдѣ связка, какъ пережитокъ или, быть можетъ, вторичное явленiе, сохранилась, какъ напр., въ нѣмецкомъ языкѣ, она не придаетъ ничего новаго ни къ содержанiю сказуемаго, ни къ содержанiю подлежащаго, и потому и въ нѣмецкомъ языкѣ возможно предложенiе безъ нея: «Ein Mann — ein Wort» и проч. Сохраненiе этой связки въ нѣкоторыхъ языкахъ указываетъ на процессъ усиленiя предикативности предложенiя за счетъ аттрибутивности его и перехода аттрибутивныхъ отношенiй въ предика-

тивныя. Срв. нѣм. Neumann, Neustadt, Neugold или рус. Новгородъ, какъ доказательство возможности первичнаго нерасчлененнаго представленія аттрибутивныхъ отношеній. Что касается такихъ словосочетаній, какъ «добрый человѣкъ», то они сами по себѣ, какъ *незаконченныя* словосочетанія, могутъ быть частями другихъ *законченныхъ* словосочетаній, и, какъ не имѣющія формы сказуемости, не составляютъ грамматическихъ предложеній; но въ формѣ отвѣта, напр., на вопросительное предложеніе: «кто далъ тебѣ денегъ»? — отвѣтъ «добрый человѣкъ», равно какъ и слова отвѣта: «да» или «нѣтъ», служатъ «эквивалентами» предложеній. Изъ всего этого мы видимъ, что *существенной частью предложенія служитъ форма сказуемости, и потому она не можетъ быть выпущена: иначе получится неграмматическое предложеніе, или его эквивалентъ*. Такимъ образомъ, для предложенія въ широкомъ смыслѣ необходима наличность слѣдующихъ трехъ психологическихъ условій: 1) Образованіе предложеній, какъ *актъ нашей воли*. 2) *Расчлененіе* даннаго намъ въ воспріятіи совокупнаго представленія на его составныя части и 3) *аттрибутивныя и предикативныя отношенія субъекта*, какъ части представленія, къ другимъ его частямъ.

Нѣсколько иначе трактуетъ частности предложенія *H. Paul* въ своихъ *Prinzipien*[4], гдѣ онъ настаиваетъ на томъ, что предложеніе не можетъ состоять изъ одного члена и должно быть по меньшей мѣрѣ *двучленнымъ*, что даже такъ называемыя (Миклошичемъ) безсубъектныя предложенія (Subjektlose Sätze), безличныя (Impersonalia), съ одной стороны, должны разсматриваться, какъ предложенія, имѣющія *формальное* подлежащее («*es* brennt») или въ мѣстоименіи или въ личномъ окончаніи глагола («pluit»), съ другой, и въ психологическомъ отношеніи эти предложенія суть только неполныя, при которыхъ психологическій субъектъ, скрытый въ душѣ, однако «мыслится», но не «высказывается» и можетъ быть дополненъ. Напр., при восклицаніи «пожаръ»! («Feuer»!) это слово есть психологическое сказуемое, субъектомъ котораго служитъ все воспринимаемое мною при этомъ представленіе.

Мы согласны съ Вундтомъ, что рисковано дополнять къ слышимымъ намъ словамъ еще и не высказываемыя мысли, такъ какъ можно и оши-

биться при дополненіи: обыкновенно намъ при слушаніи рѣчи не дано знать еще и то, что мыслится въ душѣ и что подразумѣвается самимъ говорящимъ. Такое толкованіе напоминаетъ собою время Штейнталя и Гербартовской психологіи въ языкѣ. (См. *Paul*. Prinzipien... 1909[4]. Стр. 129—132. Здѣсь же и полемика съ Вундтомъ по этому вопросу. *Вундтъ*. II. 234—235, а также *Paul*. Стр. 121). Ясно, что есть факты языка, которые надо принять лишь въ освѣщеніи психолога Вундта. Такъ мы представляемъ себѣ возможность использовать богатый въ идейномъ отношеніи ученый трудъ знаменитаго психолога Вундта для цѣлей лингвистики и примирить его взгляды со взглядами Пауля, въ особенности въ тѣхъ частяхъ ихъ трудовъ, которыя прямо относятся къ области синтаксиса. Это же наше пониманіе взаимнаго отношенія двухъ замѣчательныхъ трудовъ—Вундта и Пауля—отразилось, какъ читатель, вѣроятно, въ свое время замѣтитъ и на приготовляемыхъ нами къ печати «Основахъ синтаксиса русскаго языка», по выходѣ ихъ въ свѣтъ.

Евг. Будде.

Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра.

XV.

Выше, въ предыдущихъ главахъ нашихъ матеріаловъ къ исторіи театра, издано нѣсколько памятниковъ старинной украинской драмы; особенный интересъ представляетъ діалогъ на Воскресеніе Христово (гл. XI), снабженный помимо пролога и эпилога—интермедіей, что ставитъ его въ промежуточное положеніе между собственно діалогами, праздничными декламаціями—и школьной драмой. Въ связи съ находками новыхъ памятниковъ этого рода, возникаетъ интересъ къ историческому освѣщенію исторіи діалога на украинской литературной почвѣ. Ниже предлагаемъ обзоръ извѣстнаго намъ литературнаго матеріала и издаемъ еще одинъ памятникъ діалогической латературы, «Вѣрши на Вескресеніе Христово», повидимому относящіеся къ той же эпохѣ, какъ изданные въ гл. XI-й.

Въ гуманистическую эпоху и въ Италіи и въ Германіи вслѣдъ за увлеченіемъ Теренціемъ стали появляться собственные опыты гуманистовъ въ драматическомъ родѣ. Но, не рискуя пускаться въ конкуренцію съ античной драматургіей, писатели XV—XVI вв. начали съ элементарныхъ школьныхъ діалоговъ, «имѣвшихъ цѣлью не болѣе какъ упражненіе въ латинской рѣчи» [1]), Примѣръ такого переходнаго къ драмѣ литературнаго жанра находимъ въ «Stxylpho» Вимпфелинга (1480 г.): прологъ, шесть сценъ и эпилогъ, заканчивающійся словами ««valete et plaudite»;

---

1) В. И. Рѣзановъ, Къ исторіи русской драмы. Экскурсъ въ область театра іезуитовъ, Нѣжинъ, 1910, стр. 3.

нѣчто подобное—у Jacob'a Loecher'a прозваннаго Philomusus (1471—1528), которому принадлежатъ «comoediae vel potius dialogi» [1]). Такіе драматическіе опыты заключали въ себѣ порою и миѳологическіе и аллегорическіе образы, согласно модѣ времени и требованіямъ хорошаго литературнаго вкуса Ренессанса. Во Франціи XVI в. въ школахъ также представлялись діалоги нравоучительнаго содержанія на латинскомъ языкѣ (Tissier, 1470—1524 гг.). Изслѣдователь театра іезуитовъ замѣчаетъ, что «вліянія античной драматической формы на нихъ незамѣтно и, напротивъ, очевидна связь ихъ съ французскими моралитэ и фарсами. Назначались они для исполненія учениками на торжественныхъ актахъ коллегіи и обыкновенно имѣли небольшіе размѣры»—отъ 180 до 400 стиховъ. Въ этихъ діалогахъ наблюдается присутствіе аллегорическихъ фигуръ. Особенно были популярны діалоги Равизія Текстора (Tissier)—вызывая подражанія и во Франціи, и въ сосѣднихъ странахъ [2]).

Оо. іезуиты были опытными режиссерами и драматургами. Ставя на своихъ «ludi caesarei» роскошныя пьесы, они однако не брезговали и воспроизведеніемъ старыхъ «declamationes», исполнявшихся отдѣльными классами ихъ школъ: представленіе большихъ драмъ вошло въ моду позже, а въ XVI в.—исполнялись только небольшіе безъ особыхъ ухищреній скомпонованные діалоги, полемическаго и моральнаго содержанія [3]). Не ограничиваясь сочиненіемъ діалоговъ, іезуиты-педагоги создали опредѣленныя правила, въ которыхъ формулировали смыслъ и форму діалога, которую онъ сохраняетъ и въ польскихъ и украинскихъ образцахъ XVII в., охотно воспроизводящихъ его элементарную структуру. Іезуитъ Лангъ († 1727 г.) пишетъ въ своемъ руководствѣ: «Обычные роды театральныхъ пьесъ суть: *діалоги* или *декламаціи*, драмы, комедіи, трагедіи. *Simplicissimum genus sunt dialogi*, quibus vel duo vel plures de re quapiam inter se colloquuntur, sine fabula scenica et affectu... Dialogum dixi sermonem sine fabula; illa, inquam, quae totius tragoediae vel comoediae substantia dicitur et fit per intricatos errores artificiosas

---

1) Ibid., 3.
2) Ibid., 6.
3) Рѣзановъ, Экскурсъ, 96, 113.

involutiones cum affectu etc... Dialogus nihil horum requirit, sed est *plana et simplex sermocinatio de obvio quovis argumento, sive serio, sive iocoso.* Vel siquando affectus locum in illo reperit, non id necessitati legis est dandum, sed occasioni» [1]).

Этими словами лучше всего обрисовывается элементарный характеръ сценическихъ школьныхъ діалоговъ. Но сюжеты ихъ—были довольно разнообразны, почти столь же, какъ и болѣе сложныхъ видовъ старинной драмы. Сюжеты латинскихъ іезуитскихъ декламацій въ XVI и XVII вв. были напр. таковы: Mors triumphata, Peregrinatio Bethlehemica, Pilatus exul, Dialogus de Rachel plorante filios suos, de Theophilo, Dialogus Udonis и т. п. [2]).

Обычай представлять въ школахъ діалоги поддерживался свыше указами въ родѣ указа герцога Баварскаго 1590 г., гдѣ предписывалось при началѣ учебныхъ занятій давать представленія, при чемъ должна исполняться «Ain Nützliche Commedi oder *Dialogus,* cum distributione praemiorum», что должно было, повидимому, пріохочивать учащихся къ занятіямъ [3]). Можно думать, что сообщеніе П. Мюллера [4]) о представленныхъ въ гильдесгеймской гимназіи 1654 г. декламаціяхъ на Рождество Хр. и о декламаціи о звѣздѣ—слѣдуетъ отнести не только къ названному учебному заведенію: Рождество и Пасха и связанныя съ ними воспоминанія, вѣроятно, и на Западѣ, какъ и въ Польшѣ и Украинѣ давали наибольшій матеріалъ для школьныхъ представленій.

Въ Польшѣ сценическія представленія въ школахъ начались еще въ началѣ XVI в.; съ появленіемъ іезуитовъ эти представленія особенно умножились, особенно элементарнѣйшія изъ нихъ—діалоги, и при томъ не только на латинскомъ, но и на польскомъ языкѣ: въ 1578—въ Пултускѣ діалогъ о древѣ жизни, въ 1579 г.—объ Авелѣ и Каинѣ, 1580 г.—діалогъ о Мельхиседекѣ; въ началѣ XVII в. тамъ же представлены были діалоги объ Евѣ, зміи, Адамѣ и др. [5]). Эти діалоги сочи-

---

1) Ibid., 115.

2) Ibid., 115—116, 121, 132.

3) Ibid., 129.

4) Ibid., 241.

5) Рѣзановъ, стр. 293 и слѣд.—по свидѣтельствамъ кс. Заленскаго и Лукашевича.

нялись обычно профессорами реторики и пiитики, при чемъ, набросавъ планъ, обработку отдѣльныхъ частей пьесы руководители класса поручали отдѣльнымъ ученикамъ въ видѣ класснаго упражненія; наиболѣе удачныя работы, повидимому, вводились въ составъ дiалога при окончательной редакцiи его [1]). Нѣчто подобное, какъ можемъ догадываться, было и въ украинской школѣ.

Каковы были эти дiалоги, возникшіе въ польской школѣ? Они совпадали съ тѣмъ, что мы знаемъ о латинскихъ дiалогахъ въ школахъ европейскаго Запада. Къ извѣстнымъ уже дiалогамъ можемъ добавить еще нѣчто, подчеркивающее характерныя стороны iезуитскихъ произведенiй. Такъ въ рукописномъ сборничкѣ Импер. Публ. Библiотеки XVII в. *Разнояз.* O. XIV, № 6 находимъ «Lament przy grobie Na Wielki Piątek», нач. «O duszo grzeszna takżeś zatwardziała»..., за которымъ слѣдуютъ «lamenty» второй и третiй. Далѣе, съ листа 8-го идетъ польскiй дiалогъ, въ которомъ собесѣдниками выступаютъ: Helias, Megera, Tyncinellus, Angelus primus, Angelus 2-dus, снова Helias, Chorus 1-mus, Angelus, Heliasz, Cathechista. На л. 15-мъ находится другой латинскiй дiалогъ; бесѣдуютъ между собою: Oboedientia, Fides, Spes, Charitas и другiя аллегорическiя фигуры.

Въ декламацiи, сохранившейся въ рукописи И. Публ. Библ. *Разнояз.* Q. XIV, № 63 (дата на л. 73 «13 Cal. Aprilis, 1714) на л. 57 и слѣд. передъ нами стихи на торжественное событiе: «Dytyramb do Imc. K. Głowińskiego suffragana Lwowskiego biskupa Hebronskiego na applauz przy założeniu kamienia na kosciół Lwowski xx. Scholarum Piarum». Wierszy te mówic powinny ośm osoby na to wybrane nieodwłocznie iedna za drugą właśnie niby wyrywaiąc sobie z gęby. Wiersze zaś są zrobione z ody niżey wypisaney z obszernieyszemi myślami i imaginacyami, iako się potym zrozumie[sz z?] kontext[u?]». Начало декламацiи: «O cnoto coś się w Głowinskim zdobyła»...

Въ сборничкѣ Имп. Публ. Библ. *Разнояз.* O. XIV, № 10, содержащемъ въ себѣ школьные драмы на запусты (см. л. 25: «Cantus ultimus». «Już po Dyalogu iuz zapust na progu» ets.), читаемъ ясное указанiе

---

1) Załęski, Jezuici w Polsce, passim; II. 621, Рѣзановъ, ibid. 301.

на употребленіе этихъ декламаціи въ школѣ: на л. 32 squu. находимъ «Declamatiuncula post Nativitatem ac Novi anni Festum immediate exhibitae anno 1732°, причемъ участниками декламаціи были студенты.

Переходя къ діалогамъ, существовавшимъ на украинской почвѣ, мы должны вспомнить, что они должны были пройти тѣ же ступени, что и польскіе: украинская школа была сколкомъ съ польской. И здѣсь, на на Украйнѣ изученіе въ школѣ теоріи драмы вызвало появленіе школьныхъ спектаклей, какъ иллюстрацію къ теоретическому преподаванію, какъ примѣненіе на практикѣ правилъ учебника. И здѣсь, какъ въ Польшѣ, пьесы сначала отличались относительною простотою, представляя собою «болѣе или менѣе простые діалоги, обрабатывавшіе извѣстную соотвѣтственную случаю тему и заключавшіе въ себѣ привѣтствія, разсужденія и т. п. въ разговорной формѣ» [1]).

Обратимся къ разсмотрѣнію *формы* украинскихъ праздничныхъ декламацій; минуемъ вирши на погребеніе Петра Конашевича Сагайдачнаго 1622 г., какъ не подходящіе къ типу праздничныхъ, хотя общее ихъ расположеніе соотвѣтствуетъ правиламъ тогдашней теоріи.

Передъ нами старшій изъ извѣстныхъ образцовъ украинскаго школьнаго діалога—«На Рж҃тво Бг҃а и҆ | Сп҃са на́шего і҆с҃ х҃а | Вѣршѣ, | дла ѹ҆тѣ́хи правосла^в^ны^м^ | хр҃тїанωмъ», изданные во Львовѣ въ 1616 г. и составленные іером. Памвою Бериндою. Что это былъ *діалогъ*—свидѣтельствуетъ распредѣленіе рѣчей между семью (а, можетъ быть, и восемью) отроками, а также заявленіе автора въ предисловіи:

«Не вꙁгоржа́ючи пра́цею слꙋги твое́го,
Малы́й ко́лосъ ѹ҆богого жнива мое́го
Прїйми ѡ҆̑ ’Архіерею великїй ꙁна́чный...

. . . .

Ꙁа коладоу̀ и҆ щодрый д҃нь, кни́жечкꙋ тоу́ю,
Праꙁника ꙁа́цного на паматкꙋ с҃тоую,
Котра́а то̀ пре́ꙁъ дѣтωкъ е̑стъ декламова́на,
И дла ѹ҆тѣхи на д҃нь тотъ, ꙁ’ дроу́кꙋ выдана».

---

1) Рѣзановъ, стр. 450—451.

Планъ этой декламаціи таковъ: послѣ пролога (40 стиховъ), произносимыхъ первымъ отрокомъ, слѣдуетъ рѣчь второго и т. д.; наконецъ выступаетъ седьмой отрокъ, за которымъ, повидимому, восьмой произноситъ довольно обширный эпилогъ (104 стиха). Рѣчи отроковъ неравномѣрны: третій, напримѣръ произноситъ всего два стиха, а рѣчь пятаго весьма обширна. Въ ней, между прочимъ, отмѣтимъ элементъ *комическій*, проявляющійся въ передачѣ разсказа пастырей (срв. пасторали польскихъ авторовъ начала XVII в.):

...«Ӥ пре́чь ю̆жъ ѿше́дши почали́съмы сп҃ѣвати,
И ꙁ҆ радости о̆ное го́йне выскака́ти.
Прѐꙁъ по́ле до Ста^{д} своихъ щѝ вскокъ сѧ ма́ючи,
В пища́лки весело собѣ̑ ꙁаграваючи.
Потѝмъ п҃ѣсни почали́хмы про́сто склада́ти,
Ӥ при̑ мꙋꙁы́цѣ пасты́рской корикгова́ти.
Наконец҆, кгдысъмы ю^{ж} дѝ коша́рнь сво́и^{х} пришли̑,
Та́мехмы ӕ̆къ и҆ перше всѣ̑ ꙁа́сь вца́ле нашли̑.
Гдѐ тыжъ и҆ ѡ҆вечки̑ намъ весельѧ дода́ли,
Кгды́съмы и^{м} в҆ пища́лки на́шѣ ра́ꙁне ꙁагра́ли.
Бо беге́чꙋчи почали̑ рѣꙁко скака́ти,
Ра́дости и҆ ̇весе́льѧ на̀мъ ꙁбы́ть додава́ти,
По гѡра́хъ и҆ падѡ́лахъ сѧ оу҆ганѧ́ючи,
На̀съ скѡ́ки свои̑ми оу҆добромыслѧ́ючи» (л. 6 об.).

Внесеніе этого эпизода по мысли автора должно было оживить богословскія разсужденія и вызвать радостное настроеніе; онъ въ эпилогѣ самъ говоритъ о пріемахъ своего изложенія:

«Ӥле щѝ ӗстъ радостного, тоу̑ вспомина́ю,
А що́ бы дѝ вꙁрꙋше́нѧ жа́лю, ѡ҆пꙋщаю» (9 об.).

Діалогъ П. Беринды дѣлится почти посрединѣ (послѣ рѣчи пятаго отрока) пѣніемъ: «Спѣва̀ти: Слава въ вышни^{х} Б҃ꙋ: ст^{х}ру по н҃ ѱа^{л}: на Ро^{ж}: Хв҃о».

Къ сожалѣнію, обѣщаніе П. Беринды, данное въ виршѣ на Богоявленіе (въ концѣ книжки) сложить діалогъ на Пасху—«на Воскресеніе

Христово»—осталось невыполненнымъ: по крайней мѣрѣ мы не знаемъ пасхальныхъ діалоговъ съ его именемъ.

Въ «Перлѣ Многоцѣнномъ» Кирилла Транквилліона Ставровецкаго 1646 г. мы находимъ діалоги и на Рождество, и на Воскресеніе Христово. Первый находится на л. 49 об. и слѣд.; онъ заключаетъ въ себѣ рѣчи 5 отроковъ: «маетсѧ мовити преꙁ пѧть ѡтро́ковъ». Содержаніе ихъ рѣчей—похвала празднику, опирающаяся на пророческія и литургическія произведенія: «А при ты́ ѡтрокохъ и Вѣршаˣ маетъ якій Млоденец̓ мовити ѡрацїю сію до слꙋха́чѡвъ, поважне»—орація тутъ же на л. 58 и сл. приводится. Судя по заключительнымъ словамъ ораціи,—діалогъ въ исполненіи заканчивался «пѣснью веселія».

За діалогомъ на Рождество слѣдуетъ другой, озаглавленный такъ: «Похвала на пресвѣтлїй день | въскресенїѧ Х҃ва ма́етъ сѧ мо́вити поважне преꙁъ пѧ́ть ѡтро́ковъ» Слѣдуютъ вирши пяти отроковъ, всѣ серіознаго благодарственнаго содержанія, «А пот́имъ ѡра́цїѧ пова́жне ма́етъ сѧ мо́вити», въ которой прославляется тотъ же «Тріумфъ» Христа надъ адомъ, о чемъ говорится и въ рѣчахъ отроковъ, и вносится предложеніе: а̓ на ꙁна́къ тоѝ ꙁычли́вости на́шеи пѣснь весе́лꙋю ꙁаспѣва́емо»; при этомъ предлагается полностью и самая пѣснь, занимающая лл. 65—68. Она состоитъ изъ повторенія общихъ мѣстъ, но авторъ высоко ее цѣнитъ: «̓А та́ѧ пѣснь ст҃а́ѧ похва́лнаѧ сто́итъ ꙁа найлѣпшее Каꙁа́нѧ, пре́то може ю̓ и̓ в̓ Ц҃ркви людеᵐ чита́ти». Подобное же замѣчаніе дѣлаетъ К. Тр. Ставровецкій и послѣ пѣсни на Преображеніе. У того же автора—діалогъ между «вожделѣніемъ тѣла», «дꙋшою трꙋдолюбною» и «раꙁꙋмомъ».

Сравнительно анализируя дошедшіе до насъ отъ XVII в. и точно датированные діалоги, мы убѣждаемся, что здѣсь можно видѣть *два типа:* одинъ съ правильнымъ расположеніемъ рѣчей отроковъ, замкнутыхъ между прологомъ и эпилогомъ; въ другомъ — рѣчамъ отроковъ предшествуетъ лишь заглавіе, вмѣсто эпилога—орація; посрединѣ—пѣснопѣніе, порою переносимое на конецъ діалога. Только опубликованный нами діалогъ [1]) вноситъ нѣкоторое разнообразіе, являясь какъ бы промежу-

1) Къ ист. русск. нар. театра, гл. XI, Изв. отд. р. яз. и слов., Импер. Акад. Н., 1910 г.

точнымъ звеномъ между собственно діалогомъ и болѣе сложной—школьной драмой: помимо пролога и эпилога, онъ снабженъ также и интермедіей.

Діалоги, подобные изданному—были, повидимому, не рѣдкостью въ старой украинской литературѣ, стоя въ связи съ пьесами пасхальнаго цикла. Поиски въ этомъ направленіи могутъ принести еще немало интересныхъ и важныхъ для исторіи украинскаго театра открытій. Намъ удалось въ рукоп. сборникѣ библіотеки Народнаго дома во Львовѣ, № 164, найти еще одинъ пасхальный діалогъ (лл. 17 об.—127), повидимому, въ спискѣ первой половины XVIII ст., но по литературной манерѣ и языку допускающій возможность отнести его къ XVII в. Діалогъ озаглавленъ «Вѣрши на воскресеніе Хво» и заключаетъ въ себѣ прологъ, рѣчи 24-хъ отроковъ (изъ нихъ рѣчи 21-го 22-го и частью 23-го—утрачены: вырванъ листокъ рукописи) и эпилогъ; въ сохранившемся текстѣ—350 стиховъ, а съ утраченными, принимая во вниманіе количество строкъ въ страницѣ, всего было около 400 стиховъ, состоящихъ обычно изъ 13 слоговъ.

Содержаніе пролога — обычно: излагается сущность празднуемаго событія, вкратцѣ, сильными чертами изображается побѣда Христа надъ діаволомъ и смертью, а слушатели приглашаются къ ликованію вмѣстѣ съ ангелами.

Въ рѣчахъ отроковъ наблюдается нѣкоторая намѣренная группировка: первые 12 отроковъ—говорятъ серіозно, торжественно, не допуская шутокъ и чертъ повседневной жизни въ свою декламацію; вторая группа отроковъ, именно 12 послѣднихъ, напротивъ того, пытаются свободнымъ проявленіемъ юмора внести разнообразіе въ это торжественное настроеніе своихъ товарищей и слушателей. Они черпаютъ матеріалъ для бесѣды изъ событій своей жизни, связанныхъ съ наступленіемъ весны. Обращаемся къ отдѣльнымъ рѣчамъ.

Первый отрокъ называетъ воскресшаго Христа «злотопарнымъ орломъ», «днемъ незаходимымъ», «просвѣтителемъ нощи», «свѣтомъ незаходимымъ», «эмпирейскимъ Паномъ» и «злотопроменистымъ Титаномъ»—т. е. солнцемъ, смѣшивая въ одно и церковные и свѣтскіе эпитеты, черпая изъ обоихъ доступныхъ ему источниковъ; продолжая сравненіе

съ орломъ, онъ привѣтствуетъ Христа, который «вылетѣвъ изъ гроба крилы золотыми», вмѣстѣ съ пророками и всѣми святыми, пять съ половиною тысячь лѣтъ сидѣвшими съ адскомъ мракѣ; а теперь—они ликуютъ, напившись вѣчной сладости изъ ребръ Христовыхъ. Сразу замѣтно во второй части этой рѣчи вліяніе Ев. Никодима и возникшихъ изъ него «Страстей»; можетъ быть, авторъ имѣлъ въ виду одно изъ многочисленныхъ «словъ», трактующихъ тотъ же сюжетъ, использованный имъ детальнѣе въ рѣчи 9-го отрока. Сравненіе съ орломъ—напоминаетъ символическій образъ «Физіолога», гдѣ орелъ—есть символъ Христа.

Рѣчь *второго* отрока начинается съ красиваго образа: «изъ гробового мрака выростаетъ цвѣтокъ — воскресшій Христосъ, цвѣтокъ «червонофарбистый» — ибо окропленный кровью; его держитъ въ своей десницѣ Богъ Отецъ и имъ объявляетъ человѣчеству спасеніе. Авторъ предлагаетъ поднять очи на этотъ цвѣтокъ и при видѣ его избавиться отъ скорбей.

Третій отрокъ привѣтствуетъ удаленіе темныхъ тучъ съ неба и появленіе лучей Фебы: рай снова открытъ для человѣка, награжденнаго нынѣ всѣми дарами и спасеннаго отъ смерти, если омъ убережется отъ грѣха.

Четвертый отрокъ предлагаетъ жалобамъ и скорбямъ удалиться, ибо Христосъ всталъ изъ гроба, и совѣтуетъ людямъ запомнить о смерти Христа для ихъ спасенія.

Пятый отрокъ приглашаетъ восхвалить Господа, поразившаго «вѣчнаго тирана» и искупившаго смертныхъ своею кровью.

Шестой отрокъ восхваляетъ Христа-агнца, пожертвовавшаго своимъ золотымъ руномъ для человѣка и давшаго ему небесное царство.

Седьмой отрокъ приглашаетъ миѳическаго Амфіона играть на лютнѣ и воспѣть вмѣстѣ съ ликующими вѣрными побѣдителя смерти—Христа.

Восьмой отрокъ вспоминаетъ Язона, переплывшаго океанскія воды и приставшаго въ тихую пристань, добывъ золотое руно: такъ Христосъ переплылъ чрезъ океанъ своей крови къ пристани человѣческаго счастья.

Девятый отрокъ, какъ и авторъ виршъ на Воскресеніе Хр. 1719 г.[1]), цитируетъ 9-ю стихиру пасхальнаго канона «Святися, свя-

1) См. гл. XI, стихъ 119 и слѣд.

тися, новый Іерусалиме», и предлагаетъ слушателямъ принести дары воскресшему Господу, солнцу — возсіявшему изъ гроба.

Рѣчь *десятаго* отрока пропущена переписчикомъ.

Одиннадцатый отрокъ требуетъ отъ слушателей сострадания, ибо Христосъ не золотомъ спасъ людей, а ужасными муками, крестною смертью и тридневнымъ пребываніемъ во гробѣ.

Двѣнадцатый отрокъ совѣтуетъ всему свѣту веселиться: Христосъ, цвѣтокъ выросшій изъ мрака могилы, ведетъ вѣрныхъ къ вѣчному свѣту.

Начиная съ *тринадцатаго* отрока, тонъ рѣчей, какъ было замѣчено выше,—мѣняется и пріобрѣтаетъ шутливый характеръ, напоминая отчасти рѣчь 8-го участника изданной нами ранѣе декламаціи на Воскресеніе; (см. гл. XI, стихъ 79 и сл.) авторъ приглашаетъ къ веселью дѣтей—видимо, своихъ товарищей: «граймося цюцика маленкие дѣти»,—ибо смерть связана и обречена быть въ аду; пора наготовить на неё «кіи дубовие»; если же она вздумаетъ вернуться, ее можно побить и оттаскать за космы. Однако у него дрожитъ тѣло при мысли, что смерть, вырвавшись изъ рукъ, можетъ похитить кого либо изъ участниковъ декламаціи.

Четырнадцатый отрокъ, поддерживая идею борьбы со смертью, (можетъ быть, авторъ зналъ «Преніе живота и смерти» въ украинскихъ спискахъ)—предлагаетъ повалить смерть на землю, набить ей ротъ гречаною половою и убѣжать, пока она будетъ выбирать полову изо рта.

Пятнадцатый отрокъ не сочувствуетъ такой смѣлой расправѣ со смертью: онъ совѣтуетъ лучше испечь большой колачъ (коровай) и принести смерти въ даръ съ поклономъ, чтобы она простила только что сказанныя хвастливыя слова: слѣдуетъ быть смиренными и подражать Христу.

Шестнадцатый отрокъ признаетъ этотъ совѣтъ благоразумнымъ: самъ Христосъ даетъ намъ примѣръ смиренія, и не намъ смертнымъ воевать со смертью.

Семнадцатый—отстаиваетъ необходимость борьбы со смертью, которая не хочетъ дать снисхожденія человѣку. Нечего къ ней подольщаться: для нея всѣ равны. Не слѣдуетъ искать дружбы со смертью: она, какъ гадъ погубитъ и насъ, и нашихъ дѣтей. Кто приноситъ ей подарокъ—обращаетъ въ прахъ свою жизнь.

Восемнадцатый отрокъ совѣтуетъ не бороться со смертью, а вести добродѣтельную жизнь: добрыми поступками мы приготовимъ себѣ вѣчную жизнь, а войною—со смертью ничего не подѣлать.

Девятнадцатый отрокъ явно обнаруживаетъ школьное происхожденіе діалога: онъ молится, чтобы выросла скорѣе крапива, и деревья покрылись листвой; школа для него—темная тюрьма, дякъ—какъ медвѣдь, не даетъ поиграть, наказываетъ. А когда выростетъ крапива, можно будетъ спрятаться отъ дяка такъ, что не найдутъ и съ псами.

Двадцатый—разсказываетъ, какъ у него болитъ сердце («серце крае»—пѣсенное выраженіе) при видѣ дѣтскихъ игръ на улицѣ, а онъ долженъ подъ страхомъ наказанія розгами сидѣть въ школѣ. Онъ мечтаетъ убѣжать въ лѣсъ и спрятаться тамъ отъ дяка.

Въ отрывкѣ рѣчи *двадцать третьяго* участника декламаціи видимъ желаніе лучше пасти скотъ, чѣмъ учиться въ школѣ.

Двадцать четвертый—возвращается снова къ торжественному тону, приглашаетъ всѣхъ къ радости и проситъ дать ему, *маленькому*, писанку.

Въ *эпилогѣ*—находимъ приглашеніе поклониться Христу за спасеніе человѣчества отъ адской глубины, пожеланіе слушателямъ вѣчной жизни и просьбу о прощеніи декламаторамъ-отрокамъ ихъ ошибокъ—обычный мотивъ эпилога [1]).

Изъ нѣсколькихъ мѣстъ діалога (ст. 341 и др.) мы видимъ, что декламаторами выступали дѣти, ученики какой то школы. Рѣчи каждаго участника въ отношеніи языка довольно однообразны, обильны полонизмами, намекающими на то, не воспользовался ли авторъ украинецъ для своего произведенія какъ основой—какимъ либо польскимъ діалогомъ. Но на общемъ однообразномъ фонѣ выступаютъ и индивидуальныя черты—и притомъ не одного автора. Прежде всего—рѣчи 13—24 отроковъ замѣтно отличаются отъ пролога, эпилога и рѣчей 1—12 отроковъ своимъ простоватымъ стилемъ. Далѣе, и въ рѣчахъ первыхъ двѣнадцати отроковъ наблюдается разница: одни оперируютъ старыми обычными въ церковно-учительной литературѣ формулами, другіе уснащаютъ рѣчь довольно

1) См. Рѣзановъ, op. cit. 352; срв. ibid. 332.

обильными классическими реминисценціями, показывающими, что литературный стиль эпохи Ренессанса не остался безъ вліянія на неизвѣстныхъ украинскихъ авторовъ школьнаго діалога; таковы слова и обороты: злотосвѣтна Фортуна 1, треглавный Церберъ 7, Тартаръ 20, небо эмпирейское 38, эмпирейскій Панъ 51, истинный Титанъ (солнце-Христосъ) 52, Феба 74, руно золотое 115, 147, Амфіонъ лютнистъ 125, Язонъ, переплывающій оціанскія воды и доплывающій до Колховъ 139, 150.

Отмѣтимъ пословицу (приповѣсть) «не грѣй ти гадины, щобъ тебе не вкусила, любъ твоей дитины» (253—254), опирающуюся на басню. Картины воскресающей природы въ новомъ діалогѣ, по сравненію съ извѣстнымъ ранѣе—скудны. Кое гдѣ чувствуется связь съ «нищенскими» бурсацкими юмористическими виршами, въ изображеніи реалистическихъ подробностей.

Текстъ діалога издаемъ полностью, съ соблюденіемъ возможно точной передачи рукописнаго чтенія. Поправки оговариваемъ въ примѣчаніяхъ.

л. 117 об.

Вѣрши на воⷭ҇кресение Хв҃о.

Пролоⷢ҇.

Злотосвѣтна фоⷬтуна витаеⷮ наⷭ҇ нн҃ѣ.
   Триꙋмъфꙋ́можъ, чл҃вече, ѡ той то новинѣ,
Ижъ стала Преⷣвѣчнаꙗ Бг҃а Творца рада,
   абы ꙁвѣтꙗжоⷩнаꙗ сила была Ада.
Ѡтожъ Хс҃ Монаⷬха того днеⷭ҇ докаꙁалъ,
   котрий пекъло раꙁорилъ, смертъ вѣчную ꙁвꙗꙁалъ,
Троглавнаго Цеⷬбера скрꙋшилъ боꙁтвомъ главы,
   а вѣрниⷯ до нбⷭноⷱ поⷣнеслъ нн҃ѣ слави.
Смеⷬтъ лежиⷮ ꙁабитаꙗ, Пекло лꙗмеⷩтуеⷮ
   и Самъ ѯіоⷭ҇же темъноⷭ҇ти в жалоⷭ҇ти сѣтуеть.
Всѣ дꙗволи ꙋтекли в глꙋбокие ґмахи [1]),
   бо видѣли на собѣ неꙁмѣръние страхи.
Ґди бжⷭ҇тво Хв҃о темноⷭⷮ ѿвѣтило,
   в тоⷮ чаⷭ҇ всѣхъ бѣсовъ в пеклѣ баⷬꙁо ꙁасмꙋтило.

---

1) Первонач. было написано «хмахи».

Всѣ сѧ в прах росипали ѿ боꙁкой свѣтлости,
всѣ ꙁгꙋбили проклѧтих силъ своих смѣлости.
Всѣ волали до Ада, брате нашъ, крѣписѧ, ||
л. 118. а ти ꙁіопже темъности, просимъ, не смꙋтисѧ.
Лес г҃ди в сердцꙋ копѣе его ѡбачили,
ꙋсѣ сѧ до Тартарꙋ росипат рачили.
И юж ѿтолъ невиидꙋтъ, поки вѣчност стоит.
Нехай же сѧ и чл҃векъ грѣшний того боитъ,
Ꙁа котрого Хс҃ Панъ на Кр҃тѣ ꙋмералъ,
абы нас до живота вѣчнаго всѣхъ ꙁобралъ.
Ѡтож то днес иꙁ гроба в свѣтлости повстаетъ
тебе вѣчнимъ животомъ, слꙋхачꙋ, витаетъ.
Витаетъ и триꙋмъфомъ, абыс триꙋмъфовалъ,
ѿкꙋпленнимъ бꙋдꙋчи ѿ смерти, ликовалъ,
Виносѧчи весело славꙋ Ха҃ пана,
Котрий кртом ꙁабилъ вѣчнаго тирана.
А вѣрних випровадилъ ꙁ пекелъной темъности
и впровадилъ до вѣчной, нбной свѣтлости,
Где хори Агг҃льские ꙁавше триꙋмъфꙋютъ
и намъ тот свой нбн҃ый триꙋмъфъ витавуютъ,
Бымо сѧ веселили ꙁ воскрешаго Ха҃,
котрий ѧкъ Бг҃ъ чꙋдовне нн҃ѣ ꙁ мертвих воста, ||
л. 118 об. И нас ѧко воскреший Монарха провадитъ
и в нбѣ емъпирейскомъ ꙁ Агглами садит.
Спѣшмож сѧ и мы нн҃ѣ, вѣрний Авдиторꙋ,
а воскрешому Хꙋ ѿкриймо покорꙋ.
Спѣваймо емꙋ ꙁгодне ꙁвѣтѧꙁъкꙋю славу,
а поднеши до Нба смертельную главу
Викрикаймо весело, Хс ꙁмертвих воста
а нас вѣчнимъ животомъ ѧко Бгъ привитал.
Витаймож и мы его, ѧко Творца нба,
которого на вѣки хвалити потреба.

Амин.

Ѿрокъ Перви҃.

Ѡ Хе҃ вокреши҃ нашъ, ѡрле злотопарни҃,
ѡ дню незаходими҃, вѣчни҃ и зарани҃!
Глухо҃ нощи и темно҃ ти҃ ест просвѣтитель,
Слонца, луни, дробнихъ звѣздъ правдиви҃ створитель.
Свѣте незаходими҃, емъпѣрески҃ Пане
и злотопроменити҃ йтини҃ Титане.
Ѡсвѣтилес темъние нашѣ ннѣ грѣхи,
а провадишъ нас смутних до вѣчно҃ потѣхи. ||
л. 119. Свѣте незаходими҃, Хе҃ свѣте вѣчни҃,
Сне҃ единородъни҃ Бжи҃, барзо слѣчни҃,
Вилетѣлес из гроба крили золотими
з пророчѣкими лици и всѣми стыми,
Которие в пекельних темнотах сидѣли
и тамъ презъ полше ст тисящь свѣта не видѣли.
А тепер презъ смертъ твою ликуютъ в радости,
напившися з ребръ твоих вѣчной сладости.

Ѿрокъ втори҃.

Днес з гробово҃ темъности виростаетъ квѣтокъ,
Котори҃ то нас барзо тѣшитъ малих, дѣтокъ.
Квѣтокъ Хс҃ вокреши҃ червонофарбисти҃,
Кровию искропленни҃, яко кленнотъ чисти҃.
Того квѣта правица Бга Ѻцаноситъ
и всѣмъ вѣрънимъ збавленя презъ него голоситъ.
Двигни на того квѣта, члвече, зреници,
то позбудешъ вѣчной[1]) дшевно҃ тѣкници.
Бо тотъ квѣтъ яко рожа зкрвавленни҃ повстает,
тебе вѣчнимъ животомъ и щатямъ витаетъ. ||

---

1) Въ рукоп. послѣ «вѣчной» начато «грѣ...», но зачеркнуто и далѣе написано «дшевно҃».

л. 119 об. ## Ѿрокъ третий.

Юж темънѻ҃ти хмꙋрние ꙋступили ꙁ н҃ба,
а ꙁолотимъ променемъ ꙁасвѣтила Феба.
Юж и жалѣ смꙋтние насъ вѣрнихъ минаютъ,
а радост ꙁ триꙋмъфами ч҃лвека витаютъ,
Котрий грѣхомъ прѣ҃тупльства рай пiенкний ꙁатворилъ,
ѡто кр҃томъ воскрешꙇ҃й намъ ꙁновꙋ ѿворилъ,
И всѣ в ѡномъ богатства вѣрнимъ ѡфѣрꙋетъ,
ꙁлото, сребро, клейноти, ꙗкъ Творецъ дарꙋетъ.
Дарꙋетъ животъ вѣчний и славу дарꙋетъ,
а ѡд смерти всеродной на вѣки варꙋетъ.
И ти жъ себе ѡбварꙋй, ч҃лвече, ѿ грѣха,
бы тꙗ привитала ꙋ н҃бѣ потѣха.

Ѿрокъ четвертий.

Ꙋступуйте лꙗменти и жалѣ вступꙋйте,
а радости ꙁ веселꙗмъ юж днѣ наступꙋйте!
Ѡто радости давца Х҃с повсталъ ꙁ гробꙋ
и свѣту ꙁатменномꙋ привернулъ ѿдобꙋ. ||
л. 120. Виражаетъ на слонцꙋ свѣтъ бж҃тва свого,
д҃нъ ꙗний ѿновлꙗет длꙗ фрасꙋнкꙋ твого.
Человѣче мѣꙁерний, ꙋважъ собѣ тое,
во҃крешаго монархи дѣло престое:
Ижъ ꙁа тебе, мѣꙁерний, ꙋмерати рачил,
абы҃ ти ꙗкъ смертельний, свѣтъ вѣчний ѡбачилъ.
И коронꙋ вѣчную ѿрималъ ѿ Х҃а,
ꙁ котрой плинетъ ꙗкъ слонце радост вѣкуйта.

Ѿрокъ Пꙗтий.

Цинозꙋро деннаꙗ точи ꙁ себе млеко,
котраꙗ свѣтъ свой стелешъ[1] ꙋ н҃бѣ високо.

---

1) *Ш* переправлено изъ *т*.

Бо ѡто пречт҃аѧ сн҃а ѡглѧдаетъ,
иꙁ мертвихъ повсталого и намъ тогожъ даетъ,
Абымо ѡ҃тлѧдали ѧко створителѧ,
л҃акавого монархꙋ и ѡ҃купителѧ.
Котории ꙁа животъ нашъ рачилъ ꙋмерати,
абы на҃ мо҃лъ до н҃ба ѧкъ синовъ ꙁобрати.
Ѡтож тепер ѧко Бг҃ъ славно ꙁ мертвих воскресъ
и на҃ такъже до н҃ба високого поднеслъ. ||
л. 120 об. Хвалижъ его чл҃вече, ѧкъ своего Пана,
котриѧ кр҃томъ пораꙁилъ вѣчнаго тирана.
Хвалижъ того, котрии тѧ ѡ҃купити рачилъ,
абыс его ꙋ н҃бѣ в радости ѡбачилъ.
Бо тот длѧ на҃ мѣꙁерних ѧкъ Бг҃ъ ꙁ н҃ба ꙁстꙋпилъ,
а н҃нѣ на҃ кровию своею ѡ҃купилъ.

Ѿрокъ Шеѕтии.

Баранкꙋ свѣта полънии, вꙁѧлеѕ нашѣ грѣхи,
на҃ смутних впровадилеѕ до вѣчнои потѣхи.
Ти р҃ꙋно ꙁолотое иꙁъ себе зложилеѕ,
ти҃ по тридневнои смерти предивне ѡжилеѕ.
Ѡ баранкꙋ шлѧхетнии, Хе҃ Сп҃сителю,
неꙁлобивии и тихии свѣта створителю.
Твое имѧ во слонцꙋ положенно вѣчне,
ти҃ то рачилъ и сл҃нце вираꙁити слѣчне.
Твоѧ рꙋка свѣтъ деннии 1) ꙁ н҃бомъ иꙁлꙋчила,
абы сѧ д҃ша наша во тмѣ не мꙋчила,
Але свѣтъ твои видѧчи весело волала
и ꙁ тобою, вс҃креши в, н҃бѣ кролевала

л. 121.

Ѿрокъ Семии.

Амъфѣѡне лютнѣсто, на лютнѣ ꙁолотои
видаваи мелодию ѡ тои славѣ стои

1) М. б., слѣдуетъ исправить: «ꙁемнии».

Дне҃ Ха҃ Спсителꙗ, котрий смертъ ȥвѣтꙗжилъ
и всю силȣ дꙗволовъ подъ ноги положилъ.
Грай на триȣмъфъ веселий, бо Бгъ ȥ мертвих повсталъ
и слонце ȥатменное свѣтлостю привиталъ.
Грай бы лѣси и скали весело скакали.
котрие вчора смȣтне по панȣ плакали.
Ґрай весело, лютнѣсто, на триȣмъфъ Хвы,
а мы триȣмъфовати вѣрние готови.
Грай радостно абы сꙗ кнꙗȥь темъности смȣтилъ,
бо Хс кроль кровию всѣхъ вѣрних ѿкȣпилъ.
Быйй, лагодно граючи, в ȥолотие строни,
бо южъ в пеклѣ ȣпали темъние маȥони.

Ѡрокъ ѡмий.

Юж и Іаȥон премѣрилъ Цинские води,
юж ннѣ прижеґліовалъ до портȣ погоди.
Юж ѡминулъ строґие и страшние смоки, ||
л. 121 об. юж 1) львомъ твердимъ ȥатворин сномъ страшние вȥроки
И високогоръние скалистие гори
преминȣлъ длꙗ вѣчной Хвой покори,
Которий длꙗ члвека ѡкрȣтние мȣки
ȣтерпѣлъ доброволне ѿ тиранской рȣки.
Юж ȥближилъсꙗ до Колховъ до рȣна ȥлатого,
юж и в рȣки взꙗлъ его хто видѣлъ такого;
Ѡдважънаго жолънера ѿ створенꙗ свѣта?
Ѡтож намъ показали ѿтатние лѣта
Пре́лавного Іаȥона, Ха҃ Спсителꙗ,
воскре́шаго Монархȣ, Свѣта Створителꙗ,
Которий преȥ Ѡцꙗн, крви своей приплинȣлъ
до поръту щаливости и всѣхъ смоковъ минȣл,
И ȣсѣмъ львомъ страшливимъ ѡтнистие ѡчи
ȥаслѣпилъ сномъ, в котрого шȣкаймо помочи.

1) Въ рук. было первоначально далѣе написано «львовъ», но зачеркнуто.

То^{т} бо вѣмъ бозъствомъ своимъ всѣхъ вѣръних зре-
[ни]цѣ[1])
ѿвѣтилъ и впровадилъ до н҃бо^{й} свѣтницѣ[2]).
Того хвалѣмъ, вѣрние, поки стане^{т} сло^{н}ца,
ꙗкъ вѣчнаго Мона^{р}хꙋ, немѣюча ко^{н}ца.

л. 122.[3]) Ѿрокъ Девꙗти^{й}.

[4])Ѡ Іе҃рлиме, просвѣща^{й}сꙗ нови^{й},
на споткание Хв҃о ставъсꙗ ту^{т} готови^{й}.
Да^{й} дари богатие, котри^{й} тꙗ збꙋдовалъ
и ѡ^{д} всѣхъ неприꙗтеле^{й} моцно ѡбдаровалъ.
Свѣтисꙗ и ти Нови^{й} Сѵоне днꙗ того,
хвалꙗчи Ха҃ Пана, Бара^{н}ка Ст҃го,
Котри^{й} н҃бо рꙋкою своею вы҃тави^{л}
и сло^{н}це ѡ^{г}нистое на ѡномъ поставилъ,
Абы тобѣ, чловече, весело свѣтило:
ѡ то^{ж} сꙗ то днꙗ сего все скутко^{м} зи҃тило.
Бо сло^{н}це пре^{д}вѣчное восиꙗло з гроба, ||
л. 122 об. н҃бнаго Мона^{р}хи вѣчнаꙗ ѡ^{з}доба.
Агнецъ на^{й}покорнѣ^{й}ши^{й}, Сн҃ъ Бг҃а и Ѿца,
тому немашъ поча^{т}ку, не бꙋдетъ и ко^{н}ца.
Котри^{й} за ми^{р} закла^{н} бы^{ст}, а н҃нѣ з гробꙋ всталъ
и свѣтомъ бозтва свого свѣтъ хмꙋ^{р}ни^{й}[5]) привита^{л}.

Ѿрокъ ѡдина^{х}цꙗти^{й}.

Здꙋмѣ^{й}сꙗ, ѡ чл҃вече то^{й} бозко^{й} м҃ти,
а[6]) вида^{й} го^{р}ливие из'сердца литости,

1) Стоящее въ скобкахъ въ рук. оборвано.

2) Конечное *ѣ* передѣлано изъ *и*.

3) Занято діалогомъ только немного болѣе половины страницы; верхняя часть ея занята малограмотнымъ письмомъ на польск. яз.

4) Начата строка зачеркнутыми словами: «Свѣтисꙗ нови^{й}».

5) Первая буква въ рук. неясна; м. б., слѣдуетъ читать «смꙋ^{т}ни^{й}», но срв. ст. 190.

Которий сꙗ литуетъ такъ, ꙗко свого сина,
ѡто на немъ виражона ȣсꙗ твоꙗ вина,
Же на кр҃тѣ ȣмералъ, грѣшъникȣ, за тебе,
не ꙁлотомъ тꙗ ѿкупилъ, але видалъ себе,
На ѡкрȣтние мȣки, ȣважъ тое собѣ
ижъ ꙁа тебе Творецъ твой тридни лежалъ в гробѣ,
А н҃нѣ славно в҃окрес ꙁ гробовой темъности,
а тебе ꙁапровадилъ до вѣчной свѣтл҃оти.
Хвалижъ его ч҃лвече, ꙗкъ своес Пана,
котрий тꙗ вивелъ с пекла, а ꙁабилъ тирана.

л. 123. Ѿрокъ дванадцꙗтий.

Квѣтнет радост на свѣтѣ, ꙗко пр҃елний квѣтъ;
нехайже сꙗ веселит ȣвес тот хмȣрний свѣтъ,
Бо свѣтъ вѣчний Хс҃ Панъ иꙁ гроба повстаетъ
а славою вѣчъною ч҃лвека витаетъ,
Котораꙗ всѣхъ вѣрних чекаетъ ȣ н҃бѣ:
то все Хс҃ ѿновилъ ȣ каменномъ гробѣ,
Пон҃еши страшливие и больние рани,
которих 1) намножили, ах ꙁлие тирани.
А тепер ꙗкъ квѣтъ квѣтнет ꙁ гробовой темъности
и нас вѣръних провадит до вѣчной свѣтлости.

Ѿрокъ тринадцꙗтий.

Не боймосꙗ юж смерти, бо смертъ иꙁвꙗꙁанна
и до пекла темънаго юж Хр҃томъ скаꙁанна.
Играймо сꙗ цюцика, маленкие дѣти,
бо бȣдемо ȣ раи р҃оквѣтломъ сидѣти.
А на смертъ наготуймо кии дȣбовие
и веґерѣ ȣ рȣкахъ мѣймо грабовие.

---

1) Ранѣе было написано «Котри», затѣмъ зачеркнуто и далѣе написано согласно требованію метрики—«которих».

Ꙗкъ смертъ до на҇ повернетъ, мѣймо ся в ꙁапасѣ
а по кулакови раꙁомъ ꙁложѣмо юй ꙋсѣ. ||
л. 123 об. Ти ꙁа ко҇ми бери смертъ, товаришꙋ, смѣло,
берѣмо ся, бо на мнѣ чомꙋ҇ трижит тѣло.
Бо смертъ хитра, щобъ ся ꙁ рꙋкъ нашихъ не вирвала,
а котрого ꙁ межи на҇ ꙁаразъ не порвала.

Ѿрокъ чотирнадцятий.

Не боймося, дрꙋже мой и ꙁадний компане,
аꙁали на҇ на хитрост смерти тое стане.
Маю я мѣхъ полови ꙁ мꙋки гречанои,
ꙁажиемо надъ нею штуки ꙁвичайнои:
Ѡбваливши на ꙁемлю ꙋ ротъ ей напхаймо,
а сами ꙋ дорогу чимъ прꙋдше махаймо.
То ѡна бꙋдет лꙋ҇кꙋ ꙁ рота виберати,
а мы юж не бꙋдемо смертю ꙋмерати.
Спѣшмо 1) ся во҇крешаго Ха҇ привитати:
изъ нимъ вѣчне бꙋдемо в нбѣ҇ царствовати.

л. 124. Ѿрокъ пятнадцятий.

Ꙁле радишъ, товаришꙋ, не такъ ꙋчинѣмо,
моя рада, иначей тое ѿмѣнѣмо.
Ѿ мы смерти спечѣмо що найболшии кола҇,
тое минѣ похвалит найподлѣший ѡрачъ.
Та пойдѣмо до смерти ꙋсѣ ис поклономъ,
то ѡна далей пойдет и[с] 2) своимъ ꙁагономъ,
А намъ все перебачит, що҇мо ся хвалили,
хочай еи ещесмо и трохи не били.
Бо слово враꙁливое чл҇векъ памятает,
такъ перехвальки нашѣ, вѣмъ, же юж смертъ знаетъ.
Пойдѣмъ ми покорою, якъ Хс҇ потупилъ,
которий на҇ ѿ смерти вѣчнои ѿкупилъ.

1) Въ рукоп. *п* передѣлано изъ *м*.
2) [с] добавлено издателемъ.

Ѿрокъ шеснадцꙗтий.

Рада то ꙁдороваꙗ, каждий то похвалитъ:
ꙁа ꙁдраливие слова Хс҃ сердце болитъ,
Которий на то пришолъ ꙁ нб҃а високого,
абы чл҃века вирвалъ ꙁ пекла глȣбокого.
Ȣважъ, в ꙗкой покорѣ ходилъ 1) Творецъ свѣта: ||
л. 124 об. ꙗкъ баранокъ невинний не давалъ ѿвѣта.
Хочай его ѡкрȣтне и страшливе бито,
же кровъ его ст҃аꙗ плинȣла ѡбфито,
Ѿн ꙗкъ невинний молчалъ, и покорне ꙁносилъ
хочъ былъ Творцемъ нбс҃нымъ, того не голосилъ.
А ми хочемъ штуками животъ ꙁаховати,
бȣдȣчи смертелъними на смертъ воевати.
Хочъ бысми воевали, але в побожности,
хочемъ ли кролевати в нбс҃ной вѣчности.

Ѿрокъ сѣмънадцꙗтий.

Ѡтожъ правитъ теренѣ, ꙗкъ не воевати,
коли намъ смертъ не хочетъ в свѣтѣ фолгговати.
Ба биймосꙗ иꙁ нею, поки насъ тутъ стане.
Хиба животъ шацȣешъ, пане брате, тане,
Же смерти похлѣбȣешъ, котраꙗ неꙁнаетъ
нѣ похлѣбства, нѣ правди, всѣхъ ꙁаровно маетъ?
Давнаꙗ то приповѣсть, «не грѣй ти гадини,
щобъ тебе не вкусила, любъ твоей дитини».
А ти ꙁ смертю братерство хочешъ собѣ мѣти,
що тебе ꙁомъкнетъ ꙁ свѣта, ба и твои дѣти.
Ѿ дȣрнину говоришъ, чого самъ не ꙁнаешъ, ||
л. 125. що смертъ ꙁа приꙗтелкȣ собѣ, вижȣ, маешъ,
Же ей колачъ великий самъ тутъ ѡбецȣешъ,
а свой животъ в смертельний южъ порохъ ницȣешъ.

1) *Х* неясно.

Ѿрокъ Ѿмнадцѧтий.

Милишъ сѧ товаришꙋ на той своей радѣ:
хочай смерть звѧзанна ест и лежит во Адѣ,
Таки ѡна справить сѧ на нейзний нашъ живот;
з смертю войни не точѣмъ, але зажиймо цнот.
И з цнотами побожност ѧкъ банкет готуймо,
тимъ сѧ Ѿ смерти вѣчной ѧкъ мога ратуймо.
А войною нѣчого з смертю не врадимо,
тилко хиба животь нашъ в гробахъ ѡсадимо.
Лѣпше бꙋдет, гди бꙋдемъ жити ꙋ покорѣ,
то бꙋдемо в нб҃номъ жити [з] 1) Хр҃томъ дворѣ,
Котрий за животь нашъ ꙋмерати рачилъ,
абы кождий чоловѣкъ свѣтъ вѣчний ѡбачилъ.

Ѿрокъ Девѧтнадцѧтий.

Дайже, Хе҃ вокрешй, щобъ рола кропива:
Ѿто то бꙋдеть моѧ година щалива!
Ѡкрий же, Пане можний, и лѣси литками,
щоби ми 2) в нихъ гꙋлѧли собѣ з телѧтками,
Бо вже сѧ минѣ школа барзо избридила ||
л. 125 об. а ѧкъ ꙋ турмѣ темной мене посадила.
А еще Дѧкъ на покꙋтѣ Ѿ ѧкъ ведмѣдь сидит,
що мы тилко робимо, все сѧ на нас глѧдит.
Нѣѧкъ [нам]ъ 3) по пойграти, зараз хлопту даетъ,
хоть мама борщꙋ пришлет, на тое не дбаетъ.
А колибъ то кропива, тобъ сѧ ѧ йховавъ,
и хоть бы мѧ шꙋкавъ дѧкъ, в кропивѣ бъ ѧ не дъбавъ.
А коли би шꙋкали, хиба би из псами,
нездорови мѧ знайдꙋтъ ꙋ кропивѣ сами.

1) Вѣроятно, здѣсь слѣдуетъ добавить «з», пропущенное въ рукописи.
2) «Ми» вписано надъ строкой, тою же рукою.
3) Въ скобкахъ [ ]—по догадкѣ, въ рук. пятно; м. б. слѣд. читать «дастъ».

Ѿрокъ двадцятий.

Хс̃ вокре̃ иȥ мертвихъ! мнѣ ꙗ сердце крае,
жесꙗ на ꙋлици дѣтей барȥо много грае,
А минѣ то неволъно и ȥа школꙋ витти,
бо ȥараȥъ дꙗкъ роȥгами будет мене бити.
И мышлю ꙗ, що маю далей ꙋчинити,
тилко бы лѣсъ роȥвивъ сꙗ, гадаю сꙗ скрити.
Нехай же мꙗ шꙋкаетъ ȥо всею школою,
ꙗ накриюсꙗ в лѣсѣ под дꙋбкомъ полою,
То ѡн скажет, пенъ лежит, не бꙋдет мꙗ ȥнати,
а ꙗ далей ѿ него бꙋдꙋ ꙋтѣкати.
Нехай же лелекает тепер самъ ꙋ школѣ,
ꙗ сꙗ награю в лѣсѣ ȥ хлопцꙗми доволѣ.

Ѿрокъ двадцят первий.

. . . .
. . . . [1])

л. 126. ...Але колибъ мнѣ Бг̃ъ далъ вимъкнути сꙗ ȥ школи,
волю ꙗ па̃ти в полю корови и воли.
Ꙗкъ же мꙗ бꙋдет тато ȥновꙋ посилати,
не пойдꙋ, але бꙋдꙋ южъ ґвалъту волати.

Ѿрокъ Двадцят четвертий.

Квѣтнут лѣси и полꙗ роȥними квѣтами,
Коронует и на̃ Бг̃ъ вѣчними лѣтами.
Триꙋмъфꙋйможъ вѣрние, же Пан ȥ мертвихъ во̃кре̃,
намъ веселꙗ и радост неȥмѣрнꙋю прине̃.
И животъ намъ даровалъ ꙗко Творец свѣта
ѡ [2]) ща̃ливие жъ то к намъ наступили лѣта.

---

1) Въ рукописи между л. 125 и л. 126 вырванъ листокъ (2 стр.) и вслѣдствіе этого утрачены рѣчи двадцать перваго, двадцать второго и часть рѣчи двадцать третьяго отрока.

2) Можетъ быть, слѣдуетъ исправить «бѡ» или лучше «ѿ».

Веселѣмъсѧ вѣрние ꙁ вокрешагѡ Ха҃,
ꙁ котрого ꙗкъ ꙁдройи плинет радост вѣкуйта.
Мѣнѣ ꙁа҃ малеиком8 писаики дар8йте,
самиж себе Хви҃ вѣчне ѡфѣр8йте.

Епѣлюгъ.

Хс҃ вокре҃ иꙁ мертвих, смерть вѣне҃ 1) ꙁголъдовал,
а намъ всѣмъ вѣрним свомъ 2) южь живот даровалъ.
Рад8ймо сѧ сл8хач8 8 покорномъ дх8,
а Х8҃ вокре҃шому покажѣмо скр8х8. ||
л. 126 об. Которий ꙁа на҃ рачилъ ꙗкъ Бгъ умерати,
абы на҃ молъ ꙗкъ Творецъ до нба ꙁобрати.
Ѡддаймож и мы ем8 поклонъ ꙗко Пан8,
которий сѧ ꙁа нами ꙁаставилъ тиран8,
А поклонѣмъ сѧ єму ꙁ серца гл8бокости,
бо тотъ на҃ вирвалъ 8сѣхъ ꙁ пекелъной темъности.
И до свѣта вѣчнагѡ рачилъ впровадити,
ꙁ Агглъскими хорами 8 нбѣ посадити.
Хвалѣмо жъ, Авдитор8, воскре҃шагѡ Ха҃,
котрий ꙁа на҃ 8мералъ и иꙁ мертвихъ воста.
А хвалѧчи три8мъф8й на многие лѣта,
доколь б8детъ вдѣлѧти слоице свогѡ свѣта.
Того мы вамъ ꙁичимо, ꙗкъ вѣрьние сл8ги,
аб ыте южъ не мѣли в серцахъ своих туги.
Але нехай витаетъ ꙁ нбнагѡ трон8
радост, в котромъ ѡꙁмете такъ же и корон8.
3) Ꙁ р8ки Монархи того, которий смертъ поправ,
а тобѣ рай прелѧний богатий даровавъ.
Жийте всѣ т8 4) щаливе поки того волѧ
б8дет тутъ вамъ щатити нбнагѡ кролѧ,

1) Сначала написано «вѣнную», затѣмъ перечеркнуты 3 послѣднія буквы и надписано «не».

2) Такъ въ рукописи, по спискѣ.

3) Отсюда до конца тотъ же, но болѣе тонкій почеркъ.

4) «Т8»—не ясно.

Котори^{й} ва҃ кровию с҃тою ѡдъкупилъ ||
л. 127. и ꙁъ н҃ба високаго длѧ ва҃ цѣло ꙁстȣпилъ.
Жи^{й}тежъ в щ҃тю сполечъне а хвалѣте того,
котори^{й} вамъ удѣлилъ живота вѣчного,
А намъ дѣтемъ преба҃те, в чомъ сѧ поблȣдило,
1) ґди^{ж} сѧ на приготованю нашо^{м} такъ ꙁгодило.
Ꙗкъ сѧ болъшъ наȣчимо, болъшъ бȣдемъ мовити,
в҃окре҃шаго Мона^{р}хȣ вѣршами хвалити.
Тепе^{р} ѿ на҃ при^{й}мѣте що ѡфѣрȣемо:
живо^{т} вѣчни^{й} и радо^{ст} вамъ всѣмъ дарȣемо,
Аби Хс҃ в҃окре҃ши^{й} ва҃ тутъ бл҃гословилъ
а ꙁдоровѧ, побожно^{ст} в се^{р}дца^{х} ваши^{х} ꙁѧвилъ,
Бо побожно^{ст} Хр҃то҃ Кро^{л} такъ собѣ шацȣе^{т},
и н҃бо ꙁа побожъно^{ст} вѣрнимъ ѡбецȣе^{т}.

Ами҃.

XVI.

Во время экскурсіи въ Полтаву лѣтомъ 1910 г., описывая рукописи 2) губернскаго Полтавскаго Музея (въ Земскомъ домѣ), недавно обогатившагося пожертвованіемъ обширныхъ и разнообразныхъ коллекцій Е. Н. Скаржинской (бывшій Лубенскій Музей Е. Н. Скаржинской), я наткнулся на небольшую тетрадку новаго письма, написанную хорошо мнѣ знакомымъ почеркомъ извѣстнаго ученаго, историка украинскаго языка и литературы, П. И. Житецкаго. Эта тетрадка заключала въ себѣ копію интермедіи, озаглавленной «Воскресенскіе стихы», а вслѣдъ за стихами — приписки: «Рукопис. сборникъ, принадлежавшій въ 1817 г. какому-то семинаристу, студенту риторики. Изъ Лубенскаго архива

1) Передъ строкой написано «бо», но зачеркнуто.

2) См. Прилож. I къ «Отчету объ экскурсіи семинарія русской филологія въ Полтаву и Екатеринославъ». Кіевъ, 1910 г.

Е. Н. Скаржинской, № Хр. Кат. 2346», ниже, карандашемъ другая приписка «автографъ П. И. Житецкаго». При дальнѣйшихъ занятіяхъ я успѣлъ пересмотрѣть и описать вкратцѣ, повидимому, всѣ рукописи Музея; но ни въ одной изъ нихъ не нашелъ того оригинала, съ котораго была сдѣлана копія П. И. Житецкаго. Такимъ образомъ, до открытія другихъ списковъ настоящая интермедія представлена только названной копіей к. XIX ст. Однако, нѣтъ сомнѣнія, она относится къ той эпохѣ, когда украинская литература находилась какъ бы въ переходномъ состояніи — когда слагались аналогичныя найденнымъ «стихамъ» произведенія — діалоги, интермедіи, вирши общественнаго и частнаго, религіознаго, нравственно-сатирическаго и юмористическаго содержанія, что было во второй половинѣ XVIII в., когда, съ одной стороны, въ украинскую жизнь и литературу вливалась широкая струя русскаго литературнаго вліянія, съ другой — уже начинали на Украйнѣ обнаруживаться стремленія къ возрожденію литературы на родномъ, народномъ языкѣ, съ національными сюжетами, трактуемыми при томъ съ деталями мѣстно-украинскаго быта, порою — съ грубой простонародной юмористикой, не жалѣвшей крѣпкихъ словъ и выраженій. На ту же эпоху указываютъ и кое-какіе слѣды орѳографіи списка, бывшаго предъ глазами П. И. Житецкаго; этотъ же списокъ, несомнѣнно, отразилъ на себѣ черты орѳографіи своего оригинала, напр.: потіоки, іого, сіого, на іому, тодѣ, живѣтъ, безъ копаницѣ и т. п.; ь и ъ писались въ оригиналѣ списка 1817 г. также сходно—черта половины XVIII в.; отсюда и въ копіи Житецкаго одни и тѣже слова оканчиваются то на ъ, то на ь.

Состояніе дошедшаго до насъ текста — далеко не блестящее. Житецкій, повидимому, дѣлалъ копію въ надеждѣ воспользоваться ею при своихъ работахъ, — снабжая замѣтками и поясненіями рядъ словъ [1]); но едва ли онъ педантически сохранилъ орѳографію оригинала. Кое-гдѣ находимъ явныя вставки, напримѣръ, послѣ стиха 42—все, помѣщенное въ скобки [ ]. Нѣкоторыя мѣста, повидимому, были уже испорчены въ спискѣ 1817 г.—или плохо прочитаны Житецкимъ, напримѣръ, ст. 9, 33, 75, 117, 118, а между ст. 22-мъ и 23-мъ чувствуется какъ

1) Приводимъ его замѣтки въ примѣч. съ буквою *Ж*.

будто какой-то пропускъ; впрочемъ, это можетъ быть результатомъ неопытности автора діалога. Все это — не увеличиваетъ цѣнности списка. Но другіе списки намъ неизвѣстны, и приходится при изданіи ограничиться лишь тѣмъ, что есть.

Дѣйствующими лицами въ «воскресенскихъ стихахъ» являются два крестьянина, Жовридъ и Онопрій, Педоря, жена его и его, сынъ, Педь. Діалогъ распадается замѣтно на три части: 1) бесѣда Жоврида съ Онопріемъ, 2) разсказъ Педя и 3) ссора Онопрія съ женою.

Жовридъ и Онопрій жалуются на постъ, который имъ надоѣлъ, при чѣмъ Онопрій рисуетъ такую картину стряпни своей Педори, что сразу становится понятно, почему П. И. Житецкій ни въ одной изъ своихъ работъ не воспользовался вполнѣ этимъ діалогомъ [1]). Жовридъ хвалитъ шутливо свою старую Домаху со столь же грубыми реалистическими подробностями. Далѣе собесѣдники, какъ будто безъ достаточной мотивировки, переходятъ къ осужденію своего приходскаго священника, устроившаго обязательные посты, хожденіе въ церковь, поклоны, постъ во время говѣнья, и даже запретившаго курить люльку. При этомъ вспоминаютъ покойнаго попа Лукьяна, который исповѣдывалъ гуртомъ, въ общей исповѣди и не тѣснилъ прихожанъ. Здѣсь — тѣже мотивы ропота и нареканій, что и въ «Замыслѣ на попа» [2]) и въ діалогѣ «Исповѣдь» свящ. І. Некрашевича [3]).

Прибѣгаетъ сынъ Педь. Онъ разсказываетъ о наступленіи праздника: пасъ овечки — реминисценція подобныхъ же рождественскихъ діалоговъ — и видитъ, какъ предъ нимъ убѣгаютъ чудища; одно — со сбитымъ рогомъ, съ окровавленной разбитой мордой, хвостъ оборванъ при самомъ корнѣ, чудище хромаетъ на обѣ ноги и рычитъ, какъ бугай. Другое чудище ковыляетъ за нимъ съ какими то «письмами». Это — шутливо изображенные итоги пораженія Ада и силъ его воскресшимъ Христомъ; аналогичныя картинки, восходящія по идеѣ къ 2-й части Никодимова Ев. (Descensus) — встрѣчаемъ въ полународныхъ, полушкольныхъ украинскихъ виршахъ XVII—XVIII в. Вслѣдъ за чудищами, видитъ Педь — ѣдетъ

1) См. его «Мысли о нар. малор. думахъ». 1893. стр. 102.
2) См. выше, Къ ист. польск. и русск. нар. театра, гл. X (Изв., 1905, кн. 2).
3) См. наши Изслѣдованія и матеріалы, т. III, ч. 2.

на рыжихъ волахъ, предшествуемый ангеломъ — самъ Великдень, богато одѣтый, обсыпанный яйцами, съ колбасою въ рукахъ. Здѣсь любопытны многочисленныя бытовыя подробности.

Третья часть діалога — разговоръ о розговѣнахъ, переходящій въ ссору; Педоря оказывается неумѣлой хозяйкой: паску приходится вынимать изъ печи заступомъ, но и это не помогаетъ; поросенокъ — убѣжалъ изъ печи, яйца — разбились. Жовридъ пытается примирить поссорившихся супруговъ совѣтомъ, лучше приготовиться къ празднику на будущій годъ.

Присматриваясь къ содержанію этого діалога, не трудно замѣтить связь его съ одной стороны — съ воскресными діалогами, съ другой — съ интермедіями. Не укладываясь полностью въ рамки того или другого жанра, наши «Воскресенскіе стихи» образуютъ промежуточный видъ, соединяя признаки обоихъ жанровъ.

Приводимъ теперь эти стихи по копіи Житецкаго съ его *(Ж)* замѣчаніями и кое-гдѣ нашими.

Воскресенскіе стихы.

Жовридъ.

Чи ще тобѣ, Онопрію, сей пистъ не докучивъ?

Онопрій.

Жовриде, Жовриде, не те ты блягузнышъ та вже мене замучивъ,
Та вже и кваша въ печинки въѣлася,
А що хрѣнъ та редька наскризь просмердѣлась.
Бѣда, якъ сей пистъ проволочется,
То не одинъ изъ посту, якъ гора, зодмется.

Жовридъ.

Та вже кваши не гудь, бо то гречна потрава,
Якъ походыть коло неи жинка хупава.

Ст. 2: *брягузнити* — болтать, полт.
Ст. 7: *не гудь* — не хули.
Ст. 8: *Хупавый* — проворный, искусный, красивый. *Ж.*

Онопрій.

А вже бъ моя Педоря къ тому канцирь купавенько ходыть,
Якъ накрутитъ, то цѣлу ничъ сходитъ,
То гляды, частенько течуть съ печи потіоки,
Черезъ припѣчокъ просто до помійницѣ рѣштоки.
А що останется на черенѣ, кившемъ избирае,
Набуривши повенъ горщикъ, тодѣ въ пичъ вставляе.
То вже того гинтяку на ничъ якъ ухватишъ,
То о пивночи—пробачьте, штанивъ не одхватишъ.

Жовридъ.

А вжежъ то я свою хвалю старую Домаху,
Увесь пистъ варила гречну соломаху,
Що якъ наимось въ смакъ зъ березовымъ сокомъ,
То хто черевомъ повзе, а иншій и бокомъ.
А вже въ ночи, то знай—пердь пердя поганяе:
Вона бъ то, бачъ, и ситна, лишъ живѣтъ надувае.

Онопрій.

А ще що оце отець поставивъ у своій парафіи,
То сяки, то таки видирае хуріи.
Загадуе по тижнямъ до церквы ходиты,
Та ще рано и вечиръ поклоны быты.
А щобъ стари и мали дощенцю говѣли,
Отъ пятницѣ до субботы ничого не ѣли.
А щобъ люльки потягты, табаки понюхать—того недай Боже,
Та вже то винъ видумае, чого и не гоже...

Ст. 9: *Канцирь*—ракъ. Мѣсто испорченное; вѣроятно: «Педоря, якъ той канцирь». *Ж.*

Ст. 14: *Черинь*—дно печи, подъ.

Сл. 15: *Гинтякъ*—мѣшанина, взболтанная жидкость. *Ж.*

Ст. 18: *Гречный*—прекрасный. *Ж*; польск. grzeczny.

Ст. 24: *Хурія*—неистовство, притѣсненіе, мученіе. *Ж.* furia.

Ст. 27: *дощенцю* — безусловно, безъ исключенія, *Ж.*; польск. do szczętu — безъ остатка.

От—перомъ іому земля—якъ у насъ бувъ покійник Лукяный,
Винъ було въ гуртѣ сповѣдае, хоть хто прійде и пьяный.
А що було на си витребеньки не смявае (sic),
Хоть хто люльки потягне, то винъ причащае.

Оноприй.

А вже въ сіого не вгобзнешъ, сей дуже кмѣтуе,
Хоть бы трохи лизнувъ люльки, то духомъ почуе.

Жовридъ.

Та вже таки не харапудьмось, бо якъ живы будемъ,
То мы сіи витребеньки усѣ перебудемъ.
Онъ лишъ молимъ Бога и іого святу ласку,
Щобъ намъ диждать того Риздва, що робятъ паску.

Оноприй.

Та вже билше ждали, меньше пождимъ; якъ тильки сумирне (sic),
Ось не вглядимъ, видкиль намъ весела висть вирне.

[*Тутъ прибѣгаетъ Оноприіевъ сынъ съ извѣстіемъ, що бачивъ воскресенье*].

Оноприй.

А що тамъ, сину Педю?

Педь.

Але що? Отъ я васъ давно шукаю
И щось вамъ новеньке сказати маю.

Оноприй.

Рады слухать.

Ст. 35: *гобзнути* — поживиться, *Ж.*; *кмитувати* — наблюдать, зорко слѣдить, *Ж.*

Ст. 37: *харапудитись*—бояться, пугаться, *Ж.*

Ст. 45: «при заходѣ солнца» *Ж.*

Педь.

Сегодня, сказать якъ бы на вечирнѣмъ опрузѣ
Пасу я овечата на шелявскому лузѣ,
Ажъ чвалае дорогою якаясь прочвара.
Ихъ було напередъ тильки одна пара.
Одному ригъ збытый, другій похилився,
Вся мармуза похряпана, пасокою вмывся.
Хвистъ при рипицѣ видирваный, на ноги хромае,
Посупившись жалобненько, мовъ бугай, рыкае.
Другее, загорщившись, и голе и босе
Услѣдъ за нимъ шкандибае, хоть простоволосе,
Та якись писма воны съ собою носилы,
Бо далеко въ睛 пречъ сколесили.
Потягли на низъ въ Харонщину слободы глядѣты,
Бо вже имъ въ сыхъ краяхъ мисця не нагрѣты.
Яжъ ихъ, стоячи далеко, проводивъ очима,
А я не знаю, що въ мене човпется за плечима.
Коли зиркну назадъ киптюга курелея(?) вертится,
Коли придивлюсь, ажъ то анголъ тащится,
А за нимъ иде услѣдъ рыжыми волами,
Тильки—тягнуть ногы за ногамы.
На возѣ сидитъ самъ челядинъ гречный,
Волы въ іого не попохужѣ та и визъ валечный;
На іому чекминь, якъ снѣгъ, шапка вигилярка,
У черчатымъ поясѣ, хустка въ бока гарна;
Въ поливяныхъ чоботяхъ, штаны тузенковѣ,
Червоная застѣжка и чоботы нови.

Ст. 47: *чвалати*—ковылять; *прочвара*—страшилище, чудовище *Ж.* **польск.** poczwara.

Ст. 50: *мармуза*—морда; *похряпаный*—избитый, *Ж.*

Ст. 53: м. б. слѣд. читать «зморщившись»?

Ст. 56: *Въ пречь*—въ сторону, *Ж.*

Ст. 57: м. б. слѣд. исправить: «въ Херсонщину»?

Ст. 60: *човптися*—торопливо, быстро идти, *Ж.*

Ст. 61: *киптява, киптяга, киптюга*—пыль, *Ж.*

Въ рукахъ іого червоная короговця мае;
Ковбасою стихенька волы поганяе,
Яйцями округъ обсипався, ковбасами обиклався,
Мовъ якъ куды въ бояры, то такъ винъ прибрався.
Ажъ ось слѣдомъ совдѣ (sic) якась старуха,
Нужъ я ии питаты, прилягши до уха:
«Що бъ се таке?»—тихенько спитався.
— «Та се Великдень у гости попхався».—
Такъ я, почувши це та й вивцѣ покинувъ,
Та до васъ, щобъ и вы се знали, ажъ стремголовъ двинувъ.

Жовридъ.

То колижъ такъ, то ходимо, найдимъ свячене.

Онопрій.

Та ще ось женка нехай скаже, чи е печене?

Педоря.

Що вы тутъ загуторились? Зробить добру ласку:
Идить лишъ до дому та виймить съ печи паску.

[Онопрій.]

А ты сіого и сама невгарна зробыты?
Такъ собѣ умій виняты, якъ усадиты.

Педоря.

Та вже и кочергою, и заступомъ довбала,
Та ничого не вражу, дуже до череня пристала.
Охъ, тамъ же то була вдалася,
Що якъ сажала въ пичь, то на сажинь тяглася.
А теперъ минѣ неглюзне щось перейшло дорогу,
Що моя паска невгарна ни къ людямъ, ни къ Богу.

Ст. 79: рук. «ще», исправляемъ на «це».

Ст. 82 и ниже 93—въ *рук.* «Фенна»; м. б. слѣдуетъ исправить «женка»—«жінка».

Жовридъ.

Та вже жъ, якъ росказуешъ, бачу, женко небого,
То тутъ безъ копаницѣ не вдѣешъ ничого.

Оноприй.

Отъ ище ты не пекла и поросяты.

Педоря.

Та дежъ то не пекла? Соромъ и людямъ казаты.
Тожъ те заколола—саме гарне и кохане,
Тамъ же то було придалось сыте та рохманне.
Гречаными висѣвками съ мякинами була начинила
И вложивши въ яндолу въ пичъ установила.
Та собѣ на лыхо въ хижу отчахнула,
А якъ съ печи утекло, того и не чула.
Ще жъ такои шкоды наробило,
Зъ юшкою и съ борщемъ два горшка розбыло.
Не ймучи жъ я вѣры, усюды шукала,
Дежъ воно дѣлось, и слѣду не попала,—
Якъ у воду впало.

Оноприй.

Та се жъ бачу, якъ на таку, то ты и яець не красила?

Педоря.

Охъ, дежъ то не красила, Оноприю? Та то якъ упустила,
Такъ исъ киркою горщокъ розбила.

Оноприй.

А щобъ ты пинъ царський вѣнецъ не пидийшла, шевлюго проклята!
Се жъ ты наробила, що не знатемемо свята!

Ст. 94: *копаниця*—сѣчка, мотыка, кирка, *Ж.*
Ст. 98: *рахманный, рохманный*—тихій, кроткій, послушный, мягкій, *Ж.*
Ст. 111: *шевлюга*—презрѣнная тварь, плутъ, мошенникъ, *Ж.*

Педоря.

Щожъ ты мене катуешъ? Що я тобѣ лихе зробила?
Колибъ лишъ тебе лиха годына побыла!

Жовридъ.

Чи ты скавезився? Людей не смѣшите,
Якъ диждете того року, то лутче робите.
Щобъ ваша слава протхнулась (sic) мовъ у морѣ камень,
Щобъ (sic) я, старый бовняку (sic) сіому слову, аминь.

Едва ли мы впадемъ въ большую ошибку, если скажемъ, что въ этомъ діалогѣ реалистическая и шутовская тенденція праздничныхъ декламацій проявилась во всю и дошла до крайней грани. Религіознаго отношенія къ празднику не только нѣтъ, но оно замѣнено сплошь циничной буффонадой.

XVII.

Древне-русская, какъ и западно-европейская средневѣковая литература любила сюжетъ бесѣды души съ тѣломъ. Онъ былъ готовой формой, къ которой удобно было выразить дуалистическое пониманіе человѣка и человѣческой жизни, если не оправдывавшее грѣхъ, то во всякомъ случаѣ объяснявшее его преобладаніемъ матеріи надъ духомъ. Схема «бесѣдъ» обычно такова: душа обвиняетъ свое тѣло за то, что оно вовлекало ее въ грѣхи, проситъ одуматься и вспомнить о грядущей смерти, о судьбѣ за гробомъ; тѣло въ отвѣтъ указываетъ, что оно является лишь исполнителемъ велѣній души. Иногда этотъ диспутъ бываетъ кратокъ, отражаетъ вліяніе среды не особенно умудренной ученостью, иногда же поражаетъ обиліемъ ея. Порою—діалогъ патетиченъ, проникнутъ лиризмомъ; порою только риториченъ.

Въ старой украинской литературѣ этотъ сюжетъ, повидимому, имѣлъ нѣкоторую популярность. «Розмову» души съ тѣломъ въ спискѣ XVII—

Ст. 115: «тоже, что сказиться—быть не въ своемъ умѣ», *Ж.*

XVIII в. встрѣчаемъ въ одной изъ рукописей Кіево-Соф. собора (есть и польское сочиненіе съ такимъ же заглавіемъ и повидимому, того же содержанія). Давно извѣстно произведеніе священника И. Некрашевича 1773 г., разрабатывающее этотъ сюжетъ отчасти не въ обычномъ традиціонномъ духѣ: тѣло является истцомъ, душа — отвѣтчикомъ, споръ заканчивается общей молитвой къ Богу [1]).

Въ Полтавскомъ Музеѣ, бывшемъ Е. Н. Скаржинской, мною найдена рукопись, также половины XVIII ст., № 944, содержащая рядъ стихотворныхъ опытовъ, среди которыхъ оказался и «Разговоръ души съ тѣломъ» съ нѣкоторыми прибавленіями. Здѣсь иниціатива спора принадлежитъ душѣ; кончается бесѣда «Могоричемъ», за которымъ слѣдуетъ еще стихотвореніе «Душѣ грѣшной». Приводимъ полностью діалогъ, написанный съ явнымъ стараніемъ избѣгнуть украинизмовъ; но они все-таки вкрались, помимо воли автора: пектися, страшной коси, призивая, покаймось, слези.

Разговоры дȣшѣ съ тѣломъ.

Дȣша.

Дрȣгъ мой, товарищъ, не порабль оустати,
Доколѣ бȣдешъ Бога прогнѣвати?
Мнѣ есть наскȣчно и всегдашно горе.
Слезъ неимѣю да пролiю море.

Тѣло.

Кто жъ ти виновенъ? Давно бъ почить нада,
Да не наслѣдишъ, д҃ше, тлѣнна Ада.

Дȣша.

Нѣтъ дрȣгъ, мнѣ нелзя самой слезъ точити,
Бȣди нехощешъ товарищемъ быти.

---

1) См. наши «Изслѣдованія и матеріалы», т. III, ч. 1, стр. 396 и ч. 2, стр. 151—155.

Тѣло.

Мнѣ что́ за нꙋжда с' тобо́ю дрꙋжи́ти?
Вѣмъ ꙗко в' земли́ имѣю из'гиати.
Тебѣ подле́житъ пекти́сꙗ безсме́ртной,
Да избѣжи́ши стра́шной коси́ смертной.

Дꙋша.

Н[ѣтъ] [1]), ѿ това́рищъ, хꙋдо разсꙋжда́ешъ,
Тлѣніемъ в'земли̇ то́л'ко отбы́ть ча́ешъ.
Не вѣсиль, ѐгда́ возгласитъ, трꙋбо́ю,
Призыва́ѧ, Бгъ на́съ пред'сѧ обо́ю.

Тѣло.

И что́жъ, что́ ста́немъ на сꙋдѣ о̑бо́е,
И то́л'ко скажꙋ и̇ пред сꙋдомъ то́е. [2]).
'Азъ бѣхъ нево́л'никъ, а̑ дꙋша̀ владѣла,
Транжири́ла та́къ, какъ сама хотѣла.
Пꙋстошъ несе́шъ: въздꙋмайсѧ на времѧ.
'Иль неподле́житъ ѡ̑боймъ не́сть бремѧ?

Дꙋша.

В'спо́мни бога́та, во ѡ̑гнѣ горѧ́ща,
Ка́пли во́днїѧ во прохла́дъ просѧ́ща.

Тѣло.

'И что̀жъ, что́ проси́лъ? то дꙋша́ ѐди́на.
С' ни́мъ не быва́ла моѧ̀ полови́на.

Дꙋша.

Л'жѐши, товарищъ, начита́й Маѳе́а,
Ꙗка́ѧ дꙋши́ съ тѣломъ Асамблеа.

---

1) Ст. 13—въ рукоп. «н» и лишь удареніе ´; можно предположить, здѣсь была только буква ѣ, т. е. все слово «нѣ».

2) Послѣ ст. 18-го въ рук. «смотри транжири́ла»; вѣроятно, изъ ст. 20-го.

Тѣ́мъ оу҆́шъ недрꙋ́жба съ собо́ю,
'Егда́ воспрі́ймꙋтъ та́ртаръ на҄ собою.
Ты на мене́ вра́гъ ꙗ҆́же твой всегла́вный,
'Ꙗ҆ко в'ве́рглъ въ грѣ́хъ всемꙋ́ ми́рꙋ ꙗ҆́вный.

Тѣло.

Не ꙗ҆́лъ бы вѣ́ры да страши́шъ Матѳе́емъ.
Дꙋ́малъ, что́ го́ре то́кмо саддꙋке́емъ.
ˇАжъ тꙋ́тъ, ꙗ҆́къ ви́жу, и҆ до на́съ говори́тъ,
Пока́ймось, прошꙋ́, пока не оу҆скори́тъ.
ˇАзъ потовъ [1]) къ по́ту и҆ма́мъ приложи́ти,
Ка́къ бы во҄мо́жно слѐзы источи́ти.
Ты́ чꙋ́вствомъ твои́мъ подража́й ко Бо́гꙋ,
Да и҆злі́етъ на́мъ милость свою́ мно́гꙋ.
Хотѧ бъ оу҆глокъ да́лъ: гдѣ́ сꙋ́ть ст҃ыхъ дꙋ́ши;
Всѣ́ бъ страшилища оу҆шли́ ми́мо оу҆ши.

Могори́чъ.

Дꙋша̀ пла́четъ, сто́гнетъ тѣ́ло,
Тꙋ́жать ѡ҆́бще: то и҆́хъ дѣ́ло.
Про́сѧтъ Творца̀ Сꙋдію всѣ́хъ,
Да пода́стъ и҆́мъ благі́й оу҆спѣ́хъ,
`Еже ста́ти ѡ҆де́снꙋю,
Оу҆бѣжа́вши мꙋ́кꙋ ѕлꙋ́ю,
И воспѣ́ти «Свѧтый Бо́же,
Твоѧ милость на́мъ помо́же».

Слѣдующее за симъ стихотвореніе «Душѣ грѣшной» — не связано органически съ діалогомъ: въ видѣ эпилога къ нему—вполнѣ достаточно приведеннаго нами «Могорича». Но оно связано съ діалогомъ по идеѣ и потому приводимъ его полностью, какъ образецъ стихотворныхъ опытовъ того же автора.

---

1) Въ рук. ошибочно «готовъ».

Дꙋшѣ грѣшной.

Во́плитъ сїѧ́ го́рестнымъ гла́сомъ ѻ҆каѧ́нна,
Ѡ го́ре мнѣ̀, лю́тѣ мнѣ̀, гадꙋ есмъ ѿда́нна!
Ѡбве́дши въ крꙋгъ, ѐѧ҆ жа́лами пронза́ютъ,
Оу҆ви́, оу҆ви, какъ з' неѧ́ кро́въ истощева́ютъ.
Све́рхъ же че́рвы а҆́дскїе, по главѣ̀ ѡ҆бви́ти,
Гризꙋтъ, сѣчꙋтъ, тща́тсѧ ю҆ в' конецъ истреби́ти,
Смотри́ жъ ка́ко бꙋ҆вшое кра́сное личишко
Потемне́нно, занѐ в'сѐ болѣ́етъ тѣли́шко.
Да й ка́къ же неболѣ́тъ, не жи́лѣ воло́ви,
Но грꙋдь, рꙋ҆цѣ и но́зѣ змїи с'сꙋть сꙋро́ви. ||
За що́жъ они́ та́къ ре́вно по́рютъ ѐѧ҆ вла́си?
Ѡхъ, за гꙋл'ки блꙋ҆дничи да безчи́н'ни плѧси.
Нел'зѧ́жъ йхъ и оу҆моли́ть, чтобъ ста́ли щадѣ́ти,
Еще ка́жꙋтъ: гото́всѧ в' смолѣ̀ клекотѣ́ти.
Чꙋть ли еще неспїешъ ча́ши клокощꙋщой,
Вино́мъ сѣ́рꙋ и жꙋпель з'смоло́ю имꙋщой?
Що́жъ ѡ҆на́ тепе́рь мы́слитъ, безпомощна сꙋщи,
Кто́ бы за ю҆ препрѣ́лсѧ, тогѡ́ не имꙋщи,
Зовѧ̀ го́ры и дебры непрохо́днилъ с'ка́ли,
Дабы́ ю҆ каменїемъ свои́мъ завалѧ́ли́.
Ска́зꙋютъ: ѡ҆ го́ре мнѣ̀, ѿц҃ъ мо́й и мати,
И в ѡ҆́нъ же а҆́зъ роди́лсѧ и ча́съ то́тъ проклѧ́тїй.
Та́къ и де́бри ска́зꙋютъ: нѣ́тъ, ты́ гла́съ се́й слихала,
Го́ре, го́ре, на земли́ су́щымъ да плѧса́ла.
Почто́ ве́ть и се́ твои́ оу҆шы пробыва́ло,
Греми́тъ на тѧ́ су́дъ Бж҃їй, ка́йсь, грѣхо́мъ забра́ло.
Та́къ ти в'сѐ то пꙋска́ла ми́мо слꙋхи и ѡ҆чи;
Не лꙋчшель же с'кꙋбка́ми прогꙋлевать ночи,
Гово́рѧтъ же и го́ры: не́тъ, не завалѧ́емъ;
Ма́ешъ гнѣздо̀ з'ѕмїями, тꙋди́ тѧ в'рꙋча́емъ.
Пѣтель бо ти́ восклица́лъ в'сегда́ «кꙋкꙋрѣ́ки»,
То есть: «бро́сь всѣ ми́рскїе трои́сти мꙋзики,

Да ста́нь еѵа́нгелїю свѧто́мꙋ внꙋша́ти,
Ста́нь со́вѣсть погрꙋже́ннꙋ в' грѣха́хъ ѡ҆чища́ти».
Такъ ті́ та́къже всѧ сїѧ́ мимо пропꙋска́ла,
'А ѡ҆ сме́рты и раи́ ниже помышлѧ́ла.
За то́е сꙋ́ть из'не́ю та́къ горе́стни с'пра́ви,
Что е҆ѧ́ ѿцꙋра́лись го́ри и дꙋбрави.
И та́къ, бачꙋ, настои́тъ ей сле́зы злива́ти,
Крича́, воплѧ̀ «а҆́хъ горе! тꙋтъ мнѣ погиба́ти!».

Резюмируя содержаніе этого, не особенно ясно изложеннаго стихотворенія—мы видимъ, какъ съ одной стороны обнаруживается привычка автора къ діалогической формѣ изложенія; съ другой — подмѣчаемъ нѣкоторыя литературныя реминисценціи. Остановимся на нихъ.

Душа плачетъ, мучимая адскими муками: тѣло ея нераздѣльно съ нею страдаетъ за грѣхи и готовится кипѣть въ смолѣ. Не имѣя заступниковъ, грѣшникъ зоветъ горы, дебри и скалы, чтобы онѣ завалили его своими камнями (ст. 20). Сравнимъ съ этимъ обычное общее мѣсто лирики и драмы петровской эпохи:

...«Убій мя, древо, горы придавите,
Водныя волны, молю, потопите... [1])
...«Падите горы, мене днесь покрыйте,
И холмы и дебри, бѣдну задавите» [2]).
...«О, горы, вы на меня нынѣ падите!..» [3]).

Тѣже строки вновь публикуемаго стихотворенія представляютъ собою буквальное воспроизведеніе стиховъ Георгія Кониского, изъ его перевода элегіи Hermanin Hugonis:

«Nempe vocat montes et inhospita culmina cautes
Antraque quis trepidum condat operta caput»—

1) В. Перетцъ. Очерки по исторіи поэтичнаго стиля, гл. VIII, стр. 37 (оп. «Дафнисъ».
2) Ibid., стр. 45 («Актъ о Калеандрѣ и Неонильдѣ»).
3) Ibid., стр. 39 («Ком. объ Индрикѣ»).

— «Зоветъ гори и дебри, непроходни скали,
Даби ю каменіе^мъ своимъ заваляли» [1]).

Возвращаемся къ плачу души: она проклинаетъ день рожденія своего и слышитъ въ отвѣтъ призывъ къ покаянію, о которомъ забыла при жизни: пріятнѣе было съ кубками прогуливать ночи (ст. 28)—мѣсто это также напоминаетъ ст. 94 I-й сат. Кантемира:

«Не лучше ли съ кубкомъ дни прогулять и ночи [2]).

Горы отказываются покрыть грѣшника: вѣдь не разъ пѣтух напоминалъ ему своимъ пѣніемъ о необходимости бросить грѣховныя забавы міра. Теперь весь міръ отказывается отъ грѣшника.

Въ сборникѣ, изъ котораго мы извлекли діалогъ и это стихотвореніе, имѣется указаніе, что одно изъ стихотвореній списано съ печатнаго изданія 1711 года. Можно думать по совокупности признаковъ, что діалогъ съ относящимися къ нему дополнительными стихотвореніями возникъ въ концѣ первой половины XVIII вѣка. Литературная манера автора напоминаетъ сильно Г. Конискаго, сюжетъ — также: будущая жизнь, загробное возмездіе и мученія грѣшниковъ сльно привлекали вниманіе Г. Конискаго. Такимъ образомъ, если это стихотвореніе и не принадлежитъ ему, то—во всякомъ случаѣ могло выйти изъ его школы, изъ круга его учениковъ и почитателей его поэтическаго таланта.

В. Перетцъ.

---

1) «Praecerpta de arte poëtica» Г. Конискаго, рукоп. принадл. А. А. Дмитріевскому, лл. 62—68, ст. 73—74; сообщ. А. С. Грузинскій.

2) Сочиненія, письма и избранныя переводы кн. А. Д. Кантемира, ред. П. Ефремова, 1867 г., I, стр. 17 (2-я ред.).

Отчетъ о поѣздкѣ А. В. Маркова въ губерніи Пермскую и Архангельскую лѣтомъ 1909 г.

Представляя Отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ отчетъ о своей поѣздкѣ лѣтомъ 1909 года, я прежде всего считаю своимъ долгомъ выразить Отдѣленію глубокую благодарность за оказанное мнѣ матеріальное пособіе для поѣздки.

Главною цѣлью моей поѣздки лѣтомъ 1909 г. были розыски былинъ въ тѣхъ мѣстахъ Камско-Уральскаго края, гдѣ въ XVIII в. былъ составленъ сборникъ Кирши Данилова. Въ XIX ст. въ этомъ краѣ было записано всего нѣсколько былинъ, никто изъ изслѣдователей не заглядывалъ сюда со спеціальною цѣлью собрать остатки былинной традиціи, и потому у меня явилась мысль обслѣдовать именно этотъ край. Я выѣхалъ изъ Москвы 24 мая на Нижній Новгородъ. Мѣстомъ первой остановки я выбралъ с. Пьяный-Боръ, на Камѣ, на границѣ между Елабужскимъ у. Вятской губ. и Мензелинскимъ у. Уфимской губ. Я надѣялся найти здѣсь былины потому, что въ 80-ыхъ годахъ XIX ст. нѣсколько былинъ было записано Пальчиковымъ въ селѣ Николаевкѣ, Мензел. у., отстоящемъ отъ Пьянаго-Бора на 40 верстъ. Но, очевидно, Пальчиковъ записалъ послѣдніе остатки былевой поэзіи. Въ записяхъ его встрѣчается между прочимъ былина объ Алешѣ Поповичѣ; въ Пьяномъ-Бору я уже не могъ записать этой былины, но одна старуха лѣтъ 70 слыхала въ молодости, какъ пѣли про Олёшу Поповича въ д. Чегондѣ, близъ Пьянаго-Бора. Отъ этой же старухи я записалъ пѣсню о взятіи Казани. Изъ опросовъ, произведенныхъ мною въ Пьяномъ-Бору, я убѣдился въ

томъ, что розыски остатковъ былинной традиціи будутъ здѣсь безполезны, и потому направился далѣе вверхъ по Камѣ. По дорогѣ къ Перми я разспрашивалъ о былинахъ пароходныхъ пассажировъ III класса и крестьянъ, толпившихся на пристаняхъ. Эти разспросы мало-по-малу приводили меня къ убѣжденію, что на берегахъ Камы былины совершенно вымерли. Такъ, въ с. Частыхъ Оханск. у. Пермской губ. я узналъ отъ 70-лѣтняго крестьянина, что не только въ настоящее время, но и во времена его молодости про богатырей не пѣли, а только разсказывали сказки.

Вечеромъ 29 мая я пріѣхалъ въ Пермь и тотчасъ же обратился за свѣдѣніями по интересующему меня вопросу къ А. Д. Городцову, наблюдателю и руководителю по устройству народныхъ хоровъ, работающему въ Пермскомъ Комитетѣ Попечительства о нар. трезвости. Какъ разъ въ это время начали функціонировать лѣтніе хоровые курсы подъ руководствомъ г. Городцова. Благодаря его любезному содѣйствію, я имѣлъ возможность опросить около 100 человѣкъ, съѣхавшихся на курсы въ Пермь изъ всѣхъ уѣздовъ Пермской губ. Это были большею частью крестьяне, мѣстные уроженцы, преимущественно сельскіе учители; было нѣсколько человѣкъ и изъ сельскаго духовенства. Изъ опроса этихъ лицъ я узналъ слѣдующее: 1) Въ Пермской губ. неизвѣстенъ терминъ «старина». 2) О былинахъ знаютъ только изъ книгъ. 3) О богатыряхъ существуютъ лишь мѣстныя преданія, напр., разсказъ объ одномъ кунгурскомъ силачѣ. 4) Во многихъ мѣстностяхъ сохранилось пѣніе духовныхъ стиховъ; слѣпые пѣвцы духовныхъ стиховъ называются въ Кунгурскомъ и Оханскомъ уу. «зырянами», такъ какъ они б. ч. являются изъ Вологодской губ., съ рѣки Вычегды. 5) Средоточіями слѣпцовъ являются: въ Осинскомъ у. — Бѣлогорскій монастырь (здѣсь они собираются въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ) въ Екатеринбургскомъ у. — Тихвинскій женскій монастырь (храмовой праздникъ — 26 іюня) и Невьянскій заводъ (здѣсь храмовой праздникъ — 29 іюня), въ Кунгурскомъ у. — г. Кунгуръ, гдѣ при соборѣ живутъ два старика, знающіе стихи, и с. Березовка, гдѣ можно встрѣтить каликъ на ярмаркѣ, въ Пермскомъ у. — с. Кольцово Больше-Буртымской волости, въ 28 верстахъ отъ Перми (храмовой праздникъ — 10 іюля).

Кромѣ лицъ, пріѣхавшихъ на хоровые курсы, я разспрашивалъ въ Перми еще многихъ лицъ. Наиболѣе подробныя свѣдѣнія я получилъ отъ г. П. В. Вилесова, пермяка, уроженца с. Юсьвы, Соликамскаго у., на р. Юсьвѣ, притокѣ Иньвы; отъ мастерового С. Г. Балахонова, работавшаго въ молодости на Богословскомъ заводѣ, Верхотурскаго у. (Балахоновъ сообщилъ нѣсколько пѣсенъ И. С. Тезавровскому, напечатавшему ихъ въ I томѣ «Трудовъ Музыкально-Этнографической Комиссіи»), и отъ г. Л. Е. Воеводина, служившаго на Билимбаевскомъ заводѣ Екатеринбургскаго у., на Сылвинскомъ заводѣ Красноуфимскаго у. и на Александровскомъ заводѣ Соликамскаго у. Г. Воеводинъ — человѣкъ весьма почтенныхъ лѣтъ и большой любитель народной музыки. 45 пѣсенъ, записанныхъ имъ, были изданы Пермскимъ Комитетомъ Попечительства о народной трезвости; поэтому свѣдѣнія, полученныя отъ Л. Е. Воеводина, особенно важны. Въ своей молодости онъ слышалъ на Билимбаевскомъ заводѣ пѣсни о взятіи Казани, о Стенькѣ Разинѣ, но былинъ нигдѣ не слыхалъ. На томъ же заводѣ когда-то разсказывали о богатыряхъ сказки, напр.: 1) Алеша Поповичъ и Чудище-богатырь, 2) Царь Харьковичъ Данило Игнатьевичъ. Духовные стихи ему приходилось слышать неоднократно отъ слѣпцовъ, которые приходятъ въ Верхній Тагилъ 24 іюня, когда тамъ бываетъ ярмарка и вмѣстѣ съ тѣмъ перенесеніе чтимой иконы въ Невьянскій заводъ; отсюда они направляются въ скиты, находящіеся въ 12 верстахъ отъ Тагила: здѣсь 29 іюня празднуется память старообрядческаго попа Павла.

Изъ множества полученныхъ мною отвѣтовъ выяснилось, что въ Пермской губ. можно записать много духовныхъ стиховъ, а также собрать пѣсни, сказки и заговоры; но найти произведенія того вида народной поэзіи, который меня въ особенности привлекалъ, предвидѣлось мало надежды, и потому я рѣшилъ круто измѣнить предположенный мною маршрутъ и отправился въ Поморье. Въ Перми я записалъ посредствомъ фонографа лишь 8 духовныхъ стиховъ и пѣсню объ осадѣ Соловецкаго монастыря отъ В. К. Ело́викова, псаломщика единовѣрческой церкви изъ Осинскаго уѣзда, пріѣхавшаго въ Пермь на курсы хорового пѣнія. Впослѣдствіи, благодаря любезности А. Д. Городцова, я получилъ для снятія копіи сборникъ духовныхъ стиховъ, пожертвованный г. Еловиковымъ въ

Пермскій Комитетъ Попечительства о нар. трезвости. Здѣсь не нашлись всѣ стихи, мелодіи которыхъ мною записаны; но зато оказались стихи очень любопытные, не встрѣчавшіеся доселѣ въ литературѣ, напр., «Стихъ о пьяницѣ» (нач. «Стоятъ бочки дубовыя, на нихъ обручья березовыя»), разговоръ Хмеля съ Табакомъ и друг.

Пока у меня опредѣлилось рѣшеніе поѣхать въ Поморье, прошло въ разспросахъ нѣсколько дней, и я не могъ уже поспѣть въ Архангельскъ къ четвергу 5 іюня, когда выѣзжалъ въ Поморье ближайшій пароходъ. Пришлось ждать слѣдующаго четверга (т. к. пароходъ въ Поморье ходитъ одинъ разъ въ недѣлю), т. е. 11 іюня. Изъ былинныхъ мѣстностей я выбралъ Поморскій берегъ потому, что изъ лежащихъ на немъ селеній записи былинъ были ранѣе произведены лишь въ немногихъ. Изъ сѣверной части Поморья были извѣстны единичныя записи, сдѣланныя мною въ г. Кеми и въ д. Гридинѣ и Максимовымъ въ с. Ка́лгалакшѣ. Что касается южной части Поморья, то она была обслѣдована весьма детально А. Д. Григорьевымъ, который сдѣлалъ записи въ г. Онегѣ, въ д. Каменихѣ и въ селахъ Нюхчѣ и Колежмѣ; но все побережье отъ Сумскаго посада до Кеми въ былинномъ отношеніи совсѣмъ не было извѣдано.

Изъ Архангельска я выѣхалъ 11 іюня и былъ въ Сумскомъ посадѣ 13 числа. 16 и 17 я провелъ на Пертозерѣ, въ 12 верстахъ отъ Сумы, гдѣ существовалъ старообрядческій скитъ, уничтоженный въ 1849 г. Впослѣдствіи берега Пертозера и лежащаго рядомъ Тёгозера вновь были застроены кельями старообрядцевъ. 19 іюня я выѣхалъ изъ Сумы и по вновь открытой почтовой дорогѣ пріѣхалъ въ с. Вирьму — первое поселеніе на побережьѣ по направленію къ Кеми. Въ слѣдующій день я переѣхалъ на лодкѣ въ д. Сухой-Наволо́къ, откуда также на лодкѣ 24 іюня переправился въ с. Соро́ку. 26 числа я ходилъ пѣшкомъ въ с. Ши́жню, лежащее въ 4 верстахъ отъ Сороки. На слѣдующій день на пароходѣ я выѣхалъ изъ Сороки. Минуя Кемь, гдѣ мною была записана одна былина въ 1905 г., напечатанная въ «Былинахъ новой и недавней записи» (№ 62), я проѣхалъ въ д. Гридино, лежащую сѣвернѣе Кеми, на т. н. Корельскомъ берегу, составляющемъ продолженіе Поморья. Въ Гридинѣ я провелъ $8^1/_2$ дней, съ 29 іюня до 7 іюля, а затѣмъ выѣхалъ черезъ Архангельскъ въ Москву.

Довольно свѣжую былинную традицію я нашелъ лишь въ Гридинѣ. Что касается южной части Поморья, то здѣсь приходится констатировать присутствіе лишь слабыхъ слѣдовъ былевой поэтической старины. Изъ сравненія моихъ записей съ матеріаломъ, собраннымъ А. Д. Григорьевымъ въ мѣстностяхъ, лежащихъ къ югу отъ Сумскаго посада, видно, что въ послѣднихъ уцѣлѣло гораздо болѣе былинъ, нежели въ селеніяхъ, лежащихъ къ сѣверу. Изъ 15 сюжетовъ, записанныхъ Григорьевымъ, мнѣ попались лишь 5 сюжетовъ: «Илья Муромецъ и разбойники», «Мать продаетъ сына Ивана», «Туры и турица», «Князь, княгиня и старицы» и «Князь Дмитрій и его невѣста Домна». Если даже къ этимъ старинамъ прибавить записанную мною ранѣе въ Кеми былину о Дунаѣ и слышанныя на Пертозерѣ двѣ старины: 1) «Василій и Снафидушка», 2) «Царь Соломонъ», все же количество сюжетовъ, бытующихъ между Сумой и Кемью, дойдетъ лишь до 8. А. Д. Григорьевъ имѣлъ возможность записать 3 варіанта старины объ Иванѣ Грозномъ и его сынѣ; я же могъ услышать отъ пожилой крестьянки изъ Сороки лишь воспоминаніе о томъ, что когда-то ея покойный отецъ пѣлъ эту старину.

Итакъ, въ области Поморья между Сумскимъ посадомъ и Кемью приходится констатировать лишь слабые слѣды былинной традиціи. Что касается д. Гридина, лежащей верстъ на 150 къ сѣверу отъ Кеми, то тамъ былины сохранились въ сравнительной свѣжести. Въ Гридинѣ я не нашелъ выдающихся пѣвцовъ былинъ, но послѣдніь извѣстны тамъ многимъ крестьянамъ. Я записывалъ старины отъ 10 крестьянъ и крестьянокъ; въ дѣйствительности сказателей въ Гридинѣ вдвое больше, но многихъ я не засталъ въ деревнѣ.

Въ Гридинѣ мною записаны слѣдующіе 23 сюжета: Исцѣленіе Ильи Муромца, Первая поѣздка И. М., бой И. М. съ двоюроднымъ братомъ, съ Идолищемъ, съ царемъ Каиномъ, съ разбойниками; Добрыня и змѣя, Савулъ и его сынъ, Князь Романъ и Марья Юрьевна, Потыкъ, Дунай, Козаринъ, Иванъ Касьяновичъ (=Годиновичъ), Мать продаетъ своего сына, Василій Буславьевичъ, Соткȯ, Щелканъ За-Дудентьевичъ, Соломанъ и Василій Охуловичъ, Князь Дмитрій и его невѣста Домна, Князь, княгиня и старицы, Мать кн. Михайлы губитъ его жену, Василій и Софьюшка, Иванъ Грозный и его сынъ. Кромѣ этихъ 23 сюжетовъ, въ

Гридинѣ же мною были записаны ранѣе слѣдующія былины: Михайло Даниловичъ, Котянко (иначе Хотѣнко) Блудовичъ, Оксёнко («Былины новой и недавней записи», №№ 44, 89, 98), а затѣмъ извѣстны еще двѣ былины, которыя мнѣ не удалось записать: Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича, Соловей Бутьи́ловичъ (=Буди́мировичъ) и Завада Путятична.

Такимъ образомъ, число былинныхъ сюжетовъ, извѣстныхъ въ Гридинѣ, доходитъ до 28. Но гридинскія былины любопытны не только по своему числу, но и по оригинальности, какъ текстовъ, такъ и напѣвовъ. Напѣвы здѣшнихъ былинъ не похожи ни на какіе напѣвы другихъ былинныхъ мѣстностей; способъ исполненія ихъ, съ особенными удареніями на неударяемыхъ слогахъ, также весьма оригиналенъ. Что касается текстовъ, то они также отличаются отъ большинства извѣстныхъ въ Олонецкой и Архангельской губ. былинъ, какъ по именамъ, такъ и по подробностямъ повѣствованія. Особенное вниманіе обращаетъ на себя вторая половина былины о Щелканѣ За-Дудентьевичѣ, не находящая себѣ вовсе соотвѣтствія въ варіантахъ олонецкихъ и Кирши Данилова, а также былина о Савулѣ и его сынѣ, совершенно неожиданно оказавшаяся на сѣверо-западѣ, между тѣмъ какъ до сихъ поръ лишь были извѣстны два восточныхъ пересказа: Симбирской губ. и въ сборникѣ Кирши Данилова; въ новой записи есть черты и того, и другого пересказа, но съ ея помощью легко выдѣлить въ сибирскомъ пересказѣ позднѣйшія прибавки и искаженія.

Въ общемъ обслѣдованная мною мѣстность стоитъ ближе въ былинномъ отношеніи къ Олонецкой губ., нежели къ другимъ мѣстностямъ Архангельской губ., за исключеніемъ развѣ Терскаго берега.

Было бы важно прослѣдить, съ какого времени былинная традиція идетъ на западномъ берегу Бѣлаго моря. Первыя русскія поселенія здѣсь, повидимому, относятся къ XV в. По крайней мѣрѣ, Сумскій посадъ, с. Вирьма, устье р. Выга (т. е. теперешнее с. Сорока) и Кемь принадлежали новгородской фамиліи Борецкихъ [1]). Въ XVI в. Сумскій посадъ и с. Вирьма принадлежали Соловецкому монастырю, что̀ видно изъ гра-

1) М. М. Богословскій, Земское самоуправленіе на русскомъ Сѣверѣ въ XVII в. I, 8. Огородниковъ, Прибрежья Ледовитаго и Бѣлаго морей по Книгѣ Большого Чертежа (Зап. Геогр. Общ. по отд. Этн. VII, 74—81).

мотъ 1564 г. и 1548 г. [1]). Что касается мѣстностей къ сѣверу отъ Кеми, то онѣ, повидимому, еще не были колонизованы до конца XV в.: такъ можно думать потому, что с. Варзуга, лежащее на Терскомъ берегу, въ извѣстіи 1419 г. названо «Корѣльскимъ погостомъ въ Арзугѣ», а въ грамотѣ 1471 г.—«Корелой Варзугской» [2]). Но въ первой половинѣ XVI в. русское населеніе проникло уже за сѣверный полярный кругъ: въ извѣстіи 1526 г. упомянуты *поморцы* (вмѣстѣ съ лопянами), жившіе при устьѣ р. Нивы у Кандалакшской губы [3]); именно въ этомъ году была построена церковь въ селѣ Кандалакшѣ.

Относительно деревни Гридина, кажется, нѣтъ никакихъ старыхъ извѣстій. Но по многимъ признакамъ она—весьма древняя. Прежде всего нужно указать на то, что нѣкогда здѣсь находились соляныя варницы, и велось крупное хозяйство: это видно изъ того, что часть поселенія ближе къ морю и теперь еще носитъ названіе *Варницы*, и изъ того, что между этой Варницей и устьемъ рѣки Гридинки до сихъ поръ сохранились слѣды проѣзжей дороги, для сооруженія которой нѣкогда приходилось удалить валуны весьма солидныхъ размѣровъ. Съ другой стороны, о древности Гридина свидѣтельствуетъ самое его названіе. Оно происходитъ, несомнѣнно, отъ личнаго имени *Гридя*. Мнѣ извѣстно пятеро лицъ съ этимъ именемъ—и всѣ они упоминаются или во второй половинѣ XV в., или въ началѣ XVI в. (1507 г. [4]). Гридя, поповъ сынъ, Антомановъ въ семидесятыхъ годахъ XV в. писалъ двѣ грамоты, касающіяся мѣстностей въ устьѣ С. Двины [5]), слѣд., недалеко отъ Поморья.

Въ концѣ XV в., въ 1496 г., близъ Сумы, на р. Сумѣ, упоминается деревня *Гридинская Шильникова* [6]); быть можетъ, этотъ самый шильникъ Гридя и былъ основателемъ с. Гридина.

Въ источникахъ XVII в. въ Поморьѣ упоминаются слѣдующія русскія поселенія: волость Кандалакша, погостишко Княжая-губа, вол. Ковда,

---

1) Акты Археографич. Экспедиціи, т. I, №№ 268, 221.

2) Новгор. лѣтопись по Синод. списку, 409; Акты Арх. Эксп. I, № 93.

3) Полное собр. р. лѣтописей, VI, 282.

4) См. Указатель къ первымъ восьми т.т. Полнаго собр. русск. лѣтоп.; «Извѣстія Отд. р. яз. и слов. И. Ак. Наукъ 1908, № 2, стр. 147.

5) Та же кн. «Извѣстій», стр. 146.

6) См. у Огородникова, стр. 80.

вол. Кереть, пог. Чюпа, пог. Черная-рѣка, деревни Новоприбылая на Елетъ-озерѣ и Новоприбылая на Кереть-озерѣ, волостка Кушрѣка, волость Малая Шуйка, волостка Варзогоры и волость Усть рѣки Онеги [2]).

Отсюда видно, что Поморье, начавшее заселяться русскими съ первой половины XV в., когда былъ основанъ Соловецкій монастырь (1429 г.), въ XVII в. имѣло не менѣе русскихъ поселеній, нежели въ настоящее время; слѣдовательно, процессъ колонизаціи Поморья въ XVII в. былъ закончѳнъ. Но изъ этого нельзя дѣлать заключеніе, что былинный репертуаръ поморовъ не пополнялся впослѣдствіи новыми произведеніями. Хотя нѣтъ основаній думать, что такихъ произведеній появилось въ Поморьѣ много, но у меня есть одно указаніе на весьма позднее появленіе одной былины.

Въ Сумскомъ посадѣ, представляющемъ собою довольно видный культурный центръ Поморья, я напалъ на слѣды любопытнаго факта, отмѣченнаго Гильфердингомъ [1]),—что одна изъ сказительницъ на Кенозерѣ (Каргоп. у.) распѣвала въ качествѣ «старинки» сербскую былину «Іово и Мара» въ переводѣ Щербины. Въ Сумскомъ посадѣ лѣтъ 35—40 тому назадъ дѣти распѣвали эту былину по книгѣ «Пчела»; что же касается напѣва, то онъ кѣмъ-то былъ придуманъ и передавался отъ однихъ дѣтей къ другимъ. Въ 1903 г. я слышалъ эту же «старинку» на Терскомъ берегу, въ с. Поноѣ.

Гильфердингъ, слышавшій сербскую былину на Кенозерѣ, думалъ, что Щербиновская «Пчела» была завезена туда. Теперь скорѣе можно думать, что «Іово и Мара» попали, какъ на Кенозеро, такъ и на Терскій берегъ изъ культурнаго центра, какимъ является Сумскій посадъ, имѣющій даже Мореходное училище.

Кромѣ былинъ, я записалъ значительное число духовныхъ стиховъ (50 №№). Духовные стихи хорошо сохранились по всему Поморью. Поморы не имѣютъ нужды ходить по разнымъ странамъ каликами, такъ какъ они слишкомъ для того зажиточны, но тѣмъ не менѣе они хранятъ въ своей памяти немало стиховъ. Такъ какъ терминъ «старина» въ

---

1) М. Богословскій, Земское самоуправленіе и пр., прилож., стр. 9—10, 19. Въ это перечисленіе не вошли селенія лежащія между Гридинымъ и Унежмой.

2) Онежскія былины, I, предисловіе, 20—22.

Поморьѣ мало распространенъ, то обыкновенно былины не отличаются пѣвцами отъ стиховъ. Въ селахъ Вирьмѣ и Шижнѣ мною записано 9 стиховъ отъ прохожихъ каликъ, т. н. «каргопо́ловъ», изъ Каргопольскаго уѣзда, съ р. Онеги. Эти стихи значительно отличаются и по мелодіи, и по тексту отъ мѣстныхъ поморскихъ стиховъ.

Что касается послѣднихъ, то ихъ можно раздѣлить на два разряда: 1) одни стихи поются на-память и не отличаются пѣвцами, какъ я упомянулъ, отъ былинъ, — стихи болѣе народнаго характера; 2) другіе поются по т. н. «стиховникамъ», т. е. рукописнымъ сборникамъ, грамотными старообрядками. Стиховники я находилъ преимущественно у скитницъ, которыя съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ отзывались о «старинахъ»; впрочемъ, на Пертозерѣ я встрѣтилъ одну дѣвушку, обладательницу стиховника, которая, умѣя вычурно, архаически (выговаривая *е* за *э*) пѣть стихи изъ стиховника, въ то же время знала три старины: Князь Дмитрій и его невѣста Домна; Василій и Снафидушка; Князь, княгиня и старицы. Въ тѣхъ же Пертоозерскихъ кельяхъ живетъ старушка А. Г. Ротмистрова (при мнѣ ея не было дома), которая, по разсказамъ, знаетъ былины объ Ильѣ Муромцѣ и о царѣ Соломонѣ. Кромѣ того, надо замѣтить, что въ одномъ стиховникѣ, принесенномъ на Пертозеро изъ Выгъ-Островскаго скита (близъ с. Сороки), я нашелъ, наряду со стихами книжнаго характера, довольно старую запись чисто-народнаго стиха объ Алексѣѣ Божьемъ Человѣкѣ.

Всего въ теченіе лѣтней поѣздки 1909 года мною записано 100 народныхъ произведеній: 50 духовныхъ стиховъ, 40 старинъ (изъ нихъ 4 историческія пѣсни) и 10 обрядовыхъ пѣсенъ. Мелодіи записаны посредствомъ фонографа.

Кромѣ того, собраны матеріалы по діалектологіи и лексикѣ въ селеніяхъ: Сумѣ, Вирьмѣ, Сухомъ-Наволокѣ, Сорокѣ и Гридинѣ.

А. Марковъ.

Альбомъ Юрія Никитича Бартенева.

Альбомъ Юрія Никитича Бартенева (ум. 1866), принадлежащій нынѣ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу, представляетъ значительный историко-литературный интересъ по количеству именъ крупныхъ литературныхъ дѣятелей, внесшихъ свои записи на его страницы: здѣсь имѣются автографы многихъ писателей 1820—1860 гг., начиная съ Пушкина[1]); вотъ, въ алфавитномъ порядкѣ, имена лицъ, автографы которыхъ находятся въ этомъ альбомѣ: Ив. П. Алякринскій, Н. В. Арсеньева, П. И. Бартеневъ, А. А. Башуцкій, В. Г. Бенедиктовъ, А. Бѣшенцовъ, М. И. Воскресенскій, князь П. А. Вяземскій, Л. М. Герингеръ, А. П. Глинка, Ѳ. Н. Глинка, В. П. Горчаковъ, А. И. Готовцева (Корнилова), А. Грековъ, князь Ю. В. Долгоруковъ, Ю. В. Жадовская, М. Н. Загоскинъ, А. Загряжскій, А. Закревскій, К. А. Зедергольмъ, А. М. Зиловъ, А. З. Зиновьевъ, А. П. Зонтагъ, В. И. Карлгофъ, Ѳ. А. Кони, Н. В. Кукольникъ, И. И. Лажечниковъ, М. А. Максимовичъ, М. А. Марковъ, Ѳ. Б. Миллеръ, И. П. Мятлевъ, князь В. Ѳ. Одоевскій, М. П. Погодинъ, А. И. Подолинскій, Н. А. Полевой, Я. П. Полонскій, графиня Е. П. Ростопчина, И. Самсоновъ, И. П. Сахаровъ, Д. И. Сушкова, Н. В. Сушковъ, А. Г. Тепляковъ, В. Г. Тепляковъ, А. В. Тимофеевъ, А. А. Турчанинова, Т. И. Филипповъ, А. П. Хвостова, Д. Хвостовъ, П. Шюцъ,

---

1) См. «Пушк. и его совр.», вып. XV; тамъ же см. и о Ю. Н. Бартеневѣ.

Н. Ѳ. Щербина, Н. М. Языковъ и И. М. Ястребцевъ. Нѣсколько лицъ скрыли свои имена подъ анонимами и псевдонимами.

Пользуясь разрѣшеніемъ нынѣшняго владѣльца альбома Ю. Н. Бартенева, представляемъ здѣсь подробное его описаніе,—въ порядкѣ записей.

1) «Юрію Никитичу. При посвященіи повѣсти: Ольга» (нач. «Вниманьемъ вашимъ поощренный...»), *Ив. Алякринскаго* (Ивана Петровича) дата: «1831 года 7 Марта». Стр. 5—7.

2) «Пахитосъ,—отрада лѣни», стихотвореніе, съ эпиграфомъ: «Fumer... rêver... Et puis, l'on va si bien alors!...» X... X...», — графини *Е. П. Ростопчиной*, съ помѣтою въ концѣ: «Improvisé dans une lettre écrite de Sélo-Anna, en Septembre 1842. Переписано въ книгу Юрія Никитича, въ благодарность за подаренную пачку Испанскихъ сигаретокъ, Москва, 6-е Февраля, 1850 Графиня. Евдокія Ростопчина». См. изд. 1857 г., т. II, стр. 124—125. Стр. 9—10.

3) «Замѣчали-ли вы какъ ростетъ плющь? предоставленный собственнымъ силамъ, онъ зеленой, живою сѣткой стелется по землѣ» и т. д. Съ подп.: «Е. Петербургъ 1842. Іюля 29». Стр. 15—18.

4) «Корень и Вѣтьви. Басня», съ подп.: «Павелъ Шюцъ. Въ знакъ истиннаго, нелицемѣрнаго уваженія, достопочтенному Юрію Никитевичу Бартеневу 11-го Августа 1833-го г. Москва». Стр. 19—21.

5) Стихотворенія Алексѣя Васильевича *Тимофеева:* «Долгъ» (нач.: «Всѣхъ выше словъ и чувствъ святыхъ») съ подп.: «А. Тимофеевъ. 5 Сентября 1866 г. Москва» и «Взгляни въ себя (По извѣстному случаю)» (нач. «Взгляни въ себя, мудрецъ и христіянинъ») съ подписью: «А. Тимофеевъ. 5 Сентября 1866 г. Москва». Стр. 22—26.

6) Стихотворенія В. Г. *Бенедиктова:* а) «Горныя выси» (нач.: «Одѣты ризою тумановъ»), б) «Пожаръ» (нач.: «Ночь. Сомкнувшіяся тучи»), в) «Радость и горе» (нач.: «О радость—небесной ты гостьей слетѣла»), г) «Алинѣ» (нач.: «Алина, вижу: ты прекрасна»); подпись: «В. Бенедиктовъ. 12 Іюля 1836». См. изд. 1902 г., стр. 3 и 9. Стр. 27—39.

7) Стих.: «Какъ дерзко было-бъ домогаться», съ подп. «Александръ Бѣшенцовъ», и стих.: «О чемъ писать, какъ нѣту впечатлѣній», съ подп. А. Бѣшенцовъ. 1863 года 7. Генваря. Москва». Стр. 41—43.

8) Стих. Ив. Петр. Мятлева: «Облако» (нач.: «Какъ быстро облако бѣжитъ»), съ подп.: «И. Мят...» [1]) Стр. 45.

9) «Подъ осень,—въ дорогѣ», стих. (нач.: «Желтѣетъ ивы тонкій листъ»), съ помѣтою въ концѣ: «Вписываю это и другія (на страницахъ 75-й, 107-й, 175-й, и 216-й сего альбома) стихотворенія,—изъ келлейныхъ моихъ скромныхъ произведеній, не для свѣта, а для радостотворной печали самообличенія и самоукоренія изъ сердца на бумагу наносимыхъ,—въ воспоминаніе *глубокихъ* бесѣдъ, съ искренно любимымъ и чтимымъ мною Юріемъ Никитичемъ, въ посѣщеніе (вѣроятно послѣднее)—мною Москвы, въ Февралѣ и Мартѣ 1863-го года, на 60-мъ году моей жизни. Александръ Башуцкій». Стр. 47—54.

10) «Вы по снисходительному расположенію Вашему, добрый, умный и почтенный Юрій Никитичь, позволили и мнѣ вписать имя мое въ Альбомъ Вашъ» и т. д., съ подп.: «А. Тепляковъ [2]). С. П. Бургъ 1841 года, 4 Мая». Стр. 55—56.

11) «22 Іюня 1835 года. Сегодня минуло ровно *тридцать девять лѣтъ* тому, какъ въ Сибири, на берегу Ангары, тамъ, гдѣ въ нее вливается мутный Иркутъ, родился *человѣкъ* дитя больное, слабое, не утѣха, но горе добрыхъ родителей» и т. д., съ криптографической подписью изъ семи буквъ и помѣтой «Москва». Стр. 57—60.

12) Стихотвореніе *В. Г. Теплякова* (стр. 61—62):

Вотще душа обнять сей міръ
Огнемъ всѣхъ чувствъ своихъ желаетъ,
И тлѣнный въ немъ себѣ кумиръ
Изъ благъ земныхъ сооружаетъ.
Вотще она по морю бѣдъ
За каплей счастія стремится,
И въ здѣшнемъ мракѣ видѣть льстится
Своей отчизны милый свѣтъ. —
Обманъ, обманъ!... но есть мгновенья,
Когда въ божественномъ забвеньи

---

1) Варіантовъ не представляетъ по сравненію съ Соч., изд. М. 1894, т. I, стр. 21—22.

2) Это — братъ поэта Виктора Григорьевича Теплякова и авторъ воспоминаній о немъ, напечатанныхъ въ «Отечеств. Запискахъ» 1843 г., т. XXVIII, № 6, и сборника «Повѣстей», изд. М. 1836.

Сама въ себя погружена,
Грустить о родинѣ она!
Небесный Ангелъ разрѣшаетъ
Ее тогда отъ здѣшнихъ узъ,
И благодатный заключаетъ
Съ ней родины ея союзъ.
Съ какимъ презрѣніемъ взираетъ
На здѣшній міръ она тогда:
О, сколь въ немъ блескъ ея напрасенъ!
Сколь жаръ къ прекрасному опасенъ!
Сколь здѣшнихъ благъ тускла звѣзда!

В. Тепляковъ.

С. П. Б.
7 Мая 1836.

Вошло въ изд. 1832 г., стр. 91—92.

13) «Гимнъ Богу» (нач.: «Въ Твоей десницѣ, Всемогущій...»), съ подп. «Алексѣй Зиловъ. 1850 года Декабря 12 дня. *Москва*». Стр. 63—65.

14) «Романсъ» (нач.: «Вѣетъ буря и грядами | Тучи по небу плывутъ...»), съ подп.: «А. Грековъ» и припискою: «Юрію Никитичу Бартеневу. Какъ слабый знакъ преданности и совершеннаго уваженія.—Кострома. 1830 года Октября 25 дня».

15) «Epitre Dédicatoire D'une Soirée de Terpsichore précédée d'une introduction; paroles et Musique Composées et dédiées avec le plus profond respect à Monsieur le Directeur des Ecoles de Kostroma Юрію Никитичу Бартеневу le jour de Sa Fête 4 Février 1829», съ подп.: «Kostroma. Par son très humble et très Respectueux Serviteur et subordonné Louis Teringer» [1]). Стр. 71—74.

16) «Семь словъ», стих. (нач.: «Есть *семь словъ* небесныхъ въ языкѣ земномъ...»), съ подп.: «Александръ Башуцкій». Стр. 75—77.

17) «Едино же есть на потребу», стих., нач.: «Жизнь! жизнь! тернистый путь въ невѣдомую даль...», съ подп.: «Николай Сушковъ. Посильное приношеніе на память сердечноуважаемому мною Юрію Никитичу. 31 Генваря 1850. Москва».

18) «Кіевъ. Ты требуешь другъ мой Психологіи жизни моей; но какъ могу я передать тебе те разнообразные переливы, те чудесные феномѣны безумія

1) Читай: Герингеръ, — Людовикъ Михайловичъ, учитель Французскаго языка Костромской гимназіи.

моего и путѣй святаго провидѣнія, которые составляютъ ткань бытія моего?— *Au banquet de la vie, infortunné Convive*, и я очутилась нѣкогда, призванною на крестный пиръ міра сего, внесла въ него все призраки не опытной чувствительности, сердце, гладомъ любви истаевающее. Мне казалось справедливо требовать отъ человѣковъ то, что я такъ радушно, такъ свято предлагала имъ,—размѣнъ чувствъ и любвѣй. Счастье напрасно манило меня призраками своими; блага міра изливались кругъ меня; самолюбіе, честолюбіе, могли бы замѣнить для другова ту пустоту которая угнѣтала сердце мое, но безумное сердце сіе не внимало гласу похвалъ; любить и быть любимой было единственной мечтой, единственнымъ воплемъ бытія моего, и посрѣди радостей земныхъ я была подобна невольнику прикованному къ богатой трапезѣ на которой уставлѣны питіи приговора его смертнаго.—Мне тесно было въ мірѣ, сердцѣ мое рвалось куда то, и искало чего то, ему самому неизвѣстнаго. Надежды дружбы, и самые святые любви оскорбляли меня попеременно, но тайное какое то чувство говорило мне что есть гдѣ то сердце моему двойничное, единокровное; что и ето сердце жѣланное меня ищетъ и мне страждетъ и подобно мне жѣлаетъ со мною соединенія. Но гдѣ сердце сіе? я изкончевалась (sic) о немъ, а гдѣ искать его не вѣдала. Лукавый міръ видѣлъ мое неразуміе и спѣшилъ призраками области своей обманывать глупое сердце мое. Я бросалась съ жадностью алчбы на смертоносные яды, міромъ подносимые; испивала до дна чаши, одна за другою приправляемыя; хлѣбала смерть за смертью; сорила жизнью, но — жизни сердцу не находила нигдѣ. — Такъ прошла половина бытія моего. — Горести какъ ядовитый червь, свивая гнездо въ сердце, выгрызаютъ изъ него всю лутчую, всю живую часть его, и когда, созрѣвъ въ мѣру промысла, окончиваютъ работу свою, оставляютъ замерешй плевѣ, ими покидаемой, томное чувство долговрѣмяннаго грызенія своего. Жизнь тогда изжита; слезы всѣ выплаканы; и омертвѣлое сердце, чуждое печалямъ и радостямъ, какъ плева, хранящая зародышь Бабочки, изсыхаетъ по малу, ожидая дня воскресенія. — Посреди томлѣнія сего (содрогнись безумію моему, другъ мой) я вспомнила какъ-то, что я досѣлѣ, мечтая о любви, не догадалась вспомнить любви Бога къ человѣкамъ. О, какъ затрѣпѣтало сердце мое, какъ обновилась жизнь его когда канула въ него мысль, что можетъ быть искомое мною сердце есть сердце Іисусово. Такъ точно: говорило нечто во мне; одинъ Богъ, одинъ только Іисусъ Христосъ наполнить можетъ Собою тотъ океанъ любви, которымъ томится душа твоя! Но какъ осмѣлится прислонить сердце, оскверненное тварью, къ тому всесвятому, чистѣйшему, которое вдругъ здѣлалось цѣлью всѣхъ жѣланій моихъ? Все во мне и жѣланномъ было противоположно и кромѣ любви и креста я не находила между имъ и мною никакой точки соединенія. О, сердцѣ бѣдное: сказала я въ себе; сердцѣ въ исканіи жизни жизнь свою изсори́вшее; любить и быть любимой было бы верхъ блаженства твоего, но достойна ли ты быть счастливой? Довольствуйся жить половиной бытія твоего. Люби одна, забывая, что бываютъ любимы! Я обняла крестъ Любителя душъ нашихъ. Виновнымъ сердцемъ измѣряла страданіи безгрѣшнаго; къ святымъ язвамъ незаслужѣннымъ прикладывала мои язвы грѣховные и, не умѣя возвысится къ Богу, привлѣкала Его въ персть мою, съ нимъ о себе и о немъ горюя и беседуя. — Остальное тебе извѣстно, другъ мой. Я спокойна; и естли нить бытія моего крутыми узлами воспоминаній перепутанная, потрясается иногда при какомъ-нибудь прикосновѣніи, потресеніе сіе, какъ память сна

ночного, изчезаетъ предъ лицемъ покоя. Я окончу статью сію Аглицкими стихами прекрасными, которые желала бы, чтобъ перевелъ кто по Русски.

On a charnet house» и т. д.

Далѣе слѣдуютъ: 12-строчное англійское стихотвореніе и подъ нимъ дата: «1834. Іюля 21» (подписи имени нѣтъ), затѣмъ—переводъ этихъ стиховъ въ прозѣ, сдѣланный Е. Колюпановой въ Костромѣ 2-го Августа 1835 г., стихи по поводу «исповѣди души», написанные Надеждою Арсеньевою, и, на вклеенномъ листкѣ,—«Переводъ Англійскихъ стиховъ въ концѣ умилительной статьи А. П. Хвостовой», сдѣланный Николаемъ Сушковымъ и переписанный Д. И. Сушковой. Стр. 83—90.

Мы выписали «исповѣдь»—прекрасный образчикъ туманныхъ разсужденій нашихъ мистиковъ, такъ какъ исповѣдь эта, не подписанная, принадлежитъ перу той Александры Петровны Хвостовой, рожд. Херасковой, которую задѣлъ юный Пушкинъ въ эпиграммѣ 1818 года на князя А. Н. Голицына:

Вотъ *Хвостовой* покровитель,
Вотъ холопская душа...

Хвостова, женщина образованная, энергичная и очень привлекательная, была членомъ общества «мечтательницъ», основаннаго баронессою Крюденеръ; она хорошо знала Бартенева по мистическому союзу Лабзина, передъ которымъ благоговѣла. О ней см. изданныя нами «Воспоминанія А. Е. Лабзиной», С.-Пб. 1903, а также соч. Пушкина, изд. Академіи Наукъ, т. II, и «Просвѣщенія», подъ ред. П. О. Морозова.

19) Стихотвореніе, вписанное Владиміромъ Петровичемъ *Горчаковымъ*, Кишиневскимъ пріятелемъ Пушкина (стр. 92, на оборотѣ перевода Н. В. Сушкова):

Листокъ завѣтный, сохрани
Для сердца чистаго понятное сказанье,
Что жизнь — не жизнь, когда очарованья
Не озаряются *святынею* любви,
Что этотъ свѣтъ огнистою стрѣлою
Когда разсыплется во мракѣ бытія,
То мы поймемъ прозрѣвшею душою,
Гдѣ загорается *прекраснаго* заря!

В. Горчаковъ.

31-го Ген. 1850.

20) Стихотвореніе Михаила Александровича Максимовича (стр. 93—94):

Сердцемъ въ первые дни жизни,
Но не къ счастью я разцвѣлъ;
Отлученный отъ отчизны
Я лишь грусть одну нашёлъ. —
Рано душу взволновала
Мнѣ прекрасная Мечта;
Рано, рано засіяла
Мнѣ привѣтная Звѣзда.
Но мечта, что такъ мнѣ льстила,
Вѣроломная была:
Сколько благъ она сулила —
И сколь мало принесла!
Но Звѣзда, что мнѣ свѣтила,
Такъ отрадно для души —
Лишь взманила — измѣнила
И покинула въ глуши!..

М. Максимовичъ.

На память почтенному Юрію Никитичу сію стародавнюю пѣсню мою посвящаю: она напомнитъ ему меня въ томъ году, когда началось наше знакомсмтво въ Москвѣ, которому теперь въ 1834 году, здѣсь — въ Кіевѣ минуло 10 лѣтъ!

21) То-же стихотвореніе, что и выше, подъ № 19, съ тою же датою. Стр. 94.

22) «Я слышалъ рѣчь, дивную рѣчь, отъ которой не могу теперь опомниться: и сладка и полна была она, какъ звуки церковнаго органа; и плѣнительна для души, какъ манна, падавшая съ неба для утоленія алчущихъ; и грозна, какъ громы, передъ которыми дрожитъ земля и робкіе *падаютъ* во прахъ, но которые благорастворяютъ воздухъ, даютъ новую жизнь природѣ и заставляютъ благоговѣйно сотворить крестное знаменіе. Никогда не забуду Вашей бесѣды, почтеннѣйшій Юрій Никитичъ.

Лажечниковъ.

22 Апрѣля 1841.
С.-Петербургъ.

Среди черни, окружающей насъ и на улицахъ и въ позолоченныхъ палатахъ, я встрѣтилъ *человѣка*, и принесъ ему дань моего уваженія. Не знаю, что заставило его подумать, что мои слова лесть: не только ему, но и высокимъ міра сего, не кадилъ я никогда, никогда не унижалъ ею своего *человѣческаго* назначенія. Можете увидѣть это изъ всѣхъ моихъ произведеній и дѣлъ. И потому примите мои слова за изліяніе

чувствъ простаго и горячаго сердца. 1 Мая 1841. Лажечниковъ». Стр. 95—96.

23) «Посланіе къ Людмилу» (нач.: «Съ какимъ торжественнымъ и радостнымъ лицемъ...»); подпись: «М. Загоскинъ. Въ 1823 году». Стр. 97—105.

24) Стихотвореніе «Па́дшимъ» (нач.: «Нѣтъ, никогда-бы вы не впали въ сей позоръ...»). Стр. 107.

24) «Новый Годъ». Нач.:

«Весь народъ
Говоритъ
Новой Годъ
Говоритъ» и т. д.

Подпись: «Иванъ Мятлевъ». Стр. 109—111.

25) «Баснь. Наблюдатель» (нач.: «Привычка, говорятъ, вторая есть натура...»), подп.: «А. Зиловъ. 1850 года 12 Декабря»; «Овца и Свинья» (нач.: «Вблизи жидовскаго мѣстечка»); подп.: «А. Зиловъ»; «Ростокъ» (нач.: «Межъ пней и между кочекъ...»), подп.: «А. Зиловъ. 1850. 12 Декабря *Москва*». Стр. 113—116.

26) Четыре стихотворенія Якова Петровича Полонскаго: а) «На пути изъ за Кавказа» (нач.: «Неприступный—горами заставленный»; напечат. въ изд. соч. 1869 г.), б) «Лѣсъ» (нач.: «Въ тѣ дни, какъ вѣрилъ я въ міръ призрачныхъ чудесъ...»; напечат. тамъ-же), в) «Времени» (нач.: «Зачѣмъ до сей поры тебя изображаютъ...»; напечат. тамъ-же), и г) «Нищій» (нач.: «Знавалъ я нищаго, какъ тѣнь...»; напечат. тамъ-же); подп.: «Я. Полонскій. 1852. 6 Апреля. Москва». Стр. 119—124.

27) Стихотвореніе Н. А. Некрасова: «Забытая деревня» (нач.: «У бурмистра Власа бабушка Ненила...»), записанное рукою Тертія Ивановича Филиппова, съ его припиской: «Вы хотѣли, почтеннѣйшій Юрій Никитичь, чтобы я вписалъ въ Вашъ альбомъ эти стихи, написанные не мною. Я отгадываю Вашу цѣль: Вы хотѣли доставить мнѣ случай помѣстить мое имя между славными именами, блистающими на страницахъ Вашей памятной книги» и т. д. и датою: «12 Мая, 1856 года». Стр. 125—127.

28) «Небесный Гость. Легенда. Посвящается Юрію Никитичу Бар-

теневу» (нач.: «Что ты за Библіей вѣчно сидишь?»); подп.: «М. Воскресенскій. 1857. Іюня 21». Стр. 129—134.

29) Переводъ Ѳедора Богдановича Миллера:

Изъ Гёте.

Міръ земной — наковальня, молотъ тяжелый — влажитель,
Люди — желѣзо: оно гнется покорно подъ нимъ.
Горе желѣзу, когда молотокъ ударяетъ невѣрно:
Въ слабой, дрожащей рукѣ тщетно онъ будетъ ковать!

Ѳ. Миллеръ.

1859. Мая 19.

30) Три французскихъ стихотворенія, писанныя неизвѣстной намъ рукою; изъ нихъ два представляютъ переводы стихотвореній Пушкина «Русалка» и «Талисманъ». См. «Пушк. и его совр.», вып. XIV. Стр. 137—146.

31) «Полиметры. (Жанъ-Поля Рихтера)», съ подп.: «Перевелъ Павелъ Шютцъ. 23 Августа 1833 г. Москва». Стр. 147—149.

32) «Еще нѣсколько разномѣровъ Жанъ-Поля Рихтера», съ подп.: «На память много-уважаемому Юрію Никитичу Бартеневу перевелъ съ нѣмецкаго Ѳедоръ Кони». Стр. 151—152.

33) «Идея Поэта», съ предисловіемъ: «(Авторъ слѣдующихъ стиховъ желалъ изобразить хотя нѣсколько внутреннюю сторону поэта, или болѣе его происхожденіе. Онъ заставляетъ говорить самаго поэта, нисколько не разумѣя лично себя. И огнедышущій Языковъ не позволяетъ такъ говорить о себѣ своему я. Авторъ отказываясь совершенно отъ дара Стихотворства, лишь въ тайнѣ позволяетъ себѣ любить Поэзію».

Просторъ небесъ,
Ихъ тишина
И глубина;
Гдѣ солнца зной
Гдѣ бури вой,
Когда изъ тучь
Летитъ, какъ лучь
Стогулый громъ:
Вотъ гдѣ мой домъ! и т. д.

Писано неизвѣстной намъ рукою. Подп.: «Параклитъ 18$\frac{IX}{25}$33». Стр. 153—157.

34) «Молитва предъ окончаніемъ Драматической Фантазіи: Доминикино Зампіери.

Господи Боже мой,
Чистой поэзіи
Кладязь единственный

Дай погрузиться мнѣ
Въ бездну душевную
Въ тайны сердечныя!

Душу великую,
Сердце великое,
Разрѣши Господи
Къ явной разлукѣ
Съ перстью грѣховною!
И да предстанутъ мнѣ
Въ чистомъ сіяніи
Преображенія
И да повѣдаютъ
Тайну предсмертную,
Страшную исповѣдь

* * *

Нѣсть-ли сознанія
Въ свѣтломъ достоинствѣ,
Въ темной грѣховности
Въ часъ благовѣщенья
Ангела Смерти.
Нѣсть утѣшителя
Для добродѣтели
Передъ могилою?
Кто облачается
Царственной ризою
Передъ кончиною?
Грѣшникъ-ли въ ужасѣ?
Праведникъ въ радости?
Или ни тотъ, ни другой??

* * *

Двери великія
Царства Небеснаго
Не растворяются
Перстью повитой душѣ.
Не разрѣшенная
Чистой молитвою
Бога провидитъ душа

* * *

— Богъ вдохновенья!
Богъ раздаватель
Горнихъ талантовъ!
Бѣденъ и жалокъ мой трудъ!

— Богъ упованья!
Богъ очищенья!
Честенъ и славенъ мой трудъ!

***

Въ трудномъ началѣ
Я Тебя призвалъ,
Тайной, но теплой мольбой.—
Боже!.. Кончаю...!
Благослови!

12-го Апрѣля
1836.

На память пріятнѣйшаго для Автора чтенія Доминикина 7 Апрѣля, вписалъ сію молитву въ книгу Юрія Никитича Несторъ Кукольникъ». Стр. 161—164.

35) «О Колисеѣ. Отрывокъ изъ второй части сенсацій и замѣчаній Г-жи Курдюковой»; автографъ И. П. Мятлева; подп.: «И. М.». Стр. 165—170. Приводимъ эти стихи въ виду представляемыхъ автографомъ варіантовъ къ печатному тексту [1]).

Титъ Жидовъ отправилъ въ Римъ
На потребу Веспазьяна
Волей этого тирана
Былъ построенъ Колисей —
Онъ одинъ еще во всей
Дрѣвней красотѣ остался
И мнѣ очень показался —
Тутъ Театръ былъ въ старину
Но не вижу entre nous
Становились гдѣ кулисы —
Тутъ актеры и актрисы
Выли звѣри, Гладьятеръ
Съ ними дрался — quelle horreur —
Этимъ Римляне досадны
Что ужасно кровожадны
Всего болѣе на кровь
Обращалась ихъ любовь.
Гладьятеры умирали
Въ мукахъ, но рукоплѣскали
Лишъ тому — кто avec grace
Свой встрѣчалъ послѣдній часъ.
Больше всѣхъ смѣялись дамы —
Вѣроятно мелодрамы

1) Ср. Соч., изд. 1894, т. III, стр. 138—140.

Здѣсь Monsieur Hugo Victor
Первой взяли свой essor.
Точно, въ нихъ какъ не заколятъ
Шестерыхъ, не приневолятъ
Выпить ядъ, человѣкъ пять
То готовы освистать.
Но что это за руина
Безподобная картина
Когда вечеромъ луна
Молчалива и блѣдна
Въ небѣ голубомъ гуляетъ
И въ ракиды проникаетъ
Тутъ шумитъ временъ рѣка
Дуновенье вѣтерка
О минувшемъ навѣваетъ
И какъ будто отдѣляетъ
Душу отъ зѣмныхъ оковъ
Говоръ слышится вѣковъ —
Эта страшная громада
Какъ Жуковскаго баллада
Говоритъ: не уповай
На величье, на случай;
Все погибнетъ, все истлѣетъ.
И душа какъ разумѣетъ
Опустѣлость этихъ мѣстъ,
И въ середкѣ этотъ крѣстъ,
Побѣдитель разрушенья,
Предвѣщатель воскресенья —
Здѣсь въ гоненья времена
Вся земля обогрена
Кровью мучениковъ вѣры.
Разогнались какъ химеры.
Какъ при вѣтрѣ облока
Тѣ минувшіе вѣка,
Блѣскъ диктаторовъ, линтеры
Консула и гладьятеры.
Пролѣтѣвшій этотъ сонъ
Нѣкогда Наполеонъ
Здѣсь возобновить старался,
Но и самъ какъ дымъ промчался.
Крестъ остался неврѣдимъ
И стоитъ непобѣдимъ.

И. М.

36) Стихотвореніе Надежды Арсеньевой: «Москва. 10 Декабря 1850». (Нач.: «Бартеневъ! Вы меня плѣнили, Вчерашнимъ вашимъ языкомъ!»). Стр. 171.

37) Стих.: «Что нужно Поэту?» (нач.: «Нужно пчелкѣ золотистой...»), съ подп.: «Д. Хвостовъ. Исполняю ваше желаніе, высокоуважаемый мною Юрій Никитичь. Но возлагаю на васъ отвѣтственность въ томъ, что сунулся съ своимъ рыломъ въ калачный рядъ. Москва. 9 Октября 1858». Стр. 173—174.

38) «Молитвы нѣтъ!» (нач.: «Бьетъ три,—работы дня конецъ!...»), съ подп.: «Александръ Башуцкій». Стр. 175—176.

39) «Der Ernst des Lebens», стих., съ подп.: «Dr Karl Sederholm. Zur freundschaftlichem Andenken. Kostroma den 1 März 1831». Стр. 177—178.

40) Стихотвореніе Лермонтова (безъ указанія его имени) 1831 г.: «Рѣдѣютъ блѣдные туманы» (ср. соч. Лермонтова, изд. въ «Академич. библіотекѣ Русскихъ писателей», подъ ред. Д. И. Абрамовича, т. I, стр. 398) и отрывокъ въ стихахъ изъ юношеской (1831 г.) поэмы Лермонтова (безъ указанія его имени) «Азраилъ» (нач.: «Азраилъ сидитъ на курганѣ. «Дождуся здѣсь...») и съ подп.: «А. Закревскій. Кострома 15 Августа 1831 года. Въ память почтенному Юрію Никитичу Бартеневу» (ср. тамъ-же, т. I, стр. 409). Стр. 180—183.

41) «Сонетъ», автографъ Пушкина. Стр. 185—186. См. «Пушк. и его совр.», вып. XIV.

42) Автографъ Н. М. Языкова, стр. 187—188 (съ нѣсколькими варіантами противъ обычнаго текста):

«Подражаніе XIV Псалму».

Кому о Господи, доступны
Твои Сіонски высоты?
Тому, чьи мысли неподкупны,
Чьи цѣломудренны мечты;
Кто дѣлъ своихъ, цѣною злата,
Невзвѣшивалъ, не продавалъ,
Неухищрялся противъ брата
И на врага неклеветалъ;
Кто вѣрой въ Бога укрѣплялся
Кто сердцемъ чистымъ и живымъ
Ему со страхомъ покланялся,
Съ любовью плакалъ передъ нимъ.

* * *

И святъ, о Боже, твой избранникъ!
Мечемъ ли руку ополчитъ?

Велѣній Господа посланникъ,
Онъ исполины сокрушитъ.
Въ вѣнцѣ ли онъ? Его народы
Возлюбятъ правду; весь и градъ
Взыграютъ радостью свободы
И нивы златомъ закипятъ.
Возметъ ли арфу? Дивной силы
Духъ преисполнится его —
И, какъ орелъ ширококрылый,
Взлетитъ до неба Твоего!

Н. Языковъ.

1830. 3 Сентября.
Москва.

43) Автографъ графини Е. П. Ростопчиной: «Иконѣ Трехъ Радостей», съ эпигр. «На тя бо едину надежду имамы»; нач.: «Мольбы прибѣжище, залогъ благословенья...»; въ концѣ: «(Село-Анна, 12-го Мая 1840). Графиня Евдокія Ростопчина. (Передается Юрію Никитичу Бартеневу отъ души въ душу,—задушевно, и съ полной увѣренностью, что онъ пойметъ! Москва, 1-е Февраля 1850.). Эта пьэса еще нигдѣ не напечатана». См. изд. 1857, т. I, стр. 309—310.—Стр. 189—190.

44) Автографъ Н. В. Кукольника: «§ IV. Изъ книги Мыслей» (нач.: «Заводить знакомства | Лестно и пріятно...»), съ подп.: «1835 г. Москва. Несторъ Кукольникъ на память Юрію Никитичу изъ тайныхъ своихъ стихотвореній». Стр. 191—195.

45) Два стихотворенія Юліи Валеріановны Жадовской (которая находилась подъ особеннымъ покровительствомъ Ю. Н. Бартенева) съ стихотворнымъ обращеніемъ къ Бартеневу (нач.: «Признайтесь же, что надо слишкомъ много...»): «Отвѣтъ» (нач.: «Ты спросила: отъ чего я...») и «Скучный вечеръ» (нач.: «Какъ мнѣ вечеромъ скучно, одной...»); съ подп.: «1850. Юлія Жадовская». См. изд. 1894, т. I, стр. 94 и 96.—Стр. 197—199.

46) Стих. Анны Ивановны Готовцевой (по мужу Корниловой), тетки Ю. В. Жадовской (стр. 201—204): «Къ Юрію Никитичу Бартеневу» (нач.: «Въ безвѣстной тишинѣ забытая всѣмъ свѣтомъ») съ подп.: «Анна Готовцева. 1829-го года. Кострома» и помѣтой: «Напечатаны въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1828 г.» (ошибка—вмѣсто: 1829 г.), гдѣ помѣщены также: ея посланіе къ Пушкину, отвѣтъ ей Пушкина («И недовѣрчиво, и жадно...») и стансы ей князя Вяземскаго, покровительствовавшаго ея

занятіямъ поэзіею и вызвавшаго Пушкина написать ей отвѣтъ на ея стихи, обращенные къ нему. См. Соч., ред. Морозова, т. II, стр. 451—452 и Переписка, т. II, стр. 76, 80, 81.

47) Автографъ князя П. А. Вяземскаго:

Хотите-ль Вы въ душѣ провѣдать думы,
Которымъ нѣтъ ни образа, ни словъ?
Тамъ гдѣ кругомъ густѣетъ мракъ угрюмый
Прислушайтесь въ молчаніе лѣсовъ:
Тамъ въ тишинѣ перебѣгаютъ шумы,
Невнятный гулъ беззвучныхъ голосовъ

***

Въ сихъ голосахъ: мелодія пустыни.
Я слушалъ ихъ, заслушивался ихъ.
Я трепеталъ, какъ предъ лицемъ Святыни,
Я полонъ былъ созвучій, но нѣмыхъ
И изъ груди, какъ узникъ изъ твердыни,
Вотще кипѣлъ, вотще мой рвался стихъ.

Вяземскій.

Москва. 31-го авг. 1830.

«Любезному Костромичу Юрію Никитичу Бартеневу отъ земляка». Стр. 205.

48) Отрывки изъ первоначальныхъ, писанныхъ въ началѣ 1830 г., набросковъ «Демона» Лермонтова (но безъ указанія на автора), съ подписью: «А. Закревскій» и съ слѣдующими варіантами къ тексту, данному въ изд. «Академической библіотеки Русскихъ писателей», т. II, стр. 387—388 (ср. стр. 505):

Демонъ.

I.

1 Печальный демонъ, духъ изгнанья,
. . . .
Боясь свѣта — клялъ онъ тьму.

II.

29 Въ полночь, между холодныхъ скалъ.

Запись сдѣлана тѣми же чернилами и тѣмъ же почеркомъ того же А. Закревскаго, который внесъ запись въ альбомъ Бартенева въ Костромѣ 15 Августа *1831* года (см. выше, № 40). Стр. 206—207.

49) «Отрывокъ изъ комедіи: «Лицемѣрка» (нач.: «Графиня Попури... Всѣ лучшаго хотятъ и свататься чуть смѣютъ...») и «Отрывокъ

изъ стихотворной повѣсти: *Мятежники*», съ подп.: «М. Марковъ. 22 Февраля 1832 года. Москва». Стр. 208—214.

50) Запись Петра Ивановича Бартенева съ датой «Москва. Марта 8-го 1862 г.». Стр. 215.

51) Запись Ивана Сампсонова съ датой: «1-го Августа 1862 года. Москва». Стр. 216.

52) «Гранильщикъ», стих., съ подп.: «А. Башуцкій». Стр. 216—216 г.

53) Автографъ Н. М. Языкова: стих. «Поэту»; въ стихѣ 13-мъ и 14-мъ варіанты противъ изд. «Дешевой Библіотеки» (1898 г., I, стр. 241):

Привѣтно ли *сіяетъ багряница?*
Ужасенъ ли *вѣнчанный произволъ?*

а въ стихѣ 29-мъ:

Онъ на тебя *немилосердно* взглянетъ.

Въ концѣ подпись: «Н. Языковъ. 1832. Марта 3. Москва». Стр. 217—219.

54) Автографъ князя Вл. Ѳед. Одоевскаго: «Русской Пиранези», съ эпигр.: «Жилъ, жилъ и только что въ Газетахъ | Осталось: «выѣхалъ въ Ростовъ». Дмитріевъ». (Нач.: «Недавно случилось мнѣ быть при смертной постели однаго изъ тѣхъ людей, въ существованіи которыхъ, какъ кажется, не вмѣшивается ни одно созвѣздіе...» Въ концѣ подпись: «Кн. Вл. Одоевскій. Москва. 1832. Сентября 21-е». Напечатано. Стр. 221—239.

55) Запись Авдотьи Петровны Зонтагъ (безъ подписи), нач.: «Посмотрите на человѣка давно оглохшаго» и т. д. Подпись: «Сентября 30. —1832-го. На память отсутствующей». Стр. 241.

56) «Женщина», стих. В. И. Карлгофа (нач.: «Въ дни юности она являлась мнѣ...»); подп.: «В. Карлгофъ. 3 Октября 1832. Москва».— Стр. 243—244.

57) Стихотвореніе Ѳ. А. Кони: «Великій» (нач.: «Змѣится молнія... по бурнымъ облакамъ...»), съ подп.: «Вотъ почтеннѣйшій Юрій Никитьичь нѣсколько строкъ на память много уважающаго васъ Ѳедора Кони, который, хотя зналъ васъ немного, но слишкомъ довольно, чтобъ никогда

не забыть дружескаго вашего къ нему расположенія. Москва. 1835». Стр. 245—246.

58) «Мысль», стих. А. В. Тимофеева (нач.: «Подъ сводами черной, туманной пещеры...»; см. «Опыты Т. м. ф. а. Ч. I, Спб. 1837, стр. 65—66); подп.: «А. Тимофеевъ». Стр. 247—248.

59) «Къ звѣздѣ», стих. (нач.: «Алмазъ, повѣшенный въ ѳеирѣ...»), съ подп.: «Параклитъ. Москва. 1828»; «Мои мысли» (нач.: «Религія есть поэзія сердца...), съ подп.: «Параклитъ. Москва. 1833. Сентября 25-го. Юрію Никитичу Бартеневу въ знакъ истиннаго и искренняго уваженія къ его Поэзіи Сердца и къ Поэзіи Ума». Стр. 249—256.

60) Разсужденіе И. М. Ястребцева: «Любовь къ ближнему» (нач.: «Какое понятіе имѣемъ мы о смерти?...»); подп.: «Юрію Никитичу Бартеневу посвящается отъ Ястребцева. 29 Октября, 1833». Стр. 237—272.

61) Письмо Н. А. Полевого: «Исполняя желаніе Ваше, почтеннѣйшій Юрій Никитичъ, я написалъ нѣсколько строкъ въ альбомъ Александры Петровны [1]). Не могъ перевести стиховъ [2]), еще менѣе приложить письма къ ней. Прочтите написанное мною, и Вы согласитесь, что послѣ того чувства, которое возбудилось при мысли, что я пишу къ этой неизвѣстной мнѣ, но необыкновенной женщинѣ—я не могъ писать оффиціальнаго ничего. Пусть судитъ, осуждаетъ. Смѣшно даже вписывать чернилами сердца и перомъ души въ такую книгу, которая можетъ попасть въ души безсмысленнаго свѣта. Но, что̀ мнѣ! довольно, если *Вы* оцѣните и поймете меня, если *она* оцѣнитъ и пойметъ. Напишите къ ней Вы; скажите, что я читалъ написанное ею Вамъ въ Альбомъ, и—довольно.—Примите искреннее желаніе увидѣть Васъ по возвращеніи Вашемъ изъ сѣверныхъ сторонъ въ бѣлокаменную Москву, здоровыми и веселыми; но и тамъ бывши, вѣрьте душевному почтенію, съ коимъ я всегда есмь и пребуду, Вашъ преданный Н. Полевой.

NB. Можетъ быть, Вамъ любопытно будетъ знать: какими каракульками подписалъ я въ Альбомѣ свое имя?—Это, такъ называемыя, гла-

---

1) Хвостовой. См. выше, № 19.

2) См. тамъ же.

голитскія буквы, которыми печатаются церковныя книги западныхъ славянъ. Будьте здоровы и благополучны, почтеннѣйшій Юрій Никитичь—повторю Вамъ еще разъ».—На оборотѣ: «Monsieur Monsieur de Barténeff». Письмо написано, вѣроятно, въ 1834 г. Стр. 273—274.

62) Стихотвореніе Н. В. Арсеньевой, нач.: «Люблю Бартеневъ, хлѣбъ-соль кушать...», съ подп.: «Надежда Арсеньева. Авг. 23. 1852» и съ помѣтой Бартенева о полученіи его «28-го Августа 1852, в' Ладушкинѣ». На оборотѣ: «Его Превосходительству Юрію Никитичу Бартеневу отъ Н. В. Арсеньевой». Стр. 275—276.

63) «Отрывки изъ впечатлѣній одного путешественника» (нач.: «Я совершилъ уже большую половину жизни—дни мои проходятъ какъ смутное сновидѣніе...»), съ подп.: «Почтенному Юрію Никитичу Бартеневу на память кочевья на южномъ берегу Крыма въ январѣ 1844 года. Д. П.». Стр. 277—281.

64) Автографъ Анны Александровны Турчаниновой [1]): «Духовное бытіе. Изъ трактата моего О человѣкѣ» (нач.: «Духъ, сотворенный для Неба и вѣчности, проходитъ скорбное испытаніе свое во времени...»); подп.: «Турчанинова. 26. Генваря 1844. Крымъ». Стр. 283—285.

65) Автографъ Н. А. Полевого: «Сентября 27 дня, 1832 года.—*Москва.* Если Исторія есть бесѣда Ума съ Памятью на развалинахъ Царствъ и гробахъ Народовъ, то справедлива-ли послѣ сего унылая дума, тревожащая душу при созерцаніи того времени въ Исторіи *Русскаго народа,* которое мы предпринимаемъ описывать» и т. д. до словъ: «Страсть удѣлъ поэта, но не историка» (это—начало IV тома «Исторіи Русскаго народа» Н. А. Полевого, стр. 7 и слѣд.), а далѣе: «Но историкъ долженъ быть поэтомъ въ настоящей жизни; потому простительно, что пристрастно любитъ почтеннаго Юрія Никитича—уже не историкъ, а просто Николай Полевой». Стр. 287—290 и 295—300.

66) Запись Александра Загряжскаго: «Не хочу, чтобы переплетчикъ своею ниткою имя въ Альбомѣ Вашемъ...», съ датой «18 7/мая 41». Стр. 291—292.

---

1) О ней и ея сочиненіяхъ см. въ нашемъ изданіи: «Архивъ Раевскихъ», т. II, Спб. 1909.

67) Стихотвореніе «Помощь Еговы», съ подп.: «Параклитъ. 1835/VI/12. (Вселюбезнѣйшему Юрію Никитичу въ знакъ воспоминанія моей любви къ нему)». Стр. 301—303.

68) Стихотвореніе Авдотьи Павловны Глинки: «Юрію Никитичу Бартеневу» (нач.: «Давно, давно я не видала...»), съ датой: «Апрѣля 15 1846. Москва». Стр. 304.

69) Стихотворенія Θедора Николаевича Глинки: «Ангелу» (нач.: «Ты мнѣ сказалъ: «Я не покину...»), «Женѣ моей (на день рожденія)» (нач.: «Ты со мною жизни море...»), «Угроза (изъ пророковъ)» (нач.: «Какихъ еще *караній* вамъ?!.»), «Москва» (нач.: «Городъ чудный, городъ древній...»); всѣ подписаны Θ. Глинкой. Стр. 305—310.

70) «Антологическіе опыты» («Мечта и чувство», «Неизмѣнное», «Доля и боги», «Богатство и бѣдность» и «Мольба»), съ подп.: «1835. Θ. Кони». Стр. 311—312.

71) Стихотворенія Θедора Николаевича Щербины: «Сапфо̀» (дата: «1852 года. Іюль. Село Микулино-Городище»; варіанты къ изд. 1873 г.: въ стихѣ 6-мъ: Онъ *тогда* бывалъ со мною; въ 9-мъ: *Онъ на грудь мою* съ мольбою; въ 11-мъ: Не могу *я, мать* родная; въ 16-мъ: *Я болью... мой* желанный; ст. 17-й: *Разлюбилъ свою Сапфо̀...*; въ 46-мъ: И—мнѣ *кажется*—звѣзда; въ 57-мъ: Грудь она *полузакрыть*); «Любовь» (въ изд. 1873 г., стр. 23: «Диθирамбы. I»; послѣдняя строфа читается:

Не въ нихъ-ли намёкъ на блаженство
На тайну и мысль бытія?...
Не въ страсти-ль свои совершенства
Душа прозрѣваетъ моя!...

Дата: «1852»). Стр. 313—316.

72) Запись Павла Шюца (ср. выше): «Юрію Никитичу Бартеневу (Человѣку, какихъ немного). 1841 Г. 2 Іюля». Стр. 317—319.

73) Автографы Н. Θ. Щербины: «Греческія Стихотворенія. Е.-П.- Юрію Никитичу Бартеневу на память знакомства и въ знакъ глубокаго духовнаго уваженія отъ автора. Москва.—1851 года, августа 5 дня»: 1) «Женщина-Мальчикъ (Симпосіонъ)» (въ изд. 1873 г., стр. 9: «Пиръ»); варіанты: въ ст. 2-мъ: Разсыпали *гетеры намъ* ласки; въ ст. 7-мъ: И въ немолчныхъ *лился* разговорахъ; вмѣсто стиховъ 24—32-го:

Для твоихъ лишь, Киприда нагая!...
Осязать ее просятся руки,
И желаютъ глаза осязанья...
Мнѣ съ тобою всѣ Тантала муки,
Всѣ Боговъ золотыя желанья ...
Или спряталъ ты кисть винограда?...
Такихъ формъ — призываю Зевеса! —
Никогда не видала Эллада,
Не писала рука Апеллеса»...
— О, невѣрный, холодный, жестокій! и т. д.;

въ ст. 36-мъ: Цѣлый годъ я жила *одиноко;* дата: «1850. Москва»; 2) «Афродитѣ-Апострофіи» (въ изд. 1873 г., стр. 24, «Диѳирамбы. II»); варіанты: ст. 4-й замѣненъ рядомъ точекъ; въ ст. 5-мъ: На это пурпурное, *жаркое* ложе; ст. 8-й: *Скатится подъ нами долой*; ст. 9-й: *И* наши сердца загорятся, забьются»; въ ст. 17-мъ: Дай страсти, *богиня;* дата: «Одесса.—1850»; 3) «Греческая Ночь» (въ изд. 1873 г., стр. 6: «Южная ночь»), безъ варіантовъ, но съ датой: «1843 года.— Таганрогъ»); 4) «Утро въ горахъ» (въ изд. 1873 г., стр. 123: «Утро въ горахъ Фокиды»), съ эпиграфомъ: «Παν μοι συναρμοσζει, ο σοι εναρμοζον εστι, ὦ κοσμε.—Marcus Aurelius»; варіанты: ст. 2-й: *И звѣзда загорѣлась Киприды;* ст. 4-й: *Облака надъ горами Фокиды;* въ ст. 17-мъ: По тропинкѣ *взбѣжалъ я на* гору; въ ст. 22-мъ: Да *катятся* валы за валами; въ ст. 26-мъ: *Стаю бѣлую* птицъ; въ ст. 31-мъ: *А ужъ* день; вмѣсто стиховъ 33—36-го:

И зову я свою Левконою,
И зовутъ её рощи Фокиды:—
Подѣлись этимъ утромъ со мною,
О, соперница страстной Киприды!...

дата: «1851 года, 30 іюня.—Москва». Стр. 320—331.

74) Стихотвореніе А. И. Готовцевой: «Вечеръ на 17-е Сентября 1850 года. Посв. Юрію Никитичу Бартеневу» (нач.: «Что за чудное вліянье...»); подп.: «Анна Корнилова, урожденная Готовцова. Г. Кострома». Стр. 332—333.

75) Автографы Н. Ѳ. Щербины: 1) «Міръ и Жизнь» (въ изд. 1873 г., стр. 130: «Міръ»); варіанты: въ ст. 15-мъ: *Какъ* безконечна, въ ст. 20-мъ: Мысль *развитая;* дата: «1850 года. Одесса»; 2) «Два

Титана (Прометей и Океанъ)»; варіанты къ изд. 1873 г., стр. 29: ст. 1—2:

Разлился ты безконечно,
Полногрудый Океанъ.

Дата: «1851 г.—Іюнь. Москва». Стр. 335—338.

76) *Автографъ* Андрея Ивановича Подолинскаго (стр. 339): «Вѣрная копія съ собственноручныхъ стиховъ поэта А. Подолинскаго для моего альбома».

Да, средь горъ Тавриды чудной
Скалы въ дымкѣ облаковъ,
Моря отблескъ изумрудный,
Нѣга солнца и цвѣтовъ
Все волнуетъ животворно
Обаяньемъ красоты,
Какъ родникъ изъ кручи горной
Брызнутъ вольныя мечты,
Жизнь блеснетъ опять надеждой,
Вдохновеніе слетитъ —
И подъ форменной одеждой
Грудь поэта задрожжитъ.

А. Подолинскій.

Массандра.
28 Мая 1843.

77) Автографъ Н. Ѳ. Щербины: «Послѣ чтенія Евангелія» (въ изд. 1873 г., стр. 170: ***); варіанты: въ ст. 13—14-мъ:

Съ *неправдою и зломъ*, о, примиритесь, братья
Еще въ младенчествѣ коснѣетъ человѣкъ;

дата: «1848 г. Харьковъ». Стр. 341—342.

78) Запись И. Сахарова (Ивана Петровича). нач.: «Великъ твой подвигъ, мужъ правды и совѣта...» Въ концѣ: «На память отъѣзда многоуважаемому мною Юрію Никитичу Бартеневу. И. Сахаровъ. 1842. Іюля 14». Стр. 343.

79) Автографъ Н. Ѳ. Щербины: «Послѣдняя пѣсня» (въ изд. 1873 г., стр. 169: «Пѣсня вѣка»); варіанты: стихи 5—6-й:

Обреченъ я смотрѣть на мученія,
На неправды семейства людскова,

въ ст. 12-мъ: Она въ вѣкъ переходитъ *отъ* вѣка; ст. 13—16-й:

Переполненный силою страстною
Пожираемый жадно любовью

Потеряюсь я жертвой напрасною —
За людей *непролитою* кровью...

Дата: «1849 г. Декабря 25. Харьковъ». Стр. 345—346.

80) Автографъ Ѳ. А. Кони: «Руская пѣсня» (нач.: «Не жемчугъ дорогой на цвѣточкѣ блеститъ...»). Стр. 347—348.

81) Автографъ Н. Ѳ. Щербины: «Пѣсня Прометея. (Послѣ чтенія Эсхиловой трагедіи: «Прометей»)»; варіанты къ изд. 1873 г. (стр. 159): въ ст. 5-мъ: Говорятъ, *велико* мірозданье; стихи 25—26-й:

И тогда надъ собой и природой
Воцаришься ты, новый Зевесъ;

дата: «1848 г. Харьковъ». Стр. 349—351.

82) Запись князя Юрія Владиміровича Долгорукаго: «Духовная Аптека» (нач.: «Человѣкъ нѣкій прійде во врачебницу...»); дата: «Москва. 24 Декабря 1860 года». Стр. 351.

83) Автографъ Н. Ѳ. Щербины: «Тишина»; варіантъ къ изд. 1873 г. (стр. 261): въ ст. 12-мъ: За злобу не воздай *такою* тишиной. Дата: «1846 г. Сельцо Новосёловка (Валуйкскаго Уѣзда)». Стр. 352.

84) Запись на французскомъ языкѣ, нач.: «J'ai parcouru tout votre album...»; съ подписью: «Anna Ha...... Kief. le 16 d' Aout» (наклеенный листокъ). Стр. 353.

85) «Сонетъ Юрію Никитичу Бартеневу» (нач.: «Кто будетъ отрицать, что для большаго свѣта...»), съ подписью: «А. Зиновьевъ. 1862 апр. 13-е»; вѣроятно, это Алексѣй Зиновьевичъ Зиновьевъ. Стр. 355.

86) Запись М. П. Погодина: «Ахъ, какъ бы я былъ радъ, многоуважаемый Юрій Никитичъ, если бъ могъ, въ исполненіе вашего, пріятнаго для меня желанія, написать въ этой памятной книжкѣ, съ полнымъ убѣжденіемъ: суета суетъ и всяческая суета! Но, увы, много еще этой суеты волнуетъ подъ часъ мою душу. Позвольте же мнѣ пока только поблагодарить васъ за ваши назидательныя напоминанія, впродолженіи тридцати пяти-лѣтней пріязни, объ единомъ на потребу. М. Погодинъ. 1862. Октября 24. Москва». Стр. 256.

87) Двѣ записки въ стихахъ Надежды Арсеньевой къ Ю. Н. Бартеневу: 23 Окт. 1851 г. и 26 Февр. 1851 г. (послѣдняя на отдѣльномъ листкѣ).

Б. Модзалевскій.

Памяти профессора М. Г. Халанскаго *).

Немногочисленная семья русскихъ славистовъ понесла ровно мѣсяцъ назадъ тяжелую и едва-ли вознаградимую утрату: 30 марта скончался послѣ тяжелой и мучительной болѣзни (нефрита) бывшій профессоръ харьковскаго университета, членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ *Михаилъ Георгіевичъ Халанскій,* извѣстный изслѣдователь русскихъ народныхъ говоровъ и глубокій знатокъ славянской народной поэзіи. Смерть Халанскаго для науки тѣмъ трагичнѣе, что она вырвала его изъ нашего міра въ то время, когда онъ, будучи уже въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ своего таланта, задумывалъ обширное систематическое изслѣдованіе славянской народной поэзіи, которое должно было бы подвести итоги его многолѣтнимъ работамъ въ этой области. Жестокая судьба не позволила ему осуществить завѣтную мечту, но благодарная наука не можетъ и не должна забыть одного изъ достойнѣйшихъ своихъ представителей.

Михаилъ Георгіевичъ Халанскій родился 1 ноября 1857 г. въ селѣ Расховцѣ, Щигровскаго уѣзда, Курской губ., въ семьѣ сельскаго священника малороссійскаго происхожденія. Предки Халанскаго еще въ XVII ст. переселились изъ правобережной Украины въ Оскольскій край нынѣшней Курской губ. и получили отъ московскаго правительства землю по р. Халани (откуда и ведетъ начало сама фамилія). По окончаніи ученія въ

*) Докладъ, прочитанный въ Кіевскомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца 2 мая 1910 г.

курскомъ уѣздномъ училищѣ, Халанскій поступилъ въ Бѣлгородскую семинарію, которая въ 1877 г. открыла ему двери въ университетъ. Изъ профессоровъ послѣдняго наиболѣе глубокое вліяніе оказалъ на него знаменитый А. А. Потебня: не даромъ Халанскій признавалъ себя всю свою жизнь его благодарнымъ ученикомъ. Несомнѣнно Потебнѣ Халанскій обязанъ и общимъ направленіемъ своихъ научныхъ интересовъ, вращавшихся почти исключительно въ сферѣ русской діалектологіи и славянскаго фольклора. Но особенно увлекался Халанскій послѣднимъ: еще на студенческой скамьѣ онъ написалъ кандидатское сочиненіе «О сербскихъ народныхъ пѣсняхъ Косовскаго цикла», — сочиненіе настолько цѣнное, что послужило для Историко-Филологическаго Факультета главнымъ основаніемъ для оставленія его при университетѣ въ 1881 г. Но, на свое несчастье, талантливый молодой ученый вскорѣ затѣмъ наткнулся въ своихъ занятіяхъ на упорное противодѣйствіе со стороны проф. Безсонова, — того самаго Безсонова, проведеніе котораго въ профессора Харьковскаго университета Потебня считалъ главнымъ грѣхомъ своей жизни. Оппозиція Безсонова заставила самолюбиваго Халанскаго отказаться отъ полученія стипендіи и перейти на должность учителя Бѣлгородской гимназіи. Терніи научной карьеры не оттолкнули его отъ занятій любимымъ предметомъ: въ глухомъ уѣздномъ городишкѣ, среди занятій, ничего общаго не имѣвшихъ съ настоящей наукой, имъ была написана диссертація «Великорусскія былины Кіевскаго цикла», вышедшая въ свѣтъ въ варшавскомъ РФВ. 1885 г. Но ранѣе защиты ея онъ долженъ былъ сдать магистерскіе экзамены. Для этой цѣли онъ переходитъ преподавателемъ въ харьковскую вторую гимназію, но связанныя съ новою должностью новыя обязанности задержали экзамены до 1887 г. По окончаніи ихъ, Халанскій представилъ упомянутую книгу въ качествѣ диссертаціи на степень магистра въ Историко-Филологическій Факультетъ Харьковскаго университета, но тутъ она встрѣтила жестокую, но несправедливую критику проф. Безсонова. Не смотря на это, диссертація была принята. Но такъ какъ Безсоновъ пользовался авторитетомъ знатока народной поэзіи, то Халанскій добровольно перенесъ рѣшеніе судьбы своей книги въ Петербургскій университетъ, гдѣ въ то время еще сіяла звѣзда А. Н. Веселовскаго. Здѣсь книга Халанскаго встрѣтила болѣе радушный пріемъ и

была защищена въ апрѣлѣ 1888 г. Черезъ годъ Халанскій отправляется въ научное путешествіе по южно-славянскимъ землямъ, собирая матерьялъ для задуманнаго имъ капитальнаго труда о Маркѣ Кралевичѣ. Большую помощь въ этомъ путешествіи оказали ему академики Ягичъ и Веселовскій. По возвращеніи изъ за-границы, Халанскій началъ чтеніе лекцій по русскому языку и исторіи словесности, сначала въ качествѣ приватъ-доцента, а потомъ и въ должности экстра-ординарнаго профессора (1892 г.). Черезъ три года Халанскій защищаетъ въ своей alma mater докторскую диссертацію,—огромное, почти въ 1000 страницъ, изслѣдованіе объ «Южно-славянскихъ сказаніяхъ о Кралевичѣ Маркѣ» (Варшава 1893), а черезъ четыре года дѣлается ординарнымъ профессоромъ. Въ 1906 г. Халанскій былъ избранъ деканомъ, но черезъ годъ долженъ былъ отказаться отъ этой должности, вслѣдствіе постигшей его тяжелой болѣзни, которая и свела его въ преждевременную могилу....

Хотя Халанскій въ университетѣ обыкновенно читалъ курсъ русскаго языка, но онъ не былъ «лингвистомъ» въ строгомъ значеніи слова. Его сердце, какъ и умственные интересы принадлежали гораздо больше народной поэзіи, чѣмъ языку. Это видно уже изъ того, что изъ его научныхъ работъ только очень немногія посвящены разработкѣ вопросовъ о русскомъ языкѣ, да и тѣ состоятъ главнымъ образомъ въ чисто-фактическомъ описаніи говоровъ родной ему Курской губерніи. Таковы его статьи: «Черты народныхъ говоровъ Щигровскаго уѣзда Курской губерніи» (РФВ. 1879, № 2), «Русскія народныя пѣсни, записанныя въ Щигровскомъ уѣздѣ Курской губ.» (РФВ. 1879, 1880, 1881, 1883 гг.), «Особенности языка актовъ Оскольскаго края» (РФВ. 1881 г., № 1), «Образцы народнаго говора южной части Курской губ. и сѣверной—Харьковской» (РФВ. 1882, № 4), «Свѣдѣнія и замѣтки о говорахъ русскаго языка» (РФВ. XVI и XXI). Во всѣхъ этихъ работахъ Халанскій не является изслѣдователемъ, пытающимся выяснить происхожденіе и условія извѣстныхъ лингвистическихъ явленій, а только ихъ описывателемъ и собирателемъ, но собирателемъ въ высокой степени добросовѣстнымъ: факты, сообщаемые Халанскимъ, всегда тщательно провѣрены, и потому незамѣнимы для тѣхъ, кто самъ не въ состояніи ознакомиться съ ними на мѣстѣ. Свои наблюденія надъ говорами Халанскій обыкновенно иллю-

стрируетъ народными текстами, особенно народными пѣснями, которыхъ имъ записано весьма крупное количество. Такому характеру своихъ лингвистическихъ трудовъ Халанскій остался вѣренъ даже въ своей обширной книгѣ (379 стр.) «Народные говоры Курской губ.», которая подвела итоги его предшествующимъ работамъ въ этой области, и которая напечатана въ Сборникѣ Отдѣленія Рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ (т. 46). Въ этомъ замѣчательномъ трудѣ Халанскій не только представилъ массу новаго интереснаго діалектическаго матеріала, но и изложилъ его въ стройной научной системѣ, весьма удобной для справокъ. Именно, великорусскіе говоры Курской губерніи, Халанскій дѣлитъ на три группы: *I. Сильно-а́кающіе или я́кающіе говоры*; *II. Умѣренно-акающіе или и́кающіе говоры* и *III. Говоры, замѣняющіе ц посредствомъ с, с — ш, з — ж, ч — чш* и *ц* (т. н. «саянъ»). Изъ нихъ въ первой группѣ говоровъ Халанскій различаетъ 1) говоръ, измѣняющій *г* въ *в* въ род. п. прилаг. и мѣстоименій и 2) говоръ, не измѣняющій *г* въ *в* въ этомъ падежѣ (говоръ «егуновъ»). На аналогичныя двѣ группы Халанскій дѣлитъ и умѣренно-акающіе говоры Курской губ. Все это описаніе занимаетъ въ трудѣ Халанскаго около 50 стр., всѣ же остальныя 300 страницъ слишкомъ посвящены образцамъ народной рѣчи, т. е. народнымъ пѣснямъ. Хотя сюжетъ ихъ въ большинствѣ случаевъ не новъ, тѣмъ не менѣе для діалектолога онѣ представляютъ большой интересъ, такъ какъ записаны съ довольно строгимъ соблюденіемъ чертъ народнаго говора. Занимаясь преимущественно описаніемъ говоровъ, Халанскій только два раза рѣшился выступить съ лингвистическими изслѣдованіями въ строгомъ значеніи этихъ словъ. Я разумѣю его статьи: «О присловьяхъ *стани, ста, сте* и *су*» (Изв. IV т.) и «О членѣ въ русскомъ языкѣ» (Изв. V т.), но изложенная въ первой гипотеза множественнаго происхожденія частицы *ста* такъ же мало выдерживаетъ критику (ср. мою статью въ сборникѣ «Почесть»), какъ и гипотеза о сравнительно-позднемъ происхожденіи болгарск. и русск. члена, развиваемая во второй статьѣ.

Гораздо болѣе самостоятельнаго научнаго творчества Халанскій проявилъ въ изученіи славянской народной поэзіи, которую онъ зналъ, какъ никто, можетъ быть, въ Россіи. Уже въ первой своей диссертаціи «Великорусскія былины кіевскаго цикла» Халанскій выступилъ съ новой, хотя и

не совсѣмъ осторожной теоріей происхожденія русскаго эпоса. Именно, онъ старался доказать, что русскія былины Владимирова цикла сложились въ одно цѣлое не на русскомъ югѣ, а на русскомъ сѣверѣ. «Вопреки установившемуся мнѣнію, заявлялъ онъ, мы полагаемъ, что въ кіевской Руси не могла установиться централизація былевого матеріала въ одинъ эпическій кругъ, что въ дотатарскую эпоху одинъ Владимиръ не могъ быть собирательнымъ лицомъ эпоса и что объединеніе былинъ въ кіевскій кругъ, отнесеніе времени дѣятельности богатырей ко временамъ Владимира и мѣстами ко стольному граду Кіеву совершались въ московской Руси, а не въ старой Кіевщинѣ». Въ частности, по мнѣнію Халанскаго, «наблюденія надъ составомъ великорусскаго эпоса приводятъ къ мнѣнію, что т. н. Владимировъ или кіевскій кругъ былъ не однороденъ ни по мѣсту, ни по времени происхожденія составляющихъ его сказаній; онъ — не развившійся одинъ мѣстный эпосъ, а соединеніе трехъ, а, можетъ быть, и четырехъ областныхъ эпосовъ, именно суздальскаго, старо-кіевскаго, черниговo-сѣверскаго и московскаго». Справедливость требуетъ, впрочемъ, сказать, что эта теорія Халанскаго основана на недоразумѣніи: и до Халанскаго многіе изслѣдователи указывали на великорусскіе элементы въ былинахъ, но отсюда еще вовсе не слѣдовало, что южнорусскій эпосъ примкнулъ къ великорусскому, а не наоборотъ. Какъ справедливо замѣтилъ проф. Лобода въ разборѣ труда Халанскаго въ своей книгѣ «Русскій богатырскій эпосъ», Халанскій взамѣнъ развѣнчаннаго зданія другихъ строитъ свое, но это послѣднее то же, что существовавшее прежде. Тѣмъ не менѣе диссертація Халанскаго до сихъ поръ не потеряла значенія своимъ богатымъ подборомъ историческаго содержанія, извлеченнымъ изъ древнихъ рукописей, особенно лѣтописей. Правда, прикрѣпленіе былинныхъ сюжетовъ часто дѣлается произвольно и довольно-механически, но это не помѣшало его работѣ внести въ науку много цѣнныхъ наблюденій, особенно въ отношеніи южно-славянскихъ параллелей.

Эти послѣднія поставлены на первый планъ въ его докторской диссертаціи «Южнославянскія сказанія о Маркѣ Кралевичѣ»: исходя изъ факта постояннаго живого общенія и взаимодѣйствія между балканскими и русскими славянами въ XVI—XVII вв., Халанскій въ этомъ огромномъ сочиненіи доказываетъ, что сербскія народныя пѣсни не остались безъ вліянія

на эпосъ русскій. Къ сожалѣнію, привести вполнѣ ясныя, безспорныя и положительныя доказательства этого вліянія харьковскому профессору не удалось: аналогія между Маркомъ Кралевичемъ и Маркомъ Проклятымъ Стороженки, сюжетъ котораго взятъ авторомъ будто бы изъ народныхъ преданій, только подрываетъ его теорію, какъ это справедливо замѣтилъ еще профессоръ Лобода. Между тѣмъ, именно на этомъ безусловно-ошибочномъ положеніи основана гипотеза, что въ малорусскихъ преданіяхъ о Маркѣ Проклятомъ заключаются начатки малорусскаго героическаго эпоса казацкой эпохи, который только по случайнымъ причинамъ не успѣлъ развиться въ стройное цѣлое. Въ связи съ вопросомъ о сербскомъ происхожденіи Марка Проклятаго, Халанскій доказываетъ норманское происхожденіе Ильи Муромца. Имя *Илья*, по его мнѣнію, есть не что иное, какъ искаженное народною этимологіей имя князя Олега, а *Муромецъ* есть испорченное прозваніе *норманскій—морманскій—мурманскій*. Мысль о тождествѣ русскаго національнаго героя съ варяжскимъ княземъ постоянно занимала Халанскаго и впослѣдствіи: развитію и подтвержденію ея въ подробностяхъ посвящались имъ спеціальныя статьи въ Сборникѣ въ честь Фортунатова, въ юбилейномъ томѣ (XXV) «Архива» Ягича, въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (1902 и 1903 г.) и др. Даже за нѣсколько недѣль до своей смерти, уже пораженный слѣпотою, Халанскій продиктовалъ своей женѣ новыя соображенія по этому вопросу, которыя и были прочитаны ею въ видѣ доклада въ Историко-Филологическомъ Обществѣ при Харьковскомъ университетѣ.

Какъ бы то ни было, но Халанскій имѣлъ, по крайней мѣрѣ, субъективное право говорить, что онъ связалъ южнославянскую народную поэзію съ русской. Что касается главной, спеціально-южнославянской части изслѣдованія Халанскаго, то, по словамъ одного изъ наиболѣе компетентныхъ его критиковъ, проф. Маретича, «важнѣйшее и наиболѣе прочное значеніе труда Халанскаго заключается въ многочисленныхъ удачныхъ параллеляхъ, которыя онъ подыскалъ сербо-хорватскимъ народнымъ пѣснямъ въ различныхъ европейскихъ сказаніяхъ и пѣсенныхъ произведеніяхъ. Если мы обратимъ вниманіе на то, что подыскиваніе такихъ параллей представляетъ хотя и благодарный, но тяжелый трудъ, мы охотно про-

стимъ писателю ошибки, которыя встрѣчаются въ его сочиненіи. Вотъ его главные недочеты: судя по заглавію труда, Марко Кралевичъ служитъ центромъ всего югославянскаго народнаго эпоса; но что это не такъ, видно изъ того, что самъ авторъ часто старается приводить пѣсни, въ которыхъ о Маркѣ нѣтъ ни слова, а тамъ, гдѣ о немъ и ведется рѣчь, онъ почти всюду является только носителемъ пѣсенныхъ мотивовъ, которые часто обвиваются вокругъ именъ и другихъ героевъ, такъ что въ пѣсняхъ главное значеніе имѣетъ не Марко, а мотивы. Далѣе, связь между югославянскимъ и русскимъ эпосомъ не такъ уже тѣсна, какъ подчеркиваетъ авторъ и въ заглавіи своего труда и въ немъ самомъ. Къ числу недостатковъ труда нашего автора принадлежитъ миѳологизированіе, которое тѣмъ удивительнѣе, что именно самъ онъ далъ въ своей книгѣ нѣсколько прекрасныхъ образцовъ здороваго реалистическаго толкованія извѣстныхъ пѣсенныхъ мотивовъ, которые миѳоманы объясняли по-своему. Довольно неблагопріятное впечатлѣніе производитъ на читателя и нѣкоторая путаница въ изложеніи, причиной которой является то, что авторъ часто отклоняется отъ своей темы и говоритъ о вещахъ, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ даннымъ главамъ; что онъ подробно передаетъ содержаніе пѣсенъ, о которыхъ ему нечего сказать или не нужно; что приводитъ параллели, которыя совершенно неясны или очень слабы; что, наконецъ, нерѣдко повторяетъ одну и ту же мысль. Но если мы бросимъ на чашку вѣсовъ то, что хорошо въ его работѣ, и то, что дурно, то должны будемъ признаться, что первое значительно перевѣситъ второе «(Rad, CXXXII, 46—47).

Г. Ильинскій.

Отрывокъ Христинопольскаго Апостола, принадлежащій библіотекѣ Университета св. Владиміра.

Христинопольскій Апостолъ является самымъ полнымъ изъ древнѣйшихъ списковъ перевода Дѣяній и Посланій апостольскихъ на славянскій языкъ. Въ противоположность спискамъ Охридскому и Слѣпченскому, представляющимъ Апостолы-апракосы, Христинопольскій Апостолъ расположенъ по книгамъ и главамъ, приближаясь въ этомъ отношеніи къ Толковому Апостолу 1220 года. Въ сохранившейся части онъ содержитъ 299 листовъ и обнимаетъ, съ небольшими пропусками, Дѣян. IX, 28—2 Тимоѳ. I, 10, при чемъ Посланіе къ Евреямъ, какъ помѣщенное непосредственно передъ Посланіями къ Тимоѳею, также принадлежитъ къ уцѣлѣвшему тексту.

Христинопольская рукопись раздѣлена въ настоящее время между двумя книгохранилищами. Бо́льшая часть ея принадлежитъ Ставропигійскому Институту во Львовѣ; нѣсколько листовъ хранится въ Кіевѣ, въ библіотекѣ Университета св. Владиміра.

Львовская часть рукописи состоитъ изъ 291 листа и обнимаетъ Дѣян. XIII, 20—2 Тимоѳ. I, 10. До восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія она принадлежала уніатскому Христинопольскому монастырю, находящемуся въ Жолковскомъ повѣтѣ, въ сѣверо-восточной части Галиціи [1]). Отсюда въ 1888 году она была доставлена на выставку въ

1) На 1 листѣ рукописи почеркомъ XIX ст. помѣчено: «Библіот[ек]а монастыря оо. Василіанъ. Кристинополь». Христинопольскій монастырь основанъ въ 1763 году Ф. С. Потоцкимъ. Aem. Kałużniacki. Actus epistolaeque apostolorum... Vindobonae 1896, pp. IX—X, XII.

Ставропигійскій Институтъ и здѣсь, кажется, впервые описана А. С. Петрушевичемъ [1]). Съ 1889 года рукопись составляетъ собственность Института [2]) и хранится въ рукописномъ отдѣленіи музея подъ № 37 [3]). Въ 1896 году львовская часть была издана на средства Вѣнской Академіи наукъ профессоромъ Черновицкаго университета Э. Калужняцкимъ п. з. Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice. Ad fidem codicis Christinopolitani, saeculo XII° scripti... [4]). Интересуясь только воспроизведеніемъ полнаго текста славянскаго Апостола въ томъ видѣ, въ какомъ онъ явился въ эпоху Кирилла и Меѳодія, г. Калужняцкій опустилъ въ своемъ изданіи не только предисловія и оглавленія, но также и многочисленные комментаріи, находящіеся на поляхъ рукописи, какъ древнѣйшіе, современные тексту, такъ и позднѣйшіе, писанные въ XIV—XV ст. Недостающія части рукописи г. Калужняцкій восполнилъ по другимъ спискамъ однородной редакціи: 1) по сербскому списку XIV ст., хранящемуся въ Императорской Публичной Библіотекѣ среди рукописей А. Ѳ. Гильфердинга подъ № 14; 2) по русскому Толковому Апостолу 1220 года, принадлежащему Московской Синодальной библіотекѣ, № 7 (Горскій и Невоструевъ № 95); 3) по русскому списку XV в., хранящемуся въ Синодальной библіотекѣ подъ № 18 (Горскій и Невоструевъ № 96).

Кіевскій отрывокъ, хранящійся въ библіотекѣ Университета св. Владимира подъ № 22, состоитъ изъ 8 листовъ и содержитъ Дѣян. IX, 28—XIII, 5.

Свѣдѣнія объ этомъ отрывкѣ, какія сообщались до сихъ поръ въ научной литературѣ, очень скудны. Первое извѣстіе о немъ находится въ «Отчетѣ о занятіяхъ славянскими нарѣчіями командированнаго за границу доцента Императорскаго Новороссійскаго Университета А. Кочу-

1) Каталогъ церковно-словенскихъ рукописей и старопечатанныхъ книгъ кирилловскаго письма, наход. на археологическо-библіографической выставцѣ въ Ставропигійскомъ Заведеніи. Львовъ 1888, стр. 4—5.

2) Kałuźniacki, p. XII.

3) И. С. Свѣнцицкій. Опись музея Ставропигійскаго Института во Львовѣ. Львовъ. 1908. I. Рукописи. № 39.

4) Рецензіи: Е. Ѳ. Карскаго — «Русскій Филологическій Вѣстникъ» т. XXXVIII (1897, № 3—4), стр. 338—342; Г. Воскресенскаго—«Богословскій Вѣстникъ» 1897, № 1, стр. 198—208.

бинскаго за время отъ 1-го августа 1874 г. по 1-е февраля 1875 г.». Здѣсь дано краткое описаніе отрывка, приведены 10 начальныхъ строкъ и сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія о его орѳографіи и языкѣ [1]). Къ послѣдующему времени относятся упоминанія А. С. Петрушевича въ статьѣ: «Краткое историческое извѣстіе о введеніи христіанства въ Предкарпатскихъ странахъ во времена св. Кирилла и Меѳодія тихже учениками и проповѣдниками» Львовъ 1882, стр. 73 и въ «Каталогѣ церковно-словенскихъ рукописей и старопечатанныхъ книгъ...» Львовъ 1888, стр. 4—5. Мелкія замѣчанія о кіевскихъ листахъ встрѣчаются еще въ Prolegomena'хъ къ Actus epistolaeque apostolorum Калужняцкаго, стр. VII, XII и XXX, и въ работахъ И. С. Свѣнцицкаго: «Опис рукописів Народного Дому з колекції Ант. Петрушевича», частина I Львов 1906, стр. VIII и «Опись музея Ставропигійскаго Института во Львовѣ» Львовъ 1908. I, № 39.

На основаніи данныхъ, заключающихся въ перечисленныхъ замѣткахъ, судьба кіевскаго отрывка представляется въ слѣдующемъ видѣ. Онъ былъ найденъ въ переплетѣ какой-то книги [2]) и въ свое время принадлежалъ Бѣлёвскому, у вдовы котораго былъ пріобрѣтенъ А. С. Петрушевичемъ [3]). Кочубинскій, посѣтившій Львовъ въ августѣ 1874 года, пользовался имъ уже въ библіотекѣ Петрушевича. Въ 1888 году Петрушевичъ отождествилъ свои листы съ Христинопольскою рукописью [4]), тѣмъ не менѣе въ Actus epistolaeque apostolorum Калужняцкаго (Vindobonae 1896) они не вошли, такъ какъ къ тому времени уже были отосланы Петрушевичемъ въ Кіевъ [5]); соотвѣтствующее имъ мѣсто Калужняцкій пополнилъ по сербской рукописи Гильфердинга № 14.

---

1) Записки Имп. Новороссійскаго Университета. Т. XVIII. Одесса 1876, стр. 194—195. См. также рецензію Кочубинскаго на книгу П. И. Житецкаго: «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія», гдѣ помѣщены дополненія къ «Отчету» и изданы двѣ первыя страницы (46 строкъ) отрывка. «Отчетъ о 32 присужденіи наградъ гр. Уварова». Спб. 1892, стр. 233—235.

2) А. Кочубинскій. Отчетъ 1874—1875 г. «Зап. Новоросс. Унив». XVIII, стр. 194.

3) И. Свѣнцицкій. Опись музея Ставр. Инст. I. № 39. Кажется, это извѣстный польскій ученый Августъ Бѣлёвскій.

4) Каталогъ рукописей и книгъ, стр. 4—5.

5) Actus epistolaeque, p. XXX. Въ протоколѣ засѣданія Совѣта Университета св. Владиміра 19 сент. 1901 г. находится краткое и неопредѣленное упоми-

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему, замѣтимъ, что всѣ палеографическія особенности — форматъ листовъ, разлинёвка, почеркъ, расположеніе комментаріевъ, присутствіе глаголическихъ буквъ и т. п.; далѣе — особенности языка и редакція текста кіевскаго отрывка не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что мысль А. С. Петрушевича вполнѣ справедлива и что когда-то этотъ отрывокъ составлялъ одно цѣлое съ львовской частью Христинопольской рукописи.

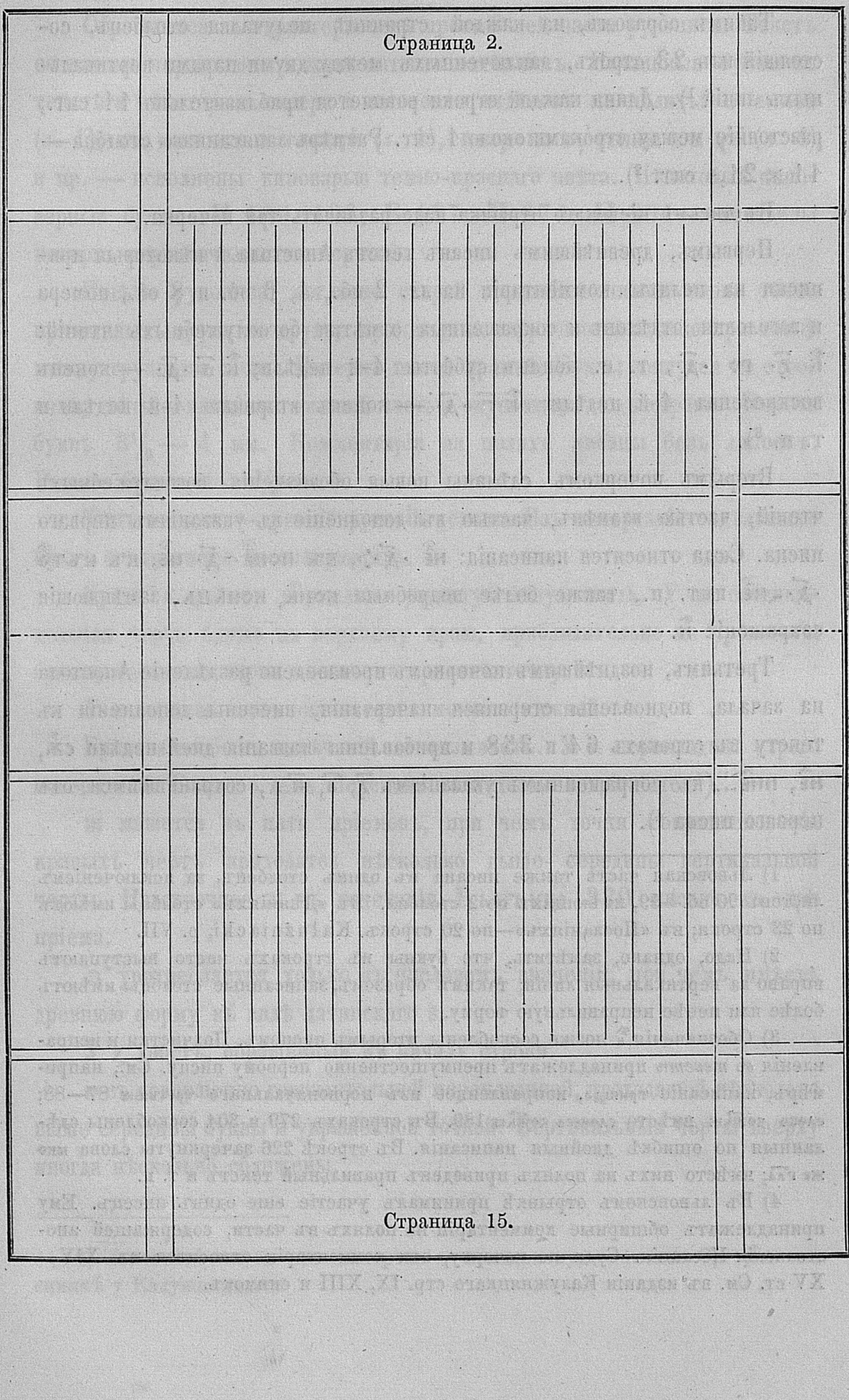
II.

Отрывокъ, принадлежащій Кіевскому Университету, представляетъ пятую тетрадь Христинопольской рукописи, какъ свидѣтельствуютъ номера, находящіеся на первой и послѣдней его страницахъ. Тетрадь эта состоитъ изъ 8 листовъ (16 страницъ) тонкаго желтоватаго пергамена. Форматъ листовъ 24 × 29,6 снт. Въ общемъ отрывокъ имѣетъ хорошій видъ; немного повреждены лишь углы—правый нижній у всѣхъ листовъ, лѣвый верхній у листовъ 1 и 3. Первая и послѣдняя страницы отрывка загрязнены болѣе другихъ [1]). Въ настоящее время отрывокъ вшитъ въ бумажную обложку, на которой находится надпись, сдѣланная рукой прежняго владѣльца: «Отривокъ Апостола изъ XII столѣтія русскаго разряда восьмъ листовъ. А. С. Петрушевича».

Передъ написаніемъ тетрадь, какъ обыкновенно, подверглась разлинёвкѣ. Разлинёвка производилась ножемъ или другимъ какимъ-либо острымъ орудіемъ. Линовались сразу 2 листа (4 страницы) — 1 и 8, 2 и 7, 3 и 6, 4 и 5. При этомъ на одной сторонѣ листовъ строки получали форму углубленій; на другой писали по соотвѣтствующимъ выступамъ. Такъ, при разлинёвкѣ листовъ 1 и 8 углубленія пришлись на страницы 1 и 16, выступы на страницы 2 и 15 и т. п. Разлинёванный листъ имѣлъ слѣдующій видъ:

ваніе о «цѣнномъ пожертвованіи» А. С. Петрушевича «въ видѣ рукописей, принятыхъ и доставленныхъ профессоромъ Н. П. Дашкевичемъ». См. «Университетскія Извѣстія» 1902, № 8. Былъ ли въ числѣ этихъ рукописей отрывокъ Христинопольскаго Апостола или онъ поступилъ, какъ сообщаетъ г. Калужняцкій, значительно раньше — рѣшить затрудняемся.

1) Небольшія дыры на лл. 2 и 3 образовались еще при выдѣлкѣ пергамена и порчи тексту не причиняютъ.


Страница 2.
Страница 15.

Такимъ образомъ, на каждой страницѣ получался столбецъ, состоящій изъ 23 строкъ, заключенныхъ между двумя парами вертикальныхъ линій [1]). Длина каждой строки равняется приблизительно 11 снт.; разстояніе между строками около 1 снт. Размѣръ записаннаго столбца — $11 \times 21{,}8$ снт. [2]).

Въ письмѣ кіевскаго отрывка надо различать три почерка.

Первымъ, древнѣйшимъ писанъ текстъ Апостола и нѣкоторыя приписки на поляхъ: комментаріи на лл. 2 об., 4, 6 об. и 8 об., номера и заголовки отдѣловъ и сокращенныя отмѣтки богослужебныхъ чтеній: **к̑ ѕ҃· го ·д҃·**, т. е. конецъ субботы 4-й недѣли; **к̑ а҃ ·д҃·** — конецъ воскресенья 4-й недѣли; **к̑ г҃ ·д҃·** — конецъ вторника 4-й недѣли и т. п. [3]).

Вторымъ почеркомъ сдѣланы новыя обозначенія богослужебныхъ чтеній, частью взамѣнъ, частью въ дополненіе къ указаніямъ перваго писца. Сюда относятся написанія: **нє̑ ·д҃·:·, въ понє̑· д҃· нє̑, въ вътѡ̑ ·д҃· нє̑** и т. п., также болѣе подробныя **конь̑, коньць**, замѣняющія сокращеніе **к̑**.

Третьимъ, позднѣйшимъ почеркомъ произведено раздѣленіе Апостола на зачала, подновлены стершіяся начертанія, внесены дополненія къ тексту въ строкахъ 64 и 358 и прибавлены названія дней недѣли **сж̑**, **нє̑, пнє̑**... къ сокращеннымъ указаніямъ **ѕ҃, а҃, є҃**..., сохранившимся отъ перваго писца [4]).

---

1) Львовская часть также писана въ одинъ столбецъ, за исключеніемъ листовъ 90 об.—99, имѣющихъ по 2 столбца. Въ «Дѣяніяхъ» столбцы имѣютъ по 23 строки; въ «Посланіяхъ» — по 20 строкъ. Kałužniacki, p. VII.

2) Надо, однако, замѣтить, что буквы въ строкахъ часто выступаютъ вправо за вертикальныя линіи; такимъ образомъ, записанные столбцы имѣютъ болѣе или менѣе неправильную форму.

3) Обозначенія **к̑** позже соскоблены вторымъ писцомъ. Подчистки и исправленія *въ текстѣ* принадлежатъ преимущественно первому писцу. См., напримѣръ, написаніе **тришда**, исправленное изъ первоначальнаго **третьєє** 87—88; **слово божьє** вмѣсто **словеса божья** 189. Въ строкахъ 279 и 304 соскоблены сдѣланныя по ошибкѣ двойныя написанія. Въ строкѣ 226 зачеркнуты слова **ꙗко же гл҃а**; вмѣсто нихъ на поляхъ приведенъ правильный текстъ и т. п.

4) Въ львовскомъ отрывкѣ принималъ участіе еще одинъ писецъ. Ему принадлежатъ обширные комментаріи на поляхъ въ части, содержащей апостольскія Посланія. Судя по почерку, эти комментаріи относятся къ XIV—XV ст. См. въ изданіи Калужняцкаго стр. IX, XIII и снимокъ.

Обращаемся къ характеристикѣ древнѣйшей части рукописи. Текстъ ея писанъ чернилами съ желтоватымъ оттѣнкомъ. Начальныя буквы въ текстѣ и нѣкоторые номера и заголовки отдѣловъ на поляхъ: **о еннеи** (л. 1), **въ нин же о тавидѣ** (л. 1), **петрово оучение въ х҃а** (л. 4) и пр. — исполнены киноварью темно-краснаго цвѣта. Нѣкоторыя киноварныя буквы: **Н** 109. 193; **Е** 127; **П** 274; **И** 331 — наведены поверхъ первоначальныхъ черныхъ.

Письмо рукописи, согласно старой традиціи, слитое: слова тѣсно примыкаютъ другъ къ другу; промежутки встрѣчаются только при точкѣ между группами словъ. Почеркъ писца прямой. Буквы пишутся на строкахъ; только инициалы нижней частью опускаются подъ строки. Высота буквъ $3^1/_2$ — 4 мм. Комментаріи на поляхъ писаны безъ линеекъ. Высота буквъ ихъ $1^1/_2$ мм.

Типъ письма — древній русскій уставъ. Изъ начертаній отдѣльныхъ буквъ остановимся на слѣдующихъ.

Буква **а** имѣетъ нормально развитую лѣвую часть. У **ꙗ** соединительная черта ближе къ верхнему краю, приблизительно на $^3/_4$ высоты буквы; часто эта черта несетъ посерединѣ точку.

У **в** верхняя часть значительно меньше нижней.

Буква **е** особыхъ замѣчаній не вызываетъ. У **ѥ** перекладина строго посерединѣ. Большое **є** въ кіевскихъ листахъ не встрѣчается[1]).

ж пишется въ пять пріемовъ, при чемъ точки соприкосновенія кривыхъ чертъ приходятся нѣсколько выше середины вертикальной черты. Надстрочное ж въ сочетаніи **бывъшю** 330 писано въ три пріема.

ѕ употребляется только въ числовомъ значеніи, при чемъ имѣетъ древнюю форму въ видѣ латинскаго s.

У **ꙁ** хвостъ, обращенный къ началу строки.

и съ совершенно горизонтальной перекладиной, проходящей нѣсколько выше середины буквы и украшенной точкой. Вертикальныя черты вверху иногда нѣсколько сближены.

---

1) Львовской части это начертаніе, повидимому, знакомо. Ср. єпл҃иа на снимкѣ у Калужняцкаго.

і лишь въ концѣ строкъ и въ формахъ іс҃, іс҃а. Въ четырехъ случаяхъ встрѣчается ї: їменьмь 172, твої 224, турїанъı 336, сънмї|щихъ 367—368.

к съ правой стороной, писанной на нѣкоторомъ разстояніи отъ лѣвой линіи.

У м боковыя черты вверху нѣсколько сближены. Язычекъ округленный, слегка опускающійся подъ строку.

н съ косой перекладиной на подобіе латинскаго N. Мягкое н иногда обозначается крючкомъ, соединеннымъ съ правой вертикальной чертой—н҄: съ н҄имь 111, за н҄ь 283, зан҄еже 339 и т. п. [1]).

Буква о имѣетъ двѣ формы — узкую и широкую. Широкое, круглое о употребляется только въ началѣ словъ: одежи 133, о собѣ 303, обрѣтъ 332 и въ серединѣ послѣ гласныхъ: иоанъ 154, антиохию 241, июдеомъ 274.

т обычнаго уставнаго типа съ почти симметричнымъ коромысломъ. Иногда, преимущественно въ концѣ строкъ, коромысло т выносится вверхъ.

оу — въ началѣ, серединѣ и концѣ словъ. Лигатура ȣ только въ концѣ строкъ при недостаткѣ мѣста для оу. Впрочемъ, въ припискахъ на поляхъ ȣ встрѣчается и въ серединѣ строкъ: привѧзанȣ (л. 2 об.), рȣцѣ (л. 6 об.), о мȣцѣ (л. 8).

Буква ф съ вертикальной чертой, украшенной посерединѣ точкой.

У х обѣ линіи опускаются подъ строку, при чемъ тонкая, идущая справа на лѣво, длиннѣе толстой.

У ѡ средняя черта чуть ниже крайнихъ. Буква эта употребляется лишь въ предлогѣ ѿ и въ словахъ, съ нимъ сложныхъ: ѿпоустиша 5, ѿтолѣ 140, ѿвьрзошасѧ 303; также въ греческихъ именахъ: иѡанъ 226 и др. (нерѣдко, впрочемъ, иоанъ), сумеѡнъ 354.

щ и ц съ хвостами, выходящими подъ строку.

ч въ формѣ чаши; при этомъ ножка равняется $^3/_4$ высоты буквы.

Буква ъ обыкновенно умѣщается въ строкѣ. Въ концѣ строкъ часто

1) Въ львовской части встрѣчается также ʌ. Kałużniacki, pp. XI, XIV.

встрѣчается удлиненная форма: мачта ъ вынесена вверхъ и перечеркнута посерединѣ; горизонтальная черта продолжена влѣво, безъ крючка.

Господствующей формой для звука *ы* является ъı, въ концѣ строкъ иногда съ удлиненнымъ ъ. Форма ы встрѣтилась только три раза: **сты|мъ** 11—12, **шесты|и** 72—73, **четы|ри** 198—199.

ѣ, кромѣ обычнаго начертанія съ мачтой, чуть возвышающейся надъ строкой, имѣетъ другое, сходное съ вышеописаннымъ варіантомъ ъ. Послѣднее употребляется преимущественно въ концѣ строкъ и характеризуется высокой мачтой, раздѣленной въ серединѣ черточкой, и удлиненнымъ коромысломъ съ лѣвымъ крыломъ, повернутымъ вверхъ.

У ю соединительная черта проходитъ посерединѣ или чуть выше середины буквы.

Буквы ж, ѭ и ѩ въ древнѣйшей части рукописи не встрѣчаются; ж, ѭ вездѣ замѣняются черезъ оу и ю.

ѯ и ѱ нѣтъ въ кіевскомъ отрывкѣ.

Буква д пишется въ строкѣ; поперечная черта ея ближе къ верхней части буквы.

ѵ (ижица) употребляется только въ заимствованныхъ словахъ и имѣетъ форму у: **въ лүддѣ** 12, 19 (встрѣчается также **людд҄ѣ** 27), **кұпрѩне и кұринѣне** 239—240, **въ селеүкию** 364—365 и т. п.

Изъ вязей въ кіевскомъ отрывкѣ встрѣтились: **а+у: при клаүдии** (приписка на л. 6 об.) и **т+р** въ словѣ **петра** 62 [1]).

Для нумераціи отдѣловъ употребляются слѣдующія числа: ıд҃, ıе҃, ıѕ҃, ıз҃, ıи҃, ıѳ҃. Въ нихъ характерно помѣщеніе цифръ, обозначающихъ единицы, послѣ цифръ десятковъ.

Изъ знаковъ препинанія кіевскіе листы знаютъ преимущественно точку. Она пишется на строкѣ или нѣсколько выше, иногда на половинѣ высоты буквъ, и употребляется для обозначенія естественной остановки голоса при чтеніи. Въ концѣ отдѣловъ обыкновенно ставится знакъ .,, как бы соединеніе точки съ двумя запятыми. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этотъ знакъ имѣетъ видъ ., (31, 195 и заглавія на л. 6 об.) [2]).

---

1) Въ львовской части Калужняцкій отмѣчаетъ слѣдующія лигатуры: н+ı, н+щ, п+р, т+в, т+н, т+р, т+ь. Actus... p. XVII.

2) На снимкѣ у Калужняцкаго встрѣчается еще форма .,,,

Къ надстрочнымъ знакамъ относятся титла, простыя и буквенныя, и кавычки. Простыя титла имѣютъ видъ горизонтальной черты съ опущенными внизъ углами. Буквенныя представляютъ соединеніе такой же черты съ той или другой буквой; лишь въ одномъ случаѣ покрытію придана форма дуги: а҃саронѣ 19. Изъ буквенныхъ титлъ чаще другихъ встрѣчается ⷭ҇ обозначающее то звукъ с, то сочетаніе ст: неⷭ҇чта 125, хⷭ҇тилъ 227, цⷭ҇ркоу 342, вⷭ҇ы passim и т. п. Болѣе рѣдкими являются:

ⷣ҇: възⷣі 189,
ⷬ҇: бывъшюⷬ҇ 330,
ⷪ҇: аⷪ҇пли 187, прⷪ҇рци 260, 353.

Выносныя буквы безъ покрытія встрѣтились только два раза: вⷧка (приписка на л. 6 об.), прⷪ҇рече 262.

Кавычки употребляются въ слѣдующихъ трехъ случаяхъ:

1) Надъ гласными оу, ѣ, ω въ началѣ словъ и послѣ предшествующаго гласнаго, напримѣръ, оу҆ченица 21, оу҆ нѣкого 63, ѣ҆хъ 84, иω҆анъ 226, слоу҆лъ 348, наоу҆чи 256, краѣ҆ 199.

2) Надъ двумя и тремя стоящими рядомъ согласными: въ лу҆ддѣ 12, е҆нею 14, а҆гелъ 65, ѿве҆рсто 76, к҆ тобѣ 223, д҆ни 259, когожⷣо 265—266, с҆твори 295.

3) Въ качествѣ знака мягкости звуковъ л и н: л҆юдьмъ 52, 280, пос҆лн 61, л҆юбимѣишаꙗ 114, покло҆нь 37, нꙑ҆нѣ 61, въ н҆ь 173.

Въ качествѣ единичныхъ явленій отмѣтимъ двѣ косыя черточки въ словѣ июдеом҆ 283 и точки надъ и въ выраженіи и҆ изжатъ 308 и надъ с въ словѣ съберас҆ꙗ 255—256.

Знаки, съ помощью которыхъ текстъ Апостола соединяется съ различными приписками на поляхъ, немногочисленны. Это — киноварныя кавычки, звѣздочки (45, 226) и буквы: глаголическія—ⰲ 81, ⰴ 145, ⱍ 347 и латинскія: E 270 [1]).

Орнаментъ: заставки, фигурные инициалы и др. украшенія, въ кіевскихъ листахъ отсутствуютъ. Нѣкоторое стремленіе къ вычурности

1) Въ львовской части съ тою же цѣлью употребляются: ⰻ, ⰱ, ⰶ, Ⱎ, ⰵ, ⰸ, ⰴ, ⰵ, ⰶ, ⰶ; u, p, f, q. Kałużniacki, p. XV.

можно отмѣтить въ киноварныхъ иниціалахъ **Ѥ** 65, 225; **И** 82, 174; **Н** 307; **О** 145; **Є** 100, 204, 287, 311. Сюда же слѣдуетъ отнести точки и черточки, укращающія строчныя буквы ꙗ, н, ф, варіанты ъ и ѣ [1]).

Вышеизложенныя палеографическія особенности позволяютъ съ большей или меньшей опредѣленностью отвѣтить на вопросъ о времени возникновенія кіевскихъ листовъ, а, слѣдовательно, и всей Христинопольской рукописи. Петрушевичъ и Калужняцкій относятъ ее къ XII в. [2]), Кочубинскій и А. И. Соболевскій [3]) къ XII или началу XIII в., И. С. Свѣнцицкій — къ XIII вѣку. Принимая во вниманіе различныя подробности письма древнѣйшей руки, главнымъ образомъ рисунокъ буквъ ѥ, ж, з, ч и ю мы полагаемъ, что спорный вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ пользу перваго мнѣнія, и считаемъ возможнымъ датировать рукопись временемъ, близкимъ къ серединѣ XII стол. Косвенное подтвержденіе этого взгляда мы, какъ и Калужняцкій, видимъ въ замѣчательномъ сходствѣ, существующемъ между почерками Христинопольской рукописи, съ одной стороны, и Галицкаго (Крилосскаго) евангелія 1143 (6652) года, съ другой [4]).

Приписки второго писца сдѣланы киноварью темно-краснаго цвѣта. Почеркъ его того же уставнаго типа, что и почеркъ перваго писца. Письмо нѣсколько небрежное. Изъ отдѣльныхъ начертаній обращаетъ вниманіе буква ч (л. 4), нѣсколько напоминающая полууставную форму, но съ крючкомъ, идущимъ вправо отъ вертикальной черты. Приписки обыкновенно сопровождаются группами точекъ, иногда соединенныхъ съ

---

1) Узорный иниціалъ изъ львовской части см. на снимкѣ у Калужняцкаго.

2) Stat ergo firma certaque sententia esse codicem nostrum saeculo XII°, et quidem eodem fere tempore, ne dicam anno, quo evangeliarium, quod Kryloscianum dicitur, scriptum. Actus... p. XII.

3) Лекціи по исторіи русскаго языка. М. 1903, стр. 13.

4) См Ѳ. Буслаевъ. Палеографическіе и филологическіе матеріалы для исторіи письменъ славянскихъ... Табл. IX (въ юбилейномъ изданіи Московскаго Университета: «Матеріалы для исторіи письменъ восточныхъ etc». М. 1855). А. И. Соболевскій. Новый сборникъ палеографическихъ снимковъ съ русскихъ рукописей XI—XVIII вв. Спб. 1906, № 6.

росчеркомъ. Выносныя буквы въ большомъ употребленіи, при чемъ покрывающія ихъ титла имѣютъ форму слегка изогнутыхъ тонкихъ штриховъ. Титла надъ цифрами въ видѣ перечеркнутой черты или завитка. При цифрахъ съ той и другой стороны по точкѣ. Примѣры:

нє ·д҃· (л. 1)	нє ·є҃· (л. 6)
коньць ·:· (л. 6 об., 7 об. и др.)	въ соу ·д҃· нє (л. 6 об.)
коньць ·:· ~ (л. 4, 4 об. и др.)	въ понєни ·є҃· нє (л. 7 об.).

Приписки второго писца, повидимому, близки по времени къ письму перваго писца.

Третья рука писала частью киноварью, частью чернилами. Киноварь ея свѣтлаго цвѣта и легко можетъ быть отличена отъ киновари предшествующихъ писцовъ. Почеркъ — младшій русскій полууставъ, развившійся подъ южнославянскимъ вліяніемъ, съ характерными ж, т, ѹ, ч, ы, съ употребленіемъ ѫ. Подновляя стершіяся мѣста древнѣйшаго текста, третій писецъ и въ нихъ вносилъ полууставныя формы, иногда выставлялъ также позднѣйшіе надстрочные знаки. См., напримѣръ, подновленія въ припискѣ на л. 5 об. и въ строкахъ 47, 254 и 323—325. Цифровыя обозначенія у этого писца также отличаются отъ древнѣйшихъ. Каждое изъ нихъ покрыто титлой въ видѣ изогнутой линіи, сопровождающейся косой чертой, напоминающей острое удареніе: к҃д, к҃є, к҃ѕ и др.

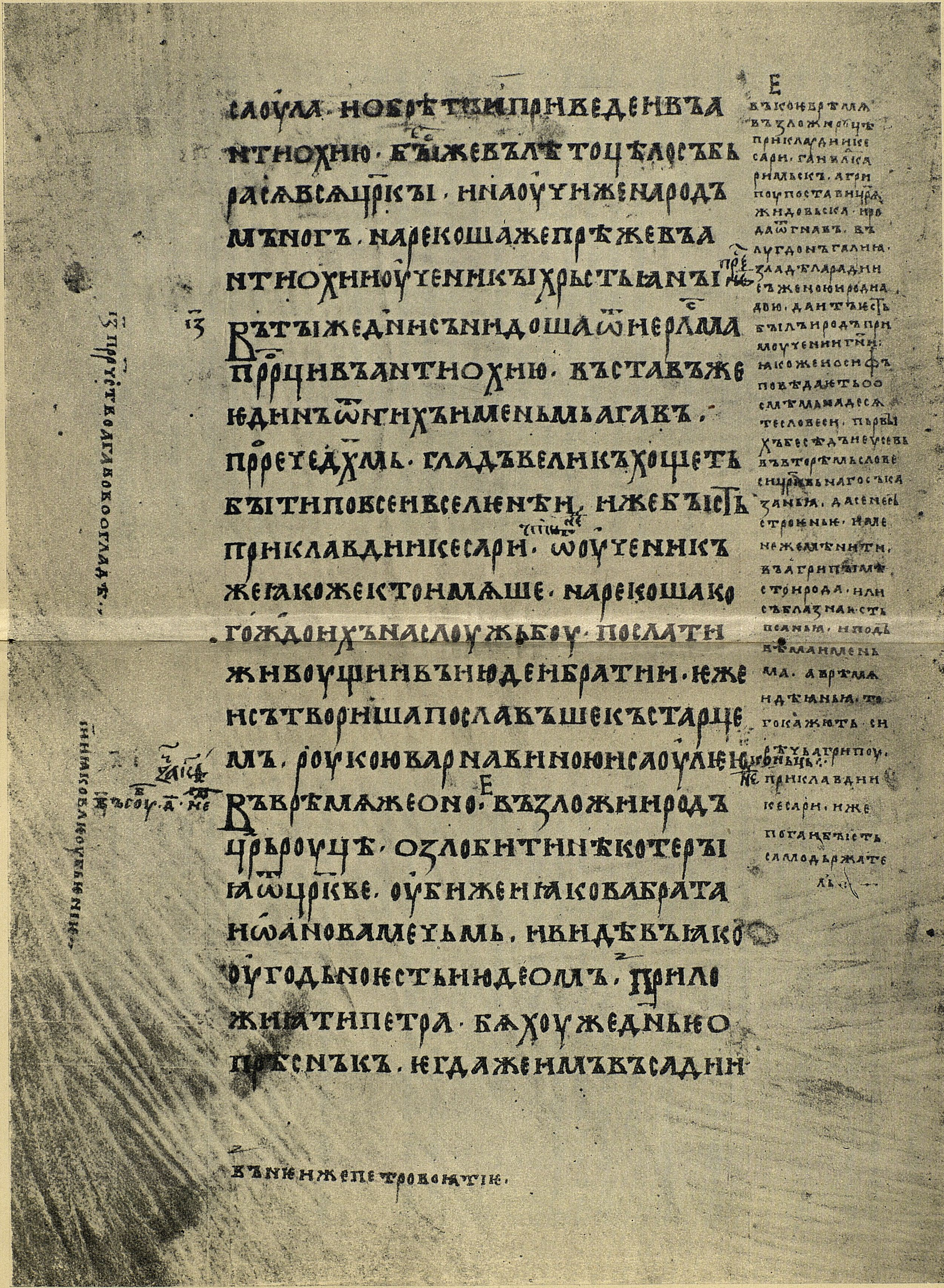
Приписки третьей руки, вѣроятно, надо относить къ XVI ст.

III.

По особенностямъ правописанія и языка Христинопольскій Апостолъ принадлежитъ къ церковно-славянскимъ памятникамъ русскаго извода. Въ кіевскихъ листахъ можно отмѣтить слѣдующіе руссизмы:

1) Отсутствіе носовыхъ гласныхъ: ѫ и ѭ всегда замѣняются черезъ оу и ю; ѧ смѣшивается съ а, ꙗ:

— за роукоу 41, начинахоу 3, на землю 79, водою 227, ю (вин. ед. ч. ж. р. отъ и) 26, 41 и др., въпрашаю 127;


саоула. и обрѣтъ и приведе и въ а
нтиохию. быже въ лѣто цѣло събь
рася въ церкъви. и наоучи же народъ
многъ. нарекошаже прѣже въ а
нтиохии оученикы хрьстьıаны.
въ ты же дни снидоша ѿ ерлма
прорци въ антиохию. въставъ же
юдинъ ѿ нихъ именьмь агавъ.
прорече духмь. гладъ великъ хощеть
быти по всеи вселенѣи. иже бысть
при клавдии кесари. ѿ оученик
же якоже кто имаше. нарекоша ко
гождо ихъ на слоужьбоу. послати
живоущиимь въ июдеи братии. еже
и сътвориша пославше къ старце
мъ. роукою варнавиною и саоулею.
въ врѣмя же оно. възложи иродъ
царь роуцѣ. озлобити нѣкотеры
я ѿ церкве. оуби же иакова брата
иоанова мечьмь. и видѣвъ яко
оугодьно есть июдеомъ. приложи
яти петра. бахоу же дни о
прѣснъкъ. егда же имъ въсади
въ нюже петрово изятие.

— **ꙗзыцѣ** 147, **ꙗти** 275, **ꙗ** (вин. мн. ч. м. р.) 68, 99 и др., **землꙗ** (род. ед. ч.) 80, **птица пѣснꙑꙗ** (им. мн. ч.) 81, **рѣшꙗ** 102, 320, **глꙗ** (прич.) 117;

— **всѧкомоу** 173, **ѿ црѧ** 340, **творѧше** 24, 35—36, **живѧше** 335.

2) Переходъ *д* въ *ж* подъ вліяніемъ *j*:

— **одежа** 35, **въ одежи** 133, **ѣжь** 83, 205, **прѣже** 164, 257, **межю** 285.

Случаевъ перехода **т** въ **ч** кіевскіе листы не представляютъ.

3) Постановка глухихъ *ъ* и *ь* передъ плавными *л* и *р*:

— **мълва** 330, **пълна** 23, **испълнь** 251, **мълчати** 326;

— **скърбью** 235, **самодьржатель** (приписка на л. 6 об.), **ѿ мьртвыхъ** 166—167, **пьрвꙑꙗ** (приписка на л. 4), **ѿвьрзе** 40, 318, **въстържесѧ** 211 [1]).

4) Родит. ед. ч. мягкихъ основъ ж. р. на — *ѣ*:

ис тьмницѣ 327.

5) Формы родит., дательн. и мѣстн. ед. ч. на *-ого, -ому, -еи*:

— **оу нѣкого** 63, **всѧкого** 84, 309, **ѥдиного** 124—125;

— **вѣроующомоу** 173;

— **по всеи** 263.

6) Дательный и мѣстный падежи мѣстоименій *ты* и *себе* въ формахъ: **тобѣ** 141, 144, 223;

собѣ 17, 303, 306, приписка на л. 8 об., **себе** 89.

7) Окончаніе *-ть* въ 3 л. ед. и мн. ч.:

— **хощеть** 262, **ицѣлꙗѥть** 16, **глетьсѧ** 22, **ѥсть** passim, **боудеть** 90, **бꙑсть** 106, 263, **дасть** 162—163, 229, 345.

1) Случаи полногласія въ кіевскихъ листахъ не встрѣчаются. Для львовской части Калужняцкій указываетъ: **молоко, волокоша, оумерети** и пр. Actus... p. XII.

— **ищють** 97, **съвѣдѣтельствоують** 171—172, **кажють** (приписка на л. 6 об.).

8) Формы прошедшаго несовершеннаго на **-ѧхъ = ꙗхъ** (церк. слав. *ѣахъ, ѣхъ)*:

видѧхъ 201, **бѧхоу** 80, 239, **имѧше** 265, **имѧста** 368.

Кромѣ этихъ общерусскихъ особенностей, въ кіевскомъ отрывкѣ можно отмѣтить двѣ-три черты южно-русскаго нарѣчія. Это—склонность древняго *ѣ* къ *и*: **прилличьнъ** 73 [1]), **тои нощи** 284; *хр* на мѣстѣ общерусскаго *кр* въ формахъ: **хртилъ** 227, **хртитисѧ** 183, 184—185; въ одномъ несомнѣнномъ случаѣ — образованіе плавнаго гласнаго: **по хрщении** 153 [2]).

Ниже воспроизводится текстъ и всѣ приписки кіевскаго отрывка. Изданіе сдѣлано съ возможной точностью. Отступленія допущены только въ раздѣленіи словъ, писанныхъ въ подлинникѣ слитно. Комментаріи и дополненія, помѣщенныя въ различныхъ мѣстахъ на поляхъ рукописи, вынесены подъ строку. Критическіе знаки, принятые въ изданіи, имѣютъ слѣдующее значеніе:

Въ круглыя скобки: ( ) — заключены приписки второго писца.

Угольными скобками: ⟨ ⟩ — выдѣлено письмо третьяго писца.

Квадратными скобками: [ ] — обозначены подновленія древнѣйшаго текста, произведенныя третьимъ писцомъ.

---

1) Впрочемъ, эту же форму Miklosich отмѣчаетъ въ болгарскомъ Струмицкомъ Апостолѣ XIII в. и въ сербскомъ Шишатовацкомъ Апостолѣ 1324 г. См. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobanoe 1862—1865, p. 660.

2) Въ львовской части южно-русскихъ особенностей значительно больше. Сюда относятся:

1) *жч* на мѣстѣ церк. слав. *жд*: **въ измъжчанние** (Kałużniacki, p. 143), **ражчьженню** (p. 86), **дъжчь** (pp. 67, 79 и др.).

2) Мѣна *и* и *ѣ*: **до асии** (p. 47), **земли** — род. ед. ч. (p. 79), **грѣсѣ** — им. мн. ч. (p. 94);

3) Переходъ *в* въ *у*: **оправдн** (p. 124);

4) Плавный гласный въ словѣ **хрщенье** (p. 30).

Начертанія соскобленныя и другія поправки въ первоначальномъ текстѣ каждый разъ оговариваются въ примѣчаніяхъ. Подчистки, произведенныя вторымъ писцомъ при *всѣхъ* указаніяхъ богослужебныхъ чтеній, оставлены безъ оговорокъ.

На снимкѣ представлена 12-я страница (л. 6 об.) рукописи въ натуральную величину.

Греческій текстъ, помѣщенный en regard съ славянскимъ, заимствованъ изъ сочиненія: Ἡ Καινὴ Διαθήκη. Novum Testamentum graece. Ad editionem suam VIII criticam maiorem conformavit, lectionibusque Sinaiticis et Vaticanis item Elzevirianis instruxit Constantinus de Tischendorf. Lipsiae. 1873. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ приведены варіанты, сближающіе основной текстъ съ славянскимъ переводомъ. Совпадающія между собой чтенія, заимствованныя изъ третьяго изданія R. Stephanus'а 1550 г. и Эльзевировскаго изданія 1624 г., приводятся безъ указанія источниковъ. Въ случаяхъ разногласія, изданіе Stephanus'а обозначается сокращенно черезъ St. Sn означаетъ Codex Sinaiticus половины IV в., принадлежащій въ настоящее время Императорской Публичной Библіотекѣ; Sn^3—поправки третьей руки въ Синайской рукописи, относящіяся къ VI—VII ст. V—Codex Vaticanus № 1209 также половины IV вѣка. Въ другихъ обозначеніяхъ сохранена терминологія Tischendorf'а: *add* означаетъ addit, *om* omittit, *pon* ponit, *praem* praemittit.

С. И. Масловъ.

IX. 28. παρρησιαζόμενος ἐν τῷ ὀνόματι τοῦ κυρίου, ἐλά-
λει τε καὶ συνεζήτει πρὸς τοὺς Ἑλληνιστάς· οἱ
δε ἐπεχείρουν ἀνελεῖν αὐτόν. ἐπιγνόν-
τες δὲ οἱ ἀδελφοὶ κατήγαγον αὐτὸν εἰς Και-
σαρίαν, καὶ ἐξαπέστειλαν αὐτὸν εἰς Ταρσόν.
Ἡ μὲν οὖν ἐκκλησία καθ' ὅλης τῆς Ἰουδαίας καὶ Γαλι-
λαίας καὶ Σαμαρίας εἶχεν εἰρήνην, οἰκο-
δομουμένη καὶ πορευομένη τῷ φόβῳ τοῦ κυ-
ρίου, καὶ τῇ παρακλήσει τοῦ ἁγίου πνεύματος ἐπλη-
θύνετο. ἐγένετο δὲ Πέτρον διερχόμε-
νον διὰ πάντων κατελθεῖν καὶ πρὸς τοὺς ἁγί-
ους τοὺς κατοικοῦντας Λύδδα. εὗ-
ρεν δὲ ἐκεῖ ἄνθρωπόν τινα ὀνόματι
Αἰνέαν ἐξ ἐτῶν ὀκτὼ κατακείμενον ἐπὶ
κραβάττου, ὃς ἦν παραλελυμένος. καὶ εἶπεν αὐ-
τῷ ὁ Πέτρος· Αἰνέα, ἰᾶταί σε
Ἰησοῦς Χριστός· ἀνάστηθι καὶ στρῶσον σεαυτῷ.
καὶ εὐθέως ἀνέστη. καὶ εἶδαν αὐτὸν πάντες οἱ κατ-
οικοῦντες Λύδδα καὶ τὸν Σάρωνα, οἵτινες
ἐπέστρεψαν ἐπὶ τὸν κύριον. Ἐν Ἰόππῃ
δέ τις ἦν μαθήτρια ὀνόματι
Ταβιθά, ἣ διερμηνευομένη λέγεται
Δορκάς· αὕτη ἦν πλήρης ἀγαθῶν ἔργων
καὶ ἐλεημοσυνῶν ὧν ἐποίει. ἐγένετο δὲ ἐν
ταῖς ἡμέραις ἐκείναις ἀσθενήσασαν αὐτὴν ἀποθανεῖν· λούσαν-
τες δὲ ἔθηκαν αὐτὴν ἐν ὑπερῴ-
ῳ. ἐγγὺς δὲ οὔσης Λύδδας τῇ Ἰόππῃ
οἱ μαθηταὶ ἀκούσαντες ὅτι Πέτρος

---

1. παρρησιαζ. praem και | του κυρ. ιησου 6—10. αι μεν ουν εκκλησιαι — ειχον ειρ. οικοδομουμεναι και πορευομεναι — επληθυνοντο

Л. 1. и дързоуꙗ о имени гā ісā. глā ше же и сътѧзашесѧ съ еллинꙑ. они же начинахоу оубити и. разоумѣвъше же братиꙗ. съведоша и въ кесарию. и ѿпоустиша и въ тарсъ. цркви же оубо по всеи июдеи и галилеи и самарии. имѣꙗхоу миръ съзидаѥмꙑ и ходѧща страхъмь гнемь. и оутѣшеньѥмь стго дха множахоусѧ (конц) <за кг> <сж> Бꙑ же петроу проходѧ ѯ· го·д· щю сквозѣ всѣхъ. сънити и къ стꙑ ід (не ·д·:·) мъ. живоущимъ въ луддѣ. обрѣте же тоу члвка нѣкоѥго именьмь еннею· ѿ осми лѣтъ слежаща на одрѣ. иже бѣ ослаблѥнъ. и рече ѥмоу петръ. еннеꙗ ицѣлꙗѥть тѧ гс хсъ. въстани и постели собѣ си. и абиѥ въста. и видѣша и вси живоущии въ луддѣ. и въ асаронѣ. иже и обратишасѧ къ гви.„ ’Въ иоппѣ же бѣ нѣкаꙗ оученица именьмь тавида. ꙗже съказаѥмо глѥтьсѧ сьрна. та бѣ пълна блгꙑхъ дѣлъ. ||

Л. 1 об. и млстꙑнь ꙗже творѧше. бꙑс же въ дни тꙑ болѣвъши ѥи оумрети. омꙑвъше же ю положиша ю въ нагорници. близь соущи люддѣ иоппиꙗ. оученици же слꙑшавъше. ꙗко петръ

1. дързоуꙗ: перед и послѣ ꙗ подчищено по одной или по двѣ буквы. 10. На поляхъ: о еннеи. 13. Въ словѣ нѣкоѥго—ѣ исправлено писцомъ изъ ь. 20. На поляхъ внизу: ’въ нѥи же о тавидѣ.

ἐστὶν ἐν αὐτῇ, ἀπέστειλαν δύο ἄνδρας πρὸς αὐτὸν παρακαλοῦντες· μὴ ὀκνήσῃς διελθεῖν ἕως ἡμῶν. ἀναστὰς δὲ Πέτρος συνῆλθεν αὐτοῖς· ὃν παραγενόμενον ἀνήγαγον εἰς τὸ ὑπερῷον, καὶ παρέστησαν αὐτῷ πᾶσαι αἱ χῆραι κλαίουσαι καὶ ἐπιδεικνύμεναι χιτῶνας καὶ ἱμάτια, ὅσα ἐποίει μετ' αὐτῶν οὖσα ἡ Δορκάς. ἐκβαλὼν δὲ ἔξω πάντας ὁ Πέτρος καὶ θεὶς τὰ γόνατα προσηύξατο, καὶ ἐπιστρέψας πρὸς τὸ σῶμα εἶπεν· Ταβιθὰ ἀνάστηθι. ἡ δὲ ἤνοιξεν τοὺς ὀφθαλμοὺς αὐτῆς, καὶ ἰδοῦσα τὸν Πέτρον ἀνεκάθισεν. δοὺς δὲ αὐτῇ χεῖρα ἀνέστησεν αὐτήν· φωνήσας δὲ τοὺς ἁγίους καὶ τὰς χήρας παρέστησεν αὐτὴν ζῶσαν. γνωστὸν δὲ ἐγένετο καθ' ὅλης τῆς Ἰόππης, καὶ ἐπίστευσαν πολλοὶ ἐπὶ τὸν κύριον. ἐγένετο δὲ ἡμέρας ἱκανὰς μεῖναι ἐν Ἰόππῃ παρά τινι Σίμωνι βυρσεῖ.

X. Ἀνὴρ δέ τις ἐν Καισαρίᾳ ὀνόματι Κορνήλιος, ἑκατοντάρχης ἐκ σπείρης τῆς καλουμένης Ἰταλικῆς, εὐσεβὴς καὶ φοβούμενος τὸν θεὸν σὺν παντὶ τῷ οἴκῳ αὐτοῦ, ποιῶν ἐλεημοσύνας πολλὰς τῷ λαῷ καὶ δεόμενος τοῦ θεοῦ διαπαντός, εἶδεν ἐν ὁράματι φανερῶς, ὡσεὶ περὶ ὥραν ἐνάτην τῆς ἡμέρας, ἄγγελον τοῦ θεοῦ εἰσελθόντα πρὸς αὐτὸν καὶ εἰπόντα αὐτῷ· Κορνήλιε. ὁ δὲ ἀτενίσας αὐτῷ καὶ ἔμφοβος γενόμενος εἶπεν· τί ἐστιν, κύριε; εἶπεν δὲ αὐτῷ· αἱ προσευχαί σου καὶ αἱ ἐλεημοσύναι σου

---

30. μη οκνησαι δι. ε. αυτων

44. πολλ. επιστ. 47. δε τις: add. ην

ѥсть въ неи. послаша два моужа къ
ѥгемоу моляще и не лѣнитися приті
до нихъ., Въставъ же петръ иде съ
нима. ѥго же пришьдъша възведо
ша на горницю. и сташа прѣдъ ни
мь вся вьдовица. плачющася и по
казающа одежа и ризы. ѥлико тво
ряше съ ними соущиꙗ сьрна. изгъ
навъ же вънъ вся петръ. и поклонь
колѣнѣ помолися. и обращься къ
тѣлоу рече. тавида въстани. она
же ѿвьрзе очи свои. и видѣвъши пе
тра сѣде. имъ же ю за роукоу въздви
же ю. призвавъ же ст҃ы и вьдовица.
показа ю живоу. оувѣдѣно же бы҇ се (конѣ) а҃ · д҃.
по всеи иоппии. и мнози вѣроваша г҃ви.,, <нѣ>
бы҇ же д҃ни многы* въ иоппин.
оу нѣкоѥго симона оусмара.,, ||
Л. 2. ЇЄ Моужь же нѣкыи б[ѣ въ кесариі. и]
<за кд> меньмь корнилъ сътьникъ. [ѿ мъ]
(въ поне · д · нѣ) ножьства воиньства наричема
го италиискаго. бл҃говѣрьнъ и боꙗ
ся б҃а. съ всѣмь домъмь своимь.
творя же м҃лстыниꙗ многы людьмъ.
и моляся б҃оу вьиноу. видѣ видѣ
ньѥмь ꙗвѣ. ꙗко въ девятыи часъ
д҃не. аггела б҃жиꙗ въшьдъша к не
моу. и рекша ѥмоу. корнилоу. онъ
же възрѣвъ на нь и оужасьнъ бы
въ рече. чьто ѥсть г҃и. рече же ѥмоу
мольбы твоꙗ и м҃лстыниꙗ твоꙗ.

---

45. Въ началѣ строки нѣсколько буквъ выскоблено. Внизу на поляхъ: *прѣбыти ѥмоу· 47. На поляхъ внизу: ЇЄ. о корнилѣ сътьницѣ.,,

ἀνέβησαν εἰς μνημόσυνον ἔμπροσθεν τοῦ θεοῦ. καὶ νῦν πέμψον ἄνδρας εἰς Ἰόππην καὶ μετάπεμψαι Σίμωνά τινα ὃς ἐπικαλεῖται Πέτρος· οὗτος ξενίζεται παρά τινι Σίμωνι βυρσεῖ, ᾧ ἐστὶν οἰκία παρὰ θάλασσαν. ὡς δὲ ἀπῆλθεν ὁ ἄγγελος ὁ λαλῶν αὐτῷ, φωνήσας δύο τῶν οἰκετῶν καὶ στρατιώτην εὐσεβῆ τῶν προσκαρτερούντων αὐτῷ, καὶ ἐξηγησάμενος ἅπαντα αὐτοῖς ἀπέστειλεν αὐτοὺς εἰς τὴν Ἰόππην. Τῇ δὲ ἐπαύριον ὁδοιπορούντων αὐτῶν καὶ τῇ πόλει ἐγγιζόντων ἀνέβη Πέτρος ἐπὶ τὸ δῶμα προσεύξασθαι περὶ ὥραν ἕκτην. ἐγένετο δὲ πρόσπεινος καὶ ἤθελεν γεύσασθαι· παρασκευαζόντων δὲ αὐτῶν ἐγένετο ἐπ' αὐτὸν ἔκστασις, καὶ θεωρεῖ τὸν οὐρανὸν ἀνεῳγμένον καὶ καταβαῖνον σκεῦός τι ὡς ὀθόνην μεγάλην, τέσσαρσιν ἀρχαῖς καθιέμενον ἐπὶ τῆς γῆς, ἐν ᾧ ὑπῆρχεν πάντα τὰ τετράποδα καὶ ἑρπετὰ τῆς γῆς καὶ πετεινὰ τοῦ οὐρανοῦ. καὶ ἐγένετο φωνὴ πρὸς αὐτόν· ἀναστὰς Πέτρε θῦσον καὶ φάγε. ὁ δὲ Πέτρος εἶπεν· μηδαμῶς, κύριε, ὅτι οὐδέποτε ἔφαγον πᾶν κοινὸν καὶ ἀκάθαρτον· καὶ φωνὴ πάλιν ἐκ δευτέρου πρὸς αὐτόν· ἃ ὁ θεὸς ἐκαθάρισεν σὺ μὴ κοίνου. τοῦτο δὲ ἐγένετο ἐπὶ τρίς, καὶ εὐθὺς ἀνελήμφθη τὸ σκεῦος

61. εις ιοππ. ανδρ. 62. τινα: St Sn om 64. παρα θαλασσαν: add. ουτος λαλησει σοι τι σε δει ποιειν 65. αυτω: τω κορνηλιω 66. οικετων: add αυτου 68. αυτοις απαντα 75. αυτων: εκεινων | εγενετο: επεπεσεν 76. καταβαινον: add. επ αυτον 79. καθιεμενον: praem δεδεμενον και 80. τετραποδα: add. και τα θηρια | της γης: post τετραπο. pon 88. ευθυς: παλιν

на памѧть вьзидоша прѣдъ б҃а.
и нꙑнѣ посли вь иоппъ моужа. и
призови симона нарицаѥмаго петра.
тъ живеть оу нѣкого симона оусма
ра. ѥмоу же ѥсть хлѣвина при мори.
‹ѕ҃і› Ѥгда же ѿиде аггелъ. гл҃аи корни
лови. призвавъ два ѿ рабъ своихъ.
и воина бл҃говѣрна ѿ слоужащихъ
ѥмоу· и съказавъ имъ все. посла ꙗ
вь иоппъ. наоутрꙑꙗ же онѣмъ идоу ||
Л. 2 об. щемъ имъ поутьмъ. и приближаю
щемъсѧ кь градоу. вьзиде петрь
на горницю помолитъсѧ вь шесты
и часъ. бꙑ҃ же прилачьнъ. и хо
тѧше вькоусити. приближающемь
же сѧ онѣмъ. нападе на нь оужасъ.
и видѣ н҃бо ѿвьрсто. и съсоудъ нѣка
къ съходѧщь на нь. акꙑ поньвоу ве
ликоу. на четꙑри краꙗ привѧзаноу.
и низъвисѧщю на землю. вь нѥи же
бѧхоу вьсѧ четвьроногаꙗ землꙗ. и звѣ
рьѥ и гади. и птица н҃бснꙑꙗ.,, ѵ
И бꙑс҃ гласъ к нѥмоу· въставъ петре
заколи и ѣжь. петрь же рече. ни г҃и.
ꙗко николи же ѣхъ вьсѧкого скврьнь
на. и неочищена. и гласъ вьторице
ю пакꙑ к нѥмоу· ихъ же бъ҃ очисти
ль ѥсть тꙑ не скврьни. се же бꙑс҃ тришда·
.и пакꙑ възѧтъсѧ съсоудъ

64. На поляхъ справа дописано: ‹и рече г҃лꙑ к тебѣ | в нь же сп҃сешисѧ. | тꙑ и весь до тво.› 81. Слѣва на поляхъ: [ѵ | четꙑрьхъ ева | ггелиихъ прикѧ | заноу цркви. въ не | и же бѣша вси ꙗ | зꙑци ,,] 87. тришда исправлено изъ тре | тьѥю (87—88).

εἰς τὸν οὐρανόν. ὡς δὲ ἐν ἑαυτῷ διηπόρει ὁ Πέτρος, τί ἂν εἴη τὸ ὅραμα ὃ εἶδεν, ἰδοὺ οἱ ἄνδρες οἱ ἀπεσταλμένοι ὑπὸ τοῦ Κορνηλίου διερωτήσαντες τὴν οἰκίαν τοῦ Σίμωνος ἐπέστησαν ἐπὶ τὸν πυλῶνα, καὶ φωνήσαντες ἐπυνθάνοντο εἰ Σίμων ὁ ἐπικαλούμενος Πέτρος ἐνθάδε ξενίζεται. τοῦ δὲ Πέτρου διενθυμουμένου περὶ τοῦ ὁράματος εἶπεν τὸ πνεῦμα αὐτῷ· ἰδοὺ ἄνδρες ζητοῦντές σε· ἀλλὰ ἀναστὰς κατάβηθι, καὶ πορεύου σὺν αὐτοῖς μηδὲν διακρινόμενος, ὅτι ἐγὼ ἀπέσταλκα αὐτούς. καταβὰς δὲ Πέτρος πρὸς τοὺς ἄνδρας εἶπεν· ἰδοὺ ἐγώ εἰμι ὃν ζητεῖτε· τίς ἡ αἰτία δι' ἣν πάρεστε; οἱ δὲ εἶπαν· Κορνήλιος ἑκατοντάρχης, ἀνὴρ δίκαιος καὶ φοβούμενος τὸν θεόν, μαρτυρούμενός τε ὑπὸ ὅλου τοῦ ἔθνους τῶν Ἰουδαίων, ἐχρηματίσθη ὑπὸ ἀγγέλου ἁγίου μεταπέμψασθαί δε εἰς τὸν οἶκον αὐτοῦ καὶ ἀκοῦσαι ῥήματα παρὰ σοῦ. εἰσκαλεσάμενος οὖν αὐτοὺς ἐξένισεν. Τῇ δὲ ἐπαύριον ἀναστὰς ἐξῆλθεν σὺν αὐτοῖς, καί τινες τῶν ἀδελφῶν τῶν ἀπὸ Ἰόππης συνῆλθον αὐτῷ. τῇ δὲ ἐπαύριον εἰσῆλθαν εἰς τὴν Καισαρίαν· ὁ δὲ Κορνήλιος ἦν προσδοκῶν αὐτούς, συνκαλεσάμενος τοὺς συγγενεῖς αὐτοῦ καὶ τοὺς ἀναγκαίους φίλους. ὡς δὲ ἐγένετο τοῦ εἰσελθεῖν τὸν Πέτρον, συναντήσας αὐτῷ ὁ Κορνήλιος πεσὼν ἐπὶ τοὺς πόδας προσεκύνησεν. ὁ δὲ Πέτρος ἤγειρεν αὐτὸν λέγων· ἀνάστηθι· καὶ ἐγὼ αὐτὸς ἄνθρωπός εἰμι. καὶ συνομιλῶν αὐτῷ εἰσῆλθεν, καὶ εὑρίσκει συνεληλυθότας πολλούς, ἔφη

91. και ιδου 92. υπο: απο 97. αυτω: post ειπεν pon | ζητουσι
109. αναστας: add ο πετρος 112. τη δε: και τη

і҃ го· д҃ на нбо҃. (і҆) <пнѝ> Ѥгда же петръ въ себе сътѫ
зашесѧ· что оу҆бо боудеть видѣнь
ѥ се ѥже видѣ. и се моужи послании
ѿ корнила. въпрашавъше же о домоу ‖
Л. 3. симоновѣ. сташа прѣдъ вратꙑ и прі
звавъше въпрашахоу· аще симонъ
рекомꙑи петръ сьде обиталъ.,,
Петроу же помꙑшлꙗющю о видѣні
и. рече ѥмоу дхъ҃. се моужи ищють те
бе. нъ въставъ сълѣзи и иди съ нимі.
ничимь же соумнѧсѧ аз бо послахъ ꙗ.,,
<за҃ ке҃> Съшьдъ же петръ къ моужемъ рече.
(въ вътоⷬ · д҃· не҃)
се азъ ѥсмь ѥго же ищете· каꙗ ѥсть ви
на ѥꙗ же ради придосте· они же рѣша.
корнилъ сътьникъ. моужь правди
въ и боꙗсѧ ба҃. съвѣдѣтельствова
нъ всѣмъ ꙗзꙑкомъ июдеискомъ.
гла҃но ѥмоу бꙑсть ѿ аггела ста҃. при
звати тѧ въ домъ свои. и слꙑшати
гла҃ ѿ тебе· призвавъ же ꙗ оу҆чреди.
’Наоу҆трѣи же петръ въставъ изиде
съ ними. и нѣции ѿ братиꙗ. и и
же ѿ иоппиꙗ. съ нимь идоша. и
наоу҆трꙑꙗ вънидоша въ кесарию.
корнилъ же бѣ чаꙗ ихъ. съзвавъ оу҆
жикꙑ своꙗ и любимѣишаꙗ дроу
гꙑ. Ѥгда же бꙑⷭ вънити петроу. ‖
Л. 3 об. сърѣте и корнилъ. и падъ на ногоу по
конисѧ ѥмоу. петръ же въздвиже и гла҃.
въстани и азъ бо самъ чл҃вкъ ѥсмь. и
съ нимь бесѣдоуꙗ вънидѣ въ градъ. и
обрѣте съшьдъшасѧ мъногꙑ. рече

109. На поляхъ слѣва: ’въ нѥи же ꙗ | ко прізванъ | петръ.,,

τε πρὸς αὐτούς· ὑμεῖς ἐπίστασθε ὡς ἀθέμιτόν ἐστιν ἀνδρὶ Ἰουδαίῳ κολλᾶσθαι ἢ προσέρχεσθαι ἀλλοφύλῳ· κἀμοὶ ἔδειξεν ὁ θεὸς μηδένα κοινὸν ἢ ἀκάθαρτον λέγειν ἄνθρωπον· διὸ καὶ ἀναντιρρήτως ἦλθον μεταπεμφθείς. πυνθάνομαι οὖν, τίνι λόγῳ μετεπέμψασθέ με; καὶ ὁ Κορνήλιος ἔφη· ἀπὸ τετάρτης ἡμέρας μέχρι ταύτης τῆς ὥρας ἤμην τὴν ἐνάτην προσευχόμενος ἐν τῷ οἴκῳ μου, καὶ ἰδοὺ ἀνὴρ ἔστη ἐνώπιόν μου ἐν ἐσθῆτι λαμπρᾷ, καὶ φησίν· Κορνήλιε, εἰσηκούσθη σου ἡ προσευχὴ καὶ αἱ ἐλεημοσύναι σου ἐμνήσθησαν ἐνώπιον τοῦ θεοῦ. πέμψον οὖν εἰς Ἰόππην καὶ μετακάλεσαι Σίμωνα ὃς ἐπικαλεῖται Πέτρος· οὗτος ξενίζεται ἐν οἰκίᾳ Σίμωνος βυρσέως παρὰ θάλασσαν. ἐξαυτῆς οὖν ἔπεμψα πρός σε, σύ τε καλῶς ἐποίησας παραγενόμενος. νῦν οὖν πάντες ἡμεῖς ἐνώπιον τοῦ θεοῦ πάρεσμεν ἀκοῦσαι πάντα τὰ προστεταγμένα σοι ὑπὸ τοῦ κυρίου.

Ἀνοίξας δὲ Πέτρος τὸ στόμα εἶπεν· ἐπ' ἀληθείας καταλαμβάνομαι ὅτι οὐκ ἔστιν προσωπολήμπτης ὁ θεός, ἀλλ' ἐν παντὶ ἔθνει ὁ φοβούμενος αὐτὸν καὶ ἐργαζόμενος δικαιοσύνην δεκτὸς αὐτῷ ἐστίν· τὸν λόγον ὃν ἀπέστειλεν τοῖς υἱοῖς Ἰσραὴλ εὐαγγελιζόμενος εἰρήνην

---

130. ημην: add νηστευων και | ενατην: εννατ. ωραν 139. παρα θαλασσαν: add ος παραγενομενος λαλησει σοι 144. υπο: Sn³ απο | κυριου: θεου 145. το στομα: Sn³ add αυτου

же к нимъ. вы вѣсте ꙗко не подобаѥ
ть моужю жидовиноу· прилѣплꙗ
тисѧ или пристоупати къ иноплеме
ньникоу. нъ мнѣ показалъ б҃ъ. ни ѥ
диного же скврьньна. ли нечⷭ҇та гл҃ати
чл҃вка.,, Тѣмь же и бесоумьнѣньꙗ
придохъ призванъ.' Въпрашаю же вы
оу̓бо. кымь словъмь позвасте мѧ.
корнилъ же рече. ѿ четвьртаго часа дь
не до сего часа. бѣхъ постѧсѧ. и въ де
вѧтыи часъ молѧщю ми сѧ въ домꙋ
своѥмь. и се абьѥ моужь ста прѣдъ
мъною въ одежи свѣтьлѣ. и рече ми
корнилоу. оу̓слышана бⷭ҇ы млтва тво
ꙗ. и млстынꙗ твоꙗ помѧновены
быша прѣдъ б҃мь. посли оу̓бо въ ио
ппъ. и призови симона иже нарица
ѥтьсѧ петръ. сь виталъ ѥсть въ домꙋ ||
Л. 4. симоновѣ оусмара при мори. иже при
шьдъ поглѥть ти. ѿтолѣ оу̓бо и посъ
лахъ к тобѣ. ты же добрѣ сътворилъ
ѥси пришьдъ. ныⷩ҇ѣ оу̓бо вси мы прѣ
дъ б҃мь придохомъ. слышати всѣ г҃ ·д҃·
хъ заповѣданыхъ тобѣ ѿ б҃а.,, (коньць ·:·~)
✤ Ѿвьрзъ же петръ оу̓ста своꙗ рече· въ ⟨втоⷦ҇⟩
⟨заⷱ҇ кѕ҃⟩ (въ четвьртⷦ҇ ·д҃· неⷣ҇) истиноу разоумѣю. ꙗко не на лица
зрить б҃ъ. нъ въ всѧкомь ꙗзыцѣ бо
ꙗисѧ ѥго· и творѧи правьдоу приꙗтъ
имь ѥсть. слово ѥже посла сн҃омъ
из҃лѥвомъ. бл҃говѣстьствоуꙗ миръ

127. На поляхъ слѣва: 'пакы бесѣда ѥго. 145. На поляхъ слѣва: петрово оу̓чениѥ въ х҃а; справа: [✤ | А҃]ще притечеши | къ ст҃омоу хрщ҃нью. | пьрвыꙗ прѣльсти | оу̓стоупити.,,

διὰ Ἰησοῦ Χριστοῦ· οὗτός ἐστιν πάντων κύριος. ὑμεῖς οἴδατε
τὸ γενόμενον ῥῆμα καθ' ὅλης τῆς Ἰουδαίας, ἀρξάμενος ἀπὸ
τῆς Γαλιλαίας μετὰ τὸ βάπτισμα ὃ ἐκήρυ-
ξεν Ἰωάννης, Ἰησοῦν τὸν ἀπὸ Ναζαρέθ,
ὡς ἔχρισεν αὐτὸν ὁ θεὸς πνεύματι ἁγίῳ καὶ δυνά-
μει, ὃς διῆλθεν εὐεργετῶν καὶ ἰώμε-
νος πάντας τοὺς καταδυναστευομένους ὑπὸ τοῦ διαβόλου,
ὅτι ὁ θεὸς ἦν μετ' αὐτοῦ· καὶ ἡμεῖς μάρ-
τυρες πάντων ὧν ἐποίησεν
ἔν τε τῇ χώρᾳ τῶν Ἰουδαίων καὶ ἐν Ἱερουσαλήμ,
ὃν καὶ ἀνεῖλαν κρεμάσαντες ἐπὶ ξύλου.
τοῦτον ὁ θεὸς ἤγειρεν ἐν τῇ τρίτῃ ἡμέρᾳ καὶ ἔδω-
κεν αὐτὸν ἐμφανῆ γενέσθαι, οὐ παντὶ τῷ λαῷ
ἀλλὰ μάρτυσιν τοῖς προκεχειροτονημέ-
νοις ὑπὸ τοῦ θεοῦ, ἡμῖν οἵτινες συνεφάγομεν καὶ συνεπίο-
μεν αὐτῷ μετὰ τὸ ἀναστῆναι αὐτὸν ἐκ νεκ-
ρῶν· καὶ παρήγγειλεν ἡμῖν κηρῦ-
ξαι τῷ λαῷ καὶ διαμαρτύρα-
σθαι ὅτι αὐτός ἐστιν ὁ ὡρισμένος ὑπὸ τοῦ θεοῦ
κριτὴς ζώντων καὶ νεκρῶν.
τούτῳ πάντες οἱ προφῆται μαρτυροῦ-
σιν, ἄφεσιν ἁμαρτιῶν λαβεῖν διὰ τοῦ ὀνόματος
αὐτοῦ πάντα τὸν πιστεύοντα εἰς αὐτόν.
Ἔτι λαλοῦντος τοῦ Πέτρου τὰ ῥήματα ταῦτα
ἐπέπεσεν τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον ἐπὶ πάντας τοὺς ἀκούον-
τας τὸν λόγον. καὶ ἐξέστησαν οἱ ἐκ
περιτομῆς πιστοὶ ὅσοι συν-
ῆλθαν τῷ Πέτρῳ, ὅτι καὶ ἐπὶ τὰ ἔθ-
νη ἡ δωρεὰ τοῦ ἁγίου πνεύματος ἐκκέχυται· ἤκου-
ον γὰρ αὐτῶν λαλούντων γλώσσαις καὶ μεγαλυνόν-
των τὸν θεόν. τότε ἀπεκρίθη Πέτρος· μήτι
τὸ ὕδωρ δύναται κωλῦσαί τις τοῦ μὴ

158. ημεις: add εσμεν 161. ον και: om και 169. αυτος: V ουτος
182. κωλυσαι δυνά. τις

г҃с х҃смь. се ѥсть всѣхъ г҃ь. вы вѣсте гл҃ъ
бывъшии по всеи июдеи· начьнъ ѿ
галилеꙗ по кр҃щении. ѥго же проповѣ
да иоанъ і҃сл. соуштаго ѿ назареда.
ꙗко помаза и б҃ъ д҃хмь ст҃ымь и сило
ю. иже прѣиде бл҃готворѧ. и ицѣлꙗ
ꙗ всѧ насилованыꙗ диꙗволъмь.
ꙗко б҃ъ бѣ съ нимь. и мы же ѥсмъ съ
вѣдѣтели всѣхъ ихъже сътворилъ.
въ земли июдеистѣи и въ иерлмѣ.
ѥго же оубиша повѣшьше и на дрѣвѣ. ||
Л. 4 об. сего б҃ъ въскрѣси въ третии д҃нь. и да
сть ѥмоу ꙗвѣ быти не всѣмъ людь
мъ. нъ съвѣдѣтелѥмъ прѣже нарече
нымъ б҃мь намъ. иже ѣхомъ и пихо
мъ съ нимь по въскрьсении ѥго ѿ мь
ртвыхъ. и повелѣ намъ проповѣ
дати людьмъ. и съвѣдѣтельство
вати ꙗко тъ ѥсть нареченыи ѿ б҃а·
соудии живымъ и мьртвымъ.
о семь вси пррци съвѣдѣтельствꙋ
ють. ѿпоущеньꙗ грѣхъ приꙗти іменьмь
ѥго всѧкомоу вѣроующюмоу въ нь., (конць·:·~) ‹чѣ›
<за҃ кз҃> <ѕі҃> (въ пѧкъ ·д҃· нѣ) И ѥще же глющю петроу гл҃ы сиꙗ.
нападе д҃хъ ст҃ыи на всѧ слыша
щаꙗ слово· и оужасошасѧ. иже ѿ
обрѣзаньꙗ вѣрнии· ѥлико съ пе
тръмь придоша. ꙗко и въ ꙗзыцѣ
хъ даръ ст҃го д҃ха пролисѧ. слыша
хоу бо ꙗ глюща ꙗзыкы. и велича
юща б҃а. тъгда ѿвѣща петръ. еда
воды възбранити можеть кто не

---

170. соуди и исправлено писцомъ изъ соудити.

βαπτισθῆναι τούτους, οἵτινες τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον
ἔλαβον ὡς καὶ ὑμεῖς; προσέταξεν δὲ αὐτοῖς
ἐν τῷ ὀνόματι Ἰησοῦ Χριστοῦ βαπτισθῆναι. τότε
ἠρώτησαν αὐτὸν ἐπιμεῖναι ἡμέρας τι-
XI. νάς. Ἤκουσαν δὲ οἱ ἀπόστολοι καὶ οἱ ἀδελφοὶ
οἱ ὄντες κατὰ τὴν Ἰουδαίαν ὅτι καὶ τὰ ἔθνη ἐδέ-
ξαντο τὸν λόγον τοῦ θεοῦ. ὅτε δὲ ἀνέβη Πέτρος εἰς
Ἱερουσαλήμ, διεκρίνοντο πρὸς αὐτὸν οἱ
ἐκ περιτομῆς, λέγοντες ὅτι εἰσῆλθες πρὸς ἄνδ-
ρας ἀκροβυστίαν ἔχοντας
καὶ συνέφαγες αὐτοῖς. ἀρξά-
μενος δὲ Πέτρος ἐξετίθετο αὐτοῖς καθεξῆς
λέγων· ἐγὼ ἤμην ἐν πόλει Ἰόπ-
πη προσευχόμενος, καὶ εἶδον ἐν ἐκστάσει
ὅραμα, καταβαῖνον σκεῦός τι
ὡς ὀθόνην μεγάλην τέσσαρ-
σιν ἀρχαῖς καθιεμένην ἐκ τοῦ οὐρανοῦ καὶ ἦλθεν
ἄχρι ἐμοῦ· εἰς ἣν ἀτενίσας κατε-
νόουν, καὶ εἶδον τὰ τετράποδα
τῆς γῆς καὶ τὰ θηρία καὶ τὰ ἑρπε-
τὰ καὶ τὰ πετεινὰ τοῦ οὐρανοῦ.
ἤκουσα δὲ καὶ φωνῆς λεγούσης μοι· ἀνα-
στὰς Πέτρε θῦσον καὶ φάγε. εἶπον
δέ· μηδαμῶς, κύριε, ὅτι κοινὸν ἢ ἀ-
κάθαρτον οὐδέποτε εἰσῆλθεν εἰς τὸ στό-
μα μου. ἀπεκρίθη δὲ φωνὴ ἐκ δευ-
τέρου ἐκ τοῦ οὐρανοῦ· ἃ ὁ θεὸς ἐκαθάρισεν
σὺ μὴ κοίνου. τοῦτο δὲ ἐγένετο ἐπὶ
τρίς, καὶ ἀνεσπάσθη πάλιν ἅπαντα εἰς τὸν οὐρανόν.
καὶ ἰδοὺ ἐξαυτῆς τρεῖς ἄνδρες ἐπέστησαν ἐπὶ

---

185. βαπτισθηναι: ante εν τω ονομ. pon 189. οτε δε: και οτε 191. εισηλθες post ακρ. εχοντας pon 204. ηκουσα δε sine και 206. παν κοινον 208. απεκρι. δε: add μοι 211. παλιν ανεσπασθη

хр҃титисѧ симъ. иже дх҃ъ ст҃ыи
приꙗша ꙗко же и мы. повелѣ же хрь ||
Л. 5. ститисѧ имъ въ имѧ іс҃ хв҃о. тъгда
молиша и прѣбыти ѥмоу дн҃и нѣ
колико· слышаша же ап҃ли и братиꙗ
соущаꙗ въ июдеи. ꙗко и ꙗзыци пр
ꙗша слово бж҃ьѥ. и ѥгда петръ възⷣі въ
иерл҃мъ. пьрѧхоусѧ съ нимь иже
ѿ обрѣзаньꙗ гл҃юще. ꙗко къ моу
жемъ не имоущимъ окровьстиꙗ
вънидe. и ѣлъ ѥси съ ними. із҃ начь
нъ же петръ съказаше имъ по рѧдоу
гл҃ꙗ., азъ бѣхъ въ градѣ иоппии
сцѣ молѧсѧ. и видѣхъ въ оужасѣ
видѣньѥ. сходѧщь съсоудъ нѣ
какъ. ꙗко поньвоу великоу на четы
ри краѣ висѧщю ѿ нб҃се. и приде
до мене. въ нюже възьрѣвъ разоу
мѣвахъ и видѧхъ. четвероногы
земьныꙗ. и звѣри и прѣсмыка
ющихъсѧ. и пътица нб҃сьскыꙗ.,
слышахъ же гласъ гл҃щь ми. въ
ставъ петре заколи и ѣжь. рѣхъ
же ни гн҃и. ꙗко всѧко скврьньно и не
чисто. николи же не вънидe въ оу ||
Л. 5 об. ста моꙗ. ѿвѣ[ща ж]е ми гласъ втор
цею [съ нб҃се] гл҃ꙗ. ихъ же бъ҃ очистилъ
ѥсть ты не скврьни. се же бы҃ и треть
ѥѥ. и пакы въстържесѧ все на нб҃о. ·ѕ·д·
и се абиѥ триѥ моужи сташа прѣдъ (конѣ)

189. слово бж҃ьѥ: первоначально было написано словеса бж҃ьꙗ. 193. Внизу на поляхъ л. 4 об.: [ѕі.] ꙗко петръ по рѧдоу всѧ бывъшаꙗ повѣстьствоуѥть ап҃лом., при этомъ подъ ѕі можно прочесть первоначальное начертаніе із҃. 199. висѧщю исправлено изъ высѣдѧщю (?).

τὴν οἰκίαν ἐν ᾗ ἦμεν, ἀπεσταλμένοι ἀπὸ Καισαρίας πρός με. εἶπεν δὲ τὸ πνεῦμά μοι συνελθεῖν αὐτοῖς μηδὲν διακρίναντα. ἦλθον δὲ σὺν ἐμοὶ καὶ οἱ ἓξ ἀδελφοὶ οὗτοι, καὶ εἰσήλθομεν εἰς τὸν οἶκον τοῦ ἀνδρός. ἀπήγγειλεν δὲ ἡμῖν πῶς εἶδεν τὸν ἄγγελον ἐν τῷ οἴκῳ αὐτοῦ σταθέντα καὶ εἰπόντα ἀπόστειλον εἰς Ἰόππην καὶ μετάπεμψαι Σίμωνα τὸν ἐπικαλούμενον Πέτρον, ὅς λαλήσει ῥήματα πρός σε, ἐν οἷς σωθήσῃ σὺ καὶ πᾶς ὁ οἶκός σου. ἐν δὲ τῷ ἄρξασθαί με λαλεῖν ἐπέπεσεν τὸ πνεῦμα το ἅγιον ἐπ' αὐτοὺς ὥσπερ καὶ ἐφ' ἡμᾶς ἐν ἀρχῇ. ἐμνήσθην δὲ τοῦ ῥήματος τοῦ κυρίου, ὡς ἔλεγεν· Ἰωάννης μὲν ἐβάπτισεν ὕδατι, ὑμεῖς δὲ βαπτισθήσεσθε ἐν πνεύματι ἁγίῳ. εἰ οὖν τὴν ἴσην δωρεὰν ἔδωκεν αὐτοῖς ὁ θεὸς ὡς καὶ ἡμῖν, πιστεύσασιν ἐπὶ τὸν κύριον Ἰησοῦν Χριστόν, ἐγὼ τίς ἤμην δυνατὸς κωλῦσαι τὸν θεόν; ἀκούσαντες δὲ ταῦτα ἡσύχασαν, καὶ ἐδόξασαν τὸν θεὸν λέγοντες· ἄρα καὶ τοῖς ἔθνεσιν ὁ θεὸς τὴν μετάνοιαν εἰς ζωὴν ἔδωκεν.

Οἱ μὲν οὖν διασπαρέντες ἀπὸ τῆς θλίψεως τῆς γενομένης ἐπὶ Στεφάνῳ διῆλθον ἕως Φοινίκης καὶ Κύπρου καὶ Ἀντιοχείας, μηδενὶ λαλοῦντες τὸν λόγον εἰ μὴ μόνον Ἰουδαίοις. ἦσαν δὲ τινες ἐξ αὐτῶν ἄνδρες Κύπριοι καὶ Κυρηναῖοι, οἵτινες ἐλθόντες εἰς Ἀντιόχειαν ἐλάλουν καὶ πρὸς τοὺς Ἕλληνας

---

213. ημεν : ημην 215. μοι το πνευμα 221. ειποντα : add αυτω | εις ιοππην : add ανδρας 232. εδοξαζον 234. εδωκεν εις ζωην 240. εισελθοντες 241. ελαλουν και : om. και

хлѣвиною въ нѥи же бѧху. послані <пѧ҃>
и корнилъмь. ѿ кесарид къ мнѣ.
рече же ми дх҃ъ ст҃ыи. съ нѥими ити
ничьтоже соумьнѧщесѧ. придоша
же съ мъною и братьꙗ шесть си. и
вънидохомъ въ домъ моужа. съка
за же намъ како видѣлъ въ домоу сво
ѥмь аггела ставъша прѣдъ ниімь.
и рекъша ѥмоу посъли въ иоппъ моу
жа. и призови симона наричема
го петра. иже възглеть глы к тобѣ.
имиже сѧ спсеши ты. и вeсь домъ твоі.,,
Ѥгда же начахъ глати нападе дхъ
стыи на нꙗ. *ꙗко же гла ' иѡанъ оу

во хртилъ водою· вы же хртитесѧ
дхмь стымь. аще оубо равьнъ даръ
дасть имъ бъ. ꙗко же и намъ вѣро
вавъшимъ въ га іс ха. азъ кыи си ||
Л. 6. линкъ бѣхъ въз[бранити бгу. с]лы
шавъше же се оумълкоша. и славлꙗ
хоу ба глюще оубо. и ꙗзыкомъ далъ
бъ покаꙗньѥ въ жизнь.,,
<за̄ кі̇> расѣꙗнии же скърбью бывъшаꙗ о
(нѐ ·і·) стефанѣ. проидоша до финикиꙗ.
и купра и антиохиꙗ. ни ѥдиномоу
же глюще словесе. нъ тъкмо июдеом.
бѧхоу же нѣции ѿ нѥихъ. моужи ку
прѧне и куринꙗне· иже въшьдъше
въ антиохию. глахоу къ елиномъ

213. Въ словѣ бѧху—у исправлено писцомъ изъ ъ. 225. начахъ исправлено писцомъ изъ начась. 226. Слова ꙗко же гла зачеркнуты киноварью; вмѣсто нихъ на поляхъ слѣва: [*ꙗко же и на ны | дрѣвлѥ. помѧ | ноухъ же глъ гнь. | иже глаше].,,

εὐαγγελιζόμενοι τὸν κύριον Ἰησοῦν. καὶ ἦν χεὶρ κυρίου μετ' αὐτῶν, πολύς τε ἀριθμὸς ὁ πιστεύσας ἐπέστρεψεν ἐπὶ τὸν κύριον. Ἠκούσθη δὲ ὁ λόγος εἰς τὰ ὦτα τῆς ἐκκλησίας τῆς οὔσης ἐν Ἱερουσαλὴμ περὶ αὐτῶν, καὶ ἐξαπέστειλαν Βαρνάβαν ἕως Ἀντιοχείας· ὃς παραγενόμενος καὶ ἰδὼν τὴν χάριν τὴν τοῦ θεοῦ ἐχάρη, καὶ παρεκάλει πάντας τῇ προθέσει τῆς καρδίας προσμένειν τῷ κυρίῳ, ὅτι ἦν ἀνὴρ ἀγαθὸς καὶ πλήρης πνεύματος ἁγίου καὶ πίστεως. καὶ προσετέθη ὄχλος ἱκανὸς τῷ κυρίῳ. ἐξῆλθεν δὲ εἰς Ταρσὸν ἀναζητῆσαι Σαῦλον, καὶ εὑρὼν ἤγαγεν εἰς Ἀντιόχειαν. ἐγένετο δὲ αὐτοῖς καὶ ἐνιαυτὸν ὅλον συναχθῆναι ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ καὶ διδάξαι ὄχλον ἱκανόν, χρηματίσαι τε πρώτως ἐν Ἀντιοχείᾳ τοὺς μαθητὰς Χριστιανούς. Ἐν ταύταις δὲ ταῖς ἡμέραις κατῆλθον ἀπὸ Ἱεροσολύμων προφῆται εἰς Ἀντιόχειαν· ἀναστὰς δὲ εἷς ἐξ αὐτῶν ὀνόματι Ἄγαβος ἐσήμανεν διὰ τοῦ πνεύματος λιμὸν μεγάλην μέλλειν ἔσεσθαι ἐφ' ὅλην τὴν οἰκουμένην, ἥτις ἐγένετο ἐπὶ Κλαυδίου. τῶν δὲ μαθητῶν καθὼς εὐπορεῖτό τις, ὥρισαν ἕκαστος αὐτῶν εἰς διακονίαν πέμψαι τοῖς κατοικοῦσιν ἐν τῇ Ἰουδαίᾳ ἀδελφοῖς· ὃ καὶ ἐποίησαν ἀποστείλαντες πρὸς τοὺς πρεσβυτέρους διὰ χειρὸς Βαρνάβα καὶ Σαύλου.

XII. Κατ' ἐκεῖνον δὲ τὸν καιρὸν ἐπέβαλεν ὁ βασιλεὺς

---

247. εως αντιοχειας : praem. διελθειν 253. εις ταρσον : add ο βαρναβας 254. ευρων : add αυτον | ηγαγεν : add αυτον 255. om και ante ενιαυτον 264. κλαυδιου : add. καισαρος

бл҃говѣстоующе г҃а іс҃ х҃а. и бѣ роука г҃нꙗ съ ними. много же число вѣрова въше обратисѧ къ г҃ви. оуслъıша но же бъ҃ı слово въ оушию цр҃кве· соущі ꙗ въ иерм҃ѣ их҃ъ ради. и послаша ва рнавоу проити до антиохиа. иже прі шьдъ и видѣвъ бл҃годѣть б҃жию и въ здрадовасѧ. и оутѣшаше всѧ привѣ тъмь ср҃дца. търпѣти г҃ви. ꙗко бѣ моужь бл҃гъ и испълнь д҃ха и вѣръı и приложисѧ народъ многъ г҃ви. и зиде же варнава въ тарсъ възискатъ ||

Л. 6 об. слоула. и҆ о[брѣтє и҆] приведе и въ а нтиохию. [бъ҃ı ж]е въ лѣто цѣло съвь расѧ всѧ цр҃къı. и наоучи же народъ мъногъ. нарекоша же прѣже въ а нтиохии оученикъı хрьстьꙗнъı.,, <прѣ нѣ>

ı҃з Въ тъı же д҃ни сънидоша ѿ иерм҃а пр҃рци въ антиохию. въставъ же єдинъ ѿ нихъ именьмь агавъ. пр҃рече д҃хмь. гладъ великъ хощеть бъıти по всеи вселєнѣи. иже бъıсть при клавдии кесари. <чтн҃ нѣ> ѿ оученикъ же ꙗко же кто имѧше. нарекоша ко гождо их҃ъ на слоужьбоу· послати живоущии въ июдеи братии. єже и сътвориша пославъше къ старце мъ. роукою варнавиною и слоулєю (коньць·:·)

<за҃ кд҃> ı҃н Въ врѣмѧ же оно^Е. възложи иродъ <нѣ>

---

254. обрѣтє исправлено при подновленіи изъ обрѣтъ. 259. На поляхъ слѣва: ı҃з пр҃рчство агавово о гладѣ., 264. <чтн҃ нѣ>—надъ строкой. 270. На поляхъ слѣва: ıн иꙗковлє оубьєниє., Справа: Е | въ коє врѣмѧ | възложи роуцѣ | при клаудии ке | сари. ган вл҃ка | римьскъ. агри | поу постави цр҃ѧ | жидовьска. иро | да ѿгнавъ. въ | лугдонъ галиꙗ. | зла дѣла ради и | съ женою иродиа | доѫ. да и тъ єсть | бълъ иродъ при | моучении г҃ни. | ꙗко же иосифъ | повѣдаєть о о | смѣмь на десѧ | те сло-

Ἡρώδης τὰς χεῖρας κακῶσαί τινας τῶν ἀπὸ τῆς ἐκκλησίας. ἀνεῖλεν δὲ Ἰάκωβον τὸν ἀδελφὸν Ἰωάννου μαχαίρῃ. ἰδὼν δὲ ὅτι ἀρεστόν ἐστιν τοῖς Ἰουδαίοις, προσέθετο συλλαβεῖν καί Πέτρον, ἦσαν δὲ ἡμέραι τῶν ἀζύμων, ὃν καὶ πιάσας ἔθετο εἰς φυλακήν, παραδοὺς τέσσαρσιν τετραδίοις στρατιωτῶν φυλάσσειν αὐτόν, βουλόμενος μετὰ τὸ πάσχα ἀναγαγεῖν αὐτὸν τῷ λαῷ. ὁ μὲν οὖν Πέτρος ἐτηρεῖτο ἐν τῇ φυλακῇ· προσευχὴ δὲ ἦν ἐκτενῶς γινομένη ὑπὸ τῆς ἐκκλησίας πρὸς τὸν θεὸν περὶ αὐτοῦ. ὅτε δὲ ἤμελλεν προαγαγεῖν αὐτὸν ὁ Ἡρώδης, τῇ νυκτὶ ἐκείνῃ ἦν ὁ Πέτρος κοιμώμενος μεταξὺ δύο στρατιωτῶν, δεδεμένος ἁλύσεσιν δυσίν, φύλακές τε πρὸ τῆς θύρας ἐτήρουν τὴν φυλακήν. καὶ ἰδοὺ ἄγγελος κυρίου ἐπέστη, καὶ φῶς ἔλαμψεν ἐν τῷ οἰκήματι· πατάξας δὲ τὴν πλευρὰν τοῦ Πέτρου ἤγειρεν αὐτὸν λέγων· ἀνάστα ἐν τάχει. καὶ ἐξέπεσαν αὐτοῦ αἱ ἁλύσεις ἐκ τῶν χειρῶν. εἶπέν τε ὁ ἄγγελος πρὸς αὐτόν· ζῶσαι καὶ ὑπόδησαι τὰ σανδάλιά σου. ἐποίησεν δὲ οὕτως. καὶ λέγει αὐτῷ· περιβαλοῦ τὸ ἱμάτιόν σου καὶ ἀκολούθει μοι. καὶ ἐξελθὼν ἠκολούθει, καὶ οὐκ ᾔδει ὅτι ἀληθές ἐστιν τὸ γινόμενον διὰ τοῦ ἀγγέλου, ἐδόκει δὲ ὅραμα βλέπειν. διελθόντες δὲ πρώτην φυλα-

270—271. St V ηρωδης ο βασιλευς 273. και ιδων 293. V ειπεν δε 297. ηκολουθει: add αυτω

(въ соуⷡ҇ · д҃ · нⷣ҇е) црь҇ роуцѣ· озлобити нѣкотеръı
ꙗ ѿ цр҇кве. оубѝ же иꙗкова брата
иѡ҆анова мечьмь. и видѣвъ ꙗко
оу҆годьно ѥсть июдеомъ.’ Прило
жи ꙗти петра· бѧхоу же дн҇ье о
прѣснькъ. ѥгда же имъ въсади и ||
Л. 7. въ тьмницю. прѣдавъ четъıрьмъ
четверицамъ воиньскамъ стрѣ
щи и. хотѧ по пасцѣ изве
сти и къ лю҆дьмъ. петръ же стрѣ
гомъ бѣ въ тьмници· мл҇тва же
бъıваше по всѧ дн҇и ѿ цр҇кве къ бо҇у
за нь. ѥгда же и хотѧше извести
иродъ. тои нощи бѣ петръ съпѧ
межю двѣма воинома. съвѧзанъ
желѣзнома оу҆жема двѣма.,,
Стражьѥ же прѣдъ двьрми стрѣ
жахоу тьмницю. и се агг҆елъ гн҇ь
приде и свѣтъ въсьꙗ въ хлѣвинѣ·
тъкноувъ же въ ребра петра въздвı
же и гл҇ꙗ. въстани въскорѣ· и съпа
доша ѥмоу оу҆жа желѣзнаꙗ съ роу
коу. рече же агг҆елъ к ньемоу поꙗши
сѧ. и въстоупи въ плесⷩ҇ници сво
и҆ створи же тако. и гл҇а ѥмоу· облѣ
цисѧ въ ризъı своꙗ и по мнѣ иди·
и излѣзъ по нѥмь идѧше· и не вѣ
дѧше ꙗко истина ѥсть бъıвающе
ѥ агг҆елъмь. мьнѧше же сѧ въ сънѣ ||
Л. 7 об. видѧ. прошьдъша же пьрвоую стра

весн. пьрвъı | хъ бесѣдъ и еусевь | въ вторѣмь слове | си цр҇квьнаго съка | заньꙗ. да се несъ | строѥньѥ. име | не же мѣнит н. | въ агрипъı мѣ | сто ирода. или | съблазна ѥсть | псаньꙗ. и подъ | вѣма имень | ма. а врѣмѧ | и дѣꙗньꙗ. то | го кажють. си | рѣчь агрипоу. | при клавдии | кесари. иже | поган бъıсть | самодьржате | ль·:·— 274. На поляхъ внизу: ’въ нѥн же петрово ꙗтиѥ. 279—280. извести было написано дважды; первое написаніе выскоблено.

κὴν καὶ δευτέραν ἦλθαν ἐπὶ τὴν πύ-
λην τὴν σιδηρᾶν τὴν φέρουσαν εἰς
τὴν πόλιν, ἥτις αὐτομάτη ἠνοίγη αὐ-
τοῖς, καὶ ἐξελθόντες προῆλθον ῥύ-
μην μίαν, καὶ εὐθέως ἀπέστη ὁ ἄγγελος
ἀπ' αὐτοῦ. καὶ ὁ Πέτρος ἐν ἑαυτῷ γενόμενος εἶπεν·
νῦν οἶδα ἀληθῶς ὅτι ἐξαπέ-
στειλεν κύριος τὸν ἄγγελον αὐτοῦ καὶ ἐξείλατό με ἐκ
χειρὸς Ἡρώδου καὶ πάσης τῆς προσδοκί-
ας τοῦ λαοῦ τῶν Ἰουδαίων.
συνιδών τε ἦλθεν ἐπὶ τὴν οἰκίαν τῆς Μαρί-
ας τῆς μητρὸς Ἰωάννου τοῦ ἐπικαλουμένου Μά-
ρκου, οὗ ἦσαν ἱκανοὶ συνηθροισμέ-
νοι καὶ προσευχόμενοι. κρούσαντος δὲ αὐτοῦ
τὴν θύραν τοῦ πυλῶνος προσῆλθεν
παιδίσκη ὑπακοῦσαι, ὀνόματι Ῥόδη, καὶ
ἐπιγνοῦσα τὴν φωνὴν τοῦ Πέτρου ἀπὸ τῆς χα-
ρᾶς οὐκ ἤνοιξεν τὸν πυλῶνα, εἰσδραμοῦ-
σα δὲ ἀπήγγειλεν ἑστάναι τὸν Πέτρον πρὸ
τοῦ πυλῶνος. οἱ δὲ πρὸς αὐτὴν εἶπαν· μαί-
νῃ. ἡ δὲ διϊσχυρίζε-
το οὕτως ἔχειν. οἱ δὲ ἔλεγον·
ὁ ἄγγελός ἐστιν αὐτοῦ. ὁ δὲ Πέτρος ἐπέμενεν
κρούων· ἀνοίξαντες δὲ εἶδαν αὐτὸν
καὶ ἐξέστησαν. κατασείσας δὲ αὐτοῖς τῇ χει-
ρὶ σιγᾶν διηγήσατο πῶς
ὁ κύριος αὐτὸν ἐξήγαγεν ἐκ τῆς φυλακῆς, εἶπέν τε· ἀπ-
αγγείλατε Ἰακώβῳ καὶ τοῖς ἀδελφοῖς ταῦτα. καὶ
ἐξελθὼν ἐπορεύθη εἰς ἕτερον τόπον.
γενομένης δὲ ἡμέρας ἦν τάραχος οὐκ ὀλίγος ἐν
τοῖς στρατιώταις, τί ἄρα ὁ Πέτρος ἐγένετο. Ἡρώ-

306. St γενομενος εν εαυτω 314. αυτου: του πετρου 323. αυτου εστιν
326. διηγησατο: St V add αυτοις 327. ειπεν δε

жю и въторооую. придоста къ врато
мъ желѣзнымъ. въводѧщаꙗ въ
градъ. ꙗже о собѣ ѿвързошасѧ и
ма. и ишьдъша проидоста сть
гнꙑ ѥдинꙑ. и абиѥ ѿиде аггелъ
ѿ нѥго. и петръ бꙑвъ въ собѣ рече.,,
Нꙑнѣ вѣмь въистиноу. ꙗко по
сла гь аггела своѥго и изѧтъ мѧ ѿ
роукꙑ иродовꙑ. и всѧкого чаꙗнь
ꙗ людии июдеискꙑхъ.,, з .е. (коньць .:.) <сж>
<за л> (въ понеднн .е. не) Съмотривъ же приде въ домъ мрі
ꙗ мтре ишановꙑ. нарицемаго ма
рка. идеже бѧхоу мнози събьрани
и молѧщесѧ. оударивъшю же петрꙋ
въ двьри вратьнꙑꙗ. пристоупи
раба слꙑшатъ именьмь роди. и
познавъши гласъ петровъ. ѿ ра
дости не ѿвързе вратъ. нъ прите
къши съказа петра стоꙗща прѣдъ
вратꙑ. они же к неи рѣша. неисто
ва ли сѧ дѣѥши. она же крѣплꙗ
шесѧ тако ѥсть. они же глахоу ꙗко ||
Л. 8. аггелъ ѥго [ѥсть. петръ же прилежаше]
тълкꙑи. ѿвързъше ж[е видѣша и]
и оужасошасѧ. помавъ [же имъ роу]
кою мълчати. съказа имъ. како
и гь изведе ис тьмницѣ. рече же въ
звѣстите иꙗковоу и братии се. и в .е.
ишьдъ иде въ ино мѣсто.,, (коньць .:.) <пнд истмꙋ>
Бꙑвъшю дни бѣ мълва многа въ
воинѣхъ. что оубо петроу бꙑс. Иро

304. Исправлено изъ проидоста. 308. изѧтъ изъ первоначальнаго изѧти. 311. Надъ словомъ же дописано киноварью петръ. 325 На поляхъ вставка: [.' нꙋ] 331. На поляхъ справа: въ нѥи же о | мꙋцѣ стра | жии.,,

δης δὲ ἐπιζητήσας αὐτὸν καὶ μὴ εὑρών, ἀνακρίνας τοὺς φύλακας ἐκέλευσεν ἀπαχθῆναι, καὶ κατελθὼν ἀπὸ τῆς Ἰουδαίας εἰς Καισαρίαν διέτριβεν. ἦν δὲ θυμομαχῶν Τυρίοις καὶ Σιδωνίοις· ὁμοθυμαδὸν δὲ παρῆσαν πρὸς αὐτόν, καὶ πείσαντες Βλάστον τὸν ἐπὶ τοῦ κοιτῶνος τοῦ βασιλέως ἠτοῦντο εἰρήνην, διὰ τὸ τρέφεσθαι αὐτῶν τὴν χώραν ἀπὸ τῆς βασιλικῆς. τακτῇ δὲ ἡμέρᾳ ὁ Ἡρώδης ἐνδυσάμενος ἐσθῆτα βασιλικὴν καθίσας ἐπὶ τοῦ βήματος ἐδημηγόρει πρὸς αὐτούς· ὁ δὲ δῆμος ἐπεφώνει· θεοῦ φωνὴ καὶ οὐκ ἀνθρώπου. παραχρῆμα δὲ ἐπάταξεν αὐτὸν ἄγγελος κυρίου ἀνθ' ὧν οὐκ ἔδωκεν τὴν δόξαν τῷ θεῷ, καὶ γενόμενος σκωληκόβρωτος ἐξέψυξεν. Ὁ δὲ λόγος τοῦ θεοῦ ηὔξανεν καὶ ἐπληθύνετο. Βαρνάβας δὲ καὶ Σαῦλος ὑπέστρεψαν ἐξ Ἱερουσαλήμ, πληρώσαντες τὴν διακονίαν, συνπαραλαβόντες Ἰωάννην

XIII. τὸν ἐπικληθέντα Μάρκον. Ἦσαν δὲ ἐν Ἀντιοχείᾳ κατὰ τὴν οὖσαν ἐκκλησίαν προφῆται καὶ διδάσκαλοι ὅ τε Βαρνάβας καὶ Συμεὼν ὁ καλούμενος Νίγερ, καὶ Λούκιος ὁ Κυρηναῖος, Μαναήν τε Ἡρώδου τοῦ τετραάρχου σύντροφος καὶ Σαῦλος. λειτουργούντων δὲ αὐτῶν τῷ κυρίῳ καὶ νηστευόντων εἶπεν τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον· ἀφορί-

---

335. ἦν δε : add ο ηρωδης. 342. και καθισας 349. εξ ιερουσαλημ: Sn V εις ιερουσαλημ. 351. ησαν δε : add τινες

дъ же поискавъ кго и не обрѣтъ. въ
стѧзавъ стражии. и повелѣ оусѣ
кноути ӕ. исъшьдъ ѿ июдеӕ въ ке
сарию живѧше, и бѣ иродъ гнѣва
ӕсѧ на тур҇ѧны и сидонӕны. въ
коупь же придъше к нему. и оумо
льше власта постельника црева.
прашахоу мира занеже бѣ кърми
ма землѧ ихъ ѿ црѧ.,, Въ нарочи
тъ же днь иродъ облъкъсѧ въ ризѹ
цркоу· и сѣдъ на соудищи глаше къ
нимъ. народъ же въпиӕше гласъ
бжии а не чл҃вческъ. абьк же порази
и аггелъ гнь занеже не дасть славы боу. ||
Л. 8 об. ı бывъ чьрвьми изѣденъ издъше.
а слово бжье растѧше и множашесѧ.,, ѷ
<за҃ лн҃> і҃ѕ Варнава же и саоулъ възвратиста
(въ вътѡрк сѧ въ иерлмъ. съконьчавъша слоу
·е҃·не҃) жьбоу. поимъша съ собою иѡана
нариченаго марка. бѧхоу же нѣци
и въ антиохии. въ соущии цркві
прци и оучителк. варнава же и
сумеѡнъ. рекомыи нигеръ. и лу
кии куринӕнинъ. манаинъ же
ирода четвьртовластьника по
дроугъ. и саоулъ. і҃ѕ Слоужащимъ
же имъ гви. <и постѧщимсѧ> рече дхъ стыи. ѿлоу

334. Передъ словомъ исъшьдъ надъ строкой дописано пѣрь. 347. На полях слѣва: ѷ | [Третьк҇е црствоующю | лѣто соущю агрипѣ | приде иродъ въ кесарию | кже пьрвок҇е намѣнѧше | сѧ стратобъснъ и тоу | позорища творѧше да | вторын днк на позори] | ще излѣзъ сь. сребрьнѹ | одежю сътворивъ издрѧ | дьч... дьноу и слнца вы | шьдша наснӕтисѧ на | ча зѣло риза. да чадь | зрѧще блѣска того гла | хоу. бѣ кесть а не чл҃вкъ. | к[же бѧхоу]не на приӕ | знь кмоу нъ льстьци. | и тѣхъ видѣвъ тако | глюще. не въздрази ни | запрѣти. видѣвъ на | собѣ врѣдъ на за главо | ю акы волк (?). аггела на | прасна стоӕща надъ | собою. да тоу напрасно | кмоу събьра ӕзю. и рече | тѣмъ азъ ли бѣ вашь. | оуже идоу съ сеӕ землӕ. | кже вами нареченъ бѣ. | оуже ничто же кесмь.,, 357. На поляхъ: і҃ѕ апльство варнавино и павлк.,,

σατε δή μοι τὸν Βαρνάβαν καὶ Σαῦλον εἰς τὸ ἔργον ὃ προσκέκλημαι αὐτούς. τότε νηστεύσαντες καὶ προσευξάμενοι καὶ ἐπιθέντες τὰς χεῖρας αὐτοῖς ἀπέλυσαν. αὐτοὶ μὲν οὖν ἐκπεμφθέντες ὑπὸ τοῦ ἁγίου πνεύματος κατῆλθον εἰς Σελευκίαν, ἐκεῖθέν τε ἀπέπλευσαν εἰς Κύπρον, καὶ γενόμενοι ἐν Σαλαμῖνι κατήγγελλον τὸν λόγον τοῦ θεοῦ ἐν ταῖς συναγωγαῖς τῶν Ἰουδαίων· εἶχον δὲ...

---

363. αυτοι : ουτοι 364. του πνευμ. του αγιου

чите ми оубо варнавоу и саоула·
на дѣло на нѥже призвахъ ꙗ· тъ
гда поцьшеса и помольшеса. и
възложьше роукы на нꙗ ѿпоусти
ша ꙗ· сиꙗ же ѿпоущена бывъша
дхмь стмь. сънидоста въ селеу
кию· ѿтоудоу же доплоуста въ
купръ. и бывъша въ салиминѣ.
проповѣда слово бжье· въ сънмї
щихъ июдеискыхъ. и имаста

„Кройника" Ѳеодосія Сафоновича и ея отношеніе къ „Кіевскому Сѵнопсису" Иннокентія Гизеля.

«Кройника» Ѳеодосія Сафоновича въ первоначальномъ своемъ составѣ, т. е., въ томъ, въ какомъ она вышла изъ-подъ пера Ѳеодосія Сафоновича, не находится въ настоящее время ни въ одной изъ дошедшихъ до насъ рукописей, заключающихъ въ себѣ списки ея. Она разрознена, и отдѣльныя части ея находятся въ разныхъ, извѣстныхъ намъ, лѣтописныхъ сборникахъ.

Первоначально она состояла, какъ показываютъ ея заглавія, изъ трехъ частей — «Кройники о Руси», «Кройники о земли Полской» и «Кройники о початку и назвыску Литвы».

Первая часть Сафоновичевой хроники, «Кройника о Руси», состоитъ въ свою очередь изъ трехъ книгъ: въ первой—28 главъ, во второй—31 и въ третьей—28 главъ. Первая книга говоритъ о событіяхъ отъ начала Руси до междоусобія Юрія Долгорукаго съ Изяславомъ Мстиславичемъ, вторымъ; 2-я книга—отъ этого междоусобія до нашествія Татаръ, и третья книга—отъ нашествія Татаръ до междоусобія, происшедшаго среди польскихъ князей «за столицу Краковскую», и участія въ этихъ войнахъ галицко-волынскихъ князей, въ частности кн. Юрія Львовича, внука знаменитаго Даніила Романовича Галицкаго, т. е. до событій 1289 года включительно.

Въ настоящее время «Кройника о Руси» находится полностью въ *Погодинской рукописи № 1476*, принадлежащей Имп. Публ. Библіотекѣ; *Толстовской № 236*, тоже принадлежащей Имп. Пуб. Библіотекѣ и

въ *Кіево-Софійской*, принадлежащей книгохранилищу Кіевскаго Софійскаго собора подъ № 525.

«Кройника о земли Полской» и «Кройника о початку и назвыску Литвы» безъ всякихъ дополненій и вводныхъ статей, вмѣстѣ, одна вслѣдъ за другой, но безъ «Кройники о Руси», находятся въ рукописи, которая принадлежитъ нынѣ Московскому Архиву Мин. Иностр. Дѣлъ.

Въ «Кройникѣ о земли Полской» исторія Польши начинается отъ Леха, названнаго первымъ княземъ польскимъ, до короля Іоанна Казимира и сложенія имъ короны польской, на чемъ и прерывается 1673 годомъ.

Въ «Кройникѣ о початку и назвыску Литвы» исторія Литвы начинается отъ Гоморра до временъ Сигизмунда I-го и сына его, Сигизмунда Августа, и принятія имъ въ 1529 году княжества Литовскаго; прерывается она на извѣстіи о смерти кн. Константина Острожскаго, Троцкаго воеводы, котораго называетъ послѣднимъ Литовскимъ Гетманомъ. Рукопись эта въ четвертую долю листа, шрифтъ церковный; заключаетъ она въ себѣ 171 страницу: съ 1-й по 110-ю занимаетъ «Кройника о земли Полской», а далѣе до конца — «Кройника о початку и назвыску Литвы» 1).

Только въ указанныхъ нами рукописяхъ всѣ три хроники носятъ имя Ѳеодосія Сафоновича и помѣчены 1672 и 1673 годомъ. Изъ этого ясно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло со списками съ собственно «Кройники» Ѳеодосія Сафоновича, собранной имъ въ 1672—73 году.

Въ 1674 году Ѳеодосія Сафоновича уже не было въ живыхъ. Такимъ образомъ, все, что написано до 1672—3 годовъ и помѣчено именемъ Ѳеодосія Сафоновича, только и принадлежитъ перу его, какъ собирателя 3-хъ указанныхъ хроникъ въ одну общую «*Кройнику*». Общее заглавіе этой хроники таково: «Кроиника:

«З лѣтописцов стародавних зъ святого Нестора Печерского и иншихъ также зъ кроиникъ Полскихъ».

А частичное таково:

---

1) См. Старчевскій, А. «Очеркъ литературы русской исторіи до Карамзина». Спб. 1845 г., стр. 76, 81—82.

«Ѡ Руси.

I. Ѿ «Ѡ коль русь почалася и о первыхъ князехъ руских и по «нихъ далшихъ наступуючихъ князех и о ихъ дѣлах.

«Собраная Працою Иеромонаха Ѳеодосия Сафоновича Игумена «монастыря Михайловского Золотоверхого Кіевского року отъ «сотвореня Свѣта 7180, а от Р. Хр. 1672».

II. «Кройника о земли Полской, отколь Поляки Лехами и Поляками «названы суть, о першыхъ и о далшихъ князехъ и королехъ «Полскихъ, з историковъ Полскихъ, вкоротцѣ собранная, и «русскимъ языкомъ списанная року отъ Р. Хр. *1673-го*».

III. «Кройника о початку и назвыску Литвы и о князехъ Литовскихъ «о дѣлахъ ихъ з історикoвъ Полскихъ и рускихъ собраная «року отъ Р. Хр. *1673-го*» [1]).

Изъ прочихъ же рукописныхъ сборниковъ, заключающихъ въ себѣ въ большей или меньшей части элементы «Кройники» Ѳеодосія Сафоновича, намъ извѣстны *Толстовскій № 145* и *Толстовскій № 157*, оба принадлежащіе Имп. Пуб. Библіотекѣ.

Толстовскій лѣтописный сборникъ № 145 имѣетъ такой составъ.

Въ основѣ своей онъ совершенно схожъ съ Тверской лѣтописью по Погодинскому списку ея, изданному въ XV томѣ Полн. Собранія Русск. Лѣтописей. На теперешнемъ заглавномъ листѣ Толстовской рукописи № 145 начинается:

I. «Хронографъ, глаголемый лѣтописецъ Русскій».

Онъ такой-же, какъ и въ Тверской лѣтописи.

Далѣе слѣдуютъ статьи:

II. «Сице славятся Русьстіи князи».

III. «Ино родословіе тѣхъ же князей».

IV. «О княженіи Кіевскомъ и о князехъ ихъ».

V. «О князехъ Новгородскихъ, кои княжили по великомъ Володимирѣ».

Потомъ идетъ:

---

1) Заглавіе послѣднихъ двухъ хроникъ взято мною изъ списка Толстовскаго № 157; годы проставлены на основаніи Старчевскаго. См. стр. 76, 81 и 82.

VI. «Книга, глаголемая Хронографъ, иже зовется по Рускы лѣтописецъ, въ ней же повѣсти древнихъ лѣтъ о началѣ Рѡскыя землѣ, «откуду начася и кто въ ней первое нача княжити и како прозвася Рѡская земля. Се же начнемъ повѣсть сію».

VII. «Временникъ Софѣйскій»... Всѣ—такія точно, какъ въ Тверской.

VIII. «О началѣ Печерского монастыря, како начася и чего ради именуется Печерскій». Цѣлая статья, которая въ Тверской уже отсутствуетъ.

IX. «О основаніи церкви Печерскія каменныя монастыря преподоб«ныхъ отцевъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ на другомъ холму «отъ ветхія церкви идеже и донынѣ стоитъ».

X. «О преставленіи преп. Ѳеодосія Печерского».

XI. «О пренесеніи мощей преп. и богон. отца нашего Ѳеодосія игумена Печерского, еже бысть сице».

XII. Повѣсть о Клакатицкомъ побоищи (6685 лѣто). Послѣ статьи XIII: «Плѣненіе Волынскія земли» идетъ статья:

XIV. «Повѣсть о блаженнѣмъ князѣ Александрѣ Ярославичѣ» такая же, какъ и въ Тверской.

XV. «Повѣсть о убіеніи Михаила кн. Черниговскаго.

XVI. «О убіеніи Батіевѣ».

XVII. «Сказаніе о Донскомъ бою, похвала вел. кн. Димитрію Ивановичу «и брату его Володимеру Андреевичу».

Вслѣдъ за симъ, начиная съ 6889 (1381 г.), лѣтопись переходитъ цѣликомъ въ Тверскую и въ связи съ ней въ Московскую. Оканчивается лѣтопись на извѣстіи о смерти Димитрія Юрьевича Шемяки, и вслѣдъ за этимъ идетъ статья:

XVIII. «Енеалогія Турецкая, откуль взяли свой початокъ».

XIX. «Описаніе отколь Москва узяла свое назвыско; и мѣста столного «Москвы и панствъ до царства Московского належачихъ».

XX. «Кройника о земли Полской... лѣта 1681-го». Эта хроника оканчивается здѣсь взятіемъ Каменца Подольскаго и описаніемъ его, и только.

Наконецъ:

XXI. «Кройника о початку и назвыску Литвы».

Оканчивается здѣсь эта «Кройника» слѣдующими словами: «мц҃а Августа», а дальше нѣтъ никакихъ словъ, потому что на этомъ словѣ окончилась переписка.

Этимъ же оканчивается и вся Толстовская № 145 рукопись.

Какъ видимъ, Толстовскій сборникъ № 145 вовсе не имѣетъ «Кройники о Руси» въ томъ ея видѣ и составѣ, въ какомъ она представлена въ Погодинскомъ № 1476, Кіево-Софійскомъ № 525 и Толстовскомъ № 236. Вмѣсто нея здѣсь та общая русская лѣтопись, которая, какъ оказывается, легла въ основаніе Тверской лѣтописи, изданной по Погодинскому списку. Если сличить русскую лѣтопись Толстовскаго сборника № 145 и—Тверской лѣтописи, то увидимъ, что, за вычетомъ вставленныхъ цѣликомъ отдѣльныхъ сказаній и статей въ Толстовскомъ сборникѣ № 145 и другихъ статей въ Погодинскомъ спискѣ Тверской лѣтописи, онѣ оказываются почти тожественными по тексту и содержанію. Ясно, что и тотъ и другой лѣтописные сборники произошли отъ присоединенія разныхъ статей къ одной и той же обще-русской лѣтописной компиляціи. Въ современной научной литературѣ, посвященной анализу лѣтописей, о Толстовскомъ сборникѣ № 145 существуетъ такое мнѣніе: «Дошедшій до насъ списокъ Тверскаго сборника — Погодинскій, происхожденія западно или точнѣе юго-западно-русскаго; извѣстностью текста Тверского сборника въ юго-западной руси объясняется и то обстоятельство, что до насъ дошла компиляція, соединившая этотъ текстъ съ текстомъ хроники Ѳеодосія Сафоновича (Лѣт. сб. Пуб. Библ. Толст. № 145» [1]). Это утвержденіе основано на томъ обстоятельствѣ, что общерусскія лѣтописныя извѣстія изъ Толстовскаго сборника № 145, начиная съ 1241 года, дѣйствительно есть въ составѣ «Кройники о Руси», находящейся въ другомъ Толстовскомъ сборникѣ № 157. Съ начала же и до 1241 г. эта «Кройника о Руси» изъ Толстовскаго № 157, за исключеніемъ вводныхъ статей, дословно сходна съ хроникой Ѳеодосія Сафоновича, хотя и не носитъ здѣсь имени сего послѣдняго и помѣчена годомъ не 1672, а 1681. Кромѣ того въ составъ Толстовскаго сборника № 157 входятъ «Кройники» о Польшѣ и Литвѣ, дословно сходныя съ «Кройни-

1) См. Предисловіе къ Ипатской лѣтоп. Изд. 1908 г. Томъ II-й, Пол. Собр. Рус. Лѣт. стр. X.

ками», входящими въ составъ Толстовскаго сборника № 145, хотя тоже безъ имени Сафоновича и съ годомъ 1681-мъ. Такимъ образомъ, Толстовскій сборникъ № 145 разсматривается, какъ соединеніе Погодинскаго списка Тверской лѣтописи съ Толтовскимъ сборникомъ № 157, который считается здѣсь, какъ трудъ Ѳеодосія Сафоновича.

При нашемъ изученіи всѣхъ указанныхъ рукописей мы пришли къ нѣсколько инымъ предположеніямъ, а именно, что Толстовскій № 145 не представляетъ собою соединенія «Кройники» Ѳеодосія Сафоновича съ Погодинскимъ спискомъ Тверской лѣтописи и въ частности съ обще-русской лѣтописью ея, во-первыхъ, а во-вторыхъ,—что эта обще-русская лѣтопись, заключающаяся въ Толстовскомъ № 145, снята съ той лѣтописи, которая совершенно самостоятельно и не непремѣнно на юго-западѣ или югѣ Руси легла въ основу Тверской лѣтописи (Погодинскій списокъ). Другими словами, намъ кажется вполнѣ вѣроятнымъ, что составитель сборника, копію котораго представляетъ Толстовскій списокъ № 145 не имѣлъ подъ руками и не видѣлъ даже Тверской лѣтописи, а равно и Погодинскаго списка ея. И, такимъ образомъ, мы имѣемъ двѣ самостоятельныя редакціи этой обще-русской лѣтописи: одна—Погодинскій списокъ Тверской лѣтописи, а другая та, копію которой представляетъ Толстовскій списокъ № 145. Она возникла независимо отъ Тверской лѣтописной компиляціи. Съ обще-русской лѣтописи очевидно было нѣсколько копій, сама же она пропала и до насъ не дошла.

Тверская компиляція возникла чрезъ присоединеніе къ одной изъ копій разныхъ статей, интересовавшихъ составителя ея. Толст. № 145 возникла черезъ такое-же присоединеніе къ другой ея копіи другихъ вводныхъ статей, интересовавшихъ составителя, какъ южнорусса. Въ число этихъ статей вошли и «Кройники» о Польшѣ и Литвѣ, въ одинаковой степени интересовавшія въ свое время и Ѳеодосія Сафоновича. Подобнымъ образомъ возникало и «Ядро исторіи россійской» князя Хилкова (Манкіева). Наконецъ, собственно Толстовскій списокъ № 145 возникъ не позже Толстовскаго № 157, а ранѣе его или по крайней мѣрѣ одновременно съ нимъ, но все-таки предваряя его.

Гдѣ-же возникъ Толстовскій списокъ № 145? Если осмотрѣть внимательно эту рукопись, то окажется, что 1-й, заглавный, листъ ея въ

настоящее время утраченъ, а отъ него сохранился только обратный отпечатокъ на томъ бѣломъ листѣ, который въ свое время лежалъ на немъ и уцѣлѣлъ донынѣ. Этотъ обратный отпечатокъ можно прочесть въ настоящее время до самаго конца, за исключеніемъ лишь 1-й строчки и начала перваго слова 2-й и 6-й строчекъ, которыя были, очевидно, написаны киноварью, а не черными чернилами, а потому не дали отпечатка; вотъ эта надпись, насколько намъ удалось ее разобрать:

«...*ли* потребнѣйши*и* речей Православно Каѳолической ц҃ркви Собраніе.

Повѣсти ѿ Пр҃бнаго Нестора Черноризца Печерского Ѡбширне Составленѣ:

...*ного* от Римскихъ лѣтописцевъ ѿ повѣда́ня с҃тои Чудотворнои Лаѵрѣ Печеро-Кіевской щаніемъ през іеромонаха антелеимона Кохановского бывшого на тотъ часъ тоея жъ обители економом списася».

Изъ этого видно, что авторомъ списка даннаго сборника, Толстовскій № 145, былъ экономъ Кіево-Печерскаго монастыря, Пантелеймонъ Кохановскій, занимавшійся лѣтописнымъ дѣломъ, подобно Ѳеодосію Сафоновичу и Иннокентію Гизелю, въ 1680—2 году. Теперь остановимъ свое вниманіе на другомъ сборникѣ, Толстовскомъ спискѣ № 157.

Толстовская рукопись № 157 есть именно тотъ лѣтописный сборникъ, благодаря которому возникло предположеніе, что «Сѵнопсисъ» Иннокентія Гизеля есть не иное что, какъ сокращеніе «Кройники» Ѳеодосія Сафоновича, потому что этотъ сборникъ заключаетъ въ себѣ статьи, съ одной стороны, сходныя по содержанію и въ текстѣ съ «Кройникой» Ѳеодосія Сафоновича, а съ другой, съ «Сѵнопсисомъ» Иннокентія Гизеля. Точно также, на основаніи этого именно сборника, высказано приведенное выше предположеніе, что Толстовскій № 145 представляетъ собою соединеніе Погодинскаго списка Тверской лѣтописи съ «Кройникой» Ѳеодосія Сафоновича, потому что «Кройника» о Руси» въ Толстовскомъ № 157 представляетъ изъ себя соединеніе первой половины «Кройники о Руси» Сафоновича со второй половиной русской лѣтописи изъ Погодинскаго списка Тверской лѣтописи. Такимъ образомъ, Толстов-

ская рукопись № 157 разсматривалась и разсматривается, какъ переходная ступень отъ «Кройники» Сафоновича къ «Сѵнопсису» Иннокентія Гизеля, или отъ «Кройники» Сафоновича къ Погодинскому списку Тверской лѣтописи черезъ Толстовскій списокъ № 145.

Составъ этой Толстовской рукописи № 157 таковъ: Послѣ заглавія и «Предословія», которыя здѣсь точно такія же, какъ и въ Погодинскомъ № 1476 и др. Сафоновичевыхъ спискахъ, идетъ «Кройника о Руси». Она также тожественна въ текстѣ съ «Кройникой» въ Погодинскомъ, Софійскомъ и Толстовскомъ № 236, но только до 1241 года, и кромѣ того имѣетъ вставочныя статьи между текстомъ до этого года. Чтобы намъ ясно было въ какихъ мѣстахъ находятся вставочныя статьи, припомнимъ что «Кройника о Руси» собственно Сафоновичева состоитъ изъ трехъ книгъ; въ первой—28 главъ; во-второй —31, и въ третьей—28. Первая вставочная статья находится во главѣ XIV-й первой книги; это— «О началѣ печерского монастыря и о житіи преподобного отца нашего Антонія Печерского».

Въ XVII главѣ той-же книги 2-я и 3-и статьи «О основаніи церкви печерскія» и «О преставленіи преп. Ѳеодосія Печерского».

Въ XVIII главѣ 4-я статья «О перенесеніи честн. мощей преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго».

Вся вторая книга тожественна 2-й книгѣ Сафоновича. Пятая же добавочная статья находится въ 3-й книгѣ въ XVIII главѣ: «О благовѣсту въ святой обители Печерской къ церковному служенію откуда онъ начася». Вслѣдъ за этой статьей идетъ 6-я—«Описаніе благородія, возраста..... князя Александра Ярославича Невскаго». Начинается эта статья съ 1241 года.

За симъ идутъ извѣстія подъ годами: 6773 литовскія и объ Александрѣ Невскомъ до его смерти; 6891 — о Тохтамышѣ; 6893 — открытіе огнестрѣльнаго оружія; 6903 — чудо (нашествіе Тамерлана) и о Витовтѣ; наконецъ, по 1399 годъ тоже о Витовтѣ. Затѣмъ статьи: «Повѣсть о Махометѣ фалшивомъ пророку» (601 г.). «Енеалогія Турецкая, откуль взяли свой початокъ». «Повѣсть ведлугъ нѣкоторыхъ мудрыхъ людей... откуль початокъ свой и назвиско взяли козаки». «Книга о Побоищи Мамая. (XII главъ). «Описаніе отколь Москва взяла свое на-

звиско...» «Откуду два митрополиты въ Россіи единъ въ Москвѣ, а другій въ Кіевѣ». «О семъ когда въ царствующемъ градѣ Москвѣ патріаршескій престолъ устроися».

«О Царствѣ Астраханскомъ Татарскомъ. Затѣмъ, «Мѣсяца маія въ 15 день убіеніе благовѣрнаго царевича Димитрія Углицкаго и Московскаго и всея Россіи Чудотворца, и о пренесеніи честныхъ мощей его отъ града Углича въ царствующій градъ Москву.

«О Превращеніи Великаго Княжества Кіевскаго въ воеводство».

«О возвращеніи на первое паки царственное бытіе богоспасаемаго града Кіева».

«Книга кройника о земли Полской... АХПВ (1682).

Потомъ статья: «По его царского Пресвѣтлаго Величества указу малороссійскии многочисленныи войска къ Кіеву пріидоша. Гетманъ... І. Самойловичъ з сыномъ своимъ Григоріемъ. Потомъ 3 пустыхъ листа.

«Кройника о початку и назвиску Литвы»... Кончается эта хроника смертью Константина Ивановича Острожскаго 1527 года.

Потомъ «Реестръ, списанный Житій Старозаконныхъ Святыхъ Праотецъ нашихъ Адама и Евы, Св. Патріархъ, Св. Пророкъ, Судей люду Божого, Царей люду Божого, Іюдиѳы вдовы, Раавъ блудницы, Руѳы прабабы Давида царя, Есѳири царицы и новой благодати Святителя Христова Николая зъ чудами, и Преподобнаго Симеона Столпника».

Потомъ «Листъ Святѣйшого Патріархи Іерусалимского (Досиѳея), писанный до Малороссійского народу, утверждаючи о вѣрѣ, року 1679. И наконецъ новаго письма «Копія съ грамоты Великаго Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, какова послана во срѣтеніе мощей Филиппа Митрополита Московскаго и всея Россіи чудотворца».

Что этотъ лѣтописный сборникъ списанъ въ 1681 и въ 1682-мъ годахъ, это видно изъ указанія этихъ годовъ въ заглавіи. Но гдѣ же онъ списанъ? При внимательномъ осмотрѣ этой рукописи, оказывается, что происхожденіе и судьба ея были точно такія же, какъ и Толстовской № 145. Заглавный листъ ея утраченъ, а обратный отпечатокъ заглавія сохранился на бѣломъ первомъ ея листѣ. Вотъ эта надпись цѣликомъ за исключеніемъ 1-й строчки ея:

«...дама и Еѵвы и инныхъ многихъ з Библѣи выимованнихъ «святыхъ Патріарховъ и Пророковъ старозаконныхъ для лѣпшого въ «обширномъ сінопсисѣ Рускомъ зрозуменя при которыхъ также «Житія нѣкоторыхъ отцевъ в новой благодати просіявшихъ придано, «святои Чудотворной лавры Печеро-Кіевской тщаніемъ през Иеромо-«наха Пантелеймона Кохановского бывшимъ на тотъ часъ тоея жъ «обители економом списася».

Такимъ образомъ, авторомъ и этой рукописи былъ тотъ же Пантелэймонъ Кохановскій. Изъ этой же надписи видна и та основная мысль, которой руководился Кохановскій при написаніи этой рукописи. Онъ задался цѣлью составить «Обширный сінопсисъ Рускій», возможно болѣе полно передающій исторію Руси и народовъ, сосѣднихъ съ Русью. Для осуществленія своей задачи Кохановскій воспользовался статьями изъ тѣхъ источниковъ, которые легли въ основу «Кройники» Ѳеодосія Сафоновича, и изъ тѣхъ русскихъ лѣтописей, которыя находились у него въ копіи въ Толстовскомъ спискѣ № 145, и изъ тѣхъ источниковъ, откуда черпалъ матеріалъ Иннокентій Гизель для своего «Сѵнопсиса» и авторъ Густынской лѣтописи, М. Лосицкій. Такимъ образомъ, трудъ Кохановскаго, то-есть, Толстовская № 157, представляетъ собой не списокъ съ «Кройники» Сафоновича, а равно и не переходную стадію отъ нея къ «Сѵнопсису» Гизеля, но вполнѣ самостоятельную лѣтописную компиляцію, имѣющую свою собственную индивидуальность, то есть, опредѣленныя задачи и цѣли, совсѣмъ отличныя отъ тѣхъ, какими проникнуты прочія лѣтописныя компиляціи, родственныя между собой только по тому историко-литературному матеріалу, который въ разной степени въ разрозненномъ видѣ предшествовалъ всѣмъ означеннымъ компиляціямъ и которымъ всѣ авторы сихъ компиляцій пользовались самостоятельно; ихъ связывала только общность историко-литературной школы того времени и близкая современность.

Отношеніе Толстовскаго списка № 157 къ «Сѵнопсису» Иннокентія Гизеля выразилось только въ наименованіи Кохановскимъ своего синопсиса «Обширнымъ сінопсисомъ Рускимъ», въ отличіе отъ «Кіевскаго Сѵнопсиса» Гизеля, который названъ: «Краткимъ Собраніемъ отъ раз-

личныхъ лѣтописцовъ о началѣ Славенороссійскаго народа» (Изд. 2-е, Кіевъ 1823 года).

Иннокентій Гизель умеръ въ концѣ 1683 года. Такимъ образомъ, онъ и Кохановскій одновременно жили въ Кіево-Печерской лаврѣ: И. Гизель въ должности игумена монастыря, а П. Кохановскій — эконома ея, и своими историко-литературными трудами они занимались почти одновременно, но точекъ зрѣнія на южно-русскую и обще-русскую исторію они, очевидно, держались различныхъ, что и отразилось на этихъ двухъ синопсисахъ.

Повидимому, Кохановскій былъ занятъ исторіей Руси чисто теоретически; его задачей, повидимому, было собраніе церковно-историческихъ матеріаловъ, относящихся къ церковно-политической исторіи всей вообще Руси, какъ церковно-политической организаціи, и сведеніе ихъ въ одно цѣлое, въ «Обширный Сінопсисъ Рускій».

Совсѣмъ иной цѣлью задавался Иннокентій Гизель. Онъ пишетъ исторію не Руси, а Кіевскаго княженія и города Кіева, какъ «царствующаго града», и уже въ связи съ этимъ касается и исторіи всей Руси. У него вездѣ на первомъ планѣ Кіевъ. Въ одномъ мѣстѣ «Сѵнопсиса» Гизель замѣчаетъ: «Вѣдомо-же буди о семъ, яко Галицкое княженіе или царствіе того ради здѣ предложися, яко и Кіевское самодержавствіе пренесено бысть къ нему, и оттуду не такъ знамениты князіе Кіевстіи бяху. А отселѣ паки изряднѣе князіе Кіевскіи, о нихъ же наипаче слово изъясняется, отъ Ростислава Руриковича даже до нашествія злочестиваго Батыя» (стр. 85).

Здѣсь умѣстно будетъ замѣтить, что въ «Кройникѣ» Ѳеодосія Сафоновича основной темой была исторія только южной Руси; и въ силу этого исторія Галицкой земли занимаетъ въ ней такое же важное мѣсто, какъ и исторія Кіевской и Волынской земли; всѣ вмѣстѣ взятыя, онѣ то и должны были представить исторію той «Руси», о которой трактуетъ вся «Кройника» Сафоновича и ради которой въ ея составъ вошли «Кройника о земли Полской» и «Кройника о початку и назвыску Литвы».

Иннокентій Гизель, при составленіи своего «Сѵнопсиса», помимо исторіи Кіева, руководствовался и еще одной задачей: въ «Сѵнопсисѣ» онъ очевидно стремился къ популяризаціи и одобренію тѣхъ послѣднихъ поли-

тическихъ событій, которыя разыгрывались въ его время въ предѣлахъ кіевской руси; въ это именно время московское правительство, подъ видомъ защиты Малороссіи отъ турокъ и татаръ, оккупировало своими войсками Кіевъ и Малороссію. Поэтому то «Сvнопсисъ» Гизеля и отличается характеромъ свѣтскимъ и публицистическимъ. Это прекрасно видно по послѣднимъ статьямъ «Сvнопсиса». Какъ извѣстно, «Сvнопсисъ» Гизеля былъ напечатанъ въ первый разъ въ Лаврѣ 1674 года. Это былъ послѣдній годъ жизни Ѳеодосія Сафоновича. Потомъ—въ 1678 г. и, наконецъ, въ 1680 году[1]), и всякій разъ «По благословенію пречестного о Христѣ господина Иннокентія Гизеля, милостью Божіей архимандрита тоея жъ святыя обители»[2]). «Сvнопсисъ» по этому послѣднему изданію (1680 года) состоялъ изъ 116 статей.

Послѣдней статьей въ «Сvнопсисѣ» перваго изданія (1674 года) была—109-я: «О превращеніи великаго княженія кіевскаго въ воеводство»[3]). Второе изданіе «Сvнопсиса» въ 1678 году дополнилось статьей 110-й: «О возвращеніи на первое паки царственное бытіе богоспасаемаго града Кіева», потому что она говоритъ о событіяхъ 1676 года, то-есть, о смерти царя Алексѣя Михайловича и о вступленіи на престолъ Ѳеодора Алексѣевича 1676 года[4]).

Въ 1680 году послѣдовало 3-е изданіе Гизелемъ «Сvнопсиса»; онъ дополнился статьями: 111-й, «О первомъ бѣсурманскомъ приходѣ подъ Чигиринъ»; 112-й, «О второмъ бѣсурманскомъ приходѣ подъ Чигиринъ»; 113-й, «О преславной побѣдѣ надъ Турками и Татарами, бывшей на горѣ»; 114-й, «О пришествіи подъ Чигиринъ войскъ православныхъ»; 115-й, «О возвращеніи войскъ христіанскихъ отъ Чигирина» и, наконецъ, 116-й, «О приходѣ множественныхъ силъ царскихъ и войскъ запорожскихъ къ Кіеву въ лѣто 1679»[5]).

Такимъ образомъ, изданія «Сvнопсиса» слѣдовали, такъ сказать, по пятамъ самихъ событій и въ послѣдней статьѣ, говорящей о событіяхъ 1679 года, упоминается даже о дѣятельности самого Иннокентія Гизеля.

---

1) Старчевскій, Ibid. стр. 182.
2) Максимовичъ, Собраніе соч. т. II, стр. 85.
3) «Кіевскій Сvнопсисъ». Второе изданіе. Кіевъ, 1823 г. стр. 140.
4) Ibid., стр. 142.
5) Ibid., стр. 144—155.

У Кохановскаго въ Толстовской рукописи № 157, то есть, въ его «Обширномъ Сінопсисѣ Рускомъ», послѣ статьи: «О возвращеніи на первое паки царственное бытіе богоспасаемаго града Кіева» идетъ «Кройника о земли Полской» для того, очевидно, чтобы стало яснымъ, почему въ концѣ концовъ были посланы къ Кіеву и заняли его многочисленныя московскія войска. Вслѣдъ за симъ у Кохановскаго цѣликомъ приведена «Кройника о початку и назвыску Литвы», оканчивающаяся, какъ извѣстно, у него на сообщеніи о смерти князя Константина Острожскаго въ 1527 году и на времени Сигизмунда 1-го, короля польскаго, для того, очевидно, чтобы показать, что со времени Сигизмунда 1-го и Константина Острожскаго началось церковно-политическое возрожденіе южной Руси. Эта историческая концепція у Кохановскаго была несомнѣнно навѣяна «Кройникой» Ѳеодосія Сафоновича, потому что эта мысль проведена у него довольно замѣтно. У этого послѣдняго вслѣдъ за 1289 годомъ, то есть, за концомъ Галицко-Волынской лѣтописи идетъ «Кройника о земли Полской», какъ непрерывный ходъ исторіи Руси вплоть до того времени, когда жилъ самъ Ѳеодосій Сафоновичъ. Рядомъ съ «Кройникой» о Польшѣ у Ѳеодосія Сафоновича помѣщена и «Кройника о початку и назвыску Литвы». Эти двѣ «Кройники» должны были выяснить, по мысли Ѳеодосія Сафоновича, тотъ историческій путь, который привелъ къ утвержденію козацкаго господства въ южной Руси и въ Кіевѣ и къ созданію того церковно-политическаго строя, при которомъ выдвинулся и самъ Ѳеодосій Сафоновичъ на постъ игумена Кіево-Михайловскаго монастыря [1]). Правда, у Сафоновича соединеніе всего историческаго матеріала, заключающагося во всѣхъ трехъ хроникахъ, вышло довольно неуклюжимъ, но это произошло оттого, что эти хроники своей законченностью слишкомъ стѣснили и подавили Ѳеодосія Сафоновича, какъ писателя: онъ не такъ смѣло и самостоятельно обращался со своими источниками, какъ Иннокентій Гизель и вслѣдствіе этого у него не его собственное перо одержало верхъ надъ источниками, а эти послѣдніе взяли верхъ надъ его перомъ.

---

1) Ѳеодосій Сафоновичъ выбранъ братіей Михайловскаго монастыря въ его игумены и утвержденъ въ этомъ званіи универсаломъ гетмана Богдана Хмельницкаго 1655 г. (Акты относ. къ ист. Зап. Россіи, изд. Арх. Ком. т. V, стр. 33).

Съ Кохановскимъ, мы видимъ, случилось тоже. У него вслѣдъ за «Кройникой о початку и назвыску Литвы», долженствовавшей было показать, съ какого времени и благодаря кому возродилось въ южной Руси «древнее благочестіе», слѣдуютъ уже извѣстныя намъ статьи чисто церковнаго характера, имѣющія отчасти и апологетическій характеръ. Въ результатѣ «Обширный Сінопсисъ Рускій» Кохановскаго вышелъ не цѣльнымъ и округленнымъ сочиненіемъ, какъ у Иннокентія Гизеля его «Кіевскій Сѵнопсисъ», а какъ собраніе сырого и необработаннаго историческаго матеріала. Когда потомъ первый листъ этого «Сінопсиса», носившій имя его собирателя, Пантелеймона Кохановскаго, былъ утраченъ, изслѣдователямъ его стало казаться, что онъ, какъ сырой и не обработанный матеріалъ, послужилъ источникомъ для такого законченнаго и вполнѣ обработаннаго историческаго сочиненія, какимъ является и донынѣ «Сѵнопсисъ» Иннокентія Гизеля.

Но изъ всего изложеннаго выше намъ теперь ясенъ вопросъ о генетическомъ отношеніи «Сѵнопсиса» Иннокентія Гизеля къ «Сінопсису» Пантелеимона Кохановскаго, заключающемуся въ Толстовской рукописи № 157.

Если «Сѵнопсисъ» Гизеля законченъ въ 1680 году, а «Сінопсисъ» Кохановскаго начатъ перепиской въ 1681—и законченъ въ 1682, то, очевидно, этотъ послѣдній не можетъ быть переходной ступенью отъ Сафоновича къ Гизелю. Кромѣ того приведенныя нами выше надписи на Толстовской № 145 и Толстовской № 157, свидѣтельствующія—кто былъ послѣднимъ собирателемъ этихъ 2-хъ списковъ, показываютъ, что между «Кройникой» Ѳеодосія Сафоновича и «Сѵнопсисомъ» Иннокентія Гизеля нѣтъ никакого родства; это родство есть только между «Сѵнопсисомъ» Гизеля и лѣтописными сборниками П. Кохановскаго.

Если первоначально могло казаться, что «Кіевскій Сѵнопсисъ» могъ возникнуть изъ «Обширнаго» и кромѣ того «Обширный Сінопсисъ Рускій» могъ принадлежать перу Ѳеодосія Сафоновича (Толстовскій №№ 145 и 157), то теперь приходится оставить это мнѣніе. «Обширный» — составленъ позже краткаго «Кіевскаго» и не зависитъ отъ этого послѣдняго. Въ «Обширный» входятъ тѣ же статьи, что и въ «Сѵнопсисъ» Гизеля, но онѣ берутся не изъ этого «Сѵнопсиса», а изъ Толстовскаго

сборника № 145, или изъ тѣхъ же источниковъ, изъ какихъ бралъ и Толстовскій № 145. Это видно изъ того, что «Кроиники» о Польшѣ и Литвѣ, входящія въ составъ Толстовскаго сбрника № 145, раньше того вошли въ составъ «Кройники» Сафоновича, который воспользовался ими, откинувъ имя ихъ собирателя такъ же, какъ это сдѣлалъ и Кохановскій съ «Кройникой о Руси», которая тоже оказывается у него безъ имени послѣдняго ея «списателя» и «собирателя».

А что «Кройника о Руси» имѣла своихъ собирателей помимо Ѳеодосія Сафоновича и до него, это было видно еще и первому изслѣдователю «Кройники» Сафоновича, митрополиту Евгенію Болоховитинову, мнѣніемъ котораго многіе руководствуются и понынѣ, что Ѳеодосій Сафоновичъ, «только перевелъ на Малороссійскій языкъ и передѣлалъ Стрыйковскаго»[1]). Но еще болѣе это открывается изъ анализа самихъ этихъ хроникъ и сопоставленія ихъ съ такой лѣтописью, какъ Густынская, въ которой находятся весьма опредѣленныя данныя, свидѣтельствующія о томъ, что между Стрыйковскимъ и Ѳеодосіемъ Сафоновичемъ лежитъ не преемственная связь, а—по источникамъ, откуда они независимо брали матеріалъ для своихъ «Кройникъ». До насъ не дошли, напримѣръ, ни Волынская, ни Галицкая лѣтописи, ни прочія мелкія городскія хроники, напримѣръ, Каменецкая, Брацлавская, Холмская, Львовская, Кіевская и т. п. хроники въ первоначальномъ ихъ составѣ и видѣ, которыя служили источникомъ и для «Кроники» Стрыйковскаго и для «Кройники» о Руси, Польшѣ и Литвѣ Сафоновича, и для Густынской лѣтописи Лосицкаго; всѣ эти хроники повліяли на только что указанныя «Кройники» не только матеріально, но и формально, то-есть, такимъ именно, а не инымъ распредѣленіемъ матеріала въ ихъ «Кройникахъ». Напримѣръ, упоминаніе о нашествіи татаръ приводится на страницахъ этихъ «Кройникъ» не въ ряду хода событій, а въ связи съ извѣстной группировкой историческаго матеріала въ томъ или другомъ источникѣ, бывшемъ подъ руками у составителей этихъ хроникъ.

У Саѳоновича, напримѣръ, упоминаніе о татарахъ находится въ началѣ 3-й части «Кройники о Руси» потому, очевидно, что съ этого начиналась та Галицкая лѣтопись, которой воспользовался собиратель «Крой-

1) Старчевскій, Ibid. стр. 79—82.

ники о Руси» въ томъ ея видѣ, въ какомъ она попала въ руки и самого Ѳеодосія Сафоновича; или вторая часть «Кройники о Руси» у Сафоновича начинается съ описанія междоусобицъ Изяслава II-го Мстиславича и Юрія Долгорукаго въ очевидной зависимости оттого, что источникомъ для этихъ мѣстъ «Кройники о Руси», попавшей въ руки Сафоновича, служила Владиміро-Волынская лѣтопись, получившая свое начало при Изяславѣ II Мстиславичѣ, на что указываютъ данныя, заключающіяся подъ лѣтомъ 1240-мъ и другими Густынской лѣтописи.

Такимъ образомъ, до насъ не дошли только тѣ источники въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ они были подъ руками «собирателей» или «списателей» хроникъ до насъ дошедшихъ, въ томъ числѣ и «Кройники» о Руси, Польшѣ и Литвѣ и др. Отъ нихъ уцѣлѣли или обрывки въ томъ видѣ, въ какомъ они вошли въ эти «Кройники», или же тѣ отрывочныя записи, которыя сами были источникомъ, перечисленныхъ выше не дошедшихъ до насъ лѣтописей-источниковъ.

Такимъ образомъ, то родство между интересующими насъ «Кройниками и «сѵнопсисами», которое усматривается при первомъ бѣгломъ ознакомленіи съ ними и сопоставленіи ихъ, дѣйствительно существуетъ, но только по связывающимъ ихъ общимъ источникамъ, а не по происхожденію одной лѣтописной компиляціи отъ другой.

Вслѣдствіе этого вопросъ объ отношеніи «Кройники» Ѳеодосія Сафоновича къ «Сѵнопсису» Иннокентія Гизеля разрѣшается нами нѣсколько съ иной точки зрѣнія, чѣмъ она ставилась доселѣ.

Такъ, Толстовская рукопись № 145 обнаруживаетъ близкое свое родство съ «Сѵнопсисомъ» Иннокентія Гизеля и съ Толстовскою рукописью № 157, или иначе говоря съ «Обширнымъ Сінопсисомъ Рускимъ» Кохановскаго, потому что русскія лѣтописныя записи въ нихъ заключающіяся, а равно литовскія и польскія имѣютъ за собой одни и тѣ же источники, особенно съ 1241 года, а именно «Хронографъ» и «Софійскій временникъ» въ южно-русской ихъ редакціи со вводными статьями, касающимися однѣ юга, а другія сѣвера Руси (О Печерской Лаврѣ, о Мамаевомъ побоищѣ, Александрѣ Невскомъ и т. д). и «Кройники» о Польшѣ и Литвѣ, но безъ ихъ продолженій, которыя взяты изъ другихъ совершенно источниковъ.

«Кройника» Сафоновича стоитъ настолько въ сторонѣ отъ «Сѵнопсиса» Иннокентія Гизеля, что её можно считать вполнѣ отъ него изолированной, потому что они не обнаруживаютъ непосредственно общихъ для себя источниковъ. Въ тоже самое время «Кройника» Ѳеодосія Сафоновича находится въ весьма близкомъ родствѣ съ «Обширнымъ Сінопсисомъ Рускимъ» Кохановскаго, т. е., съ Толстовской № 157, потому что русскія лѣтописныя извѣстія въ нихъ заключающіяся до 1241 года, а также «Кройники» о Литвѣ и Польшѣ имѣютъ одни и тѣ же источники. Съ Толстовской же рукописью № 145 «Кройника» Ѳеодосія Сафоновича роднится только по «Кройникамъ» о Литвѣ и Польшѣ, на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ.

Съ этой точки зрѣнія «Сінопсисъ» Кохановскаго, то есть, Толстовскую № 157, можно считать роднящейся съ «Кройникой» Ѳеодосія Сафоновича черезъ Толстовскую № 145, потому что изъ соединенія русскихъ лѣтописныхъ извѣстій изъ «Кройники» Ѳеодосія Сафоновича до 1241 года съ лѣтописными извѣстіями изъ Толстовской № 145 послѣ 1241 года составилась русская лѣтопись въ видѣ «Сінопсиса» Кохановскаго, то-есть, Толстовская 157.

«Сѵнопсисъ» Иннокентія Гизеля близко роднится съ Толстовской № 145 по тѣмъ общерусскимъ лѣтописнымъ извѣстіямъ и отдѣльнымъ статьямъ и сказаніямъ, какія заключаются въ этой послѣдней, потому что онѣ обнаруживаютъ непосредственно одни и тѣ же источники.

Кромѣ того «Сѵнопсисъ» Иннокентія Гизеля находится въ родствѣ съ Густынской лѣтописью, потому что въ нихъ заключаются общія статьи (о пяти крещеніяхъ, о козакахъ, о разныхъ народахъ и т. д.) имѣющія за собою одни и тѣ же источники.

Съ этой же самой Густынской лѣтописью «Кройника» Ѳеодосія Сафоновича, взятая въ цѣломъ, находится по источникамъ въ такомъ близкомъ родствѣ, что исторія текста послѣдней можетъ быть въ значительной степени возстановлена, только въ связи съ анализомъ текста Густынской лѣтописи.

А. Рогозинскій.

Кіевъ, 2-е мая 1910 года.

Новый списокъ путешествія Ѳ. А. Котова.

Отчетъ Ѳ. А. Котова «О ходу въ Персидское царство и изъ Персиды въ Турскую землю и въ Индію, и въ Урмузъ, гдѣ корабли приходятъ» извѣстенъ въ печати съ 1852 г., когда М. П. Погодинъ помѣстилъ его въ XV книгѣ (стр. 1—22 четвертаго счета) «Временника Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ»; предварительныя замѣчанія были при этомъ сдѣланы И. Д. Бѣляевымъ на стр. III—VI. Въ обнародованномъ здѣсь текстѣ были опущены сообщенія Котова объ его странствіи отъ Москвы до Астрахани. Въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ» за 1907 г. (томъ XII, книжка первая, стр. 67—125) г. М. П—ій напечаталъ сочиненіе Котова по иной рукописи XVII в., помогшей исправить нѣкоторыя погрѣшности прежняго изданія. Эта копія была очевидно обширнѣе обнародованной Погодинымъ, такъ какъ заключала въ себѣ разсказъ и о пути по русскимъ краямъ; но первыхъ страницъ текста въ рукописи не сохранилось, и потому итинерарій Котова начинался съ Саратова, причемъ первый листокъ былъ настолько поврежденъ, что путь отъ Саратова до Царицына напечатанъ г. М. П—имъ съ пропусками (стр. 71).

Къ счастью, этотъ недостатокъ рукописи, бывшей подъ руками у г. М. П—аго, можетъ быть восполненъ по другому списку, о существованіи котораго стало извѣстно уже въ то время, когда статья г. М. П—аго находилась въ печати. Въ «Отчетѣ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея имени Императора Александра III въ Москвѣ за 1905 годъ»

(Москва, 1906, 4⁰) было сообщено (стр. 31, № 12) о пріобрѣтеніи библіотекой Музея рукописи, описанной слѣдующимъ образомъ: «Сборникъ историческій, въ 4⁰, XVII вѣка, содержитъ между иными статьями: Исторію Казанскую, посольство измышленное Грознаго къ султану, посланія Курбскаго къ Грозному и въ Печерскій монастырь, О ризѣ Господней, списки грамотъ царскихъ XVII вѣка, хожденіе Ѳедота Котова».

Въ библіотекѣ Историческаго Музея эта рукопись хранится подъ № 2524 (инвентарнаго каталога № 42797); она состоитъ изъ 323 листовъ, изъ коихъ лл. 44—45, 177, 276—277 чистые (нумерація произведена новѣйшимъ почеркомъ); чистыми же оставлены и ненумерованные листы (новѣйшей бумаги, въ которой просвѣчиваетъ водяной знакъ 1827 года), числомъ одинъ въ началѣ рукописи и три въ концѣ [1]).

Сочиненіе Котова здѣсь помѣщено на лл. 178—231. Приведемъ цѣликомъ начало его, отсутствующее въ изданной г. М. П—имъ рукописи (титла раскрываемъ и надстрочные знаки опускаемъ):

Сказание о хоженїи с москвы въ персидское царствѡ. І ис персиды в турскую землю ј в ындѣю. И в урмуз на бѣлое морѣ. Гдѣ нѣмцы на караблех приходѧтъ.

Лѣта ҂зр҃ла, по государеву цареву ј великог князя михайла федоровича всеа русїи. ј великого государя святѣйшаго патриарха ѳиларета никитича московскаго ј всеа русиї указу. купчина московской гость ѳедотъ котовъ. а с нимъ в товарыщех осмь человѣкъ. ходилъ за море в персидскую землю в купчинахъ зъ государевою казною. и смосквы пошли москвою рѣкою маия въ ·ѕ҃· день на память святаго и праведнаго иова многострадалнаго [2]). ѡт москвы

---

1) Считаемъ долгомъ выразить признательность Обществу Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Университетѣ за ходатайство передъ администраціей Историческаго Музея о высылкѣ этой рукописи въ Казань, а Совѣту Историческаго Музея—за исполненіе этой просьбы.

2) Ср. весь предшествующій текстъ во «Временникѣ», стр. 1, версія котораго не во всѣхъ подробностяхъ совпадаетъ съ нашимъ текстомъ. Разнорѣчіе въ датѣ отъѣзда изъ Москвы—5 или 6 мая—должно быть разрѣшено въ пользу рукописи Историческаго Музея, такъ какъ память «Іова Многострадальнаго» празднуется 6-го мая.

до коломны ·ч҃· || верстъ сухимъ путемъ а рѣкою болше, а стоит коломна город над москвою рѣкою. а со стороны вышла рѣчка коломенка и пала в москвуж рѣку. а город каменной что московской кремль. ѡт коломны до голутвина монастырѧ ·г҃· версты тут ока рѣка со стороны вышла. а ѡт коломны до переславля рѣзансково ·ч҃· верстъ горами. а рѣкою окою болше[1]). а переславль резанской город деревянной обитъ глиною а кругъ посадовъ острог. а город стоитъ на осыпи над рѣкою над трубежомъ[2]). а ока рѣка отшиблась от города с версту за лугами а стоит на нагорней стороне, а в городе храмы каменные тут архиепископъ. ѡт переславля резансково до терехова монастыря ч҃. верстъ[3]). а на дороге от переславля пловучи внизъ еі҃. верстъ Вышегород а города нѣт толко волость. ѡт вы || шегорода до старой резани, м҃е. верстъ подле оку рѣку на нагорней стороне города нѣтъ одна осыпь. а дворы стоят врознь по лѣсом на многихъ верстахъ. а тереховъ монастырь стоит на луговой сторонѣ ограда у монастыря и храмы деревянные. ѡт терехова монастырѧ ·ч҃· верстъ до касимова[4]). в касимове город деревянной стоит на луговой сторонѣ на бугре от рѣки с полверсты а подле оку рѣку посады и храмы рускіе. да тут же живет царь уруcланъ[5]) и посады под ним есть а служитъ

---

1) «Книга, глаголемая Большой Чертежъ, изданная .... Г. И. Спасскимъ» (Москва, 1846; при дальнѣйшихъ ссылкахъ обозначаемъ: БЧ) содержитъ въ себѣ (стр. 123) такія данныя: «А ниже *Коломны* въ низъ по *Окѣ* 40 верстъ, на *Окѣ Перевитескъ*. А отъ *Перевитеска* до *Переславля Резанскаго* 50 верстъ».

2) Cf. ibid.: «а подъ *Переславлемъ* рѣка Трубежъ».

3) Cf. ibid.: «А ниже *Переславля Резанскаго* 30 верстъ на *Окѣ Старая Резань*. А ниже *Старыя Резани* на *Окѣ Тереховъ* монастырь. А отъ *Резани* до *Терехова* монастыря 50 верстъ». Слѣдовательно, Котовъ считалъ разстояніе между Переславлемъ и Тереховымъ монастыремъ на 10 верстъ болѣе показаннаго въ БЧ.

4) БЧ, стр. 124: «А ниже *Терехова* монастыря на *Окѣ* на лѣвомъ берегу градъ *Касимовъ;* отъ *Терехова* до *Касимова* 80 верстъ», т. е. на 10 верстъ меньше, чѣмъ въ итинераріи Котова.

5) Т. е. Арсланъ, о которомъ см. В. В. Вельяминова-Зернова «Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ», III, 1 sqq. Касимовскимъ царемъ онъ сдѣлался въ 1614 г. и оставался въ этомъ званіи до смерти, послѣдовавшей въ концѣ 1626 или началѣ 1627 года (ibid., 14).

московскому царю[1]). тут за ево дворомъ мечет каменная да полата гдѣ ихъ цари кладутся. ѡт касимова до мурома, ҃о. верстъ горами а ѡкою рѣкою ста с полтора, а на полудороге городище стоит на луговой сторонѣ а зовут елатма[2]) тут посады. а муромъ город деревянной рубленой высоко стоитъ || на осыпи а в немъ храмъ каменной соборной тут протопопъ и тут в предѣле на правой сторонѣ муромскіе чюдотворцы Благовѣрный князь петръ и княгиня февронія в одной гробницы. а около города мѣста высоки с бугры. а храмов каменных и деревянных и дворов много. а посады за городомъ. а стоит на луговой стороне красно над рѣкою окою. ѡт мурома до нижнево новагорода, ҃рк. верстъ горами а окою, ҃рн. верстъ[3]). а по нагорней сторонѣ стародубщина живут мѣста хлѣбородные. а на половинѣ от мурома до нижневоновагорода на нагорнѣи сторонѣ павловъ перевозъ город был а нынѣ острогъ высоко на бугре, а дворы и торги и кабаки и таможня в долу, и по буграмъ мѣсто велико. а нижней новъгородъ каменной высокъ стоит в буграх на высокомъ || мѣсте. около посадов два остроги деревянные и за острогами посады а под городомъ сошлись двѣ рѣки ока рѣка да волга. а сквозь посадами повыше города ис степи течет промеж горъ ручей а зовутъ почайна рѣка а стоит на нагорнѣй сторонѣ. а посады в городе и около города по доломъ и по ручьемъ. ѡт нижневоновагорода ·҃рк· верстъ до василя города. а стоитъ над волгою на нагорнѣи сторонѣ[4]) посады под горою. а город былъ высоко на горѣ да сожженъ. ѡт

---

1) О службѣ «украинного розряду» ср. тамъ же, стр. 31 и слѣдд.

2) БЧ, 127: «Градъ *Елатма* отъ *Касимова* 20 верстъ. А ниже града *Елатмы* 50 верстъ на *Окѣ* градъ *Муромъ*».

3) Въ БЧ (стр. 127—128) счетъ иной: «А ниже *Мурома* 25 верстъ, съ полудни пала въ *Оку* рѣка *Теша*... а ниже *Теши* рѣки 60 верстъ, на *Окѣ* градъ *Павловъ*... А ниже *Павлова* града до усть рѣки *Оки* 50 верстъ, а *Ока* рѣка пала въ *Волгу*; А на устьѣ *Оки* рѣки *Новъ-Градъ Нижней*», слѣдовательно всего отъ Мурома до Нижняго-Новгорода оказывается 25 + 60 + 50 = 135 верстъ. Впрочемъ въ другихъ спискахъ разстояніе между *Павловымъ* и устьемъ *Оки* опредѣляется въ 60 и даже 80 верстъ.

4) БЧ, 139: «А ниже *Нова-града Нижняго* на *Волгѣ* на нагорной странѣ 130 верстъ *Василь* градъ».

василя города. ·м҃· верстъ до козмадемъянсково. город деревянной рубленой стоитъ на горѣ а дворы вниз к волги кругомъ острог а стоит на нагорнѣи сторонѣ [1]). ѡт козмодемьянсково до чебоксаръ, м҃. верстъ [2]). а в чебоксарех город деревянной рубленой стоит на нагорнѣи сторонѣ || на горѣ. посады вниз к волге пошли. ѡт чебоксаръ до кокшарсково, л҃. верстъ. город деревянной рубленой стоит на луговой сторонѣ на горѣ в услонѣ а посады под гору. ѡт кокшарсково до свіяжсково, ѯ҃. верстъ. а город деревянной стоит от волги за лугомъ на нагорней сторонѣ а под нимъ в долу стоят посады. да свияга рѣка течет истепи понеж [sic] города. ѡт свияжсково до казани, к҃. верстъ а казань мѣсто болшое стоит на луговой сторонѣ над рѣкою над казанкою от волги семь верстъ [3]). а город каменной бѣлой стоит по осыпи. а за городомъ посады в долу около города а около посадовъ город деревянной, а булакъ рѣка течет сквозѣ деревянной город. а город и посады красно стоят. а за городом монастырь илантов и слободы а кругомъ пошла степь мѣста ровные. || ѡт казани вниз до камсково устья. ѯ҃. верстъ [4]). а кама рѣка велика вышла из луговой сторонѣ. ѡт устья камсково, ѯ҃. верстъ до тетюшъ [5]). а в тетюшах острогъ. стоячей стоитъ высоко на нагорней стороны башни рубленые посады под горою мѣсто невелико. а около тотара и мордва кочюют. а от тетюш верстъ съ ·л҃· в степь тамъ бывало царство болгары и балымеры полаты и мечети дворы и погребы все знати и всякого камени много. ѡт тетюшъ до самары, с҃л. верстъ [6]). город самара стоит на луговой сторонѣ от волги пѣсокъ залегъ а

---

1) БЧ, 142: «А ниже *Василя города* 40 верстъ на нагорной странѣ градъ *Кузмодемьянской*».

2) Ibid.: «А ниже *Кузмодемьянска* на *Волгѣ* 50 верстъ градъ *Чабаксары*».

3) Ibid., 143: «А ниже *Свіяжского* 20 верстъ градъ *Казань*. Отъ *Волги* 5 верстъ на рѣкѣ на *Казанкѣ*».

4) Ibid., 143—144: «ниже *Казани* 60 верстъ пала въ *Волгу* рѣка *Кама*».

5) Ibid., 149: «А ниже *Казани* 120 верстъ на *Волгѣ* на Нагайской странѣ градъ *Тетюши*».

6) Ibid., 150: «Ниже *Тетюшъ* 200 верстъ, на *Волгѣ* отъ устья рѣки *Камы* градъ *Самара*».

город старъ рубленой низокъ и острог по тому ж по городовому мѣсту. а под городом рѣка самара течет истепи устье под городомъ пало в волгу по нижную сторону города[1]), а над рѣкою бани. а посады и рѧды в городе || а около степь. ѡт самары да [sic] саратова, т͠н. верстъ[2]). а на саратове город стоит на луговой сторонѣ стоячей острог башни рубленые круглые дворы и ряды в городѣ. а за городомъ стрелецкіе дворы и рыбные лавки и анбары гдѣ кладут с судовъ запасы. а стоитъ над волгою на ровномъ мѣсте. а по нижную сторону рѣчка саратовка вышла истепи[3]). а ѡколо пошла степь во все стороны. ѡт[4]) саратова, с͠. верстъ до камышенки а на камышенки рѣчка камышенка вышла истепи на нагорнѣй стороны. а над рѣчкою на горѣ высоко стоит острожекъ стоячей. а тут стоят по пятисот и посемисот стрелцовъ с весны до осени казанских и пригородошных. а какъ на осень пойдут с осеннымъ с астороханским таворомъ [sic]. || такъ и острожекъ сожгутъ. а тою рѣкою камышенкою ходят на донъ. а ходу камышенкою рѣкою три версты въ степь а тамъ волоку, к͠. верстъ казаки струги волочат. а тамъ рѣка илавла потекла въ степь и выпала в донъ. тудѣ ходят казаки на волгу. а стрелци стоятъ для воровских казаковъ ј ихъ имают а иных побиваютъ; ѡт камышенки до царицына, р͠н. верстъ[5]). а на цари-

---

1) Ibid.: «А подъ градомъ подъ *Самарою* пала рѣка *Самара*».

2) Ibid., 151: «А ниже *Самары* 200 верстъ на *Волгѣ* градъ *Саратовъ*», хотя на слѣдующей страницѣ читаемъ: «... отъ *Самары* 100 верстъ пала рѣка *Сызанъ*. А ниже *Сызана* рѣки съ луговыя страны 120 верстъ, пала въ *Волгу* рѣка *Елашъ-Иргызъ*. ...А ниже *Иргызы* рѣки 30 верстъ, *Караманъ* рѣка. ...А ниже *Карамана* рѣки 40 верстъ на *Волгѣ* градъ *Саратовъ*»—итого отъ Самары до Саратова 100+120+30+40=290 верстъ.

3) Ibid.: «подъ *Саратовымъ* пала рѣчка изъ езера, а другая рѣчка пала изъ поля».

4) Съ этого слова начинается текстъ, изданный г. М. П—имъ. Приводимъ еще нѣсколько строкъ по рукописи Историческаго Музея, такъ какъ въ текстѣ г. М. П—аго недостаетъ многихъ фразъ, находившихся на изорванномъ 5-мъ листкѣ «хожденія».

5) БЧ, 152—153: «А ниже *Камышенки* 40 верстъ пала рѣчка *Балыклея*. ...А ниже *Балыклеи* 80 верстъ на *Волгѣ* островъ *Царицынъ*... ...а на острову градъ *Царицынъ*».

цыне город стоит на нагорней сторонѣ[1]) невелик стоячей тын. башни рубленые круглые. на горѣ стоит невысоко. а над ним гора пошла исполога по[2]) нижную сторону города рѣчка невелика течет что ручей а лоткою ѣхать нелзя...

Изъ дальнѣйшаго текста статьи Котова укажемъ только болѣе или менѣе важные варіанты сравнительно съ изданіемъ г. М. П—аго, цитируя это послѣднее по листамъ:

Изданіе г. М. П—аго:	*Рукопись Историческаго Музея*:
Л. 6. а.: казаки з женами и з дѣтми и внизъ по дону	казаки з женами и з дѣтми вниз по дону (*л. 182 об.*).
Л. 9. а.: рыбная ловля астроханьсково монастыря какараузикъ	рыбная ловля астроханьсково монастыря караузикъ (*л. 184 об.*).
Л. 10. а.: отъ руслуба пятнадцать верстъ до прорвы	от уруслоба, еі҃. верстъ до прорвы (*л. 185*).
Л. 10. а.: а на четырехъ буграхъ стоятъ бугровъ влѣво в море стоятъ гилянские бусы	а на четырех бугрехъ стоят стрелцыж карaулъ. а от четырехъ бугровъ влѣво в море стоят гилянские бусы (*л. 185*).
Л. 12. а.: а хлѣбно	а хлѣбное (*л. 186 об.*).
Л. 12. б.: отъ низовои ходу до Шаврина	от низовои ходу до шаврани (*л. 186 об.*).
Л. 13. а.: взялъ тое шарваньскую землю у тоурсково перьской шахъ но се число болши дватцати лѣтъ	взялъ тое ширваньскую землю у торсково перскои шах по се число мало болши дватцати лѣт (*л. 187*).
Л. 13. б.: не великъ толко хоромъ	не великъ толко хорошъ (*л. 187*).

1) Ibid., 153, в): «а нынѣ городъ на берегу рѣки Волги на нагорной сторонѣ» (по рукописи Царскаго).

2) Съ этого слова въ изданной г. М. П—имъ рукописи начинается непрерывный текстъ.

Л. 14. б.: а быстрая рѣка пала из горъ.	а быстрая рѣка пала в море. а та рѣка быстрая пала из горъ (*л. 187 об.*).
Л. 14. б.: а противъ терка островъ великъ и рыбы много. и на томъ острове... [ср. сноску 9]	а противъ терка островъ чеченъ стоит в мори ходу до него парусомъ полдни. и тот островъ великъ и рыбъ много. и на том острове... (*л. 188*).
Л. 15. а.: нужна тиновато	нужна тиновата (*л.188 об.*)
Л. 16. а.: того зовутъ крымъшахомъ	того зовут крымъшохолъ (*л. 188 об.*).
Л. 16. б.: запродавываютъ	запродавают (*л. 189 об.*).
Л. 18. а.: ни бусорманы и арменья	ни бусорманы ни арменья (*л. 190—190 об.*)
Л. 19. а.: животы емлютъ берегутъ [ср. сноску 6]	животы емлют берегωм (*л. 191*).
Л. 19. а.: ставлены изстары	ставлены изстарь (*л. 191 об.*).
Л. 21. а.: тоѣ рѣки болши	а тоѣ рѣки болши (*л. 193*).
Л. 21. а.: в старину отъ турковъ	в старину ωт турсково (*л. 193*).
Л. 21. б.: а ωтъ кардевилю [ср. сноску 2]	А к ардевилю (*л. 193*).
Л. 22. а.: а все каменные	а все каменное (*л. 193 об.*).
Л. 22. а.: а в ардовиле	А в ардевиле (*л. 193 об.*).
Л. 22. б.: сынъ его диво мурза [ср. сноску 7]	сын его диви мурза (*л. 194 об.*).
Л. 22. б.: и за чипь ухватятся [ср. сноску 1]	и за чепь ухватитца (*л. 194*).
Л. 24. а.: студение иныхъ мѣстъ	студенѣе иных мѣстъ (*л. 195*).
Л. 25. а.: тоѣ гору день де зеньга [ср. сноску 4]	тоѣ гору ходу день до зеньга (*л. 196*).
Л. 25. б.: болши к҃.	болши к҃. (*л. 196 об.*).

Л. 25. б.: да зарослъ [ср. сноску 1]	да заросль (*л. 196 об.*).
Л. 26. а.: немногω ста	немного бо^{л}ши ста (*л. 197*).
Л. 27. а.: ни в похвалу	не в похвалу (*л. 197 об.*).
Л. 28. а.: и ряды карамъсараи [ср. сноску 7]	и ряды и карамсараи (*л. 198*).
Л. 28. а.: болшими вороты и маиданъ [ср. сноску 8]	болшими вороты на майданъ (*л. 198 об.*).
Л. 29. а.: а с приѣзды [ср. сноску 7]	а с приѣзду (*л. 199*).
Л. 29. б.: до кашина [ср. сноску 1]	до кашани (*л. 199 об.*).
Л. 31. б.: чтобы заметъ [ср. сноску 5]	что^{б} замет. (*л. 201*).
Л. 31. б.: и полата стоитъ надъ полаты [ср. сноску 6]	а полата стоит на полаты (*л. 201*).
Л. 31. б.: и шаховы полаты	а шаховы полаты (*л. 201*).
Л. 31. б.: а здѣ шаховы [ср. сноску 8]	а гдѣ шаховы (*л. 201*).
Л. 33. а.: арменья. и аравляне. и жиды. а с конца маидану ворота высоки стоятъ часы [ср. сноски: 6-ю на стр. 92 и 1-ю на стр. 93]	арменья, аврамляне. и жиды. а с конца маидану ворота высоки в тынчакъ. а над тѣми вороты высоко стоят часы (*л. 202*).
Л. 34. а.: башалаки продаютъ [ср. сноску 7]	башмаки продают (*л. 203*).
Л. 35. а.: розпои и дѣломъ	рѣзной и дѣлωм (*л. 203 об.*).
Л. 35. а.: кешитъ болшои	кешишъ болшой
Л. 35. б.: шелковное дѣло [ср. сноску 1]	шолковое дѣло (*л. 204*).
Л. 36 а.: красками и з золотомъ	красками з золотомъ (*л. 204*).

Л. 36. а.: во всякои клѣтки поставленои по стоике скляноі [ср. сноску 6]	во всякои клѣтки поставлено по стопки скляной (*л. 204 об.*).
Л. 38. а.: отъ болшого майдану	ѡт болшего майдану (*л. 206 об.*).
Л. 39. б.: и на уды мечутъ [ср. сноску 2]	и на уды мечютъ (*л. 206 об.*).
Л. 44. а.: у свѣчи	у свѣчь (*л. 209 об.*).
Л. 44. б.: не премѣныя [ср. сноску 6]	не примѣняя (*л. 210*).
Л. 44. б.: к тому а чтобы [ср. сноску 7]	к тому чтобы (*л. 210*).
Л. 45. а.: до полушеста висытъ [ср. сноску 9]	до полушеста виситъ (*л. 210 об.*).
Л. 46. а.: бѣшеные и дурни	бѣшеные и дурны (*л. 211*).
Л. 46. а.: едятъ и пьютъ днемъ [ср. сноску 4]	едятъ и пьютъ (*л. 211*).
Л. 46. б.: красками всякими	красками и всякими (*л. 211 об.*).
Л. 47. а.: и платье [ср. сноску 3]	и платья (*л. 212*).
Л. 48. а.: днемъ кричатъ	днемъ кричитъ (*л. 212*).
Л. 48. б.: и во всю ночь со свѣчи	во всю ночь со свѣчи (*л. 212 об.*).
Л. 48. б.: служилые люди	служивые люди (*л. 213*).
Л. 48. б.: а тотъ у нихъ	а постъ у них (*л. 213*).
Л. 50. а.: и самъ шахъ на крылцѣ	а самъ шах на крылцѣ (*л. 213 об.*).
Л. 50. а.: что буйволы рѣвутъ	чтобы волы рѣвутъ (*л. 213 об.*).
Л. 50. б.: и тою водою	и того водою (*л. 214*).
Л. 50. б.: празднуютъ до і҃ дне	празднуют въ і҃ день (*л. 214*).
Л. 51. а.: сторонии люди	сторонние люди (*л. 214 об.*).
Л. 52. б.: роготиня а на другомъ попье [ср. сноску 5]	рогатыня, а на другомъ копье (*л. 215 об.*).

Л. 55. а.: и набаты бьютъ [ср. сноску 1]	и в набаты бьютъ (*л. 217 об.*).
Л. 55. б.: ничего не поютъ	ничего не пьют (*л. 217 об.*).
Л. 56. а.: ксенъ ксенъ	ксень ксень (*л. 218*).
Л. 56. б.: таусенъ ксень	таусень ксень (*л. 218*).
Л. 59. б.: и всякои скотъ	а всякои скот (*л. 220*).
Л. 59. б.: сень не ставятъ [ср. сноску 3]	сѣнъ не ставятъ (*л. 220 об.*).
Л. 59. б.: хлѣбъ родится [ср. сноску 5]	хлѣб ровно родитца (*л. 220 об.*).
Л. 60. б.: башмаки [ср. сноску 1]	и башмаки (*л. 221 об.*).
Л. 61. а.: чюжие волосы	чюжие волосье (*л. 221 об.*).
Л. 61. б.: и сколко кто захочетъ	сколко хтѡ захочетъ (*л. 222*).
Л. 62. а.: зовутца аврамляне	зовутца авравляне (*л. 222*).
Л. 62. б.: станетъ въсходитъ	станет всходить (*л. 222 об.*).
Л. 64. б.: ровнымъ мѣсто. а ряшъ посадъ города ихъ	ровным мѣстомъ. а ряшъ посад горѡда нѣтъ! (*л. 224*).
Л. 64. б.: ходу до генжа	ходу дѡ генжи (*л. 224*).
Л. 65. а.: пресвятые богородицы	пречистые богородицы (*л. 224 об.*).
Л. 65. б.: Да подъ тѣмъ же городомъ	Да над тѣмъ ж городомъ (*л. 224 об.*).
Л. 66. а.: отъ генже жь	ѡт генжи ж. (*л. 225*).
Л. 66. а.: посадъ зоченъ [ср. сноску 2]	посад зечень (*л. 225*).
Л. 66. б.: до вологора	до воилагора (*л. 225 об.*).
Л. 66. б.: день ходу. отъ амаса [ср. сноску 7]	день ходу. ѡт туркала до амаса, г҃ дни ходу. ѡт амаса (*л. 225 об.*).
Л. 67. а.: отъ богдата	а ѡт болдата (*л. 226 об.*).
Л. 68. б.: и ходятъ на вьюкахъ	а ходят на вьюках (*л. 227*).

Л. 68. б.: ходу ваиромѣя [ср. сноску 2]	ходу до ваиромѣя (*л. 227*).
Л. 69. а.: на кашанъ	на кашань (*л. 227 об.*).
Л. 69. б.: дѡ какандари сорокъ днеи ходу	до кандагари, м҃ днеи ходу (*л. 227 об.*).
Л. 71. а.: в ардевилъ	в ардевиль (*л. 228 об.*).
Л. 71. б.: дерть [ср. сноску 5]	дертъ (*л. 229*).
Л. 72. а.: алтъмышъ биръ алтъмышь ики [ср. сноску 23]	алтъмышъ биръ. атъмышъ ики. (*л. 229 об.*).
Л. 72. а.: токсенъ ики [ср. сноску 6]	токсень ики (*л. 229 об.*).
Л. 72. б.: гашты [ср. сноску 15]	Гашть (*л. 229 об.*).
Л. 72. б.: бити [ср. сноску 20]	бисти (*л. 230*).
Л. 72. б.: бити ду҆	Бисти ду (*л. 230*).
Л. 72. б.: чичилъ. чичилъ ꙗкъ. чичилъ ду҆ [ср. сноски 26—28]	чигил. чигил якъ. чигилду (*л. 230*).
Л. 73. а.: гаштть даякъ	гаштьдаякъ (*л. 230*).
Л. 73. б.: ѳунъ	ѳюнъ (*л. 230 об.*).

Отмѣтимъ случай, въ которомъ рукопись Историческаго Музея не помогаетъ разъяснить непонятнаго мѣста въ текстѣ г. М. П — аго (л. 33 б.): «а в тынчи лавокъ опричь верхныхъ анбаровъ. и киюзъ, а рускихъ съ с҃» (Рѣчь идетъ объ Испагани). Въ Погодинскомъ текстѣ соотвѣтствія этимъ фразамъ нѣтъ; г. М. П — ій указываетъ (стр. 93[6]), что «*Киюзъ* напоминаетъ *кіоскъ* (павильонъ, бесѣдка) или бассейнъ, перешедшее къ персамъ арабское *хаузъ* (у татаръ — каўзъ, хаўзъ)». Въ рукописи Историческаго Музея цитированное мѣсто читается такъ: «а҆ в тынчи ла́вокъ о҆при҃т ве^рхни^х а^нбаро^в. и҆кию^з. а҆ ру́ски^х съ, с҃». (*л. 202 об.*).

Если *икиюзъ* раздѣлить не на *и киюзъ*, а на *ики юзъ*, то получится турецкое числительное *двѣсти*, и фраза будетъ имѣть смыслъ: «а въ тынчѣ лавокъ, кромѣ верхнихъ амбаровъ, двѣсти; а русскихъ при-

близительно 200». Въ томъ, что Котову были извѣстны турецкія числительныя, сомнѣваться нельзя, такъ какъ онъ къ своему путешествію приложилъ «туръскои счетъ» (ср. въ изданіи г. М. П — аго стр. 121—122), но если принять наше предположеніе, то страннымъ окажется соотношеніе между числомъ лавокъ вообще и русскихъ въ частности; не можетъ быть, чтобы почти всѣ магазины въ «тынчѣ» принадлежали русскимъ; припомнимъ, что Олеарій, бывшій въ Испагани немногимъ позднѣе Котова, перечисляя иностранцевъ, торговавшихъ въ этомъ городѣ, о русскихъ не говоритъ [1]).

Н. Петровскій.

Казань,
апрѣль 1910 года.

---

1) Вотъ его слова (по гамбургскому изданію MDCXCVI года, стр. 294 перваго счета): «Man findet in Jspahan allerhand Nationen Kauffleute und Krähmer, welche theils ins Grosse handeln, theils ihre Wahren eintzeln verkauffen und aussschneiden, als nehmlich: Neben den Persern die Indianer unterschiedliche Tartarn von Chuaressem, Chattai und Buchara, Türcken, Juden, Armener, Georgianer und neben denen Engelländer, Holländer, Frantzosen, Itälianer und Spanier».

Библіографія.

И. И. Замотинъ. Романтическій идеализмъ въ русскомъ обществѣ и литературѣ 20—30 годовъ XIX столѣтія. С.-Петербургъ. 1908. VI+430.

«Qu'est ce que le romantisme? Qu' a-t-il été?»
Ch. Renouvier, «Victor Hugo — le poète».

И. И. Замотинъ съ 1900 г. занимается почти исключительно исторіей переходной литературной эпохи конца XVIII и начала XIX столѣтія. Въ теченіе восьми лѣтъ неутомимымъ изслѣдователемъ изданы: «Раннія романтическія вліянія въ русской литературѣ» (Воронежъ, 1900), «Преданіе о Вадимѣ Новгородскомъ въ русской литературѣ» (Воронежъ, 1901), «Голубой цвѣтокъ» въ поэзіи Жуковскаго. Къ исторіи романтическихъ мотивовъ въ русской литературѣ» (Львовъ, 1902), «Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія въ русской литературѣ» (Варшава, 1903), «Литературныя эпохи XIX столѣтія. Очерки по исторіи русской литературы» (Варшава, 1906) и, наконецъ, изслѣдованіе, посвященное опять *романтизму*: «Романтическій идеализмъ въ русскомъ обществѣ и литературѣ 20—30 годовъ XIX столѣтія».

Въ предисловіи къ своему послѣднему труду авторъ упоминаетъ о двухъ критическихъ разборахъ первой части его «наблюденій надъ романтизмомъ въ русской литературѣ XIX столѣтія». Собственные труды критиковъ и ихъ рецензіи не помогли г. Замотину уяснить главнаго вопроса—отраженія западно-европейскаго романтизма на русской общественной и литературной почвѣ начала XIX столѣтія. Въ дальнѣйшихъ наблюденіяхъ онъ «пошелъ своимъ путемъ». Въ отзывахъ, признавшихъ за первою частью изслѣдованія извѣстный интересъ, высказано было желаніе, чтобы г. Замотинъ далъ болѣе ясный и законченный отвѣтъ по вопросу объ опредѣленіи романтизма и чтобы самый романтизмъ представленъ былъ имъ не теоретически только, но и конкретно (стр. IV). Во второй части своихъ наблюденій изслѣдователь дѣлаетъ попытку

отвѣтить на вопросъ *о сущности западно-европейскаго романтизма и объ отраженіи его основныхъ мотивовъ въ русскомъ обществѣ и литературѣ начала XIX столѣтія.* Пересмотръ мнѣній западно-европейскихъ изслѣдователей романтизма привелъ г. Замотина къ установленію основныхъ мотивовъ въ идеалистическомъ міровоззрѣніи романтиковъ, а изученіе русскихъ журналовъ, отдѣльныхъ литературныхъ произведеній и нѣкоторыхъ рукописныхъ матеріаловъ, относящихся къ данной эпохѣ, позволило ему установить нѣкоторые факты отраженія и у насъ основныхъ мотивовъ романтики въ соотвѣтствующей русской варіаціи (стр. V).

Мы не имѣемъ въ виду дать всесторонній отчетъ объ интересномъ трудѣ г. Замотина, заслуживающемъ вниманія, и ограничиваемся лишь нѣсколькими замѣчаніями относительно той части книги, въ которой авторъ касается западно-европейскихъ литературъ.

«Какъ всякое сложное явленіе духовной культуры, романтизмъ конца XVIII и начала XIX столѣтія съ трудомъ поддается ясному опредѣленію», говоритъ авторъ на стр. 3; «тѣмъ не менѣе онъ опредѣлимъ, по крайней мѣрѣ, въ основныхъ чертахъ. Въ свое время для современниковъ это явленіе казалось трудно уловимымъ: оно захватывало ихъ какъ настроеніе, какъ психологическій моментъ и управляло ими какъ инстинктъ, какъ непроизвольное движеніе ихъ духовной организаціи. Такъ напр., французскіе критики и поэты времени романтизма опредѣляли его весьма разнообразно. Для однихъ онъ былъ—свободой въ проявленіи таланта, для другихъ—оригинальностью въ творчествѣ, для третьихъ—спиритуализмомъ въ литературѣ, четвертые называли его протестантствомъ въ искусствѣ и т. д.». (Въ выноскѣ указывается Г. Брандесъ. Литература XIX в. въ ея главныхъ теченіяхъ. Французская литература. Стр. 49—50). «Такъ-же разнообразно понимаютъ романтизмъ и современные ему нѣмецкіе критики», замѣчаетъ далѣе г. Замотинъ, ссылаясь на І. Шерра (Всеобщая исторія литературы, перев. подъ ред. П. И. Вейнберга, т. II, стр. 289—290). «Для Гейне романтическая школа въ Германіи не что иное, какъ пробужденіе средневѣковой поэзіи. Но для позднѣйшихъ наблюдателей, начиная приблизительно съ половины XIX столѣтія, это явленіе, разсматриваемое уже не вблизи, а въ исторической перспективѣ, сдѣлалось болѣе яснымъ и получило опредѣленное культурное значеніе. Теперь всѣ сужденія о романтизмѣ конца XVIII и начало XIX столѣтія (или новоромантизмы, какъ его иногда называютъ въ отличіе отъ средневѣковой романтики) сходятся во всякомъ случаѣ на томъ положеніи, что подъ романтизмомъ надо разумѣть извѣстную общественно-литературную эпоху, *отмѣченную опредѣ-*

ленно выраженнымъ міросозерцаніемъ» [1]). «На вопросъ «гдѣ условныя границы этой эпохи?» изслѣдователь отвѣчаетъ: «начало ея слѣдуетъ отнести, по крайней мѣрѣ къ концу XVIII столѣтія» (стр. 4) и «первымъ 3—4 десятилѣтіямъ XIX в. (стр. 15). Если романтизмъ плохо поддается опредѣленію, то «причиной этого является съ одной стороны многообразіе его варіацій въ разныхъ литературахъ и критикахъ, съ другой отсутствіе опредѣленныхъ и ясныхъ теорій у самихъ романтиковъ» (стр. 15). «Но онъ все-таки опредѣлимъ», какъ убѣжденъ г. Замотинъ: «опредѣлимъ именно со стороны своей сущности и тѣхъ главныхъ своихъ мотивовъ, которые обошли всю Европу, всѣ европейскія литературы и выразили собою общее духовное состояніе эпохи» (стр. 16). «Романтизмъ въ своей сущности есть ясно выраженное идеалистическое міровоззрѣніе; это одинъ изъ тѣхъ сильныхъ идеалистическихъ порывовъ къ безконечному, которыми въ разныя эпохи жизни человѣчества смѣнялись развивавшіеся до крайности матеріализмъ, скептицизмъ, холодная разсудочность или, наконецъ, то духовное безразличіе, которое не дѣлаетъ никакихъ усилій, чтобы подняться выше конечныхъ вещей окружающаго его міра».

Съ такимъ опредѣленіемъ романтизма едва-ли возможно согласиться: «*ясно выраженное идеалистическое мировоззрѣніе*» [2]) можетъ быть свойственно не только *романтикамъ*, но и представителямъ и другихъ литературныхъ направленій и школъ. Подъ формулу, предлагаемую г. Замотинымъ, можно подвести въ одинаковой степени многихъ писателей изъ *классиковъ* и изъ *реалистовъ*. Можно-ли отказать въ ясно-выраженномъ идеалистическомъ мріовоззрѣніи классику Расину, автору «Пиквика» или же автору «Тартарена изъ Тараскона»?

«При всей своей сложности и кажущейся туманности романтическое міровоззрѣніе, какъ всякій идеализмъ, имѣетъ свои основные пункты, по которымъ его удобнѣе всего разсматривать. Внѣ тѣхъ крайностей, которыя представляетъ по преимуществу нѣмецкая романтика въ области идей и формъ, романтическій идеализмъ, прислушиваясь къ современнымъ ему идеалистическимъ философскимъ системамъ, останавливаетъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на трехъ пунктахъ, эти пункты — индивидуумъ, нація и универсумъ. Для романтиковъ, выражаясь языкомъ Вл. Соловьева, все исторически — цѣнное представлялось имѣющимъ тройной характеръ: 1) личный, 2) національный и 3) универсальный

---

1) Курсивъ нашъ.
2) Курсивъ нашъ.

(стр. 17)». «Такимъ образомъ, какъ полагаетъ г. Замотинъ, три основныхъ мотива составляютъ схему романтическаго идеализма: индивидуализмъ, національзмъ и универсализмъ, понимаемый въ смыслѣ идеи всечеловѣческаго блага. Первымъ основнымъ мотивомъ романтизма большинство его историковъ съ полнымъ основаніемъ считаютъ индивидуализмъ, доходящій уже въ романтизмѣ до высокаго культа личности» (стр. 18).

«Индивидуализмъ характеризуетъ вообще новую исторію, въ особенности начиная съ XVI столѣтія. Съ тѣхъ поръ, какъ стали слабѣть средневѣковые устои и авторитеты, поглощавшіе человѣческую личность, все болѣе выдвигались на первый планъ интересы и запросы личности. Уже великіе гуманисты Италіи воспитали высокое уваженіе къ индивидуальной жизни человѣка. Великаго Петрарку болѣе всего занимали явленія его внутренней жизни, на которыхъ онъ изучалъ вообще природу человѣческаго духа» (стр. 19). «Петрарка глубоко вдумывался въ человѣческую природу, причемъ особенное вниманіе удѣлялъ человѣческому духу; похвальба физической силой есть, по выраженію Петрарки, «похвала вола» (taurina gloria, въ трактатѣ «De remediis utriusque fortunae»), а сознаніе величія духа есть признакъ истиннаго благородства души. Поэтому истинно-благородный человѣкъ создается не знатнымъ происхожденіемъ, но самовоспитаніемъ и личнымъ трудомъ: «verus nobilis non noscitur sed fit», говоритъ онъ (въ трактатѣ «De remediis»...), и *эта фраза открываетъ собою исторію европейскаго индивидуализма и демократизма»* [1]).

Проводя демаркаціонную линію между міросозерцаніемъ среднихъ вѣковъ и Петрарки, г. Замотинъ упускаетъ изъ вида связь и преемственность историческихъ явленій. Сопоставленіе «фразы» итальянскаго гуманиста съ мыслями и взглядами средневѣковыхъ писателей, даже самыхъ ортодоксальныхъ, показало-бы, что воспитавшійся на средневѣковой теологіи и литературѣ, между прочимъ и на твореніяхъ блаженнаго Августина [2]), Петрарка въ данномъ случаѣ рѣшительно ничего новаго не сказалъ и не открылъ.

Индивидуалистическія и демократическія идеи не чужды были и эпохѣ, когда «средневѣковые устои и авторитеты, поглощавшіе человѣческую личность», еще не стали слабѣть. И индивидуалистическое (напр.

---

1) Курсивъ нашъ.

2) Г. Замотинъ упоминаетъ о «любимой» книгѣ Петрарки—«Исповѣди блаженнаго Августина». Стр. 19.

у бл. Августина въ «De libero arbitrio») и демократическое направленіе можно прослѣдить отъ блаженнаго Августина на всемъ протяженіи среднихъ вѣковъ и въ религіозныхъ и этическихъ ученіяхъ правовѣрныхъ теологовъ и въ нѣкоторыхъ литературныхъ памятникахъ.

Взгляды Ѳомы Аквината на царство и правителей—«regnum non est propter regem, sed rex propter regnum»[1]) не являются исключеніемъ для эпохи средневѣковья. Въ XI столѣтіи Манегольдъ высказываетъ демократическіе взгляды въ еще болѣе рѣзкой формѣ [2]), чѣмъ авторъ второй части «Романа Розы»—Жанъ де Мёнъ.

Эгалитарныя идеи можно также найти и у многихъ средневѣковыхъ публицистовъ [3]) и въ нѣкоторыхъ романахъ XII и XIII столѣтія.

Въ XII в. въ «Roman de Rou» Васъ спрашиваетъ: «Когда Адамъ копалъ лопатой, а Ева пряла, гдѣ былъ дворянинъ» [4])? Протесты про-

---

1) De regimine principum, L. III, c. II.

2) Manegoldi ad Gebehardum liber. Edidit Kuno Francke. Monumenta Germaniae. I.

... Neque enim populus ideo eum (regem) super se exaltat, ut liberam in se exercendae tyrannidis facultatem concedat, sed ut a tyrannide ceterorum et improbitate defendat. Atqui, cum ille, qui pro coercendis pravis, probis defendendis eligitur, pravitatem in se fovere, bonos conterere, tyrannidem, quam debuit propulsare, in subjectos ceperit ipse crudelissime exercere, nonne clarum est, merito illum a concessa dignitate cadere, populum ab ejus dominio et subjectione liberum existere, cum pactum, pro quo constitus est, constet illum prius irrupisse? Nec illos quisquam poterit juste ac rationabiliter perfidiae arguere, cum nihilominus constet illum fidem prius deseruisse. Ut enim de rebus vilioribus exemplum trahamus, si quis alicui digna mercede porcos suos pascendos committeret ipsumque postmodo eos non pascere, sed furari, mactare et perdere cognoscerit, nonne, promissa mercede etiam sibi retenta, a porcis pascendis cum contumelia illum amoveret? Si inquam, hoc in vilibus rebus custoditur, ut nec porcarius quidem habeatur, qui porcos non pascere, sed studet disperdere, tanto dignius justa et probabili ratione omnis, qui non homines regere, sed in errorem mittere conatur, omni potentia et dignitate, quam in homines accepit, privatur, quanto conditio hominum a natura distat porcorum... Aliud est regnare, aliud in regno tyrannidem exercere. Ut enim imperatoribus et regibus ad tuenda regni gubernacula fides et reverentia est adhibenda, sic certe, sic firma ratione, si tyrannidem exercere eruperint, absque omni fidei legione vel pietatis iactura nulla fidelitas est vel reverentia impendenda. p. 365. Rex enim non nomen est naturae, sed officii, sicut episcopus, presbyter, diaconus, p. 385.

3) См. Perrens, La démocratie en France au moyen âge, vol. I—II. 1873. Pezold, Die Lehre von der Volkssouveränetät während des Mittelalters. 1876. Gierke, Iohannes Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien. 1912.

4) Wace, Roman de Roue, éd. Pluquet.

тивъ сословныхъ привилегій въ средневѣковыхъ литературныхъ памятникахъ встрѣчаются довольно часто —

Nus qui bien face n'est vilains,
Mes de vilonie est toz pleins
Hauz hom qui laide vie maine.
Nus n'est vilain sil ne vilaine [1]).

Авторъ «Aucassin et Nicollete» [2]) на ряду съ аристократомъ Окасседомъ выводитъ уродливаго бѣдняка виллана, напоминающаго и по своей внѣшности и по своимъ душевнымъ качествамъ героя романа Виктора Гюго «Notre dame de Paris» — Квазимидо. Простолюдина графъ Окассенъ называетъ «братомъ». Неизвѣстный авторъ средневѣковой «cante fable», видимо, былъ также убѣжденъ, какъ и великій итальянскій гуманистъ, что «verus nobilis non nascitur, sed fit».

Жанъ де Мёнъ не вѣритъ въ божественное происхожденіе королевской власти, считаетъ властителей слугами народа; властителей онъ сравниваетъ съ картинами —

Qui plaisent cui ne s'en apresse,
Mais de près la plaisance cesse.

О кичащихся благородствомъ своего происхожденія Жанъ де Мёнъ говоритъ:

nus n'est gentis
S'il n'est as vertus ententis
Ne ne'st vilain fors par ses vices...
Car gentillece de lignage
N'est par gentillece qui vaille.

Аналогичныя сужденія о высшихъ классахъ общества находимъ и въ памятникѣ начала XIV вѣка — романѣ о «Фовелѣ» (1310 г.): рыцари презираютъ народъ, чванясь своимъ происхожденіемъ, истинное благородство пріобрѣтается не рожденіемъ; развѣ рыцари не такъ родились, какъ другіе? Развѣ они всадниками выѣхали изъ утробы матери [3])?

1) Histoire littéraire de la France. T. XXIV, p. 326. См. также. Ern. Langlois, Origines et sources du Roman de la Rose. 1891, p. 98.

2) Конца XII столѣтія (G. Paris, Préface de l'édition de Bida, 1898; Poèmes et légendes du moyen âge, 1900) или начала XIII в. (H. Suchier, Aucassin et Nicolette, 1906).

3) Noblesse, si comme dit le sage,
Vient seulement du bon courage,

И нѣкоторымъ нѣмецкимъ писателямъ XIII вѣка также нельзя отказать въ демократическихъ тенденціяхъ.

Томазинъ фонъ Циркларе[1]) происхожденію не придаетъ никакого значенія—всѣ благородны, какъ дѣти Бога.

Рейнмаръ-фонъ-Цветоръ считаетъ благороднымъ только того, кто поступаетъ благородно—

Nieman ist edel, ern tuodavedellîchen[2]).

Фрейданкъ убѣжденъ, что благородный человѣкъ создается не знатнымъ происхожденіемъ[3]):

Swer tugende nât ist wol geborn,
ân tugent ist edele gar verlorn;
der man sî ligen o der vrî,
Swer von geburt nicht edel sî,
der sol sich edel machen
mit tugentlichen sachen.

Въ поэмѣ «Мейеръ Гельмбрехтъ» Вернгера по прозванію Садовника (der Gertnaere) также проводятся демократическія идеи[4]).

Du ventre, sachies, pas ne vient;
Le ventre est fieus et fieus devient;
Nul n'est noble, tant soit bien nez,
Se de bons meurs n'est aournez.
Se le gentils hommes pensoient
Comment et en quel point estoient
Dedans le ventre de leur mere
Et comment on les en peut traire!
Y eurent ils plus avantage
Que aucun de tres petit lignage?
Y eurent ils plus noble viande?
Encor leur fais-je autre demande:
En issirent il a cheval?
Ou naissent sans faire travail?

См. Histoire littéraire de la France, T. XXVII; гр. А. Бобринскій, романъ о Фовелѣ. Записки романо-германскаго Отдѣленія филологическаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ. Вып. 1. 1888; Ch. V. Langlois, La vie en France au moyen âge d'après quelques moralistes du temps.

1) Rückert. Quedlinburg. 1852.

2) Строфы 79—81. Die Gedichte Reinmar von Zweter, herausgegeben von Gustav Röthe. 1887.

3) 2 Auflage. 1860.

4) Pfeiffers Classiker des Mittel Alters, XII, Friedrich Panzer, 1902.

Не надо забывать, что второй половинѣ среднихъ вѣковъ приходилось постоянно считаться съ все возраставшими въ силѣ демократическими элементами.

Стало быть, рѣзкой смѣны міровоззрѣній въ данномъ случаѣ между средними вѣками и эпохой гуманизма нѣтъ. Едва-ли вообще возможно категорически утверждать, что та или другая «фраза» открываетъ или заключаетъ собою ту или другую эпоху: «die europäische Geschichte bildet von ihren ersten Anfängen bis zur Gegenwart hin ein organisches Ganzes. Altertum, Mittelalter und Neuzeit sind die Entwicklungsreihen eines und desselben Problems» [1]).

По мнѣнію г. Замотина «романтизмъ—это та часть обширной программы гуманизма, которая была разработана только на границѣ XVIII и XIX столѣтій, т. е. черезъ четыре съ половиною вѣка послѣ того, какъ Петрарка громко провозгласилъ принципъ индивидуализма. Въ эпоху романтизма конца XVIII и начала XIX столѣтій индивидуализмъ, въ силу цѣлаго ряда историческихъ условій и главнымъ образомъ благодаря росту демократическаго духа и чувства политической свободы, получаетъ особенно широкое распространеніе среди общественныхъ группъ и нерѣдко находитъ рѣзкое выраженіе въ лицѣ отдѣльныхъ дѣятелей исторіи (стр. 21).

Далѣе авторъ переходитъ къ краткому обозрѣнію философскихъ системъ въ Германіи, въ которыхъ «европейскій индивидуализмъ получаетъ еще болѣе прочное научное выраженіе, чѣмъ раньше въ трактатахъ Петрарки и Руссо» (Кантъ, Фихте, Шеллингъ и ихъ послѣдователи); указываетъ на Юліана Шмидта, Эйхендорфа и другихъ историковъ нѣмецкой литературы, которые ставятъ въ связь нѣмецкую романтику въ духовную связь съ вѣкомъ реформаціи (стр. 26) и видятъ сущность нѣмецкой романтики въ индивидуализмѣ, считая его однимъ изъ фазисовъ духовнаго развитія Европы. «И современные французскому романтизму критики, говоритъ г. Замотинъ, ссылаясь на Michiels (Histoire des ideés littéraires en France au XIX siècle, II, 183—4), видѣли въ немъ (въ индивидуализмѣ) художественное выраженіе свободы личности: самъ В. Гюго сопоставлялъ литературную революцію своего времени съ великой революціей 1789 года, усматривая въ той или другой революціи единый принципъ свободы [2]). У новѣйшихъ обозрѣвателей эпохи фран-

---

1) H. v. Eicken, Geschichte und System der mittelalterlichen Weltanschauung. 1887. S. 822.

2) Въ какомъ произведеніи?

цузскаго романтизма очень часто наблюдается сопоставленіе понятій романтизмъ и индивидуализмъ» (E. Brunetière, Лансонъ, Пти-де-Жюльвилль) (стр. 29). «Индивидуализмъ англійской романтики начала XIX столѣтія настойчиво подчеркивается новѣйшими историками литературы» (Тенъ, Брандесъ) (стр. 30). «Романтики конца XVIII и начала XIX столѣтія, хотя и захваченные этимъ общимъ культомъ индивидуальности, свойственнымъ эпохѣ, далеко не всегда возвышались въ своемъ служеніи идеѣ индивидуализма до той или другой строго научной системы... Нерѣдко они даже плохо понимали современную имъ философію или, понимая, не раздѣляли ея крайнихъ выводовъ. Но во всякомъ случаѣ философскія ученія Канта, Фихте, Шеллинга и нѣкоторыхъ др., сами порожденныя современной эпохой, замѣтно вліяли на своихъ современниковъ, особенно-же на представителей романтизма (стр. 31)... Изъ современныхъ же имъ философскихъ ученій романтики усваивали главнымъ образомъ то преклоненіе передъ сильно выраженной индивидуальностью, то любованіе своимъ я, то порываніе къ неограниченной личной свободѣ, нерѣдко даже къ необдуманному произволу, которыхъ не было еще ни въ трактатѣ Петрарки, ни въ философскихъ утопіяхъ Руссо, не смотря на все ихъ уваженіе къ человѣческому индивидууму» (стр. 32).

Утверждая, что философскія ученія Канта, Фихте, Шеллинга и др. замѣтно вліяли въ особенности на представителей романтизма, г. Замотинъ не указываетъ, въ какой степени сказалось это вліяніе въ романтизмѣ *французскомъ* и *англійскомъ*. Или вліяніе нѣмецкой философіи этой эпохи одинаково было сильно въ литературахъ всего запада?

Второй отдѣлъ главы, посвященной западно-европейскому романтизму, заканчивается упоминаніемъ (стр. 33) о культѣ высшихъ по натурѣ индивидуальностей, который, по словамъ автора, проходитъ яркою полосою по всѣмъ произведеніямъ европейскаго романтизма конца XVIII и начала XIX столѣтія (Гёцъ фонъ Берлихингенъ, Вертеръ, Фаустъ, отчасти Вильгельмъ Мейстеръ (Lehrjahre); романтическій Uebermensch въ лицѣ Карла Моора, Донъ Карлоса, Вильгельма Телля; «мощная женская индивидуальность въ лицѣ Адельгейды»; причемъ указывается, что подобныя олицетворенія сильнаго и своевольнаго я встрѣчаются въ болѣе или менѣе художественной обработкѣ и у другихъ нѣмецкихъ поэтовъ эпохи романтизма (Тикъ, Новалисъ, Вакенродеръ, Гоффманъ и особенно Карлъ Иммерманъ). Наконецъ, изслѣдователь обращается къ краткому обозрѣнію въ романтической французской литературѣ портретной галлереи типовъ «l'homme supérieur» и «la femme supé-

rieure»: Дельфина и Коринна у госпожи Сталь, Рене у Шатобріана, Адольфъ у Банжамена Констана, Эрнани у Виктора Гюго (стр. 33—34). «Въ англійской литературѣ образцы сильныхъ индивидуальностей, говоритъ г. Замотинъ, даны тоже многими поэтами, но особенно они ярко выражены въ титаническихъ образахъ поэзіи Шелли и Байрона» (стр. 35).

Не можемъ не отмѣтить, что г. Замотинъ, пытающійся въ своемъ изслѣдованіи не только уяснить себѣ *главный* для него вопросъ—отраженіе западно-европейскаго романтизма на русской общественной и литературной почвѣ начало XIX столѣтія, но и отвѣтить на другой вопросъ—*о сущности европейскаго романтизма,* держится нѣсколько своеобразнаго метода изслѣдованія: онъ изучаетъ романтизмъ не по произведеніямъ романтиковъ, а почти исключительно по извѣстнымъ руководствамъ по исторіи западныхъ литературъ (І. Шерръ, Г. Брандесъ, Hettner, В. Шереръ, Г. Лансонъ, Пети де Жюльвилль, George Craik, Th. Shaw, И. Тэнъ...) и монографіямъ (Jul. Schmidt, J. Eichendorf, Р. Гаймъ, H. Gschwind, Th. Gautier, D. Nisard, A. Michiels, F. Brunetière, D. Sauvageot, E. Faguet, R. Canat...; Іос. Михневичъ, Опытъ простого изложенія системы Шеллинга; Лео Бергъ, Сверхъ человѣкъ въ современной литературѣ...).

Вторымъ основнымъ мотивомъ романтическаго индивидуализма, какъ мы уже указали, изслѣдователь считаетъ — *націонализмъ.* «Самоопредѣленіе національное есть... одна изъ формъ въ развитіи человѣческаго самосознанія, и въ этомъ смыслѣ націонализмъ въ жизни Европы сталъ развиваться за много вѣковъ до романтизма. Но романтики все таки несомнѣнно способствовали росту національнаго самосознанія и при этомъ придали ему своеобразное направленіе, внеся въ его развитіе присущій романтизму субъективизмъ... Все національное въ романтизмѣ получило характеръ чего-то индивидуальнаго, отмѣченнаго тѣмъ своеобразнымъ субъективизмомъ, который долженъ былъ быть присущъ всякой отдѣльно взятой націи... Романтики, возводя въ культъ вниманіе къ индивидуальности, унаслѣдованное ими еще отъ эпохи гуманизма, должны были придти и къ культу индивидуальной національности. Такъ именно и случилось» (стр. 36—37).

«Философія эпохи романтизма въ вопросѣ о національности и національной исторіи представляла собою реакцію «къ просвѣщенію XVIII вѣка...» «Въ двадцатыхъ годахъ XIX столѣтія ученіе о національности въ національномъ или народномъ духѣ было развито и системой Гегеля, но уже въ иномъ духѣ», говоритъ авторъ, ссылаясь на Фалькенберга (Исторія новой философіи). Затѣмъ указывается на отношеніе нѣмецкихъ

романтиковъ къ національному прошлому; цитируются Гаймъ, І. Шерръ, И. П. Созоновичъ (В. А. Жуковскій, какъ писатель и человѣкъ), Gervinus (Geschichte der deutschen Dichtung), Ziegler (Die geistlichen und socialen Strömungen) и новое изслѣдованіе: Der Einfluss der Romantik auf die Vertiefung des Nationalgefühls, von Fr. Guntram Schultheis (1907), но не произведенія писателей, о которыхъ идетъ рѣчь.

«Французская романтика также дала цѣлый рядъ поэтизаціи національной старины. Такъ Рейнуаръ и Рокфоръ воскресили дивныя созданія древне-французской литературы, забытыя въ эпоху ложноклассицизма» (стр. 44). При указаніи на Рокфора было-бы не лишнимъ назвать его трудъ: «De l'état de la Poésie française dans les XII et XIII siècles 1815». Что-же касается Рейнуара, онъ «воскресилъ» не «созданія древне-французской литературы», а *провансальской*. «Шарль Нодье, продолжаетъ г. Замотинъ, обновилъ въ своихъ балладахъ и новеллахъ старыхъ французскихъ поэтовъ, Беранже ввелъ въ искусственное творчество мотивы и образы народной лирики[1]). В. Гюго художественно воспроизвелъ въ своемъ романѣ средневѣковую жизнь».

Въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, изслѣдователь имѣетъ въ виду романъ В. Гюго «Notre Dame de Paris», но средневѣковая жизнь воспроизведена французскимъ романтикомъ не только въ этомъ романѣ, но и въ балладахъ, напр. въ *классической* «Les pas d'arme du roi Jean», не говоря уже о произведеніи, относящемся къ болѣе поздней порѣ литературной дѣятельности поэта—«La légende des siècles».

Нельзя не пожалѣть, что госпожа Сталь, книгѣ которой «De l'Allemagne» г. Замотинъ придаетъ большое значеніе, цитируется только по Брандесу... «Французская романтика дала замѣчательный примѣръ глубокой оцѣнки и національнаго настоящаго въ книгѣ г-жи де Сталь о Германіи. Книга эта—продуктъ свойственнаго именно романтикамъ вниманія къ каждой націи, какъ индивидуальному цѣлому, вниманія, доходившаго иногда до культа національныхъ особенностей этой или другой страны... Въ другой своей книгѣ «Коринна», которую критикъ называетъ

---

1) Интересъ къ народной поэзіи пробуждается во французской литературѣ до романтиковъ. Ср. напр. протестъ Мольеровскаго Альцеста (Le Misanthrope, Acte I, scène II) противъ «le méchant goût du siècle», отдававшаго предпочтеніе пѣсенкѣ «грубыхъ отцевъ» («Si le roi m'avait donné Paris sa grand'ville...») передъ модными сонетами. Правда, такіе голоса были рѣдки и они терялись въ хорѣ поклонниковъ галантной поэзіи, но все-же они раздавались.

«поэмой на тему о національныхъ предразсудкахъ» (ссылки на Брандеса), г-жа Сталь мастерски опредѣляетъ индивидуальныя особенности преобладающихъ европейскихъ націй...» На стр. 138—140 авторъ возвращается къ г-жѣ Сталь по поводу сочиненія Ореста Сомова «О романтической поэзіи» (1823 г.), познакомившаго русскихъ читателей съ извѣстной книгой о Германіи. «Сочиненіе О. Сомова написано подъ несомнѣннымъ вліяніеніемъ г-жи Сталь, которая въ своихъ книгахъ такъ смѣло развѣнчала французскую исключительность въ поэзіи и громко заговорила о правахъ каждой національности на самобытную духовную жизнь. Другія сочиненія г-жи Сталь сдѣлались извѣстны русской публикѣ еще раньше «Опыта» О. Сомова и нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. «Коринна», невольно должны были воспитывать уваженіе какъ къ своей, такъ и ко всякой другой національности».

Г. Замотинъ, ознакомившись съ произведеніями г-жи Сталь только по труду Брандеса, не имѣлъ возможности воспользоваться у нея многими страницами, которыя для изслѣдователя, между прочимъ, и *вопроса о сущности западно-европейскаго романтизма*, имѣютъ большое значеніе. Особенно важны въ этомъ отношеніи главы второй части книги о Германіи: одиннадцатая (De la poésie classique et de la poésie romantique) и пятнадцатая (De l'art dramatique). Здѣсь дается опредѣленіе *романтизму* [1]) и, между прочимъ, высказываются идеи, которыя впослѣдствіи времени мы находимъ въ знаменитомъ «Préface de Cromwell» Виктора Гюго: «Rien dans la vie ne doit être stationnaire, et l'art est pétrifié quand il ne change plus» [2]). Прежде чѣмъ перейти къ «романтическому универсализму», г. Замотинъ останавливается на существующихъ на французскій романтизмъ взглядахъ: ...«для Витэ, опредѣлявшаго романтизмъ, какъ протестанство въ литературѣ и искусствѣ, или даже для В. Гюго, *понимавшаго романтизмъ какъ либерализмъ въ литературѣ* [3]), сюжеты изъ національной жизни и исторіи были прежде всего хорошимъ средствомъ освѣжить

---

1) Le nom *de romantique* a été introduit nouvellement en Allemagne pour désigner la poésie dont les chants des troubadours ont été l'origine, celle qui est née de la chevalerie et du christianisme... La littérature romantique ou chevalersque est chez nous indigène, et c'est notre religion et nos institutions qui l'ont fait éclore... La littérature romantique est la seule qui soit susceptible encore d'être perfectionnée, parcequ'ayant ses racines dans notre propre sol, elle est la seule qui puisse croître et se vivifier de nouveau.

2) Ch. XV.

3) Курсивъ нашъ.

область творчества и примѣнить пресловутый «мѣстный колоритъ» (ссылка на Брандеса).

И въ данномъ случаѣ мы не можемъ не выразить сожалѣнія, что изслѣдователь ограничился приведенной цитатой изъ Брандеса. Необходимо имѣть въ виду эклектизмъ В. Гюго. Въ «предисловіи» къ «Nouvelles odes» глава французскихъ романтиковъ находитъ, что въ сущности споры классиковъ и романтиковъ происходятъ вслѣдствіе недоразумѣній, такъ какъ между этой и другой школой нѣтъ существеннаго различія. Все это для него — «termes de convention, signes sans significations, expressions sans expressions, mots vagues que chacun définit an besoin de ses préjugés...»

Такіе взгляды Викторъ Гюго высказывалъ въ 1824 г. до опубликованія *романтическаго манифеста*—«Préface de Cromwell», о которомъ г. Замотинъ упоминаетъ на стр. 7. «Предисловіе къ Кромвелю» цитируется по изданію Hetzel'я, причемъ приводится отзывъ Теофиля Готье о В. Гюго, давшемъ въ своемъ «Предисловіи» «послѣдователямъ романтики какъ бы скрижали новаго литературнаго направленія» [1]). Едва-ли возможно, говоря о В. Гюго, ограничиваться ссылкою на Т. Готье, его современника и восторженнаго поклонника. По характерному выраженію P. и V. Glachant [2]), авторъ манифеста былъ—«non un phare distribuant des lumières, mais un simple écho, sonore et puissant». Въ своемъ капитальномъ изслѣдованіи «La préface de Cromwell, introduction, texte et notes» Maurice Souriau доказалъ, что «скрижали новаго литературнаго исповѣданія», на самомъ дѣлѣ—«un reflet éblouissant des théories antérieures» [3]).

Отдѣлъ книги г. Замотина, посвященный «романтическому національному» заканчивается указаніемъ на англійскихъ писателей эпохи романтизма: Чаттертона, «представителя гордаго и страстнаго индивидуализма», Макферсона, Томаса Перси, Роберта Бернса, который подготовилъ поэзію Вальтеръ-Скотта, этого величайшаго поэтизатора старины,

1) Théophile Gautier, Histoire du Romantisme. Paris. 1901.

2) P. et V. Glachant, Essai critique sur le théâtre de Victor Hugo. Les drames en vers de l'époque de la formule romantique. P. 1902. p. 29.

3) «Ce n'est pas la nouveauté des idées qui est le vrai mérite de la Préface. Car il est peu de ses théories dont on ne puisse trouver le germe, ou même un développement déjà considérable, dans des oeuvres antérieures». Цитируемъ по *пятому* изданію. Стр. XV, XVII. О «Préface de Cromwel» см. также: Ferd. Brunetière, René Doumic въ Revue des deux mondes, 1901, 1902; Pierre Nebout, Le Drame romantique. 1897; V. Hugo, Leçons faites à l' Ecole normale supérieure sous la direction de Ferd. Brunetière, t. II, ch. XIII, 1902.

создавшаго всемірный культъ поэзіи исторіи, поэзіи прошлаго». «Но и помимо В.-Скотта, замѣчаетъ авторъ, англійская романтика отличается вполнѣ національнымъ характеромъ и даже особымъ вниманіемъ къ своей народности. Исторія англійской литературы склонна даже самый терминъ «романтическій» сближать съ словомъ «національный» (стр. 46). Изъ другихъ европейскихъ романтиковъ, какъ полагаетъ г. Замотинъ, «два имени должны быть упомянуты при обозрѣніи представителей поэтическаго культа національности — итальянскій поэтъ Манцони и шведскій — Тегнеръ: оба они переводились въ 20-хъ годахъ XIX стол. и на русскій языкъ» (стр. 47).

Заканчивая ту часть своего труда, которая посвящена вопросу *о сущности западно-европейскаго романтизма*, изслѣдователь на стран. 48 обращается къ «романтическому универсализму, какъ основному мотиву романтическаго идеализма».

«Идеалъ романтизма не остановился однако на идеализмѣ и націи: онъ слишкомъ былъ для этого широкъ и порывистъ въ своемъ желаніи охватить весь міръ; къ тому-же романтическій идеализмъ, точно такъ же, какъ и всякій другой, стремился создать стройную систему міровоззрѣнія, въ которой бы абсолютное духовное начало и основныя идеи, его выражающія, объединили все существующее и осмысляли матеріальную жизнь какою-либо духовною, нематеріальною цѣлью бытія. И романтики, проповѣдуя культъ индивидуализма и индивидуальной націи, дѣйствительно ставили себѣ вопросъ: къ чему ведетъ это вниманіе къ человѣческому индивидууму, къ чему ведетъ это преклоненіе предъ національнымъ духомъ, и отвѣтъ у всѣхъ (?) былъ приблизительно одинъ и тотъ-же: индивидуализмъ и національзмъ есть только переходъ къ общечеловѣческому идеальному состоянію жизни,—они являются только средствами для будущаго счастья всего человѣчества... Отъ поэтизаціи личности сдѣланъ былъ такимъ образомъ переходъ къ поэтизаціи народности, а отсюда еще одинъ шагъ впередъ — и пылкая фантазія идеалиста-романтика поэтизировала уже то человѣчество будущаго, которое доставитъ въ реальномъ, конечномъ мірѣ торжество безконечному идеалу» (стр. 48—49). Ссылаясь на М. Туганъ-Барановскаго (Что такое соціализмъ? «Полярная Звѣзда», 1906, 12), г. Замотинъ указываетъ на Канта, намѣтившаго путь для романтической утопіи, затѣмъ касается вскользь системъ Фихта, Шеллинга и Гегеля. «Романтики, можно сказать, сдѣлали попытку рѣшить великую задачу жизни, именно согласить національзмъ и космополитизмъ, индивидуализмъ и соціализмъ, понятія трудно примиримыя какъ въ теоріи, такъ тѣмъ болѣе на практикѣ. И надо отдать честь идеологамъ-романтикамъ: эта задача ими была рѣшена если

не въ жизни, то по крайней мѣрѣ въ научномъ и художественномъ творчествѣ... Космополитизмъ романтиковъ—это не есть космополитизмъ эпохи просвѣщенія XVIII в... Романтикъ не потому космополитъ, что онъ имѣетъ или не признаетъ ни своего, ни другого кого либо отечества, не потому именно, что онъ въ высшей степени признаетъ и уважаетъ какъ свое, такъ и всякое другое отечество, какъ свой, такъ и всякій другой народъ» (ссылка на Oscar Ewald, Die Probleme der Romantik als Grundfragen der Gegenwart. Berlin, 1905, стр. 4). «Подобнымъ-же образомъ примирялись въ романтизмѣ индивидуализмъ и соціализмъ» (стр. 51). Но у всѣхъ-ли представителей романтической школы примирялся индивидуализмъ съ соціализмомъ? Изслѣдователь, между прочимъ, пользуется здѣсь сочиненіемъ И. Исаева «Индивидуализмъ и соціализмъ» (гл. I—VI; СПБ. 1907), не указывая на сочиненія самихъ романтиковъ.

На страницѣ 58 авторъ предпосылаетъ цитатѣ изъ статьи А. Давида Соважо «Романтизмъ» (Исторія французской литературы Пти де Жюльвилля, стр. 192) *о сознаніи поэтомъ своего призванія* слѣдующее замѣчаніе: «понятно, почему въ романтикѣ поэту приписывается такое высокое значеніе, какъ оракулу высшей мудрости, какъ провозвѣстнику грядущей лучшей жизни» (стр. 58). Но такое высокое значеніе придается поэту не только романтиками. Образъ поэта *vates* знакомъ западно-европейской поэзіи съ 1549 г., со времени появленія знаменитаго манифеста Плеяды — «La défense et illustration de la langue française» и «Ode à Michel de l'Hopital» Ронсара. Авторъ «Франсіады» называетъ поэта — «le saint poète»...

Dieu les tient (поэтовъ) agitez et jamais ne les laisse;
D'un aiguillon ardant il les pique et les presse.
Ils ont les pieds à terre et l'esprit dans les cieux.
Le peuple les estime enragez, furieux...

Во французской литературѣ конца XVIII столѣтія не у одного только Андрея Шенье поэтъ является такимъ-же *вѣщимъ*, какъ для писателей эпохи Плеяды:

Tel le bouillant poète en ses transports brûlants,
Le front échevelé, les yeux étincelants,
S'agite [1])...
Mer bruyante, la voix du poète sublime
Lutte contre les vents, et tes flots agités
Sont moins forts, moins puissants que ses vers indomptés [2]).

1) A. Chénier, L'Invention.
2) Hermés, III.

И для Гете поэтъ — учитель, пророкъ, другъ боговъ и людей (Lehrer, Wahrsager, Freund der Götter und der Menschen [1]).

Романтики двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ имѣли, стало быть, въ данномъ случаѣ предшественниковъ въ литературѣ XVI и XVIII стол. [2]), и Викторъ Гюго (см. предисловія къ сборникамъ лирическихъ стихотвореній, «Les Mages» (Contemplaontis) «Fonction du poète» (Les Rayons et les Ombres), Альфредъ де Виньи (академическая рѣчь) и др. имѣли передъ собою цѣлый рядъ формулъ, формулъ *не романтическихъ*, а скорѣе *классическихъ*...

На стран. 89 г. Замотинъ упоминаетъ объ Андреѣ Шенье, отмѣчая переводы изъ французской литературы въ «Московскомъ Телеграфѣ», который «пріютилъ на своихъ страницахъ чуть-ли не всѣхъ представителей юнаго французскаго романтизма: тутъ есть Нодье и Альфредъ де Виньи, *Андрэ Шенье* [3]) и Мериме, Бенжаменъ Констанъ и глава школы В. Гюго, и его старшій предшественникъ Шатобріанъ...» Но Андрей Шенье не можетъ быть причисленъ къ представителямъ *юнаго* французскаго романтизма!.. Да и *романтикъ*-ли этотъ «пѣвецъ любви, дубравъ и мира, пѣвецъ возвышенной мечты?» Пушкинъ называлъ его «истинный грекъ, изъ классиковъ классикъ» [4]), а Бауръ Лорміанъ отцемъ романтизма:

Nous (классики), nous datons d'Homère et vous (романтики) d'André Chenier.

Послѣднія страницы (60—71) разсматриваемаго нами отдѣла книги г. Замотина посвящены героямъ *романтическаго индивидуализма*. «Эти герои романтическаго индивидуализма, нарисованные кистью Шиллера и Гете, Шатобріана и Гюго, Жоржъ Зандъ и Бальзака, Шелли и Байрона, говорятъ о новой семьѣ, о новомъ человѣческомъ обществѣ, которыя должны смѣнить старѣющую европейскую цивилизацію». Авторъ

1) Wilhelm Meisters Lehrjahre, Кн. II, главы II. «Eingeboren auf dem Grunde seines Herzens wächst die schöne Blume der Weisheit hervor, und wenn die andern machend träumen und von ungeheuren Vorstellungen aus allen ihren Sinnen geängstiget werden, so lebt er (поэтъ) den Traum des Lebens als ein Wachender, und das Seltenste, was geschieht, ist ihm zugleich Vergangenheit und Zukunft».

2) «Вильгельмъ Мейстеръ» законченъ въ 1796 г.

3) Курсивъ нашъ.

4) Пушкинъ, т. VII, издан. 1903. Письмо къ кн. П. А. Вяземскому, № 51. Черновые наброски. «Отъ него такъ и пахнетъ Ѳеокритомъ и Анѳологіей. Онъ освобожденъ отъ итальянскихъ concetti и отъ французскихъ antithèses, но романтизма въ немъ нѣтъ еще ни капли...»

останавливается на Вертерѣ, Карлѣ Моорѣ, Донъ Карлосѣ, Вильгельмѣ Теллѣ, Рене («Типъ Рене сложился подъ вліяніемъ Вертера», замѣчаетъ г. Замотинъ, ссылаясь на Г. Брандеса), Эрнани; мимоходомъ указывается на «Horace» и «Le Compagnon du tour de France» Жоржа Санда, Роберта Бернса, Вордсворта, Шелли и Байрона (Чайльдъ Гарольдъ).

«Эти основные мотивы, объясняющіе сущность романтизма, однако не исчерпываютъ всѣхъ деталей своеобразнаго романтическаго міровоззрѣнія. На общей канвѣ этихъ главныхъ положеній романтики развивали свои взгляды на различныя стороны человѣческой жизни и дѣятельности; поэтому романтическая поэзія даетъ возможность судить объ отношеніи романтиковъ къ религіи, природѣ, искусству, наукѣ и даже можно съ полнымъ основаніемъ говорить о романтической эстетикѣ, этикѣ, психологіи, романтической соціологіи и т. д.» (стр. 73).

«Основные мотивы романтическаго идеализма, группировавшіеся около индивидуализма и націонализма и приводившіе романтиковъ къ культу будущаго универсальнаго человѣческаго счастья, — эти мотивы отразились и въ русской общественной и литературной жизни начала вѣка» (стр. 74).

Романтическій идеализмъ въ русскомъ обществѣ и литературѣ 20—30 годовъ XIX столѣтія и является второю, *но основною* темою изслѣдованія И. И. Замотина.

Изъ главъ «*второй*» части этого изслѣдованія, въ которыхъ указывается отраженіе романтическаго идеализма на русской почвѣ, мы отмѣчаемъ интересную главу, посвященную Вальтеръ-Скотту и его вліянію на русское общество и литературу въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія (страницы 298—360). Здѣсь авторъ пользуется не только новой литературой о В. Скоттѣ, но и старыми журнальными статьями, давно забытыми и мало кому извѣстными (The Edinburgh Review 1832, Bibliotheque Universelle 1831, 1832, 1833 и 1837 гг., Revue Britannique 1833 г.) и приводитъ рядъ отзывовъ современныхъ Загоскину о его романѣ въ Magazin für die Litteratur des Auslandes 1833, Wiener Zeitschrift 1831, Revue Encyclopédique 1831, Bibliothèque Universelle 1831, The Foreign Quarterly Review 1833, Morgenblatt für gebildete Welt 1831 г.

Самымъ цѣннымъ отдѣломъ книги И. И. Замотина мы считаемъ *пятую главу*, посвященную кн. В. Ѳ. Одоевскому (стран. 361—418). Изслѣдователь внесъ сюда богатый матеріалъ, извлеченный имъ изъ *Бумагъ В. Ѳ. Одоевскаго* и *рукописей П. Я. Дашкова*.

Въ первой главѣ своей книги авторъ, какъ онъ самъ говоритъ въ «Отвѣтѣ на критику «новаго опредѣленія романтизма» (Журналъ Мини-

стерства Народнаго Просвѣщенія 1908), «не сдѣлалъ открытія въ области теоріи романтизма и лишь пересмотрѣлъ сужденія о немъ многихъ почтенныхъ критиковъ и ученыхъ, занимавшихся этимъ вопросомъ».

Г. Замотинъ много и съ «романтическимъ» увлеченіемъ работалъ надъ романтизмомъ; онъ поставилъ себѣ *слишкомъ широкія задачи*, чѣмъ и объясняются, главнымъ образомъ, указанные недочеты въ его интересномъ изслѣдованіи.

С. Соловьевъ.

О Стоглавѣ. Его происхожденіе, редакціи и составъ. Къ исторіи памятниковъ древнерусскаго церковнаго права. Изслѣдованіе Священника Димитрія Стефановича. Спб. 1909. Стр. II+320. Цѣна 2 руб.

Изслѣдованіе о. Д. Стефановича имѣетъ несомнѣнное значеніе въ исторіи изученія Стоглава.

Хотя нельзя сказать, чтобы до сихъ поръ занимавшіеся Стоглавомъ не обращались къ рукописному матеріалу (напримѣръ: Н. С. Тихонравовъ, Ив. Н. Ждановъ, Н. И. Субботинъ, Л. И.), но въ трудѣ о. Д. Стефановича мы впервые имѣемъ то или, вѣрнѣе, начало того, что нужно было бы давно сдѣлать, при научномъ изученіи памятника, — ознакомленіе съ списками Стоглава и другими рукописями, необходимыми для изслѣдованія памятника: авторъ «лично осмотрѣлъ» 61 списокъ Стоглава и 7 отрывковъ его и, кромѣ того, 51 рукопись, относящуюся къ предмету изслѣдованія. Этотъ рукописный матеріалъ, по моему мнѣнію, безспорное достоинство работы.

Изслѣдователь даетъ «обзоръ списковъ Стоглава полной редакціи», въ приложеніи къ главѣ II (147—186); говоритъ о редакціяхъ Стоглава (глава II, 103—186), указываетъ источники Стоглава, въ приложеніи къ главѣ III (277—316), отношеніе къ библіи, къ книгамъ богослужебнымъ, къ сборникамъ историко-нравоучительнаго содержанія, къ кормчей и др. памятникамъ церковно-каноническаго права (глава III, 196—276). Здѣсь, въ этихъ частяхъ труда, по преимуществу, изслѣдователь пользуется указаннымъ рукописнымъ матеріаломъ.

Далѣе, изслѣдователемъ пристально разсмотрѣнъ текстъ Стоглава (глава I), въ чемъ, конечно, онъ имѣлъ предшественниковъ, напримѣръ, Ив. Н. Жданова.

Наконецъ, въ изслѣдованіи говорится, что и необходимо сказать, объ изданіяхъ текста Стоглава (27—40) и о литературѣ предмета (3—27).

Таково въ общемъ содержаніе книги, въ порядкѣ большаго или меньшаго его значенія.

Задача изслѣдованія: «До сихъ поръ въ русской исторической литературѣ не имѣется еще труда, цѣльнаго, обстоятельнаго и вполнѣ законченнаго, спеціально посвященнаго Стоглаву. Восполнить по мѣрѣ силъ такой пробѣлъ и имѣетъ въ виду предлагаемый нами опытъ историко-критическаго изслѣдованія важнѣйшихъ вопросовъ, относящихся къ Стоглаву,—о его происхожденіи, составѣ и редакціяхъ» (2).

Задача уже ограничена. Далѣе она еще ограничивается: «Писать о Стоглавѣ въ цѣляхъ противо-раскольнической полемики не входило въ нашу задачу. Посему мы и не удѣлили слишкомъ много вниманія знаменитымъ опредѣленіямъ Стоглава — о двуперстіи, брадобритіи и сугубой аллилуіи. Равнымъ образомъ не входило въ наши планы и написаніе исторіи собора 1551 г. наша задача была другого рода: разсмотрѣть Стоглавъ, какъ выдающійся памятникъ древнерусскаго каноническаго права... особенно интереснымъ намъ представлялся вопросъ объ отношеніи Стоглава къ другимъ памятникамъ, преимущественно литургическимъ и каноническимъ, или какъ мы его называемъ—вопросъ о составѣ Стоглава, менѣе, чѣмъ другіе, разработанный въ современной наукѣ» (2—3).

Въ концѣ обзора литературы о Стоглавѣ изслѣдователь говоритъ: «Писавшіе о Стоглавѣ въ большинствѣ случаевъ не располагали вполнѣ достаточнымъ рукописнымъ, этимъ сырымъ, но за то наиболѣе цѣннымъ и несокрушимымъ матеріаломъ. Подойти къ изучаемому предмету именно съ этой стороны и поставили мы себѣ главной задачей въ той надеждѣ, что собранный нами матеріалъ, дастъ Богъ, поможетъ и другимъ ученымъ лучше разобраться во многихъ вопросахъ, касающихся Стоглава» (26—27).

Подойдемъ же и мы къ труду о. Д. Стефановича «съ этой стороны», и, какъ на главномъ, сосредоточимъ, по мѣрѣ силъ, свое вниманіе на рукописномъ матеріалѣ. Прочее оставляемъ преимущественному вниманію иныхъ критиковъ: во-первыхъ, нѣкоторыя части содержанія изслѣдованія подлежатъ разбору спеціалистовъ наукъ, входящихъ по преимуществу въ курсы духовныхъ академій; во-вторыхъ, раньше выхода этихъ строкъ появятся и въ печати отзывы оффиціальныхъ оппонентовъ [1]).—За свое

1) Отзывы см. въ Журналахъ совѣта Спб. дух. академіи за 1908—9 г.: Христіанское чтеніе, 1910, ноябрь, 311—320, декабрь 321—324; см. еще тамъ же, іюль—августъ, 172; 1909, мартъ, 42.

изслѣдованіе авторъ Спб. духовной академіей признанъ достойнымъ степени магистра богословія въ 1910 г.

Изслѣдователь не видѣлъ ни одного изъ списковъ Стоглава духовныхъ академій: Московской, Казанской, Кіевской.

Въ Московской духовной академіи 2 списка Стоглава: 1) № 191, XVI вѣка (155), и 2) № 194, послѣдней четверти XVI вѣка, принадлежалъ нѣкогда крестному отцу Θеодора Борисовича Годунова, старцу Варсонофію Якимову, «списокъ очень четкій» (151—152). Изслѣдователь называетъ его лучшимъ (56, пр. 26; 242, пр. 137), наиболѣе исправнымъ (80, пр. 61; 219) и, наконецъ, беретъ разночтенія изъ него (277—316), по печатному изданію Стоглава подъ редакціей Н. И. Субботина.

Въ Казачской духовной академіи 4 списка Стоглава: 3) Соловецкій № 932, «писанъ мелкою и тщательною скорописью XVII в.»; былъ положенъ въ основу печатнаго Стоглава, изданнаго И. М. Добротворскимъ при Православномъ Собесѣдникѣ въ 1862 г. (160). 4) Соловецкій № 933, «полууставъ XVII в., отрывокъ, содержащій 1—56 главы, съ обстоятельнымъ оглавленіемъ (1—101 гл.) для всего Стоглава» (160); имъ воспользовался для варіантовъ И. М. Добротворскій въ изданіи Стоглава; 5) и 6) списки Казанской духовной академіи: XVIII в. и 1848 года. Тоже въ варіантахъ использованы Добротворскимъ (113).

Въ Кіевской духовной академіи, Церковно-археологическаго музея, 2 списка Стоглава и одинъ отрывокъ: 7) Аа, 143, «писанъ полууставомъ конца XVI вѣка, имѣетъ и водяные знаки (кувшинчикъ съ коронкой и ручкой), позволяющіе относить его именно къ этому времени»; принадлежалъ нѣкогда митр. Макарію Булгакову (150); 8) № 402 отрывокъ, 1609 года (186); 9) № 403, XVIII вѣка (183—184).

Не видѣлъ о. Д. Стефановичъ и слѣдующихъ рукописей: Троице-Сергіевской лавры (1). Новгородскаго Софійскаго братства (1), Кіево-Софійскаго собора (1), Архангельской духовной семинаріи (2), Нижегородской духовной семинаріи (1), Казанскаго университета (1), Екатеринбургской Миссіонерской библіотеки (1).

10) Троице-Сергіевой лавры № 215, «писанъ мелкимъ, очень красивымъ и четкимъ полууставомъ XVI вѣка», говоритъ проф. Н. И. Субботинъ, который въ своемъ изданіи Стоглава (М. 1890) привелъ по этому списку варіанты. Вся рукопись, по словамъ издателя, сохранилась «прекрасно». Съ № 215 «списаны: Рум. музея № 426, нач. XVII в.; Моск. Синод. библ. № 281, нач. XVII в., и въ 1715 году—Моск. Ист. Музея—въ собр. Черткова I. 3—24». «Проф. Субботинъ», говоритъ о. Д. Стефановичъ, «сдѣлалъ бы лучше, если бы въ основу своего изданія по-

ложилъ списокъ Лаврскій». Лаврскому списку № 215 о. Д. Стефановичъ даетъ, какъ списку Московской духовной академіи № 194, названія: «лучшій» (56, пр. 26; 242, пр. 137); «наиболѣе исправный» (80, пр. 61; 219); пользуется его разночтеніями (277—316), по изданію Субботина.

11) Новгородскаго Софійскаго братства № 21, писанъ «прекрасною, мелкою и четкою скорписью, близкою къ полууставу», въ 1595 году. О немъ написана спеціальная статья въ Богословскомъ Вѣстникѣ 1899, № 9, (1—39) и № 10 (196—231): «Новооткрытый рукописный Стоглавъ XVI вѣка. Его особенности и значенія. Л. И.» (119)[1].

12) Кіево-Софійскаго собора № 635, «начала XIX вѣка», копія съ Спб. дух. академіи № 284, съ записью, что «списанъ и исправленъ со списка XVII вѣка... и повѣренъ м. Евгеніемъ въ 1803 и 1811 году, съ другими списками того же вѣка»; есть замѣтки м. Евгенія (178).

Архангельской духовной семинаріи: 13) № 22, скоропись первой половины XVII в.; 14) № 23, полууставъ XVII вѣка. (185).

15) Нижегородской духовной семинаріи № 3907, XVIII вѣка (167).

16) Казанскаго университета № 23011—85, XVII вѣка; отрывокъ (гл. 2—74); «принадлежалъ нѣкогда Максиму Яковлевичу Строганову († около 1638 г.)» (186).

Екатеринбургской миссіонерской библіотеки XVII вѣка, съ вкладной записью, 1674 года, 11 января, еп. Вятскаго и Велико-Пермскаго Александра («положилъ во свое обѣщаніе въ Коряжемскій монастырь») (182).

Всѣ (10) указанныя до сихъ поръ учрежденія (изъ нихъ 9 духовныя) раскрыли бы свои двери предъ питомцемъ Спб. духовной академіи, свящ. о. Стефановичемъ, или бы выслали рукописи въ Спб. духовную академію.

---

1) Богословскій Вѣстникъ. 1899, № 9, с. 6—7: «На первыхъ пяти листахъ (рукописи), на верхнихъ поляхъ ихъ, мы читаемъ: «сія книга игумена Герасима Гойдукова». На первой страницѣ списка отчетливо сохранилась еще слѣдующая надпись: «Книга называемая Стоглавникъ Макарьевскаго игумена Герасима Гойдукова. Сей книге какъ писано въ семъ 1808 году—212 лѣтъ». Въ Новгородской Епархіи нѣкоторые изъ стариковъ монаховъ помнятъ еще этого сначала игумена Клопскаго монастыря, а потомъ настоятеля и архимандрита Тверскаго монастыря». См. П. М. Силинъ. Историческое описаніе Валдайскаго Тверскаго Святоезерскаго Богородицкаго первоклассгаго монастыря. СПб. 1885; с. 62 и слѣд. «Списокъ настоятелей обители» «36): Герасимъ Гайдуковъ, переведенъ изъ архимандритовъ Вяжищскаго монастыря и экономовъ архіерейскаго дома 21 марта 1822 г.; скончался и погребенъ въ Иверской обители 1829 года февраля 25».—У П. М. Силина, въ названномъ описаніи, указана на стр. 56 и рукопись, нынѣ Новг. Соф. братства № 21: «Стоглавникъ Макарьевской».

Изслѣдователь занимался въ Московской Синодальной библіотекѣ, но почему-то, тамъ же, «лично не осмотрѣлъ» двухъ списковъ Чудовскихъ: 18) № 44—246, начала XVII вѣка, и 19) № 268, XVII вѣка. «Сія книга Стоглавъ Чудова монастыря іеромонаха Дамаскина келейная» (156).

Для счета тѣхъ рукописей, которыхъ не видѣлъ авторъ, по его собственному указанію, упомяну и о слѣдующихъ: 20—27) 8 списковъ собранія графа Уварова. Изъ нихъ два конца XVI вѣка: № 580. (696) (596)— внизу по листамъ запись: «Книга Стоглавъ Соловецкаго монастыря казенная старца Венедикта дача», № 1801 (786).

28) И. А. Вахрамѣева (въ Ярославлѣ) № 18, полууставъ половины XVII вѣка; съ записью рукою XVII вѣка «Сия книга, глаголемая Стоглавъ, рожественскаго діакона Іакова Парѳеньева сына Минина, что у государя на сѣнехъ; подписалъ сию книгу діяконъ Ияковъ своею рукою. Листовъ въ книгѣ всѣхъ триста». Съ этой «рукописи-оригинала было сдѣлано Кожанчиковымъ изданіе Стоглава», о чемъ есть помѣта на переплетѣ рукописи. (131, пр. 44).

29—30) П. Ив. Щукина (въ Москвѣ) № 79, 1691 г. (запись Козмы Черкашенина поповича). П. Ив. Щукинъ «отказалъ въ осмотрѣ списка» о. Д. Стефановичу (184). Тамъ же № 397, начала XVII вѣка (155).

31) Библіотеки Московскаго Рогожскаго кладбища № 43. Указанъ о. Д. Стефановичу проф. В. Н. Бенешевичемъ (185) [1]).

32) Преосв. Агаѳангела, еп. Вятскаго, Объ этомъ спискѣ мы находимъ свѣдѣніе во 2-омъ Казанскомъ изданіи Стоглава (стр. 38, пр. 11): «Съ этой главы (т. е.: И о тѣхъ о всѣхъ царскихъ вопросѣхъ соборный отвѣтъ. Глава 6) мы будемъ приводить варіанты еще по рукописи Стоглава, принадлежащей пр. Агаѳангелу епископу вятскому, за сообщенія которой усерднѣйше благодаримъ. Рукопись новаго, въ высшей степени опрятнаго, полууставнаго поморскаго письма. Мы будемъ называть ее № 5». Гдѣ списокъ находится въ настоящее время, неизвѣстно, говоритъ о. Д. Стефановичъ (163) [2]).

---

1) Рукописи этого собранія очень трудно доступны и, что особенно достойно сожалѣнія, повидимому, тутъ еще дѣйствуютъ страхи прошлаго вѣка. По крайней мѣрѣ, я лично вынесъ такое впечатлѣніе изъ бесѣды съ однимъ лицомъ Рогожскаго кладбища, лѣтомъ 1907 года.

2) Агаѳангелъ (въ мірѣ Алексѣй Михайловичъ Соловьевъ 1812—1876), магистръ Моск. дух. ак. Былъ ректоромъ Каз. дух. ак., еп. Ревельскимъ, Вятскимъ архіеп. Волынскимъ. Въ Казани основалъ журналъ «Правосл. Собесѣдникъ». (Энц. слов. Брокгауза).

33 и 34) Преосвящ. Амфилохія: «№ 8. Стоглавъ. Полууст. XVI в.; въ 4-ку, на 141 л.»; и «№ 9. Стоглавъ, Полууст. и скороп. XVIII в.; въ 4-ку, на 194 л.» [1]).

Далѣе, судя по указателю рукописей, просмотрѣны всѣ списки Стоглава библіотекъ: Имп. Публичной (18), Спб. духовной академіи (8), Академіи наукъ (1), Румянцовскаго музея (16), Московскаго историческаго музея (3), Хлудовской библіотеки (4), Московскаго Архива М. и. д. (3). Московской Епархіальной библіотеки (1). Къ сожалѣнію, и здѣсь, повидимому, есть недочеты.

Начнемъ съ родной изслѣдователю Спб. духовной академіи. Я не просматривалъ каталоговъ спеціально для Стоглава: замѣтки мои случайны; но у меня отмѣчены списки Стоглава: 1) № 20, 4 д. л., XVIII в., 210 л. (раскольничій); 2) № 18, 8 д. л., XIX в. (отрывокъ) [2]); 3) Соф. 1527—110, XVII в., л. 61—70, о вѣнечной пошлинѣ (см. гл. 46 Стоглава).

Кстати, о. Д. Стефановичъ указываетъ два списка Соф.: № 1515 и № 1526. Дѣлаетъ ссылки (149, 171) и на «каталогъ» П. Н. Тиханова; но у этого послѣдняго указано три списка Стоглава въ Софійской библіотекѣ: № LXIII = нынѣ Соф. № 1515 (стр. 149) и № XLV = нынѣ Соф. 1526. Но у Тиханова есть еще № XLIV. Книга Стоглавникъ, сирѣчь дѣянія стоглавнаго именуемаго собора, бывшаго въ лѣто 7059, а отъ Рождества Христова 1551 въ Москвѣ». Есть ли теперь этотъ списокъ въ Спб. дух. академіи? [3]).

Имп. Публичной библіотеки у меня отмѣчены слѣдующія рукописи:

П. Строевъ. Описаніе рукописей Ѳ. А. Толстова. М. 1825. Отд. II. № 12. (=нынѣ Q. I. 214.) «Рукопись скорописная разныхъ почерковъ XVI вѣка; на 586 листахъ». Въ ней: л. 464—487. «Отвѣтъ Макарія Митрополита всеа Руси, отъ божественныхъ правилъ св. Апостолъ, и проч. См. Отдѣл. I. № 33» = F. XVII. 13. Эту послѣднюю рукопись изслѣдователь видѣлъ [4]).

---

1) См. ниже стр. 374.

2) См. рукописный «Дополнительный каталогъ рукописей Спб. Дух. Ак. съ 1877 г.».

3) П. О. Л. Д. П. 1881. XII. Каталогъ россійскихъ рукописныхъ книгъ, находящихся въ библіотекѣ Новгородской Софійскаго собора. Съ предисловіемъ П. Н. Тиханова. Стр. 18. См. это же буквально въ «Реэстрѣ 1784 г. Софійской библіотеки». Д. И. Абрамовичъ. Описаніе рукописей Спб. дух. ак. Вып. I. Спб. 1905. Стр. L.

4) Кстати, въ указателѣ рукописей въ изслѣдованіи показанъ нынѣшній шифръ Толстовскихъ рукописей. Для облегченія справокъ можно бы было привести рядомъ въ указателѣ и печатные номера по описанію Строева.

Погодинъ «2002. Соборъ 1552 г. Отрывокъ» [1]).

F. I. 263. Сборникъ, 430 л., скоропись конца XVI или начала XVII в., л. 125 и слѣд. изъ Стоглава.

Q. I. 738, сборникъ на 222 л., конца XVIII или нач. XIX в.; 32) л. 75 об. Отъ Стоглава, гл. 40; 34) л. 76 об. О брадабритіи, отъ книги Стоглава гл. 40-я; 35) л. 77 об. Книга Стоглавъ. Соборный отвѣтъ о честныхъ иконахъ.

Q. I. 830, сборникъ почеркомъ XVII и XIX в., 478 л.; л. 277—282 изъ Стоглава охмѣльномъ питіи.

Q. I. 1161, сборникъ 2-й четверти XVIII в., 4 д. л., 403 л.; л. 251 об.—254—отъ Стоглава, поученіе Ѳеодора Едескаго [2]).

Q. I. 1375. «Сборникъ раскольническій. Скорописью и полууставомъ нѣсколькихъ почерковъ первой четверти XIX вѣка (бумага съ водянымъ знакомъ 1811 года), въ 4-ю д. л., 83 листа. Въ немъ: 1) л. 1. Сказаніе о кадилѣ, како чтити его. Выписано изъ книги Стоглава, глава 6. (Этотъ первый листъ, листового формата, писанъ позднѣйшимъ почеркомъ)» [3]).

Q. XVII. 112. «Сборникъ на 212 л., скорописью разныхъ почерковъ XVII в. л. 73 об.—77. Выписано изъ посланія царя Ивана Васильевича вопросы царскіе (о антиминсѣ,— о святыхъ честныхъ иконахъ— (л. 74): о святительскихъ судахъ—о монастырехъ и иноцѣхъ—(л. 75) о чернцехъ и черницахъ,—о церковныхъ и монастырскихъ казнахъ, о денгахъ; (л. 75 об.) о пьянственномъ питіи, о выставкахъ і о новыхъ пустыняхъ; (л. 76) о попѣхъ, і о дьяконехъ, і о игуменахъ; (л. 76 об.) иже в церквахъ стоятъ в таяхъ *(такъ)* и в шептахъ (шапкахъ), да по грѣхомъ безстрашне въ люди пошло;—иже брѣютъ главы и брады;—(л. 77) иже християне рукою крестятся, а кресное знамение не по существу: отцы о духовные семъ не радятъ и не поучаютъ».

O. I. 222, сборникъ на 88 л., скорописью нач. XIX в., л. 60—61. Книга Стоглавъ о дѣтинномъ крещеніи. Глава 17.

O. I. 262, сборникъ разныхъ почерковъ XVIII и XIX в., 397 л.; л. 319—322. О крестномъ знаменіи книга Стоглавъ, гл. 31.

O. I. 415, сборникъ раскольничій (Цвѣтникъ), полууставомъ и скорописью нѣсколькихъ почерковъ XVIII в., 161 л.; л. 113 и слѣд. выписки изъ Стоглава [4]).

---

1) См. рукописный «Реестръ Погодинскаго древехранилища».

2) Отчетъ И. П. Б. за 1894 годъ. Спб. 1897. Стр. 175.

3) Отчетъ И. П. Б. за 1902 г. Спб. 1910. Стр. 150. (Рукопись куплена И. П. Б. въ 1902 году).

4) См. Отчетъ И. П. Б. за 1892 г. Стр. 321.

О. I. 429, сборникъ (старообрядческій). Полууст. нѣсколькихъ почерковъ конца XVII нач. XIX в., въ 8 д. л., 393 л. л. 157—162. Изъ книги Стоглава соборнаго отвѣта о живописныхъ и честныхъ иконахъ. Глава 43 [1]).

О. XIII. 12, сборникъ конца XVII—нач. XVIII в.; л. 125—130 изъ Стоглава отвѣтъ о живописцахъ и иконахъ [2]).

Въ собраніи А. Титова [3]), нынѣ И. П. Б.: № 1488 (2999). [4]). Сборникъ старообрядческій. Полууст. XVI в., въ 4-ку, 358 л. л. 285—288. Отъ священныхъ правилъ о стриженіи брадъ, глава 40.

№ 1528 (881) [5]) Сборникъ, полууст. XVIII в., въ 4-ку, 280 л. л. 40 об. Стоглавъ, глава 40. Нач. Аще кто браду брѣетъ и преставится тако.

№ 1533 (267). [6]). Сборникъ, полууст. XVIII в., въ 4-ку, 136 л. л. 108. Книга Стоглавъ. Отъ священныхъ правилъ о постриженіи брадъ. Гл. 40. Нач. Такоже священныя правила возбраняютъ православнымъ христіяномъ во всемъ, чтобы не брити брадъ и усовъ не постригати.

№ 1541 (409) [7]). Толкованіе на апокалипсисъ Андрея, архіеп. кесарійскаго, съ прибавленіями, разн. почерк. полууст. XVIII в., въ 4-ку, 445 л. л. 445. Книга Стоглавъ. Гл. 40. Нач. Аще кто браду брѣетъ и оумретъ, тако не достоитъ надъ тѣмъ служити.

№ 1567 (1082) [8]). Сборникъ, скороп., близк. къ полууст., XVIII в., въ 4-ку, 192 л. л. 53 об. Списаніе изъ Стоглава благочестивыя памяти г. ц. и в. кн. Іоанна Васильевича всея Русіи о хмелномъ питіи, отчего суть оуставися горѣлое вино душепагубно. Нач. Братіе, разумѣйте: хмельные пітіе отъ бѣса...

№ 1599 (281) [9]). Сборникъ, скороп. XVIII в., въ 4-ку, 59 л. л. 15—18 об. Книга стоглавъ. Преніе живота со смертію, еда видѣ животъ прешедшу часу смертному. Нач. Животъ рече: кто си страшный звѣрю видѣніе, яко лва страшна.

№ 1611 (3088) [10]). Сборникъ, разн. почерк. полууст. XVIII в.,

---

1) Отчетъ И. П. Б. за 1894 г. Спб. 1897: И. Ѳ. Бычковъ. Каталогъ собранія рукописей Ѳ. И. Буслаева. Стр. 206.

2) Отчетъ И. П. Б. за 1888 г. Стр. 176.

3) А. Титовъ. Описаніе рук. А. А. Титова, т. V. М. 1906.

4) Помѣтка въ И. П. Б., на экземплярѣ т. V «Описанія»: № 75. 1907 г.

5) Помѣтка въ И. П. Б.: № 125. 1906 г.

6) Помѣтка И. П. Б.: № 130. 1906 г.

7) Помѣтка въ И. П. Б.: № 138. 1906 г.

8) Помѣтка въ И. П. Б.: № 164. 1906 г.

9) Помѣтка въ И. П. Б.: № 196. 1906 г.

10) Помѣтка въ И. П. Б.: № 208. 1906 г.

въ 8-ку, 373 л. л. 348 об. Выписано ис книги Стоглавъ въ лѣто 7059, глава 42. Соборной отвѣтъ о трегубой аллилуия. Слово на еретики. Нач. Что во Псковѣ и во Псковской земли...

№ 1632 (3330)[1]) Сборникъ, полууст. XVIII в., въ 16 д., 234 л. л. 32. Книга стоглавъ, глава 42. Соборной отвѣтъ о живописцехъ і о честныхъ иконахъ.

№ 1624 (764)[2]). Сборникъ, разн. почерковъ полууст. и скороп. XVIII в., въ 8-ку, 100 л. л. 47—53. Списана... главника блаженныя памяти г. ц. и в. кн. Иоанна Васильевича всея Россіи о хмельномъ пити, отчего уставися еже горѣлое вино душегубное. Нач. Братие, разумѣйте: хмельное питие отъ бѣса...

№ 1651 (3014)[3]). Сборникъ, разн. почерковъ скороп. XVIII и XIX вв., въ 4-ку, 112 л. л. 1—8. Макария, митрополита московскаго и всея Росии, о стаѳия, гл. 117. Нач. А отъ нынѣ бы въпредь православнии царие кънязи и бояре, прочии вельможи и вси православни християне приходили бы къ соборнѣй святѣй апостольстѣй церкви, къ блаженно пѣнию безъ стаѳей и безъ запокъ.

Въ Спб. Архивѣ Св. Синода:

№ 634. Сборникъ богослужебный, въ 4-ку, 292 л., полууставомъ XVIII в. «16) выписано ис книги стоглавника; списана бысть книга сія повелѣніемъ благочестиваго и приснопамятнаго государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича и всея Руси самодержца. Слово о піянстве, како составися вареное вино в лето 7150 году, глава 31 (203—206 об.). Нач. Благослови отче, братіе разумѣйте хмѣльное питіе отъ беса...»[4]).

№ 1390. Сборникъ, 8 д. л., 114 л., скорописью XVIII в. Здѣсь есть извлеченія, между прочимъ, и изъ Стоглава.

№ 1409. Сборникъ, 8 д. л., 49 л., полууставомъ XVIII в. «Составъ: 1) книга Стоглавъ, соборной отвѣтъ о живописцехъ и о честныхъ иконахъ, глава 43 (1—6)».

№ 1425. Сборникъ, 4 д. л., 186 л., скорописью XVIII—XIX вв. Здѣсь 2) отрывки изъ Кормчей, печатнаго Служебника, Большого Потребника, Стоглава о брадобритіи съ раскольническими заблужденіями (97—109 об.)».

---

1) Помѣтка въ И. П. Б.: № 229. 1906 г.

2) Помѣтка въ И. П. Б.: № 221. 1906 г.

3) Помѣтка въ И. П. Б.: № 248. 1906 г.

4) А. Никольскій. Описаніе рукописей, хранящихся въ Архивѣ Св. Правительствующаго Синода, т. I. Спб. 1904.

№ 1443. Сборникъ, 4 д. л., 96 л., полууставомъ XIX в. «Составъ: 1) извлеченія изъ Номоканона, Зонары, Потребника, Тактикона, Стоглава объ епитиміяхъ (1—18)».

№ 1452. Сборникъ, 4 д. л., 34 л., полууставомъ XIX в. «Въ составъ сборника... входятъ слѣдующія статьи: 1) книга Стоглавъ блаженныя памяти государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича всея Русіи видѣніе о хмѣльномъ питіи отчего уставися сіе горельное вино душепагубное человѣкомъ (8—12 об.). Начало: Братія разумѣйте...»

№ 1472. Сборникъ, 8 д. л., 53 л., полууставомъ XIX в. «Составъ:... 2) отрывки изъ... Стоглава... и другихъ «о вѣрѣ и крестѣ (13—32)» [1]).

Московскаго Историческаго музея: Стоглавъ. 518/30890. 4°, XIX в.

909/33560, 1°, конца XVII в.

1098/30257, 1°, XVIII в.

1192/37511, 4°, XVIII в.

1963. Стоглавъ поморскаго письма съ двумя рисунками. 4°, XIX в.

2409/40579, 4°, XVI и XVII в.

2449/40761. Стоглавъ съ добавл. 4°, конца XVI—нач. XVII в. [2]).

Въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки Академіи наукъ:

33. 15. 32. Сборная рукопись, составленная изъ 11 рукописей конца XVII в., нач., середины и конца XVIII в. 4 д. л., 103 л., л. 63 об.—70 «(первой пол. XVIII в.). Выписки о стриженіи брадъ—изъ Стоглава (гл. 40).

33. 11. 7. Старообрядческій сборникъ третьей четверти XVIII в., 4 д. л., 431 л.; л. 393—398. Выписки о крестномъ знаменіи и о сложеніи перстовъ изъ... стоглава.

33. 14. 23. Старообрядческая сборная рукопись, составленная изъ двухъ рукописей конца XVIII—нач. XIX вв. 8 д. л., 308 л.; л. 215—218. Выписки изъ Стоглава и кормчей о остриженіи брадъ [3]).

См. И. Ѳ. Токмаковъ (библіотекарь Архива). Обозрѣніе Московскаго Главн. Архива М. и. д. М. 1879. Стр. 9: «Изъ драгоцѣнныхъ памятниковъ

1) А. Никольскій. Описаніе рукописей, хранящихся въ Архивѣ Св. Правительствующаго Синода. Томъ II. Вып. 2. Спб. 1906.

2) См. «Карточный каталогъ рукописей Имп. Историческаго музея въ Москвѣ».

3) Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе библіотеки Имп. Академіи наукъ въ 1904 году. Спб. 1907. Стр. 161, 174, 188.

древняго каноническаго и гражданскаго права имѣются... 2) шесть списковъ Стоглава XVI и XVII вѣковъ». Въ изслѣдованіи о. Стефановича указано лишь три.

У. П. И. Щукина въ Москвѣ:

№ 402. Сборникъ старообрядческій XVIII в., малаго формата ($3\frac{1}{2} \times 2\frac{1}{4}$ в.), 258 л. 7) Книга Стоглавъ, гл. 42-я. Отвѣтъ о трегубой алилуіи (л. 150—152) [1]:

Въ Кіевѣ, въ собраніи м. Макарія (Булгакова), нынѣ въ библіотекѣ Кіевской дух. академіи:

№ 54. (Аа, 150). Рук. сборникъ нынѣшняго вѣка, въ 8-ку, на 243 л. л. 46 об.—52. Мелкія выписки изъ книги Пчелы, Стоглава и Пролога.

№ 63 (Аа, 113). Сборникъ XVIII в., въ 4-ку, 225 л. л. 153—204. Выписки изъ евангелія благовѣснаго, Кормчей, книги Симмона Ѳессалонитскаго, Старчества, Книги о вѣрѣ, Стоглава о брадобритіи, Великаго Зерцала, Цвѣтника духовнаго, житія св. Андрея юродиваго и стихиръ надгробныхъ.

№ 79. (Аа, 124). Сборникъ нынѣшняго вѣка, въ 4-ку, 162 л. л. 7—9. Выписки изъ Стоглава о крестномъ знаменіи и трегубомъ аллилуія [2]).

Въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора:

№ 238 (67). «Сборникъ изъ Стоглава вкратцѣ», заключающій только «Сказаніе главамъ» или оглавленіе Стоглава, XIX в., въ л., на 7 лл. См. мои «Описаніе рук. ц.-арх. Музея», №№ 402 и 403, стр. 380; «Описаніе рук. собраній въ Кіевѣ», вып. I, № 13, стр. 25. Рукопись поступила отъ м. Евгенія».

№ 467. (597). «Разныя выписки, списки и записки, вновь перепечатанныя въ 1825 году»,— сборникъ первой четверти XIX в., въ л., на 705 л., съ замѣтками и дополненіями м. Евгенія. л. 485—504. «Наказная грамота митрополита Макарія по Стоглавому собору», съ замѣчаніемъ къ ней м. Евгенія.

№ 532. (361). Сборникъ 2-ой половины XVIII в., in 4^{0}, 52 л., поступилъ отъ м. Евгенія. л. 1—13. «Изъ книги Стоглава выписана

---

1) А. И. Яцимирскій. Опись рукописей П. И. Щукина. Вып. II. М. 1897.

2) Н. И. Петровъ. Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ. Вып. I. Собраніе рукописей Моск. митр. Макарія (Булгакова), Мѣлецкаго монастыря на Волыни, Кіево-Братскаго монастыря и Кіевской духовной Семинаріи. М. 1892.

вкратцѣ», съ такою замѣткою на 13 листкѣ: «списано въ ҂аѱѯг году месіца октомвріа». л. 15—16. Выписки изъ Стоглава [1]).

Въ библіотекѣ Университета св. Владиміра, 52 (137). Сборникъ, содержащій... извлеченіе изъ Стоглава... Скороп. XVII в. [2]).

Въ библіотекѣ Черниговской семинаріи: № 101. Стоглавъ, «вѣроятно, XVIII в., 8 д. л., 248 л. «За незначительными исключеніями, буквально сходенъ съ изданнымъ Кожанчиковымъ» [3]).

Въ Казанской духовной академіи соловецкихъ указано 2 рукописи: № 932 и № 933. А у архіеп. Игнатія, по описи 7184 (1676) г., «Стоглавы Царскіе 4 книги» [4]). Гдѣ еще два списка Стоглава теперь, если они уцѣлѣли?

О слѣдующихъ рукописяхъ имѣются у меня свѣдѣнія, но, гдѣ рукописи въ настоящее время, сказать трудно.

1) Е. В. Берсенева. «19. Стоглавъ, въ 4-ку, древнее письмо» [5]).

2) П. Г. Демидова. «663. Стоглавъ» [6]).

3) К. Ѳ. Калайдовича: «89. Выписки изъ рукописи Ѳерапонтова, заключающей въ себѣ Стоглавъ и посланіе Ивана въ Кирилло-Бѣлозер. монастырь» [7]).

4) Въ числѣ рукописей Сулакадзевыхъ была: «32. (38). Соборъ Стоглавый у Царя Іоанна Васильевича 1551 года» [8]).

---

1) Н. И. Петровъ. Описаніе рук. собраній, находящихся въ г. Кіевѣ. Вып. III. Библіотека Кіево-Софійскаго собора. М. 1904.

2) С. И. Масловъ. Обзоръ рукописей библіотеки Императорскаго Универ. св. Владиміра: Кіевскія Университ. извѣстія, 1910, № 5. Прибавленія. Стр. 15.

3) М. И. Лилеевъ. Описаніе рукописей Черниговской духовной семинаріи. П. О. Л. Д. П. 1880, вып. II, и отд.

4) Архіеп. Игнатій. Истина святой Соловецкой обители. Спб. 1847. Стр. 228.

5) Чтенія М. Общ. ист. и др. 1864, кн. I. Смѣсь, 225—232: «Каталогъ рукописямъ и стариннымъ книгамъ, принадлежащимъ ржевскому почетному гражданину Берсеневу». Стр. 226.

6) Чтенія. М. Общ. ист. и др. Годъ. II № 2. Смѣсь. В. Ундольскій. П. Г. Демидовъ и его библіотека. Стр. 28.

7) Чтенія. М. Общ. ист. и др. 1862, кн. 2: П. Безсоновъ. К. Ѳ. Калайдовичъ. Стр. 205. (Изъ «Выписки изъ «Реэстра бумагамъ и книгамъ К. Ѳ. Калайдовича», въ томъ видѣ, какъ перешли онѣ къ М. П. Погодину»).

8) Рукопись В. М. Ундольскаго № 871. Каталогъ рукописей Соллокадзіевыхъ. (Въ Румянц. музеѣ). О Сулакадзевѣ см. В. С. Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи, т. I, 136*, 851, 1166, 1296, пр. 1; XIII, CLX. И. А. Шляпкинъ. Рукописи Валаамскаго монастыря: Библіографъ, 1889, № 10—11, стр. 198—200.

5) Въ библіотекѣ В. Н. Татищева былъ «Стоглавъ, или уставъ церкви 1543» [1]).

На стр. 137 изслѣдованія о Стоглавѣ читаемъ: «Опираясь на точныя данныя, почерпнутыя изъ имѣющихся въ печати описаній многочисленныхъ рукописныхъ собраній и еще болѣе изъ непосредственнаго, личнаго ознакомленія съ относящимся сюда рукописнымъ матеріаломъ, мы можемъ назвать до 80 полныхъ списковъ и до 12 отрывковъ, принадлежащихъ къ обширной, или полной, редакціи Стоглава».

«Точныхъ описаній» рукописей весьма мало, и даже приблизительное заочное опредѣленіе редакціи памятника по печатному описанію иногда можетъ быть затруднительно [2]). Личное знакомство съ рукописью изслѣдователю необходимо и при «точныхъ данныхъ», почерпнутыхъ изъ печати. Самъ о. Д. Стефановичъ говоритъ: «При всей основательности соображеній Жданова, коими мысль о первоначальности или первичности изданныхъ Калачовымъ правилъ, можно сказать, въ корнѣ подрывается, нельзя не пожалѣть, что Ждановъ не осмотрѣлъ самой подлинной рукописи, по которой были изданы названныя правила [3]). Это ознакомленіе, не говоря уже о томъ, что придало бы больше вѣсу и убѣдительности только что приведеннымъ соображеніямъ, сверхъ того показало бы Жданову, что рукопись, о которой идетъ рѣчь, появилась не въ XVI вѣкѣ, а гораздо позже — въ 40-хъ годахъ XVII в.; съ другой стороны оно дало бы надлежащій ключъ къ уясненію тѣхъ особенностей, которыя свойствены списку правилъ, изданныхъ Калачовымъ, по сравненію съ другими списками, содержащими такое же сокращенное извлеченіе изъ «Стоглава» (108—109) [4]). Такъ говоритъ изслѣдователь, и невольно намъ вспоминаются тѣ списки, которыхъ онъ не видѣлъ, а особенно важные списки XVI вѣка, Троице-Сергіевской лавры № 215 и Новгородскаго Софійскаго Братства № 21. Невольно бросается въ глаза, что, не видѣвъ лично списка № 21, о Д. Стефановичъ, безъ всякаго видимаго смущенія, твердо говоритъ о немъ, опредѣляетъ и рѣшаетъ... [5]).

На стр. 217 изслѣдователь говоритъ: «Желая отыскать, если не

---

1) П. Пекарскій. Новыя свѣдѣнія о В. Н. Татищевѣ. Стр. 58. Отд. и въ прилож. къ Запискамъ А. Н., т. IV, книжка I. Спб. 1863.

2) См., напр., стр. 185.

3) Буслаева, нынѣ И. П. Б. Q. II. 102; пріобрѣтена И. П. Б., въ числѣ другихъ рукописей Буслаева, въ 1893 году: см. Отчетъ И. П. Б. за 1894 г. Спб. 1897.— Статья Жданова напечатана въ 1876 г.

4) См. еще стр. 111; 131; 152; 175.

5) 120—121; 122.

этотъ самый (Служебникъ, который показался о. о. собора наиболѣе правильнымъ), то хоть однородный съ нимъ, мы пересмотрѣли въ Софійской библіотекѣ (при Спб. дух. академіи) до 100 рукописныхъ служебниковъ и только въ одномъ изъ нихъ — № 717 входное начало оказалось весьма близкимъ, почти совпадающимъ съ тѣмъ, какое изложено въ Стоглавѣ». Къ сожалѣнію, изслѣдователь не указалъ номеровъ, просмотрѣнныхъ имъ (до 100) рукописныхъ служебниковъ. По указателю всѣхъ рукописей Софійскихъ — 24, изъ которыхъ два списка Стоглава (№ 1515 и № 1526); да и всего рукописей Спб. дух. академіи, вмѣстѣ съ Софійскими, по указателю, 35 (изъ нихъ 7 списковъ Стоглава и одинъ его отрывокъ). Едва ли скромность изслѣдователя оказала услугу научнымъ работникамъ.

Въ другомъ же мѣстѣ, на стр. 185, о. Стефановичъ сообщаетъ дополнительныя свѣдѣнія, которыхъ нѣтъ въ указанномъ имъ источникѣ; а именно на стр. 185 читаемъ: «Два списка въ собраніи рукописей, принадлежавшихъ преосвящ. Амфилохію, еп. Угличскому, одинъ—№ 8, in 4⁰, 141 л., *XVII вѣка, обрывается на 92 или 93 главѣ*[1]) и другой № — 9 in 4⁰ 194 л. XVIII вѣка, упомянуты въ краткомъ описаніи этого собранія (въ Библ. запискахъ П. Шибанова, М. 1892, стр. 5)». Дѣйствительно, въ Библіографическихъ запискахъ, изданіи П. Шибанова, 1892, № 4[2]), есть приложеніе: «Книгописныя собранія въ провинціи I. Собраніе преосвящ. Амфилохія, еп. Угличскаго» — А. А. Титова. Въ этомъ приложеніи стр. 5: «Описаніе рукописей Амфилохія, еп. Углич. (составленное имъ самимъ въ 1892 году)»: № 8. Стоглавъ. *Полууст. XVI в.; въ 4-ку, на 141 л.*

№ 9. Стоглавъ. Полууст. и скороп. XVIII в.; въ 4-ку, на 194 л.[3]).

---

1) Курсивъ мой.

2) Экземпляръ И. П. Б.—19. 10. 5 № 3.

3) У Титова, *Библ. зап.* 1892, № 4, стр. 13: «Всѣ рук. преосвящ. Амфилохія хранятся въ ростовскомъ Спасо-Яковлевскомъ мон., гдѣ преосвящ. имѣетъ свое мѣстопребываніе. См. Отчетъ И. П. Б. за 1900 и 1901 г. Спб. 1905 г. Стр. 92—93: «Въ 1901 году поступили слѣдующія цѣлыя коллекціи: I) Принесенное въ даръ г. Е. Рогальскимъ собраніе славяно-русскихъ рукописей, принадлежавшихъ извѣстному нашему археографу, епископу угличскому Амфилохію, бывшему почетнымъ членомъ нашей Библіотеки и обогатившему ее собраніями рукописныхъ славянскихъ евангелій (въ 1883 г.) и апостоловъ (въ 1888 г.). Изъ сопоставленія пожертвованныхъ г. Рогальскимъ рукописей съ краткимъ перечнемъ принадлежавшихъ епископу Амфилохію рукописей, напечатаннымъ въ «Библіографическихъ запискахъ» 1892 года, № 4, видно, что даръ г. Рогальскаго составляетъ лишь небольшую часть собранія рукописей покойнаго епископа,

Откуда взяты свѣдѣнія, что № 8—«XVII вѣка, обрывается на 92 или 93 главѣ»?

Указатель рукописей составленъ, повидимому, спѣшно. Рукописи расположены по библіотекамъ. Бросается въ глаза странный порядокъ библіотекъ: I. И. П. Б., II. Спб. Д. Ак., III. Моск. Рум. и Публ. музеи, IV Моск. Синодальная библіотека, V Собраніе гр. Уварова, VI. Казанская дух. академія [1]), VII. Моск. историч. Музея, VIII. Хлудовск. библ., IX. Москов. Духовн. Акад., X. Троице-Сергіевской Лавры, XI. Спб. библ. Архива Св. Синода, XII. Церк.-Арх. Муз. Кіев. дух. Акад., XIII. Моск. Арх. М. И. Д; XIV. Собр. еп. Амфилохія, XV. Собр. П. И. Щукина, XVI. Архангел. дух. семинарія, XVII. Нижегор. дух. семинаріи, XVIII. Имп. Академія Наукъ, XIX. В. И. Срезневскаго, XX. В. Г. Дружинина, XXI. И. А. Вахралѣева, XXII. Кіево-Соф. собора, XXIII. Имп. Общ. Ист. и Др. Росс., XXIV. Библ. Новг. Епар. Братства, XXV. Моск. Епарх. библ., XXVI. Моск. Рогож. кладб., XXVII. Имп. общ. люб. др. письм., XXIX. Екатеринбург. Миссіон. библ., XXX. Книгопр. Большакова.

Повидимому, въ указателѣ рукописей есть и пропуски; совсѣмъ не упомянута Моск. типографская библіотека: рук. № 288—289 (на стр. 211, пр. 59); пропущены Моск. Синодальной библіотеки № 385, № 387 (стр. 211, пр. 59).

Доздѣ о рукописяхъ. Подведемъ итогъ. Какъ бы тамъ ни было, но, судя по указателю, о. Д. Стефановичъ «лично осмотрѣлъ» 119 рукописей, изъ нихъ 68 списковъ Стоглава. И за это ему, конечно, подобаетъ благодарность. Но если хорошо поискать во всѣхъ общественныхъ и доступныхъ частныхъ библіотекахъ, я увѣренъ, списковъ Стоглава окажется, приблизительно вдвое болѣе, а если прибавить еще отрывки, то число списковъ возрастетъ весьма значительно, ибо отрывки встрѣчаются очень часто и почти въ каждой библіотекѣ. Обстоятельство немаловажное при изслѣдованіи Стоглава. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, какъ можно видѣть, изъ моихъ *случайныхъ* рукописныхъ дополненій, нѣтъ увѣренности, что изслѣдователь вполнѣ исчерпалъ хотя тѣ библіотеки, рукописей которыхъ «лично осмотрѣлъ». Поэтому, къ выводамъ,

---

которое, по его смерти, разошлось по разнымъ рукамъ». Пожертвованныя г. Рогальскимъ рукописи описаны на стр. 93—116 «Отчета». Среди нихъ нѣтъ списковъ Стоглава. (За указаніе года и стр. «Отчета» приношу благодарность Ив. Аѳ. Бычкову). Въ монастырѣ Спасо-Яковлевскомъ теперь рукописей еп. Амфилохія нѣтъ никакихъ. Такъ мнѣ отвѣтили въ 1906 г. Судя и по указателю рукописей, изслѣдователь списка еп. Амфилохія не видѣлъ.

1) Сюда же припечатанъ и списокъ еп. Агаѳангела, неизвѣстно гдѣ находящійся (163).

основаннымъ на такомъ рукописномъ матеріалѣ, надо, мнѣ кажется, отнестись съ должной осторожностью.

«Въ полномъ собраніи постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи» читаемъ [1]): 1723 г. «15 іюля. Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ, упомянувъ о книгѣ, Стоглавомъ именуемой, которая во дни Самодержавства славныя памяти Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича, всея Россіи, бывшимъ въ Москвѣ соборомъ сочинена, приговорили согласно: тое книгу Стоглавъ, которая, понеже непечатная, но письменная есть, и по копіямъ въ важныхъ пунктахъ признавается отъ невѣждъ сумнительною и растленною, уже учинена, отыскать самую оригинальную, руками бывшихъ на ономъ соборѣ перомъ подписанную. Которой яко зѣло куріозной вещи доискиваться въ Москвѣ, въ соборной Успенской книгохранительницѣ и въ Сѵнодальной Библіотекѣ, и въ типографіи, и во всѣхъ Московскихъ и прочихъ Сѵноду подчиненныхъ архивахъ, гдѣ признаніе древнихъ манускриптовъ есть. А ежели, паче чаянія, ни въ какихъ архивахъ оная не сыщется, то навѣдываться у извѣстныхъ книголюбителей и библіотекарей, дабы какъ возможно была отыскана, понеже весьма надлежитъ оной быть въ сѵнодальной архиву...» [2]). Но до сихъ поръ этой «зѣло куріозной вещи» мы не имѣемъ. А такъ какъ она «зѣло куріозная», то, естественно, являются догадки и предположенія.

«Намъ», говоритъ изслѣдователь, «дѣло представляется такъ: засѣданія собора продолжались нѣсколько недѣль отъ 4 до 6-ти. Постановленія по той или другой группѣ вопросовъ, составлявшіяся въ теченіе 2—3 и болѣе дней, писались въ формѣ соборныхъ отвѣтовъ, въ заглавіяхъ коихъ вѣроятно ставились даты: «Лѣта ҂зн҃о-го мѣсяца февруарія въ N день». Отвѣты эти, надо думать, и были скрѣпляемы подписями предсѣдателя собора—м. Макарія, 9 архіереевъ, засѣдавшихъ на соборѣ и быть можетъ архимандритовъ и игуменовъ. Это мы считаемъ весьма и весьма вѣроятнымъ» (100—101). «Вѣроятно, было подписано и все соборное уложеніе въ первой его редакціи, т. е. до отсылки въ Сергіевъ мона-

---

1) Томъ III. Спб. 1875. № 1074. Ук. у Стефан., 139.

2) См. еще Чтенія Моск. Общ. истор. и древн., 1910, кн. 3. Смѣсь, стр. 7—11: Петръ Великій и Стоглавъ. Сообщ. А. Покровскій. (Изъ писемъ гр. И. А. Мусина-Пушкина къ Ѳ. Поликарпову, директору Моск. типографіи).

стырь» (101). Какъ будто все по формѣ: и отдѣльно, и по частямъ подписано. И да будетъ такъ.

Дѣло однако въ томъ, что мы имѣемъ теперь не подлинные протоколы собора, а книгу Стоглавъ, не скрѣпленную и не подписанную. «Но слѣдуетъ ли отсюда, что Стоглавъ не имѣетъ *никакого* [1]) каноническаго значенія? Отнюдь нѣтъ: какъ *дословно и до буквы* [1]) воспроизводящій на своихъ страницахъ то, что по частямъ было надлежащимъ образомъ санкціонировано, скрѣплено и подписано, — онъ имѣетъ *полное* [1]) каноническое значеніе, самую надлежащую юридическую цѣнность...» (101).

Замѣтьте, рѣчь идетъ уже о Стоглавѣ, книгѣ, намъ извѣстной. И вотъ о подписи этой книги изслѣдователь, какъ разъ передъ приведенной цитатой (101), пишетъ на той же стр. 101, въ примѣчаніи 89-мъ: «Потому вѣроятно (не была книга Стоглава скрѣплена и подписана), что ко времени второго, или окончательнаго редактированія уложенія 1551 архіереи уже разъѣхались по Епархіямъ, а когда вернулись въ Москву, послѣ Пасхи и даже послѣ Троицы, то уже оказались въ другомъ составѣ. Вторично подписывать *не было нужды* [1]); кромѣ того и негдѣ, ибо послѣ 100—*неумѣстно* [1]), значило бы скрѣпить всѣ замѣчанія м. Іоасафа, а послѣ 97 и 98 — *значило бы оставить конецъ книги* [1]) не скрѣпленнымъ, какъ бы въ видѣ какого-то страннаго придатка». Наконецъ, въ верху стр. 102, въ заключеніи главы I, читаемъ: «Такимъ образомъ, при безпристрастномъ взглядѣ на дѣло, *ничто не препятствуетъ усвоять Стоглаву каноническое достоинство,— считать его сборникомъ церковныхъ постановленій собора 1551 г.* [1]). Сравните это послѣднее и сказанное немного выше: «полное каноническое значеніе, самую настоящую юридическую цѣнность». Развѣ это одно и то же? Сопоставьте съ «полнымъ каноническимъ значеніемъ и самой настоящей юридической цѣнностью» и то, что сказано въ приведенномъ примѣчаніи (101, пр. 89). Едва ли все это согласно между собой.

До сихъ поръ спорили объ оффиціальномъ или неоффиціальномъ происхожденіи Стоглава. Замѣчалось тяготѣніе большинства въ сторону признанія оффиціальности Стоглава (8—26). Новый изслѣдователь, по этому пути большинства, пошелъ дальше: по мнѣнію о. Д. Стефановича, Стоглавъ, въ намъ теперь извѣстномъ видѣ, «*дословно и до буквы* воспроизводитъ на своихъ страницахъ то, что по частямъ было надле-

---

1) Курсивъ мой.

жащимъ образомъ санкціонировано, скрѣплено и подписано»[1]) (101). Это выраженіе «дословно и до буквы возпроизводитъ» можно было бы принять за обмолвку, если бы на него не опиралось послѣдующее: «полное каноническое значеніе, самая юридическая цѣнность». — Волей-неволей приходится указать: открытіе въ русской письменности XVI вѣка...

Дѣлая открытіе, изслѣдователь, конечно, оставилъ безъ вниманія элементарныя свѣдѣнія о древней письменности. А они указаны отчасти и въ «Курсѣ церковнаго права» А. С. Павлова, на тѣхъ страницахъ[2]), о которыхъ, между прочимъ, говорилъ самъ же изслѣдователь (21—22).

Наказные списки, грамоты, приговоры воспроизводятъ постановленія Стоглаваго собора. Выдержки изъ Стоглава есть въ старинныхъ требникахъ, служебникахъ, т. н. «Соборникѣ Кирилловѣ», Уложеніи Алексѣя Михайловича и т. д.[3]); но всего изъ сколькихъ главъ Стоглава сдѣланы выдержки? Изслѣдователь не указалъ: сослался на г. Бочкарева[4]), а этотъ итога не далъ да и не поднималъ вопроса «о воспроизведеніи дословномъ и до буквы», какъ о. Стефановичъ[5]).

Далѣе, какъ было указано, въ рукописяхъ часто встрѣчаются выдержки изъ Стоглава[6]), большаго или меньшаго объема. Изслѣдователю, кажется, подобало выяснить, всѣ ли онѣ заключаются въ томъ матеріалѣ, который указанъ г. Бочкаревымъ и на который сослался самъ изслѣдователь[7]).

Библія, книги богослужебныя, сборники историко-нравоучительнаго содержанія, Кормчая и другіе памятники церковно-каноническаго

---

1) И что, напомню, до сихъ поръ неизвѣстно (139—140).—Стоглавъ—книга, кромѣ постановленій Собора, заключаетъ въ себѣ и исторію Собора.

2) А. С. Павловъ. Курсъ церковнаго права. Посмертное изданіе подъ ред. И. М. Громогласова. Свято-Троицкая Сергіева лавра. 1902. Стр. 172—173: «Что же касается разнообразія списковъ Стоглава, то это явленіе можно наблюдать въ судьбѣ любого древняго юридическаго памятника, употреблявшагося въ частныхъ спискахъ, а не въ печатныхъ изданіяхъ. Каждый или почти каждый переписчикъ первоначальнаго *подлиннаго* текста такихъ памятниковъ могъ быть вмѣстѣ и его редакторомъ, т. е. могъ дѣлать въ этомъ текстѣ разныя перемѣны, дополнялъ его, сокращалъ или излагалъ отдѣльныя мѣста по своему личному разумѣнію. То же, конечно, было и съ соборною книгою 1551 г.».

3) См. В. Бочкаревъ. Стоглавъ и исторія собора 1551 года. Историко-каноническій очеркъ. Г. Юхновъ, Смоленской губерніи 1906. Стр. 127—148.

4) Стефановичъ, 101, пр. 90: «См. напр. у г. Бочкарева, очеркъ о Стоглавѣ, стр. 127—148, гл. XVI и XVII».

5) И. Бочкаревъ. ук. с., 129 и далѣе.

6) См. выше, стр. 366—373.

7) См. выше, прим. 378.

права даютъ матеріалъ для соотвѣтствующихъ мѣстъ Стоглава. И за то, что дано въ главѣ Ш, всякій, интересующійся Стоглавомъ, будетъ благодаренъ о. Д. Стефановичу.

Теперь нѣсколько мелкихъ замѣтокъ.

Обзоръ литературы о Стоглавѣ. Стр. 3—4. Можно добавить, что въ числѣ рукописей Чудова монастыря есть сборникъ статей историческаго содержанія XVII вѣка. На л. 26—28 здѣсь — «Разсужденіе о стоглавномъ соборѣ». Что это за разсужденіе? [1]).

Стр. 7. Въ одномъ рукописномъ сборникѣ И. П. Б., конца XVIII—нач. XIX в., находимъ [2]): (л. 255). Разсужденіе о стоглавномъ соборѣ бывшемъ въ Москвѣ, читанное въ Лаврской семинаріи при богословскомъ диспутѣ, 1790 года. «Разсужденіе» начинается: «Что разсматриваніе древнихъ происшествій и дѣяній ес(ть) [3]) полезно, о томъ никто, думаю, не сомнѣвается». Далѣе говорится о пользѣ такого разсматриванія... «Добрыя ли какія (л. 255 об.) обстоятельства, или худое даютъ намъ примѣчаніе: и въ томъ и другомъ случаѣ можемъ оныя обратить къ своей пользѣ: Ибо изъ худыхъ примѣровъ историческихъ можемъ мы научится доброму. Положивъ сіе во основаніе возмемъ мы теперь въ разсужденіе древній Россійскій соборъ обычно стоглавнымъ именуемый, и разсмотримъ: изъ какихъ оный состоялъ особъ? когда? и для чего былъ собранъ? какія на ономъ должны были правила? И на оныя здѣлаемъ отъ себя нѣкоторыя въ пользу свою примѣчанія». Авторъ и даетъ отвѣты на поставленные вопросы на основаніи текста Стоглава; правила обозрѣваетъ не каждое отдѣльно, а соединяетъ по содержанію: «Узнавши причину, по которой собранъ былъ стогла(в)ный [3]) соборъ, покажемъ теперь хотя нѣкоторыя главнѣйшія сего собора правила, и какъ всѣхъ соборнѣ правилъ изложено сто, отъ чего и самый соборъ проименованъ *стоглавнымъ* [4]), то многія правила сходнаго между собою соде(р)жанія [3]) будемъ мы помѣщать въ одно» (л. 257). Въ концѣ авторъ говоритъ (л. 261):

---

1) № 359 4°, 291 л., XVII в. съ оглавленіемъ на 2-мъ и 3-мъ листахъ и предисловіемъ л. 3—5. П. О. Л. Д. И. 1879, вып. IV, стр. 195. (П. Н. Петровъ. Книгохранилище Чудова монастыря).

2) Отчетъ И. П. Б. за 1900 и 1901 г. Спб. 1905. Стр. 103. Сборникъ на рус. и лат. языкахъ. Скорописью конца XVIII—нач. XIX в., въ 4-ю д. л., 329 л. Разнояз. Q. XVII. 266, л. 255—262. Эта рукопись изъ собранія еп. Амфилохія Угличскаго; пожертвована г. Рогальскимъ.

3) Обрѣзано при переплетѣ.

4) Подчеркнуто въ рукописи.

«Вотъ какія уложены были правила на стоглавномъ соб(орѣ) [1]) бывшемъ въ Москвѣ при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ.

Царская ревность по благочестіи безъ сомнѣнія достойн(а) [1]) похвалы и прославленія. Ибо о всякомъ дѣйствіи во первыхъ суд(ить) [1]) должно по намѣренію, съ каковымъ оно предпріемлется. Но ца(рь) [1]) (л. 261 об). Иванъ Васильевичь собралъ сей соборъ на тотъ единственно конецъ, дабы учредить благочиніе въ народѣ, а паче въ духовныхъ. А что сіе его благое намѣреніе не имѣло желаемаго успѣха: то причиною тогдажніе служители церькви, кои сами были слѣпые вожди, имѣвшіе нужду въ руководствѣ другихъ. Но и соборные отцы сіи извинительны: ибо они при нѣдостаткѣ просвѣщенія водимы были одними предразсужденіями, кои глубоко вкоренены были въ сердцахъ ихъ»...

Въ исторіи изученія Стоглава, и это «Разсужденіе» не безынтересно [2]).

Стр. 25. Кромѣ отзыва С. Аваліани о книгѣ В. Бочкарева см. Ж. М. Н. П. 1907, мартъ, 202—207, отзывъ Н. С. Суворова.

Взглядъ на изданіе текста Стоглава. Стр. 29. Списковъ однородныхъ со спискомъ Н. А. Полевого, по копіи котораго было напечатано Лондонское изданіе Стоглава, не два, а три: см. стр. 185: гр. Уварова № 586 (323).

Стр. 33. Кажется, любопытство читателя было бы болѣе удовлетворено, если бы изслѣдователь указалъ и причину: былъ ли не высланъ списокъ № 18 И. А. Вахрамѣева или и совсѣмъ не былъ выписанъ, и по какимъ соображеніямъ?

Глава I. О происхожденіи Стоглава. Стр. 40. «Въ лѣто 7059-е (=1551 г.) мѣсяца февраля въ 23 день быша (подразумѣвать можно—составлены или изложены) сіи вопросы»... Но должно ли?

Стр. 47. Интересный матеріалъ къ происхожденію царскихъ вопросовъ см. въ рук. Рум. музея, изъ собранія Бѣляева № 11 (1517), л. 271—280 об. Моленіе къ царю Ивану Васильевичу иноковъ окрест-

---

1) Обрѣзано при переплетѣ.

2) Ср. рукопись Кіево-Софійскаго собора № 646 (592). «Диссертаціи мои (м. Евгенія) и другія сочиненія, въ листъ,—сборникъ, начинающійся, «разсужденіемъ о знаніяхъ, способствующихъ историч. наукѣ» и заключающій диссертаціи съ 1790 по 1810 годъ. Это—большею частію школьныя диссертаціи, читанныя духовными воспитанниками въ торжественныхъ собраніяхъ. Между ними отмѣтимъ слѣдующія: ...«Разсужденіе о Стоглавомъ соборѣ, бывшемъ въ Москвѣ». Н. М. Петровъ. Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ. Вып. III, 273. См. Е. Шмурло. Митрополитъ Евгеній, какъ ученый. Спб. 1888. Стр. 67; 102—103.

ныхъ обителей града Москвы. Статья безъ заглавія въ рукописи и, къ сожалѣнію, въ печатномъ описаніи А. Е. Викторова рукописей Бѣляева не была отмѣчена [1]).

Стр. 53, пр. 23: «900-лѣтіе русской іерархіи». М. 1888. И далѣе дважды (53, пр. 24; 62, пр. 34) также цитуется книга, безъ указанія автора. Лишь на стр. 82, пр. 64, находимъ: «900-лѣтіе русс. *епархіи*, Н. Д., М. 1888». Точное заглавіе: «900-лѣтіе русской іерархіи. 988—1888. Епархіи и архіереи. Составлено по оффиціальнымъ и историческимъ даннымъ. Н Д.» М. 1888.

Стр. 84. Изслѣдователь говоритъ: «Въ книгѣ Павла Строева: «Списки іерарховъ»... о Ѳеодосіи, архіепископѣ Новгородскомъ, *надо полагать — на основаніи весьма достовѣрнаго источника* [2]), сообщается, что онъ — Ѳеодосій 21 декабря 1550 г. былъ вызванъ въ Москву и отставленъ».—См. Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. Ш. 154; IV, 308.

Стр. 85, пунктъ 4. «Въ вопросѣ 10-мъ изъ числа вторыхъ (гл. 41) читаемъ: «Да въ уставѣ же писано... третій псаломъ: На рѣцѣ вавилонстѣй—пѣти трижды въ году: въ недѣлю блуднаго, и мясопустную, и сыропустную; коея ради вины здѣся (т. е. въ Москвѣ, подразумѣвать надо) того не поютъ?» О. Стефановичъ предполагаетъ, что съѣхавшіяся въ Москву иноепархіальныя духовныя лица поставили вопросъ на основаніи личнаго опыта, побывъ въ 1551 году въ московскихъ церквахъ за всенощными бдѣніями въ названныя недѣли.—Но развѣ о.о. Собора, напримѣръ архіереи, впервые были въ Москвѣ въ 1551 году и не знали Московскаго чина?

Стр. 86, пр. 69. Трудно понять, что имѣется въ сборникѣ Моск. Историческаго музея, собранія Черткова I. 4/45, одна ли приписка подъ именемъ главы 37-ой или часть Стоглава?

Глава II. О редакціяхъ Стоглава. Стр. 137: «Мы можемъ назвать до 80 полныхъ списковъ и до 12 отрывковъ». Такъ какъ въ указателѣ они не выдѣлены среди другихъ (119) рукописей, а въ изслѣдованіи вмѣстѣ не указаны, то, быть можетъ, нелишнее это сдѣлать. Разыскиваемъ отрывки: (стр. 186) 1) библіотека Казанскаго университета № 23011—85, XVII в. гл. 2—74; 2) Московская Епархіал. библ. № 15. 7/19, отд. А. нач. XVII в., гл. 2—69; 3) Церковно-археол. музея при Кіевской духовной акад. № 402, 1609 г., гл. 69—100 (?);

---

1) См. мое сообщеніе въ Отчетахъ о засѣданіяхъ О. Л. Д. П. 1910 г., 12-го февраля.

2) Курсивъ мой.

4) Ундольскаго №. 48, XVII в., гл. 33—61; 5) (стр. 183) Спб. дух. ак. А. 1/167, XIX в., гл. 2—49; 6) (стр. 117) Моск. Синод. библ. №. 466, конца XVI в., «26 главъ», частію сполна, частію въ сокращеніи: 1, 2 и 3, 9, 10—18, 31, 32, 39, 40, 42, 41, 83, 84; 22—26; 7) И. П. Б. Q. XVII. 43, XVII в. безъ обозначенія главъ= 11—20; 25—34; 38 (нач.), 40 и 72, всего выписано 23 главы; 8) И. П. Б. Q. XVII. 177, XVII в., 22 главы: 1, 2, 7—14, 16—2-я полов., 17—24; изъ 41-й вв. 11 и 13; 42 и 52 безъ конца; 9) И. П. Б. Q. I. 351, XVIII в., 12 главъ цѣликомъ и 12 съ сокращеніями; 10) (стр. 185) еп. Амфилохія №. 8 [1]), 11) (?) Моск. Истор. музея, собранія Черткова I 4—45, XVII в. [2]).

Стр. 137—138: «По времени написанія, обнимающему почти ровно 300 лѣтъ (1551—1850 г.), указанные списки приблизительно распредѣлить можно такъ: 20 относятся къ XVI вѣку, 43—къ XVII в., 21—къ XVIII в. и 8—къ XIX вѣку, до 1850 г. Чтобы получить точную пропорцію, которая показывала бы, въ какой именно мѣрѣ существовалъ интересъ къ списыванію нашего памятника въ томъ или другомъ столѣтіи, для этого надо цифры XVI в. и XIX в. удвоить, ибо отъ первой половины XVI в. списковъ и не могло быть, а отъ второй половины XIX в. ихъ нѣтъ, потому что *съ появленіемъ печатныхъ изданій Стоглава списываніе его потеряло всякій смыслъ*. Если мы это удвоеніе сдѣлаемъ, то получимъ цифры: 40 — 43 — 21 — 8, свидѣтельствующія наглядно о *постепенномъ* [3]) ослабѣваніи интереса къ Стоглаву по мѣрѣ все большаго и большаго его удаленія отъ времени Стоглаваго собора».

Изслѣдователь старообрядческихъ изданій Стоглава не указалъ [4]). Нашими изданіями старообрядцы «пользуются не охотно» (37), да «они и неудовлетворительны» (40; 149). А между тѣмъ для старообрядцевъ «Стоглавъ и до сихъ поръ еще не утратилъ обязательнаго, руководящаго значенія» (276). Слѣдовательно, изслѣдователь едва ли съ полнымъ правомъ сказалъ, что «съ появленіемъ печатныхъ изданій списываніе Стоглава потеряло всякій смыслъ». Если же въ данномъ мѣстѣ изслѣдователь разумѣлъ только православныхъ, то въ числѣ указанныхъ списковъ развѣ всѣ писаны православными? Въ такомъ случаѣ изслѣдо-

---

1) Объ этомъ спискѣ см. выше, стр. 374.

2) См. немного выше, стр. 382.

3) Курсивъ мой.

4) Кажется, ихъ нѣтъ. Въ И. П. Б. Стоглава, изданія старообрядческаго, нѣтъ.—Эту справку весьма обязательно далъ мнѣ Ив. Аѳ. Бычковъ.

вателю слѣдовало бы раздѣлить рукописи на писанныя православными и старообрядцами [1]) и тогда уже говорить о цифрахъ.

Далѣе, цифры (40—43—21—8), «наглядно свидѣтельствуютъ» о *постепенномъ* ослабѣваніи интереса къ Стоглаву. Но въ XVI вѣкѣ, если удвоимъ цифру извѣстныхъ списковъ (20), въ вѣкъ появленія Стоглава, имѣемъ 40, а въ XVII вѣкѣ—43. Гдѣ же «постепенное ослабѣваніе»? Наконецъ, должно сказать и то, что приведенныя изслѣдователемъ цифры, послѣ всего сказаннаго раньше о рукописяхъ, едва ли имѣютъ большое значеніе.

Стр. 140. Изслѣдователь говоритъ, что только одинъ списокъ XVI в. имѣетъ хронологическую дату—И. П. Б. Q. XVII. (106). (1598 г.)— и сейчасъ же самъ указываетъ другой датированный списокъ XVI в.— Новгородскаго Софійскаго братства № 21—1595 года [2]).

Стр. 166. Кир.-Бѣлоз. № 60/1299. См. *Русскій Вѣстникъ* 1842. № 12. Каталогъ рукописямъ, находящимся въ библіотекѣ Кирилло-Белоезерскаго монастыря. (По списку рукописи Румянц. № 222). Стр. 23: «814—99. Стоглавъ. При немъ: посланіе въ Кирилловъ монастырь Государя». Это— нынѣ № 60/1299.

Стр. 168. Въ описаніи рук. И. П. Б., изъ собранія А. Титова № 2906, находимъ замѣчанія о. Стефановича,вступающаго какъ бы въ полемику съ переписчикомъ рукописи, «очень враждебно настроеннымъ по адресу о. о. Стоглаваго собора». Подобное же «настроеніе» см. еще въ рукописи Щукина № 403 [3]).

Стр. 175. «Водяной знакъ (щитовидный) на всемъ протяженіи (рук. Q. XVII. 106) одинаковый (такой же, какъ и въ Соф. № 1515)». Но и въ Соф. № 1515, какъ и здѣсь, подходящаго номера знака (по Лихачеву) не указано: нѣтъ такого?

Въ концѣ изслѣдованія мы не находимъ того, что привыкли видѣть,— указателя именъ.

---

1) Но, по-моему, такое дѣленіе, строгое, невозможно.

2) Кстати, такъ какъ изслѣдователь не перечислилъ списковъ XVI в., вмѣстѣ, то, быть можетъ, нелишнимъ будетъ это сдѣлать: И. П. Б. Q. XVII. 106—1598 г.; Погодинъ 1112; F. П. 73—к. XVI в.; Q. П. 45—к. XVI—н. XVII в.; Эрмит. 58—к. XVI в.; Спб. д. ак.—Соф. 1515; 1526; Кирил. 59/1298—к. XVI в.; Новг. Соф. братства № 21—1595 г.; Рум. музея—425, 427; Унд. 1084—к. XVI в.; Больш. 64—к. XVI—н. XVII в.; Хлуд. 82—2-ой полов. XVI в.; М. Главн. Арх. М. и. д. 364/814; Кіев. ц.-арх. муз. 143—к. XVI в.; Увар. 696; 786—к. XVI в. Амфилохія № 8. (*такъ*).

3) А. И. Яцимирскій. Описаніе рук. П. И. Щукина. Вып. II, № 403, л. 95.

Заканчиваю. Я сдѣлалъ нѣсколько замѣтокъ. Число ихъ другіе, можетъ быть, и даже навѣрное, увеличатъ. «Цѣльный, обстоятельный, вполнѣ законченный трудъ, спеціально посвященный Стоглаву»,—все еще мечта, задача будущаго. Новое изслѣдованіе и не имѣло въ виду ее выполнить (2—3); но оно дало мечтѣ опору изъ цѣннаго матеріала.

Г. Кунцевичъ.

Іюнь 1910.

Указатель именъ авторовъ

къ «Обзору трудовъ по славяновѣдѣнію» за 1910 годъ.

А. II 356.
А., С. I 285.
Абрамовичъ, Д. И. I 283, II 352, 363.
Абрамовичъ, Н. Я. I 280, II 356.
Абрамовъ, Е. II 373.
Адарюковъ, В. Я. I 321, II 411.
Адріанова, В. I 277.
Айхенвальдъ, Ю. I 280, II 356, 357.
Аксаковъ, И. С. I 298.
Аксаковъ, К. С. I 325, II 387.
Аксаковъ, Н. П. I 289.
Аксаковъ, С. Т. I 280, 326.
Алавердянцъ, М. Я. II 387.
Александровскій, Т. В. II 357.
Александровъ, А. Н. II 373.
Александровъ, И. II 357.
Александровъ, М. I 319, II 422.
Алексій, еписк. I 298, 313.
Алексѣевъ, В. А. I 298, 321.
Алексѣевъ, В. П. II 422.
Алферовъ, А. I 277.
Ан., I. I 325.
Анастасовъ, Г. П. I 267.
Андреевъ, Вл. II 357.
Андріевскій, А. II 387.
Анненковъ, П. В. I 280.
Анненскій, И. Ѳ. I 263, II 357.
Анненскій, Н. I 280, II 396.
Ан—скій, С. А. I 278.
Антоній, іеромонахъ. I 314.
Антоновичъ, М. А. II 396.
Антоновъ, М. I 298, II 387.
Анучинъ, Д. I 325, II 373, 428.
Аншелесъ, I. II 358.
Апушкинъ, В. I 298.
Арабажинъ, К. И. I 280, II 358.
Арбузовъ, А. П. I 298.
Аргинскій, А. С. II 387.
Ардашовъ. Н. Н. II 428.
Арнаутовић, А. II 428.
Аронсонъ, Н. Л. II 411.
Арсеній, іером. I 321.
Арсеньевъ, Д. С. II 387.
Арсеньевъ, К. I 298, 302, 325, II 358.
Арсеньевъ, Ю. В. I 289, 321.
Артоболевскій, С. I 298.
Архангеловъ, С. II 411.
Архангельскій, В. М. I 298.
Атанасовъ, Ник. I 286, II 358.
Ауслендеръ, Сергѣй. II 358, 411.
Афанасьевъ, Н. И. II 388.
А—ха, А. II 387.
Б., А. I 313, II 422.
Б., Л. II 388.
Б., М. I 282, 283, 284.
Б., П. I 290, 298, 303, 309, II 358, 363, 398.
Б., С. Л. II 373.
Б., С. С. I 291, II 380, 404.
Бабровъ, А. I 304.
Багалѣй, Д. И., проф. I 299, 306.
Багринъ, М. I. 278.
Баженовъ, Н. М. II 388.
Баженовъ, Н. Н. I 299.
Базановъ, И. II 422.
Базаровъ, В. I 280.
Баіовъ, А. I 299.
Балабанова, Е. II 358.
Балаклѣевъ, Ив. II 388.
Балицкій, I. В. II 358.
Бальменъ, Я. П. II 412.
Бар, М. II 403, 420.
Баратовъ, Н. II 338.
Барбаръ, Л. II 422.
Барвинскій, Викторъ. I 299.
Барковъ, И. В. II 412.
Барриве, Л. I 299, II 388.
Барсковъ, Я. II 428.
Бартеневъ, С. I 324.
Бархинъ, К. I 280.

Батюшковъ, Ѳ. I 326, II 358, 412.
Бахрушинъ, С. В. I 304, 319, II 388.
Башмаковъ, А. А, I 298.
Безобразова, М. В. I 299.
Белић, А. II 373.
Бендасюкъ, С. Ю. II 340.
Бенешевичъ, В. Н. II 428.
Бенкендорфъ, К. К., гр. I 299.
Бенуа, А. II 412.
Бербенко, К. II 416.
Бередниковъ, Я. И. I 280.
Берлинъ, П. II 388.
Бертенсонъ, С. Л. I 280, II 358.
Бертье-Делагардъ. II 373, 416.
Бестужевъ-Рюминъ, А. Д. I 299, II 388.
Бестужевъ-Рюминъ, К. II 388.
Бирчак, В. II 354.
Бирюковъ, П. II 416.
Біляшевський, Микола. II 412.
Благовѣстинъ. II 422.
Блонскій. II 398.
Бобриневъ. II 412.
Бобринскій. I 299, II 373.
Бобровъ, Е. II 358.
Бобчевъ, С. С. I 319, II 403, 404, 422, 428.
Богатенко, Я. II 412.
Богдановичъ, Л. А. II 374.
Богословскій, М. М. I 306, 314, 319, II 388.
Богоявленскій, С. 422.
Богучарскій, В. I 299. II 388.
Божеряновъ, И. 299.
Болотовъ, В. В. 299.
Болсуновскій, К. II 374.
Бончъ-Бруевичъ, В. I 279, 314, II 416.
Борецкій-Бергфельдъ, Н. II 403.
Бородинъ, Д. I 299.
Бороздинъ, И. I 299, 325.
Борскій. II 389.
Бочкаревъ, В. II 389, 422.
Брагинскій, М. II 381.
Бренденъ, Вл. I 285.
Бродскій, Н. Л. II 358, 389.
Бронзовъ, А. А. II 389.
Брумбергъ, А. II 381.
Бруцкусъ, Б. II 374.
Б—ръ. II 373.
Брънековъ, И. II 422.
Брюсова, Н. II 412.
Брюсовъ, В. I 280.
Брянцевъ, Д. II 359.
Бугославскій, Г. К. II 428.
Будде, Е. II 340.
Булаховскій, Л. I 262.
Буличъ, С. II 412.
Бунаковъ, Н. Ф. I 299.
Буслаевъ, Ѳ. И. I 321.
Бучинскій, Б. II 416.
Българовъ, П. I 267.
Быковъ, Н. И. 428.
Быковъ, П. В. I 284.
Бычковъ, И. А. II 389.
Бѣдновъ, В. А. II 416.
Бѣлинскій, В. Г. II 359.
Бѣловъ, А. М. I 281, 299.
Бѣлоконскій, И. П. II 389.
Бѣлоконскій, Н. П. I 300.
Бѣлокуровъ, С. А. I 300.
Бѣляевъ, А. А., прот. I 314, II 417.
Бѣляевъ, И. С. II 359.
В. I 278, II 389.
В., Б. II 377.
В., В. I 300, II 423, 425.
В., Е. II 352, 389, 419.
В., П. I 325.
В., П. В. I 301.
В., С. II 393.
В., С. П. II 411.
В., Ю. II 359.
Вандаль, Альбертъ. II 389.
Варакинъ, Д. С. II 352.
Варнеке, Б. В. I 321.
Василевскій, Л. (Плохоцкій). I 293.
Васильевичъ, С. II 389.
Васильевскій, В. Г. I 293.
Васильевъ, В. I 321.
Васильевъ, Ѳ. Т. II 374.
Васинъ, Н. II 389.
Вахтеровъ, В. П. II 389.
Введенскій, С. Н. II 417.
Вейденбаумъ, Е. II 359.
Вейнеръ, П. II 412.
Венгерова, З. II 359.
Венгеровъ, С. А. I 281, 301, 326, II 359.
Веретенниковъ, В. И. I 319.

Верещагинъ, В. I 321.
Вертеловскій, А. II 417.
Верховской, П. I 320.
Веселовская, А. II 359.
Веселовскій, Алексѣй. I 281, II 359.
Веселовскій, А. Н. I 325.
Веселовскій, Б. II 389, 412, 423.
Веселовскій, Н. И. II 374.
Веселовскій, С. Б. I 309, II 389.
Веселовскій, Юрій. I 281, II 359.
Веснић, М. II 403.
Ветуховъ, А. В. I 263.
Видаковић, Н. II 380.
Викторовскій, П. Г. I 300.
Викторовъ-Топоровъ, Вл. II 389.
Вильямсъ, Г. II 399.
Виноградовъ, Н. Н. I 281, 288.
Виноградскій, А. Н. I 300.
Витковић. II 403, 417.
Витошинскій, Е. М. II 417.
Виттъ, В. I 319.
Вишневскій, П. И. II 422.
В—ій, Ч. I 316.
Воблый, К. Г. II 403.
Военскій, К. II 387, 389.
Возняк, М. II 353, 359.
Волковъ, Ѳ. К. I 322.
Волошинъ, М. II 359, 412.
Вольскій, В. I 289.
Вольфсонъ, Вл. I 281.
Вормсъ, А. Э. I 306.
Воронцова, Л. Д. II 412.
Воропоновъ, Ѳ. I 281.
Воскресенскій, А. II 374, 417.
Врангель, Н., бар. I 322, II 359, 412.
В—скій, Ч. I 282, 300, 311, 323, II 359, 368.
Вулетић. Б. II 403.
Вулић, Н. II 374, 403, 428.
Вульфсонъ, Э. С. I 293.
Вх. II 356.
Вырубовъ, Г. Н. I 300.
Вѣтринскій, Г. I 300.
Вѣтринскій, Ч. II 359, 360.
Вѣтуховъ, А. В. I 263.
Вяземскій, Б. Л., кн. I 319.
Вяземскій, П. А. I 300.
Г., А. II 387, 389.
Г., Б. I 309, 311, 322, II 399.
Г., В. II 393.
Г., Г. Г. II 406.
Г., Е. II 354.
Г., И. I 315, 316.
Г., М. I 309.
Г., Н. I 311.
Габилевъ, Н. II 374.
Гавриловић, А. II 352.
Гавриловъ, А. II 360.
Галактіоновъ, И. I 300, II 352.
Галкинъ, А. I 314, II 390.
Ганевъ, С. I 286, II 360.
Ганжулевичъ, Т. I 281.
Гансенъ, Г. Ф. II 374.
Гапановичъ, К. II 417.
Гарабурда, М. И. II 374.
Гарцевичъ, Г. А. II 390.
Гейсманъ, П. II 390.
Генадиевъ, Х. I 267.
Гераклитовъ, А. А. II 374, 390.
Герасимовъ, М. К. II 340.
Германсонъ, Р. Ф. I 318.
Гернгроссъ, В. I 322.
Гернетъ, М. Н. II 425.
Геровъ, Ник. I 267.
Герценъ, А. И. I 306.
Гершензонъ, М. О. I 300, II 360, 388, 390.
Гессенъ, Юлій. II 390.
Гехтер, М. II 374, 390.
Глаголева, Т. М. I 300.
Глинскій, Б. Б. I 300, 325, II 360.
Глокке, Н. Э. II 360.
Глоріантовъ, В. И. II 390.
Глубоковскій, Н. Н. I 314.
Глѣбовъ, А. II 403.
Глѣбовъ, В. I 281.
Гнатюк, В. II 374.
Гнѣдичъ, П. П. I 322.
Гоголь, Н. В. I 281, II 360.
Головинъ, К. II 390.
Голомбіевскій, А. А. I 281.
Голоскевичъ, Г. К. I 263.
Голубевъ, С. Т. I 289, 300, 314, II 352, 390, 417.
Голубовскій, П. В. II 390.
Голубцовъ, А. П. I 322.

Гольдбергъ, Г. II 390.
Гольденбергъ, А. II 424.
Гольмстенъ, А. Х. II 422.
Гольцевъ, В. А. II 360.
Гончаровъ, И. А. I 284.
Гопцусъ, П. О. II. 390.
Гординський, Я. II 390.
Горенбергъ, М. II 427.
Горностаевъ, Ѳ. Ѳ. II 374, 412.
Горнфельдъ, А. I 280, 281, II 357, 360.
Городцовъ, В. А. I 289, II 374.
Горяиновъ, С. М. I 300.
Готье, Ю. В. I 306, 319, II 374, 423.
Гофманъ, М. II 360.
Гошкевичъ, В. И. II 374.
Грабарь, И. I 322, II 412.
Грабеньскій, Влад. I 293.
Градовскій, Гр. I 281.
Граевскій, И. I 314.
Грђић-Бјелокосић, Л. II 403.
Гредескулъ, Н. I 302.
Гречевъ, Б. I 281.
Григорьевъ, А. Д. I 278,
Григорьевъ, В. II 423.
Гринченко, Б. II, 340.
Гротъ, К. Я. I 301, 307.
Гротъ, Я. К. I 300.
Груборъ, Ђ. II 344.
Грузинскій, А. I 277, II 360, 366.
Грујић, М. Р. II 374.
Грујић, Р. М. II 382, 423, 428.
Грунскій, Н. К. I 263.
Грушевскій, М. II 390.
Грушевський, М. II 385, 390, 413, 414, 417, 423, 328.
Г—скій. II 388.
Гуревичъ, Е. I. 319.
Гуревичъ, Л. Я. I 281.
Гуревичъ, Я. Г. I 301.
Гутьяръ, Н. М. II 360.
Д., М. В. II 417.
Д., П. I 281.
Д., Р. Н. I 292.
Давыдовъ, Н. II 360.
Далькевичъ, М. М. II 412.
Данилевичъ, В. Е. II 375, 390, 423.
Даниловъ, В. В. I 282.
Датовъ, А. Р. I 289.
Дашкевичъ, Н. П. II 360.
Д—въ, А. II 404.
Девель, И. М. I 289.
Де-Витте, Е. И. II 375.
Дедијер, I. II 376.
Делекторскій, Ѳ. II 417.
Дельвигъ, Б. Н., бар. I 319.
Демировъ, Т. II 423.
Демковъ, М. И. II 390.
Деммени, М. Г. II 375.
Державинъ, Г. Р. I 280.
Державинъ, Н. А. II 360.
Джонсонъ, И. I 282.
Дивильковскій, А. А. II 361.
Дилакторскій, II 388, 398.
Дистерло, Н. А., бар. II 391.
Дитерихсъ, М. II 391.
Д—ій. II 358.
Дмитріевъ, А. II 417.
Дмитріевъ, В. I 289.
Дмитріевъ, И. I 314.
Дмитріевъ, Н. II 413.
Дмитріивъ, П. II 417.
Добровольскій, Л. П. II 375.
Добролюбовъ. I 301.
Добронравовъ, А. К. II 391.
Добрянскій, С. I 301.
Добряковъ, Г. II 361.
Довгялло, Д. И. II 375.
Довнаръ-Запольскій. М. В. I 308, II 391.
Дорошенко, В. II 340, 358, 389, 414.
Дохтуровъ, М. Н. II 391.
Драговић, М. II 417.
Драке, Л. Л. II 391.
Драницынъ, Н. И. II 391, 417, 423.
Дроздъ-Бонячевскій. II 361.
Дружининъ, В. Г. II 377.
Дунаевъ, Б. И. II 413.
Дунинъ, А. II 375.
Дьяконовъ, М. II 423.
Дюнькинъ, Н. И. I 282.
Ђ., К. II 415.
Ђ., М. Р. I 293.
Ђерић, В. II 417.
Ђорђевичъ, Т. II 403.
Ђурђевић, М. II 403.
Ђурић, М. Ђ. II 403.
Е. II 389.

Е., К. I 289, 321.
Евгеньевъ, А. Е. I 282, 301.
Евлаховъ, Александръ. I 282.
Евреиновъ, Н. II 413.
Евшан, М. II 361, 429.
Егоровъ, Д. II 391, 403.
Ежовъ, Н. М. I 30в.
Елагина, Е. И. II 391.
Елагинъ, В. В. II 354.
Елисавета Алексѣевна, импер-ца I 301.
Елчаниновъ, А. II 391.
Ельмановъ, Н. В. I 284.
Ердељановић, I. II 375.
Ермоловъ, А. С. I 309.
Ероѳеевъ, И. Ѳ. II 361, 417.
Есиповичъ, Я. Г. II 391.
Есиповъ, В. II 423.
Ефремовъ, С. II 403, 429.
Живановић, I. II 344, 429.
Жижиленко, А. I 321.
Жилинъ, А. II 424.
Жиркевичъ, А. В. I 325.
Жировъ, М. С. 391.
Житецкій, Иг. I 325, II 361.
Жихоръ, К. II 391.
Жуковичъ, П. I 301, 314, 317, 318, II 417.
Жураковскій, Евг. II 413.
Жучинъ. И. И. II 391.
З., Д. I 282.
Заболотскій, П. А. II 361.
Загорскій, Е. I 286.
Заіончковскій, А. II 391.
Закржевскій, А. I 282, II 361.
Залізняк, М. II 361, 397.
Залѣскій, В. Ф. I 301.
Замотинъ, И. И. II 361.
Заозерскій, Н. А. II 375.
Затворницкій, Н. М. I 301.
Затерянный, Г. А. I 302.
Звенигородскій, А. В., кн. II 392.
Зеленинъ, Д. К. I 289, 306, II 340.
Зелинскій, В. I 282, II 361.
Зерцаловъ, А. Н. I 302.
Зигель, Ф. I 405, 423.
Златовратскій, Н. I 282.
Золотаревъ, С. А. I 282.
Золотухинъ, И. П. I 302.
Зоммеръ, В. I 303, II 394.
Зонтагъ, Анна Петровна. II 362.
Зыковъ, С. П. I 302, II 392.
И., Г. Л. I 309.
И., М. I 288.
Иванишевић, I. Ф. II 361.
Ивановъ, А. I 322, II 413.
Ивановъ, В. В. II 361.
Ивановъ, Вяч. II 331.
Ивановъ, З. И. II 376, 413.
Ивановъ, И. II 413.
Ивановъ, И. С. II 392.
Ивановъ, М. М. II 413.
Ивановъ-Разумникъ, I 282, II 361, 362.
Иваскъ, У. Г. II 352.
Ивачковић, И. II 377, 429.
Ивић, А. II 403.
Игнатовичъ, И. И. II 392.
Игнатовъ, И. Н. II 362.
Игнатьевъ, А., свящ. II 413.
Извѣковъ, Н. Д. I 315.
Изгоевъ, А. С. I 302, 320, II 392.
Измайловъ, А. I 282, 321, II 414.
Иконниковъ, В. С. II 392.
Илешић, Ф. II 362.
Илић, Р. М. II 371.
Иллюстровъ, I. И. II 392.
Ильинскій, Г. А. II 352.
Иннокентій, еп. II 417.
Исаковъ, Л. II 392.
Искозъ, А. С. II 362.
Истоминъ, В. А. I 264.
Истринъ, В. М. I 277, 288, 302.
Ифляндъ, П. А. I 319.
Іванчукъ, О. II 376.
Іеропольскій, К. II 355.
Јовановић, В. М. I 280.
Јовановић, М. Ж. II 403.
Јовићевић, А. П.
Іорданскій, Н. Н. II 392.
К., А. Е. I 303.
К., А. П. I 303.
К., В. I 322.
К., Е. I 327.
К., Е. Н. II 413.
К., М. I 306, 315.
К., О. I 326.
Кабановъ, А. К. II 376, 392.

Каблуковъ, И. А. II 362.
Кавелинъ, К. Д. 423.
Кадлецъ, К. II 423.
Кадобновъ, Ѳ. II 376.
Кадомцевъ, Б. П. I 289.
Казаковъ, I. II 417,
Казанцева, Н. II 392.
Калевъ, А. II 403, 425.
Каллашъ, В. В. I 282, II 362.
Каманинъ, И. М. II 392, 423.
Каменскій, В. II 376.
Каменскій, Е. II 394.
Канненбергъ, В. Р. I 289.
Каптеревъ, Н. Ѳ. I 303, 315, II 418.
Карабиновичъ, Гр. II 418.
Каразинъ, В. Н. I 303.
Карандиковъ, Н. II 392.
Карасевъ, А. I 322.
Карасикъ, Г. II 362, 363.
Каратыгинъ, В. Г. II 413.
Каренинъ, I, 303, II 413, 414.
Карповъ, А. Б. II 340, 392.
Карскій, Е. Ѳ. I 278.
Карѣевъ, Н. I 303, II 397.
Касановић, I. II 423.
Кастелянскій, А. И. I 291.
Катаевъ, П. М. II 392.
Катановъ, Н. Ѳ. I 289.
Катенинъ, П. А. II 362.
Катрановъ, В. I 282.
Кауфманъ, А. Е. I 303.
фонъ-Кауфманъ, Л. II 392.
фонъ-Кауфманъ, П. М. I 303.
Кашинъ, Н. П. II 362.
К—въ, М. I 306, 310.
Кедровъ, С. И. I 325.
Кеневичъ, В. Ѳ. I 283.
Керенскій, Вл. I 315.
Кибальчичъ, Т. II 413.
Кизеветтеръ, А. I 290, 303, 306, 307, 315, 319, 320, II 362, 389, 392, 423, 424.
Клейнъ, Вл. I 324.
Клетнева, Е. Н. II 376.
Клочковъ, М. I 320, II 393.
Ключаревъ, А. I 315.
Ключевскій, В. О. I 303, 306, 325.
Клячинъ, В. П. II 393.
Князьковъ, С. II 393.
Кобылинъ, А. Н. II 413.
Ковалевскій, В. А. II 393.
Ковалевскій, М. I 282, 302, 303, II 362, 393.
Ковалевскій, П. И. II 393.
Ковалевскій, П. М. I 282.
Ковачевић, Л. II 403.
К—ово, А. В. I 303.
Ковшевич, Р. II 404.
К—овъ, А. II 419.
Коганъ, П. II 262, II 362.
Кожевниковъ, В. II 418.
Козловскій, И. П. II 393.
Козминъ, Н. К. I 282.
Козубскій, Е. И. I 303, 310, II 393.
Козубскій, С. II 393.
Козьминъ, К. I 263.
Колли, Л. П. II 376.
Кологривовъ, С. II 376.
Колосовъ, Евг. I 319.
Колосовъ, Н.. свящ. I 282, 283, II 362.
Колтоновская, Е. А. I 283, II 362.
Кольцовъ, А. В. I 283.
Кольцовъ, Д. II 393.
Колюбакинъ, Б. М. I 299.
Кондаковъ, Н. П. I 290, II 413.
Кондратьевъ, И. К. II 418.
Кони, А. Ѳ. I 283, 303, II 362.
Коноваловъ, Н. I 315.
Кончиц, I. II 429.
Конъ, А. А. I 289.
Копко, Петръ М. I 263.
Копыловъ, Б. Ф. II 376.
Копыстенскій, Зах. II 352.
Кор. I 294.
Корниловъ, А. А. I 304, 326, II 362, 396, 397.
Корниловъ, И. П. II 399.
Коробка, Н. И. I 279, II 362.
Короленко, В. Г. I 285, 304, II 362.
Корсаковъ, В. А. I 304.
Корфъ, С. А. II 423.
Коршъ, Е. В. I 304, II 393.
Коршъ, Ѳ. Е. I 279.
Костельник, Г. II 362.
Костомарова, А. Л. II 429.
Костомаровъ, Н. I 304.

Котельниковъ, В. Х. I 304, II 429.
Котляревскій, Несторъ. I 283, II 363, 393.
Котляревскій, С. II 423.
Котовичъ, А. I 315.
Кошутичъ, Р. II 404.
Кр., Вл. II 368, 414.
Кравченко, В. II 393.
Крайній, Антонъ. I 283.
Кранихфельдъ, В. П. II 363.
Красевъ, А. А. I 277, 326, II 352.
Красницкій, Н. II 376.
Красовскій, М. В. II 413.
Кревецькый, I. II 393, 404, 426.
Кривенко, В. С. II 393.
Крипякевич, I. II 383, 386, 407, 421, 422.
Кропоткина, М., кн. (Озерская) II 393.
Кротовъ, П. И. I 290.
Круковскій, А. I 279, II 418.
Крыжановскій, А. II 393.
Крыжановскій, П. А. I 304.
Крыловъ, В. II 418.
Крыловъ, И. А. I 283.
Крымскій, А. II 340.
Кубасовъ, И. II 363.
Кудринъ, Н. Е. I 304.
Кузеля, З. II 355.
Кузминскій, К. С. II 413.
Кузнецовъ, I. I. II 418.
Кузнецовъ, Н. I 315.
Кузнецовъ, Я. II 423.
Кузьминскій, Конст. I 322.
Кузьминъ, Е. I 290, II 376.
Кулаковскій, Ю. А. II 376, 377.
Кулишъ, П. А. I 283.
Куломзинъ, А. Н. II 393.
Кульбакинъ, С. I 263, II 343, 404.
Куммеръ, Ф. I 283.
Кунцевичъ, Г. З. I 277, 315, II 352.
Курбатовъ, В. I 323.
Курдюмовъ, М. Г. II 394.
Куропаткинъ, А. Н. I 304, II 394
Л. I 282, 317.
Л., Н. II 363, 367, 390.
Лавровъ, П. А. I 294, II 344, 404.
Лазаревскій, Н. И. I 319, II 423.
Ламанскій, В. И. II 380.
Ланжеронъ, гр. II 394.
Лансере, Н. I 323.
Лапинъ, П. I 315.
Лаппо, И. II 404, 424.
Лаппо-Данилевскій, А. I 304, 326, II 424.
Ларинъ, Ю. I 304.
Латышевъ, В. В. I 290, II 377.
Лахтинъ, М. II 394.
Лашковъ, Н. А. II 394.
Лебедевъ, А. I 323, II 418.
Лебедевъ, А. А. I 304, 320, II 418.
Лебедевъ, А. С. I 290.
Лебедевъ, К. Н. II 394.
Левицкій, I. Е. II 404.
Леонтовичъ, Ѳ. И. I 304, 320, II 424.
Лермонтовъ, Е. I 277.
Лермонтовъ, М. Ю. I 283, II 363.
Лернеръ, Н. О. I 283, II 363, 364, 365, 396.
Либровичъ, С. Ф. I 290.
Линдеманъ, I. К. II 377.
Линдъ, В. I 303, 306.
Линдъ, Т. II 394, 418.
Линева, Е. I 279.
Липа, I. II 428.
Липовскій, А. II 394.
Лобода, А. II 304, 387.
Лозинскій, С. I 294, II 397.
Ломоносовъ, Г. Г. II 394.
Луговой, А. I 304.
Лукомскій, Вл. I 310, II 399.
Лукьяненко, А. М. I 271.
Лухомскій, Г. I 323.
Львовъ, В. II 364.
Львовъ-Рогачевскій, В. II 364.
Лѣсковъ, Н. С. II 364.
Любавинъ, Н. Н. II 367.
Любавскій, М. К. I 306, II 424.
Любимовъ, С. I 304.
Любченко, Е. Д. I 294.
Лютшъ, А. I 303, II 394.
Лямбекъ, Э. II 385.
Ляпуновъ, Б. М. I 326.
Ляскоронскій, В. Г. II 394.
Ляцкая, В. А. I 326.
Ляцкій, Е. А. II 364, 394.
Лященко, П. И. II 394.
М., Е. С. I 301.
М., И. I 315, II 429.

М., Н. I 289, 392, 324.
М., П. I 323.
Магарашевић, Ђ, II 405.
Маггидъ, Д. Г. II 413.
Майковъ, А. Н. I 280.
Майковъ, П. I 301, II 388.
Макаровъ, В. Е. I 315, II 377.
Маккавейскій, Н. К. I 315.
Маковскій, Серг. I 323.
Максимейко, Н. II 424.
Макшеева, Н. II 394.
Макшеевъ, Ѳ. А. II 394.
Малахіева-Мировичъ, В. I 323.
Малиновскій, І. I 304, II 394.
Маловъ, Евѳ. А. I 290.
Малѣевъ, М. Л. II 343.
Мануиловъ, А. А. II 364.
Марјановић, М. II 364.
Маркевичъ, А. И. II 377, 394.
Марковичъ, Б. А. II 364.
Марковић, П. I 286.
Марковниковъ, В. В. II 394.
Марковъ, А. В. II 340, 355.
Марковъ, В. I 304.
Марконъ, И. Ю. II 394.
Мартиновић, Ђ. М. II 404.
Мартыновъ, А. II 364.
Мартыновъ, Е. И. II 395.
Масловъ, А. Л. II 413.
Масловъ, В. И. II 395.
Масловъ, С. И. I 277, II 352, 364.
Махровъ, Н. II 404.
Мацокинъ, Николай. I 290.
Мацѣевичъ, Л. I 316.
Маширевић, Ив. I 316.
Машковъ, И. П, II 375, 413, 429.
Мейендорфъ, А. Ф., бар. I 320.
Мельгуновъ, С. П. I 316, II 418.
Мельникъ-Антоновичъ, К. II 377.
Мендельсонъ, Н. М. II 364.
Меньшиковъ, Д. II 393.
Мережковскій, Д. С. I 273.
Мерцаловъ, А. Е. I 305.
Мика, А. I 266.
Миклашевскій, А. II 394.
Миладиновић, Ж. II 424.
Милевъ, Х. II 404.
Миллеръ, А. А. II 377.
Миллеръ, Всеволодъ Ѳ. I 279.
Миллеръ, М. А. II 377.
Миловидовъ, А. I 278, II 352.
Милчиновић, А. II 364.
Милюковъ, П. I 294, 302.
Минскій, Н. М. II 364.
Мирковъ, Т. Д. II 404.
Мироновъ, А. I 291, 323, II 377, 413.
Миропольскій, С. II 395.
Мирски, К. II 424.
Мисирковъ, К. М. I 279, 290.
Мисирковъ, К. П. II 377.
Митриновић, Д. II 365.
Митровић, И. II 404.
Митрофановъ, П. II 404.
Михаилъ, еп. I 316.
Михайловскій, К. П. II 365.
Михайловъ, А. II 404.
Михальчукъ, К. II 340.
Мичатекъ, Л. А. II 344.
М—нъ, В. П, II 418.
Модзалевскій, Б. Л. I 300, II 364, 365, 366, 388.
Модзалевскій, В. Л. II 395.
Момонтъ, И. В. II 365.
Мордвиновъ, И. I 280, II 395, 418.
Мордовцевъ, Д. Л. I 305, II 395.
Морозовъ, П. О. I 283, II 365.
Мулюкинъ, А. С. I 320.
Мундтъ, Теодоръ. II 395.
Муратовъ, П. I 323.
Муромцевъ, С. А. II 365.
Мустафинъ, I 303.
Мѣщаниновъ, И. В. I 305.
Н., А. I 304, 305.
Н., Л. I 289, II 394, 398.
Набоковъ, Влад. I 326.
Навицкій, И. Б. II 425.
Нагуевскій, Д. I 305.
Надеждинъ, А. Н. I 279.
Надсонъ, С. I 283.
Назаревскій, В. В. II 395.
Назаріев, О. II 384, 403, 410, 424.
Наконечный, В. К. I 284.
Невѣдомскій, М. II 365.
Недељковић, М. II 424.
Недоброво, Н. В. I 284.
Некрасовъ, Н. В. I 323.

Некрасовъ, Н. П. I 263.
Немировичъ-Данченко, В. И. I 288.
Неселовскій, А. I 314, 318.
Несмѣловъ, Н. Н. II 377.
Нессельроде, I 302.
Нечаевъ, В. I 290.
Ниве, П. А. II 395.
Нидерле, Л. II 377.
Никитинъ, В. Н. II 395.
Никитинъ, Н. В. II 414.
Никитинъ, П. В. I 326.
Никовъ, П. I 291.
Николай, имп. I 305.
Николай Михайловичъ, вел. кн. I 305, 325, II 414.
Никольскій, В. II 429.
Никольскій, Н. II 418.
Никольскій, Н. К. I 316.
Никольскій, Н. М. I 307, II 396.
Никольскій, С. I 305.
Новакович, С. II 404.
Новикова, О. А. I 301.
Новиковъ, А. И. I 282.
Новицкій, А. I 323, II 414, 429.
Новицкій, Я. П. I 305.
Новомбергскій, Н. Я. I 320.
Новоструевъ, К. II 378.
Нордманъ, Н. Н. II 395.
Н—чъ. I 305.
О., А. I 305.
О., Тих. II 415.
Обнинскій, В. II 424.
Обуховъ, А. М. II 395.
Овсянико-Куликовскій, Д. I 284, 302, II 365.
О—въ, И. Д. I 323.
Огіенко, И. I 263, II 353.
Оглоблинъ, Н. Н. I 305.
Оголѣвецъ, Вл. I 277, II 355.
Огородниковъ, С. Ѳ. II 378.
Ожешкова, П. II 365.
Озаровскій, Юр. II 414.
Окуличъ-Каразинъ, Н. Ф. II 395, 418.
Ончуковъ, Н. Е. I 288.
Опочининъ, Е. Н. II 412.
Орловскій, П. I 280, 316.
Орловъ, А. II 353.
Орловъ, Н. I 284.
Остерманъ, В. II 395.
Остоjић, Т. II 404.
Острогорскій, В. П. I 284.
Охримовичъ, В. II 380.
П., Б. I 280.
П., В. II 392.
П., Г. I 305.
П., З. I 315.
Павловичъ, Б. А. I 301.
Павловскій, И. I 306, II 424.
Павловъ, Ив. II 396.
Павловъ-Сильванскій, Н. П. I 306, 320, II 365, 424.
Пазухинъ, А. II 396.
Паліенко, Н. И. II 424, 425.
Пальмовъ, И. С. I 320.
Панаевъ, Н. И. II 396.
Панейко, В. II 406.
Панинъ, М. II 399.
Панкратовъ, А. I 316.
Пантелѣевъ, Л. I 306, 326.
Пантюховъ, И. И. I 306.
Панчевъ, Т. I 290.
Паренсовъ, П. II 404.
Пархоменко, Вл. II 396.
Пащенко, О. II 396.
П—въ, П—ъ. II 378.
Перетцъ, В. II 340, 361.
Цестриковъ, М. С. II 378.
Петерсъ, II 396.
Петковъ, С. II 378.
Петровић, Б. II 378.
Петровскій, И. II 431.
Петровскій, Н. М. I 284, 326, 327, II 365, 385.
Петровскій, С., прот. I 316.
Петровъ, А. I 263.
Петровъ, А. Л. I 306.
Петровъ, Б. II 429.
Петровъ, В. И. II 378.
Петровъ, Д. К. I 307.
Петровъ, Н. I 288, 323, II 355, 378, 393.
Петровъ, П. В. I 290.
Петрункевичъ, И. I 302, II 365.
Печенкинъ, Н. М. II 414.
Пиксановъ, Н. II 365, 366, 396.
Пирлингъ, П. I 307.
Пирскій, Ник. II 378.

Писанецкій, А. И. I 307.
Писанецкій, А. И. (Долинскій). II 396.
Писаревскій, Григорій. I 307.
Писаревъ, Д. И. I 284.
Пичета, В. II 405.
Платоновъ, С. Ѳ. I 307, II 375, 396.
Плетневъ, А. II 396.
Плетневъ, П. А. I 283.
Плехановъ, Г. В. I 307, II 366, 390, 396.
Плещеевъ, А. А. II 414.
Побилевскій, Н. II 396.
Побѣдоносцевъ, К. П. I 316.
Погодинъ, А. Л. I 290, 294, II 405.
Погодинъ, М. П. I 307.
Подольскій. I 307, 310, 312.
Покровскій, А. А. I 320.
Покровскій, В. И. II 366.
Покровскій, И. I 290, 316.
Покровскій, М. М. II 366.
Покровскій, М. Н. I 307, II 396.
Покровскій, Н. В. I 323.
Покрышкинъ, П. II 379.
Полевой, И. Н. I 284.
Полевой, Николай. I 307.
Поликарповъ, Ѳ. II 340.
Полуян, С. II 366.
Полянскій, В. Н. I 307.
Помяловскій, М. II 396.
Попко, И. Д. I 307.
Поповић, П. II 366.
Поповъ, А. I 316.
Поповъ, Ал. I 307.
Поповъ, Н. II 353, 414.
Поповъ, Н. П. I 277.
Поповъ, Р. I 291.
Попруженко, М. Г. I 307, II 397.
Поржезинскій, В. I 271, II 340.
Португаловъ, Вик. I 284.
Порфирьевъ, И. I 277.
Посниковъ, А. С. II 396.
Постниковъ, А. I 307.
Потресовъ, А. II 397.
Прасановъ, В. II 397.
Прелогъ, М. II 403, 405.
Преображенскій, А. I 264.
Преображенскій, В. С. II 353.
Прессъ, Аркадій. I 284.
Прилуцкій, В. I 324.
Пришвинъ, М. I 316.
Прокоповичъ, Ѳ. I 307.
Пругавинъ, А. С. I 307.
Прѣсняковъ, А. I 319, 320.
Путинцевъ, А. М. I 279, 291, II 366.
Пучковъ, С. II 397.
Пушкинъ, А. С. I 284.
Пфлугъ-Гартунгъ. II 397.
Пыпинъ, А. Н. I 326.
Пѣтуховъ, Е. II 366.
Р., I. II 378, 417.
Рагозина, Е. А. I 308, II 397.
Радинъ, А. II 381.
Радловъ, Э. II 366.
Радојчић, Н. II 353, 382, 384, 405, 428.
Разумовскій, В. В. II 397.
Ратнеръ, М. II 381.
Р—въ, А. I 323.
Р—въ, В. II 379, 392, 417.
Реваковичъ, Т. II 432.
Регель, Г. Э. II 374.
Рейтернъ, В. Г., гр. II 393.
Рейхель, М. К. I 306.
Ремблинскій, I 284, II 367, 397.
Рерихъ, К. II 379.
Римскій-Корсаковъ, П. А. II 414.
Ристић, М. II 405.
Риттихъ, П. А. I 294.
Рихтеръ, Д. И. I 289.
Родниковъ, В. I 308.
Рождественскій, С. I 308, II 397, 424.
Рождественскій, Т. С. I 279.
Розановъ, Н. I 323.
Розетъ, И. М. I 284.
Романовскій, Ю. I 308.
Романовъ, Е. Р. I 308.
Россіевъ, П. I 284, 291, 306, 308, 317, 323, 326, II 355.
Ростовцевъ, Ѳ. II 397.
Ростопчинъ, Ѳ. В., гр. I 308.
Ротштейнъ, Н. I 323.
Руварац, Д. II 353, 415, 419.
Рудаковъ, В. I 278, 283, 291, 298, 304, 320, 325, II 375, 395, 399, 400.
Рудневъ, А. Дм. II 345.
Рудницкій, Л. II 379.
Рудницкій, М. II 379.
Русановъ. I 308.

Русановъ, Н. С. I 308.
Русова, С. Θ. II 366.
Руссобтовскій, М. I 308.
Р—цъ. I 318.
Р—цы. II 379.
Рыбниковъ, П. Н. I 279.
Рыболовскій, А. II 419.
Рыстенко, А. В. I 277.
Рѣдько, А. Е. I 284, 285.
Рѣзановъ, В. И. I 288, 323.
Рябининъ, И. С. I 308.
С. I 319, II 377, 403, 404, 429, 431.
С., А. I 289, 292, 308, 311, II 379, 405.
С., В. I 267, II 367, 405, 429.
С., Е. I 308, 309.
С., Л. I 311.
С., М. II 352.
С., О. II 405.
С., П. I 326.
С., Ю. II 419.
Савва, архіеп. I 317.
Саввинъ, Н. А. II 395.
Савеловъ, Л. I 317.
Савельевъ, А. А. II 397.
Савельевъ, П. С. I 326.
Савинъ, А. II 425.
Савичъ, М. А. II 379.
Саводниковъ, В. Θ. II 366.
Садовскій, А. II 397.
Саккетти, А. II 425.
Сакулинъ, П. Н. II 366.
Сакураи-Тадаіоси. II 398.
Салтыковъ, М. Е, II 366.
Самоквасовъ, Д. Я. II 379, 425.
Самоновъ, В. А. I 309.
Санинъ, Н. I 291.
Свэнціцкий, I. II 353, 355.
Селивановъ, А. I 324.
Селивановъ, Н. Ф. II 414.
Семевскій, В. И. I 309, 311.
Семенковичъ, В. II 367.
Семенниковъ, В. I 285.
Семеновъ, Вл. I 309.
Семинъ, О. II 425.
Сенатовъ, В. Г. II 419.
Сенаторскій, И. П. I 285.
Сергѣевъ, А. П. I 317.
Сидоровъ, Н. П. I 280.
Сизовъ, В. И. II 379.
Симсонъ, П. Θ. II 414.
Синявскій, А. С. I 304.
Сиповскій, В. В. I 278, 279, II 367.
Сиротининъ, А. I 264, 285, II 341.
Сироткинъ, Н. Е. II 379.
Ситенко, I., свящ. II 414.
Скабичевскій, А. М. I 285.
Скалонъ, Д. А. I 309.
Скворцовъ, Н., свящ. I 317.
Скерлић, I. II 353, 405.
Скобелевъ, М. Д. I 309.
Скрынченко, Д. В. I 317.
Скубетовъ, М. И. II 374, 379.
Слабченко, М. Е. I 320.
Славинскій, М. I 294, 302, II 367.
Слезскинскій, А. II 398.
Слонимскій, А. II 367.
Слонимскій, Л. З. I 309.
Случевскій, В. II 429.
Смирновскій, I 283, 284.
Смирновъ, А., прот. I 317.
Смирновъ, А. В. II 398.
Смирновъ, П. I 309.
Смирновъ, Петръ. I 317.
Смирновъ, П. С. I 317.
Смирновъ, С. I 317, II 398.
Смирновъ, Я. И. II 414.
Смирнскій, I., свящ. II 398.
Смоленскій, Ник. I 285.
Соболевскій, А. И. I 264, 278, 285, II 353, 380.
Соболевъ, Л. Н. II 398.
Соколова, А. И. I 310.
Соколовскій, М. I 299, 301, 302, 308, 310, II 395, 412.
Соколовъ, А. Е. I 309.
Соколовъ, И. И. I 320.
Соколовъ, Л. II 367.
Соколовъ, Н. Н. I 264.
Соколовъ, П. П. II 398.
Соловьевъ, А. I 305.
Соловьевъ, Вл. I 310, 367.
Соловьевъ, Евг. II 367.
Соломинъ, В. I 308, II 397.
Солосинъ, И. И. I 264.
Сосновскій, М. I 310.
Спасскій, Н. I 306.

Сперанскій, М. I 291, II 353, 367, 429.
Спиридоновъ, Д. С. II 419.
Спицынъ, А. II 380.
Сребрянскій, А. I 285.
Сріблянський, М. II 367, 368, 371, 398.
Ст., Ст. II 382.
Ставревъ, В. II 353.
Стаjић, В. II 367, 405.
Станишић, С. С. II 380.
Станкевичъ, А. В. I 326.
Станоевичъ, С. I 294.
Станоjевић, Л. II 405.
Стасовъ, В. В. II 414.
Сташевскій, Е. II 398.
Стекловъ, Ю. М. I 310.
Степановъ, М. П. I 324.
Степановъ, Н. В. II 398.
Степпунъ, Ө. I 285.
Стефановичъ, Д. Ө., свящ. I 321.
Стефановичъ, С. II 356.
Стоиловъ, К. I 267.
Стоjковъ, М. II 419.
Сторожевъ, В. Н. I 303, 307, II 393, 396, 398, 419.
Стороженко, А. В. II 398.
Стояновъ, К. I 291, II 405.
Строевъ, В. Н. I 310, II 398.
Струковъ, Н. Д. I 317.
Ст — ський, Э. II 380.
Суботић, В. М. II 429.
Суботић, I. II 429.
Суботић, О. II 344.
Суворовъ, И. II 398, 419.
Судравскій, В. II 398.
Сулима, Ө. II 419.
Султановъ, Н. В. II 414.
Суринъ, В. II 367.
Сухово-Кобылинъ, А. В. I 285.
Суховъ, Д. П. II 414.
Сыромятниковъ, Б. II 425.
Т., В. I 305.
Табаковъ, С. I 291.
Тагѣевъ, Б. Л. II 398.
Танковъ, А. А. I 291.
Танчевъ, Т. II 405.
Танъ. II 367.
Тарле, Е. II 398, 399.
Тарнавичъ, I., свящ. II 415.
Тастевенъ, Ф. И. I 310.
Татарскій, I. II 419.
Татищевъ, Ю. В. I 310, II 399.
Тебеньковъ, М. М. I 310.
Телешевъ, Ив. II 399.
Тельбергъ, Г. I 321, II 422, 425.
Темниковскій, Евг. I 321.
Темниковъ, В. I 310.
Теодоровъ-Баленъ, А. II 367.
Тернеръ, Ө. Г. I 310.
Тершаковець, М. II 405, 429.
Тимощукъ, В. В. I 310.
Тиреерь. II 381.
Титлиновъ, Б. В. II 419.
Титовъ, А. А. I 321, II 380, 419, 429.
Титовъ, Ан. I 278, 318, 324, II 419.
Титовъ, Ө. И. I 291, 301, 310, 314, 317, 318, 320, II 353, 417, 419.
Тиховъ, А. И. II 425.
Тихомировъ, Ив. I 307.
Тіандеръ, К. Ө. I 285, 327, II 367, 374.
Т—ій, В. I 307.
Товкачевський, А. II 367.
Тодорскій, В. I 308.
Тодорскій, П. П. II 397.
Толстой, Левъ. I 279, 285, II 367.
Толь, Е. Н. II 399.
Толь, К. Ө., гр. II 399.
Томашівський, С. II 380, 399, 402.
Томилинъ, С. II 399.
Тран—скій, А. II 419.
Трахтенбергъ. II 340.
Треневъ, Д. К. I 324.
Трикулевська, Н. II 415.
Троицкій, Н. И. I 291, II 415.
Троицкій, П. С. I 318.
Троjановић, С. II 403.
Тройницкій, С. I 310, II 399.
Тростянскій, М. И. II 353.
Троцкій, В. I 290, 291, 303, 308, 314, II 377.
Трубицынъ, Н. Н. II 367.
Трутовскій, В. К. I 289, 321, II 375, 380.
Туртъ, Е. А. II 399.
Туганъ-Барановскій, М. I 302, II 396.
Тугендхольдъ, Я. II 412.
Туницкій, Н. Л. I 278.
Тургеневъ, И. С. I 284, 285, II 367.

Туринскій, М. I 310.
Ћоровић, В. II 368.
Ћоровић, R. II 407.
Ћурћић, В. II 380.
У. II 380.
Уварова, П. С., гр. II 291, II 380, 415.
Уваровъ, А. С., гр. I 291, 324, II 415.
Уманецъ, О. М. II 399.
Уманецъ, С. И. II 380.
Уманецъ, Ѳ. I 310.
Умановъ-Каплуновскій, В. II 415.
Успенскій, А. И. I 289, 324, II 375, 415.
Успенскій, Г. И. I 285. II 368.
Успенскій, Порф. I 318.
Успенскій, Ѳ. И. II 405.
Устиновъ, В. М. II 425.
Ф. II 364.
Ф., А. Г. I 306.
Ф., Ал. I 280.
Фаресовъ, А. I 290, 307, II 364, 377.
Фарфоровскій, С. I 291, 310, II 380, 399.
Фасмеръ, М. I 270.
Фатѣевъ, А. Н. II 399.
Федоровъ, В. П. II 392, 393.
Фидель. II 368.
Филипповъ, А. II 399, 425.
Фирсовъ, А. И. I 291.
Фирсовъ, Н. Н. I 310.
Ф—ко, В. I 320.
Флеровскій, Г. I 326.
Флоринскій, Т. II 405.
Флугъ, К. К. II 399.
Ф — нъ, А. I 311, II 362.
Фокъ, А. В. I 311.
Фоминъ, А. I 280.
Фоминъ, А. I 282, 283, 284, 285, 310, II 414.
Фонъ-Липгартъ, У. К. I 323.
Фотинскій, О. А. II 399.
Франко, I. II 355, 368, 380, 381, 405, 423.
Франкъ, С. I 285.
Францевъ, В. I 326 327, II 368, 400, 429.
Фриче, В. I 280.
Фюзиль, Луиза. I 311.
Х. I 311.
Х., К. I 314.
Халанскій, М. II 368.
Харкевичъ, Ф. II 380.
Харламновичъ, К. I 318.
Хахановъ, А. С. I 300.
Хацић, А. II 429.
Хвойко, В. В. II 380.
Хвостовъ, В. М. II 425, 429.
Хвостовъ, М. II 400.
Хомяковъ, М. М. I 291.
Храневичъ, В. I 285.
Храниловић, I. II 368.
Хрептовичъ-Бутеневъ, Гр. I 311.
Цар, М. II 405, 416.
Цветић, Е. Ј. II 405.
Цвиичъ, Іованъ. II 405.
Цвѣтаевъ, Д. В. I 311, II 400.
Цегельський, Л. II 400.
Цинбергъ, С. Л. II 368.
Цухлевъ, Д. I 318.
Чајкановић, В. I 278, II 387.
Чебышевъ, А. I 285, II 362.
Чельцовъ, М., свящ. II 368.
Чернопятовъ, В. И. II 400.
Чернышевскій, М. Н. I 311.
Чернышевскій, Н. Г. II 368.
Чертковъ, А. Д. II 400.
Чеховъ, А. П. I 285, 286, II 368.
Чешихинъ, В. Е. II 368, 400.
Чичеринъ, Б. Н. I 316, II 400.
Чудиновъ, А. И. II 340.
Чуковскій, К. I 286.
Чулицкій, В. М. I 311.
Чулковъ, Г. II 368.
Чулковъ, П. II 415.
Шавельскій, Г., прот. I 318.
Шайкевичъ, М. О., др. мед. I 286.
Шаломытовъ, Н. В. II 368.
Шамбинаго, С. II 355, 400, 429.
Шамовъ, В. И. II 380.
Шахматовъ, А. II 400.
Шаховской, Д., кн. I 311.
Шаховской, С. В., кн. I 311, II 387.
ф. Шварцъ, А. I 308.
Швецовъ, Кл. II 419.
Шевић, М. II 404.
Шевченко, С. II 353.
Шейманъ, В. В. II 415.
Шелгуновъ, Н. В. I 311, II 368.

Шелухинъ, С. П. II 368.
Шеманскій, А. II 400.
Шереметевскій, В. I 311.
Шереметевъ, П., гр. II 381, 400.
Шереметевъ, С., гр. I 311.
Шестаковъ, С. П. I 278.
Шидловскій, А. II 388, 400.
Шикуцъ, Ф. И. I 311.
Шиловъ, А. А. II 400.
Ширяевъ, В. Н. I 321.
Шифъ, Л. I 306, II 389, 424.
Шишкевичъ, М. И. I 311.
Шишкова, Л. С. II 355.
Шишковъ, С. I 267, 268, 279, 292, 327, II 353, 381, 405.
Ш — ковъ, П. А. I 318.
Шкорпилъ, В. В. II 381.
Шмелевъ, Г. I 317, II 425.
Шмурло, Е. II 401.
Шпаковський, М. II 410.
Шпрингеръ, Рудольфъ. II 381.
фонъ-Штернъ, Э. Р. II 381.
Шулятниковъ, В. I 280.
Шумаковъ, С. I 311, II 425.
Шумиловъ, П. Ф. I 292.
Шупинскій. II 401.
Щеголевъ, П. II 368.
Щегольковъ, Н. М. II 401.
Щепкинъ, Е. II 425.
Щерба, Л. В. I 271, II 341, 348.
Щетининъ, Б. А., кн. I 311.
Щукинъ, П. I 286, II 401.
Щуратъ, В. II 363, 368.
Щуцкій, М. М. II 381.
Эберлингъ, А. II 363.
Эвшанъ, М. II 371.
Эйнгорнъ, В. О. I 308, II 401.
Энгельгардъ, Николай. I 311, 312.
Эрбергъ, Конст. II 368, 412, 415.
Ю., М. I 283.
Ющишин, I. II 381, 401, 405.
Я., А. I 282, 293, 305.
Я., Адамъ. II 408.
Яблонскій, В. II 353.
Яворскій, Ю. А. II 381.
Яковлевъ, А. И. I 306, 320, II 401.
Яковлевъ, М. А. I 312.
Якубовичъ, П. I 312.
Якубовъ, К. И. II 399.
Янжулъ, Иванъ. I 312.
Яновскій, Б. I 324.
Ястребовъ, Н. I 293, II 405.
Яцимирскій, А. И. I 286, II 368, 369.
Ѳеоктистовъ, В. К. II 401.
Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіеп. I 307.
Ѳирсовъ, Н. Н. II 401.
Ѳоминъ, Е. И. I 292, 305.
Aarne Antti. II 355.
Abadjieff, Ch. II 406.
d'Abnour, contre-amiral. I 312.
Achelis, T. I 292.
Adámek, J. I 294.
Adjarian, H. I 273, II 349.
a—e II 355.
Almquist, H. I 312.
Andreae, Fr. II 401.
Anonymus. II 341, 344, 349, 351.
Antula, N. II 369.
Appel, K. I 271, II 346.
Arras, P. I 266, II 343.
Artymowicz, Agenor. II 346.
Artzibaschew. I 286.
Asbóth, O. I 262, 327.
Askenazy, C. I 294.
Askenazy, S. II 406.
B., I. II 400, 421, 427.
Bächtold, H. II 401.
Böckström, A. I 273.
Baczyński, J. II 381.
Badecki, K. II 369.
Baerent, K. I 312.
Bähnisch, Alfr. I 278.
Bąkowski, K. II 406, 415.
Bałaban, I. II 406.
Balmont, K. I 286.
Balzer, O. II 425.
Bär, M. I 265.
Baranowski, J. II 381, 383, 406, 408, 411, 420, 425, 426, 427.
Baring, Mr. II 369.
Barone, Mario. I 273.
Bartels, W. II 381.
Bartholomae, Chr. I 273.
Bartolomäus, R. I 273.
Barwiński, E. II 381, 406.
Bass, A. 344, 345.

Batka, R. I 324.
Battisti, C. II 345.
Baudouin de Courtenay, J. I 272.
de Baye, bar. II 381.
Bednarowski, A. I 286.
Beer, Ant. II 341.
Behaghel, O. II 351.
Behrend, P. II 342.
Beigel, St. II 408.
Beltz, Rb. II 381.
Beneš, E. II 430.
Benni, T. II 385.
Beres, R. II 382, 406.
Bergmann, W. I 270.
Berka, V. I 294.
Bernacki, L. II 369.
Berneker, E. I 262, II 339.
Bertolini, G. I 292.
Beschorner. II 344.
Bezzenberger, A. II 369.
—bh— I 275.
Bidlo, J. II 382, 384, 385, 402, 405.
Bieliński, J. II 409, 420.
Biernacki, L. II 353.
Bílý, Fr. I 327, II 430.
Bitschkowski, E. II 342.
Bláha, A. II 430.
Blankenhorn, R. I 262.
Blasel, C. I 273, II 349.
Blattner, Karl. II 340.
Blau, J. I 268.
Bloch, F. II 425.
Bloomfield, M. II 349.
Boczkowski, H. II 385, 387, 403, 423.
Boehtlingk, O. I 273.
Bogdalski, C. II 406.
Bogusławski, E. II 406.
Boháč, A. II 377, 382, 383.
Boisacq. I 273, II 349.
v. Bornhak, Conrad. I 321.
Bösendorfer, I. II 382.
Bourciez, E. I 275, 276.
Bourgeois, H. II 345, 350.
Boyer, P. I 264.
Božek, J. II 432.
Bramberger, J. II 355.
Brandsch, G. I 324.
Brandstäfer, Fr. E. I 270, II, 346.
Braniš, J. II 382.
Bratkowa, I. II 406.
Brawer, A. J. II 382.
Breit, Jos. I 312.
Bremer, O. I 273.
Bresnitz v. Sydacoff. II 401.
Bretholz, B. I 294, 406.
Breuer, H. I 273.
Breznik, J. II 385.
Brockelmann, C. II 349.
Brodziński, K. II 369.
Broman, Z. II 344.
Bromberg-Bytkowski Z. II 369.
Bruchmann, K. I 272, II 348.
Bruchnalski, W. II 369.
Bruck-Auffenberg, N. I 324, II 415.
Brückner, A. I 263, 266, 286, II 339, 343, 346, 354, 356, 368, 369, 372, 384, 386, 411, 425, 427, 429.
Bruckner, W. I 274.
Brugmann, K. I 272, 273, II 349.
Brunk, A. I 268.
Brunnhofer, H. I 273, II 349.
Bubeníček, Jos. II 382.
Buchenau, A. I 272.
Buck, C. D. II 349.
Buek, O. I 286, 312.
Bugge, S. I 273, 279.
Bugiel, W. II 406.
Bühler, K. II 347.
Bujak, F. II 382, 406.
Bujakowski, Z. II 408.
Bukovansky, K. I. II 382.
Bünker, J. R. I 267.
Bunger, E. I 273.
Bürli, J. I 313.
Burmistrz, J. II 409.
Burzew, Wl. L. II 401.
Buzek, I. II 406.
—by—[Machar]. II 372.
C., R. II 371.
Čada, F. II 439.
Cappeller, C. I 271.
Capponi, H. II 369, 406.
Carsten, Broder. II 340.
Černý, A. II 355, 430.
Černý, T. II 421.
Ch. II 341.

Ch., A. II 432.
Chalupný, E. II 369, 430.
Charles, R. H. I 278.
Charpentier, J. I 262, 271.
Chasles, P. II 425.
Chaunier, A. II 425.
Chlebowski, B. I 286, II 369, 370, 371.
Chotkowski, W. II 420.
Chotoniewska, K. II 406.
Christiani, T. II 401.
Christiani, W. I 264, II 340.
Chrzanowski, I. I 287, II 353, 369, 371, 406.
Chybiński, A. II 415, 416.
Ciardi-Dupré, G. I 262, 275.
Ciechowski, W. II 406.
Ciemniewski, J. II 369.
Clary, A. I 275.
Cleinow, G. I 292.
Clemenz, B. I 292.
Cohen, M. II 349.
Conway, R. S. II 349.
Courtois, J. I 294.
Cuny, A. I 273.
Čuvaj, A. II 406.
Czarkowski, L. II 353.
Czarnik, B. II 369.
Czaykowski, K. II 420.
Czermak, W. II 407, 430.
Czołowski, A. II 407.
D., R. II 349.
D., W. I 296.
Dąbkowski, P. II 425.
Dąbrowsky, T. I 287.
Dahn, Felix. II 349.
Daničić, L. T. II 415.
Daniels, E. I 312, II 401.
Danielsson, O. I 273.
Dauzat, A. I 272, II 347.
Decker, A. II 382.
Delbrück, B. I 272.
Delbrück, H, I 313.
Demel, J. I 294, II 426.
Demelić, W. I 296.
Denis, A. II 407.
Denis, E. I 296.
Devis, Cécil. I 312.
Diels, H. I 279.
Diels, P. I 262.
Dittrich, O. I 272.
Djoritsch, S. II 401.
Dmochowski, T. II 407.
Dobiecki, M. I 312.
Dobrzycki, St. II 369.
Döhler, R. I 294.
Dohm, Paul. I 268.
Dollmayr, V. II 347.
Dottin, S. I 276.
Drechsler, B. II 355.
Drechsler, P. I 268.
Drzażdżyński, Stanisl. I 267.
Dubský, O. II 384, 416.
Duda, F. II 382.
Dujmušić, J. II 344.
Dukmeyer, I 271, II 401.
Dunin, W. II 384.
Dušek, V. J. I 264, II 402.
Dvořák, M. I 287, II 369.
Dvorský, V. II 382.
Dyakowski, B. II 382.
E. I 295.
Eberhart Wilh. II 347.
Eckhardt Ed. II 347.
Egelhaaf G. I 312.
v. Egloffstein. II 401.
Ehrlich, H. II 349.
Endt, J. I 268.
Engelhardt, A. N. I 264.
Erdejlanovič. I. II 382.
Erdélyi, L. I 270.
Erdmann, Karl Otto. II 347.
Erhardt, Z. II 351.
Ernout, A. I 274, II 350.
Ettmayer, K. I 272, 275, II 345.
F., V. 369.
Fakler, F. I 291.
Farkaš, L. II 426.
Feist, S. I 271, II 349, 354.
Feldman, W. II 369.
Fellner, T. II 426.
Ferd, P. II 385.
Fick, A. I 274.
Fijałek, J. II 420.
Findeis, R. I 277.
Finkel, Ludwig. I 294.
Fischer, A. II 415.

Fischer, E. II 382.
Fischer, H. I 270, II 345.
Fischer, P. II 407.
Flajšhans, V. II 341, 353, 355.
v. Floth, H. I 312.
Folejewski, I. II 426.
Follmann, M. F. I 271.
Förster, M. I 218.
Fortunatow, Ph. I 263.
Foy, W. I 277.
Francev, V. A. I 327, II 377.
Franck, J. I, 274, II 349.
Frazer, J. G. I 274.
Friedrich, G. II 407.
Fuhse, F. I 270.
G., H. II 371.
G., R. I 313.
G., T. S. II 370.
Gajsler, J. F. II 407.
Gallée, J. H. II 349.
Garbe, R. I 273.
v. Garnier, K. I 274.
Gartner, Th. II 345.
Gauthiot, P. II 345, 351.
Gawalewicz, M. II 353.
Gawlik, M. II 407.
Gawriysky, D. I 268, II 344.
Gawroński Rawita, Fr. I 297, 312, II 407.
Gebauer, J. II 341.
Gebauerová, M. II 430.
Geiger, W. II 351.
Gelzer, H. II 382.
Gennard, R. II 407.
Georgewitsch, W. I 294.
Gilkin, W. I 264.
Gilow, M. I 278.
v. Ginnecken. Jac. II 347.
Girgensohn, J. II 402.
Girgensohn, P. I 312.
Gjurgjević, M. II 407.
Glatman, L. II 407.
Glaue, Paul. II 34«.
Gleye, Karl. I 264.
Gloede, H. I 269.
Głowacki, I. II 415.
Glücklich, J. II 410.
Gniewosz. II 426.
Godlewski, M. II 420.
Goetz, L. K. I 318.
Gogol, Nikolaus. I 286.
Goldmann, E. I 294.
Goll, J. II 432.
Golther, W. I 274.
Gopić, J. II 344.
Gorge, S. I 294.
Goriainow, S. II 407.
Görler, C. I 295.
Gorski, A. I 287.
Goyski, M. II 426.
Gozdawa, M. II 407, 420.
Grabiec, J. II 407.
Grabowski, T. F. II 370.
Grabowski, S. I 278, 287, II 354, 369, 370, 430.
Grass, K. K. I 318.
de la Grasserie, R. I 272, II 347.
Grażyński, M. II 407.
Greim, M. II 376.
v. Grienberger. I 268.
Grimm, O. I 268.
Grimme, H. I 274.
Gr⟨önert⟩, W. II 350.
Gruźewski, B. II 426.
Gruszewski, C. II 426.
Gulgowski, J. 342, 384.
G⟨umowski⟩, M. II 382.
Gurlitt, C. II 416.
Gustawicz, B. II 383.
H. II 409, 410.
H., J. II 431.
Hadaczek, K. I 295.
Hadank, K. II 402.
Haegle, A. II 421.
v. Hahn, C. I, 274, II 345.
Hahn, W. II 370, 407.
Hainisch, M. II 383.
Hajdecki, A. II 415.
Halecki, O. II 407.
Hanuš, J. II 430, 431.
Harald, Fr. II 363.
Hartingh, Zofja. II 342.
Hartleb, K. II 406, 410, 420, 422, 430.
Hartman, F. I 276.
Hassert, K. II 384.
Haudeck, J. 295, 324.
Hausenblas, A. II 350.

Havelková, Vl. II 416.
Haym, K. I 272, II 347.
Heerdegen, F. I 276.
Heidler, J. II 369.
Heitzman, H. II 401.
Hejný, J. II 426.
Heller, S. II 370.
Helm, Karl. II 349.
v. Helten, W. I 262.
Herben, J. II 416.
Heroen, J. II 430.
d'Herbigny, Michel. I 312.
Hermann, Ed. I 271.
Herzen, Alex. I 312.
Herzer, J. I 264, II 341.
v. Hesse-Wartegg, P. I 295.
Heusler, A. I 276.
Hike, K. II 371.
Hintner, V. I 269.
Hnatjuk, V. II 355.
Hofer, P. II 349.
Hoffmann, M. I 265.
Hoffmann, O. II 349.
Hoffmann-Krayer, E. I 272.
Hoffmann-Kutschke, A. II 350.
Hoffmeister. J. 275.
Hofmann, J. I, 287, II 369, 383.
Hofmann, Reinh. II 345.
Hohn, W. I 287.
Holas, Č. II 355.
Holbach, M. I 292.
Holder, A. II 350.
Holthausen, F. I 262.
Honigberger, R. I 271.
Horák, J. II 355, 356, 432.
Horcicka. A. I 295, 324.
Horn, Ew. I 295.
Horský, E. II 383, 400.
Hoser, J. K. F. II 383.
Hötzsch. II 402.
Hrozný, Fr. II 350.
Hrubý, F. II 356, 407.
Hrubý, V. II 407.
Huber, J. I 272, II 347.
Hujer, O. I 271, 274, 275, II 339.
v. Humbaldt, W. I 272.
Hüsing, II 350.
Huszár, Enéric. I 286.
Hýbl, F. II 432.
Hýsek, M. II 370, 372.
Ignota. II 402.
Ilešič, F. II 386, 430, 431.
Ive, A. II 345.
Ivekovič, A. C. M. I 324.
Iwaszkiewicz, I. II 387.
J. II 432.
Jabłonowski, A. I 312, II 383.
Jabłonowski, W. I 312, II 407.
Jacimirskij, A. II 356, 366.
Jackson, A. V. 274.
Jaenicke, H. I 295, II 407.
Jagić, V. II 339, 369.
Jakubec, J. I 327, 431.
Janko, J. I 262, 339, II 347, 383.
Jankowski, Wl. I 288, II 369.
z Janova, Matěj. II 420.
Janowicz. II 383.
Janowski, L. I 287.
Jarnik, Hartvik. I 295.
Jarzebski, A. II 408.
Jasiński, L. II 408.
Jaskłowski, W. II 383.
Jaworski, F. II 383, 408.
Jecht, R. I 295.
Jenč z Kluče, J. A. II 383.
Jensen, A. I 287, II 370, 401.
Jentsch, A. II 343, 344.
Jespersen, O. II 347, 350.
Jindřich, K. II 420.
Jira, J. A. II 383.
Jireček, H. II 426.
Jireček, K. I 292.
Jodkowski, J. II 408.
Johansson, I 262, 274, 275.
John, E. I 269.
Jordan, B. II 350.
Jordan, R. I 274.
Jorga, N. II 420.
Jovićevic, A. II 383.
de Jubainville, A. I 276.
Juritsch, G. I 295, II 426.
v. Kállay, Bj. II 408.
Kallenbach, J. I 287, II 356, 370.
Kałužniacki. II 383.
Kamieniecki, W. II 407.
Kamshoff. I 295.

Kandel. I 295, II 408.
Kannengiesser, A. I 274.
Kantor, I. II 370.
Kapff, R. I 276.
Kapras, J. II 425, 426, 427.
Karbowiak, A. II 408.
Karst, J. I 273, II 349.
Karutz, R. I 292.
Kasasis, Neokles. II 345.
Kašík, A. I 264, II 341.
Katharina II, Kaiserin. I 312.
Kauffmann, Fr. I 274, II 350.
Kaumann, E. II 420.
Kayser, K. II 350.
Kazimour, J. II 408.
Kd. II 341, 372.
Kekule, S. II 408.
Keller, K. I 312.
Keller, O. I 262, II 350.
Keppel, G. I 291.
Kick, F. II 416.
Kidrič, F. II 370.
Kieckers, E. I 274.
Kielsti, B. I 287.
Kierst, W. II 420.
Ki<Krejčí, Fr.>. II 430.
Kisch. I 271.
Klapper, J. I 269.
Kleiner, J. I 287, II 370.
Kleinpaul, Bud. I 289.
Klíma, S. II 383.
Klimesch, J. M. I 264.
Klinger, W. II 383.
Kluge, F. I 269, 274, 275, 276.
Knoop, O. I 269, 292.
Kob, Gurt. II 384.
Kob, E. I 292.
Koblischke, J. I 266.
Koch, E. I 266, II 343.
Kochanowski, I. II 384.
Kock, Alex. I 275.
Koetschet-Grassel. I 295.
Kolankowski, L. I 295.
Komierowski. R. II 408.
Komlóssy, F. II 426.
Koneczny, F. II 408.
Konopczyński, W. II 402, 408.
Konopka, II 408, 420.
Kopaczewski. II 342.
Just, G. II 402.
—K—. II 421.
K., A. II 385, 426.
K., E. II 426.
K., S. II 387.
Kaczmarczyk, K. II 426.
Kadlec, K. II 408.
Kaemmel, Otto. I 295.
Kahle, B. I 295.
Kaindl, R. F. I 292, 295, II 383, 426.
Kálal, K. II 432.
Kalima, J. II 341.
Kallab, V. II 421.
Kopietz, I. II 408.
Koppens, R. II 370.
Korko, P. II 343.
Korodi, L. I 270.
Korošak, C. II 356.
Korzeniowski, I. II 354.
Korzon, T. II 408.
Kośiński. I 296, II 408.
Kossinna, G. I 275.
Kossobudzki. II 430.
Kossowski, St. I 287.
Kotarbiński, I. II 370.
Kotnik, F. II 356.
Koti, J. II 341.
Koudela, J. II 432.
Koudelka, A. II 370.
Kowalczyk, S. K. II 416.
Kozlovský, J. II 430.
Kozłowski, W. M. II 408.
Kr. I 287.
Kr., K. II 406, 411.
Král, J. I 265, II 341, 430.
Kralovec, I. C. II 354.
Kramář, K. II 408.
Krasicki. I. II 370.
Kratochvíl, A. II 384.
Krauhar, A. I 296.
Kraus, E. II 354.
Kraushar, A. II 409, 420. 426.
Krauss, Fr. S. I 292.
Krček, Fr. I 267.
Krechowiecki, A. II 370.
Kreiner, J. I 296.
Krejči, F. II 426, 430, 432.

Krejči, K. II 430.
Krejčík, A. L. II 420.
Kretschmayer, H. II 426.
Kretschmer, P. II 350.
Kridl, M. II 370, 371, 372, 411.
Krivić, R. P. II 430.
Kriwtsckenko, G. II 402.
Krofta, K. II 384, 405, 408, 409, 426.
Krollmann, Chr. I 296.
Krumbacher, K. II 430.
Kruszelnyćkyj, A. II 371.
Kryński, A. A. II 385.
Krzyzanowski, S. II 409.
Kubala, L. II 409.
Kubiček, E. I 296.
Kubíček, V. II 409.
Kühnau, R. I 292, II 344.
Kujola, Joh. I 269.
Kujot, Ks. S. II 409, 420.
Kukiel, M. I 287, II 409.
Kulcsár, G. I 272.
Kunz, K. I 265.
Kušej, J. R. II 420.
Kutrzeba, St. II 426.
v. Kutschera, H4. I 275, II 345, 384.
Kutyłowski, B. II 371.
Kuziela, Z. II 384.
Kybal, V. II 409.
Kypáček, Fr. S. I 324.
Kvačala, J. I 296, II 371.
L., R. C. II 384.
Laichter, J. II 430.
Lamač, J. I 296.
Lampel, II 402.
Landsberger, J. I 296.
Lane, Ad. I 313, II 344.
Langer, Ed. I 265.
Larivière, Ch. I 313.
Latosiński, J. II 384.
Laubert, M. I 296.
Laucet. II 409.
Lawiliński, R. II 385.
Lederer, V. I 324.
Legras, J. I 286, 318, 319.
Leitzmann, A. I 272.
Lejay, P. I 274, 278.
Leminger, E. II 409.
Lenkas. II 384.
Lenz, Ph. II 345.
Leroy-Beaulieu, An. II 425.
Leser, M. II 350.
Leskien, A. I 263.
Lessiak, P. II 342.
Letošnik, J. II 356.
Levi, S. I 273.
Levy, E. I 272.
Levý, F. II 420.
Lewiatan. II 342.
Lidén, E. I 275.
Liebert, E. II 384.
Lieder, W. II 343.
Lilla, P. S. II 344.
Limanowski, B. II 371.
Lindsay, W. I 275, II 350.
Linschmann, I. I 277, II 350.
List, Guido. I 275.
Littmann, E. II 348.
Lochner, J. II 349.
Lodyński, M. II 420, 421.
Loesener, M. I 267.
Loewe, R. I 269.
Loewenfedl, Raphael. I 286.
Loewenthal, W. II 341.
Lohmeyer, K. I 265.
Lorentz, Fr. II 342, 384.
Loret, M. II 420.
Łoś, J. I 263.
Loskot, F. II 409, 431.
Loth, E. II 384.
Löwe, H. I 264.
L<unde>ll, J. A. I 263, 264.
Luniński, E. I 308, 313.
Luschin von Ebengreuth, A. II 426.
Lutosławski, W. I 287.
Lutostański, K. II 427.
Lützow, F. II 409.
Lützow, the count. I 296.
Lux, J. I 296.
M., A. II 382.
M., H. II 408.
Macdonell, A. A. I 275.
Mach, B. II 341.
Máchal, J. II 369, 371, 416, 430.
Mádl, K. B. II 384, 416.
Majcen, J. II 344.
Makarenko, M. II 384.

Makarow, N. P. I 264.
Malý, J. II 409.
Manek, F. II 345.
Mankowski, H. I 288.
Mann, Osc. I 276.
Mansikka, V. I. II 384.
Manteuffel, G. II 384.
Marçais, W. II 349.
Maretić, T. II 356.
Markowitsch, B. I 296.
Martin, E. II 344.
Martinak, E. II 348.
Marty, A. I 272, II 347.
Marylski-Lusczewski. II 427.
Matthias, Th. II 347.
Matuszewski, I. II 371.
Maurović, M. II 427.
Mauthner, Frz. II 347.
Maykowski, S. II 371.
Mazon, A. II 339, 343.
Mažuranić, V. II 427.
Meerowitsch, Z. I 313.
Meillet, A. I 263, 272, 273, 275, II 339, 340, 347, 348, 349, 350, 351.
Meinardus, O. II 427.
Mękicki, R. II 421.
Merhar, J. II 430, 431.
Metzner, E. II 421.
Meyer, M. I 312.
Meyer, R. M. I 273, 274, II, 348, 350.
Meyer-Benfey, H. I 286.
Meyer-Lübke. I 275.
Méyet, L. II 371.
Michalski, S. II 409.
Mikkola, J. J. II 346.
Miljukov, P. N. II 402.
Miodoński, A. II 409.
Miškowsky, J. II 421.
Mitrofanov, P. I 296.
Mlincke Rud. I 286.
Modelski, T. E. II 386.
Molé, V. II 370.
Möller, H. II 350.
Molota, J. II 427.
Morgenbesser, M. II 409.
Mościcki, H. I 287, 288.
Moser, Virfil, I 275.
Mourek, V. E. II 384.
Mucke, E, I 266.
Mücke, J. II 345.
Muka, A. I 266.
Müller, Curt. I 269.
Müller-Fraureuth, K. II 344.
v. Mülverstedt, G. I 267, II 343.
Murko, M. I 278, 292, II 354, 369, 385, 406.
Murr, J. II 348.
—n—. II 421.
N., A. II 372.
Naegle, A. I 318.
Navrátil, B. II 421.
Neckel, S. I 276.
Nejedlý, Z. II 430.
Němec, J. 354, 409.
Niederle, L. I 292, II 384, 385.
Niedermann, M. I 262, 273, 274.
Nitsch, K. I 263, 267, II 343, 386.
Nk., I. II 371.
Nolting, W. I 292.
Nopesa Frz. II 385.
Noreen, A. II 351.
Nosovský, K. II 430.
Novák, A. I 296, II 354, 371.
Novák, J. B. II 407, 410.
Novotný, J. II 409, 431.
Novotný, R. II 409.
Novotný, V. II 409, 432.
Nussbaumer, O. I 275.
Nyrop, Kr. I 275.
O., H. II 406, 409.
O., I. II 411.
Obst, J. II 371, 384, 409.
Oehler, M. I 296.
Oehm, M. II 385.
Ogończyk, N. II 385.
Ohle, R. I 269.
Ohnesorge, W. I 269.
Olbrich, K. I 293.
Olrik, Alex. I 276.
Opieński, H. II 416.
Orzeszkowa, E. II 371.
Os...arz, II 385, 402.
Osten-Sacken, P. I 313.
v. d. Osten-Sacken, W. II 339.
Otto, B. II 348.
Overmann, A. I 297.

P. II 368, 385, 432.
P., F. II 430.
P., J. II 375, 381, 421, 431.
P., K. L. II 421.
P., V. II 355.
Paasonen, H. I 276, 278.
Padojruta, I 321.
Palme, Anton. II 427.
Palmieri, Aurelio. I 319.
Partsch, J. II 385.
Passarge. II 383, 385.
Pastrnek, F. II 340.
Páta, J. I 267, 288, II 340, 353, 355, 366, 409.
Patera, Ad. I 327, 431.
Patock, Johs. II 343.
de Patrubany, L. I 262.
Patsch, C. I 293, II 384.
Patsch, K. II 354.
Patschovsky, W. I 269.
Paul, K. II 355.
Pawlikowski, J. G. I 288, II 371.
Pawlowski, B. II 402.
Pazdirek, Fr. II 416.
Pedersen, H. I 273, 276.
Peisker, A. I 293.
Peisker, J. II 385.
Pekař, J. I 279, II 342, 409, 432.
Pekmezi, G. II 345.
Pellegrini, C. II 427.
Penck, Alb. II 348.
Penka, Karl. II 351.
Perko, Frz. II 341.
Persky, S. II 372.
Persson, P. I 263.
Pešek, J. II 354, 431.
Pessler, W. I 266, 293, II 385.
Peterka, O. II 427.
v. Petersdorff, H. II 401.
Petersson, H. II 339.
Petrikovich, II 382.
Petsch, R. I 292.
Petzold, E. II 372.
Peucker, K. I 293.
Pfaundler, Rich. II 344,
Philipon, Ed. I 276, II 351.
Philippson, M. I 297.
Píč, J. L. II 385.
Pick, F. I 279.
Pieper, H. I 269.
Pietrzycki, J. I 288.
Piffl, H. II 410.
Pilat, R. I 288, II 372.
Pini, T. I 287, 288.
Pinkava, V. II 421.
Pinsker, V. II 410.
Pischel, R. I 276.
Piquet, F. I 277.
Plaček, J. I 319.
Pobłocki, Ks. II 385.
Podlaha, A. II 421.
Pojezdný, J. K. II 385.
Polek, I. I 293.
Polić, L. II 424, 427.
Polivka, J. I 292, II 355, 372.
Pollak, H. W. II 348.
Pollak, R. II 372.
Polly, A. II 402.
Popiołek, Frz. I 267.
Popławski, J. L. II 372.
Poschinger, H. I 313.
Pospíšil, F. II 341.
Potočnik, M. II 385.
Pražák, A. II 372, 431.
Preindlsberger-Mrazowic, Milena. I 297.
Prellwitz, W. I 275, II 351.
Premru, G. II 342.
Printz, W. I 275.
Prochaska, A. II 410, 421.
Procházka, K. II 385.
Prohaska, Dragutin. I 288.
Proházka, J. I 272.
Prümers, R. I 313.
Ptaśnik, I II 421.
Ptaszycki, Jan. I 297.
Quandt, Frz. II 402.
Quiggin, E. C. II 351.
R., E. I 268.
R., J. I 298.
Radič, Št. II 385.
v. Radics, P. II 431.
Radziszewski, H. II 410.
Rahn, W. I 272.
Ramstedt, G. J. II 341.
Rank, Jos. I 265.
Ratzel, Fr. II 348.

Rawita-Gawroński, Fr. I 297, 312, II 407.
Reche, O. II 385.
Reckendorf, H. I 272, II 348.
Red. II 431.
Regener, Edg. Alfr. I 286.
Řehák, K. L. II 421.
Reichelt, H. I 274.
Reichert, H. I 269.
Reinwart, J. I 294.
Rejzek, A. II 431.
Renner, I. II 410.
Res. II 402.
Reuter, Chr. I 297.
Rhamm, K. I 293, II 385.
Ricek, L. I 293, II 348.
Richter, E. II 348.
Riedl, H. II 369.
Rieger, B. II 427.
Rieger, K. II 371.
Ritter, William. II 414.
Rohrbach, P. II 402.
Rona-Sklarek, Elisab. I 293.
Roscher, W. H. II 385.
Rost, P. I 266.
Rottmann, L. I 293.
Rozwadowski, J. I 263, 367, 272.
Rudinyi, M. I 271.
Rudolf, A. I 297.
Rumbauer, M. I 292.
Ruschke, Frz. I 272.
Rutkowski, J. II 410, 421.
Ruzicka, R. I 272.
Ryll, G. II 410.
Rypáček, F. J. II 385, 386, 410.
Ryšánek, F. II 354.
Rywocki, M. II 354.
S. II 368, 422.
S., A. II 351.
S., E. II 416.
Š., J. II 342, 425, 430.
S., P. II 410.
S., Z. II 353.
Sach, Aug. I 266.
Sadzewicz, A. II 372.
Šalda, F. X. II 372.
Salis, F. I 266.
Salle, H. II 371.
v. Salten, Alfr. II 348.
Šašecí, O. II 386.
Sasínek, Fr. V. I 279, 297, II 356.
Sawicki, L. I 267.
Schaefer, J. I 269.
Schapire-Neurath, A. I 313.
Schatz, J. II 351.
Scheinert, M. I 272, 273.
Scherer, W. W. I 264.
Schiemann, Th. I 313.
Schillmann, F. I 266.
Schimpff. I 265.
v. Schlegel, Aug. Wilh. I 272.
Schlüter, O. I 297, II 384.
Schmalz, I. I 276.
Schmidt, G. I 297.
Schmidt, V. I 297.
Schmidt, W. E. II 371.
Schneider, S. I 288, II 372, 386.
Schnippel, E. I 267.
Schönborn, H. I 297.
Schrader, O. I 276, II 351.
Schreiber, M. I 288.
Schrijnen, Jos. I 272.
Schröder, Edw. I 270.
Schröder, H. I 272, 276, II 351.
Schröer, A. I 274, II 351.
Schroot, A. I 270.
Schubert, H. I 297.
Schullerus, I 270, II 345.
Schullerus, Pauline. I 278.
Schulz, H. I 269, 273.
Schulze, W. II 346.
Schuster, G. I 266.
Schweinitz, H. H. I 313.
Schwela, G. I 266.
Scott, F. N. I 273.
Séchehaye, Alb. II 348.
Séchehaye, Ch. I 273.
Sedláček, A. II 341.
Sedláček, Fr. I 265.
Sedlák, I. H. II 421.
Sędzicki, F. II 356.
Seeliger, E. A. I 266, II 343.
Seifert, Ad. I 265.
Seifert, M. I 292.
Seler, E. I 271.
Sembritzki, I. I 313.
Semkowicz, W. II 410.

Sergius. I 280.
Setälä, E. N. I 276, II 369.
Siebs, Th. II 351.
Siecke, E. I 271.
Siegl, K. I 297.
Siemieński, J. I 288, II 381, 386, 425, 427.
Sikoliwsky, L. II 341.
Šilović. II 427.
Šíma, J. I 324, II 416.
Šimák, J. V. I 297, II 386, 410.
Šimek, T. II 421.
Simkhowitsch, Wl. II 402.
Simon, Alicja. I 279.
Simonyi, S. I 271, II 345.
Sinko, T. I 286, II 372, 406, 427.
Skalweit. I 265.
Skarpa, Sveć Vicko J. 278 I.
Škerovic, F. II 375.
Skladny, A. I 297.
Škorpil, V. II 342.
Škultéty, J. II 431.
Slaski, B. II 427.
Slavík, F. A. II 410.
Slavík, I. II 409.
Šliwiński, A. II 372.
Slović. II 427.
Służewski, W. II 410.
Smetánka, F. II 421.
Smoleński, W. I 297.
Smolicki, A. I 288.
Smólski, G. II 382, 386, 410.
Sobieski, W. II 410.
Sofric, P. II 386.
Sokolnicki, M. II 410.
Solmsen, F. I 263.
Sommerfeldt, G. I 297, 313.
Souček, S. II 386, 431.
Soukup, J. I 293, II 386.
Spatz, M. II 410.
Spatz, W. I 266.
Speranski, N. I 264.
Spevec. F. J. II 427.
Spieker, M. I 266.
Spinčič, Bogomir. I 265.
Spisar, A. II 372.
Srdínko, O. II 402.
v. Staël-Holstein, A., bar. I 276.
Stade, P. I 267.
v. d. Steinen, K. I 327.
Stenbock, C. M. I 263.
Stenzier, Ad. I 276.
Stern, Clara. II 348.
Stern, W. II 348.
Sticotti, P. II 410.
Stoltenburg, H. I 297.
Stolz, Fr. I 276.
Stotz, A. II 345.
Straka, J. I 265, II 341.
Streitberg, W. I 276, II 351.
Strohal, J. II 407, 427.
Strohal, R. II 386.
Stürmer, Frz. II 348.
Suits, G. II 369.
Suolahti, H. I 276, II 351.
Supan, Alex. I 293.
Šusta, J. II 432.
Sutnar, J. II 372.
Sutterlin, L. I 276.
Svoboda, Fr. I 279.
Svoboda, M. II 421.
Szelągowski, A. II 386, 427.
Szinnyei, Jos. I 271.
Szpołański, S. II 372.
Szukiewicz, W. II 386.
Szumowski, W. II 406.
Szydelski, S. II 422.
T., F. II 430.
T., R. II 386.
Techen, Fr. I 278.
Teichl, A. I 298.
Teige, J. I 298, II 386, 410, 411.
Tenora, J. II 386, 409, 422.
Tesař, P. II 386.
v. Thallóczy, L. II 408.
Thevet, A. I 264.
Thomson, A. II 339, 348.
Thumb, A. II 345, 348, 369.
Thurneysen, R. I 276, II 351.
Tichý, J. II 405.
Tiktin, H. II 348.
Tilk, J. II 341.
Tille, V. II 342.
Tobolka, Z. I 278, II 408, 409.
Tokarz, W. II 411.
Tolman, Herbert, C. II 351.
Toltýnovský, J. II 421.

Tomašić, C. I 321.
Tomašič, N. II 428.
Tominšek, J. II 428.
Torp, A. I 273.
Traub, H. I 327, II 420, 431.
Trautmann, R. II 346.
Trebitsch, Rud. II 351.
Treter, M. II 384.
Tretiak, I. II 369.
Trnka, F. II 387.
Trotzky, N. I 313.
Truhelka, C. II 411.
Trzpis, H. II 372.
Tunkelo, E. A. II 348.
Turowski, Stanisław. I 287.
—u—. II 341.
Uebersberger. II 402.
Uhlenbeck, C. C. I 263, 274.
Uhlig, G. I 266.
Ujejski, J. II 369, 371.
Ulanowski, B. I 294. 318.
Ulehla, J. II 387.
Urban, M. I 270.
Urbánek, G. II 432.
Ursu, J. I 298.
Usnadse, D. I 313.
Uziębło, L. II 422.
V., J. II 421.
V., K. II 372.
Vachek, E. II 371, 372.
Vajs, J. II 354.
Vančura, J. II 411, 431.
Vása, L. II 354.
Váša, P. II 339.
Vejvara, J. II 431.
Vendryes, J. II 349, 350, 351.
Veselcký, A. II 431.
Veselý, J. II 416.
Viator Scotus. II 387.
Vilmar, A. F. I 271.
Vinař, J. II 431.
Vinson, J. II 347, 349.
Viski, K. I 271.
Vladislavlev, I. A. II 373, 402.
Voborník, J. I 288.
Vodák, J. II 372.
de Vogüé, Melchior. I 286.
Volf, J. II 354, 387, 411, 421.
Völker, K. I 298, II 422.
Volland. II 345.
Volz. II 411.
Vondrák, V. II 339.
Vrtel, S. II 354, 355.
Vymazal, Fr. I 268.
Vymazal, J. II 344.
W., L. II 371.
Waag, Alb. I 273.
Waber, A. I 298.
Waddington, R. II 402.
Wagner, R. II 350.
Wal, Bol. II 416.
Walde, A. I 263.
Waliszewski, K. II 402.
Wannagat, J. II 346.
Warschauer, Ad. I 298.
Wasilewski, L. II 387.
Wasylewski, S. II 356, 373.
Wawrzkowiez, E. I 313.
Wegemann. II 381.
Weigand, F. II 351.
Weigand, G. II 420.
Weise, O. I 276, II 351.
Weissbach, C. F. I 276.
Weissbach, F. H. II 352.
Weissberg, S. II 374.
Weissenberg, S. I 293.
Wengerow, P. II 402.
Weressajew, W. I 313.
Werle, G. II 345.
Wesselowsky, A. II 369.
Wićaz, O. II 432.
van Wijk, N. II 339.
Wiklund, K. B. I 276.
Wilke. II 352.
Wilmanns, W. I 277.
Winger, J. II 432.
Winiarski, B. II 428.
Winiarz, A. II 428.
Winkler, Heinr. I 277.
Winter, Z. II 411.
Winternitz, M. I 274.
Wirth, Alb. I 298.
Wirth, Zd. II 432.
Wiśniowski, J. I 288.
Witte, Hans. I 266.
Witte, M. I 298.

Włodek, L. II 372.
Wojciechowski, K. I 287.
Wojciechowski, T. II 411.
Wolter, E. II 369.
Wotschke, T. II 411.
Wrangell, G. I 313.
Wright, J. II 352.
Wróblewski, T. II 426.
Wundrack. I 298.
Wundt, W. II 348.
de Wyl, Karl. I 270.
X. II 382.
Z., D. II 406.
Zabel, E. I 286.
Zaborski, W. II 422.
Zagorśky, V. II 431.
Zaleski, Z. L. II 369, 373.
Žalud, A. II 432.
Zavadil, A. II 342.
Zazula, W. II 373.
Zdziarski, St. I 287, II 352, 370, 399.
Zíbrt, Č. II 354, 356, 387, 411, 422, 431.
Zich, O. II 356, 387, 416, 432.
Zieleńzyk, A. II 370.
Ziemer, H. I 275.
Zubatý, J. I 263.
Zubowicz, Piotr. I 293.
Zulawski, P. II 387.
Zupitza, E. I 277.

КОНКУРСЪ

на двѣ преміи Императорскихъ Театровъ.

Дирекція Императорскихъ Театровъ объявляетъ конкурсъ на двѣ преміи, по двѣ тысячи рублей каждая, изъ коихъ одна за драматическое произведеніе, относящееся къ избранію на царство Михаила Ѳеодоровича Романова въ 1613 году, и другая — за драматическое произведеніе изъ эпохи отечественной войны 1812-го года.

Условія конкурса слѣдующія:

1. Драматическія произведенія на конкурсъ представляются въ С.-Петербургскую или Московскую Конторы Императорскихъ театровъ *подъ девизомъ* безъ обозначенія имени автора. Имя, отчество, фамилія и подробный адресъ его должны быть приложены въ запечатанномъ конвертѣ, на лицевой сторонѣ котораго долженъ быть выставленъ тотъ же девизъ, что и на заглавномъ листѣ пьесы. Въ случаѣ присужденія преміи, конвертъ, относящійся къ премированному произведенію, вскрывается, остальные конверты сжигаются въ послѣднемъ засѣданіи жюри. Пьесы, не получившія преміи, возвращаются обратно предъявителямъ расписокъ, выдаваемыхъ Конторами при представленіи пьесъ на конкурсъ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ присылки пьесъ по почтѣ должно быть препровождаемо заявленіе, по какому адресу должна быть выслана квитанція Конторы.

2. Послѣдній срокъ представленія пьесъ на конкурсъ 1-е Января 1912 года, послѣ какового числа пріемъ пьесъ прекращается.

3. Каждое произведеніе представляется въ 2-хъ экземплярахъ или печатныхъ (на правахъ рукописи) или писанныхъ четко и разборчиво на пишущей машинѣ или отъ руки.

4. Рѣшеніе жюри объявляется между 1-мъ и 15-мъ Апрѣля 1912 г.

5. Въ случаѣ присужденія, премія выдается автору не позднѣе 1-го Сентября 1912 года, но не иначе, какъ по представленіи имъ разрѣшеннаго драматической цензурой къ представленію экземпляра.

6. Произведенія, представляемыя на конкурсъ, до рѣшенія жюри не должны быть ни изданы, ни играны на сценѣ.

7. Обѣ преміи или одна изъ нихъ могутъ остаться не присужденными по рѣшенію жюри.

8. Въ случаѣ, если заслуживающими будетъ признано болѣе одной пьесы на каждую премію, то ее получаетъ та, которая будетъ избрана Дирекціею Императорскихъ театровъ заслуживающей постановки въ сезонѣ 1912/13 годовъ на одной или обѣихъ Императорскихъ драматическихъ сценъ (С.-Петербурга и Москвы). Каждая премія можетъ быть раздѣлена между двумя драматическими произведеніями лишь въ томъ случаѣ, если Дирекція найдетъ желательной постановку двухъ пьесъ на одинъ и тотъ же сюжетъ или на одной и той же или на разныхъ Императорскихъ драматическихъ сценахъ Петербурга и Москвы, или если одна пьеса будетъ выбрана Дирекціей для Петербурга, а другая для Москвы.

9. Премированныя пьесы ставятся на Императорскихъ сценахъ на обычныхъ условіяхъ вознагражденія.

10. Жюри для присужденія преміи образуется изъ С.-Петербургскаго и Московскаго отдѣленій Театрально-Литературнаго Комитета при Дирекціи Императорскихъ театровъ и лицъ, назначенныхъ Директоромъ Императорскихъ театровъ для участія въ работахъ жюри.

СТРАН.

русскаго церковнаго права. Изслѣдованіе Священника Димитрія Стефановича. Спб. 1909. Стр. II+320. Цѣна 2 руб. .... 317—340

XII. **Приложеніе:**

В. Н. Бенешевичъ. — Указатель именъ авторовъ къ «Обзору трудовъ по славяновѣдѣнію» за 1910 годъ. . . I—XXVI

Общее содержаніе XV-го тома Извѣстій русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

ИЗВѢСТІЯ

Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Имѣются въ продажѣ: т. VI (1901), кн. 4-я; т. VII (1902), кн. 1—4; т. VIII (1903), кн. 1—4; т. IX (1904), кн. 1—4; т. X (1905), кн. 1—4; т. XI (1906), кн. 1—4; т. XII (1907), кн. 1—4; т. XIII (1908), кн. 1—4; т. XIV (1909), кн. 1—4; т. XV (1910), кн. 1—4.

Цѣна каждой книжки *1 р. 50 коп.*

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1911 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

Типографія Императорской Академіи Наукъ (Вас. Остр., 9 лин., № 12).

1351